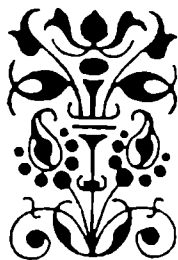

Протоиерей
Геннадий Фаст

ТОЛКОВАНИЕ
НА КНИГУ

Песнь Песней Соломона

«ЕНИСЕЙСКИЙ БЛАГОВЕСТ»
КРАСНОЯРСК
2000

ББК 86.37-21 (2 Рос-4 Кра)
Ф 26

Протоиерей Геннадий Фаст
Ф 26 Толкование на книгу Песнь Песней Соломона
Красноярск: Енисейский благовест, 2000. – 757 с., ил.

«Толкование на книгу Песнь Песней Соломона» протоиерея Геннадия Фаста — это экзегетико-патрологическая монография, включающая в себя большой и весьма разнообразный материал святоотеческих толкований на эту удивительную и загадочную книгу Библии, а также авторские исследования и толкования. Книга рассчитана на богословов, преподавателей и учащихся духовных академий и семинарий, на широкий круг читателей, желающих углубиться в святоотеческое толкование Священного Писания.

Перу Геннадия Фаста принадлежат изданные в Красноярске издательством «Енисейский благовест» книги: «Ты воскресни, птица Феникс!» (1992 г.), «Свет и тени Голгофы» (1993 г.), «Енисейск православный» (1994 г.), «Небесная лестница» (1994 г.), «Семь дней на Святой Земле» (1997 г.).

© Протоиерей Геннадий Фаст
© «Енисейский благовест», 2000

Диссертация на степень
кандидата богословия
по кафедре
Священного Писания
Ветхого Завета
Московской
Духовной Академии
в Сергиевом Посаде

БЛАГОДАРНОСТЬ

Сколь бы ни была самостоятельна работа человека, он никогда не делает дело один. Всегда есть рядом соучастники его труда. И я рад тому, что имею возможность выразить им свою признательность и благодарность.

Сыновне благодарю владыку своего архиепископа Красноярского и Енисейского Антония, благословившего мне написание этой работы.

Выражаю глубокую признательность профессору Московской Духовной Академии Константину Михайловичу Комарову, благосклонность, доброта и мудрые замечания которого сопутствовали мне на всех этапах моей работы.

В лице своего ученика и друга иеромонаха Арсения (Соколова) я имел неизменного советчика и помощника в сборе святоотеческого материала для книги. Иконописец, а ныне священник, Виталий Шумилов из г. Дубны оказал неоценимую помощь в поисках фресок по тематике Песни Песней. Псаломщиком Алексеем Зыряновым составлена славянская редакция написанного мною молебного канона Песнь Песней.

Во время всех моих письменных трудов меня укрепляет дружба и поддержка моих красноярских издателей из «Енисейского благовеста» — Игоря Миндалёва, Валентины Майстренко и Людмилы Винской. Низкий им поклон. Благодарю за помощь Валентину Челазнову, Антонину Пантелееву, всех, кто способствовал появлению книги на свет. А сердечному участию, теплу и терпению своей супруги — матушки Лидии — я и вовсе обязан всем.

Да благословит Господь благодетелей и жертвователей, благодаря материальной поддержке которых книга напечатана и увидит читателя.

Особая благодарность — генеральному директору АО «Новоенисейский ЛХК» Виктору Владимировичу Шелепкову. Благодаря его помощи появилась возможность издания этой монографии.

Когда никто еще не прочитал мой труд, и я был с ним один на один, произошло главное: прикосновение к тайнам Царствия Божия, прикосновение к божественной радости пира Каны Галилейской. И теперь я хочу поделиться вином этой радости с читателями книги.

Протоиерей Геннадий Фаст

ОТЗЫВЫ НА КАНДИДАТСКОЕ СОЧИНЕНИЕ ПРОТОИЕРЕЯ ГЕННАДИЯ ФАСТА «КНИГА ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА»

«Прежде всего, работа незаурядна. Об этом свидетельствует широкий диапазон раскрытия темы с использованием всего богатства святоотеческих творений, богословской мысли отечественных и зарубежных библеистов, иконописного, художественного наследия и даже авторского литургического творчества, проявленного в составлении молебного канона в честь Песни Песней.

...Благодаря святым отцам автор открыл для себя оригинальную систему толкования книги Песнь Песней. Он обратил внимание на то, что у святых отцов Церкви встречаются семь различных способов понимания книги Песнь Песней, совершенно не противоречащих, но взаимно дополняющих друг друга. Как пишет автор в своем труде: «Это не семь различных сторон единого целого, но семь способов прочтения книги, от самого поверхностного до самого глубинного, семь ступеней в познании тайн этой книги. Лучше всего это можно представить в виде Соломонова Иерусалимского храма». Именно по семизначной схеме Иерусалимского храма следует цикл толкований.

Автор решительно выступает в защиту православия, когда речь идет об искаженном понимании книги Песнь Песней со стороны библейской критики, допускающей «безблагодатное и неблагоговейное анатомирование книги», выступает против схоластического философского толкования, прокладывающего путь к рационализму и атеизму, против мистиков и всевозможных еретиков. Он убежден, что вне Церкви всякое учение скоро обращается в ересь и что ереси и их глашатаи должны быть обличены и изгнаны из виноградника Святой Церкви.

Данная работа является ценным вкладом в библейскую науку. Это своего рода энциклопедия по книге Песнь Песней».

*Константин Комаров,
профессор Московской Духовной Академии*

«Сочинение протоиерея Геннадия Фаста представляет собой редкую разработку экзегетики книги Песнь Песней на основе толкований святых отцов, раввинистических толкований и собственных выводов автора. В работе дан очень глубокий, исчерпывающий анализ текста книги, на протяжении всего сочинения прослеживается прекрасное знание автором Священного Писания, глубокое знание творений святых отцов, умение находить параллельные места не только по буквальному смыслу, но и по таинственному... Обращает на себя внимание собственное православное осмысление автором содержания Песни Песней и прекрасная эрудиция в церковных и светских вопросах...»

*Николай Диваков,
священник,
преподаватель Московской Духовной Академии*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	17
ЧАСТЬ I. ИСАГОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР	
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА.....	21
ГЛАВА 1. НАЗВАНИЕ КНИГИ И ЕЕ МЕСТО В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ.....	24
ГЛАВА 2. КАНОНИЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.....	29
ГЛАВА 3. СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА.....	39
3.1. Сопоставление содержания Соломоновых книг.....	39
3.2. Различные концепции книги Песнь Песней.....	41
3.3. Основание для таинственного понимания Песни Песней в Священном Писании.....	42
3.4. Ветхозаветное понимание книги Песнь Песней.....	44
Царь Соломон.....	44
Собиратели канона.....	44
Понимание книги Песнь Песней во времена Сираха..	45
Третья книга Ездры.....	46
Семьдесят два толковника, переводчики Септуагинты.....	46
3.5. Иудаистическое понимание книги Песнь Песней.....	47
Талмуд.....	47
Таргум халдейский.....	49
Мидраш.....	50
Толкование Саадия.....	51
Герменевтические еврейские школы в Германии, Франции и Испании (XI-XII вв.).....	52
Философское толкование.....	52
Иудейские мистики.....	53
Буквальное понимание.....	54
3.6. Христианское понимание книги Песнь Песней.....	55
3.7. Библейская критика о книге Песнь Песней.....	63

Буквальное понимание.....	64
Гипотеза фрагментов.....	64
Гипотеза типистов.....	72
Гипотеза чистой аллегии.....	74
Софиологическая гипотеза.....	74
Иероглифическо-таинственное значение.....	75
Гипотеза Тайяра-Олесницкого.....	75
3.8. Разбор аргументов против символического понимания книги Песнь Песней и церковное понимание книги.....	77
3.9. О разделении содержания книги.....	86
3.10. Сводная таблица различных концепций Песни Песней и ее представителей.....	86
ГЛАВА 4. ТЕКСТОЛОГИЯ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.....	93
4.1. Древние тексты книги Песнь Песней.....	93
4.2. Вопрос об изначальном тексте книги Песнь Песней.....	94
Масоретский текст.....	97
Септуагинта.....	98
4.3. Древние переводы книги Песнь Песней.....	100
4.4. Славянский и русский переводы книги Песнь Песней....	101
Славянский текст книги Песнь Песней.....	102
Русские переводы книги Песнь Песней.....	103
Переводы на русский язык с древнегреческого текста LXX.....	104
Переводы на русский язык с древнееврейского (масоретского) текста.....	103
Синодальный перевод.....	103
ЧАСТЬ II. ТОЛКОВАНИЕ (ЭКЗЕГЕЗИС) КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.....	107
I. ДВОР ЯЗЫЧНИКОВ. Прочтение первое — буквальное.....	113
II. ДВОР ИЗРАИЛЯ. Прочтение второе — ветхозаветное, или историко-мистическое.....	130
ГЛАВА 1.....	133

ГЛАВА 2.....	146
ГЛАВА 3.....	158
ГЛАВА 4.....	163
ГЛАВА 5.....	173
ГЛАВА 6.....	184
ГЛАВА 7.....	192
ГЛАВА 8.....	199
III. ДВОР СВЯЩЕННИКОВ. Прочтение третье — мессианско-экклезиологическое.....	207
IV. СВАТИЛИЩЕ. Прочтение четвертое — духовное-психологическое.....	207
ГЛАВА 1.....	210
ГЛАВА 2.....	254
ГЛАВА 3.....	296
ГЛАВА 4.....	319
ГЛАВА 5.....	356
ГЛАВА 6.....	406
ГЛАВА 7.....	426
ГЛАВА 8.....	446
V. СВЯТАЯ СВЯТЫХ. Прочтение пятое — духовно-аскетическое.....	467
1. Пролог к духовно-аскетическому прочтению книги Песнь Песней Соломона.....	468
Сочетание Христу.....	472
Происхождение девства. Христос-Перводевственник.....	475
О христианском девстве.....	481
Две красоты.....	482
Церковь — Дева Христова.....	485
Девство и брак.....	486
2. Духовно-аскетические истолковательные заметки к книге Песнь Песней Соломона.....	488
Мироизлиянное имя Христово — источник и причина девства (1.2).....	488
Зов любви. Не препятствуйте стремящимся к девству (1.1-3).....	489
Черна я, но красива (1.4).....	491

Искание Христа.....	493
Ответ ищущей Христа душе о том, где нет Христа и где Он есть.....	494
На горах бальзамических.....	496
В пустыне расцветшей.....	497
В таинственном лесу.....	497
В доме вина.....	498
Узнав о том, где обретается Жених, узнай, о девственная душа, образ взыскания Его.....	498
Ветер северный и южный.....	500
Ночное явление Христа-Жениха.....	501
Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне марать их?.....	502
О прикосновении Жениха (сквозь скважину).....	503
Искание Невестой ушедшего Жениха в ночном городе. Раны (язвы) любви.....	505
Невеста — голубица, шестьдесят цариц, восемьдесят наложниц и девиц без числа вокруг царя Соломона.....	508
Ореховый сад.....	511
Колесница Аминадава.....	513
Стена и башня.....	513
3. Эпилог к духовно-аскетическому прочтению книги Песнь Песней Соломона.....	514
Девство — жизнь будущего века.....	514
Девство побеждает злобу и нечистоту этого мира.....	516
Смерть побеждается девством.....	520
Праведная Евпраксия, княгиня Рязанская, сын ее Иоанн, и муж — благоверный князь Феодор Юрьевич.....	524
Песнь дев Христовых Жениху.....	526
VI. СВЯТОЙ КОВЧЕГ ЗАВЕТА. Прочтение шестое — мариологическое (богородичное).....	531
1. Жизнь Пречистой Девы — Невесты Христовой.....	531
Логос и Дева ищут друг друга.....	531

Рожество Пречистой Девы.....	533
Введение Пречистой Девы во храм.....	533
Благовещение. Дева сочетается Слову.....	534
Лилия между тернами.....	536
Непорочное зачатие и девственное рождение.....	536
Ева, Дева и райский сад.....	538
Богоматерь с Младенцем. Млекопитательница.....	540
Симеоново проречение.....	542
Бегство в Египет.....	542
Искание двенадцатилетнего Отрока.....	544
Кана Галилейская и Голгофа.....	546
Скорбный путь на Голгофу.....	548
Воскресение.....	550
На гору Елеонскую.....	552
Успение Пречистой Девы.	
Восхождение в небесную славу.....	552
Предстательница перед Богом.	
Живоносный Источник благодати.....	552
2. Образ Пречистой Девы, Невесты Христовой.....	554
Дщерь именитая.....	565
Образ стены и двери.....	565
VII. СКРИЖАЛИ ЗАВЕТА. Прочтение седьмое —	
христологическое.....	568
Святые отцы о браке Слова и Плоти.....	568
Учение святой Церкви о боговоплощении.....	570
Глава 1.....	573
Образ царя и возлюбленной Его.....	582
Глава 2.....	584
Закливание святой Песни Песней.....	587
Ночное искание Возлюбленного. Богоискание.....	591
Текст 3.1-4.....	593
Текст 5,2-8; 6,1-3.....	594
Тайны Гефсиманской ночи (5,2-5).....	594
Тайны Страшной Пятницы (5,6-8).....	596

Тайны Светлого Воскресения (6,1-3).....	597
Сад — Виноградник Соломона. Боговоплощение.....	598
Еще о боговоплощении (8,1-2).....	602
Сестра Моя, Невеста (8,8-10).....	604
День бракосочетания (3,7-11).....	605
Жених — божественный Логос, Слово пречечное (5,10-16)	606
Образ Невесты — пречистой плоти Христовой (4,1-5; 6,5-7; 7,2-10).....	610
Таков Жених — такова Невеста. Они воспевают Песнь Песней.....	617
Восходящая во славу.....	619
ЧАСТЬ III. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ К ТОЛКОВАНИЮ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА.....	621
ГЛАВА 1. ПУТЕВОДИТЕЛЬ К СВЯТООТЕЧЕСКИМ ТОЛКОВАНИЯМ НА КНИГУ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА.....	622
ГЛАВА 2. РУССКИЙ ТЕКСТ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ (УСПЕНСКОГО).....	632
ГЛАВА 3. РУССКИЙ ТЕКСТ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ (ГЛУХАРЕВА).....	642
ГЛАВА 4. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ДРЕВНИМ ТЕКСТАМ И РАЗЛИЧНЫМ ПЕРЕВОДАМ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.....	653
ГЛАВА 5. БОГОСЛУЖЕБНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.....	663
5.1. Молитвы с образами Христа и Церкви по Песни Песней.....	663
5.2. Богородичные молитвы.....	664
5.3. Суламифь — дева Христова.....	667
ГЛАВА 6. КНИГА ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В ИКОНОГРАФИИ.....	669
Тень и тело.....	669

Исторический обзор иконографии книги Песнь Песней.....	671
Описание и толкование сюжетов ярославско- костромских фресок по теме Песни Песней.....	682
Композиция первая. Царь Соломон.....	683
Композиция вторая. Цвет и Яблонь.....	688
Композиция третья. На ложи моем в нощех исках, егоже возлюбил душа моя.....	695
Композиция четвертая. Посла руку сквозе скважню.....	701
Композиция пятая. Христова голубица.....	706
Композиция шестая. Союз Христа и Церкви, или Христос и Суламифь, или На Ложе.....	713
ГЛАВА 7. КНИГА ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА В МУЗЫКАЛЬНОМ ЗВУЧАНИИ.....	720
ГЛАВА 8. КНИГА ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	723
ГЛАВА 9. МОЛЕБНЫЙ КАНОН ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.....	733
Русская редакция.....	733
Церковнославянская редакция.....	741
БИБЛИОГРАФИЯ.....	749

*Возвеселится пустыня и сухая земля,
и возрадуется страна необитаемая
и расцветет как нарцисс; великолепно
будет цвести и радоваться...*

Ис. 35,1-2.

Я Нарцисс Саронский, Лилия долин.

Песн. 2,1

Мне ведом цветок чудесный
Меж тайных дебрей и скал,
Но тот лишь его отыщет,
Кто хорошо искал.

Сладко веет в долине
И светит в чаще он;
Больной его увидит —
И будет исцелён.

Откуда слава солнца
Явлена в небесах?
Что это вечером рдеет
На скалах и в облаках?

И дрожь волны озерной
Луной осребрена —
На небе наша отчизна,
Меж тихих звезд она.

Пришли цари с востока
К святыне путь их вёл,
И встала звезда над домом,
Где тот цветок процвёл.

Я вижу, я вижу сиянье
Младенческих очей, —
Когда бы цветок блаженный
Ожил в груди моей.

Ф. Рунге

Перевод с немецкого С. Аверинцева

Пусть благосклонный читатель предлагаемого труда воспримет это стихотворение как исповедь автора. От раннего детства он знал об этом Цветке. От отроческих лет он его искал. Были дебри и скалы, были долины и тихие вечера, были озерные воды и лунная ночь. Но на всех путях «к святыне путь его вел». «Ибо Ты создал нас для Себя (Господи), и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» [бл. Августин, «Исповедь»]. Вожденный Христос, Небесный Цветок, прозябший в долине земной, «рдеющий на скалах и в облаках» — Тебя ищет душа!

В юности автор был поражен рассказом В. Солоухина о девочке, заблудившейся в горах. Она увидела издали приближающегося человека и весьма испугалась. Но когда тот приблизился, то успокоенно осветилось ее лицо. Она увидела в руках его цветы, а имеющий в руках цветы причинить зла не может.

Воистину, когда бы сей Цветок блаженный «ожил в груди моей», тогда зло стало бы невозможным.

Земля, земля — природа наша. Земля и камни. Но пусть прорастет на ней Нарцисс Сарона, Божественный Цвет!

Предлагаемая книга ведет через долины и скалы истории и текстологии, экзегетики и творений святых отцов, через лунную ночь и тихие звезды молитвенных созерцаний к Цветку, блаженному Цветку — Христу. Чтоб ожил Он в груди.

А имеющий в руках цветы причинить зла не может.

Настоящий труд распадается на три части: исагогический обзор, собственно толкование книги Песнь Песней и некоторые дополнительные главы. Исагогический обзор можно уподобить рамке, заключающей в себе картину толкования. Ценность и значение заключаются, естественно, в самой картине. Но и картина без рамы бывает незавершена.

Роль автора в различных частях книги различна — от реферативного обзора до самостоятельных толкований, от систематизации святоотеческих толкований до собственных молитвенных созерцаний и размышлений о сокровенных тайнах божественной Песни Песней.

Что от Бога — пусть останется, а что от человеков — и само разрушится (Деян. 5,38-39).

В первой части нашей работы дается историко-исагогическое введение в книгу Песнь Песней. Дается реферативный обзор имеющихся в богословской литературе сведений о названии книги и ее месте в Священном Писании, о ее каноническом достоинстве, содержании и различных концепциях ее понимания и восприятия. Опровергаются аргументы и мнения библейской критики с точки зрения православной библеистики. Дается обзор и систематизация святоотеческих толкований на Песнь Песней. Приводится реферативный текстологический анализ книги. Обосновывается мысль о наибольшем соответствии изначальному тексту перевода семидесяти толковников (Септуагинты).

Вторую и основную часть предлагаемого труда составляет экзегезис (толкование) книги Песнь Песней. Приводится семь святоотеческих толкований или прочтений книги.

В первом, буквальном, прочтении раскрывается значение упоминаемых в Песни Песней образов и понятий. Составлена как бы энциклопедия по Песни Песней.

Во втором, ветхозаветном, прочтении приводится история Ветхого Израиля в изложении Песни Песней. Это христианское изложение предмета. Но наряду с творениями святых отцов привлекаются и иудейские источники. Приводится толкование всего текста по главам и стихам.

Мессианско-экклесиологическое и духовно-психологическое толкования приведены нераздельно и составляют основную и главную часть книги, как по значению, так и по объему. Приводятся святоотеческие толкования всего текста по главам и стихам. Роль автора — в собирании всего этого материала и его систематизации.

В толковании духовно-аскетическом раскрывается на основе Песни Песней, толкований святых отцов и житий святых учение о христианском девстве.

В богородичном толковании приводится соответствующее святоотеческое разумение как основа, а также дается и авторское толкование. На основании текста Песни Песней изображены житие Пресвятой Богородицы и Ее дивный образ.

В христологическом толковании приведены изречения святых отцов, дающие основание к такому разумению, и приводится авторское толкование текста и образов Песни Песней как гимна любви Слова и Плоти во Христе.

В третьей части приводятся дополнительные главы к толкованию книги Песнь Песней Соломона.

Составлен путеводитель святоотеческого наследия по тематике Песни Песней. Читатель может легко найти на любую главу и стих книги перечень святых отцов и указание на их творения, где приводится толкование соответствующего текста. Указаны все места в Добротолюбии [перевод св. Феофана Затворника], где толкуются тексты из Песни Песней.

Приведены малоизвестные переводы книги Песнь Песней на русский язык епископа Порфирия (Успенского) и архимандрита Макария (Глухарева).

Составлены текстологические заметки к древним текстам и различным переводам книги Песнь Песней.

Приводится иконографическое раскрытие книги Песнь Песней. После реферативного обзора иконографии книги дается самостоятельное исследование автором ярославско-костромских фресок на тему Песни Песней.

Приведены некоторые музыкальные переложения Песни Песней.

Дается обзор раскрытия темы Песни Песней в русской литературе.

Приведен молебный канон Песнь Песней, составленный автором.

В заключение прилагается подробная библиография о книге Песнь Песней.

Автор стремился к тому, чтобы приведенные толкования и иконографическое рассмотрение были цельны и завершены каждое само по себе. Это неизбежно привело к некоторым повторам в различных частях книги, в чем он и просит у читателя снисхождения и прощения.

Все необходимые цитаты и тексты приведены в книге так, что, читая ее, нет необходимости иметь под рукой какие-либо источники. Цитаты приводятся весьма подробно, даже если одна из них частично повторяет другую. Таким образом читатель имеет возможность ознакомиться не только с толкованием (экзегезой) книги, но и с соответствующими текстами творений святых отцов. Труду нашему мы стремились придать значение не только исагогико-экзегетическое, но и патрологическое.

Православное толкование Священного Писания автор видит в первую очередь как изложение святоотеческих творений, разъясняющих соответствующие тексты книги (стык экзегетики и патрологии), равно как и раскрытие определенных догматов или богословских тем на основании изучаемой книги (стык экзегетики и догматики).

Отметим и то, что в цитируемых текстах сохранено правописание источников, не всегда совпадающее с нынешним. Это позволило избежать возможных изменений или даже искажений текста, а также оставило неприкосновенным то благозвучие языка, которое имелось в цитируемых источниках.

**ИСАГОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР
КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ
СОЛОМОНА**

Прежде чем приступить к основной части нашего труда, толкованию книги Песнь Песней, необходимо сделать историко-исагогический обзор ее. Об этом существуют довольно обстоятельные исследования как в западной, так и в отечественной литературе. Западные авторы (см. работы [94]-[145]) отдают предпочтение историческому изучению книги, на основании которого и строят свои толкования. Хотя нередко бывает и наоборот, когда их понимание книги и отношение к Священному Писанию определяют направления историко-исагогических исследований и способ аргументации отстаиваемых ими положений. В нашей отечественной литературе необходимо среди многих исследователей книги Песнь Песней отметить труды архиепископа Феофана (Прокоповича) [82], А. Глаголева [70], П. Юнгера [92], И. С. Якимова [93] и монографию профессора А. А. Олесницкого «Книга Песнь Песней и ее новейшие критики» [74]. Последняя работа не только не уступает, но во многом и превосходит труды западных ученых. И. С. Якимов рассматривает в своей работе «О происхождении книги Песнь Песней» в основном вопрос содержания книги, отстаивая ее единство и аллегорическое понимание. А. А. Олесницкий излагает подробно вопрос о каноническом достоинстве книги, текстологию и дает основательнейший обзор и разбор всех существовавших за три тысячелетия концепций книги, предлагая в конце и свою собственную.

Святые отцы Церкви вопросами исагогики почти не занимались. Их облагодатствованный Духом Божиим разум главным образом постигал тайны Божественного откровения. Научное же препарирование Библии как книги было им чуждо. Однако, учитывая слова святого апостола Петра: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с

кротостию и благоговением» (1 Пет. 3,15), в наше время необходимо подробно рассматривать эти вопросы, чтобы противостоять крайним взглядам библейской критики и тем веяниям модернистского богословия, которые проникают и в нашу святую Православную Церковь. К тому же исagogические знания о библейской книге помогают лучше освоить и ее содержание. Отдельное место в работе занимают вопросы текстологии книги Песнь Песней, которыми занимались как святые отцы в древности, так и ученые-библеисты последних веков.

ГЛАВА 1

НАЗВАНИЕ КНИГИ И ЕЕ МЕСТО В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Название книги в еврейском подлиннике:

שִׁיר הַשִּׁירִים אֲשֶׁר לְשֹׁלֹמֹה (Шир га-Ширим ашер ли-Шломо) означает **Песнь Песней Соломона**, или точнее, как переводит архимандрит Макарий (Глухарев) [6], «Песнь Песней, которая есть Соломонова». В греческом переводе LXX эта книга названа Ὑμνα ᾠμάτων, ὃ ἐστὶν τῷ Σαλωμῶν, что в переводе епископа Порфирия (Успенского) означает «Песнь Песней, что Соломону» [7]. Как в еврейском, так и в греческом тексте название книги составляет первый стих первой главы, то есть начальные слова книги. Вульгата же, как и славянский и русский переводы, выносит название особо, и оно не входит в состав первой главы. Вульгата именует книгу **Canticum Canticorum**, то есть Песнь Песней — как прекраснейшая или превосходнейшая песнь, которая принадлежит Соломону или написана Соломоном.

Это название книги не может пониматься в таком смысле, который позднее высказывали:

1. Некоторые раввины (например, Абен-Езра, Кимхи), которые, нарушая грамматику, переводили название книги как «Песнь из Песней Соломона». То есть это якобы одна из тех 1005 песней, составленных Соломоном (3 Цар. 4,32).

2. В новое уже время ряд исследователей (Клейкер, Павлюс и особенно Депке и Магнус) объясняли название как песнь, составленную из ряда песней Соломона. Таким образом они отрицали единство книги Песнь Песней и считали ее составленной из фрагментов. О единстве книги Песнь Песней будет подробное рассмотрение в гл. 3.7 при разборе гипотезы фрагментов.

Мы же принимаем название книги именно как совершеннейшую, превосходнейшую песнь, ибо так понимали его и святые отцы Церкви, и древняя синагога. Кстати, своеобразно и удачно выразил эту мысль Лютер в своем немецком переводе Биб-

лии словом «Das Hohelied», что означает «Высокая песнь». Название Песнь Песней соответствует другим библейским выражениям, когда через повторение слова достигалась превосходная степень, например «раб рабов» (Быт. 9,25), «Святое Святых» (Исх. 26,33), «небо небес» (3 Цар. 8,27), «суета сует» (Еккл. 1,2), «Царь царей» (Откр. 17,14).

Именно так понимает название книги равви Акиба в Талмуде: «Ибо все книги — святое, а Песнь Песней — святое свя-
тых» (Тр. Ядаим, гл. III, 5).

Как песня выделяется среди обычной речи, так Песнь Песней является из всех песней главной.

Глубокий смысл придавали этому названию и святые отцы. Вот как об этом пишет первый христианский толкователь этой святой книги Ориген*: «Как мы узнали чрез Моисея, что есть не только Святое, но и Святое Святых, и что есть не только суббота, но и суббота суббот: так ныне мы узнаем через Соломона, что существуют не только песни, но и песни песней. Блажен, конечно тот, кто входит во Святое, но еще блаженнее тот, кто входит во Святое Святых. Блажен празднующий субботу, но еще блаженнее празднующий субботу суббот. Блажен, подобным образом, и тот, кто понимает и поет песни, ибо никто не поет песней иначе, как только во время торжеств; но гораздо блаженнее тот, кто поет Песнь Песней. И как входящий во Святое, нуждается еще во многом, чтобы быть достойным войти во Свя-
тая Святых, и как празднующий субботу, которая от Господа установлена для народа, имеет нужду еще во многом, чтобы праздновать субботу суббот: подобным образом с трудом обретается такой, кто, прошедши все песни, содержащиеся в Писании, был бы в состоянии возвыситься до Песни Песней. Тебе должно выйти из Египта и, по выходе из земли Египетской, перейти Чермное море, чтобы ты мог воспеть первую песнь, говоря: «Поим Господеви славно бо прославися» (Исх. 15,1). Но хотя бы ты и воспел первую песнь, ты еще далеко отстоишь от Песни Песней. Пройди духом пустыню, пока не придешь к кладезю, который ископали цари (Чис. 21), чтобы там воспеть вто-

* Мы помним, что Ориген, осужденный святой Церковью за «оригенизм», не является святым отцом. Но нам еще не раз придется ссылаться на него, так как он первый дал христианское толкование книги Песнь Песней, которое легло в основу всех последующих святоотеческих толкований. Сами святые отцы пользовались его трудами и основывались часто на них. Таков уж «парадокс Оригена»! В дальнейшем будем цитировать его наряду со святыми отцами, не оговаривая каждый раз этого особо.

рую песнь. После сего иди к пределам Святой Земли, чтобы став на берегу Иордана, воспеть песнь Моисея, говоря: «вонми небо и возглаголю, и да слышит земля глаголы уст моих» (Втор. 32,1). Потом необходимо, чтобы ты воинствовал под начальством Иисуса и получил в наследие Святую землю и чтобы пчела тебе пророчествовала и пчела тебя судила, (слово «Девора» значит «пчела»), для того, чтобы ты мог усвоить себе и ту песнь, которая содержится в книге Судей (Суд. гл. 5). Достигнув по порядку книги Царств, приступи к Песни, которую воспел Давид, когда избавился от руки всех врагов своих и от руки Саула и сказал: «Господь утверждение мое, и крепость моя, и прибежище мое, и избавитель мой» (Пс. 17,1). Затем тебе следует перейти к пророку Исаии, чтобы вместе с ним воспеть: «воспою песнь возлюбленному о винограднике моем» (Ис. 5,1). И когда ты пройдешь все это, тогда уже взойди к более возвышенному, чтобы с душою украшенною, тебе можно было воспеть вместе с женихом и эту Песнь Песней» [30].

Оригену вторит и блаженный Феодорит Кирский, который, перечислив все прежние песни, воспетые Израилем, говорит: «Вот почему сия книга Песнь Песней нарицается, понеже прочая песнословия для сей песни сочинены и к сей содержание свое направляют: сия бо песнь есть глава всех благих... И так Песню Песней книга сия нарицается потому, что самые величайшие Божией благодати роды нам описует, и сокровеннейшая и непостижимая и святых святейшая Божией к нам любви таинства открывает» [45].

Подобным образом раскрывает значение наименования этой книги и святой Афанасий Великий: «Песнь Песней называется она потому, что следует после других песней, и что после сей песни нельзя ожидать другой песни. Говоря о другой песни, я разумею не книгу, но то, что содержится в книге». Приводя ветхозаветных пророков, св. Афанасий указывает: «Все сии пророчества суть песни, а Песнь Песней как бы уже не пророчествует или предсказывает, но показывая Того, о Котором другие предвозвещали, как бы уже пришедшим и принявшим плоть человеческую. Посему Песнь Песней воспеваема как-бы брачную песнь на бракосочетание Слова с плотию... И опять, каким образом, после того, как Иоанн указал на Агнца, закон и пророки престали, простиравшись только до Иоанна: так воспетое в Песни Песней есть конец всего того, что возвещается во всем

Божественном Писании. Ибо чего другого ожидать должно по пришествии Христовом, кроме суда и воздаяния?.. Итак это есть Песнь Песней, потому что после того, что в ней воспето, не должно ожидать ничего другого. И, как в законе было святое, и за святым — Святое Святых, а за Святым Святых уже не было внутреннейшего места; так после песней есть еще Песнь Песней, а после Песни Песней уже не должно ожидать внутреннейшего и новейшего обетования» [20]. Итак, до второго пришествия Христова Песнь Песней есть последнее и высшее откровение Божие людям, глубочайшая и сокровеннейшая тайна, или лучше — тайна тайн!

Интересную мысль высказывает относительно второй части наименования книги «Песнь Песней Соломона» блаженный Иероним Стридонский. Сравнивая названия трех Соломоновых книг, он замечает: «Притом — и это особенно тщательно следует заметить — и надписание каждой из трех книг писателя различно. В Притчах поставлено: «Притчи Соломона, сына Давидова, царя Израилева; в Екклесиасте «Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме (слово «Израилева», неправильно стоящее в греческом и латинском кодексах, здесь излишне); а в... Песни Песней Соломон не обозначается ни сыном Давидовым, ни царем Израилевым, или в Иерусалиме, здесь стоит только: Песнь Песней Соломона» [30]. Далее блаженный Иероним замечает, что если Притчи и первоначальное наставление относится к двенадцати коленам и ко всему Израилю, если презрение мира особенно уместно для жителей столицы, то есть Иерусалима, (имеется в виду учение о суетности всех земных благ в Екклесиасте, так необходимое привязанным к этим благам и гордящимся ими жителям столицы. — Г.Ф.); то Песнь Песней собственно обращается к тем, которые стремятся только к горнему. Для начинающих и совершенствующихся справедливо выставляются Соломоном и достоинство отца, и собственный царский авторитет, а для совершенных, там, где ученик вразумляется не страхом, а любовью, там достаточно собственного имени, учитель равен и не выставляет себя царем.

Интересную интерпретацию наименования книги Песнь Песней дает древний сирский перевод Пешито, где книга имеет надписание *Chechmeto de-chechmoto*, что значит «Премудрость премудростей». Такое название свидетельствует о божественно-возвышенном, софийном (премудром) содержании книги. Сирийс-

кий переводчик явно не считал эту Песнь одною из песней Соломона, или составленною из нескольких его песней. Он отметил не литературную форму (песнь), а внутреннее содержание (премудрость).

Место книги Песнь Песней Соломона в Библии

В еврейской Библии книга «Песнь Песней» расположена в третьей части священных книг* — среди агиографов** (кетубим).

В LXX, Вульгате, а также в славянской и русской Библии книга «Песнь Песней» расположена среди учительных книг после двух других книг царя Соломона — «Притчей» и «Екклесиаста» и перед его же неканонической книгой «Премудрости Соломона». На этом месте помещают книгу Мелитон, Ориген и Талмуд.

В изданиях пяти мегилл при книгах Моисея, Песнь Песней стоит на первом месте между мегиллами в немецких рукописях, а в испанских — на втором, после книги Руфь.

* Еврейская Библия делится на Закон, Пророков и Агиографов.

** Агиографы: Псалтирь, Притчи, Иов, Песнь Песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст, Есфирь, Даниил, Ездра, Неемия, Паралипоменон.

ГЛАВА 2

КАНОНИЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

В учебниках и пособиях по исагогике обычно рассматривается наименование книги, ее автор, место и время написания, цель написания, форма, литературные и языковые особенности, содержание книги, основные богословские и духовные темы книги, достоверность книги, каноничность, первоначальный текст и переводы, богослужбное употребление. Все это в работе будет затронуто, однако не по «школьной схеме», а в том порядке, как возникают вопросы по этой книге при ее научном изучении. «Школьная схема» заставила бы нас прибегнуть к некоторой искусственности и явной нагроможденности материала, при частых и ненужных повторях.

Итак, исагогика в отношении книги «Песнь Песней» ставит перед нами три основных вопроса.

Первый вопрос: когда книга вошла в канон Священного Писания и почему? Кто ее автор? Каково значение этой книги? Каково ее богослужбное употребление?

Второй вопрос: каков смысл этой книги и в чем значение ее содержания? Здесь необходимо рассмотреть различные концепции понимания этой книги в плане их духовного и исторического развития в Ветхом Завете, позднейшем иудаизме, христианстве и в исагогической науке последних веков.

Третий вопрос: проблема Urtext'a, то есть определения первоначального текста оригинала. С этим вопросом связано рассмотрение переводов книги, ее еврейского текста и текстологический анализ имеющихся текстов.

Вот таковы вопросы, которыми надлежит заняться в первой части предлагаемой работы.

При рассмотрении всех этих вопросов мы будем исходить не только из данных исторической и словесных наук, но и из живого Предания, хранимого во святой Церкви. Библейская критика часто опровергает Предание, хотя сама исходит из гораздо мень-

шего и порою непроверенного материала, чем то живое Предание, которое складывалось на основе изучаемых фактов. Скрупулезный ученый А. А. Олесницкий прекрасно замечает: «Кроме новейшей истории, Песнь Песней имеет еще свою древнюю историю, в которой решены ясно и просто, путем предания, почти все вопросы, над которыми трудится новейшая критика» [74, стр. 371].

Итак, первый вопрос о каноническом достоинстве книги Песнь Песней Соломона.

О достоинстве книги Песнь Песней говорит уже то, что ее автором был знаменитый царь Израильский Соломон, являвшийся автором и других богодухновенных книг (Притчей, Екклесиаста и некоторых псалмов). Об авторстве Соломона говорит уже само название книги «Песнь Песней Соломона», или еще яснее в переводе архимандрита Макария «Песнь Песней, которая есть Соломонова». Авторство Соломона всегда признавала иудейская синагога и христианская Церковь.

Соломона называет автором книги ортодоксальное иудейское предание, записанное в Талмуде (Baba Batra, fol. 14,2). Таргум халдейский (составлен после Талмуда, то есть после V в. по Р.Х.) перефразирует название книги таким образом: «Песни и похвала, которые произнес Соломон пророк царь Израильский по вдохновению Духа Святаго пред Господом и Владыкою всего мира». Здесь, кстати, указывается не только на авторство Соломона, но и на богодухновенность книги.

О принадлежности книги царю Соломону свидетельствует в своем «Синописе» святой Афанасий Великий: «И сия книга есть сочинение Соломона, как выше показано». Это же утверждают и все святые отцы.

Теперь надлежит устранить некоторые возражения, которые вроде бы препятствуют считать автором книги «Песнь Песней» Соломона.

Ряд западных исследователей Eichhorn [98], Umbreit [97], Rosenmuller, Kaiser [99], Hartmann [101], Magnus [107] и другие отмечают наличие многих арамеизмов в языке книги, значит она могла быть написана только после вавилонского плена (VI в. до Р.Х.), когда иудеи переняли у халдеев арамейскую речь, следовательно автором книги не мог быть Соломон. Эти же исследователи считают, что не только по языку, но и по идейному содержанию книга могла появиться только после освобождения от вавилонского плена.

На эти возражения против авторства Соломона справедливо замечает Гэверник [93, стр. 499], что в книге присутствуют отдельные арамейские слова, но не словосочетания, не словесные выражения, а это еще не доказывает, что книга была написана во времена, когда евреями был усвоен арамейский язык. Автор Песни Песней вполне мог жить до того времени, когда иудеями был усвоен арамейский язык. Даже такой знаток еврейского языка, как Эвальд, отрицавший, кстати, авторство Соломона, тем не менее считал книгу написанной ранее вавилонского плена. Отдельные арамейские слова, вкрапленные в еврейскую речь, вообще составляют особенность древнееврейской поэтической речи. Так, арамейские слова встречаются в книге Иова, Притчах и даже в песне Деворы (книга Судей Израилевых). Это объясняется контактами Израиля с Финикией и Сирией. Для сравнения можно привести наш русский язык, в котором встречаются многие слова татарского происхождения, но отсутствуют татарские фразы. Это свидетельствует о том, что русские имели контакты с татарами, но их языком не владели и не употребляли татарскую речь. Так и здесь. В отличие от книг, написанных до вавилонского плена, где присутствуют только отдельные арамейские слова, в книгах периода плена и более поздних присутствуют даже целые отрывки на арамейском языке (Дан. 2,4-7,28). А то, что во времена Давида-Соломона контакты с Финикией и Сирией были, это общеизвестно. Давид имел сношения с финикийским царем, доставляя с ливанских гор материал для строительства храма. Он же покорил значительную часть Сирии. При Соломоне, во время строительства храма, сношения с Финикией еще более усилились, не прекращались они и с Сирией. И так как центром этих сношений в Палестине был Иерусалим, то и Соломон и жители Иерусалима, конечно же, знали различные слова арамейского происхождения. Так что и Соломон, как автор книги, мог знать и употреблять эти слова, и жители Иерусалима, как его читатели, могли их понимать.

Если же обратиться к свидетельству самой книги о себе, к ее содержанию, то она явно свидетельствует в пользу авторства Соломона.

— Во-первых, на это указывает название книги, о чем ранее уже было сказано.

— В ст. 1,5 говорится о **завесах Соломона**, а они едва ли могли быть после Соломона.

— В ст. 3,7 и далее говорится о брачной процессии Соломона, причем описывает ее явно свидетель этой процессии.

— То, что говорится о **башне Давидовой** (4,4) и о **винограднике Соломона в Ваал-Гамоне** (8,11) и условиях, на которых он был отдан на хранение (ст. 12), явно могло быть известным именно жителям Иерусалима и владельцу виноградника. По крайней мере, невероятно, чтобы такие подробности были известны людям, жившим гораздо позднее Соломона.

Нелишне заметить, что вся книга свидетельствует о великолепном знании и любви ее автора к природе Святой Земли, ее ландшафту, растениям, животным. А это вполне созвучно с тем, что мы знаем о Соломоне: «И говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах» (3 Цар. 4,33).

— В Песни Песней упомянут **נָרְדַּם** нард (1,12; 4,13.14). Это слово санскритское и указывает на траву, растущую в Индии на Гималайских горах. Известно, что корабль Соломона с корабельщиками Хирама Финикийского из Ецион-Гавера отправлялся за золотом в Офир (Индию) (3 Цар. 9,26-28). Золото было доставлено (ср. Пс. 44,10). Это было скорее всего первое знакомство евреев с Индией. Тогда могли привезти и нард. Уже в последние годы Соломона Идумея отделилась от его царства и путь к Ецион-Гаверу из Иерусалима перестал быть свободным для евреев. Впоследствии, когда царь Иосафат поразил идумеян (обитателей горы Сеира), он построил было корабли в Ецион-Гавере, но они были разбиты бурей (2 Пар. 20,35-37). Так что связи с Индией у Израиля больше не было. Итак, упоминание нарда явно указывает на времена Соломона.

— Можно, конечно, возразить, что израильтяне, познакомившись с нардом при Соломоне, знали его и потом. К этому можно добавить, что целый ряд естественно-исторических наименований впервые упомянут в книге Песнь Песней, а потом уже появляется в более поздних книгах Священного Писания.

Впервые

Позже

Барс, леопард	Песн. 4,8	Ос. 13,7; Ис. 11,6; Авв. 1,8; Иер. 5,6; 13,23
Кипарис	Песн. 1,17	3 Цар. 5,8.10; 6,15.34; 9,11
Нарцисс	Песн. 2,1	Ис. 35,1
Лилия	Песн. 2,1	Ос. 14,6; 2 Пар. 4,5

Эти слова в позднейших книгах встречаются по одному, по два раза, а в самых ранних их нет вообще. В Песни Песней же они, появившись впервые, присутствуют все сразу.

Это, конечно, не является строгим доказательством, но весьма соответствует тому, что книга появилась именно во времена Соломона, и именно им, знавшим все эти растения и всех животных, написана.

— В ст. 6,4 упомянуты **Фирца** и **Иерусалим**. Фирца была городом, в котором жили израильские цари (северного десятиколенного царства) вплоть до построения Амрием Самарии. Некоторые критики говорят, что раз упомянуты Фирца и Иерусалим, значит книга написана после Соломона в период разделенного царства, когда эти два города были соответственно столицами.

На это мы возразим, что не надо отклоняться от текста книги. Фирца и Иерусалим упомянуты в данном случае не как столицы, а как символы красоты и любезности (приятности): **Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим**. Если бы речь шла о разделенном царстве и Фирце как столице десятиколенного царства, то приведенные слова Песни едва ли были бы сказаны. Иерусалим и иудеи не благоволили к Фирце как столице отпавших колен Израилевых. Столице Фирце Иерусалим также не был ни любезен, ни приятен. Так что, если уж вспомнить, что эти города стали потом враждующими столицами, то как раз, наоборот, надо предполагать, что книга была написана до начала их вражды, то есть до разделения, а значит при Соломоне. Приведенный выше текст упоминает о Фирце не как о столице, а как о символе красоты. Фирца действительно была известна как очень красивый город, и была таковой уже во времена Соломона. Об этом свидетельствует само название города «Фирца», что означает «благоволение». Красота местности и города вызывала восхищение людей. И не случайно потом израильские цари именно там расположили свою резиденцию.

Что же касается мнения некоторых критиков, например, Кенига [70, стр. 46], что книга Песнь Песней по своему идейному содержанию, то есть взгляду на женщину, могла быть написана после вавилонского периода, то оно не имеет никакого основания и является праздным вымыслом библейских критиков. Во-первых, книга Песнь Песней является богодухновенной и отражает откровение Божие, а не взгляд общества на женщину. Как любят отступники от Бога и Церкви (особенно в Европе) заниматься «взглядом на женщину» и по нему определять уровень развития

общества! Во-вторых, едва ли можно говорить о существенном изменении взгляда на женщину в Израиле в период времени от Моисея до Христа.

О Соломоне, авторе Песни Песней, Мидраш передает нам такое предание: «Когда Иегова предложил Соломону выбрать для себя наиболее желательный дар, то Соломон так рассудил с собою: если я изберу военное могущество, то с ним одним я и останусь; если я изберу богатство — оно одно и будет со мною; нет, я лучше изберу дочь Божию, вместе с которой все остальное приложится мне. И выбрал мудрость» (Schir ha-schirim rabba, pag. 3). О премудрости Божией, дочери Божией, говорит Соломон: «Я полюбил ее и взыскал от юности моей, и пожелал взять ее в невесту себе, и стал любителем красоты ее» (Прем. 8,2). Премудрость Божия — вот невеста юного Соломона. Здесь ключ к разумению тайны Песни Песней. Не случайно и Пешито переводит заглавие: «Премудрость Премудростей». Для Соломона «Песнь Песней» — это великая тайна, машал, или притча, о Божественном сочетании и браке. О Премудрости, Божественной Софии, Соломон говорит «что (она) имеет сожитие с Богом, и Владыка всех возлюбил ее; она таинница ума Божия и избирательница дел Его» (Прем. 8,3-4).

Нет причин сомневаться в том, что уже со времен Соломона эта книга воспринималась и употреблялась как священная и богодухновенная. Канонизация книги состоялась при благочестивом иудейском царе Езекии (716-687 гг.). Об этом свидетельствует древнее иудейское предание, записанное в Талмуде (Baba batra, fol. 14,2), где сказано, что книга Песнь Песней, написанная Соломоном, «была собрана и издана царем Езекиею и его коллегиями». Царем Езекией, согласно Преданию, были собраны книги пророка Исаии, Притчи и Екклесиаст. В Книге Притчей (гл. 25,1) упомянуто, что мужи Езекии собрали Притчи Соломона. Со времен царя Езекии упомянутые книги навсегда оставались каноническими. И, наоборот, Езекия устранил из канона некую врачебную книгу [74, стр. 372], которая больше не восстанавливалась в каноническом достоинстве и была потеряна. Позднейшие еврейские учителя, как например Исаак Арама, Иосиф Хайюна (XV в.), называют Езекию редактором книги, а Соломона ее автором.

При утверждении канона ветхозаветных книг Ездрой (V в. до Р.Х.) Песнь Песней, естественно, включалась в канон, и тем самым утверждалась в своем каноническом достоинстве.

Следует отметить, что воспевание любви и красоты человеческого тела в те времена в сознании людей вызывало недоумение и даже сомнение в каноничности книги Песнь Песней. Однако подобные сомнения были окончательно устранены Великой синагогой около 400 г. до Р.Х. при Неемии тем, что тогда было дано толкование книги и она была откорректирована. О последнем см. гл. 4.2. нашего труда. Об этом так сказано в раввинском трактате «Главы раби Нафана» в первой главе: «Сначала некоторые думали, что Притчи, Песнь Песней и Екклесиаст суть апокрифы (*genusim*), потому что они говорят притчами (аллегорически), и что они не принадлежат к числу священных книг (*kethubim*). И считали их тайными (*genusim*), пока мужи Великой синагоги пришли и изъяснили их» [93, стр. 492]. Это деяние Великой синагоги при Неемии так описывается в самой Библии: «Повествуется также в записях и памятных книгах Неемии, как он, составляя библиотеку, собрал сказания о царях и пророках и о Давиде и письма царей о священных приношениях. Подобным образом и Иуда затерянное, по случаю бывшей у нас войны, все собрал, и оно есть у нас» (2 Мак. 2,13-14).

Теперь надлежит привести главное свидетельство Талмуда о каноническом достоинстве книги Песнь Песней: «Все священные Писания оскверняют руки. Песнь Песней и Екклесиаст оскверняют руки, а относительно Екклесиаста разногласие; р. Иосе говорит: Екклесиаст не оскверняет рук, а относительно Песни Песней разногласие; р. Симон говорит: Екклесиаст принадлежит к облегчениям школы Шаммая и отягчениям школы Гиллея (то есть по школе Шаммая не оскверняет). Сказал р. Симон сын Аззая: Я имею предание из уст 72 старцев, находившихся в день, когда посадили р. Элеазара, сына Азарии, главою школы, что Песнь Песней и Екклесиаст оскверняют руки. Сказал р. Акиба: Избави Боже! Никогда никто в Израиле не спорил против того, что Песнь Песней оскверняет руки, ибо весь мир не стоит того дня, в который дана была Израилю Песнь Песней, ибо все книги (агиографы) — святое, а Песнь Песней — святое святых; если же расходились, то расходились только о Екклесиасте. Сказал р. Иоанн, сын Иисуса, сын тестя р. Акибы: как сказал бен-Аззай, так спор и решили» (трактат Ядаим, гл. III, #5). Тосефта здесь же еще дополняет Мишну: «Р. Симон, сын Манасии, говорит: Песнь Песней оскверняет руки, потому что она сказана Духом Святым». Здесь говорится, как о каноничности книги «Песнь Песней», так

и о величайшем ее достоинстве. Такой крупнейший авторитет талмудического иудаизма, как равви Акиба, заявляет, что весь мир не стоит того дня, когда Бог дал Израилю эту книгу, что по сравнению с другими священными книгами (агиографами) она, что святое святых перед святым!

Что касается странного талмудического термина об «осквернении рук» священными книгами и неосквернении их несвященными, то этому есть различные объяснения. А. Олесницкий считает, что это относится не к содержанию текстов, а способу их хранения [74, стр. 378-385]. Вдаваться в подробности этого вопроса не входит в задачу нашей работы.

Существует мнение в библейской критике (Гретц), что в ветхозаветные времена были канонизированы только Тора и Пророки, а агиографы были канонизированы значительно позднее ок. 65 г. по Р.Х. во время иудейского восстания против римлян, школою шаммаитов и галлелитов и на иудейском соборе в Иамнии ок. 90 г. по Р.Х., когда 72-мя старейшинами был низложен князь (или патриарх) Гамалиил II. А если так, то не только канонизация, но и происхождение агиографов значительно отодвигается от библейских времен. Канонизацию, и то только начальную, а не окончательную относят в таком случае к Иамнийскому собору.

Мнение это несостоятельно. Во-первых, потому, что оно противоречит уже приведенным указаниям на канонизацию Езекией и Великой синагогой.

Во-вторых, на этих соборах вообще не занимались канонизацией библейских книг. Она была уже давно завершена. Обсуждались же другие вопросы. Поскольку в быту у евреев имели хождение малые части священных книг (Чисел, Екклесиаста, Песни Песней), то не умаляется ли святость книги тем, что она взята не вся? В спорах давались ответы древним рационалистам, пытавшимся удалить из канона некоторые библейские книги (Иезекииля, Притчи и Екклесиаста). Обсуждались вопросы ритуального отношения к книгам («осквернение рук»)*, но вовсе не вопросы канонического достоинства той или иной книги.

На каноническое достоинство книги Песнь Песней указывает также ее богослужebное употребление.

* Кстати, если фарисеи считали священные книги «оскверняющими руки», то допускалось однако обратное, что «неоскверняющие руки» книги все-таки могут быть священными.

На основании древнейшего предания нынешний синагогальный требник дает такой порядок чтения так называемых пяти мегилл по пяти великим иудейским праздникам: Песнь песней — на 8-й день Пасхи, Руфь — на 2-й Пятидесятницы, Плач — в день Очищения, Екклезиаст — в 3-й день Кущей, Эсфирь — на праздник Пурим. Итак, Песнь Песней — это пасхальная книга! На Пасху читалась книга Исход и книга Песнь Песней. Исход напоминал египетское рабство и освобождение от него, Песнь Песней — это ликование Обетованной Земли, где течет молоко и мед (Исх. 3,17). Существует даже мнение Самуила Тайяра, что «вне своего нынешнего назначения и употребления (то есть для пасхального богослужения. — Г.Ф.) Песнь Песней не существовала; я хочу сказать, что книга Песнь Песней с первых дней своего существования была известна как богослужебная книга, назначенная для праздника Пасхи (подобно тому, как книга Есфирь искони была богослужебным чтением праздника Пурим) и ее история неразрывна от истории праздника Пасхи» [74]. Кроме годового праздника Пасхи книга Песнь Песней читается за каждым субботним богослужением в пятницу вечером. Да и сама суббота называется у талмудистов невестою Песни Песней.*

Кстати, литургическое употребление Песни Песней известно у караимов, которые не могли заимствовать его у раввинистов-талмудистов вследствие 13-вековой непримиримой вражды с ними, но явно взяли его из более древнего предания.

В христианстве вопрос о признании канонического достоинства книги Песнь Песней никогда и не стоял. Приняв ветхозаветные священные книги от ветхозаветной церкви (в Иерусалимском храме читал Священное Писание Сам Спаситель Иисус Христос), христианская Церковь приняла как каноническую и книгу Песнь Песней Соломона. Это, кстати, в очередной раз доказывает, что

* Приведем своеобразное описание этого обычая у принявшего христианство еврея Александра Алексеева. Он пишет о книге Песнь Песней, что каждый отец семейства вменяет себе в обязанность прочитать ее перед наступлением субботы и побуждает к этому детей своих. С большим любопытством смотрели мы однажды, как один еврейский учитель поторапливал детей читать книгу Песнь Песней, он то и дело кричал: «Читайте, читайте, дети, Шир гаширим, ведь уж шабат на дворе». И когда мы спросили его, что он так хлопочет о том, чтобы прочитан был всеми Шир га-ширим, — Песнь Песней, он ответил: «ведь вы, без сомнения, имеете понятие о важном значении этой священной книги; это песнь из песней, которой царь Соломон, а в лице его и весь Израиль, приветствует Господа как Царя славы; потому-то у нас и положено уставом этими священными песнопениями приветствовать св. день субботы как царицы праздников. Пусть же и дети знают это; пусть и они с ранних лет научатся, как восхвалять Бога и каким песнопением встречать священный день «шабат» [47].

канонизация всех ветхозаветных книг была совершена до времени Иисуса Христа и святых апостолов (то есть не на иудейских соборах 65-го и 90-го годов!), ибо пути христианской Церкви и иудейской синагоги сразу же резко разошлись (особенно после падения Иерусалима в 70-м году).

В списках книг канона Священного Писания Песнь Песней упоминается в 85-м апостольском правиле, в 60-м правиле Лаодикийского собора, в 24-м правиле Карфагенского собора. Ряд святых отцов и церковных писателей древности оставили толкования на книгу Песнь Песней (Ориген, св. Ипполит Римский, св. Мефодий Патарский, св. Амвросий Медиоланский, блаженный Феодорит Кирский), а многие другие цитировали эту книгу в своих творениях.

Архиепископ Феофан Прокопович [86] приводит своеобразный аргумент в пользу каноничности книги Песнь Песней, исходя из ее названия. Как могла в Израиле книга называться Песнь Песней, то есть превосходящей по своему значению священные чтимые канонические песни Моисея, Деворы, Анны, Давида, Исаяи, если она сама не священна и не канонична?! А по св. Афанасию Великому, который в своем «Синописе» дает обзор всех священных книг, как мы уже знаем, Песнь Песней не только священна и канонична, но является высшим откровением Божиим, больше которого до скончания века уже и не будет!

На этом завершим обоснование канонического достоинства сей святой книги и перейдем к главному и основному вопросу — о ее значении.

ГЛАВА 3

СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА

Итак, второй вопрос: в чем значение и смысл книги? Как ее можно, а как нельзя понимать?

То, что поставленный вопрос является главным, — это очевидно. Ибо ответ на него определит для нас: зачем нам вообще дана эта книга? Мы уже выяснили, что эта книга вошла в состав святой Библии, но почему она там? Верующему человеку надо знать, что ему дает эта книга для спасения? Как ее употреблять? Наконец, ответ на поставленный вопрос должен определить пути православной экзегезы (толкования) текста этой книги, а также обозначить явно ложные концепции, ведущие к заблуждениям и не-правильному (греховному) устроению души.

Сначала кратко сопоставим содержание трех Соломоновых книг, потом подробно рассмотрим различные способы понимания этой книги в ветхозаветном Израиле, в позднейшем иудействе, в христианстве и в новейшей исагогической науке. Укажем также и на богослужбное употребление книги.

3.1. Сопоставление содержания Соломоновых книг

В Библии находятся три канонические Соломоновы книги: Притчи Соломона, Екклесиаст и Песнь Песней Соломона. Кроме того есть еще и неканоническая книга Премудрость Соломона, которую мы рассматривать не будем. В главе 1 мы уже сопоставили названия этих книг. Соответственно названиям различно и содержание этих книг. Об этом так пишет блаженный Иероним Стридонский: «Соответственно числу наименований Соломон написал и три книги: Притчи, Екклесиаст и Песнь Песней. В Притчах он учит юного возрастом и изречениями наставляет его в обязанностях жизни, почему речь его часто и обращается к сыну. В Екклесиасте он наставляет мужа зрелого возраста, чтобы в

предметах мира он ничего не признавал вечным, но все, что видим, считал тленным и скоропреходящим. Наконец, в Песни Песней он приводит в объятия Жениха мужа уже приготовленного, совершенного и преклонного возрастом. Ибо, если мы сначала не оставим пороков и, презрев славу мира, не соделаем себя готовыми к пришествию Христову, то не можем сказать: *да лобжет мя от лобзаний уст своих* (Песн. 1,1). И философы дают образование своим ученикам не далеко отступая от этого порядка учения: учат сначала ифике (этике. — Г.Ф.), потом объясняют физику и, кого увидят успевшим в этих науках, переводят уже к логике» [30].

Итак, Притчи — для сына, для начинающих и простецов.

Екклезиаст — для мужа зрела.

Песнь Песней — для мужа совершенна, для старца.

Интересно это сопоставить с тем, что известно о возрасте самого Соломона, когда он писал эти книги. По Мидрашу Соломон написал Песнь Песней в старческом возрасте, между тем, как преобладающим взглядом еврейской традиции был тот, что Песнь Песней написана Соломоном в юности, тогда как Притчи — в зрелом возрасте, а Екклесиаст — в старости. Последний взгляд предпочтительнее и преобладает в христианской Церкви [70, стр. 47]. Прем. 8,2-4; Сир. 47,16 — дают основание относить время написания книги Песнь Песней именно к юности.

В юности, когда Соломон отказался просить долголетие, богатство и славу победителя врагов своих, он более всего возлюбил Премудрость Божию, Софию Прекрасную, и ее взыскал у Бога, ее возлюбил всем сердцем и ей сочетал себя (3 Цар. 3,5-15)*. Переживая весну своей жизни, Соломон переживал и весну своего духа. Его сердце, затронутое и взволнованное Духом Божественной премудрости, воспело Песнь, нет, воспело Песнь Песней о своем Возлюбленном. Тогда понять его могли только великие старцы, презревшие уже все блага этой жизни и приблизившиеся духовно и телесно к вратам вечности... А кроме них его слушали и с ним вместе ликовали о Возлюбленном ангелы.

В зной лета своей жизни, умудренный Премудростью Божией, божественный Соломон изрекает притчи, раскрывающие добро и зло жизни, обучающие его народ, его сыновей и дочерей. Его понимали духовные младенцы, коим он был отец.

* Вспомним св. Кирилла Философа, просветителя славян, так же от юности избравшего себе невестою Софию, Премудрость Божию, и ей послужившего всю свою жизнь. Кстати, у того и другого это произошло во сне.

А осенью, на склоне лет он... был в грехах. Он страстно и жадно вкушал и вбирал все то, чего не взыскал в юности, как будто наверстывая упущенное. И не было уже Песни, не было уже Притч. Познав всю суету и всю пустоту греха и всех благ сей жизни, он скажет: «Суета сует — всё суета», — позднее раскаяние и позднее прозрение. Не было Песни, не было Притч, была горечь покаяния, было философское (любомудрое) знание суетности всего... И слушать его должны были мужи зрелые, мужи средних лет, более всего сею суетностью мира занятые, и кроме нее ничего уже не замечающие.

Сопоставляя содержание сих трех книг Соломоновых, можно отметить их соответствие трем силам души человеческой.

Книга Притч направляет волю человека к творению добра в сей жизни и отвращению от зла.

Книга Екклесиаст направляет разум человека к истинной философии (любомудрию), к познанию суетности и бренности всего в этой жизни.

Книга Песнь Песней возбуждает сердце человека и чувства его к Божественной Любви, к нетленной красоте.

3.2. Различные концепции книги Песнь Песней

Как должно разуместь эту святую книгу? Как разумели ее в веках? Все многообразие различных пониманий этой книги так или иначе сводится к следующим трем концепциям.

1. Буквальное понимание книги. Согласно этой точки зрения Песнь Песней есть гимн земной любви жениха и невесты, брачная песнь. Естественно тогда и употребление этой песни на брачном пире. О богодухновенности книги в таком случае речь не идет.

2. Типическое, или прообразовательное, понимание книги. Согласно этой точки зрения воспета реальная любовь конкретных исторических лиц, которая однако оказалась прообразом чего-то другого, возможно, и таинственного, религиозного.

3. Аллегорическое понимание книги. Согласно этому разумению речь не идет о конкретных лицах и вообще о земной любви, а все сказанное есть символ иного, таинственного, религиозного.

Мы не будем рассматривать в таком порядке эти понимания книги Песнь Песней, но покажем их возникновение, аргументацию, раскрытие и развитие исторически, как оно действительно было, и по ходу исторического обзора будем обсуждать назван-

ные концепции. При этом мы укажем на развитие взглядов на эту книгу в Ветхом Завете, позднейшем иудействе, христианстве и в библейской науке последних веков.

Прежде чем излагать исторически возникавшие различные концепции понимания книги Песнь Песней, укажем на самую правомочность сравнения Бога и Церкви с женихом и невестой в Священном Писании.

3.3. Основание для таинственного понимания Песни Песней в Священном Писании

Священное Писание и в Ветхом, и в Новом Завете часто изображает отношения Бога и народа Божия, прибегая к символу брака. А идолопоклонство народа, то есть измену единому и истинному Богу, как блуд и прелюбодеяние.

Когда Бог заключил завет с Израилем («вступил в брак», почему Песнь Песней — пасхальная песнь, песнь вступления в Завет!), то народу было сказано: «Не вступай в союз с жителями той земли (Ханаана), чтобы, когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты не вкусил бы жертвы их; и не бери из дочерей и жен сынам своим,.. дабы... не ввели и сынов твоих в блуждение вслед богов своих» (Исх. 34,15-16). И еще: «чтоб они впредь не приносили жертв своих идолам, за которыми блудно ходят» (Лев. 17,7). И еще: «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то Я обращаю лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее» (Лев. 20,6). По кончине праведного судии Гедеоны «сыны Израилевы опять стали блудно ходить вслед Ваалов» (Суд. 8,33).

Особенно часто описывают идолопоклонство Израиля как блуд святые пророки. Вот только несколько примеров. Пророк Осия: «Сильно блудодействует земля, отступив от Иеговы» (1,2). «Судитесь с вашей матерью (=весь Израиль), судитесь; ибо она не жена Моя, а Я не муж ее; пусть она удалит блуд от лица своего и прелюбодеяние от груди своих» (2,2). Израиль «погонится за любовниками своими, но не догонит их, и будет искать их, но не найдет, и скажет: «пойду я, и возвращусь к первому мужу моему; ибо тогда лучше было мне, нежели теперь» (2,7). Господь сказал пророку Осии: «Иди еще, и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую, подобно тому, как любит Господь

сынов Израилевых, а они обращаются к другим богам» (3,1). Устами пророка Иезекииля обличается народ: «Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славою своею, стала блудить и расточала блудодейство твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему» (Иез. 16,15). И наоборот, Свой Завет с народом и Свое отношение к нему Господь именует браком и сравнивает с отношениями мужа и жены.

В книгах Моисеевых (в Торе) и в книге Судей такого сравнения нет. Но у пророков очень часто. Так, через пророка Иезекииля Господь говорит Израилю: «И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было время твое, время любви; и простер я воскрилия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою; и поклялся тебе и вступил в союз с тобою, говорит Господь, — ты стала Моею» (Иез. 16,8). С этими словами очень сильно перекликается случай с Воозом и Руфью (Руф. 3,7 и далее). «Вооз спал подле скирда», а Руфь, по совету Ноемини, своей свекрови, «пришла тихонько, открыла у ног его и легла. В полночь он содрогнулся... и (увидев ее) сказал: «кто ты?» Она сказала: «Я Руфь, раба твоя, простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник». «Я вступил в союз с тобою, и ты стала Моею». В новозаветном понимании, Руфь является прообразом Церкви из язычников. У пророка Осии Господь говорит о Своем Завете с народом: «И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благости и милосердии. И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа» (Ос. 2,19-20). А пророк Исаия говорит: «Ибо твой Творец есть супруг твой; Господь Саваоф — имя Его... Ибо как жену, оставленную и скорбящую духом, призывает тебя Господь, и как жену юности, которая была отвержена, говорит Бог твой» (Ис. 54,5-6). А в другом месте: «Как юноша сочетается с девою, так сочетаются с тобою сыновья твои; и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Ис. 62,5).

В Новом Завете такая же аллегория употребляется для раскрытия отношений Христа и Его Церкви. Так, Иоанн Креститель о себе и о Христе говорит: «Не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась» (Ин. 3,28-29). Сам Спаситель, объясняя ученикам Иоанновым, почему Его ученики не постятся, говорит: «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда бу-

дут поститься» (Мф. 9,15). Апостол Павел так говорит об обращении им коринфян к вере во Христа: «Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11,2). И, наконец, святой таинозритель Иоанн Богослов раскрывает в Апокалипсисе тайну Христа и Церкви: «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу: ибо наступил брак Агнца, и жена его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых» (Откр. 19,7-8). И другой раз он видел «святой город Иерусалим новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21,2).

3.4. Ветхозаветное понимание книги Песнь Песней

Царь Соломон

Как понимал свою книгу сам царь Соломон, об этом нет никаких исторических сведений. Судить об этом можно только из самого текста книги.

Собиратели канона

Возвышенное понимание Песни Песней, как священной притчи (машал) имели вместе с Соломоном безусловно и древние израильтяне. Имели его, безусловно, и собиравшие канона.

Вопреки ложному представлению библистов рационалистического направления о каноне, как простом сборнике древней еврейской литературы, Церковь и в ветхозаветные и в новозаветные времена понимала канонизацию книги как признание за ней божественного происхождения, авторитета, богодухновенности и святости. А поэтому и Езекия, и Ездра, и мужи Великой синагоги при Неемии, принимая книгу Песнь Песней в канон священных книг, конечно же, видели в ней не просто описание земной человеческой любви, но глубокое таинственное содержание, машал (притчу). Об этом особенно ярко говорит само название книги, которое вполне вероятно дано не самим Соломоном. Давшие это название утвердили авторство Соломона и значимость книги, ее превосходство над другими библейскими песнями. Этого не могло бы быть, если бы ее понимали только буквально. В таком случае пишет Магнус: «они делали бы истинный пасквиль на все прочие книги Ветхого Завета. Какой израильтянин мог признать светскую песнь эротического содержания за песнь, имеющую преимущество пред псалмами Моисея, песнями Мариам, Деворы, Анны, Давида?» [107, стр. 14].

Этого в особенности не могло быть после возвращения из плена в связи с великой ревностью книжников и народа о Боге Израилевом и Моисеевом Законе. Видимо, уже в те времена появлялось буквальное понимание книги, и оно смущало. Скорее всего именно поэтому иные считали эту книгу апокрифом. Этим сомнениям был положен конец мужами Великой синагоги при Неемии. О книгах Притчей, Песни Песней и Екклесиаста говорится в книге «Главы раби Нафана», что были сомнения «пока мужи Великой синагоги пришли и изъяснили их» [93, стр. 492]. Значит, буквальный текст книги нуждался в своем изъяснении, чего бы не могло быть, если бы кроме буквального значения никакого больше и не было.

Понимание книги Песнь Песней во времена Сираха

Автор книги «Премудрость Иисуса сына Сирахова» жил при Птолеме Лаге (ок. 290 г. до Р.Х.). Внук писателя и переводчик его книги жил при Евергете I (ок. 230 г. до Р.Х.). В этой книге есть указание на таинственно-аллегорическое понимание Песни Песней.

О Соломоне пишется: «Соломон царствовал в мирные дни... Как мудр был ты в юности и, подобно реке, полон разума! Душа твоя покрыла землю, и ты наполнил ее загадочными притчами (ἐν παραβολαῖς αἰνιγμάτων); имя твое пронеслось до отдаленных островов, и ты был любим за мир твой; за песни и изречения, за притчи и изъяснения тебе удивлялись страны» (Сир. 47,15-19). Под песнями и изречениями явно разумеются псалмы Соломона. Его притчи — это, конечно, «притчи и изъяснения». В таком случае «загадочные притчи» (παραβολαὶ αἰνιγμάτων) — это явно не «притчи Соломоновы», так как они не могли быть здесь упомянуты дважды, да и не так уж загадочны они и несут в себе достаточно ясные наставления. Так что «загадочные притчи» — это Песнь Песней. О том, что Песнь Песней понималась тогда, как загадочная притча еще яснее убеждает другое место в книге Иисуса сына Сирахова: Сир. 39,1-3. Там говорится о человеке, который будет:

— углубляться в тонкие обороты притчей (ἐν строфаῖς παραβαλῶν συνεισελεύσεται);

— исследовать сокровенный смысл изречений (ἀπόκρυφα παροιμιῶν ἐκζητήσει);

— и заниматься загадками притчей (καὶ ἐν αἰνίγμασι παραβαλῶν ἀναστροφῆσεται).

Тонкие обороты, или, точнее, строфы притчей — это речь уже о книгах, написанных в поэтической форме (Псалмы, Иов, Екк-

лезиаств), сокровенные изречения — это Притчи, а далее мы вновь встречаемся с (αἰνίγμασι παραβολῶν), с загадочными притчами, то есть с Песнью Песней [см. 93].

Значит, во времена Иисуса сына Сирахова занимались изъяснением загадки Песни Песней и понимали ее явно не буквально.

Третья книга Ездры

Третья книга Ездры явно знает Песнь Песней как таинственную аллегорию. Там говорится о Боге: «Из всех цветов во вселенной Ты избрал Себе одну лилию (ср. Песн. 2,2)... из всех многочисленных народов Ты приобрел Себе один народ, и возлюбил его» (3 Езд. 5,24,27). И в другом месте: «Вот, придет время, когда придут знамения, которые Я предсказал тебе, и явится невеста, и являясь покажется, — скрываемая ныне землею» (3 Езд. 7,26). Сравните эти слова с «**Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди... в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое**» (Песн. 2,13,14).

Народ Божий в третьей книге Ездры на основе книги Песни Песней именуется избранной лилией и являет вид свой, как невеста.

Семьдесят два толковника, переводчики Септуагинты

Есть два места в переводе LXX (III в. до Р.Х.), явно свидетельствующие, что переводчики книги Песнь Песней с еврейского языка на греческий понимали эту книгу таинственно-аллегорически.

Так в ст. 4,8 они переводили «с вершины Аманы» (מֶרֶאשׁ אֲמָנָה), как «от начала веры» (ἀπὸ ἀρχῆς πίστεως). Весь текст переведен буквально точно, а с «вершины Аманы» переведен как «от начала веры». Почему переводчики позволили себе такое? Явно, по причине таинственного понимания книги. «Вершина Аманы» равнозначна «началу веры».

В ст. 6,4 переводчик вместо наименования города «Фирца» переводит значение этого слова (εὐδοκία) «благоволение».

Итак, мы видим, что ветхозаветная Церковь понимала книгу Песнь Песней таинственно-аллегорически, что, естественно, и побудило ее принять эту книгу в канон священных книг.

3.5. Иудаистическое понимание книги Песнь Песней

Обратимся теперь к пониманию книги Песнь Песней в иудейской синагоге, после отпадения ее от Христа и истинной Церкви Божией.

После своего отпадения (I в. по Р.Х.) иудейская синагога продолжает очень высоко ценить книгу Песнь Песней и понимает ее как таинственное изображение отношения Бога к Своему народу. Мы не можем принимать все моменты их толкований, но для нас важно то, что, являясь хранительницей многих древних преданий, синагога считает книгу аллегорией, отображающей отношения Бога и Его народа.

Не приняв Христа, иудейская синагога, не приняла и Духа Божия, сошедшего в святую Пятидесятницу. Это наложило свой отпечаток и на всю, возникавшую в ней в дальнейшем, литературу. Некая бездуховность и порой казуистическая раввинистическая мудрость отражены и в толковании Песни Песней синагогой. Читатель, духовно вскормленный на Священном Писании и творениях святых отцов, знакомясь с талмудической литературой, чувствует себя порой в некоей чуждой ему пустыне, не ощущая Духа Божия. В иных же местах он с удивлением и радостью обнаруживает живые источники древнего Предания.

Талмуд

Великий учитель талмудического иудаизма равви Акиба (50-132 гг. по Р.Х.), объявивший Мессией Бар-Кохбу и помазавший его на восстание против римлян, очень высоко ценил книгу Песнь Песней, и, конечно, не за ее буквальный смысл, а за аллегорический. В Талмуде приводятся его слова: «Избави Боже! Никогда никто в Израиле не спорил против того, что Песнь Песней оскверняет руки (значит, священна! — Г.Ф.), ибо весь мир не стоит того дня, в который дана была Израилю Песнь Песней, ибо все книги — святое, а Песнь Песней — святое святых» (трактат Ядаим, гл. III, #5). Песнь Песней — ценнее всего мира и святее всех священных книг! Такое возвышенное понимание значения этой книги могло быть естественно только при таинственном ее понимании. Для равви Акибы Песнь Песней — это победная песнь Израиля над врагами древними и новыми и хвала Ягве, возлюбившему Израиль более всех народов и готовому восстать вместе со Своим народом. Слова любви, звучащие

в Песни Песней, превращаются в грозные отношения евреев к Египту, Вавилону, к Гогу и Магогу, в бранные крики и звуки народного торжества среди даруемых Ягве побед. Таким образом, в устах равви Акибы Песнь Песней принимает национально-политический оттенок. Мессианская направленность священной книги Песнь Песней через этого знаменитого учителя талмудического иудаизма впервые обращена на лжехриста (Бар-Кохбу). Лжехристы чередуются, а чаяние синагоги остается. Это остается точкой зрения на книгу иудейской синагоги и поныне. Под влиянием Акибы сложилось талмудическое толкование в мидрашах: Сифра, Сифре и Мехильта (III в.). Это же мнение подтверждается в раввинском сочинении «Главы равви Нафана».

Нами уже указывалось на богослужebное употребление синагогой книги Песнь Песней. Как пасхальное и субботнее чтение Песнь Песней употребляется, естественно, не ради буквального смысла, а ради таинственного, воспевающего вступление Израиля в Завет с Богом, как брак Ягве и Израиля.

Талмуд, а в христианстве Ориген и Иероним, свидетельствуют о ветхозаветном запрещении читать книгу Песнь Песней до 30 лет и вообще всем несовершеннолетним. Почему? С одной стороны, чтобы не смутиться буквальным значением текста, описаниями любви и красоты женского тела. Но это не главное. Ведь кроме Песни Песней возбранялось еще чтение до 30 лет начала книги Бытия и начальных и конечных глав книги пророка Иезекииля. В символическом значении образов, виденных Иезекиилем, никто никогда не сомневался. И, наоборот, книгу Бытия всегда принимали в буквальном значении. Что же объединяло эти три книги и служило причиной запрета их чтения юным и несовершеннолетним? Труднодоступность для понимания и возможность ложных истолкований. А это явно свидетельствует о таинственном, а не буквальном значении книги Песнь Песней, ибо в буквальном значении она не является труднодоступной.

Таргум халдейский

Таргум составлялся после Талмуда, то есть после V в. по Р.Х. В своем нынешнем виде он сложился к VII в.

Таргум собственно уже не столько толкует текст книги, сколько пользуется им для изложения собственных мыслей. Такой метод экзегезы называется асмахта (прислонение). Текст

привлекается только для лучшего запечатления излагаемой собственной мысли, даже если этот текст к мысли, собственно, никакого отношения не имеет.*

Таргум дает историческое толкование книги Песнь Песней, приурочивая почти каждое слово и каждый штрих книги к тому или иному событию истории Израиля. Само название «Песнь Песней, которая есть Соломонова» (вариант еврейского текста) Таргум перефразировал: «Песни и похвалы, которые произнес Соломон пророк царь Израильский по вдохновению Духа Святого пред Господом Владыкою всего мира».

Таргум содержит интересное учение о десяти песнях, которое в христианском осмыслении присутствует и у святых отцов (Ориген, св. Афанасий Великий, блаженный Феодорит Кирский). Согласно этому учению было воспето девять библейских песен:

Первая. Адам воспел Псалом 91-й в то время, когда ему был отпущен его грех, когда наступил день субботний: «Благо есть славить Господа и петь имени Твоему Всевышний...» В еврейской Библии и в LXX этот псалом назван «Песнь на день субботний». В Таргуме (метод асмахты!) — «Песнь и хвала, которую сказал первый человек за день субботний».

Вторая. Песнь Моисея, когда Владыка мира разделил Чермное море и Израиль спасся от египтян (Исх. 15 гл.).

Третья. Песнь Израиля в пустыне у колодца (Чис. 21,17-20).

Четвертая. Песнь Моисея, когда пришло время отрешиться от сего мира (Втор. 32 гл.).

Пятая. Песнь Иисуса сына Навина, во время сражения в Гаваоне, когда стояли неподвижно солнце и луна в течение 36 часов (Нав. 10,12).

Шестая. Песнь Деворы и Варака в день, когда предал Ягве Сисару и войско его в руки сынов Израилевых (Суд. 5).

Седьмая. Песнь Анны в день, когда Ягве даровал ей сына (1 Цар. 2,1-10).

* Подобным образом пользуются Писанием в христианстве отцы-аскеты. Например, при толковании Пс. 136,9 «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» духовно-аскетическое разъяснение говорит, что «камень» — Христос, а «младенцы» — еще только зарождающиеся помыслы. Вопрос: позволительно ли так толковать Писание? Ответ: если в Духе Божиим, то да. А если от себя, то получится праздная, беспочвенная казуистика. При изъяснении Песни Песней святые отцы тоже часто «прислоняют» ее тексты к новозаветному догматическому и духовному учению. В этом многогранность и неисчерпаемость Писания! А вот представители новейшего аллегоризма (Генгстенберг, Шефер и прочие) «рождали ветер», выдумки и пустоту.

Восьмая. Песнь Давида, царя Израильского, за все чудеса, которые Ягве совершил с ним (Пс. 17).

Девятая и высшая песнь, которую воспел Соломон, царь Израильский, Духом Святым, пред Владыкою всей земли (Песнь Песней).

Вот и все песни воспетые.

Десятая песнь еще будет воспета Израилем, когда он возвратится из своего нынешнего плена, как об этом предрекает Исаия: «В то время у вас будут песни». Насчет десятой песни позволим себе заметить следующее. Согласно приведенному нами учению св. Афанасия Великого после Песни Песней уже никакой песни больше не будет, кроме суда и воздаяния («Синописис» Афанасия). Ибо большего откровения, чем воплощение Слова, не будет.* Теперь уже будет только Его явление на Суд, когда вострепещут и восплачут все племена земные (Откр. 1,7). Так что же за песнь собирается еще воспеть Израиль «по возвращении из своего нынешнего плена»? Явно, что это будет песнь, которою они будут приветствовать лжемессию-антихриста, когда он «избавит» их от «нынешнего плена», посланного за распятие истинного Мессии. При воспевании этой десятой песни в полноте исполнятся слова Спасителя: «Я пришел во имя Отца моего, и не принимает Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5,43). ...Но сия десятая песнь не будет «допета». Прервется гласом архангела и трубою Божией; «Се, грядет с облаками (Христос — Жених Песни Песней) и узрит Его всякое око; и те, которые пронзили Его (=воспеватели десятой песни); и возрыдают пред Ним...» (Откр. 1,7).

Мидраш

С VII по середину IX в. сложился мидраш в его нынешнем виде. Мидраш Шир га-Ширим состоит из введения и объяснения.

Во введении речь идет об авторе книги Соломоне и дается довольно легендарный его образ. Песнь Песней очень превозносится. Временем написания книги Мидраш почему-то указывает старческий возраст Соломона, мотивируя, что «только в старости Соломон был исполнен Духа». Но ведь именно к концу жизни он был во грехах! Другое древнееврейское предание относит напи-

* Заметьте, что в православных богослужебных канонах девять библейских песен, восемь песен — ветхозаветных. Это песни Мариам, Моисея, Анны, Аввакума, Исаии, Ионы и две песни трех отроков в вавилонской печи. Девятая песнь — новозаветная, песнь Воплощения (на основе песни Захарии, отца Иоанна Крестителя). Высшей песни нет.

сание книги Песнь Песней к юности Соломона, и оно принято в православной Церкви.

Объяснения Мидраша, собственно, не отличается от объяснения Таргума. Песнь Песней представляется как символическое изображение гражданской и религиозной истории и жизни Израиля, поскольку в ней выражается завет Бога с Авраамом.

Мидраш так толкует стихи 1,10-11: **«Ряд перлов это — пять книг Моисея; шнур драгоценных камней это — пророки; золотые подвески это — агиографы; серебрянные крапинки это — сама Песнь Песней».**

Мидраш проникнут верой в скорое открытие царства Мессии (антихриста. — Г.Ф.) и возгревает патриотические чувства в духе равви Акибы.

Толкование Саадия

Это знаменитое иудейское толкование было составлено в X в. Толкование основано на Таргуме. В Песни Песней он видит отношение Бога и Израиля в историческом аспекте: от Моисея до Мессии. Девять Песней Таргума, возводящих человека к Песни Песней, у Саадия объясняются как девять мелодий, возводящих к высокой мелодии Песни Песней. Книга, по его мнению, была написана Соломоном в юности в противовес аскетизму Екклезиаста, к которому Соломон пришел в старости.

Зная самые различные толкования книги, Саадий в первых же строках своего толкования замечает: «Знай, брат мой, что есть различные объяснения этой книги, и это не могло быть иначе, потому что Песнь Песней подобна замку, от которого ключ потерян; одни утверждают, что она относится к царству израильскому, другие — к закону, третьи — ко временам плена, четвертые к Мессии» [70, стр. 43]. Разум равви Саадия в растерянности. Наличие столь многих разночтений, которые он не может собрать воедино, представляют ему Песнь Песней в виде замка, от которого ключ потерян. Да, синагога потеряла его девятнадцать веков назад. Богооткровенное Писание «отмыкается» ключом Духа Святаго. А дом раввинистических толкований пуст (Мф. 23,38). Только в Духе Святом все разночтения книги Песнь Песней собираются воедино вокруг Христа-Богочеловека.

В течение первых десяти веков по Р.Х. синагога держалась только таинственного понимания Песни Песней. На буквальное значение иногда даже вообще не обращали внимание.

Герменевтические еврейские школы в Германии, Франции и Испании (XI-XII вв.)

В XI в. герменевтические еврейские школы в Европе (Германии, Франции, Испании), сохраняя высшее духовное и иносказательное толкование, принимают и буквальное значение книги Песнь Песней.

Видными представителями этого направления были раввины:

1. Равви Раши (Соломон-бен-Исаак). Жил во второй половине XI в. Разделяет в книге внешний смысл (*lepi hopschat*) и высший смысл (*lepi dogma*). Соломон земной есть образ Соломона Небесного (Бога).

Во второй части книги при изложении исторического толкования Песни Песней как гимна любви Бога и ветхозаветного Израиля нами будет использовано толкование равви Раши.

2. Рашбам (Самуил-бен Меир), внук Раши. Стоит на той же почве, что и его дед. Значительно разъясняет внешний смысл книги, изучает различные палестинские обычаи. В Песни Песней видит антифонную песнь между Богом и Израилем, имеющую цель предсказать народу его страдания.

3. Авен-Езра (XII в.). Умер в 1167 г. Знаменитый толкователь Песни Песней в иудействе. Его труд делится на три части. В первой он выясняет значение отдельных выражений книги. Во второй выявляет буквальное значение книги, ее сюжетную линию. В третьей дает духовное толкование в духе Таргума и Мидраша, где видит в книге символическое изложение всей еврейской истории от Авраама до Мессии. Авен-Ездре принадлежит выражение, в котором он излагает мнение всей синагоги: «Ни, ни! чтоб Песнь Песней говорила о плотской любви; все в ней говорится аллегорически (фигурально). Потому что, если б не величайшее ее достоинство, она не была бы внесена в состав священных книг; и о ней не было бы никаких споров» [93, стр. 496].

Философское толкование

В противоположность предыдущим толкователям в средневековой Европе возникает новое направление в понимании книги Песнь Песней — философское. Представители этого направления шире понимают эту книгу. Отходят от традиционного национального понимания (как истории Израиля в его отношениях к Богу), видят в книге общие отношения Творца и твари. Первым таким толкователем

был Маймонид (1135-1204 гг.). Он в своей книге «More ha-Nebuchim» дает толкование Песни Песней на основании философской терминологии Аристотеля, представляя ее как учение о соединении интеллекта деятельного и интеллекта страдательного. В Песн. 1,2 выражение «лобзает лобзанием» он объясняет как внутреннее единение человека с Богом, открывающееся в смерти, когда душа погружается в лоно Божие (соединение двух интеллектов). Кончина праведника — целование Божие. Он пишет: «Мудрецы моей нации говорят, что Моисей, Аарон и Мариам умерли от поцелуя Божия».

Для объяснения книги в новом направлении хитрости асмахты были сменены хитростями схоластических философских построений.

Из учителей этого направления — Иосиф-ибн Акнин. Написал на Песнь Песней книгу «Откровение тайны или явление света», где излагает 1. буквальное объяснение (физическое), 2. филологическое (физиологическое) по Мидрашу и 3. философское (духовное).

Моисей-ибн-Тиббон в основном сводит книгу Песнь Песней к учению о бессмертии, которое в Торе только слегка указано.

Иммануил-бен-Соломон говорит о соединении деятельного и материального выжидающего интеллекта.

Леви бен-Герсон (нач. XIV в.). Отвергает толкование Мидраша. Видит в Песни Песней образ и указание, как путем нравственных и научных усилий душа воссоединяется с intellectus activus.

Философское осмысление книги Песнь Песней как учения о соединении высшего деятельного интеллекта и подчиненного, страдательного само по себе не ложно. Это можно сформулировать, как единение творческого Божественного разума и тварного человеческого. Но опасность в указанном средневековом направлении восприятия Песни Песней была та, что прокладывался путь от живого Бога к некоему безличному высшему началу, от живой веры и любви к безжизненно-отвлеченному рационализму. Собственно говоря, прокладывался путь к имеющему через несколько веков появиться атеизму.

Иудейские мистики

Некоторую реакцию на философское направление представляли иудейские мистики. Они видели в Песни Песней не только учение об интеллектах, но и о бесплотных силах и способе соеди-

нения низших духов с высшими и с Ен-Соф, то есть Бесконечным. В Песнь Песней вносились каббалистические моменты. Но каббалисты не дали целостного толкования книги, а только пользовались ею от случая к случаю, подбирая в ней подходящие им фразы. Мистики еще более отрешили Песнь Песней от всего земного. Философы таргумического национального толкование возвели к космополитическому, а каббалисты отнесли его к области духов и мистерий.

Не ведая жизни в Духе Святом и сакральной таинственной жизни Церкви, иудейские мистики соединялись духовно с гностицизмом, который христианская Церковь преодолела еще в первые века своего исторического пути. Но употребить Песнь Песней для темной каббалистической мистики иудеи всё-таки не смогли. Не смогли в силу ее богодухновенности. Для этого им понадобились уже «иные песни» перед чаемой ими «десятой песнью».

Буквальное понимание

Как мы видим, общим пониманием синагогой книги Песнь Песней было таинственно-аллегорическое, преимущественно национально-историческое. Иногда, кстати, синагога даже конкретизировала образ жениха, отождествляя его то с Моисеем, то с царем Езекией, то с Симоном бар-Кохбой. Буквального понимания, как описания земной любви, не было. Оно появляется впервые в средние века, и то анонимно, когда стали известны два анонимных трактата, объясняющих Песнь Песней только буквально. Первый трактат появился в XII в. в Богемии, а другой в XIII в. Их авторами были люди, отпавшие от преданий синагоги, почему и боялись открыть свои имена. Эти трактаты находятся у истоков позднейшего рационально-критического подхода к Священному Писанию (фактически отхода от веры). Синагога отнеслась к этим трактатам резко отрицательно. Первым еврейским толкователем буквального направления, не убоявшимся открыто объявить свое имя, был Мендельсон (1729-1786 гг.).

3.6. Христианское понимание книги Песнь Песней

Теперь перейдем к рассмотрению понимания книги Песнь Песней в христианской Церкви. Христианское понимание книги уходит своими корнями в понимание ветхозаветное. Это понимание таинственно-аллегорическое. Мы уже указывали, что иудейская

синагога иногда переходила от общего понимания этой книги как отношения Бога и Его народа, к более конкретному — мессианскому. И это уже горе и беда синагоги, что она не распознала Мессию и отвергла Его.

Суть христианского понимания книги Песнь Песней — это раскрытие тайн царства Мессии, то есть Господа нашего Иисуса Христа. Христианская Церковь видит в этой книге раскрытие тайн боговоплощения, тайн Христа и Церкви, Бога и человеческой души. Святая Земля и народ Израильский — это теперь христианская Церковь, а Ягве теперь раскрывается в воплощенном Богочеловеке (Иисус = Ягве Спаситель).

После изложенной общей мысли перейдем к историческому обзору возникновения и развития различных христианских толкований книги. Естественно, мы не будем здесь подробно останавливаться на этих толкованиях, так как толкование книги составляет вторую часть книги.

Первым христианским толкователем книги Песнь Песней является знаменитый александрийский учитель III века Ориген. Примерно в то же время (начало III в.) на Западе одновременно с Оригеном дал мессианское толкование Песни Песней св. Ипполит Римский. Толкование Оригена послужило основой для всех дальнейших святоотеческих творений об этой книге. Иудейское толкование Ориген углубил и раскрыл как учение о Христе и Церкви, Христе и христианской душе. Ориген, как и синагога, видит в Песни Песней отношения Бога и Его народа. Созвучны с синагогой (со словами равви Акибы) его слова о высоком значении книги. Как и для равви Акибы, для Оригена Песнь Песней — Святое Святых, доступное для совершенных. С небольшими изменениями у Оригена, как и в Таргуме, излагается учение о девяти библейских песнях и о Песни Песней как совершеннейшей из них. Нет конкретных данных, чтобы определить, является ли это у Оригена заимствованием у синагоги, или (что более вероятно, так как всякая связь у христианской Церкви с синагогой была полностью прервана) и Ориген, и синагога пользуются общим источником, более древним ветхозаветным преданием, которое по-разному было осмыслено в Церкви и синагоге.

О трудах Оригена мы имеем сведения у блаженного Иеронима Стридонского в его предисловии к своему переводу с греческого на латинский двух бесед Оригена на книгу Песнь Песней. Иероним обращается в предисловии к блаженнейшему папе Дамасу: «Тогда

как в толковании прочих книг Писания Ориген превзошел всех, в изъяснении книги Песнь Песней он превзошел самого себя. Ибо в написанных им десяти книгах толкований, заключающих в себе почти до 20 000 строк, он, во-первых, по переводу Семидесяти Толковников, потом по переводу Акилы, Симмаха и Феодотиона и, наконец, по пятому изданию, найденному им, по словам его, на Актийском берегу, объяснил эту книгу так превосходно и с таким проникновением сокровенных тайн, что даже поэтому, мне кажется, на нем исполнилось сказанное: *введе мя царь в ложницу свою* (1,3). Итак, оставив это творение, так как перевод на латинский язык столь многих книг и столь высокого произведения требует очень много времени, труда и издержек, я более точно, нежели изящно, перевел два нижеследующие трактата Оригена, которые он в форме ежедневных бесед написал для питающихся еще млеком младенцев, — предлагая тебе только вкус, а не пищу его мыслей, чтобы ты уразумел, как высоко должны быть ценимы обширные его творения, если так могут нравиться его краткие сочинения» [30]. Об этом пишет и пресвитер Руфин в своем предисловии к книгам пресвитера Оригена «О началах» [42].

К сожалению, десять книг толкования Оригена не сохранились полностью. Сохранился только перевод пресвитера Руфина на латинский язык Пролога и первых четырех книг Оригена, в которых истолкован текст с 1,1 по 2,15. Однако и эта работа Оригена-Руфина еще не переведена на русский язык. Так русскоязычному читателю остаются только две беседы Оригена-Иеронима.

Новое у Оригена, по сравнению с иудейскими толкованиями, это приложение мессианского толкования к Иисусу Христу и Его святой Церкви.

Надо отметить некоторое различие направлений толкований, данных Оригеном в его десяти книгах и в его двух беседах. В десяти книгах Ориген толкует книгу с «проникновением сокровенных тайн» и излагает самую «пищу своих мыслей», то есть излагает сокровенные догматы о Христе и Церкви. Это догматико-экслезисологическое толкование стало преимущественным в Восточной Церкви. В этом направлении толковали Песнь Песней св. Афанасий Великий в «Синописе» [20], св. Григорий Нисский в своем основательном труде «Точное изъяснение Песни Песней Соломона» [22], св. Епифаний Кипрский [27], блаженный Феодорит Кирский в своем полном «Толковании на Песнь Песней» [45], св. Иоанн Дамаскин [33]. В этом догматическом направлении надо

отметить особенное догматико-христологическое толкование, которое как бы вскользь, но присутствует у двух восточных отцов: у св. мученика и епископа Мефодия Патарского (III в.) в его «Пире десяти дев» [41] и у св. Афанасия Великого (IV в.) в его «Синописисе». Они в этих творениях видят в Песни Песней раскрытие тайны боговоплощения, для них Жених — Предвечное Слово, Божественный Логос, а Невеста* — пречистое Его Тело и Плоть. Песнь Песней — брак Слова и Плоти.

Основными и полными толкованиями книги являются труды святого Григория Нисского (истолкованы первые шесть глав книги) и блаженного Феодорита Кирского (истолкована вся книга). В своих толкованиях они следуют Оригену. Их творения отличает полная бесстрастность. Ни о какой чувственной любви и вообще чувственной страстности нет и речи. Отсутствует и эстетизм. Так, в сравнениях какой-то части тела невесты или жениха с животным или растением они обращают внимание не на красоту того и другого — тела и природы, отражающие нетленную красоту Христа и Церкви, а скорее на физиологическое назначение указанного члена тела, на повадки животного или ботанические особенности растения и во всем этом находят таинственные указания на догматы Церкви и духовной жизни. Аллегоризм св. Григория Нисского ярко проявился в его толковании на Песнь Песней. Его толкование более философично, чем толкование бл. Феодорита. Блаженному Феодориту свойственно скорее буквальное понимание Писания, как верному представителю антиохийской школы, но в этой книге он полностью следует указанному Оригеном иносказательному толкованию. Бл. Феодорит излагает толкование несколько короче, чем св. Григорий, во многом повторяет его, но нередко дает и другое разъяснение. Св. Григорий и бл. Феодорит толкуют по порядку каждое слово книги. Таких последовательных истолкований на весь текст книги во всей святоотеческой литературе больше не имеется. Толкование Оригена утрачено. Толкование Киприана Карфагенского, о котором упоминает бл. Феодорит, также утрачено, и неизвестно, что оно собою представляло. Прекрасное, одно из лучших в святоотеческой литературе, толкование на Песнь Песней было написано св. Кириллом Александрийским (нач. V в.), истолковавшим практически все Священное Писание. Но от его толкования сохранился только отрывок [Ibidem

* Невеста — в нашем толковании пишется с большой буквы, так как имеет в Песни Песней многозначное, таинственное, иносказательное значение.

стр. 1277-1293], и тот отсутствует в переводе на русский язык. В геннадьевском издании славянской Библии прилагалось толкование на Песнь Песней Филона Карпафийского. Касался изъяснения книги и Прокопий Газский [М.87t]. На русском языке, видимо, также отсутствует. Толкования на отдельные места из Песни Песней встречаются у св. Василия Великого и св. Максима Исповедника.

В своих двух беседах на книгу Песнь Песней (сохранившихся в переводе блаженного Иеронима и имеющих на русском языке) Ориген намечает несколько иное направление в раскрытии значения книги. Здесь, по выражению бл. Иеронима, он дает «только вкус, а не пищу своих мыслей» и «написал (их) для питающихся еще млеком младенцев». В этих беседах дано духовно-психологическое разумение книги. Речь идет не столько о догматах, сколько о состоянии души. Невеста, виноградник — это все образы человеческой души, сердца, а жених — по-прежнему Христос или Бог вообще. Это направление было в основном воспринято Западной Церковью, вообще более склонной заниматься учением о человеке, сотериологической антропологией и психологией, чем отвлеченными догматами, к которым тяготел Восток. Последовательных толкований на книгу Песнь Песней святыми отцами Запада вообще составлено не было. Подражателями бесед (гомилией) Оригена-Иеронима были Виллирам († 1085 г.) и Гонорий († 1152).

Это же направление (Бог и душа) в толковании на книгу Песнь Песней было воспринято и в аскетической литературе как Востока, так и Запада. Отцы-аскеты, собственно, не дают толкования книги (они вообще не заняты толкованием Священного Писания), но в своих творениях, раскрывая учение о человеке и борьбе с греховными страстями, они часто берут образы и выражения из Песни Песней. При этом они порой пользуются методом асмахты, прислоняя тексты книги к своим рассуждениям. Но, будучи исполнены Духом Божиим, прозревая тайны духовной жизни своим очищенным сердцем, они далеки от беспочвенных хитросплетений, так характерных для Таргума и Мидраша, и раскрывают удивительные по глубине и духовной красоте тайны Писания и духовной жизни. В их изложении это (духовно-психологическое) направление давно уже перестает быть молоком для младенцев и становится нетленною пищей для совершенных. Среди отцов-аскетов, обращавшихся в своих творениях к этой святой

книге, мы можем назвать святого Дионисия Александрийского (III в.), святого Макария Великого (или Симеона?), преподобного Нила Синайского (V в.), преподобного Иоанна Кассиана (V в.), преподобного Иоанна Лествичника (VII в.) и других.

Своеобразным является толкование текстов книги Песнь Песней св. Кирилла Иерусалимского [39]. Под образами Песни Песней он видит указание на различные евангельские события, в особенности связанные со страданиями и воскресением Иисуса Христа.

Новым, имеющим почву исключительно в христианстве, и, можно сказать, неожиданным, было толкование книги как гимна девству. Здесь жених и невеста Песни Песней превращаются в Христа-Перводевственника и девственную монашескую душу. Так «брачная песнь» (как именует сию книгу Ориген) превращается в песнь девства. Естественно, что в Ветхом Завете и в позднейшем иудействе никакого аналога этому не имеется. Первым осмыслил так Песнь Песней священномученик Мефодий Патарский в своем удивительно прекрасном творении «Пир десяти дев» [41]. Потом в том же значении употребляет книгу Песнь Песней св. Амвросий Медиоланский в ряде своих трактатов о девстве [18]. В отличие от строго-бесстрастных, рассудительных, может даже несколько «сухих» толкований отцов-догматистов (св. Григория, бл. Феодорита), с одной стороны, аскетично-строгих, направленных вовнутрь размышлений отцов-аскетов, с другой стороны, в этом направлении ярко выражен самозабвенный порыв первой любви (Откр. 2,4) ко Христу. Девственная душа, невеста Христова, занята не столько учением Христа и догматами Церкви, не столько даже собою и своим внутренним миром, сколько именно Им, Христом, Возлюбленным души своей, к Которому все ее стремление. Эти творения пронизаны эсхатологическим ожиданием всецелого воссоединения с Небесным Женихом — Христом. Христианское чувство любви напряжено до предела. И при этом очень важно отметить все-таки полную бесстрастность, то есть чистоту чувства, полное отсутствие чувственной страстности и мечтательности, которая потом появится на Западе.

И как вершина, как прекраснейший цветок и перл учения о девстве, появляется богородичное толкование святого Амвросия Медиоланского в его работе «О воспитании девы и Приснодевстве святой Марии» [18]. Здесь Жених Песни Песней — Христос-Перводевственник, а Невеста — Приснодева Мария. Это

толкование послужило основой к богослужебному чтению книги Песнь Песней на богородичные праздники в Западной Церкви и к богородичным образам и сравнениям из этой книги в Восточной Церкви.

Отдельно от общего направления христианского восприятия книги Песнь Песней стоит мнение блаженного Августина об историческом толковании книги, как оно развито у иудеев. В своем творении «О граде Божием» [17] он высказывает мысли, что Песнь Песней отображает историю израильского народа. У бл. Августина были и последователи. Николай де Лира видит в 1-6 главах Песни Песней изображение истории израильского народа, а в 7-8 главах — историю христианства до времен императора Константина Великого. А Апоний (VII в.) видит в Песни Песней Апокалипсис — откровение о всей истории мира от творения до Страшного Суда. Были у некоторых авторов и попытки исторической конкретизации, подведения отдельных текстов книги к конкретным событиям христианской истории.

Необходимо отметить еще одну особенность оригеновского понимания книги в отношении ее формы и построения. Он называет Песнь Песней брачною песнию (*epithalamium*) и драмою (*fabula, drama*). Последнего синагога никак не могла сделать, ибо драма или сцена были совершенно чужды для семитов. Это, конечно, не означает, что Ориген и некоторые другие после него толкователи думали, будто бы Песнь Песней воспевалась на брачных торжествах или тем более ставилась на сцене. Нет! Такого употребления эта книга никогда не имела ни в Ветхом Завете, ни в позднейшей синагоге, ни в христианской Церкви. Но для лучшего разумения книги полезно представить себе ее действие в лицах. Вот что об этом говорит Ориген: «Трудно определить, из какого числа действующих лиц состоит Песнь Песней; но по молитве вашей и откровению Господню, я, кажется, различаю между ними четыре рода лиц: жениха и невесту, с невестою общество (хор) девиц-подруг, с женихом общество (хор) товарищей (потом Ориген различит еще одно действующее лицо — отца невесты)... Под женихом разумей Христа, под невестою без пятна и порока — церковь... в девицах — уразумевай тех, кои хотя и верны Христу, однакож не таковы (как невеста. — Г.Ф.)... а под мужами, сопутствующими жениху, разумей ангелов и тех, кои достигли в мужа совершенна. Итак из этой книги мне открываются четыре группы поющих: жених и невеста — одни, без участия хоров; два

хора — друг с другом, без участия жениха и невесты; невеста с хором девиц; жених с хором товарищей» [30]. А дальше интересное замечание Оригена о заимствовании язычниками стиля драматических произведений у Песни Песней. Он говорит: «Таким образом Песнь Песней есть брачная песнь и театральная пьеса (*fabula*); из нея и язычники научились брачной песни и вообще получил известность этот род поэзии».

Разделение Песни Песней по лицам и действиям присутствует в древнем синайском кодексе LXX (см. ч. III гл. 2 в переводе епископа Порфирия). Там книга разделяется на четыре части (или действия) и весь текст разделен по лицам (жениха, невесты, девиц, друзей жениха). Некоторые думают, что это деление в синайском кодексе есть школьный труд Оригена, или близких по времени александрийских учителей Климента, Пиерия, св. Макария Александрийского. Деление, приведенное в синайском кодексе, перешло в сделанный с LXX эфиопский перевод Библии, сохранившийся поныне. Только в эфиопском переводе текст делится не на четыре, а на пять актов.

Большое значение придавалось Песни Песней в Западной Церкви после разделения православия и католичества. Основу всего дальнейшего понимания и употребления книги в католичестве заложил Бернард, аббат Клервосский (1090-1153 гг.). Он написал 86 гомилий на Песнь Песней, в которых едва успел дойти до 3-й главы. Касался он этой книги и в других своих трудах. По смерти Бернарда его труд толкования Песни Песней продолжил его ученик Гильберт фон Гойланд, написавший 48 бесед и доведший объяснения до 5,10. Его труд также оборвался кончиной толкователя. Бернард Клервосский основывается на Оригене и раскрывает в своем толковании образ Христа, ищущего и приводящего к Себе душу. Приведение души ко Христу изображается в трех ступенях: приведение в сад, в келию, в опочивальню, где тайна достигает высшего значения. А. Олесницкий пишет о труде Бернарда: «При чтении комментатора Бернарда, читатель невольно переносится в средневековое аббатство, окруженное неприступными стенами, за которыми бушует ураган греха и внутри которых царствует тишина, манящая к себе измученный житейскою борьбою дух человека» [74]. Под лисицами, портящими виноградник, Бернард понимает еретиков, перечисляя современных ему петробрузиан, арнольдистов и др. Но в целом он занят исключительно состоянием сердца. В мистике и духовности Бернарда мы

уже встречаемся с некоторой экзальтированностью и страстностью, чувственностью, которые станут столь характерными для католического Запада, в отличие от подобных творений у древних отцов (св. Мефодий, св. Амвросий). Духовное растворяется страстно-чувственным.

Если сравнить с иудейскими толкованиями, то мистицизм и аллегоризм в восприятии Песни Песней еще больший.

После Бернарда-Гильберта к Песни Песней обращаются в XIII в. Фома Аквинский (*Expositiones in Canticozum*), Бонавентура (1221-1274 гг.) и другие. Они видят в Песни Песней христианскую воспитательную науку, источник идей и понятий, возводящий человека к высшему совершенству и единению с Богом.

Духовное мистическое созерцание по Песни Песней содержится у Руперта Дейцского, Иоанна Креста, Терезы Авильской.

В католической Церкви книга Песнь Песней широко используется в богослужении. Чтения из этой книги бывают на 20 богородичных праздниках, четырех Господних, на дни памяти святых Иосифа Обручника, Марии Магдалины, мучениц Екатерины, Агнессы, святой Маргариты.

Кроме основного, «бернардовского», направления, сохранялось на Западе и августиновское (историческое). С особой силой его возродил Мартин Лютер — вождь Реформации в Германии. Лютер в целом был сторонником буквального понимания Библии, но в Песни Песней видит аллерию. В его понимании, основанном на творениях блаженного Августина, невеста — это Израиль времен Соломона, Бог — источник тогдашнего народного благоденствия. Есть у Лютера и намек на девять песней из Таргума, возводящие к Песни Песней. Все другие аллории Лютер отвергает и считает абсурдом. Было вполне в духе Лютера считать, что святые Мефодий и Афанасий, Григорий и Феодорит, Амвросий и другие занимались абсурдом. Авторитет святых его не смущал. В протестантизме таргумическое (историческое) толкование после Лютера стало преобладающим. Но позднее в сектантстве возобладает оригеновское понимание.

Буквальное понимание Песни Песней просто как брачной песни, воспевающей земную любовь, чуждо для христианства. Единственный за всю историю православной Церкви был случай с Феодором Мопсуетским. В антиохийской школе во второй половине IV в., в противоположность александрийской школе с ее аллегоризмом, возникло буквальное понимание книги Песнь Песней. Но тут

же это мнение было отвергнуто Церковью. Так епископ Филастрий Бресчийский относит такое понимание книги к еретическим. Блаженный Феодорит (сам из антиохийской школы!) в предисловии к своему толкованию на Песнь Песней опровергает буквальное понимание, а аллегорическое считает присущим великим отцам и учителям Церкви. Феодор Мопсуетский, давший буквальное понимание книги, был за несторианскую ересь посмертно осужден в 553 г. на V Вселенском Соборе. В акте анафематствования среди прочих его заблуждений было указано и его буквальное понимание книги Песнь Песней. Сочинение его как еретическое не сохранилось. После обличения буквального толкования на V Вселенском Соборе, оно в православной Церкви больше не возрождалось. Вновь это учение появляется уже в XVI в. в протестантизме. В 1544 г. в Женеве гуманист Себастиан Кастеллио повторил историю Феодора Мопсуетского. Он учил, что в Песни Песней мы имеем простой разговор Соломона со своей любимой подругой, а церковный взгляд на книгу публично осмеивал: «Когда Соломон писал седьмую главу Песни Песней, он был в ослеплении похоти и руководился мирской суетой, а не Святым Духом». Требовал исключить книгу из канона. За такое отношение к Песни Песней Себастиан Кастеллио был изгнан Кальвином из Женевы. Буквальное понимание в протестантизме также оказалось отвергнутым.

Буквальное понимание снова появится и будет активно развиваться со второй половины XVIII в. с возникновением рационалистической библейской критики, стоящей вне всякого христианского Предания и в своей основе фактически уже отшедшей (или отходящей) от веры. В протестантизме этому явлению противостоит библейский фундаментализм. Православная же Церковь неизменно стоит на Священном Предании и отвергает подход к Библии, предлагаемый библейской критикой. Библейская критика по своей сути безблагодатна и довольно часто ненаучна.

Из толкований буквалистов XIX в. можно назвать Генгстенберга, Кисгемакера, Шольца, Вельте, Гэверника, Кейла и других. Таким образом, мы подошли к рассмотрению взглядов на книгу Песнь Песней библейской критики.

3.7. Библейская критика о книге Песнь Песней

Библейская критика не единодушна в своем отношении к книге Песнь Песней. Ею предлагаются различные, иногда похожие, а

иногда и прямо противоположные гипотезы. Здесь следует отметить, что различные понимания книги в Церкви не исключают друг друга, но взаимно дополняют и углубляют. В библейской же критике различные теории не взаимодополняют друг друга, но взаимно противоречат. Поэтому можно было бы не утруждаться опровержением их мнений, поскольку они прекрасно это делают сами. О глубине их толкований говорить и вовсе не приходится, ибо ее там просто нет. И сами сочинения их сухи и достаточно скучны. В православном понимании это вообще не есть богословие, это — безблагодатное и неблагоговейное «анатомирование» книги, как если бы кто на вопрос о друзьях и возлюбленных стал бы говорить об их анатомических особенностях. Эти исследователи подводят идеи и содержание книги под свое плотское рациональное состояние.

Но как мы уже отмечали, по словам апостола, нам должно дать ответ требующим отчета о нашем уповании (1 Пет. 3,15), поэтому остановимся, по возможности кратко, на различных теориях библейской критики.

Итак, какие варианты понимания книги Песнь Песней предлагает нам библейская критика?

Буквальное понимание

Буквальное понимание книги Песнь Песней предполагает, что это брачная песнь, не имеющая никакого духовного и иносказательного смысла. Воспета земная любовь жениха и невесты. Перед нами любовная песнь Древнего Востока. Все попытки навязать Песни Песней иное значение надуманны и несостоятельны.

Так или иначе, это буквальное понимание уже опровергалось нами и воспроизводить все вновь не имеет смысла. Теперь мы подробно остановимся на некоторых конкретных частных вариантах этой гипотезы.

Гипотеза фрагментов

Представители этой гипотезы Дэпке [102], Магнус [107], Павлюс [135] видят в Песни Песней сборник различных восточных любовных песен. Ими предлагаются различные конкретные деления Песни Песней на части. В результате Соломон перестает быть автором, книга теряет божественный авторитет и значение и распадается на части.

Возражая фрагментистам, нам надлежит показать, что Песнь Песней является единой и целостной книгой, а не составлена (zusammengereiht) из ряда песен.

Единство и цельность книги видны из следующего:

1. Единство действующих лиц в Песни Песней.

Через всю книгу проходят одни и те же действующие лица: жених Соломон и невеста Суламита как главные персонажи, а дочери Иерусалимские, или девицы-подруги невесты, и товарищи жениха — как второстепенные.

Так, имя царя, или Соломона, проходит через всю книгу: 1,3.4.11; 3,7.9.11; 8,11.12.

Невеста упоминается во всех главах.

Дочери Иерусалимские в 1,4; 2,7; 3,5; 5,8.16; 8,4.

Несколько раз упоминается о матери Суламиты, но не об ее отце — 1,5; 3,4; 8,2.

Такое единство действующих лиц не было бы возможно при составлении книги из фрагментов, из разных песен.

2. Единство оборотов речи в разных частях книги.

— Прекраснейшая между женами (1,8; 5,9; 6,1).

— Ее глаза голубиные (1,15; 4,1).

— Ее волосы — стадо коз, сходящих с горы Галаадской (4,1; 6,6).

— Ее сосцы — двойня молодой серны (4,5; 7,4).

— обращение к жениху «друг мой», Ἀδελφιδός μου, (2,16; 6,3; 7,11), или «тот, которого возлюбила душа моя», ὃν ἠγάπησεν ἡ ψυχή μου, (1,7; 3,1.2.3.4).

— Друг ее — молодой олень, τῇ δορκάδι, (2,9.17; 8,14).

— Он принадлежит ей, а она ему, Ἀδελφιδός μου ἐμοί, καὶ ὅ αὐτῷ, (2,16; 6,3 сравни 7,11).

— Она покоится на его руке (2,6; 8,3).

— Она больна от любви, ὅτι τετρω μένη ἀγάπης ἐγώ, (2,5; 5,8).

— Он пасет между лилиями, ὁ ποιμαίνων ἐν τοῖς κρίνοις, (2,16; 6,3).

— Трижды (в начале, середине и конце книги) повторяется закливание дочерей Иерусалимских (2,7; 3,5; 8,14).

— Троекратный вопрос: «Кто сия?» (3,6; 6,10; 8,5).

Причем подобных выражений в других книгах Ветхого Завета более нет. Они оригинальны, присущи только Песни Песней и пронизывают ее всю, как единое целое.

3. Единство и постепенность развития, как основного содержания книги, так и ее частных особенностей.

Чувство любви невесты к жениху в начале является как бы в зародыше, неуверенным и неопределенным (1,1-3.6-7), в конце

становится крепким, как смерть, божественным пламенем, который ничто не может потушить (8,6-8). Сама невеста, прежде несовершенная (1,4), в конце достигает полноты и совершенства. Во внешнем описании природы можно различать смену времен года: зимы, весны (2,11-13), лета (4,11; 6,11) и осени (7,8-9).

Таким образом, нет оснований сомневаться, что Песнь Песней является единым цельным произведением, принадлежащим, соответственно, и одному автору.

Гипотеза драмы, или гипотеза «пастуха».

Эту гипотезу высказывали Эвальд [100,105], Ботхер [108], Гитциг [115], Местер [116], Ренан [122], Кэмпф [139], Штеелин. В их представлении Песнь Песней является сценической драмой с таким содержанием: девица любит пастуха со своей родины (Ливана), но попадает в гарем царя Соломона. На ласки Соломона девица отвечает отказом и предается воспоминаниям о своем пастухе, говоря о нем наяву и бредя о нем во сне. Царь, потеряв надежду, вынужден отпустить ее из гарема, и она возвращается на родину к своему возлюбленному пастуху.

В результате царь Соломон предстает побежденным и как бы осмеянным. Воспета верность подруги простого пастушка и единобрание.

Что касается литературной формы книги, то мы уже отмечали, что еще Ориген усмотрел в Песни Песней некий момент драмы или пьесы. Но практически эта книга никогда не имела сценического назначения и не употреблялась так ни в Ветхом Завете, ни в христианской церкви, ни в иудейской синагоге позднейшего времени.

Более того! Если бы кто вздумал поставить Песнь Песней на сцене, то у него ничего бы не получилось без основательной переработки сюжета книги. Дело в том, что в книге нет всех элементов, необходимых для драмы: драматически выдержанного диалога, действия, места сцены, однообразного деления пьесы на акты и явления, четкого разделения ролей. Этот момент замечали и сами представители этой гипотезы. Поэтому не случайно, что позднее Грэтц [130] и Ноак [129] стали видеть в Песни Песней уже не драму, а эпос и балладу, где весь текст, в том числе слова Соломона и других, приписывался одному рассказчику, а именно невесте. И теперь уже без всякой сцены.

Теперь остановимся на содержании гипотезы «пастуха». Суть ее, как уже отмечалось, в том, что в книге изображен не один, а два жениха — простой пастух и царь Соломон.

Вот аргументы критиков, приводимые ими в пользу утверждения, что в книге Песнь Песней изображено два жениха.

Первый аргумент. В 1,4 сказано: «Влеки меня, мы побегим за тобою, — царь ввел меня в чертоги свои, — будем восхищаться и радоваться тобою...» Здесь вначале невеста говорит во втором лице: «влеки меня, мы побегим за тобою». Потом она говорит в третьем лице, а значит и действительно об ином человеке: «Царь ввел меня в чертоги свои». Далее подруги (множественное число) говорят первому: «Будем восхищаться и радоваться тобою...» Итак, употребление то второго, то третьего лица говорит о существовании двух разных лиц (пастуха и царя).

На этот аргумент мы возражаем:

1. Можно и в разных лицах (ты, он) говорить об одной личности. Например: Николай, позови меня и я приду к тебе, — Николай завел меня в свой дом, — вот теперь я доволен», то есть прямая речь (обращение) прерывается дополнительным предложением, указывающим на то, что произошло.

2. Сторонники гипотезы двух женихов, конечно же, считают, что пастуха в царских чертогах не было. Там томится без него невеста. Так как же тогда подруги невесты обращаются к нему: «Будем восхищаться и радоваться тобою...»? Если же речь обращена не прямо к нему, а идет о нем, тогда, как мы уже указали, ничто не мешает видеть в возлюбленном и в царе одну личность.

Итак, этот аргумент слабый и отпадает.

Второй аргумент. Друг и возлюбленный невесты — пастух. Ибо она взывает: «Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих» (1,6)? И в другом месте: «Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии» (6,2). А пастух не есть царь! Да и царь Соломон никогда пастухом не был.

Этот аргумент надо признать серьезным. Он усиливается еще другими местами книги. В 5,8 вопрос дочерей Иерусалимских: «Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных..? Чем возлюбленный твой лучше других..?» — явно свидетельствует о том, что они не знали, кто жених этой невесты. А царя Соломона в Иерусалиме, конечно же, знали все! И еще: В 4,16 невеста, как хозяйка, приглашает возлюбленного в свой сад, следовательно, он ему и не принадлежит. Значит, друг ее явно не царь Соломон.

На этот аргумент мы ответим следующим образом. Ряд текстов можно гораздо проще и непринужденнее понять и воспринять, если считать, что возлюбленный друг невесты является именно царем.

В ст. 1,3 «Влеку меня, мы побежим за тобою; — царь ввел меня в чертоги свои, — будем восхищаться и радоваться тобою» гораздо естественнее считать, что царь, введший невесту в чертоги свои, и есть ее друг. При непосредственном чтении этого текста, если заранее «не знать», что друг и царь разные лица, к непредвзятому читателю эта мысль не придет.

— 1,11-12 «Доколе царь был за столом своим, народ мой издавал благовоение свое». Мирровой пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает». Здесь мысль не прерывается, а течет плавно, одно следует из другого. В присутствии царя благоухает народ невесты. Его присутствие является как бы причиной этого благоухания. А дальше (ст. 12) прямо и говорится, что друг ее, как мирровой пучок у груди ее, то есть он и есть ее благоухание. Таким образом, царь и друг как одно лицо является народом и миррой невесты, ее благоуханием. И попытка разделить здесь царя и друга искусственна и является натяжкой над текстом.

— В ст. 2,3 говорится о возлюбленном невесты. В 2,4 «Он ввел меня в дом пира (или дом вина), и зная его надо мною — любовь». Или в переводе Порфирия «Введите меня в дом вина. Означьте надо мною любовь». Итак, невеста и сама хочет в дом вина (LXX), она и введена в него. Дом вина принадлежит, естественно, не отсутствующему пастуху (который едва ли и вообще может быть обладателем дома пиршества), а присутствующему царю, хозяину дома вина, в который желает войти (а не убежать из него!) Суламифь, и действительно вводится в него.

— В 3,11 говорится, и с великой радостью и торжественностью, о «дне бракосочетания» царя Соломона, о дне «радостном для сердца его». Так, если бы он не обрел любовь Суламифи, какая бы радость была сердцу его? Да и непонятно, какой день бракосочетания? Дочери Иерусалимские сочувствуют Суламифи. Так зачем бы они «внутренность одра Соломонова убирали с любовью», если это противно воли Суламифи?

— В 7,6-9 царь Соломон восхищается Суламифью. Начинается этот текст со слов «царь увлечен твоими кудрями». А кончает царь Соломон словами: «уста твои — как отличное вино». Суламифь подхватывает: «Оно течет прямо к другу моему...» Гораз-

до легче и естественнее считать, что она это говорит царю, который только что восхищался ею, чем отсутствующему другу. И тогда 7,11 «я принадлежу другу моему» относится именно к царю Соломону.

Если бы царь Соломон хотел отнять Суламифь у ее истинного возлюбленного друга, то его чувство к ней навряд ли изображалось бы столь возвышенно, тем более если бы в задачу автора входило, как думают критики, осмеять его.

Таким образом, книга явно свидетельствует о том, что возлюбленный друг Суламифи, к которому ее стремление и влечение, — это царь Соломон.

Что же тогда сказать на аргументы критики, что царь не пастух, что не могли дочери Иерусалимские не знать царя (5,8), и не могла Суламифь приглашать царя-монарха в свой сад (4,16).

Начнем с последнего. Аргумент критики звучит странно уже потому, что и в LXX и в еврейском тексте в 4,16 Суламифь приглашает не «в сад мой», а говорит о возлюбленном, чтобы он пришел «в сад свой», то есть явно говорится, что владельцем сада является не она, а он. В 8,11 говорится конкретно, что у Соломона был сад-виноградник в Ваал-Гамоне. Говорится и о том, что он отдавал этот сад подотчетным ему стражам-виноградарям. И если в 8,12 Суламифь говорит уже о своем винограднике и часть от него дает царю, а часть стражам, то явно она это делает не как госпожа и владетельница сада, а как смотрительница, подотчетная хозяину-царю. Как смотрительница сада-виноградника она могла в 4,16 пригласить в него хозяина-царя.

Что же касается того, что не могли дочери Иерусалимские не знать царя и не мог царь быть пастухом, то это является неразрешимым противоречием только тогда, если заранее считать, что книга имеет буквальное значение. Да, буквально этого быть не может! Но вывод из этого святая Церковь делала всегда иной. Раз этого в буквальном смысле не может быть, значит, смысл книги таинственно-аллегорический! Так архиепископ Феофан (Прокопович), полемизируя с буквалистами, приводит факт того, что друг Суламифи и царь и пастух, именно как аргумент в пользу символического значения книги. Если же предположить, что царь и пастух — разные лица, то разрешив одно противоречие (царь не пастух), сразу попадаешь в другие. А именно, всем, только что приведенным текстам (1,3; 1,11-12; 2,3.4; 6,11; 7,6-10), приходится навязывать значение им не свойствен-

ное, или вовсе невозможное. Так видим, как неверная посылка о буквальном понимании книги ведет к неверному выводу, что царь и пастух — разные лица, а потом возникает противоречие и натяжки в разумении ряда других мест книги. Неверная посылка о буквальном понимании книги и о двух женихах в ней вынуждает Эвальда делать очередной неверный вывод, отрицая авторство Соломона. Ведь не мог же, по суждению Эвальда, Соломон написать на себя пародию. Отрицая авторство Соломона, Эвальд вынужден строить гипотезы, кто бы мог быть этим автором. Таковы «научные достоинства» библейской критики! И, наоборот, если принять точку зрения символического понимания, то решаются сразу все проблемы: с одной стороны, снимается противоречие, что царь есть пастух, и что дочери Иерусалимские не знали царя, а с другой стороны, все остальные тексты принимаются в их естественном значении.

Здесь мы можем обратить внимание читателя на еще один момент. Ведь «двоится» не только жених, но и сама невеста!

а) На протяжении почти всей книги мы видим, что невеста простого происхождения. Так в 1,5; 8,12 она стережет виноградник. Ее опалает солнце. На нее гnevаются сыны матери ее. Над ней иногда посмеиваются, а иногда ее бьют (5,7).

б) В 7,2 невеста названа «дщерью именной», «дщерью высокородною» (Макарий). Явно, что высокородная, именитая дщерь не могла быть простой скиталицей у шатров пастушеских, стеречь виноградник, и прочее. Так что же теперь? Вводить еще и две невесты?! Так окончательно запутывается гипотеза драмы буквалистов. Пастух-царь и именитая дщерь-скиталица могут быть поняты только в таинственно-аллегорическом смысле как один Жених и одна Невеста.

Жених — Царь Песни Песней (1,3; 3,7; 7,6) есть «Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним (Невеста), суть званые (девицы) и избранные (наложницы) и верные (царицы)» (Откр. 17,14), составляют Его Церковь. «Господь — царь на веки, навсегда» (Пс. 9,37).

Жених-пастух Песни Песней (1,7; 6,2.3) — есть Тот, Кому вопиет Давид: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим» (Пс. 22,1-2). А Сам Господь говорит: «Вот, Я Сам отыщу овец Моих и осмотрю их. Как пастух поверяет стадо свое в тот день, когда находится среди стада своего рассеян-

ного, так Я пересмотрю овец Моих и высвобожу их из всех мест, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный. И выведу их из народов... и буду пасти их на горах Израилевых» (Иез. 34,11-13). Возвещается и о грядущем Мессии! «И поставлю над ним одного пастыря, который будет пасти их, раба Моего Давида; он будет пасти их и он будет у них пастырем» (Иез. 34,23).^{*} Это сбылось на Том, Кто сказал: «Я есмь пастырь добрый» (Ин. 10,14).

И есть, наконец, текст псалма 79,2, где Господь одновременно именуется и пастырем и царем: «Пастырь Израиля! внемли; водящий, как овец, Иосифа, восседающий на Херувимах, яви Себя». Господь и пастырь, водящий подобно Иакову-Израилю Свой народ; Он и царь, как на престоле, восседающий на Херувимах, подобно Иосифу, владычествовавшему в Египте. Господь — Он и Иаков и Иосиф, Он и Пастух и Царь в одном Лице.

А что дочери Иерусалимские не знали царя (5,8), так это часто бывает, что душа не знает Бога. Так старец Силуан Афонский († 1938 г.) говорил, что многие знают о Боге (о Царе!), и почти никто Его не знает. «Редкие души знают Тебя, и мало с кем можно говорить о Тебе: больше спасаются люди верою. Но как Ты Сам сказал апостолу Фоме: «Ты видел и осязал, но блаженны и те, которые не видели, но веруют» (св. Силуан). Так вот, дочери Иерусалимские знали о Царе, верили, но не знали Его Самого «лично», знала же Его только любящая и преданная душа Суламифи.

А то, что Суламифь — то безвестная скиталица, то «дщерь именная» — это опять разрешается в духовно-таинственном толковании, но не буквальном. Об этом явно сказано у пророка Осии: «Но будет число сынов Израилевых как песок морской, которого нельзя ни измерить, ни исчислить; и там где говорили им: «вы не Мой народ», будут говорить им: «вы сыны Бога живаго» (Ос. 1,10). Сами израильтяне — то брошенные, в изгнании, недостойные Бога, то «сыны Бога живаго»; то скиталица среди пастухов, то дщерь именная! Также и у Исаии: «На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприму тебя. В жару гнева Я сокрыл от тебя лице Мое на время, но вечною милостью помилую тебя, говорит Искупитель твой, Господь» (Ис. 54,7-8).

^{*} То, что речь идет не буквально о царе Давиде, видно из того, что пророк Иезекиль жил свыше четырех веков после него.

Во второй части нашей работы будет дано таинственно-аллегорическое толкование книги, где будет показано глубокое соответствие текста книги такому ее пониманию.

Итак: по форме книга Песнь Песней не является драмой, написанной для сценической постановки, хотя некое подобие драмы в книге замечается. По содержанию гипотеза «пастуха», или мнение о двух женихах, царе и пастухе, совершенно неверна, так как не соответствует тексту книги и разрушает ее смысл, придает книге не присущее ей значение.

Гипотеза типистов

Гипотеза типистов выдвинута и развита такими библеистами: Льюис де Леон (1569 г.), Мерцерус (1573 г.), Лигтфорт, Бюссюэт (1693 г.), Р. Ловт (1753 г.), Хармар (1778 г.), Сальвадор (1828 г.), Гофман (1844 г.), Деличь (1851 г.), Регельсбах (1851 г.), Шлоттман, Коссович (1879 г.). Сторонники этой гипотезы пытаются примирить крайности буквального и аллегорического понимания книги Песнь Песней. Суть гипотезы в том, что в книге Песнь Песней воспет реальный конкретный случай любви Соломона к своей невесте. Суламифь в таком случае отождествляется либо с Ависагой Сунамитянкой (3 Цар. 1,1-14.15; 2,17-22), либо с женой Соломона — дочерью фараона (3 Цар. 3,1; 7,8). Воспев эту любовь, Соломон воспел тем самым высоту и чистоту брака. Но эта брачная песнь явилась прообразом (типом) духовного брака Ягве и Израиля, Христа и Церкви. Такая точка зрения, казалось бы, должна быть наилучшей, ибо снимает неприемлемые крайности буквального и символического понимания книги, а сама, в свою очередь, ничему не противоречит. Но, оказывается, нет! Внимательное проникновение в содержание и текст книги не позволяет принять эту точку зрения. Причиной этого неприятия не является недопустимость подобной ситуации, когда реальная конкретная история явилась бы прообразом чего-то иного, возвышенного. Так мы имеем подобное в случаях с жертвоприношением Исаака, руном Гедеоновым и других. Но в нашем случае это не так.

Что касается Ависаги Сунамитянки, то, во-первых, нет даже точного указания в Библии, что она была женою Соломона. Она прислуживала царю Давиду в его старости и согревала его собою, оставшись девицею. Ее попросил себе в жены Адония, соперник Соломона по царству. Но что с нею стало, не сказано. Во-вторых,

хотя в Песни Песней имя Ависаги не упомянуто, но все-таки оно происходит от еврейского abisag (=отец заблуждения, легкомыслия). И странно было бы иметь в основе столь возвышенного прообраза, где каждая деталь имеет значение, девицу с именем такого значения.

Странно было бы также иметь в качестве прообраза Церкви и Пречистой Девы Суламифь — дочь фараона, брак которой с Соломоном едва ли был вообще законным и благочестивым. Израилю запрещалось брать жен иноплеменных, дабы те не расположили его к идолопоклонству. В оправдание Соломона может служить только мнение, что дочь фараона была прозелиткою. Во всяком случае она не принесла в Израиль идолопоклонства. При ней строился в Иерусалиме храм истинному Богу. А когда Соломон попустил быть идолопоклонству, то египетские божества не названы (3 Цар. 11,4-8). Но все-таки и этот брак (с дочерью фараона) был скорее всего слабостью Соломона, которая позднее, к старости его, так недобро себя проявила.

Однако эти рассуждения не могут быть достаточно убедительными, чтобы отвергать гипотезу типистов. К отвержению этой гипотезы нудит сам текст книги Песнь Песней и то, что никто среди святых отцов такого мнения не придерживался. Блаженный Феодорит: «Говорят некоторые из них, что премудрый Соломон сам о себе и о дочери фараоновой оную написал; а другие, подобные первым, утверждают, что вместо дочери фараоновой разуметь здесь должно Ависагу Сунамитяныню... то я долгом поставляю, при начале истолкования моего ложныя оныя и душевредныя мнения прежде опровергнуть...» [45, стр. 3]. То есть это мнение чуждо Священному Преданию Церкви.

Приведем аргументы самой книги Песнь Песней, изложенные архиепископом Феофаном (Прокоповичем) [86], профессорами И. С. Якимовым [93] и А. А. Олесницким [74].

а) Имя Суламифь (или Суламита) все-таки гораздо естественнее производить вместе со святыми отцами от имени Соломон, а не от города Сунем.

б) То, что жених именуется то царем, то пастухом, с трудом может быть приложимо к «историческому» Соломону, который никогда пастухом не был. Гораздо лучше это объясняется, если считать, что речь идет не о реальном случае из жизни Соломона, а просто от царя Соломона взяты некоторые черты и образы для раскрытия образа божественного Жениха Песни Песней.

в) Реальная царица, тем более дочь фараонова, не стерегла бы виноградники, не подвергалась бы гневу братьев своих. Да и откуда сыновья фараона могли бы появиться в Иерусалиме? Как могли бы братья царицы (из Египта или Сунема!) заставить царицу стеречь виноградник?! Или у шатров каких товарищей царица (и в особенности дочь фараонова) пасла бы овец и коз? Кстати, египтяне считали пастушеское дело за мерзость (Быт. 46,34).

г) Как могла реальная царица терять своего мужа-царя и бродить по городу ночью, ища его? Да еще чтобы городские стражи ее при этом побили? Когда такое было?

д) Как могла бы реальная историческая невеста — царица быть по происхождению и пастушкой, и дочерью именитой?

е) Некоторые сравнения: «Шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружия, тысячи щитов висит на нем...», или: «Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску», были бы довольно странны в брачной песне реальных возлюбленных.

Таким образом, гипотезу типистов мы принять не можем. Если же сторонники гипотезы типистов скажут, что все образы Песни Песней суть лирические выражения возлюбленных, то возразим, указав на отсутствие подобного мнения у кого-либо из святых отцов.

Гипотеза чистой аллегории

Говоря о гипотезе чистой аллегории, мы имеем в виду не таинственно-аллегорическое толкование святой Церкви, а тот произвольный аллегоризм, вовсе не считающийся с буквальным смыслом книги, с одной стороны, и благодатно-духовным смыслом, раскрытым святыми отцами, с другой стороны. «Чистая аллегория» — это беспочвенное надуманное парение безблагодатного ума человеческого. И тут можно придумывать уже все что угодно. Таковы Генгстенберг [112], Шефер [136] и ряд прочих новейших толкователей.

Такие аллегористы умудряются увидеть в Песни Песней историю царя Константина или даже подробности всех перипетий эпохи Реформации в Европе и прочее.

Софиологическая гипотеза

Софиологическая гипотеза выдвигалась Л. Гебрусом и И. Розенмюллером, есть указания на нее и у Делича. Согласно этой гипотезе Суламифь является образом ипостасной Премудрости

Божией. Это толкование не может быть нами принято, так как согласно православному учению о Софии Премудрости Божией ипостасная Премудрость Божия отождествляется с ипостасным Словом, првечным Логосом — Сыном Божиим. А Сын Божий, Логос в Песни Песней есть Жених-Царь. (Смотри толкование образа Жениха Песни Песней как Логоса у святого Афанасия Великого [20].) Если же Суламифь есть ипостасная Премудрость, Логос, то кто же тогда Царь-Жених? Разве лишь Отец? Но тогда вся книга Песни Песней будет совершенной нелепостью. Если же считать Царя-Жениха Логосом, или Богом вообще, а Суламифь Премудростью, то мы впадем в догматическое противоречие либо о «четвертой ипостаси», либо о «ипостаси не ипостасной», либо о совсем «туманной» Премудрости Божией, отличаеомй и неотличаеомй от Бога. Ложность подобных учений о Софии Премудрости Божией В. Соловьева, священника П. Флоренского, протоиерея С. Булгакова раскрыта в трудах архиепископа Серафима (Соболева), святителя Иоанна (Максимовича), Вл. Лосского. Учение протоиерея С. Булгакова о Софии отвергнуто синодом епископов митрополита Сергия (Страгородского) и синодом зарубежных русских епископов митрополита Антония (Храповицкого).

Иероглифическо-таинственное значение

Высказана иероглифическо-таинственная гипотеза фон Пуффендорфом (1776 г.), Кистемакером (1818 г.). Эта гипотеза видит в образной речи Песни Песней указание на некое эзотерическое тайное учение, либо на иероглифическо-египетскую премудрость Соломона.

Такое учение не принималось ни в Ветхом Завете, ни в христианской Церкви.

Гипотеза Тайяра-Олесницкого

Эта гипотеза подробно изложена в книге профессора А. А. Олесницкого «Книга Песнь Песней и ея новейшая критика» [74]. С явной симпатией к этой гипотезе написан комментарий к Песни Песней А. Глаголева в «Толковой Библии» под редакцией А. П. Лопухина [70].

Олесницкий пишет: «Заинтересовавшись в высшей степени загадкою Песни Песней и не видя возможности придти к какому-либо решению на основании западной науки, мы решились об-

ратиться за помощью к восточной науке, восточному миросозерцанию, восточному искусству в разрешении загадок, тем более, что Песнь Песней своим появлением принадлежит во всяком случае Востоку». Будучи в Палестине, А.Олесницкий познакомился с неким евреем-прозелитом из персов Самуилом Тайяром, который и предложил ему это толкование. Олесницким оно было разработано. Согласно этой гипотезе, Песнь Песней изображает не жениха и невесту, а природу Палестины. То есть отвергается не только буквальное-брачное понимание книги, типическое, но даже и символическое! Жениха и невесты, как таковых, нет ни в каком смысле. Есть природа Палестины, изображенная антропоморфично, что по утверждению Тайяра очень свойственно Востоку. Под видом невесты изображена Святая Земля, природа Палестины. Под видом жениха — солнце. А члены тела от головы до ног — своеобразный «акростих». Как греки писали стихи, где каждый куплет начинался с определенной буквы алфавита, так здесь природа Святой Земли воспевается не в плане своего собственного устройства, а в порядке своего подобия тому или иному члену тела Суламифи-невесты. Далее излагаются три аспекта понимания Песни Песней.

1. Антропоморфное изображение природы Святой Земли и солнца.

2. Политический аспект. Природа Святой Земли указывает на ее народ времен царя Соломона, а солнце — на самого царя Соломона.

3. Религиозный аспект. Природа Святой Земли, ее народ под видом Суламифи-невесты указывают на царство Мессии, солнце — царь-жених — на самого Мессию.

Олесницкий усматривает в книге смену времен года во Святой Земле (Палестине):

1,1-2,7 Пробуждение после зимы.

2,8-3,11 Песнь весны. При этом 3,6-11 Песнь о восходе солнца.

4,1-6,3 Песнь лета.

6,4-8,4 Песнь осени.

8,5-8,14 Начало зимы.

Тайяр считает, что по своему назначению книга Песнь Песней изначально была составлена для богослужебного употребления на праздник Пасхи и никакого иного назначения никогда не имела. На Пасху читают книгу Исход в напоминание исхода Израиля из Египта и Песнь Песней в указание на Ханаан, на обетованную землю, где течет мед и молоко.

По поводу гипотезы Тайяра-Олесницкого заметим следующее. Все-таки гипотеза стоит не в ряду святоотеческих толкований, а в ряду человеческих мнений о книге Песнь Песней. И гипотеза эта очень «заземлена». Это определяется изначально, когда сразу же говорится, что книга Песнь Песней не западная, а восточная. Отчаявшись найти ключ к пониманию книги с помощью западной науки, обращаются за помощью к восточной науке, восточному миросозерцанию и искусству. Но Дух Божий, внушивший царю Соломону эту Песнь, не западный и не восточный. Не наука и искусство, а благодать Божия открывает богопросвещенным мужам тайны Священного Писания. Не достопочтенные мужи науки и искусства, а святые подвижники являются истинными толкователями Писания. Наука и искусство не отвергаются как подспорья для раскрытия буквального значения текста, но сакральный смысл раскрывается только Духом Божиим.

Видеть в Песни Песней не жениха и невесту, а природу и солнце под видом жениха и невесты, все-таки очень большая натяжка. И не случайно уже три тысячи лет все, независимо от того, как потом истолкуют, видят именно жениха и невесту, а не природу. Да и какой смысл говорить о простом (природа) так сложно и запутанно в виде брачной песни. Или уж тогда надо было это сделать гораздо нагляднее и очевиднее.

То, что сравнений с природой очень много — это факт. Песнь Песней — это не просто «брачная песнь», это «райская песнь». Адам и Ева в раю — вот прообраз жениха и невесты Песни Песней, Христа и Церкви, Бога и души. Жених и невеста действительно в «райском саду», в святом Иерусалиме, и сами сравнимы только с природой Святой Земли. Все дышит непосредственностью райского сада и первой четы. И все это указывает на новую тварь и новый виноград Христов. В остальном же многие мысли профессора Олесницкого перекликаются с мыслями святых отцов. Особенно когда он восходит к мессианскому значению книги.

3.8. Разбор аргументов против символического понимания книги Песнь Песней и церковное понимание книги

Противники духовного таинственно-аллегорического толкования Песни Песней приводят следующие аргументы.

Первый аргумент. У пророков Господь и Израиль сравнивается с мужем и женой, а в Песни Песней изображены юноша-жених и

невеста-девица. На это возражаем тем, что, во-первых, возлюбленный в Песни Песней нигде не назван юношей. И отношения жениха и невесты в этой книге — это отношения царя к невесте. Он являет ей свою милость. А это вполне прилично в отношениях Бога и Церкви. Юношески же страстного в книге нет ничего. Вся книга чиста и целомудренна. Во-вторых, и у пророков мы находим сравнение именно с женихом и невестой. Так пророк Исаия говорит: «Как юноша сочетается с девою, так сочетаются с тобою сыновья твои; и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Ис. 62,5).

Так что этот аргумент слабый и отпадает.

Второй аргумент. Притча или пророческая аллегория излагаются в Священном Писании всегда так, что из текста ясно, что речь идет об аллегории, требующей своего иносказательного значения. В Песни Песней же нет никакого намека на иносказательное значение. Поэтому все иносказательные толкования искусственны и произвольны. Их невозможно, исходя из текста книги, ни доказать, ни опровергнуть. Придумывать такие толкования можно сколь угодно. Этим и объясняется такое огромное количество самых различных и порой противоречивых толкований. Поэтому легко понять раввина Саадия, который, стоя на позиции аллегорического понимания, вынужден воскликнуть: «Знай, брат мой, что есть различные объяснения этой книги, и это не могло быть иначе, потому что Песнь Песней подобна замку, от которого ключ потерян».

Третий аргумент. Коль скоро толкователь-аллегорист вынужден сам подыскивать подходящее толкование (подбирать ключ к замку!), то, даже подобрав аллессию, он не получает никакого нового знания. Книга не сообщила ему ничего нового. Но только то, что он и так знал, он приспособил к этой Песни. Любая притча и пророческая аллегория дают новое ведение, которое следует распознать. А здесь уже известное приспособливают (неизвестно, зачем!) к брачной песне. Например, историческое толкование. Песнь Песней не дает никаких сведений по истории Израиля, не указывает и на имеющие случиться события. Толкователи же известную историю приспособливают к этой Песни. Но тогда зачем это нужно и что это дает? Также в догматическом толковании. Книга не сообщает новых догматов, а только уже известные приспособляются к этой книге. Но тогда зачем это нужно и что это дает?

Последние два аргумента очень серьезны и по существу дела. Только ответ на них может раскрыть истинное значение книги Песнь Песней, ее достоинство и употребление. Вот наш ответ на эти аргументы.

Что касается второго аргумента, то все-таки нельзя говорить, что Песнь Песней сама по себе не требует своего иносказательного толкования. Мы уже видели факты, что жених то царь, то пастух; что невеста то простая пастушка, смотрительница виноградника, то дочь именитая; что царица вдруг бродит по ночному городу и ее избивают стражи градские, странные сравнения членов тела и прочее — все это требует именно иносказательного изъяснения. Однако это требование иносказания порой неявно и несколько сокрыто, что и позволяет буквалистам видеть в книге только ее прямой брачный смысл.

Но в Священном Писании есть и другие тексты, которые сами по себе вроде бы не требуют своего иносказательного изъяснения или делают это прикровенно, и тем не менее всеми воспринимаются как иносказания. Например, Псалом 44. Песнь о царе и царице, а понимается в мессианском, экклезиологическом и даже мариологическом значении. Или, что заставляет в 14-й главе Исаии, а также 28-й Иезекииля под царями вавилонским и тирским видеть падение денницы (сатаны), но именно так толкуются эти тексты.

Кроме того, мы видим, что сам факт включения книги Песнь Песней в канон Священного Писания однозначно свидетельствует о ее религиозном, духовном содержании.

Но тогда — скажет критик — полный произвол. Придумывай, все что хочешь, как на деле часто и происходило. Вот здесь мы упираемся в самую суть вопроса. А суть в том, что Песнь Песней — книга Священного Писания, и написана Духом Святым, и дана святой Церкви. А значит, и истинное разумение этой книги, то есть ее толкование может быть только в Духе Святом и в святой Церкви, причем именно в Церкви православной! Церковность и духовность — вот две незыблемые основы истинного толкования. А по сути это и не две, а одна основа, ибо по учению святого Иринея Лионского: «Где Церковь, там Дух Божий и всякая благодать... где Дух Божий, там и Церковь» [37].

То есть толкование священной книги должно быть исключительно в контексте Священного Предания. Всякий отрыв от Священного Предания, хранимого и живущего в Церкви, обрекает толкование на бесплодность, бездуховность и, в конечном счете, лож-

ность. И уже неважно, допускает ли книга одно иносказание, или много, или ни одного — все они будут бесплодны, бездуховны, лживы, или ошибочны. И, наоборот, если в Церкви, если в Духе Божиим, то хоть буквальное значение, хоть единственно возможное иносказание или многообразные иносказания — все они будут глубоки, духоносны и истинны! Если говорить еще более конкретно, то истинным может быть только толкование православное, церковное и святоотеческое (духовное). Даже православный профессор-экзегет, если отрывается от святоотеческого разума, то он уже обрекает себя на бесплодные человеческие умствования, всегда в конечном счете ошибочные и неспасительные. К сожалению, часто и православные богословы забывают о том, что они таковы, и пишут работы, приличествующие разве лишь протестантскому теологу или просто ученому интеллектуалу.

Надо отметить, что такие профессора, как А. Олесницкий, ряд составителей «Толковой Библии» под редакцией Лопухина, по стилю весьма уподобились современным им протестантским экзегетам. И хотя стараются все излагать православно, но стиль и дух уже не тот, и создается ощущение, будто читаешь какого-нибудь Делича или Ланге, а не православного учителя.

Итак, Дух Святой научил святых отцов Церкви видеть в книге Песнь Песней таинственную аллегорию. Потому в святоотеческих аллегориях нет ни надуманности, ни произвола. Мы нашли семикратное святоотеческое прочтение этой книги. Это не семь различных вариантов или гипотез. Это по сути своей одно и то же, только с семи сторон, или, гораздо лучше сказать, по семи ступеням глубины уразумеваемое. Это единая семиступенчатая лестница разума этой таинственнейшей книги Священного Писания, таинственного союза Творца и твари. Все же остальные варианты — хоть это буквальное понимание, хоть типическое, хоть все возможные вариации аллгоризма — бесплодное блуждание человеческого ума и чувств. Поэтому мы видим суть своей работы не в беспристрастном научном анализе и сопоставлении различных гипотез, не в научном «анатомировании» книги, а в изложении святоотеческого толкования, его систематизации и предложении его в удобной для читателя форме. При этом мы, естественно, прилагали и свои суждения, как к этому призывает блаженный Феодорит, но стремились всегда хранить их в святоотеческом церковном русле. А судить об этих суждениях, если они того заслуживают, предоставляется благочестивому и боголюбивому читателю.

Так что зря сетовал раввин Саадий — ключ к разумению книги Песнь Песней не потерян — он в святой православной Церкви у святых отцов, Духом Божиим постигающих тайны этой книги. И возможность отвергать или утверждать то или иное толкование тоже есть — ее имеет Церковь, которая есть столп и утверждение истины. А бесплодность, беспочвенность, бездоказательность своих толкований как раз показала отпавшая от Церкви, живущая без Бога наука, хотя бы она и называлась богословием или экзегетикой. Научная безблагодатная теология разных вероисповеданий хотя и говорит иногда верно, но говорит безблагодатно, не духовно, не спасительно, а значит уже и неверно!

Таким образом, второй аргумент отпадает. Возник он вне Церкви. И вне Церкви и не мог не возникнуть. Люди, лишенные благодати Духа Святого, оказавшиеся вне Священного Предания и святой Церкви, действительно утратили ключ* к разумению книги, оказались один на один с книгой и не знают, что с ней предпринять. Наука и искусство западное и восточное, умы практические и спекулятивные уразуметь уже ничего не могут. И чем больше стараются это делать, тем больше только запутывают дело. Кстати, сами эти ученые, «ничтоже сумняшеся», и толкования святых отцов прилагают к морю своих гипотез, считают святых отцов такими же, как они сами, и «анатомируют» их творения своим безблагодатным разумом, не ведая, что творят. Шаткость и неубедительность подобного рода аргументации очевидна. Ведь все эти факты можно объяснить и по-другому. Поэтому и возникают столь разные школы в исagogике. Святым отцам подобная методология совершенно чужда. Чужда она и точной науке.

Нелишне, кстати, заметить и о научном достоинстве библейской критики. С одной стороны, перед нами капитальные основательные монографии, создающие впечатление большой научной основательности. Но все-таки именно научной основательности им весьма и не хватает. Это доказывается уже тем, что «научно основательные» труды порой полностью противоречат друг другу. Ведь то, что научно доказано, то однозначно. Нет же двух разных мнений по поводу теоремы Пифагора, или того, что в 1812 г. было Бородинское сражение. Библейская критика делает многие свои утверждения, явно не имея на то достаточных научных данных.

* Ключ — Дух Святой, ключари — святые отцы.

Вот примеры:

— Если в книге жизнерадостный тон, то она написана в первое время после плена, но никак не во время плена.

— Если в книге встречаются арамейские слова, то она написана после Вавилонского плена, а не до него.

— Если в книге встречаются слова, характерные для другого пророка, значит они принадлежат разным авторам.

— Если в книге нет упоминания о чем-то важном, значит оно неизвестно автору, и книга написана до этого важного события или лица.

А теперь перейдем к третьему аргументу.

А что, действительно, дает нам книга Песнь Песней, если индизказательное значение ее должно быть подобрано, а не следует из нее самой?

На это ответим, что, во-первых, это не совсем так. Ряд сравнений, изречений, образов в Песни Песней чрезвычайно глубок, содержателен и оригинален (не встречается в других книгах). Поэтому нельзя говорить, что Песнь Песней не дает дополнительного ведения. Книга вносит существенный вклад в библейскую христологию, экклезиологию, мариологию, аскетику. Это будет подробно раскрыто во второй части нашего труда. Учение о Христовой любви, о первой заповеди любви к Богу было бы в Библии гораздо бедней и бледней, не содержи она Песнь Песней. Да и учение о браке было бы не завершено и не имело бы своей высоты и силы без Песни Песней.

Но основное значение книги Песнь Песней действительно не в том, чтобы сообщать новые богословские знания (информацию). А в чем?

Овощи растут в огороде. Что нового добавляют к выросшим в огороде овощам повар и рецепты? Ничего! Они не увеличивают количества овощей и не добавляют новых. Но зачем же они тогда нужны? Может, их отменить за ненадобностью? Они нужны для того, чтобы сделать эти овощи удобоприемлемыми для употребления, приятными для вкуса, вида и обоняния. Так и Песнь Песней приготавливает догматы Писания таким образом, что они получают свою удобопостижимость, раскрывают свою дотоле сокрытую глубину и красоту, и даже свой неповторимый аромат. И это не праздный эстетизм, а включение всего человека в постижение предельно возможной глубины догматов. Без Песни Песней и внутренние силы человека и глубина и красота догматов так и остались бы нераскрытыми в той мере, как мы это имеем теперь.

И еще вопрос: а зачем люди поют? Зачем поют ангелы и праведники на небесах? (Откр. 5,9: «И поют новую песнь, говоря...»). Ведь пение не сообщает ничего нового. Все можно сказать и просто так. Почему недостаточно слово сказать, но его надо еще и спеть? Самоочевидно, как обесцветилась, сделалась бы пресною наша жизнь, если бы из нее исчезло пение! Пение придает слову красоту, усвояемость, необычайную силу, пробуждая все внутренние силы человека. Благодаря пению слово получает новое (Откр. 5,9), неповторимое звучание и неотразимую силу. Так вот, эту красоту, это звучание и эту силу получают догматы Священного Писания через Песнь Песней!

Не случайно поэтому, что величайшие святые отцы в своих лучших творениях обращались к Песни Песней. Тот же Ориген, по свидетельству блаженного Иеронима, превзойдя всех в своих книгах, в толкованиях на Песнь Песней превзошел самого себя! Не случайно, что величайшие подвижники и аскеты (святые Макарий Великий, святой Максим Исповедник и сколько тех, кто ничего не написал!) дышали воздухом Песни Песней в своих подвигах, созерцаниях и переживаниях.

И еще одно сравнение, поясняющее различие толкований этой книги даже среди святых отцов. Почему одно и то же выражение или слово могут быть столь различно истолкованы? Так, на первый взгляд, какая связь между историческим толкованием и, например, мариологическим? Почему слова «Я сплю, а сердце мое бодрствует» относится и к сердечной Иисусовой молитве подвижника, и к постоянно иудейского общества в определенный момент его истории?

Это поясняется таким сравнением: в облаках произошло одно событие — электрический разряд. Но как многообразно это событие отразилось и отозвалось! В мире световом сверкнула молния. В мире звука слышатся раскаты грома. Где-то загорелось дерево. В чьей-то записной книжке появились стихи. Иные измеряют атмосферное давление. Кто-то испытывает страх. Ну, и так далее. Таким образом, и Песнь Песней великого Соломона нашла свой отзвук, или лучше — именно озвучила — и историю Израиля, и догматы Церкви, и духовные переживания, и состояния подвижника. Песнь Песней взволновала и богослова-учителя, и подвижника, и ученого-текстолога, и всякую христианскую душу. И в каждом из них она зазвучала по-своему.

В заключение надлежит еще рассмотреть: насколько Песнь Песней подлежит толкованию?

Тут возможны три подхода:

1. Не толковать вообще, брать только буквальный смысл.
2. Брать для толкования только общую мысль.
3. Толковать каждый штрих сказанного в книге.

Первый подход мы уже отбросили. А вот что касается второго и третьего, приведем мнение профессора А. Олесницкого. Он пишет о представителях аллегорического понимания, что «они вызывали его (буквальное понимание. — Г.Ф.) и питали своим собственным произволом в проведении до конца резких крайностей аллегорического толкования, — чем могла только подрываться, а не утверждаться его достоверность. Им мало было указать, что Песнь Песней имеет духовное значение, что под женихом нужно разуместь Мессию, а под невестою — общество верующих или отдельную человеческую душу. Они пошли дальше, перенося каждое отдельное выражение Песни Песней на отношения религиозныя и останавливаясь подробно над вопросом, что значит чрево невесты, ея грудь, ея спальня и прочее. Это было уже злоупотребление и нецеломудренное отношение к книге, недалеко отстоящее от того нецеломудренного отношения к ней, какое проводят буквалисты. Как будто аллегория, притча или басня всеми своими деталями, выведенными только для полноты картины, должны давать отдельные духовно-нравственные указания, независимыя от общего смысла притчи или аллегии! Уже двенадцать книг скрупулезного толкования Песни Песней Оригена вызвали протест антиохийской школы. Крайности аллегорического толкования Бернарда Клервосского и других христианских мистиков вызвали реакцию позднейших протестантских толкователей» [74]. Этот вопрос тоже ключевой в экзегезе книги Песнь Песней. Вообще мысль Олесницкого неплоха и соответствует мысли святого Иоанна Златоустого, который тоже говорит, что в притче надо брать только общую мысль, а не толковать каждую деталь. Да, но ведь это не общее правило! Ведь сам Христос иногда толковал каждый штрих притчи: о сеятеле (Мф. 13,18-23), о плевелах (Мф. 13,36-43). А очень важно и характерно в высказывании Олесницкого вот что: полное отсутствие принципа церковности. Он не видит разницы между святыми отцами и позднейшими протестантскими толкователями. Для него существуют только различные школы и ученые. Для него в общем-то все равно, кого критиковать, святого отца или внецерковного (еретического) экзегета. При-

знание Церковью толкований святых отцов (Афанасия Великого, Кирилла Александрийского, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, Феодорита Кирского и других), которые толкуют каждый штрих книги, его не смущает. Он свободно может с этим не считаться. Оставаясь православным по вере, он фактически становится представителем библейской критики, а не церковной экзегетики.

Мы принимаем в толковании Песни Песней ее общие основные мысли, но принимаем и толкование отдельных деталей и штрихов там, где это открыто. Там же, где сокровенный смысл отдельных штрихов сокрыт, или, может быть, отсутствует, там мы и оставляем эти штрихи без толкования. У святых отцов в плане экклезиологического толкования (св. Григорий Нисский и блаженный Феодорит) мы имеем полное толкование книги, каждого ее стиха и слова. В других толкованиях и у других отцов мы, действительно, имеем либо только общую мысль, либо указания на некоторые отдельные тексты. Были и другие полные святоотеческие толкования, но до нашего времени в полном объеме не сохранились.

3.9. О разделении содержания книги

Нам нет никакой надобности передавать содержание книги, поскольку будет дано ее подробное полное толкование. Что же касается способов деления текста книги на различные отделы, то их так много (от четырех частей до тридцати), что ни один из них не может быть принят определенно. Автор Песни Песней явно ни о каком ее делении на части не помышлял. Поэтому и мы отказываемся от какого-либо расчленения текста книги.

3.10. Сводная таблица различных концепций Песни Песней и ее представителей

I. Иудаистические толкования							
№	Школа	№	Концепция толкования	№	Имя или источник	Даты	Примечания
1	Традиционная	1	Историческое	1	Талмуд	I–V	Традиционное понимание Иудейско-мессианское значение
					Равви Акиба	ум. 132	
				2	Таргум	VII	
				3	Мидраш	VII–IX	
				4	Равви Саадий	X	
2	Гермнев- тическая	2	Буквальное и историческое	5	Равви Раши (Соломон-бен-Исаак)	ум. 1105	Comentarius in libros historicos et Salomonis v.T., in Lat. vertit J.Fr. Breithaupt, 1714 г. Авторитетный учитель иудейской синагоги
				6	Рашбам (Самуил-бен Меир)	XII	
				7	Давид Кимхи	1190– после 1250	
				8	Абен-Езра	ум. 1167	
3	Фило- софская	3	Соединение интеллектов деятельного и страдательного	9	Моисей Маймонид	ум. 1204	Крупный иудейский ученый
				10	Йосиф-ибн Акнин		
				11	Моисей-ибн-Тиббон		

Продолжение таблицы

				12	Иммануил-бен-Соломон		
				13	Леви бен-Герсон	нач. XIV	
4	Мисти-ческая	4	Учение о духах, их соединение				Вносились каббалистические моменты
5		5	Буквальное понимание (брачная песнь)	14	Аноним	XII	В Богемии
				15	Аноним	XIII	
II. Христианские толкования							
№	Школа	№	Концепция толкования	№	Имя или источник	Даты	Примечания
6	Христианская	6	Экклезиологическое (Христос и Церковь)	16	Ориген	185–253	10 книг, перевод Руфина (часть)
				17	Св. Афанасий Великий	297–373	– Expositio in Cant. Conticorum, теперь утрачено, но было известно еще Фотию, Cod.139. – Синописис Псевдо-Афанасия
				18	Св. Григорий Нисский	† 394	“Точное изъяснение Песни Песней”
				19	Св. Елифаний Кипрский	† 403	Commentarius super Cant. Salomonis ed. P.F.Foggini, Rom 1750. Авторство сомнительно. Так, 80 наложниц (6,8) толкует на немых, то есть не пророчествующих пророческих духов, в то время, как Елифаний в “Панарионе” т. 3, п. 2 видит в них 80 христианских ересей. Но в любом случае, творение древнее, засвидетельствовано Кассиодором. Иные считают это творением епископа Филона Карпафийского
				20	Бл. Феодорит Кирский	V	“Толкование на Песнь Песней”
				21	Св. Кирилл Александрийский	† 444	Сохранился отрывок

Продолжение таблицы

			22	Св. Иоанн Дамаскин	V	Третье слово в защиту иконопочитания
			23	Франциск Скорина	XV–XVI	
			24	Иероним Озориус	1600	Каноник из Евора в Португалии
			25	Ян Пискатор		Comentarius in Proverbia Salomonis itemque Canticum Cantorum, Herborn, 1647 г. Граверы к Песни Песней
			26	И. Герхард	1666	
			27	Штарке		
			28	Магн.Фр. Рооз	1773	
			29	Герлах	1849	
			30	Кейль	1853	
			31	Генгстенберг	1853	
			32	Хан	1852	
			33	g. Hoelemann	1856	
		7	Образ евангельских событий	34	Св. Кирилл Иерусалимский	† 386 (14 огласит. слово)
		8	Неизвестные	35	Св. Киприан Карфагенский	† 258
				36	Диодор	Упомянут у Феодорита
				37	Иоанн	Упомянут у Феодорита
				38	Прокопий Газский	М. 87 t
		9	Духовно-психологическое (Бог и душа)	39	Ориген	† 253 Две беседы в переводе бл. Иеронима Стридонского
				40	Св. Дионисий Александрийский	† 264
				41	Евсевий Кесарийский	† 340 Coment in Cant. Canticorum, почти все утрачено.
				42	Макарий Великий Египетский	† 390 Opera ed. Pritius, Lips 1699 г.
				43	Св. Максим Исповедник	VII Paraphrasis in Cant. Canticorum (греч. Auctrar. Bibl. Patr. II, 681 ss, и в Библии Patr. ed. Morell т. XIII)

Продолжение таблицы

			44	Прп. Нил Синайский		Отрывки его толкования у Прокопия
			45	Виллиарам	† 1085	Аббат в Эбереберге в Баерн. Paraphrasis in Cant. Canticorum, ed. Merula, Lugd. Bat. 1598 г.
			46	Гонорий	† 1152	v. Autun. Ключинское движение
			47	Бернард Клервосский	† 1153	86 гомилий. Аббат. Вели- кий деятель католической церкви. Основополагаю- щее на Западе толкование Песни Песней
			48	Гильберт фон Гойланд	XII	48 бесед. Ученик и продол- жатель толкования Бер- нарда
			49	С. Виктор		
			50	Фома Аквинский	XIII	Западный схоластик, doctor angelicus
			51	Бонавентура	† 1274	Западный учитель, doctor seraphicus
			52	Герсон		
			53	Тереза Авильская		Мистическое созерцание
			54	Иоанн Креста		Испанский святой
			55	Дельрио		Испанский мистик
			56	Дельгадо		Испанский мистик
			57	Сотомагор		Испанский мистик
			58	Пинедо		Испанский мистик
			59	Ороезо		Испанский мистик
			60	Иоанн Мих. Дильхер	1640	
			61	Иоак. Ланге	XVIII	
			62	Рамбах	XVIII	
			63	Штарке	XVIII	
			64	Густав Ян	1848	
	10	Историко- мистическое (Бог и Израиль)	65	Бл. Авгу- стин еп. Ип- понский	† 430	О граде Божием
			66	Мартин Лютер	XVI	Реформатор. (Израиль времен Соломона), Brevis enaratio in Cantica Canticorum, Opp. ed. Erlang. vol. XXI

Продолжение таблицы

			67	Леон Хуг	1815	Кайзер
			68	Кайзер	1825	
			69	Розенмюллер	1830	
		11	Пророческо-апокалиптическое	70	Апоний	VII Expositio in Cant. II, VI (Откровение мировой истории от творения мира до Страшного Суда)
				71	Николай де Лира	Postilia in universa Biblia гл. 1-6 История Израиля от Моисея до Христа гл. 7-8 История христианства до царя Константина
				72	Эдерус	Произвольно применяют к различным событиям истории реформации
				73	Иаков де Валентиа	
				74	Иоанн Коцеюс	
				75	Гроуневеген	
				76	Гулих	
				77	Райнхард	
				78	Иоанн Марк	
				79	Голтц	
		12	Аскетическое (Христос и девственная душа)	80	Свмч. Мефодий Патарский	III "Пир десяти дев"
				81	Св. Амвросий Медиоланский	† 397 О девстве и браке
		13	Мариологическое (Христос и Приснодева Мария)	82	Св. Амвросий Медиоланский	† 397 Sermo de virginitate perpetua S. Mariac
				83	Руперт Дейцский	Cant. Canticorum II.VII. Только указанное св. Амвросием излагает в виде последовательного толкования всей книги
				84	Дионисий Каргузианус	
				85	Парвус	
				86	Гислерий, Салмерон	Толкуют трояко: Церковь, душа, Приснодева
				87	Корнилий Лапид	1730

		14	Христологическое (Слово и Его Плоть)	88	Св. муч. Мефодий Патарский	III	“Пир десяти дев”
				89	Св. Афанасий Великий (Псевдо-Афанасий)	† 373	Синописис
III. Библейская критика							
№	Школа	№	Концепция толкования	№	Имя или источник	Даты	Примечания
7	Библейская критика	15	Буквальное (брачная любовная песнь)	90	Феодор еп. Мопсуетский	ум. 429	Еретик
				91	Севастьян Кастелио	ум. 1544	Изгнан Кальвином из Женевы
				92	Хуго Гроций	1664	
				93	Рихард Симон	1685	
				94	Иоанн Клерикус	1733	
				95	Иоанн Землер	1760	
				96	Махаэлис	1768	
				97	Генгстенберг		
				98	Кистемакер		
				99	Шольц		
				100	Вельте		
				101	Гэверник		
				102	Кейль		
		16	Гипотеза фрагментов (сборник любовных песен)	103	Лессинг	1777	
				104	Гердер	1778	
				105	Eichhorn	1780	
				106	J. Kleuker	1780	
				107	Doderlein	1792	
				108	Belthusen	1786	
				109	J. Goab	1795	
				110	Justi	1807	
				111	Dopke	1829	
				112	Magnus	1842	
				113	Heiligstedt	1848	
				114	Rebenstein	1834	
				115	Sanders	1866	
				116	Lobner	1851	

Продолжение таблицы

		17	Гипотеза драмы (любовная драма при одном или двух женихах, гипотеза пастуха)	117	Paulus	1875	
				118	Jacobi	1771	
				119	Hezel	1777	
				120	Ammon	1795	
				121	Staudlin		
				122	Umbreit	1828	
				123	Ewald	1826	
				124	Koster	1839	
				125	B.Hirzel	1840	
				126	Bottcher	1850	
				127	Rocke	1851	
				128	Meier	1854	
				129	Hitzig	1855	
				130	Friedrich	1855	
				131	Baihinger	1858	
				132	Weisbach	1858	
				133	E.Renan	1860	
				134	Kaempff	1879	
		18	Гипотеза типистов (любовь Соломона к своей Невесте, как прообраз Христа)	135	Luis de Lean	1569	
				136	J. Mercerus	1573	
				137	Bossuet	1693	
				138	J. Lightfoot		
				139	Rob Lowth	1753	
				140	Harmar	1778	
				141	Salvador	1828	
				142	Hofmann		
				143	F.Delitzsch	1851	
				144	Ragelsbach	1851	
				145	Schlottmann		
				146	Коссович		
		19	Иероглифическо-мистическое (эзотерическое учение или иерографическо-египетская мудрость Соломона)	147	v. Puffendorf	1776	
				148	Kistemaker	1818	
		20	Софиологическое (Суламифь — ипостасная Премудрость Божия)	149	Leo Hebraus		
				150	J.Rosenmuller		
		21	Гипотеза Тайяра и Олесницкого	151		XIX	

ГЛАВА 4

ТЕКСТОЛОГИЯ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Всякий толкователь Священного Писания становится в первую очередь перед вопросом: а что именно, какой текст толковать? Как известно Urtext, текст оригинала библейских книг, вышедших из рук богодухновенных писателей, не сохранился. Теперь перед экзегетом всегда вопрос: какой текст максимально приближается к оригиналу? Разные переводы книги Песнь Песней различаются порой немало. Например, в 2,7 в славянском (елисаветинском) переводе: «Заклях вас, дочери Иерусалимли, в силах и крепостях села: аще возставите и возбудите любовь, дондеже восхошет». А в русском синодальном переводе: «Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно». Возникают вопросы. 1. Так речь идет о пробуждении любви (слав.) или возлюбленной (рус.)? 2. Ее надо будить (слав.) или не надо (рус.)? 3. Чем заклиняют дочерей Иерусалимских — силами и крепостями или сернами и ланями?

В этой главе мы скажем об основных авторитетных текстах книги. Проведем их сопоставление. Обсудим вопрос, какой из них максимально приближен к оригиналу. Как ориентироваться в вопросе текста книги русскоязычному читателю.

4.1. Древние тексты книги Песнь Песней

Как известно, книга Песнь Песней написана на древнееврейском языке. Но до нас этот текст не дошел. Мы имеем масоретский текст. Наиболее употребительно издание Киттеля [1]. В основе этого издания лежит рукопись всего Ветхого Завета, записанная в Египте, в 1009 г. С.Petropolitanus, В 19 А, хранящаяся в государственной публичной библиотеке Санкт-Петербурга.

Первым и основным переводом Священного Писания является перевод 72 толковников на греческий язык, Септуагинта

(LXX), составленный в середине III в. до Р.Х. Древнейшие полные тексты LXX дошли до нас с IV в. по Р.Х. Поскольку этот перевод древнее сохранившихся еврейских текстов, то он имеет очень важное значение при восстановлении оригинала (Urtext'a). Восточная Церковь всегда пользовалась текстом LXX, и переводы на другие языки совершала, в основном, с него.

Древнегреческий текст LXX книги Песнь Песней по изданию Альфреда Ральфа [2] используется в нашей работе.

Важнейшим для толкования Священного Писания является латинский перевод блаженного Иеронима Вульгата (386-405 гг.). Этот перевод имел и имеет исключительное значение в Западной Церкви.

Нами используется латинский текст Vulgata блаженного Иеронима книги Песнь Песней по изданию немецкого библейского общества 1969 г. [3].

Из других важных и авторитетных древних переводов Священного Писания, и в том числе книги Песнь Песней, следует упомянуть Сирский (Пешито), Арабский и Эфиопский.

4.2. Вопрос об изначальном тексте книги Песнь Песней

Естественно именно еврейский (масоретский) текст передает нам всю красоту Соломоновой Песни, ее динамику, чувство и мысль. Ведь даже наилучший оригинал всегда лучше и весьма хорошего перевода. Но тем не менее остановимся теперь на важнейшем вопросе библейской текстологии: какой из текстов — древнееврейский масоретский (дошедший до нас) или древнегреческий LXX стоит ближе к оригиналу (Urtext)? Все остальные переводы, как возникшие значительно позже и являющиеся переводами либо с еврейского, либо с греческого, имеют уже второстепенное значение, и их надо в свою очередь рассматривать с точки зрения соответствия еврейскому, либо греческому оригиналу.

Дальнейшие наши рассуждения по соотношению текстов еврейского и греческого основаны, в основном, на текстологическом анализе профессора А. Олесницкого [74].

Существует мнение критиков (Раабе [141], Ноак [129]), что нынешний текст Песни Песней весьма отходит от первоначального (Urtext). На основе языковых исследований они позволяют себе составлять новый текст, выдавая его за Urtext, который фактически является уже совсем другой книгой, чем библейская Песнь Песней.

Причинами утраты первоначального текста критика считает:

1. Произвольное разделение букв на слова. В древнееврейском тексте все буквы писались подряд без разделения на слова.

2. Свободное вставление гласных.

И вот критики производят иную разбивку букв на слова и вставляют иные гласные. Если Раабе сильно меняет форму, то Ноак уже и самое содержание. Вот один пример:

1,1-2 «Песнь Песней, которая есть Соломонова».

О если бы Он лобзал меня теперь лобзаниями уст своих!

Так ласки любви Твоей лучше вина.

(В переводе с еврейского архимандрита Макария Глухарева).

А вот что получилось у Ноака:

1,1-2 «Песнь Песней я воспою, чтобы он вооружил меня оружием силы твоей. Да моя красота подвинет тебя в упоении, к удовольствию вождей твоих».

Это уже совсем другая книга, которую критики предлагают нам принять за первоначальный текст! Тут полный произвол, и составить так можно все что угодно. Православные библеисты отвергают саму идею восстановления первоначального текста. Мы не восстанавливаем (не изобретаем!) первоначальный текст, а ищем наибольшее ему соответствие в имеющихся древних текстах.

Речь идет о таких древних текстах: 1. Древнееврейский масоретский, 2. Септуагинта (LXX), 3. Сирский (Пешито), 4. Арабский, 5. Эфиопский, 6. Латинский (Vulgata) и 7. Халдейский. Среди них три основных, независимых друг от друга текста: масоретский, Септуагинта и сирский. Эти три текста составлялись на основе еще более древнего еврейского и друг от друга независимы. Поэтому их значение в уяснении первоначального текста основополагающее. Переводы арабский, эфиопский и Vulgata уже зависят от LXX, так как их переводчики явно имели перед собой LXX и часто руководствовались ею. Халдейский перевод является, собственно, не текстом Песни Песней, а толкованием ее. Таким образом, определение первоначального текста сводится к вопросу: какой из текстов, масоретский или Септуагинта, более соответствует исходному? Остальные тексты могут потом быть учитываемы в дополнение к основному.

Для ответа на этот вопрос важно выявить причины, почему в еврейском тексте произошли отклонения от первоначального. Есть обычные причины, свойственные и для других книг Ветхого Завета, и есть особые причины, касающиеся именно книги Песнь Песней.

Обычные причины:

1. Случайные изменения в начертании букв, которые могли происходить при переписке текста. Библейская текстология утверждает, что таковых изменений очень мало и они не имеют существенного значения.

2. Древнееврейский текст, как известно, не имел гласных. Гласные были вставлены позднее. Могло случиться, что неточно.

3. Могла произойти замена неясного выражения на более ясное.

Особые причины.

Особых причин мы можем указать две.

1. На одну из них указывает Талмуд в Тосефте: «Все места Писания, затрагивающие чувство стыдливости, должны быть заменяемы другими, более удобно произносимыми выражениями» [33, стр. 402]. А в книге Aboth равви Натана (сар. 1) говорится, что «книга Песнь Песней, вследствие некоторых своих выражений, казавшихся слишком чувственными, была сначала предметом соблазна и (некоторыми) считалась светскою песнию вместе с книгой Притчей, пока люди Великой синагоги (400 г. до Р.Х., при Неемии. — Г.Ф.) не прочли ее особым образом, то есть с корректурными изменениями». Вместо конкретного термина, говорящего о теле или чувствах, давалось, за счет изменения гласной, некое сглаженное общее понятие, либо заменой суффикса описание переходило с невесты на жениха.

Эта корректировка Великой синагоги сняла всякие препятствия с признания и употребления книги Песнь Песней как канонической. Истинный же текст хранился в тайне раввинами и не сообщался всему народу. А до тридцати лет и вовсе не разрешалось ни читать, ни в руках держать эту книгу.

Примеры корректуры Великой синагоги:

В ст. 1,2; 7,13 слово *dad*, означающее «сосцы», «груди», заменено на *dod*, означающее «ласка». О том, что в исходном тексте было именно *dad*, свидетельствует в Мишне равви Иозуа-бен-Ханини.

В ст. 6,11 слово *dad* в масоретском тексте просто вообще опущено.

Странные выражения LXX в 1,2 *ὅτι ἀγαθοὶ μαστοὶ σου ὑπὲρ οἶνον* «ибо перси (сосцы) твои лучше вина», *ἀγαπήσομεν μαστούς σου ὑπὲρ οἶνον* «возлюбим сосца твоя паче вина» (1,4), отнесенные к жениху, являются, возможно, случаем, когда была проведена замена суффикса и выражения стали вместо невесты относиться к жениху.

2. Вторая особая причина состоит в том, что, поскольку синагога отвергла буквальное понимание книги и утвердила ее символическое значение, то иногда конкретный термин не указывают, а сразу приводят его символическое значение. Таким образом дается, собственно, уже не текст книги, а его интерпретация, зависящая от разумения аллегории.

Учитывая эти общие и особые причины отклонений от первоначального текста, могут быть предложены следующие принципы отбора, при сопоставлении различных текстов:

1. Если в одном тексте термин мягче, обычнее, более общий, а в другом более жесткий, непривычный, конкретный, то предпочтение отдается второму тексту.

2. Если в одном тексте присутствуют архаизмы, а в другом присутствуют элементы позднейшего языка, то предпочтение отдается первому тексту.

3. Чтение, встречающееся в разных текстах, при благоприятствующих других условиях, предпочитается перед чтением одиночным, не подтвержденным другими текстами.

4. Более древний текст имеет предпочтение перед позднейшим.

5. Перевод может быть предпочтен еврейскому тексту, если он сделан с более древнего, не подвергшегося корректировке, оригинала.

Масоретский текст

Масоретский еврейский текст был составлен в VI в. по Р.Х. Он значительно очищен от корректировок талмудического периода (то есть лучше), но не настолько, чтобы дать чистый первоначальный текст.

К отклонениям от первоначального текста можно отнести такие слова и изречения:

Слово «*dad*», означающее «сосцы» или «груды» в 1,2; 7,13 и других местах, заменено на «*dod*», означающее ласку, дружбу.

В 6,11 слово *dad* вовсе опущено.

В 8,2 внесен истолковательный излишек «ты будешь учить меня».

В масоретском тексте довольно много сокращений.

В масоретском тексте есть новоеврейские и даже греческие слова. Критики на этом основании говорят о более позднем происхождении книги. Но этот факт может быть истолкован и иначе, как позднейшая редакция древнего текста книги.

Книга содержит два слова из греческого.

В 3,9 слово *arhijon* (в слав. «одр», в синод. «носильный одр»). Еще блаженный Иероним узнал в этом слове греческое *φορεῖον* (носилки).

Другое слово в 4,13 *pardes* (в слав. и рус. «сад»). Оно может происходить либо от греческого *παράδεισος* (сад), либо даже от персидского *pairideša* (буквально «ограждение», «Umzeunung»).

Присутствие этих слов можно объяснить не только позднейшей редакцией древнего текста, но они могли быть употреблены даже и самим Соломоном! Как мы уже отмечали, у Соломона были торговые сношения с Индией и какие-то слова с санскрита могли быть ему знакомы. Так вот, на санскрите слово «носильный одр» звучит *raguata*, что могло послужить основанием для слова *arhijon*. А слово «ограждение» (сад) звучит на санскрите *paridhis* (сравните с позднесирийским *pardisu*, парк).

Итак, наш вывод по поводу масоретского еврейского текста:

1. Масоретский не соответствует полностью первоначальному тексту книги Песнь Песней и не имеет безусловного преимущества перед древними переводами.

2. Масоретский текст не имеет существенных отклонений от оригинала, как об этом говорит критика, и вполне может считаться каноническим текстом.

Септуагинта

Восточная православная Церковь всегда пользовалась текстом LXX. Приведем аргументы в пользу мнения, что LXX стоит ближе к первоначальному тексту, чем масоретский текст.

Во-первых, LXX на девять веков древнее масоретского текста. Перевод LXX составлен в III в. до Р.Х., а масоретский текст в VI в. по Р.Х.

Семьдесят толковников переводили тайный истинный текст книги Песнь Песней, а не откорректированный, который предлагался народу синагогой. Поэтому палестинские раввины встретили LXX с неодобрением.

В LXX в 1,2 и 7,13 дано чтение *dad* (сосцы) и выполнен пропуск в 6,11.

В LXX в 8,2 нет истолковательного прибавления «ты будешь учить меня».

Весь текст содержит более конкретные термины, за счет чего иногда менее ясен, но ближе к первоначальному тексту.

Достоинством сохранившегося текста LXX Codex sinaiticus (IV в. по Р.Х.) является находящееся в нем деление текста на четыре части и разделение речей отдельных лиц и групп (смотри в переводе Порфирия). Эти деления — не из первоначального текста, а от древних христианских александрийских учителей, и поэтому, в отличие от основного текста, написаны киневарью.

Против LXX в пользу масоретского текста приводят такие аргументы:

1) В 4,8 в масоретском тексте «с вершины Амана» (название горы), а в LXX: ἀπὸ ἀρχῆς πίστεως — «с начального места веры».

2) В 6,4 в масоретском тексте «прекрасна ты, как Фирца» (название города), а в LXX καλὴ εἶ ὡς εὐδοκία — «прекрасна ты, как благоволение».

Говорят, что в этих двух местах LXX дает не перевод, а толкование. На это можно ответить или возразить таким образом.

Корни слов Амана и Фирца соответствуют словам вера и благоволение, приведенным в LXX. Если LXX дает в этих местах не перевод, а толкование, то почему она не делает этого в других местах, но точно приводит сами слова? Более того, почему там, где могут возникнуть соблазны, LXX ничего не толкует, а там (4,8; 6,4), где такой опасности нет, она вдруг толкует?! Значит здесь некая иная причина.

1. В 4,8 замена «Амана» на πίστις не разъясняет фразу, но делает ее еще менее понятной. Какое же это тогда толкование?! Кстати, халдейский перевод, который действительно дает толкование, здесь оставляет «Амана», так как πίστις ничего не толкует. Сирский же перевод, который вовсе ничего не толкует, приводит слова «начальное место веры». Все объясняется древним преданием из I книги Еноха, согласно которой, на горах, упомянутых в 4,8, задолго до потопа, жили верующие сыны Божии, вступившие потом в союз с сынами человеческими, распространяя между ними веру. Таким образом горы Ливан и Ермон были ἀρχὴ πίστεως — начальным местом веры. Итак, LXX дает не толкование, а точное нарицательное значение слова «Амана».

2. Что же касается текста 6,4, где в LXX стоит εὐδοκία, а в масоретском тексте «Фирца», то как бы масоретскому тексту не пришлось уступить LXX и переправить «Фирца» на ὡς εὐδοκία, так как все древние тексты (даже Акилы*), кроме масоретского, приводят слово «благоволение», а не Фирца.

* Перевод Акилы самый буквальный из всех.

И, хотя мы ранее и указали на возможность упоминания Соломоном города Фирца, все-таки естественнее считать, что он не упоминал этого города, так как столицей Северного царства он стал после Соломона. И тогда можно предположить, что Соломон употребил в этом месте именно слово «благоволение», указанное в LXX, и всех других древних переводах, а в масоретском тексте позднее уже было употреблено слово «Фирца», по его созвучию и единокоренности со словом «благоволение».

Зато мы можем привести ряд противоположных случаев, где LXX приводит собственные имена, а масоретский текст их значение.

В 4,4 в LXX назван **θωλλίωθ** (башня, построенная в Фалпиофе), а в масоретском тексте говорится о башне, сооруженной для вешания орудий.

В 6,12 в LXX говорится о колеснице **Αρνιδοαβ**, а в масоретском тексте о колеснице знатных народа.

В 7,2 в LXX Суламифь именуется **θύγατερ Ναδαβ** (дщерью Надава), а в масоретском тексте «дщерью именитой».

Итак, вывод: LXX приводит более близкий к первоначальному текст книги Песнь Песней, чем масоретский текст. Это не означает, что LXX всегда ближе к первоначальному тексту, чем масоретский текст. Так, в книге «Притчей Соломоновых» считается, что ближе текст масоретский. Не отрицается также и возможность того, что в некоторых случаях LXX тоже отходит от первоначального текста. Но расхождения эти, конечно, немногочисленны и несущественны.

4.3. Древние переводы книги Песнь Песней

Сирский перевод (Пешито)

Это древний непосредственный перевод с древнееврейской Библии. Дошедший до нашего времени текст является переработкой в IV веке более раннего перевода (I в. по Р.Х. — Ветхий Завет, II в. по Р.Х. — Новый Завет).

Название книги Песнь Песней переведено **Chechmeto de- chechmoto** (Премудрость Премудростей).

Во всех вышеупомянутых местах, где между LXX и масоретским текстом есть расхождения, Пешито соответствует LXX.

С масоретским текстом Пешито соответствует только в 2,7, говоря не о силах и крепостях, а о сернах и ланях.

В 5,1 Пешито говорит: «Я пришел в виноградник мой, сестра моя, невеста! Я пришел в виноградник мой, о сестра моя! Я при-

шел в виноградник мой, о невеста!» Такого повторения нет больше ни в каком другом тексте.

В 7,6 Пешито: «Косы твои, как багряница царская, сложенная расходящимися складками». Это, по крайней мере, значительно понятнее, чем в LXX: «и плетения головы твоей, как порфира: царь ввязан в пряди», καὶ πλόκιον κεφαλῆς σου ὡς πορφύρα, βασιλεὺς δεδεμένος ἐν παραδρομαῖς. И тем более понятней, чем в масоретском тексте («и волосы на голове твоей, как пурпур; царь связан сими низпадающими водопроводами», или «царь-узник кудрей»).

Интересно переведено в Пешито 8,1 вместо «сосавший грудь матери моей» в LXX и масоретском тексте, здесь: «кормили бы груди мои агнцев моих».

Арабский и эфиопский переводы при расхождении LXX и масоретского текста стоят полностью на стороне LXX. Арабский перевод иногда перефразирует LXX, а Эфиопский рабски следует за LXX. Эфиопский перевод приводит разделение текста книги Песнь Песней и надписания, кому какие слова принадлежат соответственно синайскому кодексу LXX.

4.4. Славянский и русский переводы книги Песнь Песней

Теперь нам надлежит обратиться к славянскому и русским переводам книги Песнь Песней. При этом, кроме характеристики этих переводов, нас в основном будет занимать вопрос: как русскоязычному читателю, не владеющему древними языками, более или менее представить себе основные тексты — еврейский и греческий и соответственно приблизиться, насколько это возможно, к первоначальному тексту книги.

Славянский текст книги Песнь Песней

Перевод книги Песнь Песней на славянский язык с греческого текста LXX был осуществлен во второй половине IX в. святым равноапостольным Мефодием, братом святого Кирилла. Кирилл и Мефодий не просто перевели LXX на славянский язык, но в некотором смысле создали специфический церковнославянский язык, передающий строй и характер древнегреческого языка LXX и церковного богослужения. Этот язык, в свою очередь, тоже через 72-х толковников, был не обычным древнегреческим, а передавал строй и многие слова древнееврейского библейского

языка, на котором говорили и писали богодухновенные писатели Священного Писания. Здесь уместно упомянуть мнение святого Иоанна Златоуста, что праязык, язык Адама — это язык еврейский. Он обосновывает эту мысль тем, что имена собственные доавилонского происхождения имеют свой смысл и значение именно на древнееврейском языке. От вавилонского столпотворения образовались и отпочковались другие языки (язычники). Таким образом, мы прослеживаем некую духовно-языковую генеалогию: язык Адама, древнееврейский библейский, древнегреческий язык LXX, кирилло-мефодиевский церковнославянский язык. Профессор П. Юнгеров дает такую характеристику переводам с греческого на славянский и с еврейского на греческий: «Особенность греко-славянского перевода этих книг (Экклесиаста и Песни Песней) заключается в чрезвычайной близости его к еврейскому оригиналу. Сличая его с последним, анализируя варианты LXX, вдумываясь в оригинальный язык этого перевода, в нередко чрезвычайно странное и антиграмматическое построение его речи, мы находим всюду и всегда точное объяснение и оправдание всем его особенностям в чрезвычайном копиизме перевода по отношению его к еврейскому тексту сих книг... Понятно, от этого копиизма, при свободной поэтической речи особенно в Песни Песней, получилась местами темнота в переводе, побуждавшая и славянских переводчиков по-своему уклоняться от греческого текста и нас от греческого и славянского переводов... Как греческие переводчики старались копировать еврейский текст, так славянские копировали греческий, и неясность их оригинала перешла и в наш славянский перевод» [92].

Из различных греческих списков славянский текст приближается к александрийскому, но имеется и уклон к ватиканскому. Уклон к ватиканскому кодексу имеется в 4,4. Там в александрийском кодексе стоит слово $\theta\alpha\lambda\theta\iota\omega\theta$, а в ватиканском — $\theta\alpha\lambda\iota\omega\theta$. Славянские переводчики переводят согласно с ватиканским кодексом $\theta\alpha\lambda\pi\iota\omega\theta$.

В 1,11 и 6,10 славянский перевод уклоняется от греческого к Вульгате.

Но за исключением указанных малочисленных уклонений славянский перевод остается копией с греческого языка. Поскольку книга Песнь Песней сравнительно мало читалась и переводилась, то в лукиановской, исихиевской и оригеновской рецензиях практически не различается.

Славянский текст книги Песнь Песней в петровско-елисаветинской редакции (1751 г.) будет целиком приведен и истолкован во второй части книги.

Славянский текст, как освященный богослужebным употреблением и как наиболее древний и соответствующий LXX, а значит и оригиналу, понятный русскоязычному читателю, мы и полагаем в основу нашего толкования. Однако для лучшего разумения и точнейшего прояснения смысла текста книги будем пользоваться и остальными, в особенности русскими, переводами.

Русские переводы книги Песнь Песней

Русские переводы книги Песнь Песней XIX-XX вв. можно разделить на три группы:

1. Переводы на русский с древнегреческого текста LXX.
2. Переводы на русский с древнееврейского (масоретского) текста.
3. Синодальный перевод.

Переводы на русский язык с древнегреческого текста LXX

Имеются два хороших перевода с LXX на русский язык замечательных русских ученых-востоковедов и библеистов — епископа Порфирия (Успенского) (1869 г.) [7] и профессора П. Юнгера (1916 г.) [9].

Русский текст епископа Порфирия (Успенского) приведен в ч. III, гл. 2.

Переводы на русский язык с древнееврейского (масоретского) текста

С древнееврейского масоретского текста на русский перевел книгу Песнь Песней архимандрит Макарий (Глухареv), знаменитый алтайский миссионер [6].

Русский текст архимандрита Макария (Глухарева) приведен в ч. III, гл. 3.

Кроме того, имеется перевод книги Песнь Песней с масоретского древнееврейского текста на русский язык Абрама Эфроса [8].

Синодальный перевод

Синодальный перевод эклектичен и не является точным отображением ни еврейского, ни греческого источников. Поэтому для тек-

стологического анализа, а значит и экзегетического, менее ценен, чем славянский и русские переводы епископа Порфирия и архимандрита Макария.

Имеет, кстати, смысл отметить такой факт. Поскольку Священное Писание — книга богодухновенная, то и от переводчиков его требуется не только научная (языковая) подготовка, но — что очень важно! — святость и духовное разумение и суждение. Это мы и имеем в случае наших переводов. Высокая научная подготовка характеризует всех указанных нами переводчиков. Но, кроме того, Кирилл и Мефодий — равноапостольные святые, архимандрит Макарий (Глухарев) — местночтимый святой, епископ Порфирий (Успенский) почитается во святых. Чувствуются благочестие и православность, утвержденные в литургическом богословии профессора П. Юнгера. А вот перевод Абрама Эфроса сразу дает почувствовать, что он рационалист и едва ли вообще верующий. Чувствуется какая-то светскость, недуховность и в переводе его, и в терминологии.*

Что касается синодального перевода, то это коллективный труд четырех Духовных Академий, совершенный под руководством православной Церкви. Появление этого перевода связано с именем великого новопрославленного во святых святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского. Митрополит Филарет так формулировал правила синодального перевода:

«Справедливость, польза и необходимость требуют, чтобы еврейский текст был принимаем в соображение при истолковании Священного Писания... Но дабы при употреблении еврейского текста в пособие к изъяснению Священного Писания, поставить в сем деле преграду к уклонению от точности православных догматов и охранить священную важность текста 70 толковников в древней его чистоте, для сего... должны быть предлагаемы охранительные правила. Таковы:

Если какое-нибудь место Ветхого Завета богодухновенными писателями Нового Завета приведено по тексту греческому, в сем случае, очевидно, надлежит держаться текста греческого предпочтительно перед еврейским...

Текста LXX твердо надлежит держаться дотоле, доколе не представляет важной причины перейти под руководство текста еврейского...

* Протоиерей Александр Мень из всех переводов находит нужным указать (положительно) именно на этот перевод.

Особенным признаком истинного чтения в тексте LXX может служить соображение, открывающее, что не согласованное с греческим еврейское чтение дает ложный смысл...

Если текст какого-нибудь места Ветхого Завета, читаемого по LXX, определен согласным толкованием св. отцов как пророчесственный о Христе, а нынешний еврейский текст сего места представляет иное чтение, пророчесственному чтению неблагоприятствующее, то в сем случае согласное свидетельство древних отцов дает основание не доверять подлинности нынешнего еврейского текста...

Если какое место Ветхого Завета богодухновенными писателями Нового Завета приводится по еврейскому тексту, очевидно, надлежит следовать сим непогрешимым свидетелям.

Если кто из святых отцов толковал какое-либо место Ветхого Завета по еврейскому тексту, справедливо и безопасно следовать сему руководству» [78, стр. 159-160].

**ТОЛКОВАНИЕ (ЭКЗЕГЕЗИС)
КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ
СОЛОМОНА**

Песнь Песней — таинственнейшая и сокровеннейшая книга Священного Писания. Песнь Песней — это святая святых христианских догматов, это — райский сад духовной жизни, это — вечная Пасха и Любовь неизреченная!

Святой Афанасий Великий говорит об этой книге: «Все в ней от начала до конца написано таинственно, с загадочным иносказанием, и смысл догматов, в ней заключающихся, содержится не в букве, но глубоко сокрыт под нею. Однакож, если будем искать его, то найдем. Посему читать сию книгу могут только люди разумные, но должны и они, читая ее, всегда иметь в мысли иносказание... Песнью Песней называется она потому, что следует после других песней, и что после сей песни, нельзя ожидать другой песни, я разумею не книгу, но то, что содержится в книге...

И, как в законе было святое, и за святым — святое святых, а за святым святых уже не было внутреннейшаго места; так после песней есть еще Песнь Песней, а после Песни Песней уже не должно ожидать внутреннейшаго и новейшаго обетования; ибо Слово однажды сделалось плотью и совершило дело» [20].

Дерзнем и мы приступить к священным тайнам этой божественной Песни! Приступим, но не сами, а имея поводырями святых и богомудрых отцов. Осиянные Духом, они проницали тайны сей Песни Песен. Задачей нашего толкования мы видим цельное изложение толкования этой книги святыми отцами. У святых отцов мы находим семь различных способов разумения книги. Все они друг другу не противоречат, но взаимно дополняют. А лучше и вернее будет сказать, что это не семь различных сторон единого целого, но семь способов прочтения книги от самого поверхностного до самого глубинного, семь ступеней в познании тайн этой книги. Лучше всего это можно представить в виде Соломонова

Иерусалимского храма. Условно Соломонов храм выглядел таким образом (см. рис. 1):

1. Все люди могли войти во двор язычников. Он был доступен всем и не содержал тайн.

Рис. 1

2. Дальше была воздвигнута священная ограда, внутрь которой мог пройти только член народа Божия. Там был двор Израия. Войти могли только обрезанные*.

3. Далее — двор священников. Там закалались агнцы и тельцы. Приносились на медном жертвеннике таинственные жертвы, и входили туда только посвященные священники и левиты. Там они и омывались от всякой скверны водою медного моря.

4. А далее само святилище храма. Там священники воскуряли благоуханный фимиам Богу на золотом жертвеннике. Там всегда горел священный огонь семи светильников и вкушалась священная трапеза хлебов предложения.

* Для жен-израильтянок было особое место на этом дворе.

5. А за завесою — Святая Святых. Туда единожды в год входил первосвященник. Там всегда был таинственный мрак.

6. Во святом святых находился ковчег Завета — величайшая святыня Израиля. Внутрь него не проникал никто.

7. В ковчеге Завета были скрижали Завета с десятисловием, с начертанным на камне словом Превечного.

Подобно храму Соломона и открывала святым отцам свои тайны Песнь Песней Соломона.

Прочтение первое — прочтение буквальное. Это — двор язычников, доступный всем. Это — песнь любви любящих друг друга жениха и невесты. Это доступно всем и бывает у всех. К этому прочтению относится выяснение буквального значения книги, значения слов, понятий и упоминаемых обычаев. Это и историко-бытовой фон книги, знакомство с царем Соломоном, его временем и царствованием, со Святой Землей, в Песни Песней воспетой.

Прочтение второе — прочтение ветхозаветное историко-мистическое. Это — двор Израиля. В этот двор можно проникнуть через священную ограду иносказания. И это доступно не всем. Только чада народа Божия постигают смысл. Песнь Песней раскрывает тайну любви Бога и Израиля, а различные эпизоды любви Соломона и Суламифи раскрывают в сокровенных образах священную историю Израиля.

Так разумела книгу ветхозаветная церковь и синагога. Из святых отцов так прочитал эту книгу блаженный Августин, епископ Иппонский.

Прочтение третье — прочтение мессианско-экклесиологическое. Это — двор священников. Это — основное новозаветное понимание. Любовь Соломона и Суламифи раскрывается как образ Христа и Церкви, пришедшего Мессии, как раскрытие тайн Царствия Небесного, тайн святой Церкви Христовой. Приносимый на медном жертвеннике сего двора в жертву агнец — образ Агнца Непорочного, взявшего на Себя грех мира, а медное море — купель крещения, омывающая приступающих к Агнцу-Христу во святую Церковь. Постичь эти тайны могут только сыны Царствия, христиане, царственное священство (1 Пет. 2,9).

Так прочли эту книгу Ориген, святой Киприан Карфагенский, святой Афанасий Великий, святой Кирилл Иерусалимский, святой Григорий Нисский, святой Епифаний Кипрский (Филон Карпафийский), блаженный Феодорит Кирский, святой Кирилл Александрийский и прочие пастыри церковные.

Прочтение четвертое — прочтение духовно-психологическое. Из двора церковного входим внутрь храма, во святилище. Песнь Песней входит во внутренний мир человека и раскрывает тайну любви Бога и души человеческой. Суламифь, сад-виноградник, чертог — это душа, это внутренний мир человека. Царь Соломон — Бог и Царь души.

Во святилище всегда воскуряется фимиам золотого жертвенника, сияет свет семисвечника и пребывают хлебы предложения. Там, во внутреннем сокровенном человеке, фимиам Иисусовой молитвы, там зрится свет незримый, там вкушается трапеза духовная. Там — священнодействие души, Богом возлюбленной. Туда входят творящие умно-сердечную молитву, очищающие и хранящие виноградник души своей от греховных страстей.

Так прочли эту книгу Ориген, св. Дионисий Александрийский, Евсевий Кесарийский, св. Макарий Великий, св. Максим Исповедник, прп. Нил Синайский и все преподобные отцы-аскеты.

Прочтение пятое — прочтение аскетическое. Единожды в год входит из святилища за завесу во Святая Святых первосвященник. Если святилище во дворе священников есть душа в теле церковном, то Святая Святых во святилище есть девственная душа среди душ христианских. Единожды и один входил туда. Это путь монашеский*. Во Святом Святых никогда не бывает света, там всегда священный мрак. Отрекшись от мира, от света и всей светскости, иноки-чернецы входят в Божественный Мрак, постигая непостижимое в мире этом, видя незримое в свете этом. Невеста Христова сменила белое платье на черное, на непроницаемый клобук, погрузилась во мрак Святого Святых, дабы узреть Незримое и возлюбить Превечное. Соломон и Суламифь — это Христос-Перводевственник, Небесный Жених и девственная душа, невеста и обручница Христова.

Так прочли Песнь Песней св. Мефодий Патарский, св. Амвросий Медиоланский и многие девы-мученицы.

Прочтение шестое — прочтение мариологическое. Во Святом Святых самое святое — ковчег Завета, а среди святых дев святейшая — непорочная Приснодева Мария, Ковчег одушевленный. Ковчег — прообраз Матери Господа. Как ковчег заключал в себе скрижали с начертанными на камне словами Завета, так заключила в Себе Приснодева Слово Завета воплощенное. В ковчег не проникал никто. Запечатана для мира и нетленна Приснодева. Не

* моно=один.

раскрывшись, приняла в себя Скрижаль — Христа, Превечное Слово воплощенное.

Соломон и Суламифь — это Господь и Невеста Невестная. Так прочел Песнь Песней св. Амвросий Медиоланский.

Прочтение седьмое — прочтение христологическое. Во святом ковчеге — скрижали Завета, а за ними — более уже ничего, они — сердце и суть всего. С одной стороны, это — камень, но на нем — слово Превечного Бога. С одной стороны, плоть Сына Человеческого, но в ней вся Полнота Божества, Божественный Логос, Превечное Слово во плоти. Соломон и Суламифь, царь и царица, это — Слово и плоть. В Песне Песней — тайна их сочетания.

Так прочитали Песнь Песней св. Мефодий Патарский и св. Афанасий Великий.

А после этого прочтения более нет никакого.

Так представилось нам чудное святоотеческое наследие по толкованию этой божественной книги. Таким образом и мы вслед за святыми отцами семикратно прочтем эту книгу. Семь — число Божественной полноты. Отцы раскрыли полноту божественных тайн Песни Песней.

Здесь мы указали среди толкователей только православных отцов Церкви. Более полный перечень всех толкований дан в главе 3.10 части I.

Полных последовательных толкований книги имеется ныне только два: св. Григория Нисского и бл. Феодорита Кирского. И то, у св. Григория Нисского дано толкование лишь шести глав. А на все главы Песни Песней толкование только одно — у бл. Феодорита. От Оригена сохранились только толкования начальных глав книги. У других святых отцов Песнь Песней последовательно не толкуется. Они дают либо некоторые основные мысли (ключ к разумению книги), либо по тому или иному поводу обращаются к конкретным изречениям книги.

Нами дается изложение толкования св. отцов, те места, где они дают только некоторые указания или толкования отдельных фрагментов, мы восполняем своими рассуждениями, которые всегда стремились держать в русле святоотеческих; а судить о них — читателю.

І. ДВОР ЯЗЫЧНИКОВ

Прочтение первое — буквальное

Войди во двор язычников, войди в доступное всем, доступное, но, однако, священное. Войди в чертоги брачной любви. Войди и познай чистоту и святость брака, установленного в райском саду, в Эдеме, что на Востоке. Познай богоосвященность брака и любви, кои воспел чудный и славный Соломон и его устами Божественный Песнотворец — Дух Святой Божий.

Через Песнь Песней поднимись вместе с Моисеем на гору Нево и обозри Обетованную Святую Землю, Землю пророков и святых, Землю Боговоплощения. Через Песнь Песней войди вместе с Иисусом Навином и увидь и насладись Землею, кипящею медом и молоком, благоухающую виноградниками и ароматами. Войди мыслью ума своего и овладей чудным описанием Святой Земли в Песни Песней премудрого Соломона.

Брак и любовь, природа Святой Земли — вот что предстает перед взором читающего Песнь Песней при буквальном ее прочтении.

Буквальное прочтение книги Песнь Песней надо отличать от концепции буквального понимания книги (еретик Феодор Мопсуэтский и другие).

Буквальное понимание книги — это мнение, что Песнь Песней воспевает земную любовь жениха и невесты, что это брачная песнь и более ничего. Это мнение Церковь отвергает.

Но буквальное прочтение книги не противоречит, и более того, даже предполагает духовно-иносказательное ее значение. Буквальное прочтение выясняет точное значение слов и терминов, упот-

ребляемых в книге, раскрывает значение понятий и исторический, географический, бытовой фон книги. Без отчетливого буквального понимания слов и понятий книги невозможно прийти к ее правильному иносказательному значению. Прежде чем толковать, надо знать, что толковать!

В буквальном значении Песнь Песней является брачной песнью, как на это указывал и Ориген. Однако эта «брачная песнь» никогда не предназначалась, и на практике не употреблялась, для брачных торжеств. Назначение Песни духовно-богослужебное. Об этом уже подробно сказано в главе 3, часть I.

Книга почти не касается никаких брачных обычаев древних евреев, поэтому мы и не станем их описывать. Это песнь любви в ее внутренних переживаниях, это искание, скорбь и радость возлюбленных друг о друге. Можно еще так сказать: брачные обычаи и традиции зависят от времен, народов, мест и всегда меняются, но любовь жениха и невесты всегда равна самой себе, это — вечное. Вот и Песнь Песней отображает не переменчивые внешние формы, а внутреннее и вечное.

Что касается внешней содержательной линии, то здесь нет практически никакого повествования. Нет описания знакомства Соломона с Суламифью, каких-то событий их взаимоотношений, самого их брака. Есть только монологи и диалоги любящих сердец при различных состояниях их любви. Писатель А. Куприн в своей повести «Суламифь» дал, кстати, весьма удачный повествовательный сюжет, вплетая в него те или иные слова Песни Песней, описывая ситуации, при которых эти слова могли бы быть произнесены. Но ясно, что можно было бы подобрать и другой сюжет, согласующийся со словами Песни. Всякая попытка утверждать какой-либо сюжет как единственный, несостоятельна и бесплодна. Но и не в сюжете дело, а во внутреннем переживании!

А вот что касается удивительно прекрасных картин природы Святой Земли, взятых в качестве сравнения для любви Соломона и Суламифи, и через них тайн Царствия Божия, то они географически и исторически конкретны и определены. И для разумения тайн через иносказания важно ясно представлять себе сами эти «сказания» о Святой Земле, ее реки, горы, долины, животный и растительный мир — все то, что окружало возлюбленных Песни Песней. К этому описанию мы и приступим, составив предварительно небольшой словарь.

Виноградник. Хранительницею виноградника была Суламифь. С вином сравниваются ласки любви. Виноград и получаемое от него вино высоко ценились в Святой Земле. Возделывание винограда и питье вина начались после потопа. В библейских странах вино было самым распространенным напитком. Виноградные кисти в Палестине — весом до 10-12 фунтов, поэтому нести иногда приходилось одну виноградную кисть вдвоем на шесте, по причине ее тяжести. Сами виноградные ягоды крупны, как сливы (Числ. 13,24-25).

Виноградники окружались оградой или стеной для защиты от полевых зверей. Отсюда сравнение их с вертоградом заключенным. В виноградниках строилась сторожевая башня или столп, где помещался страж для надзора. Евреи очень заботились о своих виноградниках. Виноградари и стражи виноградников составляли особый класс работающих.

Благоденствие страны у евреев ассоциировалось с цветущими виноградниками.

Сбор винограда — в сентябре. Это время веселое и радостное, сопровождалось пением песен. Гроздья винограда бросались в точила для выжимания сока. Работа довольно трудная, но делалась с весельем. Сок разливался в меха из кожи животных, в которых он бродил. Слабые меха могли при этом разорваться. К вину добавлялись иногда благовония. Ароматное вино (7,3) подавалось на пиршествах и отличалось особой крепостью. Вино подавалось и на брачных торжествах.

Миро (1,2). Упоминается в Песни Песней один раз в сравнении с именем царя. Миро (Исх. 30,25) — особый состав из благовонных веществ для священного помазания (храма, священников, царей и пророков). По повелению Божию оно составлялось из смирны самоточной, корицы благовонной, тростника благовонного, кассии и елея. От миро (освященного) надо отличать миру (смирну).

Мирра, или смирна (4,14; 5,1.5.13) — упоминается в Песни Песней среди ароматов. Это благовонное вещество, употреблялось как составная часть священного миро; смирной окуривали одежды и комнаты для благоухания; ее употребляли для врачевания в медицине и для балзамирования и умащения тел покойников (Ин. 19,39). Ею торговали на Востоке и Средиземноморье. Мирровая смола вытекает из особого тернистого кустарника, растущего в Южной Аравии и Африке. Это высший сорт ее (именно смир-

на самоточная входила в священное миро). А смола, получаемая через надрезание древесной коры, считалась низшею.

Ароматы, или благовонные вещества во множестве упоминаются в Песни Песней: нард, смирна, корица, алоэ, кассия и другие. Большей частью ароматические вещества смешивались — то вроде благовонного порошка для курения, то вроде мази. Некоторые ароматы были сугубо палестинского происхождения: с гор бальзамических или гор ароматов, другие привозились из Южной Аравии и Индии. Особенно много благовоний употреблялось у иудеев при погребении мертвых. Еврейские женщины носили скляночки с духами при поясах и умащали ими свои тела.

Царь Соломон — жених из Песни Песней. За всю историю единого Израиля было всего три царя: Саул, Давид, Соломон (970-931 гг.), при котором царство Израильское достигло наивысшего расцвета и славы. Это был золотой век еврейской истории. Соломон был велик мудростью, богатством, славой своей великой державы от Нила до Евфрата. Соломон — богодухновенный писатель нескольких библейских книг.

Суламифь (или Суламита) означает «мирная» — таинственная возлюбленная невеста царя Соломона (7,1). О значении имени и кем могла быть таинственная невеста Суламифь нами подробно говорилось в части I, главе 3.7 (о гипотезе типистов).

Дщери Иерусалимские — скорей всего, придворные девицы. Иерусалим — столица Соломонова царства.

Шатры Кидарские, с которыми сравнивается чернота Суламифи — черные, войлочные (из козьей шерсти) шатры кидарян. Кидаряне — народность, происходившая от Измаила (Быт. 25,13) и кочевавшая между Петрейской Аравией и Вавилонией. По-еврейски «кедар», как и «кидрон», выражает понятие темноты, черноты.

Завесы Соломона, с которыми сравнивается красота Суламифи, — вероятно, царские палатки (шатры) Соломона, которые раскидывались во время его загородного летнего отдыха.

Полдень (1,16) — середина дня в Палестине, когда солнце почти в зените. Невыносимо жаркая пора, когда все ищут тень, где бы можно было отдохнуть.

Овцы и козы — спутники жизни евреев. От времен святых праотцов, бывших пастухами, сопровождали они израильтян,

были жертвенными животными, употреблялись для пищи и одежды. В иносказательской речи Соломона служили символами жертвенности, кротости, красоты.

Козы, сходящие с горы Галаадской (4,1). Ниспадающий с головы Суламифи волос сравнивается со стадом коз, сходящих с горы Галаадской. Галаад (означает холм, свидетель) — так называется гористая страна на восток от Иордана от горы Ермон до реки Арнона, а также отдельная гора, при которой Иаков и Лаван, по своему примирении, воздвигли холм из камней в знак своего мирного союза.

Хотя Галаад и каменистая страна, но там много водных источников, обширные пастбища, тенистые леса и рощи. Местность изумительно красивая.

Козы быстры и ловки в движениях, приспособлены к жизни в горах и скалах, красивы на вид. Сравнение волос со стадом коз отмечает их черный блестящий цвет, шелковистую мягкость.

Кобылица в колеснице фараоновой (1,8). Коней и колесницы Соломон покупал в Египте (3 Цар. 10,28-29). Конскими колесницами пользовались обычно на равнинах Нила и Междуречья. Для иудеев они были неудобны ввиду гористой местности. К тому же Закон Моисеев воспрещал израильскому царю умножение коней (Втор. 17,16). Но так как враги израильтян обладали такой страшной воинской силой, то израильтяне также стали употреблять воинские колесницы, хотя этим и нарушался несколько Закон Моисеев. Запрет же был дан ради того, чтобы израильтяне не возвращались в Египет, откуда их вывел Господь.

Колесница состояла из железной оси на двух колесах, станка, на котором стоял воин, сиденья не было, здесь же был прикреплен лук и колчан со стрелами. Колесница украшалась нередко слоновой костью и дорогим металлом. Запрягали иногда два, три коня и более. Кони и колесница были символом грации, красоты и непобедимой, неотразимой воинской силы.

Монисты и золотые подвески с серебряными блестками — шейные украшения, ожерелья.

Нард — упоминается среди ароматов. Хорошо известное благовонное растение на Востоке, из рода валериановых, считавшееся драгоценным. Происхождением нард из Индии с Гималайских гор. Завезенный из Индии нард стал расти в Палестине и Малой Азии. Нардовая мазь не только ароматна, но и целебна. Цветки мелкие пурпурно-красные, собранные на верхушке стеблей в головки.

Вязание стакти — мировой пучок у груди невесты, с которым она сравнивает своего друга. Стакти (Исх. 30,34) — одно из предписанных Законом Моисеевым веществ, входящих в священный состав для воскурения на золотом жертвеннике. Это греческое название, обозначающее самую чистую благовонную самоточную смирну, которая свободно течет из дерева без всякого надреза.

Кисть кипера (1,13; 4,13). С нею сравнивается жених невесты, и жених невесту тоже сравнивает с кистью кипера. Кипер — это небольшое красивое ароматическое дерево, цветущее пучками, напоминающими гроздья виноградной кисти. Цветы бело-желтого цвета распространяют кругом сильный камфорный запах. Растет в Египте, Персии, Аравии, Индии. Возможно, что и Соломон насадил кустарники кипера в садах (виноградниках) Енгедских. Восточными женщинами особенно любимо это ароматическое растение, они носили цветы его в руках и на груди, украшали ими свои жилища, брали с собою в бани и купальни. Истолченные в порошок засушенные листья употреблялись как румяна. Считалось, что кипер возбуждает плотскую любовь.

Виноградники Енгедские (1,13). Ен-Геди, или Энгадди (Нав. 15,62; Иез. 47,10) в переводе — источник козла. Это город-оазис на западном берегу Мертвого моря в пустыне Иудейской. Там росли пальмы и находились известные сады и виноградники. С кистью кипера в виноградниках Енгедских сравнивает Суламифь своего возлюбленного. В долине Ен-Геди находится теперь знаменитая лавра святого Саввы Освященного.

Голубь — чистая птица. В диком состоянии голуби обыкновенно живут «в ущельях скал, под кровом утесов» (2,14). Они отличаются чистотой, незлобием, не противятся врагам, очень привязаны друг к другу. Когда один из них улетает или умирает, другие оплакивают его жалобным воркованием. Голуби живут парами и являются символом верности и целомудрия. Священное Писание часто указывает на голубиную нежность, чистоту и любовь. Голубь — птица мира. Именно голубь возвестил конец потопа. Голуби употреблялись в Израиле для жертвоприношений. В виде голубя Дух Святой сошел на Христа. Голубицей именуется в Песни Песней сама Суламифь, а ее глаза — голубями, что означает их кротость и нежность.

Горлица — подобна голубям, тоже чистая птица, также приносилась в жертву. Горлица меньше голубя и является перелетной птицей. В Палестине появляется в начале весны, возвещая

конец зимы (2,12). Именно горлицами поименованы в Песни Песней ланиты Суламифь.

Кедр ливанский — имеет два важных качества, благодаря которым о нем так часто упоминает Писание — величие и нетленность. Это одно из самых величественных деревьев мира. Он растет в высоту от 25 до 40 метров. Ветви густы и длинные, от ствола расходятся почти горизонтально. Шатер дерева широкопирамидальный, пока оно молодо, потом — раскидистый. Под его тенистые шатры зовет невеста жениха в Песни Песней. Ствол дерева в обхвате до 11 метров (3,5 метра в диаметре). Длинные ветви и высота создают величественный вид. Слава ливанских кедров далеко превосходит славу других деревьев и является символом человеческого величия.

Кедр — хвойное дерево, вечнозеленое. Ствол очень твердый, древесина кедра красноватого цвета и горьковата на вкус, почему насекомые его практически не портят, и оно никогда не гниет. Ливанский кедр достигает возраста 2000-3000 лет и является немой свидетелем давно канувших в лету сменяющих друг друга эпох. Кедр — символ нетления и вечности.

От своей благовонной смолы кедр издает особое благоухание и наполняет им все горы Ливанские. В основном из кедра строился Соломонов храм, равно как и царские дворцы Давида и Соломона.

Кстати, о кедрах ливанских удивительно исполняется пророчество пророка Исаии: «И остаток дерев леса его так будет малочисленен, что дитя в состоянии будет сделать опись» (Ис. 10,19). Со времени опустошения Палестины число кедров на Ливане резко уменьшилось и уменьшается ныне. Не так уж много осталось последних кедров ливанских, величественно возвышающихся и простирающих свои ветви к небу, немых свидетелей ушедших тысячелетий.

Кипарис — хвойное, вечнозеленое дерево, растет в Святой Земле, на Ливане, в Африке и Средиземноморье. Высокое, стройное, красивое, конусообразной формы. Мелкие чешуйчатые листья прижаты к ветвям. Вместе с кедром и певгом кипарис составлял славу Ливана. Цвет листвы мрачно-темно-зеленый сделал дерево символом печали. Кипарис сажали на кладбищах, украшали его ветвями гробы, дома печали. Арабы называют его древом жизни. Само дерево очень прочно, твердо, пахуче, имеет красно-

ватый оттенок. Древесина богата смолой и долго не гниет. Поэтому из кипариса делали саркофаги, корабли. Его употребляли в строительстве (ворота и пол Соломонова храма были из кипариса). Из кипариса делают всякую резьбу (музыкальные инструменты, священные предметы). Из смолы кипариса изготавливали целебный бальзам и масло, употреблявшееся для бальзамирования трупов. Кипарис — символ и смертной печали, и вечной нетленной жизни. Под своды его зовет невеста жениха в Песни Песней.

Нарцисс — луковичное благовонное растение, родственное тюльпану. Цветок ароматный, желтый (иногда белый, розоватый). Растет в Саронской долине во Святой Земле, в Египте, Малой Азии, Западной Европе, а сейчас даже в Сибири. Полевым цветком, или нарциссом Саронским именуется возлюбленный из Песни Песней, ставший прообразом Христа.

Саронская долина — простирается вдоль Средиземного моря от Кесарии до Иоппии. Это самая плодородная долина на Святой Земле. Здесь были царские пастбища, к которым были приставлены особые царские приставники (1 Пар. 27,28-29). В этой долине росли смоковницы и маслины и особенно много цветов. «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего» (Ис. 35,1-2). Царицей цветов по запаху, цвету и красоте формы именуется на Востоке роза. Роза вместе с лилией — лучшее украшение садов и образ полной жизненной красоты. Роза вплеталась в венки на торжествах и богослужениях. Роза — прекраснейший цветок Саронской долины. Саронскую розу некоторые считают разновидностью тюльпана или нарцисса. Так что саронская роза, нарцисс, тюльпан — это один и тот же чудный цветок Саронской долины — образ Жениха небесного из Песни Песней.

От саронской розы отличается роза иерихонская, которая уже совсем иная и к нашей книге отношения не имеет.

Лилия — крин. С нею сравнивается Суламифь — невеста, а также и сам жених. Лилия — красивое и ароматное растение из семейства луковичных. Красоту лилии Господь ставит выше всех великолепных одежд Соломона: «Посмотрите на полевые лилии,

как они растут? Ни трудятся, ни прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Мф. 6,28-29). Полевые лилии цветут весной (апрель, май). Приятный запах далеко распространяется от цветка.

Наружный вид лилии во все времена служил для художников образцом для орнаментов и художественной отделки. Под вид лилии делалось завершение колонн и столпов в храме Соломоновом, медное море тоже лилиеобразно, музыкальный инструмент царя Давида — шошан зовется лилией. Лилия, по-еврейски, «шошан». Имя Сусанна означает лилию.

Белая, чистая лилия — знак непорочности. Но есть и красные, розовые лилии, с которыми в 5,13 сравниваются губы возлюбленного жениха.

Терн — жесткий колючий кустарник. Терния не имеют ни красоты, ни аромата. Суламифь между девицами, что лилия между тернами.

Яблонь — это не яблоня, растущая в наших землях. В Палестине в качестве лесного дерева яблоня вообще не встречается. А те редкие яблони, что там бывают, не имеют ни красоты, ни приятного запаха и не соответствуют описаниям в 2,2.5 (красота, тень от яблони, сладость плодов, освежающее действие). Обычно считают, что речь идет о лимонном, а скорее об апельсиновом дереве, которые соответствуют указанным качествам (кстати гораздо более, чем наша яблоня). Яблонем между лесными деревьями уподобляет Суламифь своего жениха.

Гранатовое яблоко — дерево из семейства миртовых. Растет изобильно в Палестине. Красиво, приятно на вкус. Плоды имеют освежающее действие. Из-за розового цвета щеки невесты сравниваются с половинками гранатового яблока (4,3). Сама она сравнивается с садом из гранатовых яблок (4,13).

Из сока гранатовых яблок изготавливается прохладительно-освежающий напиток — шербет, на который, возможно, и указывается в словах: «а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблок моих» (8,2). На красоту цветов гранатовой яблони указывается в 6,11; 7,13.

Гранатовые яблоки изображались на ефode первосвященника. В притворе Иерусалимского храма капители двух медных столбов (Иахин и Воаз) были украшены изображениями гранатовых яблок (3 Цар. 7,18.20).

Серны — удивительно красивые и грациозные парнокопытные. Вместе с оленями и ланями евреи относили их к разряду чистых животных. Серны очень подвижны, ловки и быстры в горах, где живут. Они имеют тонкое обоняние и слух. Святые отцы приводят мнение древних об особенно остром зрении серны. Жизнь в горах, грациозная быстрота и ловкость, удивительное зрение делают серн образом горного мира, небесных сил (в еврейском созвучны даже сами их наименования) и духовного видения. И одновременно серна образ женской красоты, миловидности и любви.

Полевые лани — наоборот, живут внизу, на земле. Это — разновидность оленей поменьше их размером. Лани также прекрасны на вид, имеют величественные рога, они стройны, ловки и подвижны. Крепкие ноги (крепости сельные) позволяют им очень быстро бегать. По своему устройству и горячей природе часто томятся жаждою в южных странах. Почему и сравнивает псалмопевец Давид: «Как лань желает к потокам вод, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41,2). Олени и лани без вреда для себя, уничтожают ядовитых полевых змей. Несколько раз произносится Суламифью заклинание сернами и полевыми ланями.

Красота оленьих глаз часто воспевается в восточной поэзии. Суламифь сравнивает друга своего с молодым оленем на **горах Вефильских** (2,9). Вефиль, что означает «дом Божий», — это место, где было Иакову видение небесной лестницы. В Вефиле долгое время был ковчег Завета, там судил Самуил. А потом там же Иеровоам установил одного из золотых тельцов и учредил свое беззаконное служение, перешедшее в идолослужение, уничтоженное потом царем Иосией.

Это место близ гор, о которых и упоминает Песнь Песней.

Зима — в Палестине это время дождей (с середины декабря до середины февраля). Бывает и снег, но редчайший случай, если он лежит более одного дня. В это время холодно, сыро. Дороги грязные, скользкие, едва проходимые. Иногда дуют пронзительные северные ветра. В конце февраля начинается весна. Устанавливается погода солнечная, но еще в марте идут последние дожди. Начинается время цветения. Цветение смоковницы — один из ранних признаков наступающего лета.

Время обрезания по LXX (в евр. тексте «время пения») — имеется в виду обрезание сухих ветвей после зимы, когда остаются только плодородные ветви.

Скалы и утесы — характерны для горной Иудеи и вообще их много в Израиле.

Лисицы — хорошо известные своей хитростью и лукавством животные. Их было много в Палестине. Жили они в норах, нередко устраиваясь в садах, тем самым портя их.

Пустыня, от которой восходит невеста как бы столп дыма, окуриваемый миррою и фимиамом, — это либо Иудейская пустыня на юго-востоке от Иерусалима, простирающаяся до южной части Мертвого моря, либо речь идет о пустыне Синайского полуострова, от которой пришел Израиль ко Святой Земле. Кстати, с иерусалимских гор солнце восходило от Иудейской пустыни среди синего пара вечно стоящего над пустынными моавитскими горами, что вполне может походить на столп дыма, окуриваемый миррою и фимиамом.

Ладан (ливан) — благовонный древесный сок, твердеющий на воздухе и собиравшийся с растения *Cistus Creticus*, растущего в Палестине, Аравии, Сирии, на о. Кипр. Ладан употреблялся при богослужениях и при погребении усопших.

Порошки мироварника — употреблявшиеся наряду с ладаном благовонные вещества при священном воскурении.

Одр Соломона — описан в Песни Песней, более ни в Библии, ни в иных источниках не упоминается и дополнительных сведений о нем не имеется. Деревя Ливанские, из которых сделан носильный одр Соломона, это в первую очередь кедр, кипарис, пав. Столпы одра, видимо, для сени были сделаны из серебра, локотники — из золота, седалище — из пурпурной ткани.

Дщери Сионские — то же, что и дщери Иерусалимские. Относится либо вообще к женскому населению Иерусалима, либо к подругам Суламифи, возможно, к служанкам («фрейлинам») царского дворца Соломона, воздвигнутого на горе Сион. Сион — один из самых южных холмов Иерусалима, где изначально обожновался Давид, сделав город столицей Израиля.

Столп Давидов — башня, построенная царем Давидом для оружия на Сионском холме.

Ливан (белый) — горы в северной части Палестины. На их вершинах всегда (даже летом) лежит снег. Это и послужило, вероятно, основанием для названия. На Ливане росли когда-то кедровые леса. Теперь осталось очень мало кедров. Горы величественны и прекрасны. Благодаря наличию снега на Ливанских

горах там много источников и потоков, впадающих в Средиземное море. В 4,15 воспеты «колодезь живых вод и потоки с Ливана». На вершинах Ливана часто отправлялись языческие идолослужения, почему Ливан иногда олицетворяет их.

Амана (твердый) — южная вершина одной из Ливанских гор. От этой горы истекает река Амана. LXX придает слову «Амана» нарицательное значение «начало веры». В книге Еноха записано предание, согласно которому на этих горах жили первые верующие люди.

Ермон (выдававшаяся вершина горы) — возвышенная гора, заканчивающая южную часть цепи Антиливанских гор. На ней — три главных вершины, всегда покрытые снегом. С горы Ермон, с Антиливана из различных потоков берет начало река Иордан. Белоснежные (зимой и летом) вершины Ермона видны даже от Мертвого моря. Гора Ермон была приютом диких зверей, львов и барсов, о чем упоминается в 4,8. От снегов на вершине Ермона сгушались в жаркое время пары, образующая облака и, когда вся страна была выжжена солнцем, по ночам с неба ниспадала обильная роса — роса Ермонская, служившая символом изобилия и благословения Божия.

Иначе гора Ермон еще называлась Сионом (Втор. 4,48). Тогда становятся понятными и слова «как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские» (Пс. 132,3). Сидоняне называют гору Ермон Сирионом, а аморреи — Сениром (латы, броня) (Втор. 3,9).

Ливан. Амана. Ермон. Сенир. (4,8). С вершин этих гор призывается Суламифь — невеста. Но в сущности, речь идет о двух горах — Амане и Ермоне (Сенире), являющихся южными окончаниями Ливана и Антиливана.

Шафран — душистое садовое растение, как и аир, корица, алое, возделывается в южной Европе и Египте. Это луковичное растение с вырастающими из корня темно-зелеными листьями. Из середины листьев осенью вырастает на коротком стебельке бледно-фиолетовый цветок, похожий по форме на лилию. Пестик цветка оканчивается тремя рубчиками красно-желтого цвета. От них исходит аромат шафрана. Из шафрана приготавливали благовонную воду, которой опрыскивали комнаты, одежду, ее добавляли в кушанье и питье. Изготавливали из шафрана и пахучую мазь.

Аир, или трость — благовонный тростник. Лучшего качества рос в Аравии и Индии, а низшего — в Египте и Сирии, входил в состав священного миро.

Корица (по-славянски, киннамон) — душистая ароматическая кора, снимаемая с коричневого дерева из породы лавровых. Истолченная в порошок, она как ароматическое вещество входила в состав священного благовонного миро. Дерево корицы росло в саду Соломона.

Алое — известное экзотическое дерево, имеющее широкие и очень густые листья с колючками на концах. Сок алое имеет целебные свойства и употребляется в медицине. Алое употреблялся при умащении тел покойников. Алое и смирну принесли для умащения распятого Христа. Имея очень острый благовонный запах, алое употреблялся у восточных народов как драгоценный фимиам при богослужениях, для благовония в домах. Растет на мысе Доброй Надежды и островах Суматре и Цейлоне. Издавна это растение — предмет торговли на Востоке.

Описанное в Песни Песней алойное дерево надо отличать от кустарника африканского происхождения, разводимого в наших оранжереях, имеющего горький целебный сок, но не издающего аромата.

Ворон (5,11) — из-за глубокого черного с синим отливом цвета груди и крыльев ворон в Песни Песней служит образом красоты: «кудри его волнистые, черные, как ворон».

Фарсис — город на юге Испании, указывает на превосходное качество золота. В Фарсис плавали корабли Хирама и Соломона за драгоценными металлами, коих там были богатейшие залежи. Отсюда и сравнение: руки его... «наполнены Фарсиса». На еврейском языке здесь употреблено слово «топаз»: «Руки его — золотые кругляки, усаженные топазами». **Топаз** — драгоценный камень различных цветов. Самые лучшие топазы находятся в Восточной Индии.

Слоновая кость — возделывается из бивней слона. В Израиле стали часто изготавливать различные изделия и украшения из слоновой кости со времен Соломона. Престол Соломона был из слоновой кости. Ахав, царь Израильский, построил дворец из слоновой кости. В Пс. 44,9 упомянуты чертоги из слоновой кости.

Сапфир (блестящий, сияющий) — драгоценный камень, по своей красоте, блеску, твердости уступающий только алмазу. Цвет его глубоко лазурный, или васильковый, подобен небесному цвету. Сапфир был на судном наперснике первосвященника. В Апокалипсисе упомянут среди двенадцати камней, в основании Небесного Иерусалима. Древние добывали сапфир в Эфиопии и Индии.

Мрамор — очень твердый известковый минерал, поддается отличной полировке. Цвет бывает различный. С древних времен

употребляется в строительстве. Невеста сравнивает в Песни Песней голени жениха с мраморными столбами.

Фирца (приятность, миловидность) — ханаанский город (Нав. 12,24), принадлежал впоследствии колену Манассиину. Фирца по местоположению, а может быть и по строениям, отличалась удивительной красотой, почему и сравнивается: «Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца». По разделении Израиля на два царства, Иеровоам (931-910 гг.) сделал Фирцу столицей северного десятиколенного царства (3 Цар. 14,17). Там пребывала столица при всех последующих израильских царях до Амврия, отца Ахава, который в 879 г. основал город Самарию и перенес туда столицу Израиля (3 Цар. 16,23-24). Полвека Фирца была столицей северного израильского царства. Есть мнение исследователей, что столицей Фирца была избрана именно из-за своей красоты.

Царицы, наложницы, девицы (без числа) у Соломона. Слава восточных царей определялась, кроме всего прочего, и размерами гарема. Так что наличие большого гарема было и символом величия царя Соломона.

Ореховый сад (6,11) — единственное место в Библии, где упоминается орех. Родина орехового дерева — Персия. Оттуда оно перешло в Палестину, Грецию, Италию. Растет очень высоко, расцветает в апреле, а в сентябре плодоносит. При Соломоне орехи разводились в садах. Позднее обильно росли на берегах Геннисаретского озера. Древесина очень прочная, крепкая, отличный материал для столярных изделий. Плод в крепкой скорлупе. Орех — символ крепости, целомудрия и скрытой добродетели, чистоты, надежно защищенной от мира крепкой скорлупой.

Аминадав (6,12) — Священное Писание указывает на четырех Аминадавов. Аминадав — тесть первосвященника Аарона (Исх. 6,23). К нашему тексту этот Аминадав едва ли может иметь какое-нибудь отношение. Аминадав — один из предков царя Давида (Руфь 4,16). Также не имеет отношения к Песни Песней. Аминадав — один из братьев царя Давида (1 Цар. 16,8). Его сыновья и внуки (а может и сам?) вполне могли быть среди знатных (вельмож) в окружении царя Соломона. Но такое толкование было бы скорее всего надуманным.

Аминадав из Кириаф-Иарима, в доме которого во времена пророка Самуила находился ковчег Завета после филистимского пленения и до перенесения его в Иерусалим (1 Цар. 7,1; 2 Цар. 6,3-

15). Ковчег был поставлен на новую колесницу, и царем Давидом со множеством народа торжественно был перенесен во святой Иерусалим. Усмотреть указание на это священное событие в Песни Песней 6,12 будет вполне оправдано и даст основание к таинственному значению этого текста.

Хоровод Манаимский (7,1). Манаим, или Маханаим, город в Галааде на восточной стороне Иордана к северу от ручья Иавок. Название города означает два лагеря или два воинских полка, так как праотец Иаков по возвращении из Месопотамии встретил здесь ополчение ангелов. Выражение «хоровод Манаимский» может пониматься в двух значениях: или это указание на хоры или лики ангелов, явившихся Иакову в Маханаиме, или же здесь указывается на торжественные хороводы в воспоминание явления ангелов Иакову, чем и прославился город Маханаим. То и другое мнение может быть принято.

Дщерь Надавля, или дщерь именитая (7,2). Если остановиться на имени собственном, то Надав — это священник, сын Аарона, поднимавшийся с Моисеем на гору Синай, но позднее принесший чуждый огонь в скинии, за что был Богом лишен жизни.

Пшеница, с ворохом которой сравнивается чрево Суламифи (7,3). Это хлебное растение, в изобилии росшее в Палестине. Сама Святая Земля именуется землей пшеницы (Втор. 8,8).

Озерки Есевонские, что у ворот Батраббима. Есевон (изобретение) — город на восточной стороне Иордана, столица Сигона, царя Амореяского. Есевоню владели моавитяне, аморреи, израильтяне. Город расположился в горах. В скалах были высечены цистерны, одна из которых сохранилась поныне. С этими «озерками Есевонскими» и сравниваются глаза Суламифи. Цистерны в скалах Есевона, отражая небо, действительно напоминали глаза, устремленные к небу. Одновременно цистерны были и рыбными прудами.

Бат-раббим (дочь многих) — это ворота в Есевоне. Около этих ворот и находились рыбные пруды-цистерны. Название Бат-раббим могло указывать на большую населенность города Есевона.

Башня Ливанская, обращенная к Дамаску. Нет исторических сведений о такой башне. Возможно, Соломон имел в виду летний дворец на Ливане, слывший под названием башни, обращенной к Дамаску.

Кармил (гора сада) — одна из самых красивых гор Святой Земли. Это вершина одноименного хребта, выдающаяся северным концом своим в Средиземное море. На юг от нее находится Сарон-

ская долина. В горе много пещер и гротов. В отличие от вершин Ливанских гор, покрытых снегом, гора Кармил круглый год одета прекрасной зеленью, действительно, она, гора сада, где растут виноград, оливки, дубы... О красоте Кармила не раз говорится в Священном Писании (Мих. 7,14; Ис. 35,2). Потому и сравнивается голова Суламифи с цветущей красотой горы Кармил.

Гора Кармил уже после Соломона стала местопребыванием пророков Илии и Елисея. Там пророк Илия низвел с неба огонь на жертвенник и уничтожил жрецов Вааловых. Там же он помолился и пошел дождь после трех с половиной лет засухи. Там укрывались пророки от нечестивой Иезавели.

Пурпур, багряница. Пурпурная краска, весьма распространенная на Востоке, добывалась из сока известного рода раковин или улиток Средиземного моря, а иногда из сока насекомого, водящегося в одном из видов дубов. Багряный пурпурный цвет характерен для одеяний царей и других важных особ. Завеса храма и некоторые священнические одежды также окрашивались в пурпурный цвет. Волос Суламифи, как пурпур (7,6), свидетельствует о царственности, возвышенности.

Финиковая пальма, по-еврейски, Фамарь (Тамара). Высокое, стройное, прекрасное, благородное дерево. Именно ему уподоблен стан Суламифи. Растет на Святой Земле, в Египте, Аравии и во всей южной Азии. Самые прекрасные пальмы росли в Иерихоне (городе пальм), Енгадди и по берегам Иордана. Плоды — финики употребляются в пищу. Из них изготавливается очень ценный сироп. Листья перерабатываются в материалы. Дерево употребляется в топливо, а из волокон пальмы плетут нитки и веревки. Растет по 200 лет и более.

Пальмовая ветвь — символ победы. Пальмовые ветви несли перед победителем при его торжественном возвращении с поля битвы (Откр. 7,9). В празднике кушей евреи, согласно Закону, держали в своих руках пальмовые ветви (Лев. 23,40). Изображение пальмы чеканилось на древних еврейских монетах как эмблема Иудеи. Изображения пальмовых деревьев были на дверях храма. Путешественники привозили со Святой Земли пальмовые ветви, почему их стали называть паломниками, а само путешествие к святым местам паломничеством.

Вечнозеленая, стройная, прекрасная пальма — символ библейского праведника (Пс. 91,13).

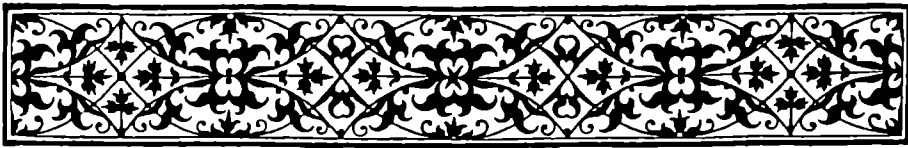
Мандрагоры — иначе называют их еще «майским яблоком». Низкое растение с широкими темно-зелеными листьями, с небольшими бледно-зелеными и красноватыми цветками. Плоды величиною с небольшое яблоко, красно-желтоватого цвета, с приятным сильным запахом зреют в мае-июне. Мандрагоры приятны на вкус, оказывают снотворное, иногда дурманившее и возбуждающее действие. Пробуждают плотскую любовь и содействуют разрешению от бесплодия, как в истории с Рахилью (Быт. 30,14-16). Суламифь приготовила своему Жениху приятные плоды любви: «Мандрагоры уже пустили благовоние, и у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: это сберегла я для тебя, мой возлюбленный!» (7,14).

Перстень, печать. У евреев часто печать располагалась на перстне и носилась на руке. Передача перстня с печатью с царской руки считалась высочайшей почестью в восточных странах. Образ перстня с печатью и употреблен в словах о любви таинственных жениха и невесты (8,6). Был также обычай ношения печати и на шее, когда она лежала на груди у сердца.

Ваал-Гамон (Господь множества) — место, где Соломон имел обширный виноградник. Более в Священном Писании это место нигде не упоминается. Некоторые отождествляют его с городом Валамоном (вблизи Дофама), упомянутом в Книге Иудифи (8,3). Есть мнение, что «Ваал-Гамон» должен пониматься в нарицательном значении как «Господа множества народов» и относиться либо к царю Соломону, либо к Мессии.

Горы бальзамические (горы ароматов), куда приглашает бежать, подобно серне или молодому оленю, таинственному жениху невеста, едва ли можно обозначить конкретно в географии Святой Земли. Скорее всего, это поэтическое выражение, имеющие свое духовное значение.

В книге «Семь дней на Святой Земле» мною описывается, как открылась перед нашим взором удивительная красота Святой Земли. Но прежде она открылась во всем торжестве и во всей полноте в книге Песнь Песней. Это красота, указующая на красоту Царства Божия. В этой части толкования мы познакомились с видимыми, зримыми образами, а теперь с помощью Божией перейдем к тем тайнам, которые они прообразуют. И тогда святая брачная песнь откроет нам тайны Божественного брака во Царствии Божиим.

II. ДВОР ИЗРАИЛЯ

Прочтение второе — ветхозаветное, или историко-мистическое

А теперь, обозрев двор язычников, оставьте доступное всем, примите обрезание с Авраамом, покоритесь Закону Моисея, вслушайтесь в речи пророков, войдите в двор Израилев и состраствуйте и спутешествуйте Израилю-Ветхому в пути его к Мессии.

В сей двор уже не войдешь просто так, принимая внешне-буквальное значение Песни Песней. Оставив буквальное, вы должны пройти через священную ограду таинственного иносказания. Там вы узрите тайну любви Бога и Его первенца из народов святого Израиля Божия. История любви Соломона и Суламифи явит вам священную историю древнего Израиля.

Так понимала Песнь Песней ветхозаветная церковь и синагога. Так понимает ее талмудическая письменность. Так объяснял ее в христианстве блаженный Августин в своей книге «О граде Божием».

На понимание блаженным Августином Песни Песней как аллегорическом изображении истории Израиля указывают ряд экзегетических пособий: Толковая Библия А. П. Лопухина, Цёклер [128] и другие. Однако ни исторического толкования, ни даже прямого указания на него у блаженного Августина во «Граде Божием» нет. Блаженный Августин скорее указывает на мессианско-экклесиологическое значение Песни Песней. Так в самом Соломоне и в обетованиях, данных Давиду в сыне его, которые вовсе не исполнились на Соломоне, блаженный Августин видит указания на Христа и пророчества о Нем [17, кн. 17, гл. 8, гл. 13].

Свое понимание книги Песнь Песней бл. Августин излагает так: «Вслед за тем Песнь Песней представляет некоторое духовное наслаждение святых умов в союзе этого Царя и Царицы Града, т.е. Христа и Церкви. Но наслаждение это представлено под аллегорическими покровами, чтобы пламеннее желалось и приятнее обнаруживалось, и стал бы видимым жених, которому в той же Песни говорится: Правость возлюби Тя (Песн. 1,3), и невеста, которой там же говорят: Любы во сладостех твоих (7,6). Проходим многое молчанием, чтобы удержать настоящий труд в границах».

Здесь и в других местах (13,21; 15,22; 16,2; 20,21), блаженный Августин вполне приводит общепринятую в христианской Церкви интерпретацию Песни Песней на Христа и Церковь.

Усмотреть историческое понимание книги бл. Августином можно разве лишь таким (довольно искусственным) образом: он говорит, что Песнь Песней указывает на союз Царя и Царицы Града. А в своей книге бл. Августин и раскрывает историю Града Божия от самого начала, от Адама, Евы и первых людей. Тогда можно предположить, что и Песнь Песней есть таинственно-аллегорическое раскрытие истории Града Божия.

Суть исторического прочтения книги в том, что Песнь Песней в образах Соломона и Суламифи воспекает любовь Ягве и Израиля. Бог любит свой народ. Израиль же прекрасен в Боге. Они стремятся друг к другу, и в мессианское время они навсегда соединятся. А теперь Израиль еще несовершен, часто теряет Бога или даже вовсе отступает от Него. Тогда и Бог отступает от Израиля, ввергая его в различные бедствия (в основном, плен и рассеяние). Но падший Израиль вновь вспоминает Ягве, своего Бога, ищет Его, томится по Нему, и тогда Ягве вновь обращается к Израилу, спешит к нему Своею помощью.

Попытка усмотреть в Песни Песней иносказательную летопись ветхозаветного Израиля, конечно, малоосновательна. Много натянутости и искусственности в отождествлении различных образов и событий Песни Песней с конкретными историческими лицами и событиями. Поэтому таких толкований можно составить целый ряд и едва ли возможно будет доказать и утвердить одно перед другим.

Но весьма оправдан, благочестив и назидателен противоположный подход. Песнь Песней не есть иносказательная летопись, которую надо расшифровать, да и зачем это нужно, если летопись

Израиля уже есть. Не узнавать же из Песни новые события, о которых умолчали исторические библейские книги! А, наоборот, Песнь Песней глубже осмысливает и дивно воспевает уже известные нам события священной истории Израиля, позволяет духовно-назидательно осмыслить и воспринять эти события, лучше уяснить их догматическое значение в истории домостроительства спасения. И тогда нет ничего странного в том, что один и тот же образ из Песни Песней прилагается к совершенно различным (иногда и не связанным друг с другом) событиям.

С четырьмя особенно яркими и значимыми событиями истории Израиля можно соотнести священную Песнь Песней. Ради них она и писалась, и воспевалась:

1. Исход Израиля из Египта (Пасха).
2. Великолепие Давидо-Соломонова царства (рай земной).
3. Вавилонский плен и возвращение из него (потерянный и вновь обретенный рай).
4. Грядущее Царство Мессии (Пасха Вечная, Небесный Иерусалим).

В историческом толковании мы воспользовались такими комментариями (толкованиями):

- 1) Бл. Августин, «О граде Божием» [17].
- 2) Ориген, «Две беседы на Песнь Песней» [30].
- 3) Св. Григорий Нисский, «Точное изъяснение Песни Песней Соломона» [22].
- 4) Бл. Феодорит Кирский, «Толкование на Песнь Песней» [45].
- 5) Мидраш. Der Midrasch Schir-ha-Schirim, übers v. A. Wünsche, Leipz., 1880 (Библия Лопухина [70]).
- 6) Толкование раввина Раши [47].
- 7) Jerusalem Bibel [13] и почти воспроизводящая это толкование Библия с комментарием издательства «Жизнь с Богом», Брюссель [52].

Толкования из Мидраша и раввина Раши взяты только в той мере, в которой они не противоречат святоотеческому христианскому пониманию. Взяты же они по причине наличия в них отголосков ветхозаветного понимания книги Песнь Песней.

ГЛАВА 1

1.1 Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага сосца твоя паче вина.

1.1 Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина.

Ягве любит первенца Своего от народов святого Израиля. Ягве возлюбил его как свою Невесту. После дремания детства пробуждается неведомое чувство и томление в груди невесты. Тревожится и вздрагивает, смущается сердце ее, но крепнет чувство. И начинают взывать уста: **Да лобзает он меня лобзанием уст Своих!**

Прошли века с того времени, как праотец Иаков со своим большим семейством переселился в Египет к сыну, могущественному правителю Иосифу. Там, в Египте и прошло «детство Израиля», потомков Авраама, Исаака и Иакова. Там, среди вековых пирамид египетской пустыни, у берегов великого Нила, пробуждалась девственная любовь к Ягве, которого народ еще не знал по имени, как невеста не знает имя будущего своего жениха. Но грудь рождающегося народа уже наполнялась томлением к Неведомому Богу своих отцов — Авраама, Исаака, Иакова, к неведомой таинственной Обетованной Земле, где никто из них еще не был, но все знали, что там — брачный чертог, там соединится с ними и будет жить в любви таинственный Жених, Бог отцов их.

«Спустя долгое время, умер царь египетский. И стенали сыны Израилевы от работы и вопияли, и вопль их от работы восшел к Богу. И услышал Бог стенания их, и вспомнил Бог завет Свой с Авраамом, Исааком и Иаковом. И увидел Бог сынов Израилевых, и призрел их Бог» (Исх. 2,23-25). Так воззвал Израиль из Египта, как Суламифь к Соломону: *Да лобжет мя от лобзаний уст своих.*

...Еще вопиял Израиль, а в Синайской пустыне на Хориве уже загорелся куст, Купина Неопалимая. Уста огненной любви Ягве уже заговорили с пастухом Моисеем, с другом Жениха, которому поручил Ягве привести к Себе в Свои Чертоги Невесту.

«Любящий сын говорит отцу и отец сыну: дай мне лобзание (поцелуй меня). Целуют иные друг у друга руки и плечи; близкие же и особенно жених с невестой целуются прямо и горячо в уста. Вот такого-то искреннего поцелуя Соломон и просит у Отца Небесного» (р. Раши). А Соломон говорит здесь, как указывает р. Раши, от лица народа израильского, желающего этого целования Божия.

Иные же раввины указывают и на ту мысль: «Соломон знал, что Израиль, при получении закона, не мог, от сияния славы Божией, слушать глаголы Божии, почему просил, чтобы один Моисей говорил с Богом, — так и было. Но Господь сказал, что Он воздвигнет им Пророка, который возглаголет им устами к устам и научит их всему истинному и спасительному. Соломон, горя нетерпением — желая скорее видеть сего Пророка, услышать Его сладкия слова, обращается к Отцу Небесному с помянутою священной речью: *Да лобжет мя от лобзаний уст своих*» [47]. Читайте об этом во Втор. 18,15-18.

Так от томления о лобзании невидимого Ягве Израиль восходил к томлению о лобзании грядущего Мессии-Пророка, когда Ягве в Сыне Своем устами к устам будет говорить со своим народом и в воплощении даст целование уст Своих.

1.1 Яко блага сосца твоя паче вина.

1.1 Ибо ласки твои лучше вина.

Желает Израиль лобзания Ягве, ибо *блага сосца Твоя, Господи, паче вина, ибо ласки твои лучше вина*. Молоко от сосцов матери суть Слово Божие, которого жаждет Израиль, единственный народ, с которым в те древние времена говорил Бог устами Своих пророков. Два материнских сосца — не что иное, как две скрижали с начертанным на камне десятисловием Ягве, от которого питался Божественным Законом Израиль — первенец Божий. Более лучшего вина веселило Божественное Слово верующих израильтян.

Яко блага сосца твоя паче вина. «Что это значит — говорит раввин Раши, — как не то же, что усмотрели мы выше, — именно: Соломон желал, чтобы сам Бог коснулся его уст, то есть вложил бы в его уста свое священное слово, которое, как говорит он, лучше вина, и которое потечет в мессианское время в изобилии, как течет млеко из сосца матери, и ничто не веселит более человека, как вино; потому-то Соломон и просит об этом, желая как бы упиться словом Божиим» [47].

Молоко материнских сосцов — двух скрижалей указывает на духовную юность Израиля. «Когда Израиль был юн, Я любил Его (говорит Ягве), и из Египта вызвал сына Моего» (Ос.11,1). Это молоко Закона сменилось потом на совершенное ведение, на веселье вина пророческих вещаний о грядущем Мессии.

1.2 И воня мира твоего паче всех аромат. Миров излиянное имя твое: Сего ради отроковицы возлюбиха тя.

1.2 От благовония мастей твоих имя твое — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя.

Имя твое как миро — здесь на еврейском языке поэтическая аллитерация. «Шем» — имя, «шемен» — масло. Масло здесь переведено как «миро». Имя Божественного Жениха изливает духовную радость, символизируемую разлитым миром. Священное имя Ягве (Сущий), открытое Моисею у Неопалимой Купины, сообщило радость Израилю и даже другим народам, усладило духовным ароматом ищущих Бога.

Под словом «**благовонное миро**», — говорит раввин Раши, — следует также понимать слово Божие: как миро — благовонный елей врачует тело наше, так и слово Божие врачует нашу душу. В следующих же словах *миро излиянное имя Твое*, надобно понимать не буквальное миро, а священный день синайского законодательства, в который разлилось лучшее благоуханное миро по всему свету, то есть Слово Божие. Известно, что запах елея слышится более тогда, когда разливают его из сосуда в сосуд; так и тут: священный закон, до синайского законодательства, был как бы в сосуде закупорен, то есть никому не был известен; но когда он дан был Израилю на Синае, тогда все народы ощутили ароматный запах его, то есть узнали его, — узнал даже язычник и блудник; это усматриваем из следующих слов. *Сего ради отроковицы возлюбиха тя*. А какие это отроковицы? Это блудница Раав и язычница Сепфора, сделавшаяся достойнейшею женою Моисея; оне-то, как и многия другия, услышав благовоние мира — слово Божие, прогремевшее на Синае, познали Господа» [47].

Отроковицы-девицы, в отличие от Невесты — суть иные народы, живущие окрест него. И из них многие возлюбили Ягве, Жениха Израилева и Бога своего.

1.3 Привлекоша Тя: вслед Тебе в воню мира твоего течем. Введе мя Царь в ложницу свою; возрадуемся и возвеселимся о тебе, возлюбим сосца твоя паче вина: правость возлюби тя.

1.3 Влеку меня, мы побежим за тобою; — царь ввел меня в чертоги свои, — будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!

В этих словах усматривается готовность Израиля идти вслед Господа.

Влеку меня — этим означает призывающая благодать Божия, влекущая людей к Богу, но не принуждающая их. **Мы побежим за тобою** — свободный отклик Израиля на зов Ягве.

Царь — например, в сирийских песнях, жених и невеста часто именуются царем и царицей. В христианском таинстве венчания на жениха и невесту возлагаются золотые венцы, напоминающие царские.

Ягве часто именуется Царем Израиля. «Господь Бог Ваш — Царь ваш» (1 Цар. 12,12; Ис. 6,1.5; Иер. 23,2; Иез. 34,11-16). Но еще чаще Господь именуется Царем после вавилонского плена (Авд. 1,21; Зах. 14,9; Мал. 1,14 и др.).

Ложница, или чертоги — это святой Иерусалим, или лучше сам Иерусалимский храм — место пребывания и покоя Ягве. Место — где Он являлся Своей Невесте — святому Израилю в лице его первосвященника. Туда устремлялись и *девицы*, ибо там был и двор язычников. Тех язычников, которые, оставляя своих идолов, устремлялись к Единому и Истинному Богу.

Увлекаемый Господом, Израиль говорит: «Ты, Ягве, повлек меня за собою, когда я был в Египте, и я поспешил вслед Тебя, так что не успел заготовить в путь хлеба, и за это послушание Ты ввел меня в свой чертог, в город Иерусалим» [47].

Эти слова можно отнести и к плененным в Вавилоне иудеям, сердца которых тосковали по чертогам Господним, по храму святого Иерусалима. «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе...» (Пс. 136,1). **Царь ввел меня в чертоги свои** — «так говорит Господь Саваоф: снова переполнятся города Мои добром, и утешит Господь Сион, и снова изберет Иерусалим» (Зах. 1,17). Иудеи ждали, когда они вновь будут позваны в Иерусалим, теперь уже из Вавилона, как некогда из Египта.

Возрадуемся и возвеселимся о Тебе и возлюбим сосца твоего паче вина — радость иудеев при возвещении им вести о спасении. «Возвеселится сердце их, как от вина; и увидят это сыны их и возрадуются; в восторге будет сердце их о Господе» (Зах. 10,7).

1.4 Черна есмь и добра, дочери Иерусалимския, якоже селения кидарска, якоже завесы Соломоновы.

1.4 Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы.

Между Суламифью — простой провинциальной девицей, смотрительницей виноградника и столичными дочерьми Иерусалима некое противопоставление. Это указание на внешне не видный и не блистательный израильский народ и его великое древнее окружение: Египет, Сирия, Ассирия, Вавилон.

Чернота и смуглость Суламифи сравнивается с черными войлочными шатрами кидарян (кочевая измаильтянская народность). По-еврейски «кидар», как и «кидрон», выражают черноту, темноту. **Красота** Суламифи сравнивается с **завесами Соломоновыми** (вероятно, в царских шатрах его при летнем загородном отдыхе).

Мидраш противопоставление черноты и красоты Суламифи объясняет многоразличными грехопадениями и восстаниями Израиля.

Например, противление евреев Богу в Египте, о котором пишет пророк Иезекииль: «Я Господь Бог ваш. Но они (евреи) возмутились против Меня и не хотели слушать Меня; никто не отверг мерзостей от очей своих и не оставил идолов Египетских. И Я сказал: изолью на них гнев Мой, истощу на них ярость Мою среди земли Египетской» (Иез. 20,7-8). От этой черноты и нечистоты, которой осквернил себя Израиль в Египте, Господь очистил его кровью пасхального агнца и обрезанием. «И проходил Я (Ягве) мимо тебя, и увидел тебя брошенную на поправление в кровях твоих... И проходил я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было время твое, время любви; и простер Я воскрилия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою; Я поклялся тебе и вступил в союз с тобою, говорит Господь Бог, — и ты стала Моею. Омыл я тебя водою и смыл с тебя кровь твою и помазал тебя елеем. И надел на тебя узорчатое платье... и была (ты) чрезвычайно красива, и достигла царского величия. И пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей...» (Иез. 16,6.8-10.13-14).

По мнению же многих раввинов, здесь говорится о черноте Израиля ввиду поклонения его золотому тельцу в Хориве после исхода из Египта. Это исповедует Израиль, говоря подобно Суламифи: черна я действиями своими, — идолопоклонством, но красива, ибо есть во мне и прекрасные черты.

Раввин Раши: «Я черна, говорит душа Соломона, то есть грязна многими беззакониями (намекает на многочисленных языческих жен, введших его в идолопоклонство и тем очернившим его).

...Да если бы мы были и слишком черны, то имеем великих святых мужей: Авраама, Исаака и Иакова; есть у нас святые жены, о которых говорит Соломон: «дщери Иерусалимския, — якоже селения кидарска»: жены сии: Сарра, Реввека, Рахиль и Лия; оне красивы, как шатры и завесы Соломона: вот молитвами их и мы убелимся, — спасемся» [47].

Мидраш в противопоставлении черноты и красоты Суламифи видит еще противоположность будней и субботы, простых дней года и дня очищения (Йом-Киппур), века настоящего и века будущего.

Блаженный Феодорит в словах Суламифи о своей черноте, но тут же и о красоте, усматривает указание на «языческую неплодящую церковь», которая ко времени Соломона проявила особенное стремление к религиозному и всякому иному единению с Израилем. Таково посещение Соломона царицей Савской, которая, по мнению блаженного Феодорита, являлась образом всех благонамеренных и честных язычников, оправдавшихся без закона, по апостолу (Рим. 2,14-15) (бл. Феодорит, толк. на 3 кн. Царств, вопр. 33). Чернота означает идолопоклонство этих язычников, а красота — то неугасшее искреннее стремление к Богу и истине, к благочестию и вечному.

Суламифь указывает и на причину своей смуглости и черноты:

1.5 Не зрите мене, яко есмь очернена, яко опали мя солнце; сынове матери моея сваряхуся о мне, положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних.

1.5 Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, — моего собственного виноградника я не стерегла.

Здесь Суламифь указывает на причину своей черноты. Ее опалило солнце. Сыновья матери ее разгневались на нее и поставили стеречь чужие для нее виноградники. Своего виноградника она при этом не устерегла.

Солнце и зной его лучей означают здесь невзгоды и бедствия этого мира, в которые попадал Израиль на своих исторических путях.

Поясняя слова **поставили меня стеречь виноградники**, Мидраш говорит: «Сделали меня, говорит Моисей, судьей споров дочерей Иофора, а **моего собственного виноградника я не стерег**, то есть не имел возможность принять на себя дело моих братьев в Египте» [70].

Иерусалимская Библия [13] видит здесь указание на времена вавилонского плена. **Сыновья матери моей** — халдеи, разрушившие Иерусалим и пленившие иудеев (**разгневались на меня, или сваряхуся о мне**). Халдеи — братья Израиля, так как они потомки того родства, которое оставил в свое время в Уре Халдейском праотец Авраам. Халдеи поставили иудеев **стеречь виноградники** на «земле чуждей», подвергли их рабству в плену на реках вавилонских — **собственного виноградника** Святой Обетованной Земли я не стерегла. Как Адам и Ева не уберегли, не устерегли от змия рай, так Израиль не уберет виноградник своей истинной веры, постоянно впадая в идолопоклонство. А не устеревши свой виноградник, Израиль и вовсе лишился его, и теперь уже должен был в земле чужой возделывать чужие виноградники.

Но хотя и очернился Израиль идолопоклонством, хотя и очернился, весьма пострадав в плену вавилонском, опалился солнцем — Навуходоносором, но красив мужем желаний Даниилом, красив бесстрашными тремя отроками, украшен Ездрой и Неемией, красив пробудившимся желанием народа к Богу отцов своих, к Ягве возлюбленному.

1.6 Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почитаеши в полудне? да не когда буду яко облагающаяся над стады друзей твоих.

1.6 Скажи мне, Ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?

Ягве — Пастырь Израиля (Пс. 22,1), которого любит душа моя, то есть лучшие из народа израильского, а где-то в глубине души и каждый из них, оказавшихся у шатров и пастбищ чужих. И вот дочь Сиона вопрошает Ягве: **Где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень?** Скажи мне, Возлюбленный, где и как будешь пасти меня? Среди ли чужих людей в Вавилоне? Или в полдень, среди зноя?

Здесь следует разуместь страдания, которые евреи должны были переносить в Вавилоне. Словами **к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей Твоих?** Израиль как бы с негодованием вопрошает о причине своего оставления и как бы так говорит: ведь другие пастыри не покидают своих овец; зачем же Ты, Ягве, оставляешь избранное стадо свое?

Стада товарищей — языческие народы, среди которых Израиль — дочь Сиона оказалась **скиталицею**. Вопросая Возлюбленного, Израиль уже слышит трепетно в душе своей: «Возвращайся, дева Израилева, возвращайся в сии города твои. Долго ли тебе скитаться, отпадшая дочь?» (Иер. 31,21-22). И полдень зноя твоих страданий превратится в полдень твоего счастья и блаженства. И тогда Я тебя упасу и буду водить к злчным пажитям (Пс. 22,2).

На вопрошание и томление своей души Суламифь слышит ответ:

1.7 Аще не увеси самую тебе, добрая в женах, изыди ты в пятах паств и паси козлища твоя у кущей пастырских.

1.7 Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

Раввин Раши видит здесь ответ Ягве (Жениха) Израилю, утратившему своего Пастыря и смутившемуся своей отверженностью в Вавилоне перед всеми народами. Ягве говорит: «Если ты не знаешь, возлюбленная Моя, добрая Моя, и смущаешься этим, то иди *в пятах паств*», то есть ступай по стопам своих предков; возьми в пример пророка Моисея; вспомни, как он пас стадо на земле чуждой и однако не тужил он и там, был верен Мне, и Я прославил его. Поступай так и ты, живя на земле чуждой, не забывай Меня, и Я прослаблю тебя» [47].

Под **шатрами пастушескими** можно разумеать гору Сион, местопребывание царей израильских. Там Ягве вновь хочет собрать свое стадо.

Иначе еще этот ответ можно отнести к дочерям Иерусалима. В их ответе Суламифи, очерненной солнцем смуглолицей хранительнице виноградника, потерявшей и ищущей своего возлюбленного, наивно полагающей, что царь может пребывать со стадами, слышится то недружелюбие, которым встречали в своей среде иудеи прозелитов из язычников, очерненных долгим пребыванием в идолопоклонстве, а теперь с наивной простотой ищущих истинного Бога в Израиле. Только такие богопросвещенные мужи, как Илия, Елисей, Даниил и некоторые иные пророки уже тогда разумели радость единения Израиля с остальным человечеством (роскошных дочерей Иерусалимских со смуглолицей Суламифью).

И вот появляется Соломон, не взирает на иронию высокопоставленных дочерей Иерусалимских, и восторженно восхваляет свою возлюбленную Суламиту:

1.8 Конем моим в колесницах фараоновых уподобих ты, ближняя моя.

1.8 Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя.

Несколько странное и неожиданное для нас сравнение является однако обычной и возвышенной похвалой женской красоте у арабийских поэтов и Теокрита. Стройность, красота и живость Суламити сравниваются с колесницей фараоновой.

Кроме указания на красоту, святые отцы усматривали здесь указание на переход Израиля через Чермное море и потопление в нем войска и колесниц фараоновых. Так, толкуя слова пророка Аввакума (3,8), бл. Иероним Стридонский говорит: «Как Иордан и Красное море изсушил Ты, сражаясь за нас, не потому, что гневался на реки и море, и не потому, что неодушевленные предметы могли навлечь чем-либо гнев (Твой); так и теперь, восходя на колесницы свои, схватывая лук, Ты даешь спасение народу Твоему, и навеки исполнишь клятвы, которыми Ты клялся отцам нашим и народам».

Св. Григорий Нисский находит здесь не сравнение Невесты с конями в колеснице фараоновой, а с конями в колеснице противостоявшей колесницам фараоновым и погубившим их. Св. Григорий пишет: «Посему если в воинстве египтян наибольшую силу составляла конница; то ей противопоставленную невидимую силу, которой совершена победа над египтянами, Слово наименовало конями. Ибо и они чувствовали, кто борется с ними и зывали друг к другу: «Господь поборает на египтяны; бежим от лица Господня» (Исх. 14,25). Явно же, что истинный военачальник, сообразно с военным уготовлением сопровитников, вооружил собственную Свою силу. Посему была некая невидимая сила, чудесами на море соделавшая погибель египтян; ее-то Слово и наименовало конями. И мы предполагаем, что это было ангельское воинство, о котором говорит пророк: «Яко всядеши на кони Твоя, и яждение Твое спасение (Авв. 3,8)». В словах святой Песни *Конем моим в колесницах фараоновых уподобих ты, ближняя моя*, можно усмотреть сравнение вавилонского плена с египетским рабством. О возвращении с рек вавилонских пророк Исайя говорит: «Тогда для остатка

народа Его, который останется у Ассура, будет большая дорога, как это было для Израиля, когда он выходил из земли Египетской» (Ис. 11,16). Пророк даже обличает находившихся в плену и не воспоминавших об избавлении из Египта: «Так говорит Господь, открывший в море дорогу, в сильных водах стезю, выведший колесницы и коней, войско и силу; все легли вместе, не встали; потухли как светильня, погасли. Но вы не вспоминаете прежнего и о древнем не помышляете» (Ис. 43,16-17). Ягве спасет плененных в Вавилоне, как некогда спас Свой народ из Египта. «Посему, вот наступают дни, говорит Господь, когда уже не будут говорить: «Жив Господь, который вывел сынов Израилевых из земли Египетской», но: «жив Господь, Который вывел и Который привел племя дома Израилева из земли северной и из всех земель, куда Я изгнал их», и будут жить на земле своей» (Иер. 23,7-8).

1.9-10 Что украшены ланиты твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты; подобия злата сотворим ти с пестротами сребра.

1.9-10 Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях; золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками.

Раввин Раши указывает «что здесь Соломон говорит о разных драгоценных вещах, каковы ожерелья, золотые подвески, которыми украшались дочери Израиля. Но спросят: откуда взяли такое богатство еврей? У египтян и особенно у тех, которые погнались за ними в погоню. Можно ли после того сомневаться, что сам Бог являлся скорым помощником Израилю у Чермного моря! Поистине, Он быстрее коня спешил на помощь людям своим» [47].

Мидраш видит в этих драгоценных украшениях Суламифи различные части Священного Писания, которыми был украшен древний Израиль.

Подвески (баттарим, нитка жемчугов) — Закон (Пятикнижие Моисея). **Ожерелья** (шнур драгоценных камней на шее) — Пророки. **Золотые подвески** — Агиографы. **Серебряные блестки** (крапинки) — сама Песнь Песней.

1.11-13 Дондеже (будет) царь на восклонении своем, нард мой даде воню свою. Вязание стакти брат мой мне, посреде сосцу моею водворится: Грезн кипров брат мой мне в виноградах Енгаддовых.

1.11-13 Доколе царь был за столом своим, нард мой издавал благовоние свое. Мирровый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает. Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгедских.

По объяснению раввина Раши мысль здесь такова: Бог еще не успел приподняться с престола величия (**доколе царь был за столом своим**), в день Синайского законодательства, не успел еще оставить небесный совет ангелов о даровании Израилю Закона, а Израиль уже издавал **благовоние свое**, но не Ягве, Жениху своему, а сотворил золотого тельца и поклонился ему вместо Бога-Ягве. И вот, для очищения от сего чуждого благовония, дается Израилю **Мирровый пучок (вязание такти) Возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает**, Закон, данный на Синае, сравнивается Соломоном с **сосцами**. Два сосца Божии означают две каменные скрижали, находившиеся у груди Божией в божественной скинии, в ковчеге Завета.

Иначе **нард, вязание такти, кипер** и благоухание, распространенное ими, символизируют радость возвращения иудеев из вавилонского плена в Святую Землю и пребывание на ней Израиля (Суламифи) в единстве любви с Ягве, Женихом и Богом своим. Мирровый пучок теперь у груди невесты. Кончилось время томительного искания его у рек вавилонских. Нет больше нужды стеречь чужие виноградники. Теперь Израиль **в виноградниках Енгедских** («Источник козленка» — плодородный оазис на западном берегу Мертвого моря) у себя в отечестве, в духовном оазисе в Земле Святой.

Далее следует взаимное восхваление и выражение любви Жениха и Невесты:

1.14-15 Се, еси добра, искренняя моя, се еси добра: очи твои голубине. Се, еси добр, брат мой, и еще красен:

1.14-15 О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные (глаза твои голубицы. — Эфрос). О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен!

Ягве ублажает и восхваляет возлюбленную Свою дочь Сиона, народ Израильский. Восхваляет Он дочь Сиона «за ее готовность принять закон, которого она еще не знала, а уже вызвалась принять и хранить, сказав на Синае: «вся, елика рече Бог, сотворим и послушаем»; значит, что духовными очами Израиль уже пред-

видел благодать закона, который казался тягостным для других народов» [47]. Важный момент — Израиль принял Закон не потому, что он благ, а потому, что он дан ему Богом Ягве, Возлюбленным его. А все, что от Бога, то и благо. Нелюбящий же Бога будет сначала сам решать — благ Закон или нет, принимать его или нет. Вот эту-то прозорливость Израиля, готового принять и считать благим еще не полученный и неизвестный Закон, и хвалит Ягве, говоря: *очи твои голубине*.

С другой стороны, говорит раввин Раши: «Дщерь Сиона достойно похвывается Господом; несмотря на ее виновность — поклонение золотому тельцу; ибо она вполне искупила свою вину; известно, что Израилем для построения скинии собрано было золота гораздо больше, чем для слития тельца; не достоин ли после всего этого прощения Израиль и не достойно ли похвалит и прославляет Господь дщерь Сиона, называя ее прекрасною и возлюбленною» [47].

Сравнение **глаза твои голубицы**, которым Ягве хвалит и восхищается Своею Невестой, означают, по Мидрашу, что благочестивые израильтяне в посещениях своего храма в праздники и во многих других отношениях уподобляются голубям.

Дочь Сиона, высоко ценя благодать Божию и милосердие, ответно славит Господа: **О, ты прекрасен, Возлюбленный мой, и любезен!**

Говоря о Невесте, Жених уточняет, *искренняя (ближняя) моя* прекрасна. Говоря, что Жених (*брат мой*) прекрасен, Невеста ничего не уточняет, восхваляя его. Мидраш объясняет это тем, что у Ягве (Возлюбленного) кроме Израиля («ближняя») есть и иные народы («дальние»), а у Израиля (Невесты) нет иного Бога, и только Его, Ягве, одного считает достойным любви.

1.15-16 Одр наш со осенением, преклади дому нашего кедрови, доски наша кипарисныя.

1.15-16 И ложе у нас — зелень; кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы.

И ложе у нас — зелень — плодородие обетованной Святой Земли. Соглядатаи Моисея доложили ему: «Мы ходили в землю, в которую ты посылаи нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее» (Чис. 13,28). Виноградную кисть, которую они принесли, чтобы показать плодородие Обетованной Земли, пришлось нести вдвоем на шесте.

Особое плодородие земли было дано израильскому народу и по его возвращении из вавилонского плена. Ягве говорит Своему народу: «Дарую им и окрестностям холма Моего благословение, и дождь буду ниспосылать в свое время; это будут дожди благословения. И полевое дерево будет давать плод свой, и земля будет давать произведения свои; и будут они безопасны на земле своей (*одр наш со осенением* Всевышнего), и узнают, что Я Господь, когда сокрушу связи ярма их и освобожу их из руки поработителей их» (Иез. 34,26-27). «Я буду росой для Израиля», — говорит Ягве, — «он расцветет, как лилия, и пустит корни свои, как Ливан. Расширятся ветви его, и будет красота его, как маслины, и благоухание от него, как от Ливана» (Ос. 14,6-7).

Кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы — это о построении Иерусалимского храма и дворца царя Соломона, так как именно из этих деревьев они были построены. Указывается здесь и на восстановление храма иудеями по их возвращении из вавилонского плена. Храм — священное пристанище израильского народа и благодатное обиталище Ягве, поэтому и Жених, и Невеста называют дом **нашим**, там они вместе обитают, там **ложе** их, там упокоивалась душа благочестивого израильтянина в Боге своем.

ГЛАВА 2

2.1-2 Аз цвет польный и крин удольный. Якоже крин в тернии, тако искренняя моя посреди дочерей.

2.1-2 Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами.

Ягве, возлюбленный Жених — роза или нарцисс Саронский, Он — лилия долин! Иногда это сравнение относят и к невесте — Израилю, который далее именуется лилией между тернами.

Раввин Раши: «Этим словами Соломон изображает цветущее состояние Израиля своего времени, уподобляя царство свое прекрасному цветку, распутившемуся подобно пышному розану. Он (Соломон) как бы сказал: «Я, а в лице моем и со мною весь Израиль, теперь блаженствуем, процветаем как роза, растущая в долине, которую солнце не опалает; живя среди народов окружающих нас, мы невредимы, никто из них не в силах обидеть нас, ибо Сам Ягве защищает нас» [47].

Возлюбленная сравнивает себя с **нарциссом** и **лилией**, а Возлюбленный идет еще дальше: она — **лилия между тернами**, Он любит только ее. **Девицы**, уподобленные **тернам** — языческие народы вокруг Израиля Божия. Ему говорит Ягве: «Ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего; тебя избрал Господь Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Втор. 7,6).

«О, Владыко Господи! ...из всех цветов во вселенной Ты избрал Себе одну лилию... из всех многочисленных народов Ты приобрел Себе один народ, и возлюбил его, дал ему закон совершенный» (3 Езд. 5,23.24.27).

Нарциссом Саронским, прекрасной лилией, по сравнению с которой все остальные цветы, что тернии, — таково было чудное и славное время Давидо-Соломонова царства.

Но далее Соломон видит и будущее бедственное состояние Израиля:

2.3 Яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень его восхотех и седох, и плод его сладок в гортани моем.

2.3 Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей.

Как яблоня, растущая в лесу, бывает мало заметна для людей: так и возлюбленный мой Израиль не будет знаменит между иноплемениками, среди которых будет обитать. После Соломона Израиль как государство явно померк между другими народами. Незаметная яблоня среди лесных деревьев.

Слова *под сень его восхотех и седох* означают, что хотя Израиль и будет в плену между иноверными (великими лесными деревьями), но и там он не забудет Господа, и Бог не забудет его. Мидраш говорит: «Бог так любит Израиля, что Он ради его решил оставить небесный престол, сошел на землю и поселился в тени дуба, как сказано: *под сенью его седох*» [70].

Хотя и не виден теперь Израиль среди народов, деревьев лесных, но стремится только к своей яблоне и **плоды ее сладки для гортани** его. «Как вожделенны жилища Твои, Господи Сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому» (Пс. 83,2-3). Столь сладки плоды Божественной Яблони — Ягве Возлюбленного верным чадам израильским.

Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами. Этими словами Соломон пророчески воспекает и грядущую эсхатологическую эру, когда «возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать» (Ис. 35,1-2). В то время Божественный Нарцисс обращается к своей таинственной лилии (Ягве — к Израилю Божию): «Я буду росой для Израиля; он расцветет, как лилия, и пустит корни свои, как Ливан. Расширятся ветви его, и будет красота его, как маслины, и благоухание от него, как от Ливана. Возвратятся сидевшие под тенью его, будут изобиловать хлебом, и расцветут как виноградная лоза, славны будут, как вино Ливанское» (Ос. 14,6-8).

Славное и мирное царствование Соломона — только прообраз этой грядущей мессианской эпохи, которую иудеи особенно стали ожидать со времен вавилонского плена. Об этом так писал блаженный Августин: «Впрочем некоторый образ будущего отразился и в Соломоне, — в том, что он построил храм; в том, что соответственно имени своему царствовал мирно (ибо имя Соломон

на нашем языке значит миротворный); и в том, что в начале своего царствования заслуживал удивительных похвал... Кто ожидает этого столь великого блага в настоящей жизни и на этой земле, тот думает безрассудно. Не подумает ли разве кто-нибудь, что это исполнилось в мирное царствование Соломона? Мир этого царствования Писание, действительно, выставляет по преимуществу на вид, как сень будущего» [17].

2.4 Введите меня в дом вина, вчините во мне любовь.

2.4 Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь.

Мидраш объясняет это так: «Общество Израилево говорит: Бог ввел меня в великое виноградное точило, на Синай, и там дал мне мое знамя — закон, заповеди и добрые дела, — и я приняла их с великою любовью» [70].

Иначе еще *дом вина* или *дом пира* означает, как и чертоги (1,3), Иерусалимский храм, да и вообще Святую Землю. После всех лишений «придут они (израильтяне), и будут торжествовать на высотах Сиона; и стекутся к благостыне Господа, к пшенице и вину, и елею, к агнцам и волам; и душа их будет как напоенный водою сад, и они не будут уже более томиться» (Иер. 31,12).

Дом вина, ибо вино — символ любви, крепкой и сладостной.

Вокруг **знамени любви** ко Святой Земле и к Ягве, Возлюбленному своему, соберутся пленники и изгнанники иудейские в вавилонском плену. Эта любовь к Ягве и Его святому храму в Иерусалиме (дому вина и пира) увлечет их от рек вавилонских назад в Землю Обетованную. Тогда Ягве «поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли» (Ис. 11,12).

Теперь Невеста (Израиль) переживает некую болезнь любви, уязвлена любовью к Ягве.

2.5-6 Утвердите меня в мирех, положите меня во яблоцах: яко уязвлена (есмь) любовью аз. Шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя.

2.5-6 Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Невеста уязвлена и изнемогает от любви. Мидраш относит это не только к внутреннему состоянию уязвленности любовью, но и

к внешним язвам, которые получал израильский народ за любовь к единому Богу Ягве. «Община Израилева говорит пред Богом: все страдания, какие причиняют мне народы, происходят только от того, что я люблю Тебя» [70].

Шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя. Об этом изъявлении любви Ягве к своему народу так пишет раввин Раши: «Господь, подобно нежному отцу, никогда не оставит первенца Своего Израиля. Спасая его от египетского плена, Бог водил его как бы за руку; то же говорит и приведенный текст: *десница его обимет мя*; точно так он будет и впредь поддерживать Израиля. Соломон не мог не предвидеть будущее бедствие Израиля, например плен вавилонский; не мог не предвидеть, конечно, и того, что Бог избавит Израиля и пошлет Мессию, который обимет Израиля своими спасительными дланями, — и шуйцею и десницею. Предвидя все это и радуясь о будущем, как бы о настоящем, он и воспеваает заранее в священных песнях своих: *шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя*» [47].

Далее следует своеобразное заклинание, нигде более в Священном Писании не встречающееся, в Песни же Песней — трижды (2,7; 3,5; 8,4):

2.7 Заклях вас, дочери Иерусалимли, в силах и крепостях села: аще возставите и возбудите любовь, дондеже восхощете.

2.7 Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Израиль имел одну дозволенную клятву — именем Божиим. «Его именем клянись» (Втор. 6,13). Именем Господа Саваофа заклинает Суламифь дочерей Иерусалима. Возможно, Соломон не желал в контексте Песни Песней прямо называть святейшее имя Господа, поэтому и поставлены созвучные слова «цебаот» и «еалот», переводимые обычно, как серны и лани, либо как силы и крепости.

Не будите — под сном здесь Иерусалимская Библия понимает испытания плена, а пробуждение символизирует возрождение Иерусалима и свободное обращение к нему народов. «Воспряни, воспряни, восстань, Иерусалим, ты, который из руки Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил. Некому было вести его из всех сыновей, рожденных им, и некому было поддержать его за руку из всех сыновей, которых он воз-

растил... Восстань, восстань, оденься в силу твою, Сион! Облечись в одежду величия твоего, Иерусалим город святой!.. Отряси с себя прах; встань, пленный Иерусалим! сними цепи с шеи твоей, пленная дочь Сиона!» (Ис. 51,17-18; 52,1.2).

Но это возрождение и пробуждение Иерусалима не может быть ускорено и осуществлено искусственно, собственными усилиями: **не будите и не тревожьте возлюбленной**, доколе не пришли времена, определенные Богом. Потому такие праведники, как пророк Даниил, не опережали ход событий, определенный Богом, и терпеливо несли бремя «вавилонского сна», находили даже возможным заниматься важным положением при дворе вавилонского царя. **Не будите и не тревожьте любовь, пока сама не захочет она** (перевод Эфроса, Порфирия). Срок, определенный Ягве, зависит от состояния спящей дочери Сиона — плененного Израиля. Потеряв любовь к Ягве, он уснул. Теперь в нем вновь должна пробудиться, проснуться любовь к своему Жениху, к Ягве; только эта любовь возродит спящую дочь Сиона. Возродится из руин тогда святой град (Неемия) и святой храм (Зоровавель), и проснувшаяся любовь дочери Сионовой восплещет руками, воскликнет гласом радования, пробужденная прострёт руки к Возлюбленному своему Жениху — к Ягве.

А пока спит, не тревожьте ее, не будите.

Этот сон на Израиле и поныне. И только раскрывшийся обман антихриста и пророческий глас Илии и Еноха пробудит дремлющую любовь к Мессии-Христу из Назарета в этом первенце из народов, слышавшем и знавшем Бога.

2.8-9 Глас брата моего: се, той идет, скача на горы и прескача на холмы. Подобен есть брат мой серне или младу оленю на горах Вефильских. Се, сей стоит за стеною нашею, проглядая оконцами, проникая сквозь мрежи.

2.8-9 Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам. Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку.

Через пророков Господь говорил с народом Своим, Израилем. Св. Григорий Нисский: «*Глас Брата моего*, говорит душа, и тотчас присовокупляет: *се Той идет*. Что же подразумевать в этом: То, что, может быть, сказанное предугадывает открытое нам Евангелием домостроительство Бога Слова, как предвозвещенное пророками». Итак, это голос Божий, через пророков достигавший Свой народ.

Толкует св. Григорий и значение *оконцев и мрежей (решеток)*, через которые стоящий еще *за стеною* Жених достигает Свою возлюбленную. Стена, разделяющая Жениха и Невесту, означает, что Господь (Мессия) еще не пришел к своим, но уже посылает Свой Свет *через оконца и мрежи*. «Пророки суть оконца, вводящие свет, ткань же законных предписаний — *мрежи*, а сквозь то и другое проникает внутрь луч истинного света». Через *решетки* Закона и *оконца* пророков Ягве говорит с Израилем и зовет его.

Выражение *прескача на холмы* раввин Раши понимает в смысле «быстрого перехода Божия от дальнего времени к ближнему. Так, Аврааму предсказано было, что потомство его будет 400 лет в Египте; но Бог, видя страдания Израиля, сжалился над ним и сократил этот длинный срок; это и значит, что Он как бы *перескочил*. Но скажут: законно ли не выдержать времени предвечного предопределения, то есть 400 лет, предназначенных для пребывания израильтян в Египте? Очень законно! **Возлюбленный** есть Ягве, который, по выражению Соломона, подобен серне или младцу оленю, по быстроте своих действий, и той поспешности, с которой Он шел на спасение Израиля. Он-то, *стоял за стеною* (невидимый) и *проглядывая оконцами* (с неба), увидел, что египтяне уже сильно отягощают израильтян тяжелою работою, мучают их, и Ему сделалось жалко несчастных. Господь подчинил фараону израильтян не на истязание, а чтобы слегка проучить их, вразумить их, а фараон стал слишком стеснять чад Божиих. Мог ли Господь переносить это спокойно, оставлять далее Израиля в плену и слышать стон их? Нет. И он заранее спешит избавить их» [47]. Однако, лучше вместе с Септуагинтой (Исх. 12,40) и апостолом Павлом (Гал. 3,17) относить 400 лет не к пребыванию в Египте только, а ко времени от Авраама до Моисея. Тогда на время в Египте приходится значительно меньше (надо вычесть время странствования Авраама, Исаака и Иакова в земле Хананской).

Вместе с Иерусалимской Библией можно и иначе разуместь этот текст. *Горы и холмы* Иудеи, горной страны, откуда явится *Возлюбленный Друг* и возвестит спасение и лето Господне благоприятно, в грядущие мессианские времена. Об этом говорит и Исаия: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: «воцарился Бог твой!» (Ис. 52,7). «Взойди на высокую гору, благовествующий Сион! Возвысь с силою голос твой, бла-

говествующий Иерусалим! возвысь, не бойся, скажи городам Иудиным: вот Бог ваш! Вот, Господь Бог грядет с силою, и мышца Его со властью» (Ис. 40,9-10).

Возлюбленный Израиля не только скачет по горам, прыгает по холмам, но «и взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы» (Ис. 40,12) — кто же подобен Ему?! Таков Возлюбленный Израиля!

Возлюбленный Израиля подобен серне и молодому оленю на горах Вефильских. (Вефиль=Дом Божий.) Ягве имеет в Израиле Свое жилище, Свой дом. И оттуда, от сего священного жилища, от сей божественной горы Ягве скоро, подобно серне или молодому оленю, спешит к Своему народу. Вефиль — это место, где Иакову было видение лестницы, по которой ангелы от Бога нисходили на землю. Подобно серне и младому оленю Господь спешил на помощь уходящему из отеческого дома Иакову. В Вефиле долгое время находился ковчег Завета (дом Божий), там судил свой народ пророк Самуил. Это место близ гор, о которых здесь говорит Соломон. Туда обращали свои взоры благочестивые израильтяне, ожидая помощи Божией. «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю» (Пс. 120,1-2).

Невеста слышала голос Возлюбленного (ст. 8). Он спешит к ней как серна, как молодой олень. И вот уже стоит перед нею (ст. 9):

2.10-14 Отвещает брат мой и глаголет мне: восстани, приди, ближняя моя, добрая моя, голубица моя. Яко се, зима прейде, дождь отиде, отиде себе: цветы явишася на земли, время обрезания приспе, глас горлицы слышан в земли нашей: смоквы изнесе цвет свой, виногради зреюще даша воню. Восстани, приди, ближняя моя, добрая моя, голубица моя, и прииди. Ты, голубица моя, в покрове камене, близ предстения: яви ми зрак твой, и услышан сотвори ми глас твой: яко глас твой сладок, и образ твой красен.

2.10-14 Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя,

выйди! Голубице моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лице твое приятно.

Кончилась зима. Пришла весна. Возлюбленный зовет Невесту. *Восстани, прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя.*

То есть, оставь это рабское место, страну египетскую, и иди в землю, кипящую медом и молоком, толкует раввин Раши.

Яко се, зима прейде, дождь отиде, отиде себе. Теперь для тебя, Израиль, время самое благоприятное, — день спасения, зима и дождь (в Палестине зима — время дождей) уже прошли. Прошли мрачные времена страданий твоих в Египте. Кроме того, здесь и буквально указывается на то время, в котором совершилось избавление Израиля от египетского рабства — пасха Израиля, исход его из Египта в прекрасное весеннее время, когда *цвете явишася на земли, время обрезания приспе, глас горлицы слышан в земли нашей: смоквь изнесе цвет свой, виноград зреюще даша воню.*

Исход. Наступила весна Израиля. *Глас горлицы слышан в земли нашей.* Аарон — *глас* горлицы, а *горлица* — богодухновенный Моисей, слышны, зовут Израиля к Ягве, к возлюбленному Жениху. Ориген: «Под горлицею же, кажется, разумеет, например, Моисея и кого-либо из пророков, удалявшихся на горы и в пустыни, и получавших там откровения Божии». Упоминание смокв, винограда указывает на то, что «народ Твой Ты (Ягве) питал пищей ангельскою и послал им, нетрудящимся, с неба готовый хлеб, имевший всякую приятность по вкусу каждого. Ибо свойство пищи Твоей показывало Твою любовь к детям и в удовлетворение желания вкушающего изменялось по вкусу каждого» (Прем. 16,20-21). Так в манне, в ангельском хлебе, они имели полноту плодов земных. Настало для Израиля время, когда «возвратятся сидевшие под тенью его (бывшие в рабстве египетском), будут изобиловать хлебом, и расцветут, как виноградная лоза, славны будут, как вино Ливанское» (Ос. 14,8).

Следующие слова Ягве: **Голубице моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой** — хорошо показывают ситуацию перехода через Чермное море, начало весны Израиля. Ягве, видя, что дочь Израиля, приблизившись к морю, испугалась, говорит ей в утешение: «Голубица Моя, ты стоишь как бы у каменной стены, у непроходимого моря, содрогаешься от мысли потонуть в нем, слышишь стук

колесниц фараоновых, сих последних порывов зимних дожденосных ветров. Но не бойся! **покажи мне лице твое**, то есть обрати прекрасный лик свой в молитве ко Мне и дай Мне **услышать голос твой** — воспой священную песнь*, — и увидишь, как чудно спасу тебя».

Естественно, все воззвание Ягве к Израилю в 2,10-14 может быть отнесено и к окончанию зимы вавилонского плена и началу весны возвращения народа под водительством Зоровавеля, Иисуса, сына Иоседекова, Неемии, Ездры в обетованную Святую Землю.

Прежде, нежели Соломон сообщает ответ Невесты на воззвание Жениха, вставлены слова:

2.15 Имите нам лисы малые, губящия винограды: и винограды наши созревают.

2.15 Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете.

На этот стих раввин Раши дает такое толкование: «Под именем лисиц, губящих виноград, следует разуметь врагов иудеев — египтян, которые губили виноград Божий, Израиля. Но почему велено особенно ловить малых — молодых лисиц? А потому, что они более причиняли зла, чем старые лисицы, то есть взрослые египтяне. Известно, что фараон приказал убивать детей мужского пола, — и их убивали; но так как некоторые родительницы еврейки ухитрялись укрыть новорожденных, — и так ловко, что повивальные бабки не могли выполнять повеленное царем, то дети египтян принимали в свою очередь хитрые меры к открытию детей еврейских. Египтяне приносили своих малых грудных братьев и сестер в те дома еврейские, где подозревалось, что мать скрывает новорожденное дитя. Принесенное в чужой дом, оторванное от груди матери, египетское дитя, конечно, начинало плакать; на голос его откликалось всегда плачем и еврейское дитя; таким образом обнаруживалось, где родился еврейский мальчик, и найденное дитя кидали в воду. Вот посему-то и велено ловить особенно малых лисиц (детей египетских), как более вредных; ибо они особенно губят виноград Божий, то есть чад израильских» [47].

Такое толкование, может, и приемлемое для Ветхого Завета, иудейской синагоги, с трудом укладывается в христианское нравственное сознание. Лучше понимать под **лисенятами** нечестивые ханаанские племена, оставшиеся в винограднике Обетованной

* Песнь Моисея и Марнамны.

Земли и истреблявшиеся еще хранителями виноградника (судьями израильскими). Они портили виноградник, вводя Израиль во грех. О них предупреждал Ягве Израиля: «Предам в руки ваши жителей сей земли, и прогонишь их от лица твоего; не смешивайся и не заключай союза ни с ними, ни с богами их; не должны они жить в земле твоей, чтобы они не ввели тебя в грех против Меня; ибо если ты будешь служить богам их, то это будет тебе сетью» (Исх. 23,31-33). Об этих же «лисенятах» говорил народу и составившийся Иисус Навин: «Если же вы отвратитесь и пристанете к оставшимся из народов сих (хананейских), которые остались между вами, и вступите в родство с ними и будете ходить к ним и они к вам, то знайте, что... они будут для вас петлею и сетью, бичом для ребр ваших и терном для глаз ваших» (Нав. 23,12-13). Так оно и случилось, особенно в период судей израильских. Остатки хананейских племен, как малые лисы, постоянно портили виноградник Израилев, вводя израильтян во грех и досаждая им. Выловлены были эти «лисенята» фактически только царем Давидом и ко времени Соломона Виноградник израильский стоял во цвете (**а виноградники наши в цвете**).

Помышляя о возвращении иудеев из вавилонского плена (зима уже прошла) и о возобновлении ими своего жительства на Святой Земле (**цветы показались на земле... виноградники наши в цвете**), можно под лисенятами разумеет коварные соседние племена, препятствовавшие восстановлению святого Иерусалима (Езд. 4,2; Неем. 2,19; 4,1-3).

Далее следует ответ возлюбленной дочери Сионовой своему Божественному Жениху:

2.16-17 Брат мой мне, и азъ ему, пасый в кринах, дондеже дхнет день, и двигнуться сени. Обратися, уподобися ты, брате мой, серне или младу еленю на горах юдолий.

2.16-17 Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями. Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.

Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему. Эти слова равнозначны выражениям: «Ягве — Бог Израилев, Израиль — народ Ягве, народ Божий». У Ягве нет другого народа кроме Израиля — первенца Своего, так как остальные еще язычники. У Израиля нет другого Бога, кроме Ягве Единого. Они любят

друг друга и на Синае заключили Завет, обручились через Закон. Ягве дал Израилю Свое «обручальное кольцо» — Закон, Израиль отдал Ягве свое — веру и послушание. В мессианские времена эта взаимоотдача достигнет своей полноты: «После того обратятся сыны Израилевы и взыщут Господа Бога своего и Давида, царя своего (Христа. — Г.Ф.) и будут благоговеть пред Господом и благостью Его в последние дни» (Ос. 3,5). «Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер. 31,33).

Возлюбленный, Он и Пастырь Израиля, **Он пасет между лилиями**, между цветом сего виноградника, между Моисеем и Аароном, Иисусом Навином и Халевом, Гедеоном и Самуилом, Давидом и Соломоном, Илией и Елисеєм, и всеми праведниками Израиля.

Обратися, возвратися — зовет Невеста Жениха. Разлука и искание всегда звучат в песнях любви. Звучат они и в Песни Песней любви Израилевой. По грехам своим часто теряя Господа, Израиль вновь и вновь зовет Его к себе. И во время странствования в пустыне ропщущий и непослушный народ был оставлен на сорок лет, но они воззвали к Ягве и Он, **как серна, как молодой олень**, поспешил к ним. Они скорбели о разлуке с Ним на реках вавилонских, и Он снова пришел к ним и вернул их к Себе в Землю Обетованную, Святую.

Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, то есть доколе не иссохла вера в Израиле, вернись к нему, Ягве. И Он возвращался. Он пас между лилиями, не иссякавшими, не увядавшими в Израиле никогда вовсе.

Ягве, Возлюбленный, подобен серне и молодому оленю на **расселинах гор**. Буквально здесь «на горах жертв, рассеченных пополам». Этим указывается на изначальный Завет, который заключил Бог с праотцом Израиля Авраамом, когда тот в знак Завета рассек жертвы пополам, и во мраке дым и огонь прошли между животными, и Бог сказал Аврааму: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их 400 лет, но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут сюда с большим имуществом, а ты отойдешь к отцам твоим в мире и будешь погребен в старости доброй; в четвертом роде возвратят-

ся они сюда» (Быт. 15,7.21). С сих «горных расселин» Завета с Авраамом, ради обещания ему, сколько раз скоро, как серна и олень, возвращался Ягве к Израилю, которого оставлял за его многократные отступления, и вновь спасал его!

ГЛАВА 3

3.1-4 На ложи моем в нощех исках, егоже возлюбил душа моя, исках его, и не обретох его: воззвах его, и не послуша мене. Встану убо и обыжду во граде и на торжищах и на стогнах, и поищу, егоже возлюбил душа моя. Поисках его, и не обретох его: звах его, и не послуша мене. Обретоша мя стрегущии, обходяще во граде: видесте ли, егоже возлюбил душа моя. Яко мало егда преидох от них, дондеже обретох, егоже возлюбил душа моя: удержав его, и не оставих его, дондеже введох его в дом матери моея и в чертог зачещения мя.

3.1-4 На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: «не видали ли вы того, которого любит душа моя?» Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватила за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

Мидраш толкует этот текст как описание религиозной и гражданской жизни Израиля во время **ночей**-плений: египетской, вавилонской, персидской, греческой и римской.

Нам представляется наиболее соответственным сопоставление с вавилонским пленом. Так пленение греческое и римское вовсе не завершились обретением Возлюбленного (Ягве) и введением Его в дом матери. Пленение египетское может быть описано этими словами Песни с гораздо меньшим соответствием, чем вавилонское. Народ Израильский в Египте не столько искал Бога, сколько стонал от тяжести работ (Исх. 2,23-25). Не столько тогда народ искал Бога, сколько Бог его. Моисей и Аарон с трудом влекли народ свой к Ягве. В Песни же Невеста сама ищет Возлюбленного.

Согласно с Иерусалимской Библией и мы отнесем этот текст к вавилонскому плену.

Ночь — состояние народа иудейского на реках вавилонских. «Взглянет он на землю, и вот — тьма, горе, и свет померк в об-

лаках» (Ис. 5,30). Тогда говорил плененный иудей Богу своему Ягве: «Душою моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя во внутренности моей с раннего утра: ибо когда суды Твои совершаются на земле, тогда живущие в мире учаются правде» (Ис. 26,9).

На ложе моем ночью, поверженная в плен, искала я Того, которого любит душа моя. Еще в начале плена говорил народу пророк Иеремия: «И взыщите Меня и найдете, если взыщите Меня всем сердцем вашим» (Иер. 29,13). Но не сразу нашла дочь Сиона Ягве, искала его и не нашла его. Сначала надо было пройти всю глубину ночи и богооставленности, очиститься для общения с Женихом.

Встану же я — народ Израиля встрепенулся и приготовился к возвращению на Святую Землю после указа Кира. **Пойду по городу, по улицам и площадям** — вернувшиеся вошли в Иерусалим, святой город. Но и там **искала я его и не нашла его**. Город разорен, храм разрушен, вернувшиеся повержены в состояние уныния.

Встретили меня стражи, обходящие город, — те иноземные державы, которые захватили Иерусалим. **Не видали ли вы того, которого любит душа моя?** Нет, от них помощи и сочувствия не было! **Но едва я отошла от них,** — Израиль наконец-то через тысячу лет после Моисея, отошел от языческого идолопоклонства — **как нашла Того, которого любит душа моя** — теперь Израиль прочно связал себя с Ягве. Не только обрела Его, но **ухватилась за Него, и не отпустила Его**. Именно таким и было состояние вернувшихся из плена иудеев. Обретши Ягве, дочь Сиона не успокоилась доколе не привела Его в дом матери моей, то есть в Иерусалимский храм, который вновь был отстроен Зоровавелем. Древний Израиль является матерью иудеев, которые восстановили дом матери — храм Иерусалимский и, освятив его, вновь ввели туда Ягве, ввели Его во **внутренние комнаты (в чертог) родительницы моей**, то есть во Святая Святых храма. Ковчег туда уже не вернулся, но незримо в пустом давице пребывал Ягве, ожидая вхождения туда уже Ковчега одушевленного — Пречистой Богородицы.

3.5 Заклях вас, дочери Иерусалимские, в силах и крепостях села; аще возставите и возбудите любовь, дондеже восхощет.

3.5 Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Особенно при пророке Иеремии лжепророки призывали к противлению Вавилону. А Иеремия призывал не верить им, **не будить и не тревожить любовь и возлюбленную, дондеже восхощет**. Должна была пройти долгая семидесятилетняя ночь пленения, прежде чем проснулась любовь Израиля к Ягве и захотел народ вновь пребывать во дворах Господних.

От созерцания возвращающихся из вавилонского плена иудеев пророческий взор обращается в прошлое:

3.6 Кто сия восходящая от пустыни, яко стебло дыма кадящее смиру и ливан, от всех благовоний мироварца?

3.6 Кто эта, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?

Кончилась ночь египетского рабства. Народы пустыни и народы ханаанские восклицают: **Кто сия восходящая от пустыни, как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?** Се Невеста Ягве — святой Израиль, первенец Божий восходит после рабства от сорокалетнего странствования в пустыне. Невеста Ягве восходит, водимая столпом — облачным днем и огненным ночью, восходит **окуриваемая миррою и фимиамом**, непрерывно и каждодневно воскуря жертву фимиама на золотом жертвеннике святилища. Восходит очищенная испытаниями пустыни. Восходит, готовая к славному царствованию с Царем своим. Восходит от пустыни и разбегаются **лисицы и лисенята**, расточаются нечестивые племена хананейские, очищается виноградник Божий и облекается во цвет (2,15).

Восходит Невеста к брачному торжеству.

Восходит Израиль после рабства от пустыни в землю, текущую и кипящую молоком и медом.

А вот и Жених, вот и брак, вот и торжество:

3.7-11 Се, одр Соломонь, шестьдесят сильных окрест его от сильных Израилевых, вси имуще оружия, научени на брань: муж, оружие его на бедре его. Одр сотвори себе царь Соломон от древес Ливанских. Столпы его сотвори сребряны и восклонение его злато: восход его багрян, внутрь его камене постлано, любовь от дочерей иерусалимских. Дщери Сиона, изыдите и видите в цари Соломоне в венце, имже венча его мати его в день обручения его в день веселия сердца его.

3.7-11 Вот одр его — Соломона: шестьдесят сильных вокруг него, из сильных Израилевых. Все они держат по мечу, опытни в бою; у каждого меч при бедре его ради страха ночного. Носильный одр сделал себе царь Соломон из дерев Ливанских; столпцы его сделал из серебра, локотники его из золота, седалище его из пурпуровой ткани; внутренность его убрана с любовью дщерями Иерусалимскими. Пойдите и посмотрите, дщери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его.

Теперь изображается и сам Царь, которого так долго в *нощех* искала Невеста. Изображается Его славное царство и брак с Невестой.

Это картина славного царства Соломона, периода высшего расцвета Израильского царства. Но царь Соломон и его царство являются здесь прообразом Мессии и его грядущего Царства, на что указывает даже Мидраш.

Соломон — последний из трех царей единого Израильского царства (Саул, Давид, Соломон). При нем Израиль достиг мира и величия и наивысшего расцвета. На это указывает и само имя Соломон, что значит «мирный». Кончились брани царя Давида, воцарились мир и благоденствие.

Одр Соломона, который он сделал себе из **дерев Ливанских**, означает его царский дворец, построенный за тринадцать лет из **дерев Ливанских** на горе Сион, и в особенности «притвор с престолом, с которого он судил, притвор для судилища сделал он и покрыл все полы кедром» (3 Цар. 7,7). Сам дворец так и назывался «дом из Ливанского дерева». Вот описание его тронного зала: «И сделал царь большой престол из слоновой кости и обложил его чистым золотом; к престолу было шесть ступеней; верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники, и два льва стояли у локотников; и еще двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны. Подобного сему не бывало ни в одном царстве» (3 Цар. 10,18-20).

Поскольку описание **носильного одра** Соломона несколько отличается от описания его престола, то можно предположить, что здесь действительно речь идет о **носильном одре**, на котором могли Соломона носить в его загородную резиденцию.

Шестьдесят сильных... дружина воинов, охрана царя Соломона. **Все они держат по мечу, опытни в бою** — мощь израильского войска, которая была обретена в *бранях* Давидовых.

Ради страха ночного — указание на всегдашнюю готовность войска защитить своего царя и его царство. А поскольку под **ночью** в этой главе мы уже подразумевали рабство и плен, то можно и здесь указать на готовность **сильных** Соломоновых воинов защитить царя и народ его от нового порабощения или пленения.

Дщери Иерусалимские — прислуга при дворце Соломона и подруги Суламифи — Невесты его, под которой лучше понимать народ Израильский, нежели просто жену его. В таком случае **день бракосочетания** Соломона — это не свадьба его, а венчание на царство, воистину **день, радостный для сердца его**. «И сел Соломон на престоле Давида, отца своего, и царствование его было твердо» (3 Цар. 2,12). **Венец** Соломона — это его царский венец, венец мира, которым Ягве увенчал его.

В том, что до сих пор под Женихом мы разумели Ягве, а теперь вдруг царя Соломона, в этом противоречия нет. Царь Соломон во своей славе олицетворял для народа его Господа. А говорить именно о Соломоне понуждает нас не только прямое указание его имени, но и его матери, что было бы трудно объяснить, если говорить непосредственно о Ягве.

Мать царя, увенчавшая Соломона на царство, — это весь народ, одобрение которого было необходимо для восшествия нового царя на престол. Израильтяне «воцарили Соломона, сына Давидова, и помазали пред Господом в правителя верховного» (2 Пар. 29,22). Непосредственно помазание на царство (венчание) было совершено священником Садоком и пророком Нафаном (3 Цар. 1,34).

Но слава Соломона и его царства — только отблеск грядущей славы Царства Мессии. По объяснению Мидраша под царем в 3,11 разумеется Царь-Мессия, поскольку только Он может привести в гармонию явление тепла и холода, действия ангела зимы Михаила и ангела весны Гавриила.

ГЛАВА 4

Глава четвертая Песни Песней дает прекрасное и нежное описание Суламифи. Жених зовет ее к себе и восхищен ею. А под образом Суламифи изображена и воспета вся природа Святой Земли. В духовно-историческом значении здесь изображена радость, которую имел Ягве о народе своем, и в особенности, о его праведниках, о Святой Земле, некогда обетованной еще праотцу Аврааму.

4.1-5 Се, еси добра, ближняя моя, се еси добра: очи твои голубине, кроме замолчания твоего: власи твои яко стада коз, яже открываеши от Галаада. Зубы твои яко стада стриженных, яже изыдоша из купели, вся двоеплодны, и неродящие несть в них. Яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна: яко обращение шипка ланита твое, кроме замолчания твоего. Яко столп Давидов выя твоя, создан в Фалпиофе: тысяща щитов висит на нем, вся стрелы сильных. Два сосца твоя яко два млада близнца серны, пасомая во кринах.

4.1-5 О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими. Волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; зубы твои — как стадо стриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяща щитов висит на нем — все щиты сильных; два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Такова Невеста! Такова Святая Земля! Таковы праведники святые!

Глаза твои голубиные — провидцы и прозорливцы израильские, как Моисей, Самуил, Даниил.

Волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской.

Галаад означает «холм, свидетель». На горе Галаад Иаков и Лаван после примирения воздвигли холм из камней в знак своего мирного союза. Весь покрытый волосом Исав был отвергнут, ибо продал первородство и не был предан Ягве. Иакова же, человека гладкого, как прекрасный ниспадающий волос, покрывала верность и преданность Ягве. Праотец Иаков был как холм свидетельства о Завете с Ягве всюду, от Месопотамии до Египта.

Ниспадающий волос Самсона был залогом его божественной силы, которой он поражал врагов святого Израиля.

Ниспадающий нестриженный волос — признак назарейской посвященности Богу Ягве. Покрытая длинными волосами голова назорея уподобляется холму свидетельства о Господе — Галааду.

Зубы твои — как стадо выстриженных овец... — народ, паства Пастыря Израилева, ухожена и плодovита.

Как лента алая губы твои, и уста твои любезны — уста Израилевы — уста Господни, прекрасные святые пророки изрекают Слово Божие. Это и первосвященник Аарон, ставший устами брата своего Моисея (Исх. 4,16), это и пророк Исаия, уст которого горящим углем коснулся огнекрылый серафим, очистив их и украсив Духом, как ленту алую. С того дня источали эти уста слова Господни, слова чистые, слова любезные.

Блаженный Феодорит: «Чрез *вервь червленную* (с которой сравниваются уста) жених приводит невесте своей на память историю блудницы Раав, ...ибо когда она приняла соглядателей, посланных от Иисуса Навина, то чрез сие вечного достойною учинилась спасения. Имела и Раав знаком спасения своего вервь червленую, которую повелено было ей из окошка спустить, дабы по пришествии в город израильтян, видимый сей знак спас ее от общего поражения, и тем ей даровал жизнь: таковой знак жених во устах своей невесты, так как бы с окошка свешенной, видит, и *яко вервь червлена*, приветствует ей: *устне твои, и беседа твоя красна*».

Как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими. Это признак стыдливости и целомудрия, указывающий на Иосифа Прекрасного, сохранившего целомудрие в египетском рабстве, на святых жен, например, на Ревекку, опустившую покрывало перед встретившим ее Исааком (Быт. 24,65), на Сусанну (Лилию) — прекрасную и богобоязненную, сохранившую целомудрие в далеком Вавилоне (Дан. 13).

Шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных. Шея невесты

сравнивается с башней, построенной царем Давидом для оружий на Сионском холме. Этим означаются сильные и славные воеводы и воины святого Израиля, ведущие брани Господни: Иисус Навин, Геден, Самсон и другие судьи Израилевы, славный царь Давид, мужественные братья Маккавейские.

Два сосца твоих — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями. Сим означены нежные отношения любви Израиля Божия и Возлюбленного его Жениха Ягве. «Источник Твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей, любезною ланью и прекрасною серною: груди ее да уповают тебя во всякое время, любовью ее услаждайся постоянно» (Прит. 5,19). Израиль первый из народов узнал Бога, он — «жена юности», он любезная лань, прекрасная серна, спешащая ко Господу и Ему отдающая любовь свою. Израиль — утешение Творца, видевшего падшее создание Свое, а в Израиле — начало его воссоздания. «Любовию народа Своего и святых праведников Своих «услаждался постоянно» Господь. **Два сосца** — две скрижали любви к Богу и ближним (Втор. 6,5; Лев. 19,18), питавшие молоком десяти заповедей юнцов своих. **Молодая серна** — Израиль «во дни юности», от начала призванный к Богу, остальные придут уже в «полноту времен» (Гал. 4,4) во «дни зрелости» Ягве. **А двойни... пасущиеся между лилиями** — это чаявшие утехы Израилевой (Лк. 2,25): Симеон и Анна, Илия и Елисей и все святые пророки, Давид и Соломон, Моисей и Аарон, Авраам и Сарра. **Двойни** означают подвизавшихся в деле и созерцании. Они **паслись между лилиями**, ища общения праведников. Под лилиями можно понимать и пророчества о **Нарциссе Саронском**, **Лилии долин**, о возжеленном и ожидаемом Мессии, между которыми паслись души праведников Израиля, ароматом этих пророчеств, как ароматом лилий долин, питались они.

Таков Израиль Божий во святых — такова Невеста Ягве! По замечанию Мидраша Израиль десять раз в Писании назван Невестой*: шесть раз в Песни Песней (4,8; 4,9; 4,10; 4,11; 4,12; 5,1), и четыре раза у пророков, — три раза у Исаии (49,18; 61,10; 62,5) и один раз у Йеремии (7,34), — по числу десяти заповедей; и эта Невеста наряжается в 24 украшения, поименованные у Исаии (3,18-23) — по числу Священных книг Ветхого Завета.

4.6 Дондеже дхнет день, и подвигнутся сени. Пойду себе к горе смирней и к холму ливанску.

* Не считается неканоническое место 3 Езд. 7,26

4.6 Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, пойду я на гору мирровую и на холм фимиама.

Этими словами Жених отвечает на приглашение Невесты в 2,17: **Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.** Ягве пришел к своей возлюбленной — к Израилю Божию. Пришел Он к Израилю и после египетского рабства, и после вавилонского плена.

Гора мирровая и холм фимиама — это холм, на котором расположен храм. Слово **мирра** по-еврейски «мор» созвучно с «Мория» — названием горы, где возвышался храм. Эта гора теперь **холм фимиама**, так как там стоял золотой кадильный жертвенник, на котором воскурялся Богу приятный фимиам.

Жених-Ягве говорит: **Пойду Я на гору мирровую и на холм фимиама.** Этим указывается на создание храма Соломоном и воссоздание его после плена Зоровавелем. Ягве же освятил сей храм и гору Своим Присутствием. «Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень» (3 Цар. 8,10-11).

Заклячая восторженное описание красоты Невесты, Жених восклицает:

4.7 Вся добра еси, ближняя моя, и порока нет в тебе.

4.7 Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

Чиста и совершенна Невеста. Израиль очистился благодаря испытанию пленом. «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои» (Ис. 40,1-2).

4.8 Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана: прииди и прейди из начала веры, от главы Санира и Аермона, от оград львовых, от гор пардалеов.

4.8 Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спешь с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых!

Здесь Жених-Ягве представляется находящимся в Иерусалиме и зовущим Свою Невесту — Израиля с гор Ливанских к Себе, до-

мой в Иерусалим, с гор диких зверей львов и барсов на «гору мировую, на холм фимиама».

Это — о возвращении иудеев из вавилонского плена.

Израиль, неверная и отверженная жена, вновь становится Невестой. «Обновится яко орля юность твоя» (Пс. 102,5). «Ибо как жену, оставленную и скорбящую духом призывает тебя Господь, и как жену юности, которая была отвержена, говорит Бог твой. На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприму тебя» (Ис. 54,6-7).

Ливан с его могущественными великими кедрами — символ возгордившейся державы, в данном случае вавилонской (сравни — «вот, Ассур был кедр на Ливане...» Иез. 31,3).

От логовищ львиных, от гор барсовых — традиционное наименование врага, приходящего с севера. Пророк Иеремия предупреждал о нашествии халдеев: «Ибо Я (Господь) приведу от севера бедствие и великую гибель. Выходит лев из своей чащи, и выступает истребитель народов, он выходит из своего места, чтобы землю твою сделать пустынею; города твои будут разорены, останутся без жителей» (Иер. 4,6-7). И он же: «За то поразит их (иудеев) лев из леса... барс будет подстерегать у городов их» (Иер. 5,6). Пророк Аввакум возвещал: «Ибо вот, Я (Господь) подниму Халдеев, народ жестокий и необузданный... быстрее барсов кони его» (Авв.1,6.8).

С вершины Ливана, откуда, как дикие львы и барсы, приходили завоеватели на Израиль, теперь возвращающиеся из плена иудеи созерцают землю отцов своих. Слышат от святой горы, от Сиона, голос зовущего Жениха: **спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых.**

Согласно древнему преданию, записанному в книге Еноха, на горах **Аманы** жили (еще до потопа) первые верующие люди. Почему LXX переводит это наименование, как *из начала веры*. И тогда зов Жениха обретает еще и такой духовный смысл: Израиль — *Невеста Моя, прииди и преиди из начала веры*, то есть отвергнув, наконец, всякое идолопоклонство, вернувшись к *началу веры*, к вере праотцов, к вере Авраамовой, к Закону Моисееву, приди и вернись ко Мне во святой город!

Радуется о своей Невесте Жених, восхищается:

4.9-11 Сердце наше привлекла еси, сестра моя невесто, сердце наше привлекла еси единым от очию твою, единым монистом

выи твоя. Что удобреста сосца твоя, сестро моя невесто, что удобреста сосца твоя паче вина, и воня риз твоих паче всех аромат; Сот искапают устне твои, невесто, мед и млеко под языком твоим, и благовоние риз твоих яко благоухание Ливана.

4.9-11 Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей. О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов! Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Особая близость и любовь возлюбленной к Возлюбленному выражается двумя наименованиями **сестра** и **невеста**. Во времена Соломона сестра не могла быть невестой. Значит явно, что это должно пониматься духовно.

В Притчах Соломон поучает: «Скажи мудрости: «ты сестра моя!» и разум назови родным твоим» (7,4). А в ответ и Премудрость (Ягве) говорит: **Пленила ты сердце мое, сестра моя!** Так стали родными небесным Братом и земной сестрой Ягве и Израиль. И не только родными, но более! Соломон говорит о Премудрости: «Я полюбил ее и взыскал от юности моей, и пожелал взять ее в невесту себе, и стал любителем красоты ее» (Прем. 8,2). А в ответ и Премудрость (Ягве) говорит: **О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина!** Так возлюбили, так сочетались друг с другом Ягве и Израиль Божий!

Чем же пленил Израиль сердце Господне?

Одним взглядом очей твоих!

Тем, что воззрел не на высоты с капищем Ваалу, но тем, что взывает с Давидом: **Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя.** В те долгие тысячелетия только от Израиля возводились очи к Богу Небес, к Вечносущему!

Но как часто, как часто Израиль отвращал взор свой от гор этих, и тогда и Ягве отвращался от него. Но здесь перед нами — Песнь Песней, здесь любовь Ягве и святых Его: «дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев».

Чем еще пленил Израиль сердце Господне?

Одним ожерельем на шее твоей!

Не тайными знаниями, как халдеи; не искусствами, как эллины; не мечом, как Рим, но *единым монистом, одним ожерельем* —

верой во Единого Бога украсил шею свою Израиль. То было единственное украшение Израиля, и за него возлюбил его Господь, пленился им в сердце Своем!

Сосцы Израиля, заповеди двух скрижалей, питавшие праведников и пророков Святой Земли. В лице их эти скрижали были **любезны** Ягве и среди вселенского идолопоклоннического нечувствия к Живому Богу тех времен, были **ласкою** для Него, были **лучше вина**, лучше всякого веселья сердца (Пс. 103,15), которое могло Ему доставить тогда падшее творение.

И благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!

Благовоние мастей помазанников Израиля, его царей, пророков, священников, было **лучше всех ароматов**, творимых искусством человеческого премудрых века сего, и даже **лучше всех ароматов**, которыми благоухали леса, поля и луга, ибо от **благовония мастей твоих**, Израиль, веял Божественный Дух, имеющий по исполнении времен в полноте излиться на всякую плоть (Иоиль 2,28).

Мед и молоко — символ Святой Обетованной Земли. Ягве обещал Моисею ввести его народ «в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исх. 3,8). Земля, кипящая медом и молоком — земля пророков и праведников, земля истинного боговедения в окружении всемирного океана неведения и идолопоклонничества. Земля, ставшая началом и прообразом небесного ханаана, рая Божия.

Мед и молоко — образы Слова Божьего, которое «слаще меда и капель сота» (Пс. 18,11), которое **каплет из уст твоих, невеста**, то есть из уст пророков Израиля, они и были его **уста**ми. **Мед и молоко** Слова Божьего под **языком твоим**, под языком богодухновенных пророков, которые могли воскликнуть: «язык мой — трость скорописца» (Пс. 44,2), то есть Духа Святого. А другие народы вокруг в лучшем случае слушали поэтов и философов, не ведая Слова Божия.

Благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Одежды Израиля, Невесты Ягве — это его праведники, которые возвышаются подобно кедру на Ливане. «Насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего; они и в старости плодovиты, сочны и свежи» (Пс. 91,13-15), они **благоуханием Ливана**, благоуханием духа пленяют сердце Ягве.

А вокруг сего благоухающего сада Божия источалось повсюду зловоние языческих капищ.

...Кончилось нежное слово любви Небесного Жениха к Своей чудной Невесте (4,1-11). Но, кончив слово, Жених еще продолжает в уме своем рассуждать о ней:

4.12-15 *Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен. Леторасли твоя сад шипков с плодом яблочным, кипри с нардами, нард и шафран, трость и киннамон со всеми древами Ливанскими, смирна, алой со всеми первыми мирами, источник вертограда, и кладязь воды живы и истекающая от Ливана.*

4.12-15 Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник: рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана.

И видится Ягве, Небесному Жениху, Невеста Его — Израиль как **запертый сад** (*вертоград заключен*), как **заключенный колодезь**, как **запечатанный источник**. Это образ, олицетворяющий обновленный Израиль в непорочности, чистоте и целомудрии невесты.

Запертый сад, вертоград заключен. После страшного халдейского разорения Ягве милостью Своею вновь обернулся к отвергнутому неверному народу, обращая пустыню в сад. Это предвидел пророк Иезекииль: «Тогда скажут: эта опустевшая земля сделалась, как сад Эдемский; и эти развалившиеся и опустелые и разоренные города укреплены и населены» (Иез. 36,35). И если некогда этот «сад» часто распахивал свои врата богам иным и племенам чужим, то теперь он **заключен (запертый сад)**. Особенно это проявилось, когда по возвращении из плена Ездра очистил свой народ от жен иноплеменных. «И встал Ездра священник и сказал им: вы сделали преступление, взяв себе жен иноплеменных, и тем увеличили вину Израиля. Итак покайтесь в сем пред Господом Богом отцов ваших, и исполните волю Его, и отлучите себя от народов земли (**запертый сад**) и от жен иноплеменных. И отвечало все собрание, и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем» (1 Езд. 10,10-12).

Заключенный колодезь, запечатанный источник — это символ супружеской любви и ласки жены, которой пользуется один муж и никакой более мужчины, как сказано в Прит. 5,15-18: «Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя. Пусть не разливаются источники твои по улице, потоки вод — по площадям; пусть они будут принадлежать тебе одному, а не чужим с тобою.

Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей». «Азъ Господь Бог твой и да не будут тебе бози инии разве Мене», — гласит первая Заповедь. Вся любовь к Богу Израиля должна быть всецело отдана Ягве и никакому богу иному. После вавилонского плена оно так и стало. Израиль навсегда отворотился от богов чужих, прилепившись любовью своею к Единому Богу Ягве.

В ст. 13 слово «сад» (*παράδεισος*) иное, чем в ст. 12 (*κηπος*). *Παράδεισος* — это рай. Кстати, буквально в переводе с персидского, откуда это слово взято, оно означает «ограждение» (*Umzeiung*). Опять обе отраженные в 12-м стихе мысли — замкнутость и райское блаженство, плодоношение, радость. После вавилонского плена этими райскими плодами, **рассадниками** (*летораслями*), далее столь красочно означенными как **гранатовые яблоки, киперы, нард, шафран, аир, корица, древа Ливанские, мирра, алой, ароматы** означает истинное богопочитание и богослужение иудеев и в особенности их «чаяние утехи Израилевой». Ароматами пророчеств о Мессии жила благочестивая душа иудея, лишенная прежнего блеска земного царства, но замкнувшаяся в саде души своей на Возлюбленном своем и в ожидании Его.

Садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана. Сей сад святых Израиля имел свой **источник**, подобно тому как четыре реки в свое время орошали Эдемский сад. Этот источник — **колодезь живых вод**, к которому припадали жаждущие, который орошал сей чудный сад. Этот **источник** — это пророчества о Мессии, о грядущем Спасителе. От **колодезя** Священного Писания текли потоки **живых вод** мессианских пророчеств и орошали души ветхозаветных праведников, напояли чающих утехи Израилевой.

4.16 Восстани, севере, и гряди, юже, и повей во вертограде моем, и да потекут ароматы мои.

4.16 Поднимись (ветер) с севера и принеси с юга, — и польются ароматы его!

Ветры приглашаются, чтобы разнести повсюду чудные ароматы сада Суламифи. Мессианские пророчества не должны были остаться в **запертом саду** Иудеи. Сад оставался заперт, но ветры разносили его ароматы. Ветры исторических потрясений от **севера**: ассирийское и вавилонское пленение, покорение Александром Македонским и войны с Сирией; от **юга** — тесные сношения с

Аравией и Египтом, с эллинистической Александрией. Рассеяние повсюду иудеев **разлило ароматы** мессианских пророчеств по всему тогдашнему миру.

Вот два свидетельства об этом римских историков:

Тацит: «Многие верили древним свидетельствам жрецов, что в это самое время Восток приобретает новые силы, и что имеющие придти из Иудеи сделаются властелинами мира».

Светоний: «По всему Востоку распространено древнее и твердое мнение, будто судьбою определено, что в тогдашнее время из Иудеи должны выйти те, которые приобретут себе владычество над миром».

В Аравии, Эфиопии, Персии ждали царя Иудейского.

Гряди, юже и повея — от Александрии. От юга *потекли ароматы* Септуагинты. На языке эллинистического мира повсюду повеяли **ароматы** мессианских пророчеств.

Иначе этот текст можно уразуметь, обращая внимание на то, что северному ветру сказано *ἐξεγέρθητι*, то есть «воспряни, поднимись, унесись». *Севере* прогоняется. А южному ветру сказано: *ἔρχου*, то есть «принесись». *Юже* призывается. Тогда указанным словам можно придать такое значение. Прогоняется опасность с севера, кончается страшный вавилонский плен. Призывается благодетельный южный ветер — истинное богочитание и благочестие наполняет ароматами цветник Израилев.

ГЛАВА 5

5.1 Да снидет брат мой в вертоград свой и да яст плод овощей своих. Внидох в вертоград мой, сестро моя невесто: обихмах смирну мою со ароматами моими, ядох хлеб мой с медом моим, пих вино мое с млеком моим. Ядите, ближнии, и пейте и упийтесь, братия.

5.1 Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его. Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

Израиль призывает Ягве прийти и вселиться в своих пределах и в особенности в Иерусалиме: **Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его** (*да яст плод овощей своих*). Ягве призывается вкусить плодов Своих, ибо все благие плоды Израйля: богопознание и благочестие, даже и благоденствие его — это не результат собственных трудов и заслуг, а плод сеяния Господня. Ягве пожинает и вкушает Свое.

Ягве откликнулся на зов Невесты: **Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста...** В особенности это происходило после порабощений и пленений Израйля.

Набрал мирры с ароматами моими. Ягве вдыхает в *вертограде* своем приятное благоухание **мирра с ароматами**, то есть молитвы помазанников своих (**мирра**) и **ароматы**, возносимые на золотом жертвеннике курений во святилище храма.

Ядох хлеб мой с медом моим — изобилие плодов земных во Израиле и святом Иерусалиме.

Пих вино мое с млеком моим. Божественная трапеза во Израиле от молока Закона и вина пророчеств о грядущем Мессии.

Ядите, ближнии, и пейте и упийтесь, братия. Сими ближними и братиями, **возлюбленными** Своими Ягве именует, по объяснению раввина Раши, своих священников, служителей алтаря. Они питались от жертвоприношений Израйля и так теснейшим образом участвовали в трапезе Господней. Будучи сведущи

в Писаниях, они **пили и упивались** пророчествами о грядущем Мессии.

Таков вертоград, таков сад и цветник Господень!

Дальнейший текст 5,2-16 изображает, как таинственный Жених приходит к своей возлюбленной Невесте. Но она не готова его встретить. Он настойчив в любви своей к ней, но уходит. Теперь, взволнованная, она ищет Его, но Его уже нет. Претерпевая раны и насмешки, она ищет Его и изображает словесно Его чудный образ.

Этим изображается, как Ягве приходит к Израилю, но находит его неверным, не готовым встретить Его, и Он оставляет Свой народ, хотя весьма любит его. Израиль начинает искать Бога, претерпевает раны и скорби, воспекает своего Господа. Этому в особенности соответствуют те исторические моменты, когда Израиль изменял Ягве, впадая в идолопоклонство и внутреннее нечестие. За это был не раз оставлен Богом, попадал в порабощение и пленение и вновь искал Бога и к Нему устремлял сердца и взоры.

5.2-9 Аз сплю, а сердце мое бдит: глас брата моего ударяет в двери: отверзи ми, сестра моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя: яко глава моя наполнися росы, и власи мои капель noctных. Совекохся ризы моя, како облечуся в ню? умыш нозе мои, како оскверню их? Брат мой посла руку свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от сего. Востах аз отверзти брату моему: руце мои искапаша смиру, персты мои смиры полны на руках заключения. Отверзох аз брату моему, брат мой преиде. Душа моя изыди в слово его: взысках его, и не обретох его: звах его, и не послуша мене. Обретоша мя стражие обходящи во граде: биша мя, язвиша мя, взяша верхнюю ризу от мене стражие стеннии. Заклях вы, дщери Иерусалимли, в силах и в крепостех сельных: аще обрящете брата моего, возвестите ему, яко уязвлена любовию аз есмь. Что брат твой паче брата, добрая в женах? что брат твой от брата, яко тако заклала еси нас?

5.2-9 Я сплю, а сердце мое бодрствует; (вот), голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою». Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне мараь их? Возлюбленный мой протянул

руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его и он не отзывался мне. Встретили меня стражи, обходящие город, избili меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены. Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви. «Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой лучше других, что ты так заклинаешь нас?»

И далее следует описание возлюбленного (ст. 10-16). От указанного общего смысла этого текста обратимся к некоторым его частным моментам.

Я сплю, а сердце мое бодрствует.

Народ Израильский пребывает в греховном сне, а сердце Израиля — святые его и пророки — **бодрствует**. Это сердце праведников вызывает к Ягве, Жениху своему: «Душею моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя во внутренности моей с раннего утра» (Ис. 26,9).

Мидраш так перефразирует эти слова: «Общество Израилево говорит пред Богом: Господи мира! я сплю и не исполняю заповедей, но сердце мое бодрствует, оно возбуждено любовью к людям; я сплю, не говорю о благотворительности, но сердце мое бодрствует, чтобы совершать ее, я сплю — я опускаю жертвоприношения, но сердце мое бдит, благоговейно настроенное к чтению «шема» и молитвы; я сплю — не иду в храм, но сердце мое бдит — стремится в синагоги и школы; я сплю — не рассчитываю (конца страданий), но мое сердце Боже, бдит — пламенно желает избавления, и сердце Божие бдит — избавить меня» [70].

Раввин Раши объясняет иначе: «Это означает, что Израиль как бы спит, покаясь в тени виноградников Иерусалимских, спит себе спокойным сном, а сердце его (то есть) Бог, Который есть сердце и душа Израиля бдит, взирая на поступки своего народа».

Вот голос моего Возлюбленного, который стучится: ...Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя... Ягве постоянно стучал в сердце Израиля, вызвал к нему. Взывал с великой любовью: голубица моя, чистая моя!

Голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою.

Роса — символ благословения Божия. «Как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские, ибо там заповедал Господь благословение и жизнь на веки» (Пс. 132,3). «Я буду росой для Израиля; он расцветет, как лилия» (Ос. 14,6).

В **ночи** скорби и отступления пришел к Израилю и стучится Ягве-Господь. Но Невеста не ждет Жениха. **Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне мара́ть их?** — отвечает на стук Жениха Невеста. Раввин Раши видит здесь Суламифь, изменившей Соломону и застигнутой во грехе и потому не впускающей Жениха. Но для такого суждения нет оснований в тексте. Суламифь не изменяет Жениху. Но на время она утратила любовь к Нему, она удовлетворилась уютом и внешним довольством, она в неге и лености. Покрытый ночной влагой, пришедший от хлада ночного любящий ее Жених не волнуется, она не думает о нем. Собственный покой и уют ей важнее, чем встреча с Ним. Она не готова к самоотречению, к отрешению от земных благ ради Него.

Не раз бывал Израиль в таком состоянии. Но, пожалуй, в особенности перед пришествием Мессии-Христа. Духовная лень, удовлетворенность и привязанность к земному уюту не позволили Израилю встать навстречу Жениху, когда Он, наконец, пришел по исполнению времен в Рождественской полночи.

Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину. Ягве приходит к Своему народу. Образ настойчивой любви Его. Хотя народ и не вышел по зову Его к Нему навстречу, не послушал гласа пророков, но Ягве все равно **протянул руку Свою** навстречу ему. В особенности это произошло, конечно, при воплощении Господнем. Но и в ветхозаветные времена Он протягивал десницу Свою к народу Своему, будил его, хотя тот и не желал этого.

И внутренность моя взволновалась от него. Наконец-то прошла сонливость, устыдилась лености, **внутренность взволновалась**, вострепелась, вострепела душа народная от прикосновения любящей руки Господней. Вспомним, как после примера старца Елеазара при братьях Макковейских вострепела, взволновалась душа народа иудейского, возревновала по славе Господней, вспомнила об отеческих обычаях. К сожалению, во времена Христа-Мессии этого уже не произошло. Внутренность иудеев, как народа, тогда уже не взволновалась, не потянулась к Нему.

Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка.

Отпирают двери Возлюбленному руки, с коих капала мирра. Мирра означает дух пророков и помазанников Божиих. Именно они открывают двери Господу Израиля. Мирра капала на ручки замка, на то самое место, которого только что касалась рука Возлюбленного. Страданиями, скорбями, особыми посещениями касалась десница Господня скважины замка двери дома Израилева, и, наконец, через Воплощение. И вот на эти места каплет мирра пророческого духа. Пророки изъясняли народу смысл этих событий и посещений Господних, пророчествовали о них. В особенности капало мирра пророчеств о грядущем пришествии Мессии, о месте, времени и образе Его пришествия.

Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Когда Господь Сам приходил к Израилю, Израиль было лень и неохота выйти навстречу Жениху. Но когда Израиль все-таки обращается к Ягве, тогда Бог отвращается и уходит. Израиль должен прочувствовать свою вину. Поленившись принять своего Господа в уюте своего дома, Израиль должен теперь искать Его вне, во хладе ночи. Не пожелав малого труда, Израиль должен теперь совершить великий. Ягве хочет любви Израиля.

Невеста сетует: Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не нашла его; звала его и он не отзывался мне. Бог оставил Израиль, и Израиль пришел в ужас, души в нем не стало.

Подобное описанному в стихах 2-6 описано Соломоном в Притчах 1,24-29: «Я (Премудрость) звала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающего; и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли. За то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. Тогда будут звать меня, и я не услышу; с утра будут искать меня, и не найдут меня. За то, что они возненавидели знание и не избрали (для себя) страха Господня».

Примеры: Исав, сначала отвергший первородство свое, а потом со слезами искавший благословения, и не обретший его. Подобно был оставлен Богом царь Саул. И, наконец, весь народ во времена великих пленений — ассирийского и вавилонского.

И вот во время этих тщетных исканий стенает Суламифь:

Встретили меня стражи, обходящие город, избili меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены.

Стражи обходящие город и избившие и изранившие Суламифь, во время ее ночного искания — это иноземные державы, окружавшие Израиль и сокрушавшие его (ср. 3,3). В первую очередь это Тиглатпаласар III и Саргон II Ассирийские, пленившие северное царство Израиля, и Навуходоносор, царь Вавилонский, пленивший иудеев, Антиох Елифан, жестоко избивавший иудеев.

Сняли с меня покрывало стерегущие стены. Покрывалом Израиля была его вера, его Закон и богослужение. Все это было жестоко и цинично сорвано. Храм разорен, святыни осквернены, Закон и вера уничтожены. Израильтяне остались духовно наги и избиты.

Но вот в лучших представителях Израиля, да и во всем народе пробуждается любовь и тоска по Единому Богу своему. К Ягве устремлено искание их сердец.

Заклинаю вас, дочери Иерусалимские — вызывают эти души: **если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви.** Не таковы ли были приветствия и целования, которые от рек вавилонских посылали плененные иудеи через встречных странников к разрушенным святыням Сиона?!

Народы, послужившие Израилю бичом наказания, теперь сами стали узнавать от него о Боге Ягве. Они сначала не понимали, почему столь дорог Израилю его Бог, почему ни под каким предлогом он не хочет поклониться и их богам, которые им явно казались сильнее, ибо «чья власть, того и вера». И, пожалуй, не без иронии они говорили: **Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой лучше других, что ты так закликаешь нас?**

И воспела тогда Суламифь песнь о Соломоне. В ночном Иерусалиме, оставленная, она пела о Нем, своем Возлюбленном и прекрасном Женихе. И когда она пела, то была **прекраснейшей из женщин**, ибо истинная красота только в Боге, а Бога ведал только Израиль. Волновалась ее внутренность (ст. 4), изнемогало сердце от любви (ст. 8), уста восклицали:

5.10-16 Брат мой бел и чермен, избран от тем: глава его злато избранно, власы его кудрявы, черны, яко вран: очи его яко голубицы на исполниих вод, измовени во млеце, сидящия в наполниих вод: ланиты его аки фиалы аромат, прозябающия благовоние: устне его кринь, каплющи смирну полную: руце его обточены златы, наполнены фарсиса: чрево его сосуд слоновый

на камени сапфирове: лыста его столпи мраморовы, основани на степенех златых: вид его яко ливан, избран яко кедрове: гортань его сладость, и весь желание: сей брат мой и сей ближний мой, дочери Иерусалимли.

5.10-16 Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других: голова его — чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон; глаза его — голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве; щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его — лилии, источают текучую мирру; руки его — золотые кругляки, усаженные топазами; живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами; голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях; вид его подобен Ливану, величествен, как кедры; уста его — сладость, и весь он — любезность. Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские!

Такова красота и абсолютное совершенство Единого Бога Израилева.

Образ Господа Жениха дается в ярких сравнениях с природой Святой Земли. Можно также усмотреть в описании красоты Жениха сравнение с благолепием Иерусалимского храма. Описание Жениха в 5,10-16 подобно описанию Невесты в 4,1-5.

1. Возлюбленный мой бел и румян (чермен). Раввин Раши толкует так: **возлюбленный мой бел** — это означает Бога Ветхого деньми (Дан. 7,9), украшенного белизною, представляющего вид старца, каковым видели Его пророки. То есть явлена Его вечность. Выражение **румян (чермен)** означает Бога, исполненного славы, величия, могущества, каковым Он явился Иисусу Навину по переходе через Иордан, когда Его видели как бы воином. Явлена Его «юность», вечно новая красота и сила Божественной «юности».

Этим указаны и белизна непорочного пасхального агнца и красная кровь его, через которые избавился Израиль от рабства.

И таковой Он **лучше десяти тысяч других, избран от тем.** Избавившись от рабства, воспел Израиль: «Кто, как Ты Господи, между богами?» (Исх. 15,11), «ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный» (Втор. 10,17).

В отношении Иерусалимского храма здесь говорится о Ягве, его Владыке и Господине.

2. **Голова его — чистое золото.** «Суды Господни истина, все праведны; они вожделеннее золота и даже множества золота чистого» (Пс. 18,10-11). Подобны чистому золоту суды от главы Господней. И в первую очередь это относится к заповедям, которые судил Господь исполнять народу Своему. В особенности же к главе всех заповедей — «Азъ есмь Господь Бог твой».

В храмовом символе этим указывается на святое святых, которое было обложено **чистым золотом**.

3. **Кудри его волнистые, черные, как ворон.** Вышеуказанная белизна относилась не к волосам, а к лику. Волос же — **черный**, чем указывается на красоту и вечную юность. Ягве всегда Тот же и никогда не стареет. Только этот мир стареет и проходит. **Ворон** упомянут только лишь для обозначения цвета.

Если **голова его** означала первую заповедь, то выражение **кудри его волнистые** означает, что все прочие слова Закона Божия свиты, как кудри, составляют единую нераздельную истину (раввин Раши).

В храмовом символе здесь можно под черным волосом усмотреть указание на тот всегдашний мрак, который был во Святом Святых. Златая глава (Святое Святых) обрамлена черными кудрями (погружена в священный Мрак). Сей мрак означает непостижимость и таинственность Ягве — Бога Израиля.

4. **Глаза его — голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве.** *Очи его яко голубины, купающиеся в молоке* или белые, что означает чистый, светлый взор всевидящего Бога.

Очи Его, как голуби **при потоках вод**. Такое же еврейское выражение в 2 Цар. 22,16 переводится «источники моря». В храмовом символе это указывает на медное море находившееся во дворе священников.

5. **Щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений.** Это означает красоту Божию, сияние славы лица Его, которое видел Моисей на Синае (раввин Раши).

Нижняя часть **щек**, на которой растет борода, сравнивается с **грядой благовонных растений**. «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! Это — как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову...» (Пс. 132,1-2). Первосвященник (храмовый символ) есть прообраз Самого Ягве. Елей помазания, стекающий на браду — образ мира Божия, исходящего от Ягве к братьям.

6. **Губы его** — **лилии**, **источают текучую мирру**. Уста Господни изрекают Божественное Слово, которое через своих пророков слышал Израиль. Уста Ягве источают слова в Духе Святом, означенном **текучей миррой**. Мирра **текучая**, Слово Ягве распространяется повсюду. После вавилонского плена Слово Божие действительно истекло повсюду.

В храмовом символе **лилии** явно указывают на два столпа Иахин и Воаз в притворе Соломонова храма (3 Цар. 7,19-22), имеющие наверху венцы наподобие лилии. Они означают «исправление» (Иахин) и «крепость» (Воаз), которые подаются Израилю от Ягве.

7. **Руки его** — **золотые кругляки**, **усаженные топазами**.

Рука Господня указывает на крепость и силу, на Его действие в этом мире. Например: «Рукою крепкою вывел вас Господь» (Исх. 13,3); «Я покрою тебя рукою Моею» (Исх. 33,22), «Рука Господня была на них» (Втор. 2,15); «О делах рук Его вещает твердь» и так далее.

То, что **руки Его золотые**, означает царственность Его деяний. А то, что **обточены кругляки**, по-гречески *торευτα*, то есть «гравированные, изваянные», означает ювелирность Его дел. Все, что Он творит — божественно изощренно, точно, прекрасно.

Усаженные топазами, драгоценными камнями различных цветов — многообразие, красота и драгоценность дел Ягве. Или по LXX: *наполнены Фарсиса*. Фарсис — город на юге Испании, куда корабли Хирама и Соломона плавали за превосходного качества золотом, чем означено превосходство дел Божиих. В храмовом символе здесь можно усмотреть указание на фарсисское золото Соломонова храма.

8. **Живот его** — **как изваяние из слоновой кости**, **обложенное сапфирами**.

Живот означает земное телесное чувствование. В приложении к Ягве, находящемуся бесконечно выше всякого земного чувствования, живот **изображается как изваяние из слоновой кости**, **обложенное сапфирами**. Изящество изваяния из **слоновой кости** и указывает на беспредельную возвышенность Ягве над всяким земным чувствованием. Усугубляется еще эта мысль тем, что живот Жениха **обложен сапфирами**, а сапфир — драгоценный небесно-лазурного цвета весьма твердый камень, то есть в Ягве все небесно, надземно и твердо, «живот Его» не подвержен никакому чувственно-земному воздействию и ощущению.

В храмовом символе **сапфир** был одним из двенадцати камней на судном наперснике первосвященника. **Изваяние из слоновой кости** может напоминать также царский престол из слоновой кости царя Соломона (3 Цар. 10,18), олицетворявшего Небесного Царя Израиля — Ягве.

9. **Голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях.** Ноги и голени, как мраморные столбы, указывают на крепость, незыблемость, непоколеблемую уверенность Ягве. В этом мире все шатко и проходит. Стоит и вечно пребывает только Ягве.

А если даже **подножие Ягве золотое**, то каков тогда Он Сам?!

В Господе своем и Израиль поражал всех врагов своих. «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног Твоих. Жезл силы Твоей пошлет Господь с Сиона: господствуй среди врагов Твоих. В день силы Твоей народ Твой готов во благолепии святыни» (Пс. 109,1-3). Особенно этим указывается победоносное царствование Давида и блестящее Соломона. Тогда воистину, как божественный колосс, возвышался Ягве в Израиле.

В храмовом символе «голени-столбы» напоминают храмовые столпы Иахин и Воаз, означавшие «исправление» и «крепость».

Вид его подобен Ливану, величествен, как кедр. Здесь Суламифь от описаний частностей своего Жениха переходит к общему виду его, вызывающему ее восторг и любовь к Нему. **Вид Его подобен Ливану, величествен, как кедр.** «Праведник... возвышается подобно кедр на Ливане» (Пс. 91,13). Воспевается **величественность Ягве**. «Кто, как Ты, Господи, между богами? Кто, как Ты, величествен святостью, досточтим хвалами, Творец чудес?» (Исх. 15,11).

Величествен Господь — великолепен храм Его, обшитый Соломоном досками ливанского кедра. Все внутри храма было покрыто кедром, украшенным искусной резьбой (подобия огурцов и распускающихся цветов) (3 Цар. 6,9-18).

10. **Уста его — сладость.** Так завершает Суламифь воспевание образа своего Божественного Жениха, Ягве возлюбленного.

Уста Господни источают божественное Слово, которое «слаще меда и капель сота» (Пс. 18,11). **Уста его — сладость**, а по LXX — *гортань его сладость*. Посему и «сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим» (Пс. 118,103).

Сладость божественного учения от уст Его источалась в храме Иерусалимском.

Так воспев, так описав Жениха своего Возлюбленного, восклицает Суламифь, как бы итог всему подводя: **И весь он — любезность**, или по переводу LXX и славянскому: *И весь желание* (предмет желания), а епископ Порфирий (Успенский) переводит: «И весь он красота».

Он, Господь и Творец, любезен народу Своему, и весь желание чающим утехы Израиля. А по сравнению со страшными и порой безобразными языческими богами, Он весь — красота.

Древний мир пытался откупиться от своих взыскательных и порой даже корыстных богов, умиловить и задобрить их своими жертвами, а лучшие сыны Израиля уже возвысились до чистой любви Невесты к Богу своему как Прекрасному Жениху, Который Один был их всецелым желанием, даже когда они терзали Его.

Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские! Так ответила Суламифь на иронию дочерей Иерусалима, возвышенно и поэтично объяснив, чем Возлюбленный ее лучше других возлюбленных, почему она изнемогала от любви и заклинала их передать Ему об этом, если они встретят Его.

Так от слепого* Израиля народы стали узнавать о красоте истинного Бога Ягве.

Так устами Суламифи предстало перед нами, может быть, самое поэтическое и нежно-возвышенное изображение красоты Бога Израилева.

* Слепленные иудеи — богословский термин. Означает всех иудеев, живших после вавилонского плена как в Святой Земле, так и в рассеянии.

ГЛАВА 6

Услышав от Суламифи, кто ее Возлюбленный, дочери Иерусалимские, теперь уже сами заинтересовавшись и взволновавшись услышанным, вопрошают ее:

5.17 Камо отиде брат твой, добрая в женах; камо уклонися брат твой; и взыщем его с тобою.

6.1 Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою.

Узнав от плененного, «стражами избитого и израненного» Израиля, рассеянного среди народов, о Боге Авраама, Исаака и Иакова, о возлюбленном Израилем Ягве, теперь и народы мира, в лучших представителях своих, готовы искать Его. Они вопрошают Израиля: **Куда пошел Возлюбленный твой..? куда обратился..? мы поищем его с тобою.** Религиозные искания истинного Бога пробуждаются и у язычников, среди которых оказался Израиль.

И отвечает Израиль:

6.1 Брат мой сниде в вертоград свой, в места аромат, пасти в вертоградах и собирати кринь. Аз брату моему и брат мой мне, пасый в кринех.

6.2-3 Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии. Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне; он пасет между лилиями.

Израиль в лице своих пророков и вождей, через данное им Божественное Слово отвечает, что **Возлюбленный его**, Бог истинный, обретается не среди языческих философов, не на идольских капищах, а в *вертограде Своем*, в избранном народе, во святом Иерусалиме, в этом **саду, в цветнике ароматном**, среди святых Израиля **пасет Он между лилиями** — между праведниками, отцами и пророками.

Не овец и волов пасет сей «странный и чудный» Пастырь. Он как бы оставил ревуший, блеющий скот и безмятежно пасет в саду

среди ароматных цветов, собирая лилии, наслаждаясь их красотой. Не плоть животных предложит сей Пастырь, а аромат и красоту цветов. Не тук баранов, а белизна лилий влечет Его.

Таков Пастырь Израиля! Не вещественные, приземленные, весомые блага мира сего ищет Он. Не богатства Вавилона, не сокровища Индии, не науки и искусства Эллады, не победоносный меч Рима ищет Он, не там пасет. Он ищет аромат даров Божественного Духа и белизну сердца, которые и обретает среди святых Израиля.

Миру и веку сему это кажется праздным, подходящим разве лишь для слабых женщин. Но все-таки именно там, не среди тучных стад, а среди ароматных цветов, пасет Он.

Мидраш так разъясняет этот текст: «Народы мира говорят Израилю: куда ушел твой Возлюбленный от Египта, моря, Синая? Что спрашиваете вы меня о нем, — отвечает общество Израилево: что пользы вам спрашивать о нем, какое участие имеете вы в нем? Я не могу, — с тех пор как я с ним соединилось — оставить Его, разлучиться от Него. Где бы Он ни был, Он придет ко мне».

Надо отметить, что в данном тексте «сад» и «невеста» отождествляются, обозначая одновременно и Землю Обетованную и народ избранный.

Аз брату моему и брат мой мне — означает, как говорит раввин Раши, «вечный, нераздельный союз между женихом и невестой и запечатанный вечною печатью неизменной любви».

Сюжетная линия Песни Песней как бы прерывается. Нет описания завершения поисков Суламифью своего Жениха, а сразу следует восторженное описание таинственным Женихом своей возлюбленной Невесты (перекликается во многом с 4.1-5).

6.3-8 Добра еси, ближняя моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим, ужас яко вчиненны. Отврати очи твои от мене, яко тии воскрилиша мя: власи твои, яко стада коз, яже възыдоша от Галаада: зубы твои, яко стада остриженных, яже възыдоша от купели, вся близнята родящия, и безчадныя несть в них: яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна: яко обращение шипка ланиты твоя, кроме замолчания твоего.

Шестьдесят суть цариц и осмьдесят наложниц, и юнот, имже несть числа: едина есть голубица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.

6.4-9 Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами. Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня. Волосы твои — как стадо коз, сходящих с Галаада; зубы твои — как стадо овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими.

Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа, но единственная — она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей.

Вновь Господь восхищается своей Невестой, избранным своим народом. Сначала указаны три черты: 1. **прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца**, 2. **любезна как Иерусалим**, 3. **грозна, как полки со знаменами**.

По красоте, привлекательности и величию Невеста-Израиль сравнивается с двумя столичными городами Северного и Южного царства (Израиля и Иудеи) **Фирцой и Иерусалимом**. Однако разделение царства произошло уже после Соломона и Фирца была столицей Северного царства при царях от Иеровоама до Замврия (931-885 гг. до Р.Х.). Амврий (885-74 гг.) основывает Самарию и переносит туда столицу.

Либо можно предположить, что Соломон пророчески предвидел грядущее разделение и дает понять, что возлюбленная Ягве — это именно весь объединенный Израиль, и в единении обеих царств их красота и благоволение перед Господом. «В те дни придет дом Иудин к дому Израилеву, и пойдут вместе из земли северной в землю, которую Я дал в наследие отцам вашим (к Иерусалиму)» (Иер. 3,18).

Иначе можно объяснить согласно переводу LXX, где собственное имя **Фирца** переведено как *благоволение* (εὐδοκία). В таком случае город Фирца упомянут лишь в силу своей красоты и прекрасной местности как символ благоволения Божия. Либо даже вообще изначальное нарицательное слово «благоволение» было позднее обращено в собственное имя «Фирца» и получилось название известного города. К этому толкованию склоняется и Мидраш, когда в указанном тексте усматривает указание «на жертвы, через которые израильтяне приобретают благоволение» (Лев. 1,4).

Так или иначе — Суламифь **прекрасна**, обрела *благоволение* и **любезна** своему таинственному Жениху. Таков Израиль для Ягве-Господа.

Но Суламифь не только прекрасна и любезна, но и **грозна, как полки со знаменами, ужас яко вчинены**. Таков действительно был Израиль, ведущий «брани Господни», особенно при Иисусе Навине и царе Давиде. Трепетали в ужасе язычники, поражаемые в своем нечестии воинством Господним святого Израиля.

Человекообразие (антропоморфность) ветхозаветных изречений о Господе принимает иногда крайне яркие формы. Господь то раскаивается, то скорбит в сердце Своем (Быт. 6,6), то терпеть не может и тяжело Ему нести (Ис. 1,13-14). А здесь, взирая на возлюбленную Свою, на народ Свой, Ягве говорит: **Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня**. Красота истинного народа Божия покоряет и волнует Его. В Нем «волнение любви»! Макарий (Глухарев) переводит даже: «Отклони от Меня очи твои, ибо они поборают Меня», как некогда Иаков в ночной борьбе «Бога победил». Святые покоряют Господа, Он не может противиться им. Так Господь сказал Аврааму: «Утаю ли Я от Авраама, раба Моего, что хочу делать!» (Быт. 18,17). Нет! Не утаит! Господь «покорен и взволнован» верой Авраама!

А в славянском переводе — *яко тии воскрилиша Мя*. Господь «окрылен» от взгляда очей святых Своих.

Далее следует описание Невесты (ст. 6,6-7), вполне соответствующее 4,1-3 и нами уже изъясненное. Упоминаются ее волосы, зубы и ланиты.

А вот новое сравнение. Царственный Жених восклицает: **Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа, но единственная — она, голубица моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей**.

Здесь имеется явно указание на царство Соломона в великолепии его в начальный период царствования его, так как число жен и наложниц еще намного меньше того, которое будет у него впоследствии.

Иносказательно под царицами, наложницами и множеством девиц можно разумеать языческие народы. Много у этих народов царственного (**царицы**), вождя (наложницы) и по естеству природы прекрасного (**девицы**), но единственная — она, голубица Моя, чистая Моя — один только народ избрал Ягве. Только в нем, во святом Израиле, был Дух Его, посему и народ сей — голубица Его. Только от сего народа, подобно голубю, воскрылялась чистая молитва Богу, очищая тем народ. **Чистая Моя** — говорит о нем, взирая на него, Господь. Народ Израильский, по

сравнению с другими, был очищен Божественным Законом. «Ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле. Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, — ибо вы малочисленнее всех народов, — но потому, что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которою Он клялся отцам вашим» (Втор. 7,6-8).

Была у праотца Авраама потом и иная жена, были и наложницы, были и сыновья у них, но Исаак был у него «единственным и возлюбленным» (Быт. 22,2). А уж у Сарры, матери Израилевой, и вовсе был Исаак один, един и отличен. О чем говорится: **единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей.**

Но и Суламифь-голубица, и 60 цариц, и 80 наложниц и девицы без числа — все вокруг Соломона. Все в мире этом — вокруг Бога Израилева.

Доселе восхищение Жениха Невестой, Соломона — Суламитой. А далее:

6.8-9 Видеша ю дщери и ублажиша ю, царицы и наложницы, и восхвалиша ю. Кто сия проникающая аки утро, добра яко луна, избрана яко солнце, ужас яко вчиненны;

6.9-10 Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и наложницы, и — восхвалили ее. Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?

Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и наложницы, и — восхвалили ее. Духовное превосходство Израиля вынуждаемы были признать и иные народы. Это видно на примерах пророка Валаама (говорит Валаам, сын Веоров, говорит муж с открытым оком...: Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! расстилаются они как долины, как сады при реке, как алойные деревья, насажденные Господом, как кедры при водах... Чис. 24,3-9). Это видно на примере Раав-блудницы, которая сказала соглядатаям: Я знаю, что Господь отдал землю сию вам, ибо вы навели на нас ужас, и все жители земли сей пришли от вас в робость; ибо мы слышали, как Господь Бог изсушил пред вами воду Чермного моря.. и как поступили вы с двумя царями Аморрейскими за Иорданом... Нав. 2,9-11. Это и в словах предан-

ной Руфи («народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом» (Руфь. 1,16). И даже цари Навуходоносор и Дарий, пораженные мужеством исповедников и чудом Божиим, благословили Ягве и Его народ (Дан. 3,95-100; 6,25-27).

Но в полноте ублажат и восхвалят народы не Ветхий, а Новый Израиль в мессианские времена. «И будет в тот день: к корню Иесееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники» (Ис. 11,10).

Изумленные царицы, наложницы и девицы восклицают:

**Кто эта, блистающая, как заря,
прекрасная, как луна,
светлая, как солнце,
грозная, как полки со знаменами?**

Давно ли дочери Иерусалимские иронизировали над Суламифью (5,9)? Теперь им не до иронии. Теперь они видят не слабый и поверженный Израиль, не малый народ, не малозначащую провинцию великих царств (Халдейского, Персидского, Македонского, Римского), а некое духовное чудо, и восклицают: *Кто сия?!*

Древнему миру явилось блистание зари нового грядущего дня вселенной. Виргилий: «Уже является последний век Сивиллы Кумейской, снова начинается круговорот веков, возвращается царство Сатурна, и новое поколение нисходит с неба на землю. Обозри громаду Вселенной и посмотри, как все радуется имеющему наступить отрадному веку» (4 эклога «Буколик»). Светоний (римский историк): «По всему Востоку распространено древнее и твердое мнение, будто судьбою определено, что в тогдaшнее время из Иудеи должны выйти те, которые приобретут себе владычество над миром».

Прекрасная, как луна. В ночи всемирного язычества и идолопоклонства одиноко сияла луна Израиля, ведающего истинного Бога.

Светлая, как солнце верою в грядущего обетованного Мессию, которому надлежит взойти, как Солнцу правды (Мал. 4,2).

Грозная, как полки со знаменами. «Бог вывел его (Израиля) из Египта, быстрота единорога у него, пожирает народы, враждебные ему, раздробляет кости их и стрелами своими разит врага» (Чис. 24,8).

Таков был Израиль, как мы уже отмечали (см. 6,4), когда при Иисусе Навине покорял Ханаанскую землю, а также в священных войнах царя Давида.

Сравнение с зарей, луной, солнцем и грозными полками со знаменами напоминает битву Израиля в Гаваоне, когда по воззванию Иисуса Навина солнце остановилось над Гаваоном, а луна над долиной Аиалонской. Тогда Господь сражался за Израиля и грозные полки его поражали врагов (Нав. 10,8-14).

Будучи воспета своим чудным Женихом и дочерьми Иерусалимскими, Суламифь говорит:

6.10-11 В вертоград орехов сниходх видети в плодех потока, видети, аще процвете виноград и возросташа шипки. Тамо дам сосца моя тебе: не разуме душа моя, положи мя на колеснице Аминадавли.

6.11-12 Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки? Не знаю, как душа моя влекла меня к колесницам знатных народа моего.

Суламифь нашла Жениха своего. Наступает время общения в любви. Оно описано в виде безмятежного совместного пребывания в ореховом саду. Это времена спокойствия и благоденствия Израиля. Благочестивый народ наслаждается миром и верен своему Господу. **Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?** Земное и духовное цветение и плодоношение Святой Земли и Израиля. *Тамо дам сосца моя тебе.* Не только Израиль наслаждается благоволением Ягве, но и Он наслаждается любовью Своего народа. Ласки возлюбленных указывают на безмятежную радость, преданность и любовь Бога и Его народа.

Ст. 12 темен в своем значении за неясностью своего выражения. Можно усмотреть такое значение:

Не разуме душа моя, положи мя на колеснице Аминадавли. Указание на Аминадава из Кириаф-Иарима, в доме которого во времена пророка Самуила находился ковчег Завета после филистимского пленения и до перенесения его царем Давидом в Иерусалим (1 Цар. 7,1; 2 Цар. 6,3-15). Ковчег был поставлен на новую колесницу и торжественно царем Давидом и множеством народа перенесен во святой Иерусалим. Душа Израиля увлеклась к сей божественной колеснице и возрадовалась о ковчеге, своей величайшей святыне.

Или иначе: **Не знаю, как душа моя влекла меня к колесницам знатных народа моего.** Ягве становится во главе Своего на-

рода, освобождает его из плена и ведет к победе, после которой наступит мессианская эра. Душа благочестивого иудея увлечена к знатным народа своего, к святым пророкам и вождям, ведущим его к Мессии.

ГЛАВА 7

6.12-7.1 *Обратися, обратися, Суламитино, обратися, обратися, и узрим в тебе. Что увидите у Суламитины? приходящая яко лики полков.*

7.1 «Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя». Что вам смотреть на Суламиту, как на хоровод Манаимский?

Обратися, обратися, Суламитино! — призыв к возвращению из плена. **Оглянись** — не забывай в плену своего отечества, вспомни его, **оглянись**, обратись и вернись в него. Господь повелел пророку Иеремии: «Иди и провозгласи слова сии к северу, и скажи: возвратись, отступница, дочь Израилева, говорит Господь, Я не изолью на вас гнева Моего; ибо Я милостив» (Иер. 3,12). «И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием» (Ис. 35,10). Но это не просто возвращение из Вавилона в Иерусалим, это — обращение отпавших от чистой веры иудеев к Богу. «После того обратятся сыны Израилевы и възыщут Господа Бога своего» (Ос. 3,5).

Оглянулась, обратилась Суламита, вспомнила Жениха своего Соломона, вернуться решила. Иудеи, возвращаясь из плена в свою землю, возвращаются и к своему Богу, к Ягве, возобновляют законное и чистое богослужение (Зоровавель, Ездра, Неемия).

Суламита или Суламифь — имя производное от имени Жениха ее «Соломона». Мирный и Мирная. Царь мира водворяет божественный мир и в своем народе. Суламифь нашла мир, даруемый Царем мира, «Тем, кто больше Соломона» (Мф. 12,42).

Дщери Иерусалимские хотят увидеть вернувшийся Израиль: **И мы посмотрим на тебя.** Она же отвечает: **Что вам смотреть на Суламиту, как на хоровод Манаимский?** или: *приходящая яко лики полков.* Возвращение иудеев из вавилонского плена уподобляется возвращению бежавшего некогда от братнего гнева праотца Иакова из страны вавилонской — из Харрана во

Святую Землю. Тогда еще на восточной стороне Иордана у города, названного Иаковом **Манаим** (или Маханаим), что означает «два полка», или «два лагеря», его встретило «ополчение Божие ополчившееся», полки ангелов Божиих (Быт. 32,1-2). В память этого события в Маханаиме совершались торжественные хороводы, с которыми и сравнивается здесь оглянувшаяся, возвращающаяся Суламифь. Это означает ту ангельскую радость, которая была на небесах, когда возвращался Израиль (и праотец, и через полторы тысячи лет его народ). И то, что, столь претерпев от полков вражьих, ныне израильтяне хранимы полками ангельскими. Когда пророк Даниил молился о возвращении своего народа, то в ангельском мире была брань «князя царства Персидского» и царей персидских с архангелом Михаилом, «одним из первых князей» (Дан. 10,12-13.20-21). Ополчение же «князя Михаила» будет содействовать Израилю, когда «придет князь Греции».

Далее, в третий раз (см. 4,1-5; 6,4-7) следует описание красоты таинственной Невесты — Суламифи.

7.1-9 Что украсишася столы твоя в обувиих твоих, дщи Надавля; чины бедру твоею подобны усерязем, делу рук художника: пуп твой чаша источена, не лишаемая мста: чрево твое яко стог пшеницы, огражден в кринах: два сосца твоя, яко два млада близнецы серны: выя твоя яко столп слононый: очи твои яко озера во Есевоне, во вратах дочерей многих: нос твой яко столп Ливанский, смотряи лице Дамаска: Глава твоя на тебе яко Кармил (гора), и заплетение главы твоея яко багряница, царь увязан в преристаниих. Что украсилася еси, и что усладилася еси, любя, во сладостех твоих; Сие величество твое: уподобилася еси финику, и сосца твоя грезном. Рекох: възиду на финик, удержу высоту его: и будут сосцы твои яко грезнове винограда, и воня ноздрей твоих яко облака: и гортань твой яко вино благо, ходящее брату моему в правость, довольно устном моим и зубом.

7.2-10 О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая! Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника; живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями; два сосца твоих — как два козленка, как двойни молодой серны; шея твоя — как столп из слоновой кости;

глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима; нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; голова твоя на тебе, как Кармил, и волосы на голове твоей, как пурпур; царь увлечен (твоими) кудрями. Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью! Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей, как от яблоков; уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

В отличие от первого описания Невесты в 4,1-5, где описание начинается сверху (с глаз и волос) и нисходит вниз, здесь описание начинается снизу от ног и восходит к голове и волосам. В первом описании указывается тем самым нисхождение Бога к Своему народу, а во втором — восхождение народа Божия к Богу своему.

Если в 5,10-16 Жених описан в образах, взятых от Иерусалимского храма, то здесь Невеста описана в образах, взятых от Святой Земли. А брачная песнь храма и Обетованной Земли описывает брак Ягве и Его народа.

Сами сравнения в описании таинственной Невесты в значительной мере повторяют ранее уже приведенные.

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая (*дщи Надавля*). Этим указывается на многие странствования, которым подвергался Израиль ради Своего Господа. «Странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс. 38,13). **Как прекрасны ноги твои** — это не простое переселение народов, а странничество Господне — в чем и прекрасен Израиль (странствования Авраама, Иакова, Моисея с народом). **Дочь именитая** — Израиль избран из всех народов, несет на себе имя Господне. Или по LXX, *дщерь Надавля*. Надав — священник, сын Аарона, поднимался с Моисеем на гору Синай, потом, однако, принес чуждый огонь в скинию, за что был Богом лишен жизни. Подобно и народ Израильский, сия *дщерь Надавля*, сначала взошел с Моисеем на Синай, то есть воспринял Закон от Бога, но потом принес Богу огонь чуждый своим отступничеством в идолопоклонство, в нравственное разложение и, наконец, отвержение и распятие Мессии. За это и Господь подвергал этот народ наказаниям и даже духовной смерти.

Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника. Красота Суламифи, являющая духовную красоту плодоносящих святых Израйля.

Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино, или *пуп твой чаша источена, нелишаемая мста* (патоки). Иерусалим — центр, «вершина земли» (Иез. 38,12). Так говорит Господь Бог: «Это Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него — земля» (Иез. 5,5). Он духовно возвышается среди народов. Ягве-Господь устрояет спасение посреди земли (Пс. 73,12). Кстати, и поныне в Иерусалиме показывают так называемый «пуп земли». Там не истощается ароматное вино, оттуда напояют землю потоки истинного учения, ароматные благодатью Духа Божия.

Чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями. Святая Земля изобилует пшеницей и даже называется землей пшеницы (Втор. 8,8). Указание на благоденствие Израиля (**ворох пшеницы**) и его благолепие (**обставленный лилиями**) — красота природы, храма, святых Израиля.

Два сосца твоих — как два козленка, как двойни молодой серны (см. толкование на 4,5). В образе Святой Земли два сосца, как двойня серны, указывают на горы Гевал и Гаризим. При вхождении в Святую Землю согласно повелению, данному еще Моисеем, весь народ разделился на две части у этих двух гор, и с горы Гаризим было произнесено благословение на живущих по заповедям Господним, а с горы Гевал было произнесено проклятие на их нарушителей (Втор. 11,26-29; 27,12; Нав. 8,33-34).

Шея твоя — как столп из слоновой кости (ср. толкование 4,4). Указание на изящность и возвышенность. Таковы святые Израиля в Боге.

Глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима или во вратах дочерей многих.

Батраббим — это ворота Есевона (столица аморреев, потом перешедшая к Израилю). У этих ворот были высеченные в скалах цистерны для воды (**озерки Есевонские**). Отражая небо, эти цистерны напоминали глаза, обращенные к небу. Этим означаются прозорливцы и пророки Израиля, и вообще все его святые, очи которых были обращены к небу, к Вечному. «Они чрез *многия врата* (ибо *вратами* уста иносказательно нарицаются), множество вод в себя приемлют. Ибо оне от великого Моисея, и от Иисуса Навина, и от Самуила пророка, и от Давида царя и пророка, и от Исаии, и от Иеремии, и от дванадцати пророков... спасительныя струи приемлют» (бл. Феодорит).

Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску. Возможно, указание на гору Ермон, обращенную к Дамаску, столи-

це Сирии. Не исключено, что действительно на Ливане у Соломона была такая башня. Дамаск был покорен и завоеван царем Давидом (2 Цар. 8,6). От Сирии часто были нападения на Израиль. Этими словами Песни Соломон указывает на мощь Израиля и его готовность противостоять внешним врагам.

Кроме того, бл. Феодорит видит здесь еще указание на бразду Закона, данную Израилю. *«Нос твой яко столп Ливанский, смотрящий лице Дамаска: нос Иудеи, за непокорение и самовольное упрямство, кольцом яко браздою востягнут был, якоже бодливый телец строгостию Закона».*

Голова твоя на тебе, как Кармил. Кармил — одна из самых красивых гор Святой Земли. В отличие от заснеженных вершин Ливана, круглый год одета зеленью, почему и именуется «горой сада» (=Кармил). Бл. Феодорит: *«И глава твоя яко Кармил на тебе, всеми то есть изобилует благами: ибо Бог всяческих, изобличая неблагодарных иудеев, говорит: «И введох вас в землю Кармил, да снете плоды его и благая того» (Иер. 2,7).* И так подобна, говорит, глава твоя Кармилу, всякого рода блага приносящему, и всякий плод мне делателю подающему». Цветущая краса Кармила — образ головы Суламифи, образ духовного цветения святых Израиля. Гора Кармил была местом пребывания святых пророков Илии и Елисея. Там в пещерах и гротах укрывались они во времена нечестивой Иезавели. Там пророк Илия низвел молитвой огонь на жертвенник и уничтожил жрецов Вааловых. Там же он помолился, и пошел дождь после трех с половиной лет засухи.

И волосы на голове твоей, как пурпур; царь увлечен (твоими) кудрями. Здесь показана царская слава Израиля, ибо пурпур — цвет царских одеяний. **Волос** — вершина главы, царство — венец Израиля. Иерусалимская Библия [13] усматривает здесь прикровенное указание на царя Тирского, союзника Давида и Соломона, с которым был связан (увлечен) царь Соломон, пользуясь его помощью при строительстве храма. Географически — гора Кармил и Финикия, как голова и кудри.

Царь увлечен... Не только праведники увлечены Господом и Его благодатью, но и Он увлечен ими, они желанны Ему. Так Давид — муж по сердцу Господа, а Даниил — «муж желаний» Его.

И вот Небесный Жених Ягве восторгается Своей Невестой — народом Своим: **Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью! Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на**

пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей, как от яблоков.

Пальма по-еврейски «тамар», отсюда библейское женское имя Фамарь (Тамара).

Вечнозеленая, стройная, прекрасная пальма — символ библейского праведника. «Праведник цветет, как пальма» (Пс. 91,13). Пальмовая ветвь также символ победы. Пальмовые ветви преподносились победителю при его торжественном возвращении с поля брани. Образ **пальмы** — это образ Израиля во времена царствования Давида и Соломона. **Грудь твою** похожи на **виноградные кисти**. Радостью и всецелым упоением Израиль в то благословенное время.

Влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и грудь твои были бы вместо кистей винограда... Не только израильтяне, но и Сам Господь находил тогда радость во Израиле, был влечом любовью к своему народу, в благочестии и славе тогда находящемуся.

И запах от ноздрей, как от яблоков. Через ноздри выдыхается воздух. Это молитвы и жертвоприношения Израилевы, приятным благоуханием восходящие к престолу Ягве.

Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных. «Из уст младенцев... Ты устроил хвалу» (Пс. 8,3). «Хвала Ему в устах моих» (Пс. 33,2). «Уста мои изрекут премудрость» (Пс. 48,4). Так хвала и славословие, как отличное вино, истекают из уст праведников. Их молитва и славословие течет прямо к Другу, к Небесному Жениху, к Ягве; и услаждает уста утомленных этой жизнью и грехами.

Вот такова Невеста! Таков был в Боге Израиль Божий!

Возлюбленная стремится к Жениху и зовет Его:

7.10-13 Азь брату моему, и ко мне обращение его. Прииди, брате мой, и взыдем на село, водворимся в селех: ураним в винограды, увидим, аще процвете виноград, процветоша ли овощи, процветоша ли яблока; тамо дам тебе сосца моя. Мандрагоры даша воню, и при дверех наших вси плоды новии: до ветхих, брате мой, соблюдох ти.

7.11-14 Я принадлежу другу моему, и ко мне обращено желание его. Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селах; поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе. Мандрагоры

уже пустили благовоние, и у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: это сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

«И к мужу твоему влечение твое», — сказал Господь Еве, первой жене (Быт. 3, 16). Так влекся Израиль ко Господу, к Ягве, небесному Жениху и Мужу. Ему принадлежит Израиль и к Нему **обращено желание** Ягве. «Мужем желаний» наименован пророк Даниил, народом желаний Господних был весь Израиль. Любовью влекутся они друг ко другу, устами пророков своих зовет Израиль грядущего Мессию: **Прииди, возлюбленный мой**. Так звали все «чаявшие утешения Израилевой». Суламифь зовет Жениха насладиться любовью, отдает себя и ласки (сосцы) свои Ему. Во цвете виноградник и **гранатовые яблони**, распустились почки. Жаждет сердце народа Божия Мессии, мессианского времени, утешения и наслаждения любовью Мессии.

Попутру пойдем... Кончается ночь неведения и греха, чувствуется пробуждение утра новой эры мессианских времен. **Мандрагоры уже пустили благовоние**. Мандрагоры — майские яблоки, возбуждают любовь и разрешают от бесплодия. Они **уже пустили благовоние, началось их действие**. Праведники в Израиле возгораются любовью к ожидаемому ими Мессии, они уже начинают разрешаться от бесплодия, приносить плоды (Иисус Навин и Илия принесли плод девства, Елисей — чудотворение мощей, Маккавеи — святое мученичество), предвещающие дары Нового Завета: *при дверях наших вси плоды нови*.

Все это **сберегла я для тебя, мой возлюбленный!** — говорят праведники Ветхого Завета (**плоды старые**), предутренне принося, уже не только ветхие, но и новые плоды, как заря предвещая солнце.

Все это **сберегла я для тебя** — с великой сокровищницей даров любви сонм древних праотцов ждет и зовет Мессию, жаждет Его любви и готов отдать Ему свою!

ГЛАВА 8

Далее Невеста изливает чувства свои в следующих словах:

8.1-4 Кто даст ты, брате мой, сосуща сосцы матери моея; обретши ты вне целую ты, и ктому не уничижат мене. Пойму ты, введу ты в дом матери моея и в ложницу зачещения мя; тамо мя научиши: напою ты от вина с вонями строенаго, от воды яблок моих. Шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя.

Заклях вас, дщери иерусалимския, в силах и в крепостех сельных: аще подвижите и воздвижите любовь, дондеже аще восхощет.

8.1-4 О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! Тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Заклинаю вас, дщери Иерусалимские, — не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Суламифь желает, чтобы Возлюбленный был братом ее. Тогда никто не мешал бы любви их и не осуждал бы ее.

Раввин Раши видит здесь то, что «Израиль, изнемогая от долговременного плена и уничижения, претерпеваемого от врагов, обращается к Господу с указанной речью, которую следует понимать так: если бы Господь был мне брат и мог бы теперь быть для меня Иосифом, утешавшим братьев своих в плену, то я увидев Его, целовал бы, даже среди улицы, и меня не осуждали бы за это, то есть никто бы не осмелился тронуть меня».

Этот текст явно выражает мессианское чаяние Израиля. **О, если бы ты был мне брат..!** То есть, о если бы ты, Мессия и Избавитель, уже пришел!

Привела бы тебя в дом матери моей — во святой Иерусалим и во святой храм его. Там ожидали пришествия Мессии.

Ты учил бы меня — через Мессию в эсхатологические времена Ягве Сам будет учить Свой народ.

Взаимные ласки Жениха и Его Невесты указывают на любовь, которая будет господствовать в грядущем царстве Мессии.

Так в 8-й главе историческое толкование указывает на грядущие мессианские времена и тем переходит уже в мессианское (экслезиялогическое и христологическое) толкование.

Стихи 3-4 о любовной ласке и заклании дочерей Иерусалимских повторяют 2,6-7; 3,5 и там были объяснены.

Далее следует изумленный вопрос, заданный скорее всего дочерьми Иерусалимскими, и ответ на него, в котором заключена основная мысль всей книги Песнь Песней.

8.5-7 Кто сия восходящая убелена и утверждаема о брате своем?

Под яблонею возбудих тя: тамо роди тя мати твоя, тамо поболе тобою рождшая тя. Положи мя яко печать на сердце твоём, яко печать на мышце твоей: зане крепка яко смерть любви, жестока яко ад ревность; крила ея крила огня, углие огненно пламы ея. Вода многа не может угасити любви, и реки не потопят ея. Аще даст муж все имение свое за любовь, уничижением уничижат его.

8-5.7 Кто это восходит от пустыни, опираясь на своего возлюбленного?

Под яблоней разбудила я тебя: там родила тебя мать твоя, там родила тебя родительница твоя. Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

Изумленные жители Ханаана, видя приближающиеся несметные полчища Израиля, удивленно вопрошают: **Кто это восходит от пустыни (Синайской), опираясь на своего возлюбленного** (на своего Бога, на Ягве)? **Опираясь на Возлюбленного** — все были уже слышаны, что сила Израиля, вышедшего из Египта и прошедшего пустыню, не в мечях и конях, а в их Боге, который явными знамениями и чудесами помогал своему народу.

Под яблоней разбудила (точнее — «разбудил», то есть не она, а он ее) **я тебя**. До сих пор Невеста не могла пробудиться (2,7; 3,5; 5,2; 8,4). Теперь в Земле Обетованной **под яблоней**, Ягве

пробуждает ее, что означает ее полное обращение к вере Авраама, Исаака и Иакова. Духовное же состояние Израиля в Египте и пустыне сравнивается со сном.

И далее — удивительный гимн любви (ст. 6-7), святое свя-
тых Песни Песней — брак Ягве и Его народа во Святой Земле. Любовь Божия — **пламень весьма сильный**, или по иному чтению: «Пламень Ягъ», то есть пламень Божий. Первый и единственный раз именуется в Песни имя Господне. Единожды в год входил архиерей во Святое Святых, и там в недрах святилища, в таинственном и священном мраке произносил это всесвятейшее Имя.

Под **матерью и родительницей** Иерусалимская Библия [13] видит (ср. Иез. 16,3.44-45) хеттеянку, то есть хеттов, древних жителей Ханаана, с которыми израильтяне тогда смешались и перестали быть верными Богу. Лучше же видеть Сарру, которая под дубом Мамврийским (сравнивается с **яблоней**) приняла весть о рождении от нее Исаака. Она — мать и родительница народа израильского, как Авраам — отец его. Такое мнение лучше подходит к этому тексту, так как странно было бы в гимне любви упоминание о падениях Израиля, его смешениях с ханаанеями. **Мать и родительница** упомянуты здесь явно с любовью и почтением.

Но и весь этот текст, как завершающий Песнь Песней, гораздо лучше относить не к заре, не к началу истории Израиля, не к вхождению его из пустыни Синайской во Святую Землю, а к концу истории Ветхого Завета, к ожидавшейся эсхатологической эре Мессии. Этому лучше соответствует текст LXX и славянский перевод:

Кто сия восходящая убелена и утверждаема о брате своем? Или, по Порфирию: «Кто сия, восходящая, словно белый цветок, опирающаяся на брата своего?»

От всех путей Господних, которыми Ягве вел свой народ, свою церковь, она восходит *убелена*, очистившись от беззаконий и нечестия, она процветает «словно белый цветок» и *утверждается о брате своем*, о Мессии, о долгожданном Женихе своем.

Мессия — *печать* пророков, возвещавших о Нем. Его любовь *положена... на сердце* Израиля, на чаявших Его пришествия. Иначе — *печать и перстень* Ягве, положенные *на сердце и руку* Израиля — это Закон Моисея, заповеди и воля Божия, запечатавшие веру (*сердце*) и дела (*руку*) Израиля.

Люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень Иеговы. Ягве — «Он Бог-ревнитель» (Исх. 34,14), до ревности любит Свой народ, не терпит, чтобы у него были боги иные, боги чуждые.

Придет Мессия, и стрелы любви, стрелы огненные воспламят сердце Невесты — Израиля Божия, истинных сынов его.

Большие воды (рабство египетское, полчища халдеев и плен вавилонский) **не могут потушить любви** верных сынов Израиля к Ягве и Его Помазаннику, и реки идолопоклонства и лжепророчества **не залиют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего**, как Навуходносор, Антиох Епифан **за любовь** к Богу-Ягве, **то он был бы отвергнут с презрением**, как это сделали Даниил и три отрока, Елеазар и братья Маккавейские. На любовь святых Израиля, которую не могли погасить никакие воды этого мира, указывает и бл. Феодорит: «Ибо Авраамову к Богу любовь ни в землю чуждую преселение, ни глад, ни сиротство, ни жены отъятие, ни сына в жертву закаление, ни о кладезех прение угасить и истребить не возмogli. Подобно и Исаакову любовь никакия огорчения, также и Иаковову никакия труды, никакия житейския печали уменьшить не могли. Что чувствительнее искушений Иосифовых, который братьями своими продан будучи, лишился любивших его родителей, отеческого дому, свободы и всякого благополучия, и служил в рабстве, за целомудрие свое понесши безчестие, заключен будучи в темницу, безчисленные там претерпел искушения, посредством коих однако любовь его к Богу только лишь светлейшею явилась...»

8.8-10 Сестра наша мала и сосцу не имать: что сотворим сестре нашей в день, в онъже аще глаголатися будет ей; Аще стена есть, соградим на ней забрала сребряна: и аще дверь есть, напишем на ней дску кедрову. Аз стена, и сосцы мои яко столпи: аз бех во очию их аки обретающая мир.

8.8-10 Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками. Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

Синодальный перевод (Есть у нас сестра, которая еще мала) предполагает иную по сравнению с Суламифью девицу. А в стихе 10 **Я — стена...** младшей сестре противопоставляется в таком

случае сама Суламифь. Соответственно этому и дается толкование в Лопухинской Библии [70].

Но такой перевод не соответствует ни тексту LXX, ни еврейскому (см. ч. III, гл. 4]. Верный перевод: *сестра наша мала...* Речь идет об одной личности, о Суламифи, но в двух ее состояниях. В ст. 8 она еще мала, а в ст. 10 достигла полноты и совершенства. Именно так толкуют этот текст и святые отцы, а также и Мидраш. Такое понимание текста принимается и нами.

Сестра наша мала и сосцу не имать, она не может быть еще сравнима ни со *стеною*, ни с *дверью* — образ древнего исторического Израиля, со всеми его несовершенствами.

Сосцу не имать — ветхозаветная церковь еще не могла питать истинной пищей и истинным питьем. Вкушение плоти жертвенных тельцов и агнцев только прообразовывало грядущую истинную пищу и питье.

Не был ветхий Израиль еще и *стеною*, могущею укрепить изнемогающих в этом мире грешников и страдальцев. Он и не *дверь*, открывающая райские обители. Безотрадной виделась кончина даже праведникам (Иакову, Давиду, Соломону).

А не имея сих достоинств, не имел еще ветхий Израиль и полной совершенной красоты. Не имел стан девицы, а был, как младенец (без сосцов). Ветхий Завет — детоводитель (Гал. 3,24). Израиль хотя и «наследник», но, «доколе в детстве, ничем не отличается от раба» (Гал. 4,1).

Израиль еще не стена, а потому к нему невозможно **пристроить палаты из серебра**, он не может еще ввести в обители Отца Небесного, не может дать чистоту **серебра** душе.

Израиль еще не дверь, а потому его невозможно **обложить кедровыми досками**. Израиль еще не вводит в нетление и вечность, символом которой является кедр.

Но Израиль войдет в полноту и совершенство. Он станет новым Израилем. И тогда скажет:

Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его (Мессии), как достигшая полноты. Это будет в эсхатологические времена Мессии.

О сестре говорят братья. Едва ли имеет смысл искать, кому в историческом Израиле они соответствовали. Скорее, это риторический прием, употребленный Соломоном для описания «сестры-невесты». Забота братьев о младшей сестре, естественно, встречается в Библии. Так, Лаван заботится о Ревекке (Быт. 24,23-

33.50.56.60), сыновья Иакова о Дине (Быт. 34,6-17), Авессалом о Фамари (2 Цар. 13,20-29).

Сестра наша мала — слабый, плохо укрепленный Иерусалим. Братья (цари и пророки) сокрушаются о слабости Иерусалима. **Сосцов нет у нее** — Иерусалим не способен прокормить своих жителей во время длительной своей осады. Иерусалим едва ли **стена**, он не может защитить своего царя и жителей от могучих полчищ неприятеля, а потому не может по-настоящему украситься **палатами из серебра**, ибо бывает разграбляем неприятелями. Иерусалим и не **дверь**, которую бы можно было **обложить кедровыми досками**, не является крупнейшим торговым центром, открывающим двери свои торговым караванам дальних стран и через это обретающим богатства.

И вопрошают братья: **Что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее?** Этим вопросом унижается слава и честь Иерусалима. **Когда будут свататься за нее**, значит — определять величие этого города. А возможно, прозревается время прихода Мессии, когда настанет время брака с небесным Женихом, что придется делать с Иерусалимом, который столь слаб и не имеет земного величия?!

Но Иерусалим (Невеста-Суламифь) с достоинством отвечает: **Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты (обретшая мир)**. Уничиженный и мало-значущий вид — это только внешнее, это по земным мирским понятиям и меркам. И юный Давид был слаб и даже смешон по сравнению с воинским величием Голиафа. Но его сила была в Боге. И он — победил. Сила святого Иерусалима не в высоких стенах и не в крепких воротах, сила его — в Боге. Он не нуждается в человеческой защите, Бог заботится о нем. Иерусалим не был особо выдающимся среди городов мира и в глазах мира сего был мал. Но **в глазах Его (Бога)** он как **достигшая полноты** и духовного совершенства Невеста, он — город *мира*, он — **духовная стена** (Закон и Пророки), хотя внешние стены его были не столь и внушительны. **И сосцы как башни** — не имея внешнего великого богатства, Иерусалим питал истинных чад своих молоком Слова Божия. **Как башни** — и красота, и крепость. Таковы слова Закона и пророков — двух сосцов Израиля, возвышающихся, **как башни** в низменности (в приземленности, недуховности) словес мира сего. *Обретшая мир* свой в Боге — такова Невеста Ягве и посреди войн, унижений, треволнений этой скорбной и мятежной жизни.

8.11-14 Виноград бысти Соломону во Вееламоне: даде виноград свой стрегущим: муж принесет в плоде его тысящу сребренник. Виноград мой предо мною: тысяща Соломону и двести стрегущим плод его. Седяй в вертоградех, и друзие внемлющи гласу твоему: глас твой внуши мне.

Бежи, брате мой, и уподобися серне или юнцу еленей, на горы ароматов.

8.11-14 Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне; он отдал этот виноградник сторожам; каждый должен был доставлять за плоды его тысячу сребреников. А мой виноградник у меня при себе. Тысяча пусть тебе, Соломон, а двести — стерегущим плоды его. Жительница садов! Товарищи внимают голосу твоему, дай и мне послушать его.

Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!

Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне — древний Израиль был избранным виноградником, народом Божиим, взятым в удел. Ваал-Гамон означает «Господь множества». Ягве — Господь того множества, которое Он обещал в потомство праотцу Аврааму. Во времена царя Соломона «Иуда и Израиль, многочисленные, как песок у моря, ели, пили и веселились» (3 Цар. 4,20).

Он, Ягве, отдал этот виноградник (Израиль) сторожам — царям, пророкам и священникам. Каждый из них должен был доставлять Богу за плоды его тысячу сребреников. Плоды Израиля, как земные, в виде десятины от всего, что произрастало, так и духовные — в виде молитв, жертвоприношений, всяких дарований и благодеяний, должны были быть возвращены их Господину и Владетелю — Богу Ягве.

Тысяча — полнота возвращаемого Богу, **сребро** — высокое достоинство.

А мой виноградник у меня при себе — вторит Соломону Суламифь. **Виноградник** принадлежит и Ему, и ей. Богу Ягве виноградник принадлежит по существу: как Владыке и Господину. А ей он принадлежит как охранительнице и жительнице (ст. 13), ибо вверен Господом. Но она должна от плодов виноградника давать Ему как Господину. И она дает, не присваивая себе надлежащего Ему — **тысяча пусть тебе, Соломон.** Израиль приносит Богу положенные жертвы, десятину и приношения. **А двести**, то есть меньшая часть, **стерегущим плоды его** — царям и левитам как слугителям, стерегущим плоды виноградника Божия.

Упомянут **виноградник**, ибо «вино... веселит сердце человека» (Пс. 103,15), а Израиль веселил «сердце» Божие истинным богочитанием на фоне всеобщего идолопоклонства окружающих народов.

Ягве обращается к Израилю: **Жительница садов!** Таков народ Божий, живущий во Святой Обетованной Земле, где течет молоко и мед. **Товарищи внимают голосу твоему** — все боящиеся Господа слышат голос Божий. **Дай** — говорит Сам Господь — **и мне послушать его.** Богу любезен голос Своего народа, его песнопения и молитвословия. Господь, небесный Жених, желает усладиться любовью его.

Израиль отвечает Господу: **Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!**

Горы бальзамические или *горы ароматов* указывают на гору в Иерусалиме, где возвышается величественный храм Соломонов. Отсюда, с этой святой горы в *ароматах* и жертвенном **бальзаме** взывает Невеста в последний раз к Мессии: **Беги, гряди, будь подобен серне или молодому оленю.** Кончилась ветхозаветная история, Израиль зовет Мессию: **беги, Возлюбленный мой, гряди брате мой...** И вот, как **серна и молодой олень**, уже грядет Новый Завет.

...В горных высотах умолкли последние взаимные приветствия любви Ягве и Израиля, вместе с ними смолкает и превосходнейшая из песней — Песнь Песней!

Так прошли мы двор Израиля, впереди — двор священников, туда проходят только посвященные, там двор священников и левитов, там — Жертва!

III. ДВОР СВЯЩЕННИКОВ

Прочтение третье — мессианско-экклесиологическое

IV. СВАТИЛИЩЕ

Прочтение четвертое — духовно-психологическое

А теперь, благочестивый читатель, вступим вслед за иереями во двор священников и во святилище храма. Как некогда туда вступало только посвященное Аароново священство, так и ныне вступает только царственное священство Нового Завета, освященное Христом — вечным Священником по чину Мелхиседека. Только просвещенный святым крещением и исполненный благодати Духа может уразуметь мессианско-экклесиологические и духовно-психологические тайны Песни Песней.

Мессианско-экклесиологическое толкование видит в Соломоне и Суламифи Песни Песней Христа и Его святую Церковь. Это — основное христианское, новозаветное понимание этой книги. Оно носит преимущественно догматический характер. Так понимали Песнь Песней Ориген, святой Киприан Карфагенский, святой Афанасий Великий, святой Кирилл Иерусалимский, святой Григорий Нисский, святой Епифаний Кипрский, блаженный Феодорит Кирский, святой Кирилл Александрийский и другие святые отцы.

Духовно-психологическое толкование видит в Соломоне и Суламифи Песни Песней — Бога и человеческую душу. Здесь раскрывается внутренний мир христианской души в ее отношениях к Богу. Это разумение носит нравственный, психологический,

аскетический характер. Оно встречается у Оригена, святого Дионисия Александрийского, Евсевия Кесарийского и у многих отцов-аскетов: святого Макария Великого, святого Исаии, аввы Нитрийского, святого Иоанна Кассиана Римлянина, преподобного Исихия Иерусалимского, преподобного Нила Синайского, преподобного Феодора Едесского, аввы Филимона, преподобного Илии Екдика, преподобного Иоанна Лествичника, преподобного Максима Исповедника, преподобного Феодора Студита, преподобного Никиты Стифата и других.

По сути эти два (третье и четвертое) прочтения не различаются, но являють две стороны таинственного брака Небесного Жениха и избранной Его Невесты — как Христа и Церкви, и как Бога и души. Это стороны — внешне-догматическая и внутренне-психологическая. О первом писали больше святители-епископы, о втором — преподобные отцы-аскеты.

Во дворе священников и во святилище храма делалось одно и то же — жертвоприношения и прочие священнодействия, прообразовавшие тайны Христовой жертвы и спасения души. Так и эти

Части храма	Входящие	Концепция прочтения Песни Песней	Постигающие опытно эту тайну прочтения
1 двор язычников	все люди	1 брачная песнь	все люди
2 двор Израиля	израильтяне	2 Ягве и Израиль	израильтяне
3 двор священников	священники	3 Христос и Церковь	все христиане (царственное священство)
4 святилище	священники	4 Бог и душа	все христиане (душа сочетается Богу)
5 Святая Святых	один первосвященник	5 Христос-Перводевственник и девственная душа	монахи-отшельники, девственники
6 ковчег Завета	только прикосновение	6 Господь и Приснодева	Приснодева Мария (девственная душа только прикасается тайны Приснодевства)
7 скрижали Завета внутри ковчега	первосвященника туда не проникал никто	7 Слово и Плоть во Христе	тайна Воплощенного Логоса — из людей и вообще тварных существ никто, там Христос один

два прочтения Песни говорят об одном, видя извне — Церковь, изнутри — душу христианскую.

А теперь обратим внимание на части Иерусалимского храма и на входящих в них людей. В этом можно усмотреть своеобразное указание на духовное совершенство людей, позволяющее им все более углубляться в тайны книги Песнь Песней. Как разные части храма указывают на различные степени прочтения книги, так и входящие в эти части храма указывают на приобщающихся соответствующих тайн Песни Песней.

Во избежание многочисленных повторений в одних случаях и искусственных разделений и расчленений толкования текста в других случаях, третье (экклезиологическое) и четвертое (психологическое) прочтения текста нами будут приведены параллельно и одновременно. У святых отцов эти два толкования тоже практически не разделяются и приводятся обычно вместе. Это соответствует и тому, что во двор священников и во святилище входили одни и те же — священники. Так и тайны сочетания Церкви и душ со Христом познаются одними и теми же — христианами.

Цитаты из святых отцов приводятся в тексте без ссылок, ибо таковые все даны в «Путеводителе к святоотеческим толкованиям» (см. ч. III, гл. 1). Цитаты из Оригена, св. Григория Нисского и бл. Феодорита легко находятся по главам и стихам, ибо они последовательно толкуют весь текст. Толкование св. Афанасия Великого кратко и поэтому в нем легко найти соответствующие места. К творениям остальных святых отцов указаны страницы, на которых приведены соответствующие тексты.

ГЛАВА 1

1.1 Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага сосца твоя паче вина.

1.1 Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина.

Да лобжет мя от лобзаний уст своих — так зовет ветхозаветная Церковь, чтобы, наконец, пришел Сам Жених — Христос, Которого она так долго ждет, она не желает уже слышать Слово Возлюбленного из уст святых и пророков, она истаевает от желания прикосновения уст Его Самого.

Ориген: «**Да лобзает он меня лобзанием уст своих** (Песн. 1,1). Смысл этих слов такой: доколе Жених мой будет посылать мне лобзания чрез Моисея, доколе он будет давать мне лобзания чрез пророков? Уже желаю коснуться его собственных уст: пусть он сам придет, пусть сам снидет ко мне. Итак, она молится Отцу Жениха и говорит ему: **да лобзает он меня лобзанием уст своих**».

Св. Афанасий Великий: «Вся сия книга (Песнь Песней) наполнена разговорами ветхозаветной церкви с Словом, всего рода человеческого с Словом, и церкви из язычников с Ним же, и опять — Слова с нею и с родом человеческим. Потом разговор язычников с Иерусалимом и Иерусалима — о церкви языческой и о самом себе. Далее воззвание служащих ангелов к призванным в веру людям.

Вот слова, коими народ просит Слово низойти и соединиться с плотью: *да лобжет мя от лобзаний уст своих, яко блага сосца твоя паче вина*» (1,1).

Бл. Иероним Стридонский: «Не чрез ангелов и пророков и других святых мужей восхотел Он спасти народ Свой, но Сам сошел к овцам погибшим дома Израилева, чтобы больную овцу отнести на своих плечах и найти потерянную драхму и с радостью встретить возвращающегося распутного сына. Поэтому невеста говорит в Песни Песней: *да лобжет мя от лобзаний уст своих* (Песн. 1,1). Не чрез патриархов, Моисея и пророков, но пусть примет мое тело, пусть живет в моей плоти. Слово да будет плотию и так пусть лобзает меня, обитая во мне, как Еммануил».

Бл. Феодорит Кирский: *«Да лобжет мя от лобзаний уст своих»*. Тако вещает невеста, умоляющая Отца жениха своего: ибо слышала она и обетования, данные патриарху Аврааму, и проречения, вознесенные Иаковом во благословении чад своих. Слышала и великого Моисея о женихе своем глаголавшего, и Давида во псалмах своих красоту его и могущество тако живописующего: «Красен добротою паче сынов человеческих...» Слышала она, что сей красный и благоличный жених ея и Бог есть, и вкупе Сын Божий прежде век. «Престол бо твой во век века, жезл правости, жезл царствия твоего...» И так когда она красоту жениха своего, его силу, богатство, царство над всеми, могущество вечное, неразоремое, конца не имущее узнала: тотчас его видети, и в объятия его повергнуться и духовныя дать лобзания возжелала. И так желает невеста от самого жениха облобызаться, сими как бы словами к Отцу Небесному вещая: Посли мне единородного Сына твоего, о Господе и Отче!... Я давно уже его ожидаю, давно желаю. Снедалася я печалию, егда послания его чрез патриархов, чрез законодателей, чрез пророков получала: теперь более жара любви сносить уже не могу. Огонь сей горит, и вся внутренняя моя снедает. Чрез всех пророков обещался он посетить меня, и даже до сего дня откладывает обещание свое. Дал он мне обещания чрез Давида, чрез Иеремию, чрез Исаию, чрез Иезекииля, и чрез Захарию, и чрез Даниила и прочих пророков, что приидет и брак сотворит. Не знаю, для чего замедливает, для чего не воззрит на меня желанием истаевающую. Рек он чрез Осию: Обручу тя себе во век: и обручу тя себе в правде, и в суде, и в милости, и в щедротах. И обручу тя себе в вере, и увеси Господа (Ос. 2,19-20)... Ожидаю я, вседневно желая, да обещания мне данная исполнятся. Сие то намекает невеста, глаголя: *Да лобжет мя от лобзаний уст своих...* Сие глаголющей невесте является жених и исполняет обещание свое по оному: «Еще глаголющей ти, се есмь» (Ис. 58,9)».

Чудно описывает состояние Невесты возделевающей и ждущей своего Жениха-Мессию св. Иоанн Златоуст: «Видишь, возлюбленный, воздыхания сердца, привлекающая к себе Небесного Жениха Христа! Вот, воздыхания, выходящая из глубины сердца и порождающая струи Христовой любви! Об этом сама («горлица») Церковь воспевает так: *Да лобжет мя от лобзаний уст Своих* (Песн. 1,1). Я обручена, — говорит она (Церковь), — через посредничество закона и пророков со своим небесным Женихом, Христом. Я — Церковь, — как бы такими словами выражается она,

— состоящая из язычников, больше не желаю иметь своими посредниками обручения с Женихом ни (пророка) Моисея, ни (пророка) Исаию, ни (пророка) Иеремию, и никого (из остальных) пророков, но желаю, чтобы Он явился ко мне Сам. Ведь, я хочу же, наконец, говорить с Ним устами к устам! Пусть же Сам придет сюда (на землю) и *да лобжет мя от лобзаний уст своих!* Вот я слышу слова, произнесенные о Нем (пророком) Иеремию: «Глубоко сердце Его паче всех, и человек есть, и кто познает Его?» (Иер. 17,9). Его я прошу видеть, Его Я умоляю придти! И (являсь ко мне) *да лобжет мя от лобзаний уст Своих!* Вот, я слышу и слова Амоса (пророка), который произнес о Нем (следующее): «Се Муж, стояй на ограде адамантове, и в руце Его адамант» (Ам. 7,7). Вот Его-то Я ищу: пусть Он придет ко мне и пусть *да лобжет мя от лобзаний уст Своих* — Вот, возлюбленный, о чем вздыхала и как восклицала Церковь до пришествия своего Жениха, Христа. Подобно тому, как верная, искренно преданная мужу своему жена, когда мужу ее случилось отлучиться из дома, ожидая его возвращения, часто смотрит в окно своего дома, ищет его своими глазами, высматривает его и на суше и на море: не видно ли где ее возлюбленного супруга? Если она увидит вдали плывущий корабль или судно, (то) ей уже мерещится ее муж; если увидит вдали идущих путников, ей представляется, что среди них, должно быть, находится и ее муж, а потому, часто выбегая из дома навстречу путникам, расспрашивает последних о своем муже (приблизительно) так: сделайте одолжение, пожалуйста, скажите мне, где вы его оставили, в какой деревне, или в каком городе, что он там делает, что он вам сказал (о том), когда он придет? Подобно (всему) этому и ветхозаветная Церковь ожидала пришествия своего возлюбленного Жениха, Христа».

Душа, духовно возжелав Христа, любя Его, желает прикосновения к себе Бога и благодати Его. В этом желании и любви, не должно представлять ничего земного, вещественного, страстного. Напротив, это — любовь духовная.

Об этом так пишет Ориген: «Если бы это (значение сего текста. — Г.Ф.) не имело духовного смысла, то не было ли бы пустым рассказом? Если бы не имело в себе чего либо таинственного, то не было ли бы недостойно Бога? Итак тому, кто умеет понимать Священное Писание в духовном смысле, или кто хотя не умеет, но желает уметь, необходимо всеми силами стремиться жить не по плоти и крови, чтобы чрез то сподобляться духовных

тайн и, скажу нечто более дерзновенное, — духовного вожделения или любви. Ибо есть и духовная любовь. И как есть пища телесная и пища духовная, и есть питье телесное и питье духовное: так есть любовь плотская, происходящая от сатаны, и любовь духовная, имеющая начало от Бога. И никто не может быть обладаем и тою и другою любовью. Если ты любитель плоти, то не принимаешь духовной любви. Если же ты презрел все телесное, говорю не только о плоти и крови, но и о деньгах, и об имениях, и даже о самой земле и о самом небе (ибо и оне прейдут), если все это ты презрел, и ни к чему этому душа твоя не привязана, и ты не связан никакою любовью к порокам: то ты можешь принять в себя духовную любовь».

На духовное значение *лобзания* и всего прочего, относящегося внешне к страстной любви, указывает св. Григорий Нисский, особенно отмечая высоту того, когда через страстное раскрывается бесстрастное, через чувственное — сверхчувственное и духовное: «Следующия, в ближайшем значении взятая, речения: уста, лобзания, миро, вино, названия членов, ложа, отроковицы... А слагаемый из них образ есть блаженство, безстрастие, единение с Божеством, отчуждение от злых дел, уподобление в подлинном смысле прекрасному и доброму. Вот понятия, свидетельствующие об оной Соломоновой премудрости, превосходящей пределы мудрости человеческой! Ибо что было бы необычайнее сего, как очищением от собственных своих страстей соделать, чтобы в речениях, по-видимому, страстных самое естество узаконяло и преподавало нам безстрастие? Ибо Соломон... так настраивает душу, что в показывающем, по-видимому, противное в виду имеет чистое, и страстными речениями изъясняет самую чистую мысль...

Кто и от таких речений, которых ближайшее значение указывает на плотское сладострастие, не поползается на разумение нечистое, но сими речениями при понятиях чистых руководится к любомудрию о божественном, тот доказывает о себе, что он уже не человек, и имеет естество, не из плоти и крови сложенное, но, по безстрастию соделавшись равно-ангельным, показывает уже в себе жизнь, ожидаемую в воскресении святых... Так слово в сей книге повелевает слышавшим, хотя живем во плоти, не обращаться к ней мыслями, но иметь в виду единую душу, и все выражающая любовь речения чистыми и неоскверненными восписывать превышающему всякий ум благу, которое одно в подлинном смысле сладостно, вожделенно и достолюбезно, и наслаждение кото-

рым служит всегдашним поводом к большому вожделению, причастием благ усиливая пожелания... Так теперь невеста-Церковь возлюбила Жениха, подобно деве, которая говорит в песни: *да лобжет мя от лобзаний уст своих*. Так Моисей бывшею у него устами ко устам беседую с Богом, как свидетельствует Писание, приведен еще в большее вожделение таковых лобзаний, и после стольких богоявлений, как будто не видевший еще Бога, просит увидеть Желаемого...

Так и ныне душа, вступившая в единение с Богом, не имеет сытости в наслаждении, чем обильнее наполняется улаждающим, тем сильнее действуют в ней пожелания. Поелику «глаголы» Жениха «дух и живот суть» (Ин. 6,63); а всякий прилепляющийся к духу делается духом, и вступающий в единение с жизнью, по Господнему слову, переходит «от смерти в живот» (Ин. 5,24): то по этому самому к источнику духовной жизни приблизить душу желает дева-душа. А источник сей — Жениховы уста, из которых источающиеся глаголы жизни вечной наполняют привлекающие их уста, как было с пророком, устами привлекающим дух (Пс. 118,31). Посему, так как уста, привлекающие питье из источника, надлежит приложить к воде, а источник есть Господь, изрекший: «аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет» (Ин. 7,37); то посему душе желательно уста свои приблизить к устам, источающим жизнь, и невеста говорит: *да лобжет мя от лобзаний уст своих*. И Тому, Кто всем источает жизнь, и всем хочет спастися, не угодно кого-либо из спасаемых лишить сего лобзания; потому что лобзание это есть очистительное средство от всякой скверны».

Св. Григорий Нисский в укоризне, высказанной Христом Симону прокаженному: «лобзания ли не дал еси» (Лк. 7,44), видит причину его неисцеления. Он не привлек к себе чистоту от проказы лобзанием уст. Проказу надо разуместь духовную и телесную.

Когда пророк Исаия видел в видении Господа на престоле, то в ужасе воскликнул: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами». Тогда огнекрылый Серафим прилетел к нему и коснулся уст его горящим углем, взятым клещами с жертвенника, и сказал: «Вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6 гл.). Этот уголь прообразует Божественную Плоть Христову.

Лобзание уст указывает на причастие, где уста наши касаются Тела Христова. По причащении священник, лобызая край

чаши, говорит: «Сие прикоснуся устом моим и отымет беззакония моя и грехи очистит». Все причастники также по святом причащении лобызают край чаши, как пронзенное ребро Спасителя. «Но да никто из пристрастившихся к земным, и земная мудрствующих лобзаний, речию не соблазнится, пусть разсудит лучше как мы в таинственной вечери тело и кровь жениха приемля, объемлим, и лобызаем, и к мысленным очам предлагаем, и духом и мыслию как бы объятия некоторыя брачныя совершаем, и с ним соединенными себя быти представляем, и что он сам союзом любви страх вон изгоняющий, да с Священным реку Писанием, нас взаимно объемлит и услаждает» (бл. Феодорит).

Что есть лобзание:

О лобзании, как таинственном прикосновении к Слову, так говорит св. Григорий Нисский: «А лобзание совершается чувством осязания; потому что при лобзании уста между собою прикасаются. Но есть некое осязание души, которым осязается слово, и которое совершается каким-то, не телесным, но духовным соприкосновением, как сказал изрекший: «руки наша осязаша, о словеси животнем» (1 Ин. 1,1)». «Лобзание же разумеется не уст с устами, но благочестивой души с Божественным словом соединение. Как бы так вещала невеста сия: Словеса твои слышала я в Писаниях, теперь желаю самого гласа твоего насладиться, хочу непосредственно от уст твоих святого слышати учения, и оно мысленными облабызать устами» (бл. Феодорит).

Так под лобзанием можно разуместь, 1. как прикосновение наших уст к «устам Божиим», источающим Слово Божие, 2. так и прикосновение к таинственному хлебу святой Евхаристии, ко святой Чаше; 3. а также вообще прикосновение к человеческой душе благодати Божией.

Невеста-Церковь и невеста-душа, возжелав лобзаний Жениха, восклицает далее:

1.1 Яко блага сосца твоя паче вина.

1.1 Ибо ласки твои лучше вина.

Долго ждала ветхозаветная Церковь своего Жениха-Мессию, ждала и звала устами пророков. И вот он явился! «Невеста же увидевши вдруг желанного жениха своего как бы в изумление приходит, и сосцам его и сладости обоняния удивляясь восклицает: *Яко блага сосца твоя паче вина, и воня мира твоего паче всех аромат*» (бл. Феодорит Кирский).

Подобно этому, но конкретнее изъясняет св. Григорий Нисский, указывает на то, что простейшее в учении Христовом (молоко) выше совершеннейшего (вина) в мудрости земной. *Блага сосца твоя паче вина*. «Ибо при этом сравнительном предпочтении млека из божественных сосцев тому веселию, какое бывает у нас от вина, научаемся, может быть, сказанным, что вся человеческая мудрость, и все знание существующего, и всякая созерцательная сила, и всякое мысленное представление не могут устоять в сравнении с простейшею пищею божественных уроков; потому что млеко истекает из сосцев и есть пища младенцев; а вино по силе и горячительному свойству делается наслаждением совершеннолетних, однако же совершенное во внешней мудрости ниже младенческого учения в божественном слове. Посему-то божественные сосцы лучше человеческого вина».

Превосходство предлагаемого Женихом-Христом над всем земным видит здесь и Ориген: «Но как «чаша Господня упоявающая» есть самая наилучшая (Пс. 22,5), так сосцы жениха лучше всякого вина: *ибо добры сосцы твои больше вина*».

В различных наименованиях: грудь, перси, сосцы Ориген усматривает три степени приближения к Богу. «Слово Божие в различных местах Свящ. Писания, сообразно с обстоятельствами, в них упоминаемыми, называет один и тот же предмет различными именами. Когда приносится жертва в законе, и Слово Божие хочет показать ее знаменование: тогда оно называет известную часть тела грудью отлучения. Когда же кто-либо возлежит с Иисусом и пользуется общением Его чувств: тогда Слово Божие называет тот же предмет не грудью, как выше, а персями. Далее, когда невеста говорит с женихом, тогда Слово Божие, так как приводится брачная песнь, называет то же самое не грудью, как при жертвоприношении, и не персями, как в отношении к ученику Иоанну, а сосцами, говоря: *ибо добры сосцы твои больше вина*. Приобщись чувствованиям жениха, как невеста, и ты узнаешь, что такие помышления упоевают и увеселяют». Итак, три степени духовного восхождения к сердцу Иисусову: 1. жертвоприношение (грудь); 2. ученичество (перси); 3. брак духовный, увещивание (сосцы).

Св. Григорий Нисский видит здесь еще указание на таинственную силу Божию («сосцы» он усваивает Жениху, к Которому обращает эти слова Невеста). «Почему говорит она (Невеста): *блага сосца твоя паче вина*, сосцами по местному положению означая сердце. Конечно же не погрешит, кто под сердцем будет разумеать

сокровенную и неизреченную силу Божества; да и под сосцами справедливо может иной подразумевать благия за нас действующие божественной силы, какими Бог поддерживает жизнь каждого, снабжая прилично каждому из приемлющих пищею».

Творящие Иисусову молитву знают о сердечном месте (выше левого сосца), где бывает некая боль и скорбь любви Божией. Сия боль духовно сладостна и лучше всякого вина сладости и крепости мира сего, включая творческое вдохновение ученых и поэтов, хотя и оно бывает не без Божией благодати.

Блаженный Иероним усваивает слова: *блага сосца твоя паче вина Жениху*, сказанные Им Невесте. Этим он несколько нарушает строй речи, присущей тексту, но делается более естественным усвоение сосцов невесте, нежели жениху. Подобно св. Григорию Нисскому, бл. Иероним усматривает здесь указание на Слово Божие (словесное молоко), но, кроме того, в двух сосцах невесты видит указание на два Завета. Толкуя текст Ис. 60,10-11, бл. Иероним пишет: «Ибо не может быть, чтобы родившая Сына и бывшая родительницею, не имела избытка молока для воспитания ее народа и детей, вместе родившихся, чтобы дать им, не ослабевшие и опавшие, как прежде в Египте, но беспорочные и стоящие с девственною красотою, — два сосца, — Ветхого и Нового завета для доставления словесного молока. О них жених говорит ей: *блага сосца твоя паче вина*».

1.2 И воня мира твоего паче всех аромат. Миро излиянное имя твое: Сего ради отроковицы возлюбиша тя.

1.2 От благовония мастей твоих имя твое — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя.

Явился Жених Невесты и она восторженно и радостно восклицает: *Яко блага сосца твоя паче вина, и воня мира твоего паче всех аромат*. И еще: *Миро излиянное имя твое!* «Жених приходит помазанный не одною, а всеми благовонными мастями», — пишет Ориген. Он видит в этом, что во Христе осуществились все добродетели и совершенства, бывшие ранее во святых и великих. И не только вместил их в Себе Христос, но и во всем несравненно превзошел их. Все в Нем было в совершенстве! Ориген: «Многие имели ароматы. Царица южная поднесла ароматы Соломону, и многие другие обладали ароматами; но какие бы кто не имел ароматы, они не могут сравниться с благовониями Христа, о которых невеста ныне говорит: **благовоние мастей твоих лучше всех**

ароматов. Я думаю, что и Моисей, и Аарон, и каждый из пророков имели ароматы. Но если я вижу Христа, и почувствую приятность и благовоние мастей его, то тотчас выскажу свое мнение словами: **благовоние мастей твоих лучше всех ароматов**. Подобно этому толкует и бл. Феодорит: «Известно де мне, — говорит Невеста — суть благовония, Моисеом заповеданныя, и елей помазания, и фимиам сложения: но всех тех воней твое благовоние есть гораздо сладостнее. **Благовонием** нарицает здесь духовную благодать, коей он исполнен был, и от исполнения своего всем нам дарствовал».

Упоминание о все превосходящей *воне мира* Жениха указывает, что Он есть Христос, Помазанник. Священное миро помазания возливалось в Ветхом Завете на первосвященников, царей и пророков. И вот грядет в благоухании божественного миро Первосвященник вечных благ, Царь неба и земли, Пророк, возветивший вечное Евангелие. *Воня мира твоего паче всех ароматов*, «ибо помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих» (Пс. 44,8). Христос получил как Сын Человеческий на Иордане полноту Святого Духа, это божественное Миро, от Него теперь изливается «на всякую плоть» (Деян. 2,17).

В таинстве святого миропомазания *аромат* Святого Духа нисходит и овеает сердца. Благоухание этого Мира — христианские добродетели. Святой Григорий Нисский: «Под ароматами разумею добродетели, как то: мудрость, целомудрие, справедливость, мужество, благоразумие и подобные сему, украшаясь которыми, каждый из нас по мере сил и по своему произволению, один так, другой иначе приходит в благоухание... Однако же все это не может идти в сравнение с тою всею совершенною добродетелию, которая наполняет собою небеса, как свидетельствует пророк Аввакум, сказав: «покры небеса добродетель Его» (Авв. 3,3), то есть с источною премудростию, источною правдою, источною истиною, и так далее. Воня небесного мира, сказано, имеет благодать несравнимую с теми ароматами, какия известны нам».

Христово благоухание распространяется в мире через христиан, как об этом пишет св. апостол Павел: «Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2 Кор. 2,15-16). Объясняя это, бл. Феодорит приводит пример: «Ибо вранам, питающимся трупами, услаждение делают и зловонные тела, а неприятность благоухающих: тако нечести-

вым людям и в мерзостных пороках валяющимся, смрадный сладострастия запах наиприятнейшим кажется, тягостною напротив и несносною благодать Христова, почему и произвольную им погибель причиняет».

Миро изготавливается (варится) из различных ароматических веществ. Бл. Феодорит указывает на таинственное значение этого: «Справедливо убо невеста вещает: *И воня мира твоего паче всех аромат*. Не говорит, воня масти, но мира, из многих благовонных веществ составляемого, показуя тем, яко многие суть дары благодати. «Овому бо», глаголет языков учитель, «духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о томже душе: Другому же действия сил, иному же пророчество, другому же рассуждения духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков» (1 Кор. 12,8-10). Сего ради не глаголет: «воня масти», но *воня мира твоего*, из многих веществ составленного. Чем показывает, яко многи и различны суть дарования, и притом все они от тогожде и единого источника проистекают».

И далее воспеваает Невеста своего Жениха: *Миро изливанное имя твое*.

Величайшее значение имеет имя Христово, «ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4,12). Имени Христова трепещут бесы (Лк. 10,15), имя Христово спасает человека (Деян. 4,12), раскрывает тайну будущего века (число имени Иисус = 888, восемь — число будущего века, оно троекратно, ибо через Иисуса раскрылась Святая Троица). И об этом имени издревле говорили еще пророки. Бл. Августин, разъясняя благословение, которое Ной дал своим сыновьям, пишет: «Но в настоящее время (новозаветное. — Г.Ф.), когда все это (благословение Ноя сыновьям) уже исполнилось самым делом на потомстве, скрытое прежде сделалось достаточно ясным. Кто, вникая в дело тщательно и разумно, не признает исполнения этого в лице Христовом? Ибо Сим, от семени которого родился по плоти Христос, в переводе значит «именитый». А кто именитее Христа, имя которого повсюду так славно, что самое пророчество сравнивает его с *миром изливанным* (Песн. 1,2).

Миро изливанное имя твое. Человек постигает и воспринимает не само ароматическое вещество мира, а чувствует аромат, распространяемый при его излиянии. В этом св. Григорий Нисский усматривает непостижимость и неименуемость сущности Божией. Познается же Бог частично в Его проявлениях (энергиях), в «аро-

матах», открываемых в именах, коими именуется Бог*. «*Миро излиянное имя твое*: ибо сими словами, кажется мне, означает подобное следующему: естество неопределимое не может в точности объято быть словом, имеющим значение имени; напротив того вся сила понятий, вся выразительность речений и именований, хотя бы, по-видимому, заключали они в себе что великое и богославленное, не касаются естества в Сущем, но разум наш, как бы по следам только и озарениям каким, гадает о Слове, с помощью постигнутого, по какому-то сходству представляя себе и непостижимое. Какое ни примыслим имя, сообщающее нам понятие о мире Твоего Божества, говорит невеста, тем, что выражает сказуемое (изрекаемое нами. — Г.Ф.), означим не самое миро, но богословскими сими именованиями покажем только малый некий остаток испарений божественного благоухания: как по сосудам, из которых вылито миро, не познается само миро, вылитое из сосудов, каково оно в естестве своем, хотя и по малоощутительному некоему качеству испарений, оставшемуся в сосуде, делаем некоторую догадку о вылитом мире. Сие-то именно дознаем мы из сказанного: самое миро Божества, каково оно в сущности, выше всякого имени и понятия; усматриваемая же во вселенной чудеса доставляют содержание богословским именованиям, по которым Божество именуем Премудрым, Всемогущим, Благим, Святым, Блаженным, Вечным, также Судиею, Спасителем и подобным сему, что все показывает некоторое, впрочем не главное, качество божественного мира, какое вся тварь, наподобие какого-либо мирозарного сосуда, отпечатлела в себе усматриваемыми в ней чудесами».

Толкуя слова *миро излиянное имя твое*, бл. Феодорит относит таинственное миро либо к божественной природе Христа, либо к Святому Духу, Который преисполнил Его человеческую природу: «*Миро излиянное имя тебе*. Сии, говорит, многие и различные источники (духовных дарований. — Г.Ф.), весь круг земный благоухания сладостию наполняющие, одну имеют жилу, и един кладезь, миро твое, ибо «в нем обитает всякое исполнение Божества» (Кол. 2,9). И сам Он по человечеству все дары Духа приял... Вот для чего и говорит: *Миро излиянное имя твое*».

«*Излиянное миро*» указывает на пришествие Христово в мир. Миро излилось с Неба на землю (воплощение). Миро излилось,

* Св. Григорий много писал против Евномия, учившего о полной постижимости сущности Бога через Его имена.

пролилось из разбитого сосуда, когда распяли Христа, а учение Его и благодать распространились по всему миру. Об этом говорят и святые отцы.

Св. Епифаний Кипрский: «Но когда говорится: «Себе умалил, зрак раба прим» (Фил. 2,7), то это не значит, что полнота (Божества) уменьшилась, но сказано это, дабы показать, что Он с неба низшел в человечество, то есть в утробу Марии. *Ибо миро излиянное имя Твое* сказано (Песн. 1,2). Не сказано: пролиянное, но *излиянное* с неба на землю, так что от земли Он изливается в Марию, и от Марии начинается, соделавшись плотию, в Вифлееме рождается, из Вифлеема переходит в Назарет, из Назарета в Капернаум, из Капернаума в Иерусалим и на море, когда ходит по водам. Затем переходит в пределы Тирские и в Наин, в Иудею и Иерихон, в Виффагию и Вифанию, в Иерусалим и храм, на гору Елеонскую, в Гефсиманию, в дом Каиафы, в Преторию, к Ироду, на Место, называемое Голгофа, в гроб, и даже до ада; потом на землю по воскресении, и на небеса. Как *миро излиянное* из сосуда в сосуд все сосуды наполняют благовонием: так и Христово пришествие с неба всю землю освятило, то есть приемлющих его воистину».

Бл. Феодорит под «излиянием мира» понимает распятие Христово. Только через распятие Христос стал известен всему миру, как миро становится всюду ощущаемым только после того, как бывает излито из своего сосуда.

Бл. Феодорит: «*Миро излиянное имя твое*. И не просто говорит, миро, но излиянное. Ибо как миро, в сосуде заключенное имеет и самое его благоухание: когда же изливается, то весь оным наполняет воздух: тако и Господь Иисус Христос до страдания мало кому известен был: но когда крест и смерть претерпел, и как телесный сосуд открылся, то тотчас святые апостолы сладостию его наполнились, и землю протекая, и моря преходя, и всем Евангелие проповедуя, сладостию Евангельского учения весь мир исполнили. Сего-то ради и вопиет невеста: *Миро излиянное имя твое*, довлеет бо одного имени Христова к напоению как бы ароматами душ благочестивых, и к помазанию всеми благовониями».

Ориген указывает на то, что только через Христа Моисей и пророки стали известны всему миру. Ориген: «*Миро излиянное имя твое*. Как миро через свое излияние далеко и широко распространяет благоухание: так распространено и имя Христово. По всей земле прославляется Христос, во всем мире проповедуется

Господь. Ибо миро излиянное имя Его. Теперь ведомо имя Моисея, известность которого прежде ограничивалась только тесными пределами Иудеи. Ибо никто из греческих писателей не упоминает о нем, и ни в какой истории языческой литературы мы не находим ничего, написанного о нем или о других пророках. Но как скоро Иисус возсиял в мире, Он вместе с Собою вывел из неизвестности закон и пророков, и воистину исполнилось слово: *миро излиянное имя твое*. Так как Духом Святым любовь Божия излилась в сердца наши (Рим. 5,5), то и сообразно с этим приводится выражение излияния: *миро излиянное имя твое*».

В рассматриваемых словах Песни Песней Ориген видит еще конкретное указание на евангельскую женщину, помазавшую к погребению Господа: «Слова: *миро излиянное имя твое* — пророческая тайна. Лишь только пришло в мир имя Иисуса, как уже проповедуется миро излиянное. И в Евангелии женщина взяв алавастровый сосуд с нардовым, чистым миром, возлила это миро на главу и ноги Иисуса (Мф. 26 и Мк. 14). Заметь тщательно, какая из двух упоминаемых в Евангелии женщин возлила миро на главу Спасителя. Ибо там говорится, возлила миро на главу Его (Лк. 7 и Ин. 12). Заметь, говорю, и ты найдешь, что в евангельском чтении написаны евангелистами не повествования и рассказы, а тайны. Конечно дом наполнился благоуханием от мира, если то, что имела грешница, следует отнести к ногам, а то, что имела не грешница к голове. И не удивительно, что дом наполнился благоуханием, когда им наполнен мир. В том же месте говорится о Симоне прокаженном и доме его (Мф. 26 и Мк. 14). Я думаю, что прокаженный есть князь мира сего, и что этот прокаженный называется Симоном, дом коего с пришествием Христа наполнился благоуханием, когда грешница принесла покаяние, а святая возлила благоуханное миро на главу Иисуса».

Бл. Феодорит видит в словах *миро излиянное имя твое* указание на святое таинство миропомазания: «Ежели же сие таинственнее разумети хочещи, святаго крещения воспомяни тайну, в коем после отрицания диавола, и по исповедании царя, как бы знаком неким и царскою печатию дарованием духовного елея назнменованные, под видимым сим мира веществом невидимую благодать Святаго Духа приемлют».

1.2-3 ...Сего ради отроковицы возлюбиха тя. Привлекоша тя: вслед тебе в воню мира твоего течем.

Введе мя царь в ложницу свою

возрадуемся и возвеселимся о тебе, возлюбим сосца твоя паче вина: правость возлюби ты.

1.2-3 ...поэтому девицы любят тебя. Влеки меня, мы побежим за тобою;

— царь ввел меня в чертоги свои,

— будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!

До сих пор речь шла о Женихе и Невесте. Теперь появляются *отроковицы* или *девицы*. Кто же они? Отцы-толкователи видят в невесте — изображение души совершенной во Христе, в отроковицах же души преданные Христу-Жениху, но еще не имеющие совершенства, именуемые в Евангелии «малые сии» (Лк. 17,2).

Ориген: «*Поэтому отроковицы возлюбили тебя*. Говоря эти слова, невеста видит отроковиц. Когда она просила отца жениха и обращалась непосредственно к самому жениху, девиц еще не было. Но во время ее беседы с женихом входит хор девиц и рекомендуется ему словами невесты: *поэтому отроковицы возлюбили тебя*. Девицы в ответ на эти слова невесты говорят жениху: *за тобою, на благоволение мира твоего, потечем*. Какое прекрасное зрелище! Отроковицы, сопровождающие жениха, еще не имеют дерзновения невесты. Невеста идет не позади жениха, а шествует рядом с ним. Она берет жениха за правую руку, и ее рука находится в правой руке жениха. Отроковицы же идут позади его... Эти отроковицы о которых мы узнаем, что оне, как еще начинающие любить жениха, стоят вне брачного чертога, по оному примеру: «друг женихов, стоя и послушая его, радостию радуется за глас женихов» (Ин. 3,29), чувствуют нечто подобное. Когда жених входит в брачный чертог, оне остаются вне оного, невеста же прекрасная, совершенная, без пятна, без порока, вступив в ложницу жениха, в царскую опочивальню, возвращается потом к отроковицам и рассказывает им о том, что она одна видела». Так же понимает и бл. Феодорит: «Младые и благонамеренные души (ибо их разумеет под именем отроковиц)... под именем невесты разумеет должно те души, кои всеми добродетелями преукрашены: под именем же *отроковиц*, совозследующих невесте, такие души, кои хотя и любят жениха своего, и следовать за ним желают, совершенства однако невесты не достигли».

Св. Григорий Нисский также видит в невесте «душу более совершенную», а в отроковицах «недостигших еще совершенства добродетели и юных по возрасту». Отличив отроковиц от невесты (девицы совершенной), св. Григорий указывает еще почему упоминаются именно отроковицы, но не младенцы или старицы. «Но как вещественная любовь не касается еще младенчаствующих: потому что детство не дает в себе места страсти, а также и удрученных крайней старостию не видим в подобном состоянии: так и в рассуждении божественной красоты, кто еще младенец, обуревается и носится всяким ветром учения, и кто одряхлел, состарелся и приблизился к истлению, все те оказываются неподвижными к сему вожделению. Ибо таковых не касается невидимая красота, но такую только душу, которая вышла из младенческого состояния, цветет духовным возрастом... не лишена чувствительности по младенчеству, и не ослабела по дряхлости, Слово именует *отроковицею*.»

Эти отроковицы, хотя и малы в вере, но тоже *возлюбиха тя*, Небесного Жениха. И не только возлюбили Его, но готовы и следовать за Ним, говоря Ему: *вслед тебе в воню мира твоего течем*, или: **Влеку меня, мы побежим за тобою!** Эти отроковицы «так любовью к тебе (Христе) воспалились, что тебя к себе привлекать начали, и за тобой так устремились, что не шли, а бежали, дабы не остаться и с возлюбленным своим не разлучиться... И так души здоровым смыслом одаренные, убегая роскоши, неги и праздности, и труды увеселениям предпочитая, текут за женихом своим, *благоуханием мира* его намащены и привлечены будучи, и как бы неизъяснимою некоторою цепью с ними связаны» (бл. Феодорит).

Воня мира Жениха привлекла к себе отроковиц. Увлеченные этим благоуханием, они побежали за Ним. Так благоухание благодати Святого Духа влечет душу человека за Христом. «Обоняя» аромат Духа Христова, душа увлекается за Ним и, оставляя все, бежит за Ним. Об этом так пишет св. Григорий Нисский: «Причиною же их любви служит благоухание мира, к которому всегда поспешают оне «в предняя простираясь, задняя же забывая» (Фил. 3,13). Ибо говорят: *в след Тебе в воню мира Твоего течем*».

О таких душах, которые испытали покаяние, помышления о Суде Божиим, страх адских мучений и перешли к вожделению и

радости будущих благ, встретились с невестой (чистотой и целомудрием) и любовью сочетались с Богом, пишет прп. Никита Стифат: «С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость, и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и как бы в изступлении сущи, течет в след Жениха, так взывая к Нему безгласным гласом: *в след Тебе, в воню мира Твоего теку!*» [25, т.5, стр.126].

Св. Иоанн Кассиан Римлянин показывает на примере св. апостола Павла борьбу и победу над плотью с ее страстями. Конкретно он при этом рассуждает о борьбе с чревоугодием. В борьбе с плотью важно, куда направлен ум. «Не течет на неверное тот, кто, забывая заднее, простирается в преднее, стремясь к предназначенной «почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе» (Фил. 3,13-14), куда устремляя всегда взор ума своего, и куда спеша со всею готовностью сердца своего, с уверенностью взывает: «подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох» (2 Тим. 4,7). И поелику сознавал, как неутомимо, с живейшим по всей совести рвением, тек в след вонии мастей Христовых (Песн. 1,3), и умерщвлением плоти успешно одержал победу в духовном ратоборстве... «Аз тако теку, не яко на неверное»: что в особенности относится к устремлению ума и горячности духа его, коими он со всем жаром, последовал Христу, с Невестой воспевая: *в след Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. 1,3); и еще: «прильпе душе моя по Тебе (Пс. 62,9)» [25, т.2, стр. 25-26].

Это желание Христа, устремление к Нему порождается, по учению иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, от непарительной, чистой сердечной молитвы и порождаемой ею сердечной теплоты: «От таковой молитвы, теплой и со вниманием, т.е. от чистой молитвы рождаются в сердце вождение, божественное расположение и любовь ко всегда памятуемому Господу Иисусу Христу, как написано: *отроковицы возлюбиша тя, привлекоша тя* (Песн. 1,2)... И св. Максим говорит: «все добродетели содействуют уму в божественном расположении, более же всех чистая молитва: ибо чрез нее к Богу воспаряя, бывает он вне всего» [25, т. 5, стр. 379].

Св. Григорий Синаит, видя в Песни Песней картину внутреннего устройства человеческой души, говорит об отроковицах и женихе, как о добродетелях и душе. «*Отроковицами* называет Писание (Песн. 1,2) добродетели по причине сочетания их с ду-

шею, вследствие коего оне созерцаются, как один дух и тело. Символом любви служит лик *отроковиц*, а свидетельством чистоты и святости сих священных дев — их одяние и убранство» [25, т. 5, стр. 197].

Далее вновь говорит Невеста: *Введе мя царь в ложницу свою*. На что отроковицы отвечают: *Возрадуемся и возвеселимся о тебе, возлюбим сосца твоя паче вина: правость возлюби тя!*

Ориген: «Ввел меня царь в опочивальню свою. Не говорит ввел многих в опочивальню свою. Многия остаются вне; в опочивальню входит одна только невеста, чтобы видеть скрытые и потаенная сокровища и возвестить отроковицам». Так о самом Оригене свидетельствует бл. Иероним, что в своем толковании на Песнь Песней он «объяснил эту книгу так превосходно и с таким проникновением сокровенных тайн, что даже поэтому, мне кажется, на нем исполнилось сказанное: *введе мя царь в ложницу свою* (Песн. 1,3)» (Предисловие к переводу 2-х бесед Оригена на книгу Песнь Песней).

В ложницу царя, в сокровенная и тайная Божия вводится только душа совершенная, как в облако на Синае вступил только Моисей, а народ остался внизу. Такое таинственное и высшее сочетание с Богом доступно лишь душам возвышенным, совершенным и очищенным.

Св. Григорий объясняет желания лобзания уст (ст. 1) как первое прикосновение к благодати Господней, а введение в ложницу, как проникновение в глубину, в самое святилище тайн Божиих: «Ибо возжелавшая краями уст своих коснуться блага, и в такой мере коснувшаяся красоты, какую показывает сила изъявленного желания (изъявляла же она желание как бы лобзания некоего сподобиться чрез озарение Слова), по достижении сего, и проникнув помыслом во внутреннее святилище тайн, взывает, что не в преддверии только благ течение ея, но, что имея начаток Духа, Которого, как бы вследствие какого лобзания, сподобилась по благодати испытывать «глубины Божия» (1 Кор. 2,10), и подобно великому Павлу, быв во святилище рая, говорит, что видит незримое, и слышит «неизреченны глаголы» (2 Кор. 12,4)».

И не только в нынешнем веке, но и в будущей жизни различна будет степень единения с Богом искупленных чад Его. Бл. Феодорит: «Не все верующие в будущей жизни в одной будут степени славы. «Мнози бо суть обители у Отца моего» (Ин. 14,2),

говорит Христос, то есть, различные достоинств степени. Ибо иной есть чин патриархов, иной пророков, иной апостолов, иной мучеников, иной девственников, иной супружескую верность добре соблюдавших... Да и в сих самих родах жизни многие находятся различия: поелику иные ревностнее, другие слабее, одни рачительнее, другие ленивее должности свои исправляли».

Как же реагируют отроковицы на это различие? Не завидуют ли они невесте из-за того, что не сподобились войти вместе с нею в ложницу царя? Нет! В духовном мире такая зависть невозможна. Каждый сподобляется стольких благ, сколько может вместить, и чисто радуется о тех, кто вмещает более.

Ориген: «Между тем отроковицы, то есть весьма многочисленная толпа подрастающих невест, по вступлении невесты в опочивальню жениха и во время разсматривания ею там богатств своего мужа, пока ожидают пришествия жениха, радостно поют: *возрадуемся и возвеселимся о тебе*. Она радуются о совершенстве невесты. В добродетелях нет зависти. Любовь эта чиста, любовь эта без порока». Отроковицы восклицают: «*Возрадуемся и возвеселимся о тебе* (Невесте). Не ревнуют, ниже завидуют, пребывая вне чертога, но для почести невесты радуются и веселятся, и восхищаются, и за великое счастье для себя почитают, что сладчайшим гласом ея наслаждаются» (бл. Феодорит). «Посему о невесте, которая из уст Слова была первая исполнена благ, и сподобилась сокровенных тайн, говорят отроковицы: *возрадуемся и возвеселимся о тебе*. Ибо твое радование — и наша общая радость.» (св. Григорий Нисский). Подобное мы, воистину, видим в Церкви. Все чада церковные радуются и веселятся о святых и праведниках, совершая им празднования, нарекая их именами храмы Божии, почитая их мощи и изображения. И никому не придет на сердце завидовать им или недоброжелательствовать.

Возрадуемся и возвеселимся о тебе, возлюбим сосца твоя паче вина. Подобные же слова уже сказала Невеста своему Божественному Жениху. А теперь эти слова говорят отроковицы Невесте. В этом домостроительство тайн Божиих, Церкви Божией, души человеческой. Св. Григорий Нисский: «Последующее же за сим изречение раскрывает в слове церковное домостроительство. Ибо первые, наученные благодатию, «самовидцы и слуги бывшие Словесе (Лк. 1,2), не ограничили блага самими собою, но и бывшим после них по преданию сообщили ту же благодать... Как ты (Не-

веста) паче вина любишь сосцы Слова; так и мы любим тебя. Твоим будем уподобляться сосцам, из которых напоеваешь млеко младенцев о Христе». Св. Григорий даже сравнивает, как апостол Иоанн возлюбил сосцы Слова, возлежав на персях Господа, так и сам теперь предлагает «сосцы Слова» (св. Евангелие) своим слушателям и читателям.

«Сосцами же Невесты отроковицы нарицают паки учения истощники, из коих струи, всякого возраста людям питательные, проистекают» (бл. Феодорит). Это учение церковное, которым Церковь напояет чад своих, сама будучи напоена Христом, Небесным Женихом через Божественное откровение.

Возлюбим сосца твоя паче вина. «Глаголют же отроковицы, сосцы невесты возлюбити более, нежели всякое обыкновенное человекам веселие: ибо сие означает уподобительно под именем вина, увеселяющего сердце человеческое» (бл. Феодорит). Высшее земное счастье, означаемое вином, не сравнимо с начатками духовного блаженства (молоко). Высшая мирская философия не сравнима с начальными уроками Слова Божия. Высшие подвиги героев не сравнимы с простыми делами благочестия.

И завершая восхваление Невесты, отроковицы восклицают: *Правость возлюби тя!*

Ориген: «Оне хвалят невесту, давая ей от собственных ея добродетелей имя правоты: *правота возлюби тебя*». Другие же отцы (св. Григорий Нисский, бл. Августин, прп. Иоанн Лествичник) под *правостию* видят наименование самого Жениха (Господа). Так прп. Иоанн Лествичник пишет: «Бог называется как любовию, так и правотою. Посему Премудрый в Песни Песней говорит к чистому сердцу: *правость возлюби тя* (Песн. 1,3). А отец его сказал: благ и прав Господь (Пс. 24,8) и о тех, кои Ему соименны, говорит, что они спасаются: «спасающего правыя сердцем» (Пс. 7,11); и еще в ином псалме: «правоты» душ «виде» и посетила «лице Его» (Пс. 10,7)». «Иисус есть *правость*» (св. Григорий Нисский). Нет высшего блаженства, как быть возлюбленным Господа, этой Божественной Правоты — то высшая похвала и высшая награда Невесте!

На этом завершилась первая картина Песни Песней. И вот после царских чертогов мы оказываемся посреди виноградников и полей, и там невеста, обращаясь к своим подругам, говорит:

1.4-5 Черна есмь азъ и добра, дщери Иерусалимские, якоже селения Кидарска, якоже завесы Соломони.

Не зрите мене, яко аз есмь очернена, яко опали мя солнце: сынове матери моея сваряхуся о мне, положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних.

1.4-5 Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы.

Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, — моего собственного виноградаря я не стерегла.

Невеста, обращаясь к дочерям Иерусалимским, говорит: **Черна я, но красива! Чернота** ее сравнивается с **шатрами Кидарскими**, с черными войлочными (из козьей шерсти) шатрами кидарян, потомков Измаила. Само слово «кидар» по-еврейски означает «потемнение». **Красота** же Суламифи сравнивается с **завесами Соломоновыми** в царских шатрах Соломона.

С некоторыми оттенками и особенностями все церковные учителя одинаково толкуют этот текст, указывая, что чернота означает прежнюю греховность, которую имела Церковь из язычников, будучи еще в идолопоклонстве, а **красота** и белизна обретенны ею во Христе, убелившем и украсившем ее. Так и душа человеческая черна в ветхом своем человеке и бела и прекрасна во Христе.

Ориген: «Она прекрасна, и можно даже указать, как прекрасна невеста. Но мы спрашиваем, каким образом она, будучи черна и без белизны, прекрасна? Она принесла покаяние во грехах, обращение дало ей красоту, и потому она воспевается прекрасною. Но так как она еще не очистилась от всей нечистоты грехов: онакоже она не остается навсегда в черном цвете. Она делается белою, когда стремится к большему и от низкого начинает восходить к высшему».

Ориген и бл. Феодорит приводят интересное сравнение из Ветхого Завета. Аарон и Мариам восстают против Моисея, гневаясь на то, что он взял жену-эфиопянку (известна чернота эфиопов). Мариам за это наказывается проказою. Бог оправдывает Моисея (Чис. 12). Моисей — законодатель Ветхого Завета, он и прообраз Христа, давшего Новый Завет. Как Моисей взял черную эфиопянку, презираемую иудеями, и возвысил ее до супруги вождя Израилева, так Христос обрел себе Церковь-Невесту из язычников. Аарон (священство иудеев) и Мариам (синаго-

га их) возроптали и возмутились против этого. Но, как Моисей не отвергся от своей жены-эфиоплянки, так и Христос от своей Церкви из язычников. И сбылось: «Из заречных стран Эфиопии поклонники Мои, дети рассеянных Моих, принесут Мне дары» (Соф. 3,10) и «Эфиопия предварит руки свои к Богу» (Пс. 67,32). «Прекрасно сказано: «предварит». Ибо как в Евангелии женщина кровоточивая предварила дочь начальника синагоги (Мф. 9, Мк. 5, Лк. 8); так и Эфиопия, исцелена, тогда как Израиль болеет. Вследствии падения его, дано спасение язычникам, для возбуждения в нем ревности» (Ориген).

Эту же мысль о призвании Церкви (черной и красивой) из язычников и ее столкновении с иудеями (дщерями Иерусалимскими) выражает св. Афанасий Великий: «Языческая церковь, видя Иерусалим как бы укоряющим ее, защищает саму себя тем, что призвание ее не тщетно. *Черна есмь аз — винограда моего не сохраних* (1,4.5). «Я черна, но нахожусь под самым солнцем. Хотя я и необрезана, — говорит она, — но отреклась от идолов и вышла из дому матери моей, как и Авраам; ибо я той же самой веры».

Св. Дионисий Александрийский: «Ведь не белою сначала была та, которая говорила: *Чермна есмь азъ и добра, дщери Иерусалимские, якоже селения Кидарска, якоже завесы Соломони. Не зрите мене, яко аз есмь очернена*. Пусть же будет она добра и в то время, когда она еще черна. Кидар значит потемнение; и такую, как селения кидарския ей надлежит быть до тех пор, пока она находится в них. И действительно, пребывающие в мире/этом и в храме сей томятся в мрачном месте, как бы в некоей пещере. Пребывая в ней, некто сетует, говоря: «увы мне, яко пришествие мое продолжися, вселихся в селении кидарскими» (Пс. 119, 5). *А завесы Соломони* — это, кажется, тот самый пришитый и натянутый на первое и чистое тело кожаный хитон, в который миролюбивый и миротворец Господь облек человека. Так толкуют Соломона. Надев этот хитон вследствие преслушания, человек изгнан был из рая, а когда он намеривается снова войти в рай, то разоблачается и надевает одеяние правды. Облекшись в это одеяние, он уже лишается прежнего хитона».

Подобным образом толкует св. Иоанн Златоуст: «Вот, что она (Церковь-горлица) возгласила: *Чермна есмь азъ и добра, дщери Иерусалимские! Не зрите мене, яко аз есмь очернена, яко опали мя солнце*. Что означают слова: *Черна есмь азъ и добра*? Я

черна, — говорит она, — вследствие прежних своих пороков, а прекрасна, в виду скорого раскаяния (в своих пороках). Я черна, — говорит, — вследствие глубокой скорби о своем падении, а прекрасна, в виду сияния, полученного (мною) при (таинстве) крещении. *Черна есмь азъ и добра, дщери Иерусалимские!* — обращается она. Под дочерями Иерусалимскими, к которым обращается она («горлица» — Церковь), подразумеваются святые души праотцев. (Интересное и конкретное понимание дочерей Иерусалимских. Сходный вариант с тем, когда под ними подразумевается общество иудейское, столкнувшееся с христианством. Только у Златоуста это души святых в положительной роли, тогда как выше нами указывалась отрицательная роль синагоги. — Г.Ф.) Под выражением: *Черна есмь азъ и добра* разумеется церковь, состоящая из язычников. — Святые души! — как бы так взывает она, не обращайтесь внимания на то, что я почернела, не взирайте на то, что я черна: это опалило меня солнце правды за мои прежние заблуждения... Здесь подразумевается восходящее для нас *Солнце* правды, второе Лицо Пресвятыя Троицы, Христос, Бог Слово».

Св. Иоанн Златоуст понимает *опаление солнцем* невесты положительно как наказание Христом за прежние грехи и заблуждения. Однако, согласно тексту, естественнее видеть в солнечном опалении причину самой черноты, то есть самой прежней греховности. В таком случае роль солнца отрицательна. Так понимает св. Григорий Нисский, под солнечным опалением видя приращение греховного искушения: «*Не зрите мене*, говорит невеста, *яко аз есмь очернена*. Не таковою сотворена я первоначально. Ибо сотворенной светоносными Божиими руками не естественно было бы иметь на себе какой либо темный и черный вид. Не была, но сделалась я такою, утверждает она. Ибо не от природы я очернена, но привзошла ко мне такая срамота, когда солнце превратило образ мой из светлаго в черный, *яко опали мя солнце*, говорит она».

Бл. Феодорит: «Сказать ли вам причину черноты моя: Очернена есмь, понеже минув Творца, твари поклонялась, и сие видимое солнце почитала вместо солнца правды: но приметив, какое есть различие между сим и оным, оставив тварь к почитанию Творца обратилась».

Святые отцы указывают на прежнюю греховную черноту невесты и ее нынешнюю красоту. Но сам текст скорее свидетельству-

ет о том, что одновременно, несмотря на смуглость и черноту от солнечного опаления, невеста и прекрасна. И черна, и прекрасна. В таком случае *черна* душа человека, претерпевшая отпадение от Бога, лишившаяся первозданной чистоты и белизны, но и *добра*, ибо вновь взыскала Небесного Жениха и украшена им прощением грехов своих и дарами Святого Духа. В земной жизни чернота и красота соседствуют у христианина, пока со временем, по мере духовного подвига, красота духовная все более и более просветляет бывшую черноту и делает душу, наконец, совершенно светлою.

Сынове матери моя сваряхуся о мне, положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних.

По-разному изъясняют святые отцы эту брань братьев Суламифи с нею и сказанное о виноградняках.

Ориген понимает под *матерью* иудейскую синагогу, ибо от нее исторически родилась Церковь-Суламифь. *Сыновья* синагоги — книжники и фарисеи. Они *сваряхуся о мне*, то есть гнали Церковь. Таков был в прошлом апостол Павел (Савл). Но обратившись, сам стал проповедовать веру. *Положиша мя стража в виноградех* — и сам Павел, и другие святые пеклись о спасении всех, при этом *винограда моего не сохраних*, то есть совсем забывали о себе, полностью жертвуя собою ради других.

Бл. Феодорит также толкует церковно-исторически, хотя находит несколько иное объяснение. По Феодориту, *мать* означает Небесный Иерусалим, который «есть мати всем нам» (Гал. 4,26). *Сыновья* его — святые апостолы. Они *сваряхуся о мне*, то есть повели брань с Суламифью, когда она еще «была черна», то есть находилась в идолопоклонстве. Они вели духовную брань и с верными, когда те вновь впадали в грех (1 Кор. 5,1; 2 Кор. 12,21; Гал. 3,1). Дав новообращенным божественные повеления и заповеди, они как бы передали некоторые *винограды*, стражами которых теперь тем надлежало быть. Каждый христианин должен стеречь себя, чтобы не нарушить божественные заповеди. А *винограда моего*, то есть прежние языческие установления, *не сохраних*, чтобы совсем оставить их как греховные.

Св. Григорий Нисский раскрывает этот текст богословско-психологически. *Мать* — это общая и единая причина существования всех существ добрых и злых. Дальше, под *сыновьями* разумеются конкретно те существа (люди и ангелы), которые под-

верглись действию зла. Они *сверяхуся о мне*, разгневались на человеческую душу и повели брань против нее, совращая ее во грех. Они нудят душу, *положиша ея стража в виноградах своих*, то есть понуждая ее стеречь дела греховные. И тогда плачет душа, что *винограда моего не сохраних*, то есть не уберегла рай души своей от змия, от дьявольского искушения и отравы греха.

И далее, отвлекаясь от дочерей Иерусалимских, Суламифь вновь ищет Возлюбленного души своей и взывает:

1.6 Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почиваеши в полдень? да не когда буду яко облагающаяся над стады другов твоих.

1.6 Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасеешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?

Св. Иоанн Златоуст усматривает здесь искания ветхозаветной Церкви: «Томясь его любовью и жажда Его святых поцелуев, церковь ветхозаветная у всех пророков спрашивала о Нем, задавая следующие вопросы: видели ли вы Его, придет Он или не придет? Ведь Он теперь находится на небе? Быть может, Он там охраняет 99 незаблудших овец, а к (сотой) заблудшей овце и не придет? Скажите же мне (пророки, святые души), где пасет Тот, где отдыхает Тот, Которого столь возлюбила душа моя?» (Песн. 1,6).

И далее св. Иоанн Златоуст описывает, приводя разные тексты, как пророк Исаия отвечает на это вопрошающей ветхозаветной Церкви своими мессианскими пророчествами. Так, пророк Исаия отсылает ветхозаветную Церковь к Иоанну Предтече. «Тогда Иоанн (Предтеча) снова обращается к ней (Церкви) следующими словами: подожди немного, перестань плакать: скоро увидишь своего Жениха. И вот Иоанн (Предтеча), заметив приближающегося Господа, опять, утешая ее, говорит ей: довольно, больше не плачь! И с этими словами, протягивая указательный палец, он показывает ей ея Жениха и произносит: вот, видишь: вон Тот, Которого ты разыскивала так долго. — «Се Агнец Божий, вземляй грехи мира», — говорит ей Иоанн (Предтеча).»

Св. Афанасий Великий усматривает здесь искания Истины и живого Бога среди язычников. «Призванная от язычников (Церковь. — Г.Ф.) в сокрушении сердца говорит Слову: *возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почиваеши в полдень?*

да не когда буду яко облагающаяся над стады друзей твоих (1,6). Испытав множество различных перемен, она просила Слово, да соделает ее ныне крепкою и сильною, дабы опять не потерпеть того же самого». Язычники долго блуждали во тьме идолопоклонства, и наконец, обретя истинного Бога, боятся утратить Его.

Так Израиль и язычники искали, где же пасет истинный Пастырь душ их. Их уже не удовлетворяли **стада товарищей** (пророки у одних, философы — у других). Они, томясь внутренней любовью и влечением к Нему, еще Неведомому, уже хотели только Его Самого.

Бл. Феодорит так пишет об искании Невестой своего Жениха: «Поелику я возлюбила тебя от всея души моя, то скажи мне, где ты пасеши в полуденное время, и куда пригоняешь овец своих для отдохновения. Дабы я, не зная сего, понапрасну не блуждала туда и сюда: а между тем блуждая, не могла бы попасть на другия стада, кои твоего будучи недостойны попечения другими пастухами и вожатыми пасутся». И далее бл. Феодорит объясняет, почему именно она ищет Его в *полудне*, то есть «в то самое время, когда свет истинного Богопознания в полном сиянии блистал». Под **стадами товарищей** бл. Феодорит понимает в Ветхом Завете лжепророков, потом лжеапостолов, лжехристов и, наконец, различные еретические общества. «На сих-то чтоб не попасть, невеста безпокоится: ибо и сии вид пастырей показывают, и стада и овчарни также имеют».

Св. Григорий Нисский: «Где пасеши Ты, прекрасный Пастырь, вземлющий на рамена целое стадо? Ибо все естество человеческое есть единая овца, которую восприял Ты на рамена. Покажи мне «место злачное», сделай известною «воду покойную» (Пс. 22,2). Упокоение души в *полудне* св. Григорий объясняет как упокоение во свете Христовом. «Ибо если упасешь меня там (говорит душа Христу), то, без сомнения, упокоишь в *полудне*, когда, вместе с Тобою почив в мире, упокоюсь в неотененном свете; не отенен же повсюду полдень, потому что солнце сияет над самою вершиною, где упокоиваешь пасомых Тобою, когда чад своих приемишь с Собою на ложе. Но полуденного упокоения никто не сподобляется, не соделавшись сыном света и дня. Кто равно стал далек и от вечерней и от утренней тьмы, то есть от того, с чего начинается и чем оканчивается зло, тот в *полудне* упокоивается Солнцем правды».

Душа, сделавшись причастной истинному фаворскому свету, находит покой от всякого волнения в Боге своем и истинно зревает.

Прекрасно пишет о томлении души и искании ею своего Жениха, о Его исчезновении и обретении вновь Ориген:

«Потом невеста видит жениха, который, будучи замечен, удаляется. И часто, во время целой песни, он это делает, чего, если кто либо сам не испытывает, не может понять. Часто, Бог свидетель, я видел, что жених приближается ко мне и находится со мною очень долго; но когда вдруг он уходит, я уже не могу обрести того, чего искал. Поэтому я опять желаю его пришествия, и иногда он опять приходит; но когда он явится и будет обнять руками моими, то снова исчезает, и когда исчезнет, снова ищется мною; и я часто это делаю, пока истинно не удержу его и не взойду, опираясь на брата своего».

В искании души, где пасет ее Пастырь-Жених именно в *полдень*, бл. Иероним видит указание на просветление души, прежде пребывавшей в греховой тьме. Так, толкуя слова пророка Исая «тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень» (Ис. 58,10), он пишет: «Обратим же внимание на то, сколь многими добродетелями мы достигаем света Божия, чтобы тьма обратилась в полдень и чтобы мы могли сказать с невестою *где пасеши, где почиваеши в полудне?*»

Прп. Никита Стифат описывает готовность души, сочетавшись с Богом, следовать за Ним, восходя к духовному богосозерцанию и оставляя все в этом мире: «С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость, и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и как бы в изступлении сущи, течет в след Жениха, так взывая к Нему безгласным гласом: *В след Тебе, в воню мира Твоего теку. Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почиваеши в полдень* чистого созерцания, чтоб не быть мне вынужденною блуждать по стадам друзей Твоих — праведников (Песн. 1,3.6): ибо светлосияние великих таинств у Тебя. — Жених же, введши ее в сокровищехранительницу сокровенных своих тайн, делает ее созерцательницею существа творений с премудростию».

Не всякая душа человеческая может воззвать к Богу: *Возведи ми, ... где пасеши? где почиваеши в полдень?* На это надо иметь дерзновение, которое дается внутренней любовью к Нему, готов-

ностью в любое время и при любых обстоятельствах пойти за Ним и быть с Ним. Пресвитер Илия Екдик: «Сколь блаженна ты, Боголюбивая душа, если с дерзновением можешь взывать к Богу: *возвести ми, Пастырю добрый, где пасешь овец Твоих, и где в полудне даешь почитие овнам Твоим, чтобы, последуя им, не быть мне блуждающею по стадам друзей Твоих*» [25, т. 3, стр. 437].

Таинственно изъясняет томление и вопрошание Суламифи прп. Иоанн Лествичник. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4,8). В Женихе Песни Песней прп. Иоанн видит саму добродетель любви, которую ищет Невеста — сердце человеческое. Прп. Иоанн пишет: «Любовь есть подательница пророчеств; любовь — виновница чудотворений; любовь — бездна осияния; любовь — источник огня в сердце, который, чем более истекает, тем более распаляет жаждающего. Любовь — утверждение ангелов, вечное преуспение.

Возвести нам, о Ты, прекраснейшая из добродетелей (30-я ступень Лествицы!), *где Ты пасеши овцы своя? Где почишаешь в полудне?* Просвети нас, напои нас, наставь нас, руководи нас: ибо мы жаждем приити к Тебе. Ты владычествуешь над всеми. Ты уязвила душу мою, и не может стерпеть сердце мое пламени Твоего. Итак, воспев Тебя, иду».

В ответ на свое томление, искание и вопрошание слышит Суламифь-Невеста:

1.7 Аще не увеси самую тебе, добрая в женах, изыди ты в пятах паств и паси козлища твоя у кущей пастырских.

1.7 Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

Значение сих слов различается в переводе LXX и в тексте масоретском. В тексте LXX говорится Невесте, что если она не знает себя... В тексте масоретском Невеста укоряется в том, что если она не знает, где пасет ее Жених... Святые отцы опираются в своих толкованиях на текст LXX. Св. Григорий Нисский приводит текст одного списка, где трактовка LXX выражена еще яснее: «Если себе самой не ведаешь ты, добрая в женах; то сошла ты со следов стад, и пасешь козлов против кущей пастырских».

Ориген, св. Афанасий Великий и св. Григорий Нисский одинаково толкуют эти слова, сказанные Невесте. Несколько иначе понимает их бл. Феодорит.

Основная мысль ответа Невесте, данного самим ли Женихом, или, что более соответствует тексту, товарищами Жениха, такова: ты ищешь Бога, но найти Его ты можешь только обратившись к себе. Ты не знаешь где Он? Познай себя и найдешь Его.

Св. Афанасий Великий: «Вняв молитве ея, Слово научает ея так: *Аще не увеси самья тебе, добрая в женах, изыди ты в след паств и паси козлища твоя у кущей пастырских*. Сего требует от ней для того, что никто не может познать Бога, не познав прежде самого себя. Ибо благочестие к Богу есть начало чувств, а чувство — не внешнее, но мысль в душе с верою».

Как и св. Афанасий, Ориген вкладывает эти слова в уста Жениха, отвечающего на вопросы Невесты: «Или ты знаешь саму себя, знаешь, что ты невеста царя, и прекрасна, и мною сделана прекрасною, ибо я представил себе славную церковь, не имеющую пятна или порока (Еф. 5); или знай, что если ты не познаешь себя и не сознаешь своего достоинства, то потерпишь то, что следует далее. Что же это такое? *Если не познаешь самой себя, о прекраснейшая между женщинами, то иди ты по следам стад, и паси — не стада овец и агнцев, — а козлов твоих*».

Осознав свою духовную красоту, полученную от Христа, Церковь может через нее познать и Подателя сей красоты — Самого Христа, Которого она и ищет.

Ну, а если не познаешь себя и не найдешь в себе Пастыря души своей, *«то иди ты по следам, и паси — не стада овец и агнцев, — а козлов твоих*. Ибо Он поставил овец по правую сторону, а козлов по левую (Мф. 25)... На тропах пастушеских, говорит, ты сделаешься последнею, не среди овец, а среди козлов твоих, и обитая с ними, ты не в состоянии будешь находиться вместе со мною, то есть с добрым пастырем». Итак, Ориген объясняет, что не познав в себе Божественную красоту (Божественного образа), душа отстает от стад овец и, бредя уже только лишь по их следам, оказывается среди козлов, то есть отстав от стада овец Христовых, оказывается среди козлов, в сообществе грешников и нечестивцев, которые некогда поставлены будут по левую сторону от Судии и отвергнуты.

Подобным образом толкует св. Григорий Нисский. Он отмечает, насколько душа человека предпочтена Богом перед всей остальной тварью. Поэтому и пасти должно свою душу, ее познавать, а не скоромимоходящие вещественные начала этого мира. «Чтобы тебе душа, не потерпеть сего (вреда), будь внимательна

к себе. Знай, сколько пред прочею тварию почтена ты Сотворшим; не небо соделано образом Божиим, а также не луна, не солнце, не красота звезд, ниже иное что видимое в твари: ты одна стала отображением естества, всякий ум превышающего, подобием нетленной красоты, отпечатком истинного Божества, вместилищем блаженной жизни, отражением истинного света, на который взирая, сама будешь тем же, что и Он, уподобляясь сияющему в тебе лучом отражающимся от твоей чистоты... Посему, если сама себя познаешь ты, *добрая в женах*; то презришь весь мир, и, всегда имея пред очами невещественное благо, не обратишь внимания на блуждающие по этой жизни *следы*. Итак, будь всегда внимательна к себе самой, и не станешь блуждать около стада *козлов*, во время суда вместо *овцы* не окажешься козлом, не будешь отлучена от стояния одесную, но услышишь сладостный глас, который руноносным и кротким овцам изречет: Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира (Мф. 25,34)».

Бл. Феодорит, также указывая на необходимость самопознания, несколько иначе толкует об овцах и козлищах. Жених (Христос) говорит Невесте (Церковь): «Иди по следам стада, и следуя за ним паси не только овец своих, но и козлищ при куцах пастушьих. Хочет бо милосердый Господь не только, чтобы к праведникам, но и ко грешным любовь свою мы и попечение являли. Почему и говорит: не требуют здравии врача, но болящий (Мф. 9,12)». Бл. Феодорит отмечает, что по причине того, что козлища, а не овцы означают грешников «и в законе за грех не овцу, но козлище от коз приносить в жертву предписано. Посему жених к невесте, шествуй, говорит, по следам стад, и предшествующих святых мужей жизнь рассматривай. И при тех пастырей куцах, то есть при церквях, святыми апостолами основанных, козлища твоя паси».

Обратимся и к масоретскому тексту, соответствующему нашему синодальному переводу:

Если ты не знаешь этого (то есть не знаешь, где пасет твой жених), прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец, и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

Смысл будет в некоей иронии над Невестой. Если ты не знаешь, где пасет твой Жених-пастух, тогда иди к шатрам его товарищей. Если не ведаешь Христа, доброго Пастыря, то иди к шатрам чуждым, шатрам этого мира, там паси свою душу.

Далее слышим глас Самого Жениха, восхищающегося Своей Невестой:

1.8 Конем моим в колесницах фараоновых уподобих ты, ближняя моя.

1.8 Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя.

Церковь, а также душа человеческая, сравниваются с прекрасным конем (или **кобылицей**) в *колеснице фараоновой*.

«Я знаю, что всадник сей жених, как говорит пророк «и езда его спасение» (Авв. 3,2), — говорит Ориген. У пророка Аввакума говорится: «Ты (Господи) восшел на коней Твоих, на колесницы Твои спасительные» (3,8). Таким образом Господь и Церковь — прекрасная и страшная колесница. Господь, почивая на верных своих, как на священной колеснице, как на прекрасных конях (на грациозный кобылице), обтекает мир. Слышен стук скачущих коней, спасительных колесниц воинства Христова, поражающего всякую нечистую рать.

В указании на *коней в колеснице фараоновой* Ориген видит указание на красоту и совершенство христианской души: «*Коням моим в колесницах фараоновых я уподобил тебя*. Если хочешь понять, о невеста, как ты должна ценить себя, то узнай, кому я тебя уподоблю, и тогда ты увидишь это, когда узнаешь красоту свою... насколько, говорю, отличаются кони Мои от коней Фараона, настолько ты, невеста, лучше всех дочерей, ты, церковная душа, лучше всех душ, которые не суть церковные».

Бл. Феодорит относит сравнение Невесты с *конями в колеснице фараоновой* к событию исхода Израиля из Египта и видит здесь образ святого крещения. «Образовательно Фараоном нарицает здесь древняго и душевредного всему человеческому роду врага, коего он, так как Фараона в Чермном море, в водах святого крещения погрузив утопил... И жениха как бы тако вещающего да внемлем: тебя ближнюю моею соделавшуюся, а посему ближнюю и нареченною, и самым делом наречение сие оправдавшую Я уподобил коню моему, посредством коего я мысленного Фараона погрузил, и тебе свободу даровал».

Уподобив Невесту кобылице в колесницах фараоновых, Жених и далее восторгается ею:

1.9 Что украшены ланиты твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты;

1.9 Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях.

Далее в эту похвалу Невесте вступают друзья Жениха:

1.10 *Подобия злата сотворим ти с пестротами сребра.*

1.10 **Золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блесками.**

Ланиты, выя (шея) и украшения Невесты свидетельствуют о духовной красоте и добродетелях св. Церкви и христианской души.

1. *Ланиты твоя яко горлицы*, — восклицает Жених. Это чтобы никто не подумал, что, сравнив Свою Невесту с конями (кобылицей), Жених приписал ей и некое подобие конского неистовства. Нет! *Ланиты* Невесты свидетельствуют о ее красоте и целомудрии.

Ориген: «Ибо красота женских ланит, говорят, наиболее привлекательна. Так и мы в ланитах будем разуметь красоту души».

Именно ланиты, появлением на них стыдливого румянца, свидетельствуют о чистоте и целомудрии девицы. Это усугубляется сравнением их с *горлицами*. Бл. Феодорит: «Ибо естествословы повествуют, что горлица есть животное не только любящее уединенные места, но что оно есть и целомудренно и как самец с одной живет самкой, так и самка более одного самца никогда не имеет, хотяб который из них и умер прежде другого. Почему справедливо подобною горлице наименовал Церковь Христу сопряженную, которая сообщения с другими убегает, да и после самой Его смерти Его не оставила, но воскресения Его сподобилась, и второго Его пришествия ожидает».

Что украшены ланиты твоя яко горлицы, — восклицает Жених. Ланиты Невесты не просто сравниваются с горлицами, а они именно *украшены*, как горлицы. Это говорит о том, что и тело девицы и всякой женщины поистине украшается именно целомудрием, а не красками и помадами. Косметика есть эрзац истинной красоты. При отсутствии духовной красоты тело теряет свою красоту, и тогда положение дел пытаются поправить фальшью — внешними красками, которые на самом деле не украшают, а лишь окончательно выпячивают внутреннюю пустоту и греховность.

2. *Выя твоя, яко монисты*, или **Шея твоя в ожерельях**. Если масоретский текст говорит об украшении шеи ожерельем, то текст LXX говорит о том, что шея Невесты сама по себе, без всяких украшений, — украшение, *яко монисты*.

Шея часто служит в священных текстах признаком греховного упрямства, строптивости и жестоковыйности. Но не такова Невеста Христова! Об этом так пишет бл. Иероним, толкуя слова пророка Исаии: «Отряси с себя прах; встань, пленный Иерусалим! сними цепи с шеи твоей, пленная дочь Сиона» (Ис. 52,2). «Итак, оттрясается прах, о котором написано! «еда повестся Тебе персть, или возвестит истину Твою (Пс. 29,10), чтобы разрешились узы выи вашей, и чтобы мы не услышали: «жила железна выя твоя» (Ис. 48,4), но с Невестой удостоилась услышать, что *украшени ланиты твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты*».

То, что шея Невесты не украшена монистами (ожерельем), но сама им подобна, означает, что христианская душа не нуждается во внешнем украшении, ибо сама в себе прекрасна, как украшенная дарами Святого Духа.

Бл. Феодорит усматривает здесь еще и указание на благое иго Христово, возлагаемое на выю христианской души. Так он и пишет: «Но *выю* ея подобною *монистам* нарицает. Сие есть род украшения свойственного сей части тела. А сим самым ея похваляет, яко иго благочестия добре несет, о немже жених во Евангелии глаголет: «Возмите иго мое на себе. Иго бо мое благо, и бремя мое легко есть».

То, что шея Невесты сравнивается не с одним, а с многими *монистами*, указывает на то, что она украшена не одною, но многими добродетелями. Св. Григорий Нисский: «Множественным числом означает совершенство в каждом роде добродетели... не должно нам, имея в виду какое-либо одно из добрых дел, оставаться нерадивым о преспеянии в прочих».

Доселе — Жених. А дальше в описание Невесты вступают друзья Жениха:

3. *Подобия злата сотворим ти с пестротами сребра.*

1.10 *Дондеже (будет) царь на восклонении своем.*

Ориген и св. Григорий Нисский видят в друзьях Жениха образ ангелов Божиих. Бл. Феодорит присоединяет к ангелам еще и святых (пророков и апостолов).

Здесь идет речь о времени до пришествия Христа, до Его *восклонения*, то есть до смерти Его и упокоения.

А синодальный перевод: **Доколе царь был за столом своим.** Стол может означать Крест Христов — трапезу, на которой Гос-

подъ уготовал божественное ястие и питье Своего тела и Своей крови. Так вот, до того Господь не Сам, а через ангелов и святых украшал Невесту, то есть души праведников. Ангелы и пророки еще не имели само *злато* и само *сребро* благодати Божией, а украшали души верных только *подобием* этих сокровищ, предлагая прообразы и подобия грядущих истинных благ, предлагая еще не само Евангелие, а только пророчества о Нем и прообразовательное служение.

Ориген: «Между тем, во время его сна (до восклонения. — Г.Ф.), являются невесте товарищи жениха — ангелы и утешают ее такими словами: Мы не можем сделать тебе золотых украшений, ибо мы не так богаты, как жених твой, который подарит тебе золотое ожерелье. Мы сделаем подобие золота, ибо не имеем золота. Должно радоваться и тому, если мы сделаем подобия золота, блески серебра. *Подобие золота сделаем с блесками серебра*. Но мы сделаем это не навсегда, а только пока жених твой не встанет с ложа своего, ибо когда он встанет, он сделает тебе золото, сам сделает серебро, сам украсит твой ум и чувство, и будешь ты, прекрасная невеста, истинно богата в доме жениха».

Бл. Феодорит: «По видимому здесь упоминают они (друзья жениха. — Г.Ф.) о времени до пришествия Христова, и утешая невесту, говорят: с тобою пребудем навсегда, дондеже царь возстанет, и каким только украшением возможем, тебя украсим: и не оставим тебя прежде воскресения его, но принесем тебе *подобия злата и пестроты серебра*. Справедливо говорят, не самое злато, но *подобия* злата: ибо гораздо превосходнейшие суть дары жениха, нежели слуг, кои никак с теми сравниться не могут. Посему-то мы большее уважение всегда имеем к Евангелию, хотя и закон, и пророков, и святых апостолов писания почитаем... Без сомнения пользуемся мы и ангелов помощью, как видим у святого Давида: «Ополчится Ангел Господень окрест боящихся его» (Пс. 33,8). Да и самый закон посредством ангелов предан, как говорит апостол Павел: «Аще бо глаголанное Ангелы слово бысть известно» (Евр. 2,2). И так доколе царь покоится и воскреснет: мы сколько можем, тебе послужим. *Восклонением* же смерть его нарицает... Сие же самое видеть можно в предсказании патриарха Иакова Иуде, при благословении его.»

Особое значение приобретают слова друзей Жениха об украшении Невесты *подобием злата с пестротами серебра* у св. Григория Нисского. *Злато* — Божество Само. *Подобия злата* — те

возможные представления о Божестве, которые способен иметь человек, но которые никогда не постигают полноты Божества, хотя и подобны Ему. *Сребро* — слово, которое отражает славу Божества, но также никогда не может вместить Его полноту. «Всякое учение о неизреченном Естестве, хотя оно, повидимому, представляет всего более боголепную и высокую мысль, есть *подобие злата*, а не самое золото; ибо невозможно в точности изобразить превысшее понятие благо. ...Всякое же слово (*пестроты сребра*. — Г.Ф.), означающее таковые понятия, имеет силу какой-то неделимой точки, которая не может объяснить, чего требует мысль, так что всякое разумение ниже мысли божественной, а всякое истолковательное слово кажется неприметною точкою, которая не может расшириться до всей широты смысла».

И вновь говорит Невеста о Женихе своем:

1.11-13 Народ мой даде воню свою.

Вязание такти брат мой мне, посреде сосцу моею водворится:

Грезн кипров брат мой мне в виноградех Енгаддовых.

1.11-13 Народ мой издавал благовоние свое.

Мировый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает.

Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгедских.

Девы поют о возлюбленных своих. Поет свою Песнь чудная Суламифь: *Народ мой даде воню свою.*

По толкованию Оригена, св. Григория Нисского и св. Кирилла Иерусалимского этими словами Невесты пророчески указывается на помазание Господа Иисуса Христа на погребение не грешницею, а благочестивою женою-мироносицей Марией. Тогда Иуда вознегодовал, что надо было не расточительствовать, а продать это народное чистое драгоценное миро и раздать деньги нищим. Но Господь оправдал эту женщину и ее поступок, а также раскрыл его таинственный смысл — этим был Он помазан, благословлен пойти на страдания, на смерть и погребение. Поступком этой женщины как бы все падшее человечество благословило, помазало Христа — иди, искупи нас, Иисусе возлюбленный наш! Иди и умри, дабы воскресить умершие души наши! А Иуда, прилепившись к деньгам, предал, не благословил, поспешил. Не благословил — и погиб. Не помазал Христа на погребение — и наве-

ки погребся сам. Вот поэтому «где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Мф. 26,13).

Так толкует св. Кирилл Иерусалимский: «О мире же, возлиянном на главу Его (Иисуса), сказано в другом месте: *дондеже Царь на восклонении своем, нарѣ мой даде воню свою*; потому что «возлежашу Ему в дому Симона прокаженного, пришедши жена, сокруши алавастр мира нарѣнаго пистика многоценна: и возливаше Ему на главу» (Мк. 14,3)».

«И дом наполнился благоуханием от мира» (Ин. 12,3) — *нарѣ мой даде воню (благоухание) свое*. Св. Григорий Нисский: «И Господь дает повод храмину, наполненную благовонием, представлять себе весь мир и целую вселенную, сказав: «идеже аще проповедано будет Евангелие во всем мире», благоухание дела сего будет передаваемо с проповедию Евангелия, и самое Евангелие, говорит Господь, будет памятником сей жене». *Нарѣ* — сам Господь Иисус, *даде воню, издавал благовоние* во всемирной проповеди Евангелия.

Мария возлила это нарѣвое миро на главу Иисуса. Ориген: «Итак и ты возьми нарѣ, чтобы излив благовоние на главу Иисуса тебе можно было дерзновенно сказать: **нарѣ мой издал благовоние свое**, и услышать в ответ слова Иисуса: «идеже аще проповедано будет евангелие сие во всем мире, речется и еже сотвори сия в память ея». И твое дело будет проповедано между всеми народами. Когда же ты сделаешь это? Если сделаешься подобным апостолу и скажешь: «Христово благоухание есмы Богу во всяком месте в спасаемых и погибающих (2 Кор. 2,15)»: то добрая дела твои будут нарѣдом».

Св. Григорий Нисский: «Так и невеста-Павел, уподобляющийся добродетелями Жениху, и жизнь живописуя в себе неприступную красоту, из плодов духа: любви, радости, мира и подобных сему видов, мироваря сей нарѣ, сказал о себе, что он — Христово благоухание (2 Кор. 2,15)... между тем как благоухание, по собственному каждого расположению делается для них или животворным, или смертоносным. Как одно и то же миро, если прикоснется к нему кантар и голубь, не одинаково действует на обоих, но голубь от благоухания мира делается более сильным, а насекомое гибнет: так действовал и великий Павел — этот божественный фимиам. Если кто был голубь, подобно Титу или Силуану, или Тимофею, то разделял с ним благовоние мира, по

его примерам преуспевая во всяком добре. А если кто был Димас, или Александр, или Ермоген; то не терпя фимиама воздержания, подобно насекомым, они бежали от благоухания. Почему и сказал благоухающий таковым миром: «Христово благоухание есмы в спасаемых и в погибающих: овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот (2 Кор.2,15-16)».

Прежде чем перейти к следующей строфе песни Суламифи о Возлюбленном своем, как о *вязании такти*, *мировом пучке*, обратим внимание на то, как она Его именует. **Возлюбленный**, или **друг** (согласно масоретскому тексту). Этим означает, как она к Нему относится, выражается ее любовь к Нему. *Брат*, согласно славянскому тексту, переведенному с LXX, где сказано ἀδελφίδος. Ориген же переводит точнее: *племянник (сестричищ у Феодорита)*. Этим наименованием указывается на то, кто Он есть для нее. Ориген и бл. Феодорит усматривают здесь особый таинственный смысл.

Ориген: «Разсмотрим, что хочет сказать названием *племянник мой* церковь, которая говорит это о Племяннике своем? Мы собраны из язычников! Спаситель наш есть сын ея сестры, то есть синагоги. Ибо есть две сестры: церковь и синагога. Следовательно Спаситель, как мы сказали, сын ея сестры — синагоги, муж церкви, жених церкви, есть Племянник своей невесты».

Так же изъясняет бл. Феодорит: «Во-первых узнать нужно, почему невеста называет его сыном сестры своея. Я уже сказал, что *невеста* сия есть церковь, составленная из многих языков. Прежняя же жена женихова был иудейский народ, который по жестокосердию своему разводную книгу себе получил. *Сестрами* же нарицаются потому, что и та и другая происхождением своим от Адама хвалятся. Но жених относительно его человечества, от первой произошел... И так поелику Иудейская синагога, и церковь от язык избранная, суть сестры, и первой сын есть Христос, касательно плотского рождения: та по справедливости невеста нарицает его *сестричищем*, так как он по плоти есть сын сестры ея».

Далее воспеваает Суламифь Возлюбленного своего:

Вязание такти (мировый пучок) брат мой мне, посреде сосцу моею водворится.

Такти — самая чистая самоточная смирна (в отличие от обычной смирны течет из дерева сама, без всякого надреза). Такти входило во священный состав для воскурения на золотом

жертвеннике. *Вязание*, то есть связка, стакти (**мировый пучок**) носили женщины у себя на груди для аромата и благоухания. Невеста сравнивает своего возлюбленного с таким мировым пучком.

Ориген приводит и другое значение слова, которое в LXX переведено как *στακτῆς* (=стакти). Это слово означает также *капля*. На этом значении слова Ориген и бл. Феодорит основывают особое таинственное толкование этих слов Невесты. *Каплей* именуется Сам Спаситель.

Ориген: «Итак, если ты посмотришь на Спасителя моего, низходящего к земному или униженному, то увидишь, каким образом с силою великою и божественным величием стекла к нам некая малая капля. Об этой капле и пророк воспел, говоря: «и будет от капли людей сих, собираем соберется Иаков» (Мих. 2,11-12)... Спаситель называется каплею. Ибо должно было — поелику «вот народы — как капля из ведра» (Ис. 40,15) — чтобы Тот, Кто для спасения всех народов, был всем, сделался, для освобождения их от рабства, и каплею... Итак, поелику все народы как капля в кади (ведре. — Г.Ф.) и как пылинки на весовых чашках (Ис. 40,15); то Он сделался каплею (*stilla*), чтобы чрез Него исходило из наших одежд благоухание смирны (*stillae*)». Как крохотная капля из кадки — таковы народы земли перед Богом. И ради их спасения Господь унижается Сам, становится немощным, малым, как капля, как они сами. И ради них сошла эта Капля на землю и ароматом Своего Божества благоухала Свою Невесту — Свою искупленную Церковь. Сама Капля для капель, ибо большего (моря) не выдержали бы, не оказались бы способны воспринять люди, подобные каплям. Господь унижился и сделался таким же, как сами люди (кенозис — самоистощание Божества), чтобы спасти их. И, наоборот, как часто мы «потопляем» своего ближнего, повергая на него и целое море, или жесткий град, только возвеличивая и утверждая тем себя и нисколько не помогая брату.

Бл. Феодорит: «Поелику Он (Спаситель. — Г.Ф.) снизшел «яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю (Пс. 71,6). Да и Богодухновенные пророки нарицают его каплею: «и будет от капли людей сих, собираем соберется Иаков со всеми (Мих. 2,11-12)». Господь — капля Божественной росы, нисходящая в юдоль земную и источающая здесь неземное благоухание Духа Святого.

Вязание стакти (мировый пучок) — это и есть Сам Господь, и о Нем говорит Невеста, что *Он посреде сосцу моею водворит-*

ся. Это означает, что Жених — Господь не где-то вдали, а во внутреннем ее человеке, в глубинах ее сердца обитает. Об этом так пишет Ориген: «Кто столь блажен, чтобы во внутреннейшем сердца, среди сосцев, в груди своей иметь гостем Слово Божие? Ибо таков смысл того, что поется: *среди сосцев моих водворится*». Подобно и бл. Феодорит: «Посем вещает: *посреди сосцу моею водворится*, то есть, в главнейшей души моя части, как-то в сердце, между сосцами находящемся. А сим показывает исполнение пророчества, о коем сам Бог предсказал тако: «поживу в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут мне людие глаголет Господь Саваоф. Да и сам жених такое дает обещание: «Аз и Отец придем к нему и обитель у него сотворим (Ин. 14,23)».

Ориген усматривает в словах Невесты *посреде сосцу моею водворится* еще и указание на девственность Невесты в противоположность блудницам. И разумеется при этом, конечно, в первую очередь духовное целомудрие в противоположность духовной блудливости и растлению. Так он пишет: «Если сосцы твои не опадут, то среди их будет обитать Божественное Слово. В брачной песни приличнее называть их сосцами, нежели персями. И ясно почему к заявлению сказавшей: *среди сосцев моих водворится*, добавлено: если груди твои не опадут, то среди сосцев твоих водворится Божественное Слово. Откуда я заимствовал сказанное: если не опадут сосцы твои? Из книги Иезекииля. Ибо в том месте, где словом Господним обвиняется Иерусалим, между прочим говорится ему: «в Египте сосцы юности твоя спадоша» (Иез. 23,21). Сосцы девственниц не опадают, а сосцы блудниц опадают широкими морщинами. Сосцы девственниц высоки и надуты силою девственности. Принимают они речь жениха и говорят: *среди сосцев моих водворится*».

Также и св. Григорий Нисский толкует, что Сам Господь является ароматом Невесты и сокрыт в сердце ее, в сокровеннейшем мире ее души. «Вязание, говорит (Невеста), у меня, которые на вые привешиваю на груди, и им придаю благоухание телу, — не какой-либо другой благовонный аромат, но Сам Господь. Он, соделавшись *стакти*, возлежит в *вязании* совести, водворяясь в самом сердце моем; потому что местное положение сердца, как говорят наблюдатели подобных вещей, среди сосцев».

И еще воспеваает Невеста:

1.13 Грезн кипров брат мой мне в виноградех Енгаддовых.

1.13 Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгодских.

Кипер — это небольшое, красивое ароматическое дерево, цветущее пучками, напоминающими гроздья виноградной кисти. Восточные женщины любят это растение и носят его цветы в руках и на груди.

Энгадда (=око искушения) — город-оазис на западном берегу Мертвого моря в пустыне Иудейской. Там в виноградниках насадил Соломон кусты кипера.

С цветущим кипером сравнивает Невеста своего Жениха. «Не для всех он есть кисть Кипра, но для тех, которые достойны Его Цветка... Она не просто говорит: *племянник мой есть кисть кипра*, но с прибавлением: *для меня*, чтобы показать, что не для всех он есть кисть Кипра» (Ориген). Только в верной и любящей Христа душе, Христос цветет, как благоуханный Цветок. А в других душах Он, в лучшем случае, Помощник, Покровитель, Судия, Учитель, а то и вовсе искажен Его образ или даже отсутствует.

Только в душе-Невесте Он — Цветок, *грезн кипров*. Этой душе Он нужен не «по делу», не для помощи, Он — ее цветение, ее аромат! «Христом расцвели» святые *в виноградех Енгаддовых*, «что толкуется, око искушения, то следующее понимать должно: посреде самых искушений, и многима борима (церковь святых. — Г.Ф.), вонь твоей ощущаю сладость: и вертоградам ныне цветущим, (в переносном смысле их разумея мудрецов, книжников и совопросников века сего) приятную цветущаго грозда твоего воню предпочитаю» (бл. Феодорит). Так в этом миру греха и искушений, нежно благоухая, цветет Христос в душах, возлюбивших Его. «Жених, как говорит Премудрость, есть истинный свет, истинная жизнь, истинная правда, и все сему подобное; то, когда кто либо в делах оказывается тем же, чем и Жених, тогда он, смотря на грозд собственной своей совести, видит в нем Самого Жениха, в светлой и чистой жизни, как в зеркале, отражая свет истины» (св. Григорий Нисский).

Св. Григорий Нисский предлагает и еще иное значение. Он говорит, что речь идет не о цвете кипера, а о цвете винограда, только сравниваемом с грезном кипера, который потом обратится в сочный плод истинной кисти винограда. Это означает, что младенчествующие в вере души, каковой была в начале Невеста Песни Песней, воспринимают еще только цвет Христа, а не самый Его плод, то есть имеют еще только надежду на Него, не сподобляясь еще вкушения и упоения Его благодатью и Им Самим.

А бл. Феодорит это сравнение цвет-плод относит и к Самому Христу: «Когда созревая столь есть превосходен, то каковым стиснутый изжат будет, то есть, когда по страдании и тридневной смерти воскреснет».

Теперь Жених вновь обращается к Невесте:

1.14 Се, еси добра, искренняя моя, се еси добра: очи твои голубине.

1.14 О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные.

Жених похвалит Свою Невесту, восторгаясь ее красотой: *Се, еси добра (прекрасна), искренняя моя, се, еси добра.*

Ориген: «Она так говорит жениху: *вот ты прекрасен, племянник мой* (ст. 15), но не присовокупляет: «и ближний мой»; он же, когда говорит ей: *вот ты прекрасна*, присовокупляет: *и ближняя моя...* Невеста, если находится далеко от жениха, не прекрасна; она делается прекрасною тогда, когда соединяется с Словом Божиим. И справедливо она теперь поучается от жениха тому, чтобы она была вполне близка к нему и не удалялась от его бока». Христос-Жених прекрасен и добр, и совершенен Сам по Себе. А Церковь и душа человека прекрасны только если вблизи у Христа, только от Него обретают свою красоту.

Красоту Невесты составляют ее очи. *Очи твои голубине.* «То есть Духа Святаго исполнены: ибо в виде голубя сошел Дух Святый, и сел на жениха. Посему не говорит, яко голубины, но яко голуби, то есть духовные Божественною сиящие благодатию, никакой тусклости не имущие, откровенно видящие славу Божию, в той же образ преобразуемы от славы в славу, яко от Господня Духа» (бл. Феодорит).

Духом Святым зрит Церковь и Духом же Святым зрит верующая душа тайны Божии, да и все в мире происходящее.

Св. Григорий Нисский: «О душе, освободившейся от плотского пристрастия, дается свидетельство, что в очах у ней вид голубицы, то есть что в зрительной силе души светятся черты жизни духовной. Итак, поелику чистым соделалось око невесты, и способным принять в себя черты голубицы; то начинает она посему взирать на красоту Жениха. Теперь дева в первый раз пристально смотрит на образ Женихов, когда в очах у ней голубица. Ибо «никто же может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1 Кор. 12,3)».

Сими очами-голубицами узрев Христа-Жениха, восклицает Невеста Жениху:

1.15-16 Се, еси добр, брат мой, и еще красен: одр наш со осенением, преклади дому нашего кедрови, дски наша кипарисныя.

1.15-16 О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас — зелень; кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы.

Се, еси добр (прекрасен), брат мой, и еще красен (любезен)!

Никого более прекрасного, чем Жених, не знает Невеста, Он один более всех любезен ей.

«До сего места невеста благоуханию жениха удивлялась, теперь же, имея уже просвещенные очи духовныя, от чего и голубиными наречены, красоте его изумляясь говорит: *Се еси добр (сестричишь) мой и красен*» (бл. Феодорит). Св. Григорий Нисский раскрывает и свойство этой красоты: «Но Ты действительно прекрасен, и не только прекрасен, но всегда таков в самой сущности прекрасного, непрестанно пребывая тем, что Ты Сам в Себе, не временем цветешь, а в другое время перестаешь опять цвести, но вечности жизни спротяжена Твоя красота; ей имя — человеколюбие».

Невеста именует Жениха *братом* своим, так как Господь стал человеком «первородным между многими братьями» (Рим. 8,29). Приняв естество человеческое, Бог стал *братом* — человекам. Св. Григорий Нисский: «По причине явления Божества Твоего по плоти, прекрасно Ты наименован Братом возлюбившей».

И вот Невеста уже не просто беседует с Женихом, но настало время их теснейшего общения. Речь идет об одре и доме их из кедра и кипариса. Возможно, что речь идет о дворце Соломоновом из кедров ливанских.

Итак, таинственные 1. *одр*, 2. *преклади кедрове* и 3. *дски кипарисныя*.

1. Что есть брачный *одр наш с осенением*?

Одром именуется таинственное общение, происходящее между Богом и человеком в Церкви, осуществляемое через вочеловечение Бога и обожение человека. А *осенение* одра — это образ раба, которым как сенью сокрыто «истощание Божества» (кенозис) при нисхождении Господа к людям. Этой простотой прикрыта, приосенена великая тайна сакрального единения Бога с человеком.

Ориген: «И, если не ошибаюсь, *постель* эта есть тело человеческое». Далее Ориген высказывает мысль, что «одр», который

повелел взять и нести исцеленному евангельскому разслабленному Иисус — не постель его, а тело его. «Ибо Сын Божий не для того сошел с неба на землю, чтобы отдавать приказания о постелях...» Через тело возлегает Небесный Жених с человеческой душой.

Св. Григорий Нисский: «*Одром* же именуется невеста единение естества человеческого с Божеством, объясняя оное в применительном смысле, как и великий апостол обручает нас Христу девице, уневещивает душу, и говорит, что прилепление друг другу двоих до общения в одно тело есть великая тайна единения Христова с церковью (Еф. 5,32)... По сей тайне душа-дева общение с Богом наименовала *одром*. А сим *одром* не иначе возможно было сделаться, как в следствие пришествия к нам Господа *приосененного* телом». То есть, по святому Григорию, тело, которое принял Господь, и было той сенью, которой приосенен был одр общения души человеческой с Богом. Св. Григорий восклицает от лица девы-души: «А если бы не приосенил Ты Сам Себя, пречистый луч Божества прикрыв зраком раба, кто стерпел бы твое явление? Не бо узрит кто лице Божие, и жив будет (Исх. 33,20) Посему Ты, прекрасный... пришел, лучи Божества приосенив покровом тела».

Видя здесь также теснейшее общение души с Богом, иным образом объясняет это сравнение бл. Феодорит: «*Одром* же, по мнению моему, нарицает Священное Писание, посредством которого жених и невеста взаимно духовным союзом сопрягаются. И жених убо подает семена слова, невеста же приемля их зачинает, и носит в утробе и чадородствует. Одром же *со осенением* называется, поелику он, Божественною приосеянием благодатию, от зноя греховнаго свободен».

2. *Преклади дому нашего кедрови,*

3. *дски наша кипарисныя.*

Душа человека и святая Церковь — *дом*, в котором происходит сочетание души с Богом. В этом доме есть *перекладина* из *кедра* и обшивка из *кипарисовых досок*.

Величественный, вечнозеленый, очень твердый и совершенно не гниющий ливанский *кедр*, достигающий по возрасту от двух до трех тысяч лет — символ нетления и вечности.

Темный, также вечнозеленый, конусообразный *кипарис* весьма благовонен и ароматен. Из него делали саркофаги. Ароматом, нетлением и формой кипарис служит символом смертной печали и вечной нетленной загробной жизни.

Святые отцы, толкуя этот текст, берут духовное значение на основе свойств нетления и благовония.

Так, св. Иоанн Кассиан, говоря о пагубном на душу действии духа печали, пишет: «Почему, если желаем законно трудиться в подвигах духовной брани, то с меньшим вниманием должны врачевать и эту болезнь. Ибо «якоже молие в ризе, и червие в древе: тако печаль мужу вредит сердце» (Прит. 25,21), — как ясно и определенно выразил силу этой зловредной и пагубнейшей страсти Божественный Дух. Как одежда, изъеденная молью, не имеет уже никакой цены и не гожа более на честное употребление, — и как дерево, червями источенное, уже не на постройку или украшение какого-нибудь здания, хотя бы и посредственного, заслуживает быть отложенным, а на сожжение огнем: так и душа, пожираемая угрызениями всеокрушительной печали, не гожа уже бывает ни для первосвященнического облачения... ни для построения и украшения того духовного храма, которого основания положил Павел, премудрый архитектор, говоря: «вы есте храм Божий и Дух Божий живет в вас» (1 Кор. 3,16), и на который какие идут дерева, то описывает Невеста в Песни Песней, говоря: *преклады дому нашего кедрови, дски наша кипарисныя*. И вот такие-то роды дерев избираются для храма Божия, и благовонныя и негниющия, которые не подлежали бы ни порче от ветхости, ни точению червей». Благовоние и негниение кипариса и кедра — образ души благоухающей надеждою и не подвергающейся растлению от духа печали.

Ориген так объясняет этот текст: «И так, исследуя, какого свойства эти деревья, и замечая, что кедр — дерево негниющее, а кипарис имеет весьма приятный запах, старайся и ты так устроить дом свой, чтобы и о тебе могло быть сказано: *кровли домов наших — кедры, и потолки наши — кипарисы*».

Св. Григорий Нисский видит здесь указания на устройство христианской души: «Он не только Жених, но и домоздатель. Сам и зиждет в нас дом, и служит веществом для здания. Ибо налагает на доме кровлю, украшая дело веществом негниющим, — а таковы кедр и кипарис, в которых свойственная деревьям твердость выше всякой причины гниения».

Дожди искушений обрушиваются, чтобы повредить дом души (Мф. 7,25), посему и должна она, чтобы устоять, устроиться из *кедра и кипариса*. «*Кедры же сии суть Ливанстии, ихже насадил Господь...*» (Пс. 103,16). Итак, *кедры*, то есть добродетели, составляют безопасность дому брачного ложа... *Кипарис* естественно благовонен; он не допускает также гнилости и пригоден для

всякой художественной плотничной работы, по своей гладкости и стройности слоев годен также для резных украшений. Посему, думаю, научаемся мы сказанным, не только по навыку преспевать в добродетелях тайно (кедровые перекладины. — Г.Ф.), но не быть нерадивыми и о видимом благообразии (кипарисовая обшивка. — Г.Ф.). Ибо надлежит промышлять «добрая» пред Господом и пред человеки (Рим. 12,13)».

Бл. Феодорит: «Сии древа приводит здесь для того, что кедр нетленностию, а кипарис благоуханием превосходят прочих; и о том и о другом однако во многих местах упоминает Священное Писание, которое для нас является не только одром, но и домом, и трапезою, и хлебом: и не только сладость благоухания издает, но и нетление, неповреждение, и безсмертие нам приносит». Таким образом, бл. Феодорит как и *одр*, так и *дом* толкует как образ Священного Писания, прилагая к нему свойства, прообразованные этими деревьями, через которое и происходит сочетание души человеческой с превечным Словом.

ГЛАВА 2

Вторая глава дает нам, может быть, самый красивый образ Песни Песней.

2.1 Аз цвет польный, и крин удольный.

2.1 Я нарцисс Саронский, лилия долин!

Происхождение разночтения еврейского и греческого текстов будет объяснено в ч. III, гл. 4.

Несравненна и прекрасна, плодородна и усеяна цветами **Саронская** долина, простирающаяся вдоль средиземноморского побережья Святой Земли. **Роза Сарона**, или, что то же самое, **нарцисс Саронский** — по аромату, цвету и красоте считалась на Востоке царицей цветов. Еще раз этот цветок упоминается в Священном Писании у пророка Исаии и, как и здесь, пророчески указывает на Господа. «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего» (Ис. 35,1-2).

Крин (или **лилия**) — другой прекраснейший цветок, нежной белоснежной красотой украшающий *удолия* земли, то есть ее долины.

Золотой (или розовый) цвет **нарцисса (розы)** Сарона указывает на царское достоинство. Белизна чудной **лилии** — символ чистоты и непорочности.

И вот на бескрайних полях земли явился сей чудный неповторимый *Цветок*, а в глубоких *долинах* сия белоснежная **Лилия**. На землю сошел, и от земли процвел сей *Цвет польный и Крин удольный*. Сын Божий явился с Неба, Сын Человеческий процвел от земли. Об этом так пишут отцы:

Ориген: «*Я цветок поля и лилия долин*. Ради меня, находившагося долу, Он сходит в долину, и, пришедши в долину, делается лилиею. Вместо древа жизни, которое насажено было в раю Божиим, Он сделался цветком целого поля, то есть, целого мира и всей земли».

Бл. Феодорит видит здесь указание на нетварную красоту Христа, а также дает замечательное толкование: просторы *поля* — образ земли, глубины *удолій* — места преисподние. Христос процвел как для живущих на земле, так и для сошедших во ад. «*Аз цвет польный, и крин удольный*. Человеческую только, говорит, доброту (красоту) мою, ибо Бога никтоже когда виде (Ин. 1,18), рассмотрела ты. Я сделался *полевым цветком*, когда земное воспринял тело, и будучи вечный, высочайший и неизмеримый, *крином* учинился, не на горах, или холмах или на полях просто растущим, но в *удолиях* прозябающим. Поелику не только живым, но и мертвым воскресение благовестил, низшед в дольные страны земли, да исполнится Писание. Вот почему именует *себя цветом полевым и крином удольным*, то есть, мертвых ради, коим он от смерти в живот возвращение и проповедал, и даровал».

Св. Григорий Нисский вкладывает эти слова, наоборот, не в уста Жениха, а в уста Невесты, и относит их к ней: «Ибо сие сказует о себе невеста, говоря: ...и я на поле естества соделалась цветом, отличающимся от прочих цветов и доброцветностью и благоуханием; ибо возросла из удолий крином. Читается же сие так: *аз цвет польный, и крин удольный*. Ибо действительно... душа возделана на равнине естества. И слыша о поле, разумею широту человеческого естества, способность его принимать в себя многия и безчисленные понятия, речения и уроки. Итак, обработанная Возделывающим естество наше показанным выше способом душа благоуханным белым и чистым цветом возрастает на поле нашего естества. Поле же сие, хотя, по сравнению с небесным жительством, именуется *удолием*, но тем не менее есть поле, и возделанной на нем душе нет препятствия правильно сделаться цветом».

Однако, вместе с Оригеном и бл. Феодоритом, более общепринято относить эти слова ко Христу, небесному Жениху и божественному *Цветку*, Розе или **Нарциссу Сарона**, процветшему через воплощение Свое в этом дольном мире.

Далее Жених воспеваает возлюбленную Свою:

2.2 *Якоже крин в тернии, тако искренняя моя посреде дщерей.*

2.2 **Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами.**

По образу Божию сотворен человек. Образ Божий воссоздает в человеке Бог воплотившийся. «Христос рождается прежде пад-

ший восстановить образ». Процвел на полях земли **Нарцисс Саронский**, расцвела божественной белизной **Лилия долин**. И вот уже в **терниях** этого мира появляются чистые лилии, праведные и верующие души. Ветер разнес аромат единственной **Лилии**, и вот цветут среди терниев многие. Веяние Духа от Христа, касаясь душ и сердец, производит в них сие священное цветение. Вспомни священное дуновение, производимое священником над приступающим ко святому крещению.

Терния и волчцы исторгла из себя земля по греху Адамову (Быт. 3,18). Но вот явился Второй Адам, и посреди терниев явилась и процвела лилия. Тогда в полноте сбылись слова пророка Осии: «Я буду росой для Израиля (нового! — Г.Ф.); он расцветет, как лилия» (Ос. 14,6), в праведниках своих.

Много **девиц**, подобных **терниям**, но одна Возлюбленная Христова, одна искупленная, одна чистая Невеста, святая Церковь, божественная лилия. Не риторов и философов, не воевод и сильных земли, не богатых с их сокровищами, ее одну возлюбил Божественный Жених. «О, Владыко Господи! ...из всех цветов во Вселенной Ты избрал Себе одну лилию» (3 Езд. 5,23.24).

Ориген: «Похваляя невесту, он (жених. — Г.Ф.) говорит: *Что лилия посреди тернов, то ближняя моя посреди дочерей*. Как лилия не может быть сравниваема с тернами, между которыми она всегда появляется, так ближняя моя над всеми дочерьми есть то же, что лилия посреди тернов».

Бл. Феодорит: «*Якоже крин в тернии, тако искренняя моя посреде дочерей*. Какое различие есть розы и терния, такое преимущество в красоте имеешь ты пред прочими дочерми. Нарицаются же дочерми потому, что удостоены звания (были званы Христом. — Г.Ф.): но что они не избраны еще быть невестою небесному жениху, сему сами они причиною. «Мнози бо», глаголет, «суть звани, мало же избранных» (Мф. 20,16)». Далее бл. Феодорит, размышляя о *дщерях*, конкретизирует еще более: «*Дщерми же повидимому нарицает здесь собрания еретическия, потому что и оне суть званны, хотя и не суть избранны. И их убо тернию, невесту же благовонному уподобляет крину*».

Св. Григорий Нисский видит здесь образ христианской души посреди терниев этой жизни, о которой «Око Жениха... изъявило изволение, чтобы соделалась она криницею, не заглушаемым терниями жизни, которых Жених наименовал дочерьми, молча, как думаю, указывая на враждебные человеческой жизни силы, ко-

торых отец называется обретателем злобы. Посему Жених говорит: *якоже крин в тернии, тако сестра Моя посреде дочерей*».

Прп. Нил Синайский, согласно евангельскому образу (Мф. 6,28), усматривает в сей лилии посреди терниев образ души непечительной о благах сего мира, свободной от всяких забот и сребролюбия. «Не иметь попечений свойственно душе совершенной, а сокрушить себя заботами — душе нечестивой. О совершенной душе сказано, что она *якоже крин в тернии*, а сие означает душу, которая среди заботящихся о многом живет без попечений. Крин и в Евангелии означает душу, не имеющую попечений; ибо сказано: ...не труждается, не прядет, а паче Соломона облачается славой (Мф. 6,28). О тех же, которые имеют много забот о телесном, говорится: «все житие нечестиваго в попечении» (Иов. 15,20). И подлинно нечестиво распространять попечение о телесном на целую жизнь, — и не оказывать никакой заботы о будущем».

После восторженного восклицания Жениха восклицает и Невеста:

2.3 Яко яблонь, посреде древес лесных, тако брат (сестричищ) мой посреде сынов: под сень его восхотех и седох, и плод его сладок в гортани моем.

2.3 Что яблоня между деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей.

По бытующему в христианской среде мнению дерево познания добра и зла в раю, через которое грех вошел в мир, было яблонью. Для спасения людей от греха Господь за дерево дал древо. И вот древо Крестное, даже Сам Распятый именуются *яблонью*. К «яблоку смертному» простерла непослушную руку свою Ева, к *Яблони* истинной и сени ея возжелала душа, жаждущая спасения и ищущая Господа.

От всех дерев рая мог питаться Адам, кроме яблони — древа познания добра и зла. А теперь, наоборот, *посреде всех древес лесных* единственное древо — истинная яблонь, питающая в жизнь вечную. Бывший «райский сад прекрасных деревьев» обратился в бесплодный дикий лес *сынов* человеческих. Древа философов и поэтов, богачей и раздателей благ земных, скоморохов и смехотворцев не могут напитать алчущую душу. И посреди этого леса одиноко и прекрасно цветет и плодоносит *Яблонь* — Христос. К Нему желание души-невесты. «Все деревья, все древесныя

произрастения в сравнении со Словом Божиим почитаются неплодоносными лесами. Для Христа все, что бы ты ни назвал, есть лес, и все бесплодно. Ибо что в сравнении с Ним может быть названо плодоносным? Даже деревья, которые повидимому гнутся от множества плодов, в сравнении с пришествием Его оказываются бесплодными. Посему-то *что яблонь между лесными деревьями, то племянник мой посреди сынов*» (Ориген).

Бл. Феодорит: «Сынами же называет здесь, как и выше дочерей тех, кои, быв удостоены звания, недостойными еще однако себя избрания показали. Сих уподобляет невеста древам лесным, бесплодным: но жениха нарицает яблоком».

Но если естественно сравнение Церкви и праведной души с ересями и нечестивцами как лилии среди тернов, то сравнение Христа-Жениха с нечестивыми едва ли имеет какой-то смысл, а потому вполне оправдано будет под *древями*, столь явно уступающими *яблони*, понимать праведников и отцов Ветхого Завета, которые не могли утолить алчущие души, пока среди них не процвела и не заплодоносила сия Божественная *Яблонь*.

Церковь-душа именуется *лилией*, Жених-Христос — *яблонью*. О различии этих сравнений так рассуждает бл. Феодорит: «Великое есть различие между *яблоком и крином*. Сей бо только очам и обонянию сладкоприятен, яблоко же и зрения чувство, и обоняния, и вкуса услаждает: поелику оно способно ко вкушению и к питанию. Притом невеста крином нарицается, жених же яблоком: ибо он жрется и невесте бывает пищею, невеста же не бывает жрема, но только сладость благовония в себе имеет». Церковь напоена и благоухает Духом Святым, Христос же не только источает аромат Духа как крестящий Духом Святым, но есть и истинная Пища, и предлагает Себя в снедь. «Ибо не Он имеет нужду в наших, но мы нуждаемся в Его благах» (св. Григорий Нисский).

Под сень его восхотех и седох — под кров в тень Божественной Яблони стремится Церковь, там успокаивается душа-христианка. «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится» (Пс. 90,1). Сначала восхотела только Его сени, укрыться в Его тени, то есть под Его покровом и защитой. «Знойных же лучей действия для того убегать тщится, да не паки черна будет» (бл. Феодорит). Но упокоившись под сей Яблонью, возжелала и большего — вкушения от плода его. *И плод его сладок в гортани моеи*. «Плод же, без сомнения, есть учение; ибо про-

рок говорит: «коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим» (Пс. 118,103)» (св. Григорий Нисский).

Так успокаивается и питается в Боге душа-христианка.

Так взаимными приветствиями обменялись Жених и Невеста, радостно устремляясь к пиру Божественной любви.

2.4-5 Введите мя в дом вина, вчините ко мне любовь. Утвердите мя в мирех, положите мя во яблочех: яко уязвлена (есмь) любовию аз.

2.4-5 Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви.

Введите меня в дом вина. Кроме Оригена, все отцы вкладывают эти слова в уста Невесты. Ориген же приписывает их Христу-Жениху: «Жених стоял вне и принят невестою, ибо он почил посреди ея сосцев. Приближеннейшия к невесте отроковицы не таковы, чтобы быть достойными иметь гостем Жениха. Народу он говорит в притчах... *Введите меня в дом вина.* Зачем я так долго остаюсь вне? «Се, стою при дверях и толку. Если кто отворит мне, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со мною» (Откр. 3,20) ...*введите меня*, не просто в дом, но *в дом вина*. Да исполнится вином веселия, вином Духа Святаго душа ваша. Итак, *введите* в дом ваш Жениха, Слово, Премудрость, Истину».

Остальные же все отцы видят здесь воззвание Невесты. Так по св. Афанасию Великому вопиет языческая церковь к Иерусалиму: «И потому умоляю *введите мя в дом вина: вчините ко мне любовь: утвердите мя в мирех, положите мя в яблочех: яко уязвлена любовию аз.* Закон и пророки, не смотрите на то, что я необрезана, но с любовию примите меня. И если я злоухаю дикостию, то ты научи меня, утверди твоим благоговением: *яко уязвлена есмь любовию*».

Так и бл. Августин видит здесь Церковь Христову, уязвленную любовью ко Христу: «Равно и в Песни Песней святая Церковь говорит о себе, что она *уязвлена любовию*, как бы получила рану от стрелы, пущенной любовию».

По св. Григорию Нисскому, здесь речь о любомудрой душе. «Она жаждет еще, и такова сила жажды, что не довольствуется чашею премудрости, для утоления жажды не почитает достаточным влить в уста целую чашу, но домогается, чтобы ввели ее в самый *дом вина*, чтобы примкнуть уста к самым точилам, изливающим сладкое вино, увидеть грозд, сгнетаемый в точилах, и ту

виноградную лозу, которая питает таковой грозд, и Делателя истинной виноградной лозы, соделывающего грозд сей столько питательным и приятным».

О *Доме вина* размышляет бл. Феодорит: «*Домом вина*, кажется мне, Божественная нарицает точила, о коих говорит пророк: «Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни (Пс. 83,2-3) ...«Точилами» Церкви Божия нарицает, в коих духовное вино, яко в тисках выдавляемое, благочестивых души веселием услаждает по оному: «Упияются от тука дому твоего, и потоком сладости твоя напоиши я» (Пс. 35,9)».

Итак, Христова Церковь, Небесный Иерусалим, есть истинный *Дом вина*, или *Дом пира*, там утоляет жажду за брачной трапезой душа от источника бессмертия — животочной крови Божественного Агнца.

Войдя в Брачный чертог, в *Дом вина*, Невеста взывает: *вчини-те ко мне любовь*, или по Оригену, *упорядочите ко мне любовь*.

Св. Григорий Нисский: «(Невеста) вошедши внутрь (дома вина) устремляется к еще большему. Ибо просит подчинить ее любви, — «любвы» же, по слову Иоанна, «есть Бог» (1 Ин. 4,8), подчинить которому душу, как объявил Давид, есть спасение (Пс. 61,2). Итак, говорит Невеста, поелику я в доме вина, то подчините меня любви, или *вчините ко мне любовь*». Здесь, в Брачном чертоге дома вина, Невеста не желает ничего иного, как усладиться пиром любви, всецело подчиняясь ей, или иначе, всецело подчиняя ее себе, что то же самое. Это — высшее состояние христианской души, предел и край ее желаний.

Всецелое подчинение себя Христовой любви хорошо выражено и в синодальном переводе: **Он ввел меня в дом пира, и зная его надо мною — любовь**. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13), — говорит Христос-Жених. На страшном голгофском Кресте Он положил душу Свою «за други своя». И вот Крест, как **знамя любви**, высоко взметнулся над **домом пира**, над святою Церковью, над каждой искупленной душой христианской. Знамя Крестной любви Христовой — на груди крещенного, через осенение крестным знаменем в молитвах верующих, на куполе храма, на могильном холме, а под знаменем этим — пир, пир веры и любви.

Когда император Константин боролся с Максентием за корону на Западе, то однажды на заходящем солнце он увидел изоб-

ражение креста и надпись: «Сим победишь». На следующий день кресты были нашиты на одеяниях воинов и под знаменем креста он одержал победу. Та победа под знаменем креста стала победой гонимого христианства над уходящим язычеством Древнего мира. Любовь Христова побеждала ненависть, зло и языческие заблуждения.

Основное же значение воззвания *вчините ко мне любовь* святыя отцы видят в христианском учении об упорядоченности в любви. Об этом согласно говорят Ориген, св. Григорий Нисский, бл. Феодорит, бл. Августин. Так, св. Григорий Нисский пишет: «Посему надлежит знать чин любви, предписываемый законом, — как надобно любить Бога, как ближняго, и жену, и врага, чтобы исполнение любви не соделалось каким-то беспорядочным и превратным. Ибо Бога любить должно всем сердцем, всею душою и силою и всем чувством, а ближняго как себя самого, и жену тому, у кого чистая душа, как Христос любит церковь, а тому, кто более страстен, как свое тело; так повелевает установитель порядка во всем подобном Павел (Еф. 5,25.28); и врага любить должно так, чтобы не воздавать злом за зло, но благодеянием вознаграждать за обиду. Ныне же можно видеть, что любовь у многих смешана, беспорядочна, по причине ничем несогласимой нестройности действует погрешительно. Одни и деньги, и почести, и жен, если расположены к ним горячее, любят от всей души и всеми силами, так что желали бы положить за них и жизнь; а Бога только для вида; ближнему же едва оказывают и такую любовь, какую предписано иметь ко врагам; а к ненавидящим имеют такое расположение, чтобы огорчившим отмстить большим злом. Итак невеста говорит: *вчините ко мне любовь*, чтобы воздавала я ее Богу, сколько должно, а каждому из других без недостатка в надлежащей мере».

Бл. Августин, размышляя о двух градах (Граде Божиим и граде князя века сего), приводит пример нарушения порядка в любви, когда сыны Божии вошли к дочерям человеческим. «Ибо и самую любовь должно любить, соблюдая известный порядок, чтобы хорошо любить, что следует любить; чтобы она была в нас добродетелью, делающею жизнь доброю. Поэтому мне представляется кратким и верным такое определение добродетели: Она есть порядок в любви. Почему в святой Песне Песней невеста Христа, Град Божий, поет: *Вчините (упорядочьте) во мне любовь*. Итак, когда сыны Божии (потомки Сифа, по Августину)

нарушили порядок этой соединенной с уважением любви, они пренебрегли Богом и предпочли дочерей человеческих (из потомков Каина)».

Введенная в Дом вина и улаждающаяся любовью Божией, душа (и вся Христова Церковь) взывает:

2.5-6 Утвердите мя в мирех, положите мя во яблочех: яко уязвлена (есмь) любовью аз.

Шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя.

2.5-6 Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви.

Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Очистившись от всякой мирской страстной любви, отрешившись от всего земного, душа становится способной войти в дом вина чистой бесстрастной любви, воспламеняемой Духом Святым. Таких состояний сподоблялись совершеннейшие из христианских подвижников. Поэтому эти слова Песни Песней особо часто встречаются в аскетических творениях.

От этого состояния необходимо отличать страстно-чувственное воспламенение, которое выдавали за истинную любовь к Богу души, находящиеся в духовном обольщении, путая теплоту разгоряченной крови с теплотой Духа Святого. Это особенно свойственно для некоторых западных мистиков. Неочищенная от страстности душа еще не может пребывать в этом состоянии чистой любви, **в изнеможении от любви**, а потому ей более надо находиться в состоянии смирения, самоукорения и покаяния, пройдя через которое она сможет войти и в высшие состояния.

Приведем свидетельства о этом состоянии самих святых отцов.

Прп. Макарий Великий: «И помыслы такой души, беззаветно радующей о божественном и высшем, горят духовной любовью и неудержимой тягой ко все более славным и светлым красотам духа, томятся неутолимой любовью к Небесному Жениху (Песн. 2,5) и, так сказать, вконец расточая малое, рвутся к возвышеннейшему и величайшему, чего уже больше ни словом не высказать, ни человеческим разумом не просветить... так истинно царственные души, удостоившиеся стяжать царственного и владычественного Духа, вобравшие в себя неизменную силу любви и томящиеся безупречным влечением к Небесному Жениху, уже не теснимы порочными страстями. Через великие труды, усилия, долгое подвижничество и совершенное борение с верою они от-

мыты Духом от темных страстей, всегда восхищены небесными духовными таинствами и увлечены разнообразием Божией красоты, в великой жажде ища все лучшего и величайшего. Ибо в Божественном Духе заключена разнообразная и неисчерпаемая, неизреченная и непомыслимая красота, открывающая себя достойным душам на радость и наслаждение и жизнь и утешение, чтобы чистая душа, томящаяся ежечасно сильнейшей и пламенной любовью к Небесному Жениху, никогда уже более не оглядывалась на земное, но была всецело объята влечением к Нему».

Илия Екдик: «И созерцательный ум, когда, влекомый потребностями естества, исходит с неба долу, может возгласить то же, что и тот, кто изрек: есть ли что дивнее Божественной красоты? И какая мысль обрадованнее помышления о Божеском велелепии? И какое чувство так живо и неудержимо, как любовь, Богом возжигаемая в очищенной от всего худого душе, которая от полноты сердца говорит тогда: *уязвлена есмь любовью азъ?*»

Об этом состоянии души так говорится в сказании о святом авве Филимоне [Добротолубие, т. 3]: «И какая любовь так сильна и так неудержима, как та, которая от Бога вливается в душу, очистившуюся от всякого зла? Такая душа от истинного расположения сердца говорит: *уязвлена есмь любовью азъ*. Неизреченны и неизъяснимы блистания Божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажешь, на светлость ли луны, на свет ли солнца, все это неуважительно в сравнении со славою оною, и больше скудно пред лицом истинного света, чем глубочайшая ночь, или мрачнейшая мгла пред чистейшим полуднем. Так передал нам и Василий, дивный между учителями, из опыта познав сие и научившись сему».

Суламифь-Невеста представляется здесь уязвленной стрелой любви Христовой, где Стрелок — Сам Христос Жених. В таком случае, слова *шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя* представляются таким образом. Левая рука стрелка держит лук, и она под головою, то есть под наконечником (острием) стрелы. А правая рука *обимет* стрелу, держа ее за конец, приложенный к тетиве лука. Будучи отпущена, стрела уносится к поражаемой жертве. Уязвленная стрелою Христовой Невеста, изнемогая от любви, просит подкрепления и освежения, подкрепления *миром* (или вином) и освежения *яблоками*.

Об образе уязвления любовью Христовой и изнеможения так рассуждают познавшие таковые состояния святые отцы.

Св. Василий Великий в толковании на Псалом 44 (ст. 6): «Стрелы Твоя изощрены, Сильне». Изощренные стрелы Сильного — это меткие слова, которые, достигая до сердца слушателей, поражают и уязвляют чувствительные души. Ибо сказано: Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди» (Еккл. 12,11)... Ныне же «стрелы Твоя изощрены». Сими стрелами уязвляются души, восприявшие веру и расположенные сильною любовью к Богу. Оне говорят подобно невесте: *уязвлена есмь любовью азъ*. Неисповедимая же и неизреченная доброта Слова — это красота Премудрости, и зрак Божий во образе Его. Посему блаженны любозрители истинной доброты. Как привязанные к ней любовью, и воспламеня в себе любовь небесную и блаженную, они забывают родных и друзей, забывают свой дом и имение, не помнят даже о телесной потребности есть и пить, но преданы единой и чистой любви».

Такой «стрелой», посылаемой Божественным Стрелком, для пророка Даниила был архангел Гавриил, уязвлявший сердце его. Святой пророк воспоминает: «И когда он (архангел Гавриил) говорил со мною, я без чувств лежал лицом моим на земле; но он прикоснулся ко мне и поставил меня на место мое» и начал вещать ему таинственное Откровение. Когда оно закончилось, «я, Даниил, изнемог, и болел несколько дней; потом встал и начал заниматься царскими делами; я изумлен был видением сим...» (Дан. 8 гл.).

Это не должно понимать, как обычное обморочное состояние. Так поймет этот текст только материалист, не ведающий ничего подобного. «Без чувств» — это в первую очередь отрешенность от всякой земной чувствительности. Пораженная небесной Стрелой душа уже ничего не чувствует здесь (в том числе, действительно, она уже не ощущает голода, холода, сонливости и проч.). А после вина Любви и откровений Божиих пророк совершенно изнеможен, он болен тем, что видел и ощутил, и не скоро может вернуться к земным делам. Воистину Даниил — «муж желаний» (9,23), к нему влечение и желание Набесного Жениха! О объятия любви, ведомые только возвышенным и святым душам!..

А вот пример юного сибирского подвижника Петра Алексеевича Мичурина (1800-1820 гг.), подвизавшегося в Томской губернии [77]. Петр Мичурин родился в Томской губернии в благочестивой дворянской семье. Проходил военную службу. Был прост,

мягок, приветлив. Ближние любили его. Но он так возлюбил Бога, что был совершенно неприспособлен к делам этого мира. Получив отставку от службы и благословение родительское, ушел к пустынникам. Там жил под руководством некоего старца Василиска. Подвизался в строгом воздержании и детском послушании старцу.

«Старец Василиск указал ему больше всего заботиться о внутренней молитве, и научил его такой молитве. А Господь даровал ему такой дар этой молитвы, что часто он находился как бы вне тела, и все существо его трепетало радостью молитвы. И любовь к Богу с такой силою охватывала его, что он, будучи не в состоянии скрыть ее, громко взывал к Богу и восторженно благодарил Его. Иногда он чувствовал благоухание, превосходящее все ароматы. Иногда старец спрашивал его, зачем он так громогласно зовет и плачет во время молитвы, когда Христос заповедал молиться втайне. А Петр отвечал откровенно и смиренно: «Прости, отче! Не могу стерпеть, чтоб не кричать. Ибо я вижу духовными очами моими, как Владыка мой, Христос Господь, пред мной неповинно страждет и истязуется жидами. Его пресвятое Тело избито и истерзано, как ветхое рубище. Животворящая Его Кровь течет потоками. От того я не могу терпеть. Прости меня, отче!..

Погруженный в светлые видения, чуя здесь на земле точно спускавшееся к нему небо, он неспособен был к внешней деятельности. Когда он ощущал вдруг, что сердце его переполнено безграничным желанием Бога, он не в силах был удерживать себя, и даже при посторонних неудержимо плакал».

От сильного огня Божественной любви быстро сгорела его свеча. В этом мире он был чужой. В 20 лет, будучи от Бога сподоблен высших духовных состояний (он умер), его душа, как последняя искра догорающей свечи, унеслась к Небу. Это случилось так. После беседы со старцем «Петр изменился в лице и посмотрел: направо с радостным чувством, а налево с гневом. Потом он быстро посмотрел на небо, стал на колени и опустил голову к столу, словно задремал. Спустя некоторое время старец, думая, что он уснул, стал будить его. Но он был уже бездыханен».

Вернемся к толкованию текста.

Св. Василий Великий дает еще одно хорошее сравнение стрел, поражающих любовью Христовой: «Под изощренными стрелами можешь разуместь и посланных сеять Евангелие в целой вселенной; они по своей изощренности сияли делами правды и неощутитель-

но проникали в души поучаемых. Сии-то стрелы, посланные повсюду, приуготовили народы к тому, что они пали к стопам Христовым». И в другом месте св. Василий Великий говорит: «Что предивнее божественной красоты? Какое помышление радостнейше паче мысли о Божеском благолепии? Какое вожделение души так сильно и неутолимо, как то, которое от Бога внедряется в очищенную от всякого зла душу, которая тогда искренно из глубины своей вызывает: *уязвлена есмь любовью азъ*» [25, т. 5, стр. 402].

Бл. Иероним также размышляет о божественной Стреле, толкуя слова из пророка Исаии 49,2. Господь «соделал Меня стрелою изострленною; в колчане своем хранил Меня». «...Христос из многих стрел и весьма многих сыновей есть единая избранная стрела и Единородный Сын: ее сокрыл в колчане Своем, то есть в теле человеческом, чтобы в Нем телесно обитала полнота Божества. Но редко Он принимается с верою, как и выше говорится: «Ты Бог сокровенный, а мы не знали» (Ис. 45,15). Получив от этой стрелы рану, и невеста говорит в Песни Песней: *я ранена любовью*».

Об уязвлении стрелой любви так пишет св. Иоанн Златоуст: «И если ты, возлюбленный, облагородишь свою душу этими подвигами (милосердия и любви к ближнему своему), если так украсишь себя, то и тебя возлюбит Божественное Слово. Оно коснется твоего сердца и привлечет тебя к Божией любви. Тогда и ты произнесешь вместе с Премудрым (следующия) слова: *Увы мне, уязвлена есмь любовью азъ!* — так как души святых поражаются любовью к Богу, как стрелою. Не хочешь ли ты, возлюбленный, услышать об этом же и от самой Стрелы, произнесшей (это)? Открой книгу (пророка) Исаии и там ты найдешь следующие слова, произнесенные (самою) Стрелою: «Положи мя, — сказал Бог Слово, — яко стрелу избранну и в туле своем скры Мя» (Ис. 49,2). Уязвленный этою стрелою, Иеремия (пророк) говорит Ему: «Аз же не утрудихся Тебе последуя и дне человека не пожелах» (Иер. 17,16). Раненный в самое сердце этою стрелою, Давид (пророк) воззвал к Нему: «Прильпе душа моя к Тебе, мене же прият десница Твоя» (Пс. 62,9). Уязвленный этою же стрелою, Петр (апостол) отвечает Господу следующими словами: «Господи! Ты веси, яко люблю Тя» (Ин. 21,15). Павел (апостол), уязвленный этою же стрелою и пребывая (таким образом) связанным со Христом, воскликнул (следующее): «Кто ны разлучит от любви Христовы?» (Рим. 8,35). Сама святая Церковь, уязвленная

этою стрелою, произнесла (следующия слова): *Увы мне! уязвлена есмь любовию азъ*. Видишь, возлюбленный, воздыхания сердца, привлекающая к себе Небеснаго Жениха Христа!»

Ориген: «*Я уязвлена любовию*. Как прекрасно, как привлекательно получить рану от любви! Иной принял в себя стрелу плотской любви, другой уязвлен земною страстию; ты же обнажи члены свои и предоставь себя стреле избранной, стреле прекрасной, ибо стрелок есть Бог».

Изнемогая от любви, Невеста просит: *Утвердите мя в мирех, положите мя во яблоцех*. Она желает укрепления миром и освежения яблоками. Св. Григорий Нисский так объясняет это желание ее. Состояние упоения любовью легко утратить. В нем надо утвердиться. Как? «Сохранить непреткновенность в прекрасном есть добродетель. Посему желающий быть утвержденным в *мирех* домогается себе твердаго пребывания в добродетелях. Ибо добродетель есть мир, потому что она удалена от всякаго зловония грехов». Как вера без дел мертва (Иак. 2,26), так и любовь не может оставаться просто в чувствах, но должна непременно утвердиться в добрых делах.

Положите мя во яблоцех (освежите меня яблоками). Яблонью именуется сам Христос. Белесоватое яблоко с красным румянцем — образ Плоти и Крови Христовой. Во святом причащении — украшение нашей любви, в нем же и божественная свежесть, прохлада и отдохновение изнемогающей души.

Уязвленная любовью Невеста говорит об объятиях своего Жениха: *Шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя*.

Эти объятия Небеснаго Жениха можно разуметь в двух значениях.

Первое значение.

Ориген, св. Григорий Нисский, бл. Феодорит указывают на слова Притчей Соломоновых о Божественной Премудрости: «Долгоденствие — в правой руке ее (Премудрости. — Г.Ф.), а в левой у нее — богатство и слава» (Прит. 3,16). Долгоденствием с одной стороны, богатством и славой — с другой стороны обимает Господь любящую Его душу. В Ветхом Завете это означало материальное благополучие и земное долголетие, которыми Господь сподоблял праведников. Во времена новозаветные это, в первую очередь, должно разуметься духовно. Долгоденствие (от *десницы* Господней) — это не большое количество лет, а достижение совершенного возраста во Христе, «в меру полного возраста Хрис-

това» (Еф. 4,13). Прп. Иоанн Лествичник в тридцати ступенях показал восхождение по тридцати добродетелям в меру возраста Христова. Так, прп. Макарий Великий уже к тридцати годам был духовным старцем. Долгоденствие соответствует православному духовному старчеству. В достижении же просто многих лет жизни нет ничего важного, если не достигнут возраст Христов. Богатство и слава (от *шуйцы* Господней) — это сокровища Царства Небесного и слава его. Об этом богатстве говорит Господь: «Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6,20). Претерпевая здесь поношения, такая душа радуется и веселится, ибо многа ее мзда на небесах (Мф. 5,11-12).

Второе значение.

Своеобразное толкование дает еще бл. Феодорит: «Под именем *десницы* разумея благоденствия Его (Жениха-Господа), а под именем *шуйцы* Его наказание, когда слышим Невесту глаголющую *шуйца его под главою моею*, то сие значит, что она наказания Божеского уже превыше есть и ему не подлежит, понеже она с Женихом спряглась, и Его со всяким благоговением почитает. *Десница его обимет мя*, то есть, благоденствиями своими меня украсит, и как бы объемля и желание мое исполняя, оными меня осыплет». Праведные, Церковь Христова не окажутся по левую сторону от Престола Всеправедного Судии, но наследуют правую участь во Царствии Божиим.

Можно и несколько иначе разуместь, что Господь любящую Его душу приемлет в Свои объятия наград и наказаний, милости и строгости, правды и любви. Какая любящая Господа душа не ощущала на себе этих объятий Христовых, Его десницы и шуйцы?! Через то и другое Господь привлекает душу к Себе, к Своему божественному сердцу!

Так понимал эти слова св. Иоанн Кассиан Римлянин. Этому последнему значению и отдаем мы предпочтение, как наиболее образному, яркому и соответствующему значению текста. Ведь при объятии шуйца не отвергается, но любезно приемлется, как и десница. Ведь сказал же некто, Богом возлюбленный: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?.. Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет Имя Господне благословенно!» (Иов, получивший в объятиях Божиих великие блага и великие скорби, 2,10; 1,21).

Далее следует священное заклинание, многократно проходящее через всю Песнь, как некий припев (2,7; 3,5; 8,4):

2.7 Заключ вас, дочери Иерусалимли, в силах и крепостях села: аще возставите и возбудите любовь, дондеже восхощет.

2.7 Заклинаю вас дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Текстологический разбор этого заклинания и различного его звучания в еврейском и греческом текстах, а также в иных переводах, представлен в ч. III, гл. 4.

Ориген, св. Григорий Нисский, бл. Феодорит, пользуясь греческим текстом, дают одинаковое толкование этого священного заклинания.

Невеста закликает дочерей Иерусалимских. Невеста — душа совершенная, уязвленная любовью к Богу, ведающая Его священные объятия. *Дщери Иерусалимли* — дочери церковные, ибо святая Церковь есть «вышний Иерусалим свободен: он — мать всем нам» (Гал. 4,26). Но это души несовершенные, в которых еще спит любовь к Жениху-Христу. Традиции и обряды, скорби и печали, привычный образ жизни, нравственный долг держат этих людей в Церкви, но свеча сердца еще не воспламенена любовью ко Христу. Такие люди либо чтут святых, никогда и не думая сами подвигнуться к святости, либо даже и посмеиваются над желающими жить благочестиво, порою считая их «больными», «не вполне нормальными» или желающими отличиться и чем-то выделиться. И вот Невеста, любящая Христа душа, томится от такого окружения и закликает их *возставить и возбудить* в себе *любовь* к Богу.

Бывает клятва и бывает заклинание (не путать еще с третьим — проклятием). Клятва — это когда человек удостоверяет истинность своих собственных слов или намерений. Заклятие — это когда кого-то иного клятвенно побуждают совершить что-либо. В данном случае Невеста **заклинает** дочерей Иерусалимских, побуждая их разбудить в себе любовь Божию, «заклятием руководит их к жизни добродетельной, к неусыпной и бодрственной любви» (св. Григорий Нисский, Ориген: «Пробудили ли вы и возставили ли любовь? Доколе будет спать в вас, о дочери Иерусалимские, о отроковицы, любовь, которая во мне не спит, ибо я уязвлена любовью? Но в вас, многочисленные и юные дочери Иеру-

салимския, спит любовь к Жениху. Итак я заклала вас, дочери Иерусалимския, пробудили ли вы, и не только пробудили ли, но и возставили ли существующую в вас любовь?».

Любовь надо не только *возбудить*, но и *возставить*, то есть очистить ее от всякой страстности, сделать ангелоподобной и возвести в высочайшее достоинство.

Возбудить любовь необходимо *дондеже восхощет*, то есть по объяснению св. Григория Нисского «пока не приведет в исполнение воли Своей Тот, кто «всем хочет спастися и в разум истины прийти (1 Тим. 2,4)».

Всякое заклание всегда совершается силою чего-то или именем кого-то. Невеста закликает дочерей Иерусалимских *в силах и крепостех села*.

Бл. Феодорит: «Селом же мир сей нарицает, тако бо и Господь наш, в Священном Евангелии изъясняя притчу, говорит: «А село (поле) мир» (Мф. 13,38). *Силами же и крепостями* села ангельския именуется власти, по Божию повелению мир обходящия». Св. Григорий Нисский обосновывает это сравнение: «Когда говорится в единственном числе: сила, тогда таким речением разумение отсылается к Божеству; а когда то же имя произносится во множественном числе, то представляется словом естество ангельское. Так Христос — Божия Сила и Премудрость (1 Кор. 1,24); здесь единственным числом Писание дает разуметь Божество. «Благословите Господа вся силы Его» (Пс. 102,21) — здесь множественное число: «силы» показывает значение разумного ангельского естества».

Заклание именем ангельских *сил и крепостей* означает, что возбуждаемая в дочерях Иерусалимских любовь должна быть ангелоподобной, чистой, целомудренной, безстрастной, возвышенной к Горнему Престолу. Господь говорит, что в будущем веке и праведники будут, как ангелы Божии, не знающими плотского брака, то есть любовь их будет совершенна, чиста и целомудренна.

Св. Афанасий Великий в диалоге языческой церкви с Иерусалимом, укоряющим ее в прежней нечистоте, вкладывает в ее уста такие слова: «Закон и пророки, не смотрите на то, что я необрезана, но с любовью примите меня. И если я злоухаю дикостию, то ты научи меня, утверди твоим благоговением: *яко уязвлена есмь любовию, и потому заклых вас дочери Иерусалимлии в силах и крепостех села: аще возставите и возбудите любовь, дондеже восхощет*. Заклинаю вас, праотцы, не против сил, ибо это не

позволительно, но силами рая, дабы вы, смотря на него, приняли меня, как Адама. Ибо и там не было обрезания: а ныне возобновляется то, что было при Адаме». Итак, душа силами рая паки вводится в рай, в райский сад любви Божией, благоухающий и цветущий дарами Духа Святого.

Несколько иное значение имеет это заклинание в звучании еврейского текста: **Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной (или: не тревожьте любовь), доколе ей угодно.**

Под **сернами** и **полевыми ланями** опять можно разуместь ангельские силы, но теперь оттеняется не то, что они являются силами духовного мира, а их грация и красота, любезность и привлекательность. Также указывается на скорую помощь, которую они оказывают любящим Христа, на их скоропослушливость. Быстро спускаются с гор горные **серны**, быстро пересекают необозримые поля **полевые лани** — так скоро с небесных высот спускаются на помощь ангелы Божии и скоро пересекают поля сего мира, спеша на помощь **дщерям Иерусалимским**, чадам Церкви Христовой их ангелы-хранители.

А вот значение заклинания в еврейском звучании обратно греческому. Не разбудить любовь в дщерях Иерусалимских повелевается, а наоборот, дочерям Иерусалимским возбраняется будить и тревожить любовь в возлюбленной Женихом Невесте.

Это имеет, во-первых, буквальное значение. Не должно в юношеских душах будить любовь, доколе ей самой угодно будет пробудиться в них. Этим указывается, сколь неуместны раннее чтение любовных книг, просмотр любовных фильмов, не говоря уже о сексуальном просвещении (а точнее — развращении) юношества. Весну не ускоришь, не подстегнешь. Она придет сама, когда ей угодно. Так и весну любви. А всякое искусственное ее возбуждение плохо кончается. Все должно произойти естественно, как в девственной нетронутой природе.

Подобное явление имеет место и в духовной жизни. Весна должна набрать силу прежде, чем потекут ручьи; плод должен созреть прежде, чем сам упадет. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное... время обнимать, и время уклоняться от объятий; ... время любить, и время ненавидеть...» (Екк. 3,1-8). Любовь Христова не может быть возбуждена искусственно. Небесный Жених Христос имеет ключ Давидов (Откр. 3,7). Имя Давид

означает «возлюбленный», то есть Господь имеет «ключ любви», «который отворяет — и никто не затворит, затворяет — и никто не отворит». Господь в свое время затворил сердце фараона, и оно ожесточилось, и никакие казни не могли отворить его. Также Господь в свое время открывает Своей любви сердца людей и народов, и тогда никакие силы ада и гонителей не могут удержать их. Все это в Промысле Его, но не в произволе, что выражается словами заклипания **доколе ей угодно**, то есть это результат внутреннего созревания души или народа под воздействием благодати Божией. В свое время проснулся в любви к Богу первенец Божий — Израиль в Египте, потом и другие народы: греки, римляне, один за другим народы Европы, пока черед не дошел, по словам прп. Нестора-Летописца, в одиннадцатом часу и до народа русского. Так и в жизни человека. Лучи восходящего Солнца — Любви Божией озаряют сиянием спящую душу, и она сподобляется утреннего пробуждения к Богу. А будить в ночи бывает несвоевременно и даже духовно опасно. Это знают пастыри, имеющие душепопечение о вверенных им чадах духовных.

2.8-9 Глас брата моего: се, той идет, скача на горы и прескача на холмы.

Подобен есть брат мой серне или младу еленю на горах Вифильских.

2.8-9 Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам.

Друг мой похож на серну или на молодого оленя.

Уязвленная божественной любовью Невеста слышит голос своего Жениха: *Глас брата моего!*

Бл. Феодорит: «Привыкнув к святейшей с Ним беседе, тотчас глас его узнает, так как и Господь в Евангелии говорит: «Овцы моя гласа моего слушают» (Ин. 10,27); по чуждему же не идут, яко не знают чуждаго гласа (ст. 5). И так узнала Невеста голос Жениха своего: узнала, говорю, как различествует жених от прелюбодеев, и гласа убо прелюбодеев и волков и наемников убегают».

Св. Григорий Нисский в том, что она не видит его образа, а только лишь слышит глас Его (φωνή, что, собственно, означает не голос даже, а звук от Его шагов, ибо Он *идет, скачет*), усматривает указание на то, что она еще не познает само естество Непостижимого, а только лишь получает некое свидетельство от Него. *«Глас брата моего*, говорит она; не вид, не лице, не очер-

тание, указывающее на естество искомого, но глас, доставляющий только догадку, а не твердое свидетельство о том, кто таков издающий глас».

И еще, по св. Григорию Нисскому: *Глас брата моего* — это пророческое возвешение о пришествии Мессии (они слышали, спускающиеся с горних высот, шаги божественной Серны и молодого Оленя), *се, Той идет* — это пришествие Самого Мессии через боговоплощение.

Идет, скачет к Невесте Жених. И вот, «услышав Его, душа соглашается, что ничего своего не имела, но все от Господа, прекрасного своего и цветущего Жениха (Песн. 2,9)» (прп. Макарий Великий). Все доброе, и вообще все было от Него, а теперь она ждет Его Самого, спешит в Его объятия.

В прекрасной картине Небесного Жениха, скачущего подобно серне и молодому оленю к Невесте Своей по горам и прыгающего по холмам, святые отцы усматривали, кроме этой светлой красоты и чувств еще и сокровенные тайны домостроительства нашего спасения.

Ориген: *«Прыгая по горам, перепрыгивая через холмы. Если ты будешь горою, то прыгнет на тебя слово Божие. Если ты окажешься не в состоянии быть горою, но будешь холмом, будешь ниже горы, то оно перепрыгивает через тебя»*. Таким образом, только возвышенные души сподобляются прикосновения Божия, а мимо *холмов* и долин оно проносится мимо. Как многие, живя на земле, мысленно — всегда в долине, а все духовное и божественное остается выше их и проносится мимо них. Разве лишь только «тень Младого Оленя» когда падет на них.

Младой Олень скачет *на горах Вефильских*. «Вефиль» означает «дом Божий». Господь касается тех содействующих души свои домом Божиим. «Ибо горы Вефильские, как видно из толкования имени, указывают на жизнь высокую и небесную» (св. Григорий Нисский). А Ориген распространяет эту мысль и на целые общества. «*Вефиль* значит «дом Божий». Не все горы суть дома Божии, но те, которые суть горы церкви. Ибо существуют и друтия горы, высокие и возстающие против познания Божия (2 Кор. 4,5), горы Египтян и Филистимлян... Будь горою церковною, горою дома Божия, — и придет к тебе жених, подобный серне или молодому оленю на горах Вефиля». Чуждые горы — еретические общества, Вефиль — Церковь Кафолическая, дом Божий. А *холмы* остаются внизу, становясь жилищем и домом для пресмыкающихся, грызунов и змей.

Иное значение видит бл. Феодорит, основываясь преимущественно на переводе Симмаха. *«Се Той идет скача на горы, и прескача на холмы. Подобен есть брат (сестричищъ) мой серне, или младу еленю на горах Вефильских.* Здесь описывает невеста погибель идолам, нанесенную от жениха своего: *горами и холмами* нарицает рощи и капища идольския, в древности обыкновенно на горах строенныя, по которым жених премудростию словес, и силою чудес скача и прескача совсем истребил их и разрушил. Каковой смысл слов сих явственнее выводит Симмах, переведши оныя следующим образом: *восходя противу гор, и скача противу холмов».*

А теперь обратимся к значению самого образа: *Подобен есть брат мой серне или младу еленю.*

Этим сравнением с *серной* и *молодым оленем* указана красота, грация и необыкновенная скорость, с которой небесный Жених поспешает к Своей возлюбленной Невесте, Христос к Церкви, Бог к жаждущей Его душе. А отдельные особенности серны и молодого оленя указывают на некоторые и таинственные особенности Христа-Жениха.

Ориген: «Дикая коза (δωρκάς), то есть серна по физиологическому учению исследователей природы всех животных, получила название от врожденной ей силы зрения. Ибо она названа δωρκάς, то есть серною оттого, что она животное ορκεδερκέστων, имеющее очень острое зрение. А олень есть враг и истребитель змей: дыханием своих ноздрей он извлекает их из нор и, торжествуя над вредом их яда, с наслаждением поедает их. Спаситель мой, быть может, по умственному зрению есть серна, а по делам олень. Какая же это дела? Он умервщляет змей, когда низлагает сопротивныя силы. Поэтому я скажу Ему: «Ты стерл еси главы змиев в воде (Пс. 73,17). *Племянник мой подобен серне или молодому оленю на горах дома Божия».*

Эти качества — божественное зрение горних тайн и власть сокрушать змиев и всякую силу вражью в полях и долинах этого мира Господь передал Своим апостолам и их преемникам, и они уподобились Ему. Поэтому справедливо будет образ серны и молодого оленя перенести от Христа-Жениха к его друзьям — апостолам и их преемникам. Об этом так пишет бл. Иероним: «...Олени — это апостолы и все святые учителя, о которых написано: «имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже» (Пс. 41,1), и в другом месте:

«глас Господень, свершающий елени» (Пс. 28,9), и еще «елень любви и жребя твоих благодатей да беседует тебе» (Прит. 5,19), и у Иова: «исчислил ли еси месяцы оленей, и болезни их отследи ли» (Иов. 39,2-3), и в Песни Песней говорится: *подобен есть брат мой серне или младу еленю на горах благовонных* (Песн. 2,9)». Подобно говорит и бл. Феодорит: «Глас Господа уготовляющего елени, и откроет дубравы». *Еленями* нарицает здесь святых апостолов, коих ноги красны, яко благовествующих благая, яко попирающих змиев, содевающих напасти человекам, и самую причиняющих смерть. Чрез сих апостолов открыты густыя безплодные дубравы, или идольская прелесть: чрез них всякой ныне во храме Божии вещает славу Божию».

Бл. Феодорит обращает также внимание на неслучайность того, что сначала упомянута *серна*, а потом *олень*. Серна через зрение очей указывает на веру, а олень — уже на дела веры, которыми попирается сила вражья. А все начинается с веры: «ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» (Евр. 1,6).

А почему не просто олень, но *молодой олень*? Бл. Феодорит отвечает: «Детищу же еленью уподобляет его потому, что он не только человек был, но еще и Сын человеческий: и не лев только, но еще скимен (щенок) львов. «Возлег» бо говорит, «уснул, яко лев, и яко скимен львов» (Чис. 24,9)». Господь родился от жены и умалился Сам, а теперь и «малых сих» Себе уподобляет, и даже начинающий только в вере, как молодой олень, уже попирает силу вражию.

Во Втор. 14,5 «олень и серна» на пару упомянуты среди чистых животных. Этим означена совершенная чистота небесного Жениха, попирающего всякую нечистоту.

Только что издали был слышен глас шагов скачущей Серны, бегущего Молодого Оленя, и вот Он уже близь:

2.9 *Се, сей стоит за стеною нашею, проглядывая оконцами, приницаяй сквозе мрежи.*

2.9 **Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку.**

Некая *стена* разделяет Бога и человека, но посредством слова через *оконца* и *мрежи* (**решетки**) общение все-таки возможно. Свет не может проникнуть через стену, но может через окна и решетки.

Св. Григорий Нисский толкует это церковно-исторически: «Так понимаем, что пророки суть *оконца*, вводящие свет, ткань же законных предписаний — *мрежи*, а сквозь то и другое проникает внутрь луч истинного света. Но после сего происходит совершенное озарение светом, когда «сидящим в тме и сени» является «Свет» (Мф. 4,16) истинный... Посему сперва лучи пророческих и законных понятий, возсиявающие душе сквозь разумеемые нами *оконца* и *мрежи*, возбуждают пожелание увидеть солнце на открытом небе. И таким образом пожеланное исполняется потом на самом деле». Лучи божественного света, проникшие через пророческие окна и решетки закона, зовут выйти из-за стены и на открытом воздухе узреть само солнце правды Христа, окунуться в свет Нового Завета.

Ориген и бл. Феодорит толкуют этот текст в отношении человеческой души. В этом случае под *окнами* разумеаются человеческие органы чувств. Пять органов чувств суть пять окон, через которые внешний мир и Сам Господь входит в душу и сердце человеческое. А *мрежи* или «сети», — суть искушения, в которые впутывается душа, но и через них ей является Господь.

Бл. Феодорит: «И не взошел еще (Жених. — Г.Ф.) в ложницу ея, но стоя за стеною, проглядывает сквозь окошек, *окошками* же чувства называет: ибо через чувства, так как через окошки, в душу входят и назад выходят как добрые, так и противные им помыслы. Почему пророк Иеремия вешает: «взыди смерть сквозе окно ваша» (9,21). Ибо аще кто «воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем» (Мф. 5,28)». Так же точно объясняет Ориген. Средством прохождения через эти *оконца* в сердце человеческое лучей Божественного света бл. Феодорит называет Слово Божие: «Но знать потребно, каким образом Жених сквозе оконцев, то есть посредством чувств наших проглядывает. Когда в законе Господни поучающиеся день и ночь, Божиим увеселяемся словом, и с внутренним вниманием и разумением о том, еже писано есть, разсуждаем: то чрез сие окна наши отверзаем, и жениха внутрь себя приемлем».

А теперь о *мрежах* и сетях искушений.

Ориген: «Под *мрежами* разумей то, что ты ходишь посреди сетей, и избегай угрожающих тебе подпольных козней. Все полно сетей: диавол наполнил ловушками все... Итак жених показывается сквозь сети, пролагая путь тебе. Иисус сошел на землю, подверг себя сетям мира. Он, видя, что великое стадо человечес-

кое опутано сетями, и что они не могут быть расторгнуты никем иным, кроме Его самого, пришел к сетям, принял тело человеческое, которое находилось в сетях сопротивных сил и разорвал оныя для тебя, чтобы ты сказал: *вот он стоит за стеною нашею, смотря чрез окна, показываясь сквозь мрежи*. Когда Он показался из сетей, Он обращается к тебе: *отвечает племянник мой и говорит: встань, прииди, ближняя моя*; я иду к тебе, я разорвал сети: поэтому прииди ко мне, ближняя моя».

В трактате «О молитве» Ориген пишет: «Таким образом, вся жизнь человеческая на сей земле, как выше упомянуто, есть время искушения. Потому мы должны молиться об освобождении от искушения не в том смысле, чтобы вовсе не быть искушаемыми, — потому что это невозможно, особенно для жителей земли, — но чтобы в искушении нам не падать. Побеждаемый же от искушения, по моему мнению, есть тот, кто впадает в оное и запутывается в его сетях. В эти-то сети ради уловленных в оные и вошел Спаситель; и зря чрез сеть, как говорится в Песни Песней (2,9), отвечает Он попавшимся в оную и впадшим в искушение и взывает к ним, как к своей невесте: *встань возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди (2,10)*» [43].

Есть множество примеров, когда Возлюбленный, Небесный Жених **мелькает сквозь решетку, показываясь сквозь мрежи**. Похищена Сарра у Авраама фараоном. Но проник Господь **сквозь решетку** и возвратил Аврааму жену его целу и непорочну. То же испытали и Исаак с Ревеккою. Проник Господь **сквозь темничную решетку** и к Иосифу в Египте, сделав раба и узника правителем страны. Лучи Божественного солнца сверкнули и проникли и к Даниилу в глубокий ров, где он был со львами, и к трем отрокам в огненную печь. Проник Господь и **сквозь решетку темницы**, в которую заключили иудеи святых апостолов, извлек ангельским посещением Петра, цепями скованного в темнице. И блаженного Павла с Силой через землетрясение посетил Жених церковный ночью в темнице.

Был случай, когда глубокой рождественской ночью в тюрьме (при коммунистическом режиме в России) в одной камере запели «Рождество». Пение было подхвачено в другой камере, в третьей... И воспрепятствовать этому было уже невозможно. «Луч вифлеемской звезды» — свет Христа-Богомладенца проник **сквозь решетку**, позвал Невесту — и вострепнулись души и сердца исповедников и узников российских.

Явился Жених церковный и зовет Невесту.

2.10-14 Отвещает брат мой и глаголет мне:

Восстани, прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя. Яко се, зима преиде, дождь отиде, отиде себе: цвети явишася на земли, время обрезания приспе, глас горлицы слышан в земли нашей: смоковь изнесе цвет свой, виногради зреюще даша воню.

Восстани, прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя, и прииди.

Ты, голубице моя, в покрове каменне, близ предстения: яви ми зрак твой, и услышан сотвори ми глас твой: яко глас твой сладок, и образ твой красен.

2.10-14 Возлюбленный мой начал говорить мне:

встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние.

Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лице твое приятно.

В этом призывании Невесты своим Женихом можно усмотреть несколько значений.

Св. Кирилл Иерусалимский истолковывает это призывание Невесте восстать после зимы, как Воскресение Христово. И весна, и камень, и цветы, и прочее обретают здесь свое буквальное значение.

«И откуда востал Спаситель? В Песни Песней говорит: *восстани, прииди ближняя Моя*, и в следующих стихах: *в покрове каменне*. Покровом каменным назван бывший тогда покров перед дверью спасительного гроба, изсеченный, как обыкновенно бывает здесь при гробах, из того же камня. Ныне не видно его*, потому что преддверие сие отбито тогда для настоящего благолепия. А прежде нежели гроб устроен царскою щедростию, покров сей был наперед камня. Но где же сей камень, имеющий покров? Лежит ли он среди города, или около стен, или на конце города? И внутри ли древних стен,

* Св. Кирилл пишет в середине IV века.

или в предстениях сооруженных впоследствии? На сие говорит в Песни: *в покрове камене, близ предстения*.

В какое время года встает Спаситель? Во время ли лета, или в другое? В тех же Песнях, немного выше сказанного, прямо говорит: *зима преjde, дождь отъиде, отъиде себе. Цвети явишася на земли, время обрезания приспе*. Земля не полна ли теперь цветов, и не обрезают ли виноградные лозы? Видишь, упомянул теперь и о том, что зима уже прошла, потому что с наступлением сего месяца Ксанфика начинается уже весна. А время сие есть первый у евреев месяц, в котором праздник Пасхи, прежней прообразовательной, и нынешней истинной. Это есть время — сотворения мира. Ибо Бог сказал тогда: «да прорастит земля былие травное, сеющее семя по роду и по подобию» (Быт. 1,11). И сие: «по образу» человек удержал, а оно: «по подобию» помрачил в себе непослушанием. Посему в то же время, в какое погубил сие, совершено и исправление. Когда новосозданный человек, преслушав, изгнан был из рая, тогда же уверовавший человек, став послушным, введен в рай. Поэтому тогда же совершилось спасение, когда произошло и отпадение. *Егда цвети явишася, и обрезание приспе*».

Итак, по св. Кириллу, здесь пророчески описана святая Пасха. Там, на Кресте, через истекающую от ребра кровь и воду, уснувший второй Адам — Господь наш Иисус, обрел Себе Невесту — святую Церковь, Новую Еву, Матерь всех живущих в Духе Божиим. В ту весну совершилось божественное обручение Христа и Церкви.

Св. Афанасий Великий под *зимой* понимает времена проходящего Ветхого Завета, наступает весна Нового Завета, Суламифь-Иудея призывается к Жениху-Мессии, своему «Небесному Соломону». «Потом Слово, облеченное в плоть, призывает древний народ, так как ему первому вверены были слова Божии, таким образом: *восстани, прииди, ближняя моя, голубице моя: яко се зима преjde, дождь отъиде, отъиде себе: цвети явишася на земли, время обрезания приспе, глас горлицы слышан в земли нашей: смоковь изнесе цвет свой, винограды зреюще даша воню*. Уча таким образом, Он показывает, что первый народ (иудеи) принял и содержал сень законную только до времени, и увещевает, как знающего глас горлицы». Судя по всему, св. Афанасий под *гласом горлицы* понимает здесь глас пророческий. Древние иудеи знали пророчества о Мессии, знали, что времена Моисеева Завета должны пройти. Должны пройти *зимние дожди* страданий и мытарств израильского народа, должна наступить Весна Мессии. И

вот Он пришел и зовет Свой народ. Сын Человеческий пришел «к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10,6).

Подобно св. Афанасию, и Ориген, св. Григорий Нисский и бл. Феодорит излагают этот текст как явление новой благодати, весны духовной, которую принес Христос после зимы ветхозаветных времен и времен совершенного греховного неведения и нечестия. Совпадая в основной мысли, их толкования расходятся только в некоторых частностях.

Восстани, прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя. Яко се, зима прейде, дождь отыде... Христос творит новое творение. «Древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5,17), «се творю все новое» (Откр. 21,5). Настает Новый Завет.

Ориген: «Почему Он говорит: *встань*? Почему *прииди*? Я выдержал за тебя ярость бурь; Я принял на себя волны, которые угрожали тебе. Ради тебя душа Моя сделалась прискорбною даже до смерти. Я воскрес из мертвых, уничтожил жало смерти и разрешил узы ада, и потому говорю тебе: *Встань, прииди, ближняя моя...*

В последовательности: 1. *восстани*, 2. *прииди*, 3. *ближняя моя*, 4. *добрая (прекрасная) моя*, 5. *голубице моя* св. Григорий Нисский усматривает духовную последовательность (как он ее и везде видит в смене образов и характеристик Невесты). Синодальный перевод, кстати, теряет эту последовательность образов.

1. *Восстани!* — Невеста услышала слово, услышала призыв и восстает от «зимнего сна», кончилось для нее время неведения и греховной ночи и хлада, она, воспрянув, восстает к новой жизни. «Встань, спящий, и воскресни из мертвых...» (Еф. 5,14).

2. *Прииди* — пробудившись от слова, очнувшись, восстав, она теперь *идет* навстречу Жениху, прилагаются усилия, совершаются дела, чтобы достигнуть Христа.

3. *Ближняя моя*. «Бывшие некогда далеко, стали близки» (Еф. 2,13) — сказанное здесь об иудеях и язычниках, обратившихся ко Христу, справедливо сказать и в отношении людей и Бога. Явилась благодать, приходит Бог, человек выходит навстречу Ему, они теперь близки и возлюблены.

4. *Добрая (прекрасная) моя*. «Посему и зеркало естества человеческого не прежде стало прекрасно, но уже после того, как приблизилось к прекрасному, отразило в себе образ Божественной красоты. Как имело оно в себе вид змия, пока лежало на земле, и на него взидало; так подобно сему, поелику востало, лицом к лицу стоит с добром, а порок оставило позади себя, то, на что взирает,

образ того и приемлет на себя. Взирает же на первообразную красоту...» (св. Григорий). «Встань спящий, и воскресни из мертвых», — уже приводили мы слова св. апостола Павла, но дальше он добавляет: «и осветит Тебя Христос». Вот отблеск этого света и делает Невесту прекрасною. Незримый свет Божества светился и светится в ликах святых, украшая их неземной красотой.

5. *Голубице моя*. «Взирает же на первообразную красоту, а красота — *голубица*. Приблизившись через это к свету, делается светом, во свете же отражается прекрасный образ голубицы, разумею ту *голубицу*, образ которой известил о присутствии Святаго Духа (св. Григорий Нисский). Церковь становится духоносна. «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... и все напоены одним Духом» (1 Кор. 12,13).

Итак, вот небесная лестница, вот ступеньки ее: встать, услышав слово; двинуться ко Христу посредством дел; приблизиться к Нему любовью; отразить в себе красоту Возлюбленного; сделаться с Ним одним духом, приняв Духа Его.

Прежнее прошло, начинается новый круг времен. Полный круг времени — семь дней. Восьмой день — уже будущий век. И здесь даны семь признаков нового времени:

1. *Се, зима прейде*, 2. *дождь отъиде, отъиде себе*, 3. *цвети явишася на земли*, 4. *время обрезания приспе*, 5. *глас горлицы слышан в земли нашей*, 6. *смоквѣ изнесе цвет свой*, 7. *винограды зреюще даша воню*.

Прошла зима, явились все признаки весны — нового времени христианской, мессианской эры.

1. *Се, зима прейде*. Бл. Феодорит объясняет: «Время, предшествовавшее Его (Христа. — Г.Ф.) пришествию, *зимою* нарицает: *весною* то, которое после пришествия Его продолжается, летом же будущий ожидаемый век. Посему говорит: *зима прейде*.

2. и *дождь*, то есть строгости законные и тяжкия за преступления казни, *отиде себе*».

Известно, что в Палестине зима — это время дождей, бывает холодно, сыкатно, дует пронзительный северный ветер, едва проходимы дороги.

Св. Григорий Нисский видит в *зиме* образ греховного состояния людей после грехопадения и до пришествия Христа. «Многоименным делает зло, придавая ему наименования по различиям действий... все сии и подобные сим зимняя невзгоды представляй себе в иносказательном значении. Что значит отцветающее и увядающее

зимою? Что — падающее с вершин и разрешающееся в землю? Что — умолкающий голос певчих птиц? Что — ревущее водами море? Что — идущий при этом дождь? Что — дождевые капли? Как дождь отходит себе? Ибо всем этим загадочное изображение таковой зимы означает нечто одушевленное и произвольное...» Св. Григорий не объясняет подробно каждое из этих сравнений, но видит в них указание на увядшее от греховного холода человеческое естество. Иссохла зелень добродетелей, свирепствуют бури многих страстей.

Но проходят времена неведения и бесчестия.

3. *Цвети явишася на земли.*

Св. Григорий Нисский: «Но вот пришел Сотворивший весну душ наших... и все пришло в тишину и благоведрие, все снова начинает расцветать, и наше естество украшается свойственными ему цветами. Цветы же жизни нашей суть добродетели, которые ныне цветут, плод же свой приносят во время свое. Поэтому говорит Слово: *зима преjde, дождь отъиде, отъиде себе: цвети явишася на земли, время обрезания приспе*. Видишь, говорит, луг цветущий добродетелями? Видишь целомудрие — этот белый и благовонный крин? Видишь стыдливость — эту розу? Видишь эту фиалку — Христово благоухание?»

Бл. Феодорит: «*Цвети явишася на земли*. Здесь достопримечательна тонкость выражений. Не сказал бо «плоды», но цветы: ибо совершенное благих воздаяние добродетельным людям последует в будущей жизни, кои пока zde пребывают, с блаженным вещают Павлом: «Ныне же вижду яко зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу» (1 Кор. 13,12)».

Некогда безжизненная земля процвела цветами добродетелей святых Христовых, и вот:

4. *Время обрезания приспе*. Имеется в виду обрезание сухих ветвей после зимы. Оставляются только плодородные ветви.

Ориген: «Обрезание есть отпущение грехов. Ибо всякую ветвь, говорит Спаситель, пребывающую во Мне и приносящую плод, Отец Мой очищает, чтобы она принесла более плодов (Ин. 15). Приноси плоды, и прежнее, что в тебе бесплодно, будет извергнуто вон. Ибо время обрезания наступило».

Также объясняет бл. Феодорит: «*Время, говорит, обрезания приспе*, или как Симмах и Аквила перевели, очищения: ибо по пришествии Господа нашего таковое очищение получили все языки».

Господь взывает к Израилю: очистишь от сухих ветвей фарисейского законничества и нечестивых дел своих и встречай Же-

ниха-Мессию. Взывает и к язычникам, чтобы отсекали, обрезали от себя свое идолопоклонческое заблуждение и нечестие и встретили своего Спасителя, Весну Нового Завета.

А св. Григорий Нисский, столь прекрасно описавший «показавшиеся на земле цветы» добродетелей, взывает: «Почему же не соплетаешь из них (цветов добродетелей) венца? Теперь время, в которое собравшему надлежит украситься плетением таковых венцев, *время обрезания приспе*».

Итак, Невеста должна обрезать сухие ветви бесплодных дел, а также собрать и сплести венок цветов добродетелей и в нем встретить Жениха-Христа.

5. *Глас горлицы слышан в земле нашей.* Горлица — перелетная птица, живущая высоко на вершинах скал и утесов, прилетает в Палестину в начале весны, возвещая гласом своим конец зимы.

По еврейскому тексту говорится не о *времени обрезания*, а о **времени пения**, и относится оно в таком случае не к обрезанию сухих ветвей и цветов, а ко времени пения горлицы.

Ориген понимает под *гласом горлицы* глас ветхозаветных пророков, а бл. Феодорит, наоборот, учение новой благодати. Но гораздо лучше принять толкование св. Григория Нисского, слышащего в *гласе горлицы в земле нашей* глас вопиющего в пустыне Иоанна Крестителя, возвестившего начало весны, приближение Царствия Божия и Нового Завета. «*Время обрезания приспе*. О сем свидетельствует тебе глас горлицы, то есть «глас вопиющего в пустыне (Мк. 1,3); ибо горлица эта — Иоанн, этот Предтеча светлой весны, указующий людям прекрасные цветы добродетели и предлагающий их намеревающимся стать собирателями цветов; потому что указывал на Цвет от корени Иессеева, на Агнца Божия».

Голос горлицы слышен *в земле нашей*. Можно понимать под нею пустыню, в которой проповедовал Иоанн Креститель, или, как объясняет св. Григорий Нисский, «землею, может быть, именует осуждаемых за порочную жизнь, какими Евангелие представляет мытарей и блудниц. Ими услышано было Иоанново слово, когда прочие не принимали проповеди».

То, что названа именно *горлица*, указывает на горные высоты. «О горнем помышляйте, а не о земном» (Кол. 3,2). В пустынной земле раздался вест гор. В греховной земной пустыне раздался глас Иоанна Крестителя с гор духовных высот и Царствия Небесного.

Если разуметь под Невестой человеческую душу, то *глас горлицы* — это голос совести, говорящий *в земле души нашей*, и облечающих ее в земных, неблагоприятных, греховных помыслах и делах. А для Израиля Иоанн Креститель действительно и был гласом совести. Он взывал к совести царя Ирода, взывал к совести всех проходящих к нему, чтобы покаяться.

6. *Смоковь изнесе цвет свой*. Цветение смоковницы — один из ранних признаков наступающего лета. «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (Мф. 24,32). Этот образ употреблен для иллюстрации мысли о том, что когда будут сбываться возвещенные пророками знамения последнего времени, то близко Христово пришествие.

Бл. Феодорит: «*Смоковь изнесе цвет свой*, то есть зрелый веры плод, посредством коего и другой плод дел укореняется и утверждается, и не отпадает, но в совершение приходит и наисладостнейшим делается».

7. *Винограды зреюще даша воню*. Зреющий и источающий благоухание виноград означает вино духовного веселия и премудрости Божией, явившееся с весною Нового Завета после зимы Ветхого.

Св. Григорий Нисский: «Так разумеи и зреющий виноград, из которого вино, веселящее сердце, наполнит некогда чашу премудрости и «с высоким проповеданием» (Прит. 9,3)* предложено будет сопиршествникам, с правом почерпнуть в нем доброе и трезвенное упоение, разумею то упоение, в котором человек от вещественного восторгается к божественному. Теперь виноград украшается цветом, и издается им некое благоухающее, приятное и сладостное испарение, срастворенное с объемлющим духом: без сомнения же, наученный Павлом, знаешь этого духа, который соделывает «благоухание сие в спасаемых» (2 Кор. 2,15).

Пришла полнота времен (Гал. 4,4), явился Мессия и зовет Свою Невесту — Церковь: *Восстани, прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя, и прииди*.

Так приближается после зимы греха и неверия Бог к человеческой душе, тревожит ее, будит. Пьянящее действие весны по-

* «Премудрость построила себе дом... заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: «кто неразумен, обратись сюда!.. идите ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное...»

добно призывающему действию Духа Божия, когда наступает духовная весна человеческой души. «Сии признаки прекрасной весны душ наперед указывает Слово Невесте, и принуждает поспешнее насладиться предлагаемым, возбуждая ее своими речами и говоря: *Востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя*» (св. Григорий Нисский).

Далее Жених обращается к Невесте: *Ты, голубице моя, в покрове камenne, близ предстения: яви ми зрак твой, и услышан сотвори ми глас твой: яко глас твой сладок, и образ твой красен.*

Жених желает видеть и услышать Свою Невесту. Где и как? В горах! Вдали от мира и его суеты. «Он хочет, чтоб невеста его была отчуждена сея жизни, почему и Павел апостол в послании ко Евреям говорит: Темже убо да исходим к Нему вне стана, поношение Его носяще» (Евр. 13,13). Он хочет, чтоб она разсуждала не о том, что видит, но чего не видит. «Видимая бо временна: невидимая же вечна» (2 Кор. 4,18)» (бл. Феодорит). Горние места, возвышающиеся к вечному Небу — только там бывают встречи Бога и стремящейся к Нему души.

Согласно тексту LXX, вникая в детали описания места встречи, куда зовет Жених Свою Невесту, можно различить *камень*, в *покрове* которого и должна произойти встреча, и *стену* утеса, ибо речь идет о предстении. Так вот, именно сей *камень*, а не *стена*, становится местом встречи. Святые отцы усматривают в *камне* учение Евангелия, а в *стене* — бывший прежде него Закон. Невеста должна отойти от стены Закона и войти в покров Евангелия, где и явит свой образ и свой голос Жениху. И только там, под сению Евангелия, ее образ и голос будут действительно любезны Ему (*глас твой сладок, и образ твой красен*).

Так бл. Феодорит понимает под *камнем* евангельское исповедание Петра: «*Камнем* же нарицает истинную веру и твердое исповедание: ибо когда Господь спросил учеников своих: «Вы же кого мя глаголете быти Сына Человеческого?» — Петр ответствовал: «Ты еси Христос, Сын Бога живаго», — то Господь рек ему: Аминь, аминь, глаголю тебе, ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолеют ея» (Мф. 16,13-16).

Св. Григорий Нисский: «Ибо из многих мест Писания можно дознать, что *камень* есть Евангелие. Посему смысл сказанного таков: если ты, душа, упражнялась в законе, если сквозь пророческия *оконца* увидела разумением лучи света, то не оставайся

дольше под тению стены закона; потому что стена производит «сень грядущих благ», а «не самый образ вещей»: напротив того, перейди по близости от стены на камень; потому что камень в связи с *предстением*; так как евангельской вере *предстением* служит закон, и во взаимной между собой связи учения одно другому и по силе своей близкия. К заповеди: не прелюбодействуй, что ближе другой заповеди: не пожелай, и к этой: будь чист от убийства, также другой: не скверни сердца своего гневом? Итак, поелику *покров каменный* в связи с *предстением*, то не далек от тебя переход со стены на камень. Обрезание на стене, обрезание и на камне; овца и здесь и там; там кровь, и здесь кровь; там пасха, и здесь пасха; и все почти то же, одним и тем же между собою связано, кроме одного, что камень духовен, а стена перстна».

Что значит, что Жених-Христос желает видеть *зрак* (образ, *лице*) Невесты-Церкви и слышать ее *глас*? И почему *глас* Церкви *сладок* Ему, а *образ* ее *красен*? Потому, что Церковь отражает в себе образ и красоту Жениха своего Христа и Его *глас* звучит в ней уже ее гласом. Бл. Феодорит так пишет об этом: «Тогда *сладок* будет мне *глас твой*, и *образ твой красен*: ибо собственную Мою в тебе, яко в зеркале вижду красоту, и голос твой Моими словами отзывающимся слышу».

И еще: светлые лики праведников и святых, голос чистой молитвы любезны Христу-Жениху. Под сению Евангелия, Благой Вести об окончании зимы и начале живоносной весны, Господь жаждет видеть очищенные лики, вместо обезображенных грехом лиц и рож, фальшивых личин; Он жаждет слышать голос чистой молитвы от глубин сердечных, вместо рева и крика, лжи и скверны, исторгаемых устами нечестивых.

В трактате «Увещание к мученичеству» Ориген своеобразно прилагает текст (2,10-13) к страданиям святых мучеников. Здесь у Оригена зима и весна — времена гонений и искушений, сменяемые временами благоденствия и радости для христиан. Так он пишет: «Не должно нас удивлять то обстоятельство, что столь великое счастье мучеников, связанное с миром, тишиною и спокойствием, начинается погодою, по-видимому мрачною и, так сказать, зимнею. Каждый из избранных первоначально должен испытать зимнее время «на тесном и узком пути» (Мф. 7,14) и через это показать, научился ли он править кормилом, дабы затем воспоследовало то, о чем после перенесенной зимы в книге Песнь Песней говорится. А здесь говорится: *Возлюбленный мой начал*

говорить мне: *Встань, подруга моя, прекрасная моя, голубица моя! Вот, зима уже прошла, дождю конец, он перестал* (2,10-11). И вы должны то помнить, что слово *зима* пришла не иначе может быть понимаемо, как таким образом, что в теперешнюю зиму времени преследования христиан должны вы заявить силу свою и мужество. А когда зима пройдет, дождь кончится и перестанет, тогда *цветы покажутся* (2,12), потому что «насажденные в дому Господнем расцветут в преддвериях Бога нашего» (Пс. 91,14)».

На этом месте обрывается дошедшее до нас толкование Оригена, впервые раскрывшего христианское значение святой Песни Песней. И мы прощаемся с ним, отправляясь дальше под руководством святых отцов, которые все, так или иначе, исходили из его понимания этой святой книги.

О греховной зиме, сменяемой духовной весной в человеческой душе, пишет прп. Макарий Великий:

«Как очи чувственного зрения замечают чувственное солнце, так очи души не могут не видеть умный свет солнца правды (Мал. 4,2). И как ласточки, улетающие в зимнюю пору, когда они не в силах перенести суровость ветров и жестокость холодов, возвратившись весной, когда они находят воздух более мягким и спокойным, а всю землю разогретой, влетают, входя как бы к себе домой, в дома людей и, безопасно садясь на землю и изготовив себе келии, устраивают гнезда и беспрестанно щебечут природными голосами — так и Господь, поселившись в домах наших душ, упокаивается в келье нашего сердца и в ней обитает, дождавшись окончания бурь, злой зимы и мрака; тогда в ней сияют лучи, полные Его сладчайшего света, а весь дом посещает глубокий мир. В весеннюю пору, когда постепенно прибывает и наконец повсюду разливается солнечное тепло, пробудившаяся земля одевается всеми своими травами и растениями; виноградники, все деревья дубрав и все пашни облачаются в зелень, осеняясь юной листвой и украшаясь ярким цветением. И бессловесные живые существа тоже приносят плод, рождая дитя чрева своего, так что со временем появляются юные тела агнцев и иных существ, беззлые и невинные сердца новорожденных младенцев; и все, что еще совсем недавно было сумрачным, тоскливым, недвижимым и бесплодным, теперь вдруг преображается, живет, плодоносит и возрастает. Земля, затвердевшая было от стужи, оттаяв, украшается яркими луговыми цветами; пустынные горы, покрывшись зеленью, расстаются со своей суровостью; все источники, изобилуя

притоком вод, изливают сладкие и прозрачные ручьи, и скачет и веселится всякий род живности крылатой и четвероногой, преобразившись в эту сладостную и благодатную пору, и радуется от обилия пищи.

Но все это — образы духовных и умопостигаемых вещей. От устрашающего мрака и злых ветров наш ум стеснен, скован и бесплоден, все помыслы его придавлены к земле и объаты гнетущей тоской; тогда возникают многие чуждые природе помышления, а всякое злое помышление — от сатаны. В пору же посещения Духа Святого (Иер. 28,18) случается великое изменение и преобразование. Ум начинает цвести и производить духовные плоды из земли сердца, волчцы же и тернии, то есть лукавые бесы, сокрушаются силой Святого Духа. Само сердце начинает пробуждаться и воспринимать небесное семя, будучи возделываемо истинным Землевладельцем. Великий покой в нем, великий мир; и блаженны посещаемые и возделываемые Святым Духом. Как голуби, прилетев к нашим окнам, садятся в свои гнезда, так праведные летят к славе тела Христова, к Его утешению (ибо где будет добыча, там соберутся орлы — Мф. 24,28)».

Подобным образом и прп. Никита Стифат прилагает этот текст Песни Песней к состоянию души, когда греховная зима сменяется духовной весной. При этом конкретно под зимою разумеется состояние утраты девства, а под *покровом каменным* — покров и Божественный мрак таинственного богословия. Там должна произойти таинственная встреча девственной богословствующей души с Богом.

«Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того, как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною, и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огонь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; — и душа опять соделывается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, низшедши во свете и радовании неизреченном, и как на престоле славы возседши на высоте ума ея, дает мир сущим в ней силам, так говоря: «мир вам от борющихся вас страстей, мир Мой даю вам для достижения преестественного совершенства». Исцелив таким образом тройственностью дарования мира троичность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Бог девственною, всю доброю, всю пре-

красною, намастив ее благоуханием мира чистоты, и говорит ей: *востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя*, в деятельном любомудрии. Яко се зима страстей прейде, дождь сластолюбивых помыслов *отъиде, отъиде себе, цвети* добродетелей с благоуханием помышлений явишася на земли сердца твоего. *Востани, прииди* ко Мне в разумном ведении естества, *прииди ты, голубице Моя* сама о себе, в покров и мрак таинственного Богословия и веры, сего твердаго во Мне Боге камня» (2,10-14).

Далее, несколько выпадая из общего последования речи, приводится многозначительное и таинственное повеление:

2.15 Имите нам лисы малыя, губящия винограды: и винограды наши созревают.

2.15 Ловите нам лисиц, лисинят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете.

Но при внимательнейшем рассмотрении это воззвание не так уж и выпадает из общего строя речи. Наступила прекрасная цветущая весна, готовится встреча таинственного Жениха с Невестой. Но эта безмятежная радость встречи может омрачиться. Не дремлет враг. В чашу радости готовы оброниться капли яда. Цветущие виноградники могут быть испорчены. Во времена предельной радости и упоения любовью нельзя, однако, терять внутреннее трезвение и бдительность! **Ловите нам лисиц, лисинят, которые портят виноградники.** Иначе виноградники наши, которые сейчас в цвете, могут ко времени созревания и жатвы остаться без плода.

В экклезиологическом понимании святые отцы видят здесь указание на ереси и еретиков, которые, как малые лисы, портят и даже совершенно губят виноградник святой Церкви Христовой. Об этом так пишет бл. Феодорит: «Через *лисиц* понимает еретиков, развращающих христианские души, и хитростию и коварством старающихся обольстить тех, кои не столь еще утверждены в вере. Они посредством сладкоглаголивой речи и сетью доказательств простейших уловляя, винограды погубляют. Посемуто он повелевает тем, кои звание и долг учительства получили (епископам и пресвитерам. — Г.Ф.), сих развратителей преследовать, доводами истины убеждая, дабы чрез то созревающие винограды целыми и их ересью неповрежденными сохранить». Аббат Бернар Клервосский в своем толковании, рассуждая об этих *лисицах*, перечисляет конкретных еретиков своего времени.

Ловите нам лисиц (еретиков) — насколько все же это не соответствует «теории ветвей», столь излюбленной в экуменическом движении XX века, когда практически все еретики рассматриваются всего лишь как различные разновидности христианства. Нет! **Лисицы** должны быть **пойманы**, ереси должны быть обличены стражами-пастырями церковных **виноградников**, дабы эти виноградники не были погублены. А говорить о разделении виноградника на части, где в одном месте Невеста-Суламифь являла бы свой лик Жениху, а в другом Он же любовался бы на лисиц, приветствуя их с той же возвышенной любовью, что и Суламифь, было бы глупо, нелепо и нечестиво! Ереси должны быть изгнаны из виноградника святой Церкви.

В психологическом преломлении святые отцы указывают на внутренние пороки, разоряющие человеческую душу и делающие ее неспособной к восприятию Бога.

Согласно еврейскому тексту речь идет о **лисицах** и **лисинятах**. В таком случае под **лисицами** можно разумеать грехи, а под **лисинятами** прегрешения. Те и другие пагубны, но различны по величине и масштабам разрушения, которое наносят. **Лисицы** (грехи) губят сразу, а **лисинята** (прегрешения) сначала незаметны в своих действиях, но потом проявляются тоже пагубно.

Св. Григорий Нисский под образом *лис* видит дьявола и демонов, а то, что они *малы*, означает их ничтожество перед истинно могущественным Богом. «Сей-то столько могущественный вождь столь многих демонских полчищ, какое имя получает от истинного и единственного Могущества? И его *малою лисою*, а с ним и всех окружающих его, все подвластное ему воинство с равным уничтожением именуется лисами же... Не сказало Слово: изловите «вепря от дубравы», озобавшего виноград Божий, или «уединенного дивия — полевого зверя» (Пс. 79,14), или рыкающего льва, или кита великого, или подводного змия. Ибо такими приказаниями Слово показало бы ловцам некоторую силу противоборствующих. Напротив того, как говорит оно, все земныя владычества, с которыми борьба у человеков, начала, и власти, и миродержители тьмы, и духи злобы суть *малые лисы*, коварныя, бедныя в сравнении с нашею силою. Если их одолеете, то восприимете благодать свою». Так что неверно поступают те, кто боится бесов и их служителей. С нами Бог, и расточатся все враги Его!

Св. Григорий рассуждает также о том, кому же поручено *ловить* сих *малых лис*, демонов нечистых. В невидимом мире, в той неви-

димой брани — это ангелы. В этом видимом мире, где брань сия становится видимой и ловцы — это ангелы Церквей, стражи виноградников (см. Откр. 2,20), то есть епископы, «ловцы человеков» (Мф. 7,4).

Параллельно этому тексту св. Григорий Нисский, а также бл. Феофилакт Болгарский, толкуют слова Спасителя: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8,20) таким образом, что «лисицы» греховных страстей имеют «норы» в сердце человека и «птицы» греховных помыслов вьют себе «гнезда» в уме его, тогда как Господь, Жених души, «не имеет, где приклонить главы» Своей, нет Ему места в такой душе. И вот Он повелевает изгнать сих *малых лис*, чтобы Самому обрести место в винограднике души. «Ибо не успели бы в ловитве человеков мрежею слова уловляющие души спасаемых, если бы сих зверей, этих малых лисиц, не изгнали прежде из нор, то есть из сердец, в которых они гнездились, и тем не очистили места Сыну Божию, где приклонить Ему голову, когда лисий род не будет больше гнездиться в сердцах» (св. Григорий Нисский).

Сам Господь Иисус явил однажды пример, как должно отгонять сих коварных лис. Некоторые из фарисеев предупредили Иисуса, чтобы Он удалился из Иудеи и не шел в Иерусалим, ибо царь Ирод хочет Его убить. На это Иисус сказал им: «Пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу; а впрочем... не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима» (Лк. 13,31-33). Этим Господь указал на то, что все происходит не по воле Ирода, а по Промыслу Божию, которые впрочем на сей раз совпали — Иисус будет убит в Иерусалиме. Но Господь не обратился в бегство от Ирода, не исполнил Он и его воли, когда тот хотел видеть от Него чудо (Лк. 23,8-9), не отвечал и на его вопросы. Таким образом Он отогнал от Себя и Своего Виноградника (Церкви) эту лису. А когда сия, отверженная Господом, «лисица» дерзнула принять Божеские почести, то «вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер» (Деян. 12,23).

Прп. Исихий, пресвитер Иерусалимский († 432 г.), ученик св. Григория Богослова, в «Слове о трезвении и молитве» тонко рассматривает различные состояния человеческой души. Он указывает, что началом греховного движения души, портящего

ее, является принятие вражьего прилога. Помыслы прилога прп. Исихий и называет сими *малыми лисами*, которые сразу должны быть уловлены и отвергнуты, дабы они не выросли в больших лисиц, то есть чтобы человек от прилога не перешел к сочетанию с ним, сосложению и самому греховному действию.*

«Такова хитрость лукаваго, и такими-то стрелами оядотворяет он всякую добычу. Посему, не безопасно, прежде приобретения умом большой опытности в брани, попускать помыслам входить в сердце наше, — особенно в начале, когда душа наша еще сочувствует демонским прилогам, соуслаждается ими и охотно устремляется в след их; но должно, как только они будут сознаны, тотчас, в самый момент нахождения их и приражения, отсекаать их. Когда же ум, долгое время пребывая в таком дивном делании, обучится сему подвигу, все в нем разужнает и навык приобретет в ведении такой брани, так что верно будет распознавать помыслы, и, как говорит пророк, будет в состоянии легко ловить *лисы малыя*: тогда можно искусно попускать им входить внутрь, сражаться с ними с помощью Христовою, обличать и извергать вон» [25, т. 2, стр. 168].

Слыша весенний зов Жениха, отвечает Ему Невеста:

2.16-17 Брат (сестричищъ) мой мне, и азъ ему. Пасый в кринах, дондеже дхнет день, и двигнутя сени. Обратися, уподобися ты брате мой серне, или младу еленю на горах юдолий.

2.16-17 Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему: он пасет между лилиями. Доколе день дышит (прохладю), и убегают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.

Брат (возлюбленный) мой мне, и азъ ему — это формула любви, взаимоотдача друг другу. Это — тайна брака: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена» (1 Кор. 7,4). Сия же тайна о Христе и Церкви. Христос — Глава Церкви, а она — Его тело, которым Он владеет, как хочет, в божественной любви Своей. Церковь состоит из тех, которые следуют за Ним, куда бы Он ни пошел (Откр. 14,4), ибо принадлежат Ему. Его овцы знают голос Его и следуют за Ним, за Добрым Пастырем своим (Ин. 10,4-5). Однако, о чудо! — не толь-

* По прп. Исихию: 1. прилог — бесовское мечтание, исходящее от дьявола; 2. сочетание — когда наши помыслы и помыслы демонов смешиваются; 3. сосложение — сговор наших помыслов и помыслов от демонов на зло; 4. чувственное деяние или сам грех.

ко они принадлежат Ему, но и Он, и Тело Его принадлежит им! Свободное и Ему одному принадлежавшее Тело было пригвождено на Крест — теперь оно не Его, оно отдано и принадлежит Церкви! Оно навеки соединено со Крестом, оно навсегда распято, всегда ломимо и преломляемо, но в любви никогда не истощаемо (вот они, слова священника при раздроблении евхаристического Агнца: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогда не ижедаемый, но причащающийся освящаяй...»). Теперь каждый священник хранит это Тело как залог спасения — своего и пасомых им. Воистину: «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их» (Откр. 19,3). Это то состояние, когда говорят: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2,20), когда «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6,56). Душа говорит о Возлюбленном: «Как Он меня всем прочим предпочел, так и я Его всему предпочитаю, и с другим кем-либо соединения убегаю: тех, кои лисиц и коварных имя на себе носят, гнушаюсь» (бл. Феодорит).

Где же Он, *Брат* и *Возлюбленный* ее? — Он пасет между лилиями. Лилии между тернами (2,2) уподоблял Жених Свою Невесту — Церковь. Он, Христос, пасет и пребывает между лилиями, то есть между верующими, очищенными и убеленными Кровию Агнца душами, благоухающими, как лилия, благоуханием Духа Святого и Его даров (2 Кор. 2,15). Не в совете нечестивых, а в общении верных, собранных во имя Его, там и Сам Он пребывает и пасет (Пс. 1,1; Мф. 18,20). Там, в Кафолической святой Церкви, среди праведников ищи Его, оттуда зови Его к себе!

Иначе объясняет св. Григорий Нисский. Он под лилиями (*кринами*) понимает не пасомых Жениха, а то, что Жених пасет овец Своих в *кринех* (между лилиями), питая их ими. Так же понимает эти слова и бл. Феодорит.

Св. Григорий Нисский: «Ибо Он есть пастырь добрый, который не сено дает в пищу пасомым, но чистыми *кринами* питает овец. Не сеном уже питая сено; потому что сено есть пища, свойственная естеству безсловесному, а человек, как существо словесное, питается истинным словом; а если насытится сеном, то сам сделается сеном. Сказано: «всяка плоть сено» (Ис. 40,6), пока она плоть. Но если кто соделается духом, родившись от духа, то уже не травяною будет кормиться пищею, но пищею его будет дух, о чем и дают разуметь чистота и благоухание крина. Посему и сам

питающийся будет чистым и благоуханным крином, изменяясь по свойству пищи».

Слова о *дне* и *снях* наши толковники св. Григорий и бл. Феодорит относят к пастьбе Жениха между кринами, то есть Он пасет между лилиями *дондеже дхнет день, и двигнутся сени*. Переводы же Юнгера, Макария, Синодальный относят их к последующему воззванию, то есть, что пока день *обратися*, Жених, подобно серне и оленю, возвратится к Невесте. Такое различение вполне объяснимо в связи с отсутствием пунктуации в еврейском и греческом изначальных текстах.

Св. Григорий Нисский, объясняя, что Жених пасет между кринами *дондеже дхнет день, и двигнутся сени*, пишет: «Напротив того питающиеся кринами, то есть утучняющие души чистою и благоуханною пищею, удалив от себя всякое обманчивое и призрачное представление вождеваемого в этой жизни (обозначается тем, что *двигнутся сени*. — Г.Ф.), увидят истинную основу сущности вещей, став сынами света и сынами дня». В полдень исчезают тени и все залито светом. Пасомые Христовы освободились от призрачных теней понятий этого мира и ходят во свете, как и Он, Пастырь их, Свет есть.

То, что Пастырь — Христос пасет между кринами, *дондеже дхнет день, и двигнутся сени*, несколько иначе объясняет бл. Феодорит: «*Дондеже дхнет день, и двигнутся сени*. Доколе, то есть, настанет яснейший оный и всякого мрака и сени чуждый будущего века день, и все настоящия вещи, кои будущих вещей суть только тени, исчезнут. Когда добрый сей Пастырь стадо свое в кровы вечных обителей поселит».

Невеста знает, что Жених ее пасет между лилиями, на райских полях Кафолической Церкви. Она слышала Его зов, и теперь сама зовет Его: *Обратися, уподобися Ты, брате мой, серне, или млада еленю на горах юдолий. Возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор*.

Поражаемая коварными лисицами и лисинятами, она зовет Его: обратися, спешу ко мне, не оставляй меня на пагубление. Только прошла ветхозаветная зима неведения и нечестия, только расцвели виноградники церковей, явился цвет, и вот уж следующая беда от лисиц (ереси в церкви и греховные помыслы и страсти в уме и сердце), посему *уподобися ты, Брате мой, серне*, видящей тайные помышления человеческие и помыслы сердечные, уничтожь порождение злобы, как *младый елень*, истребляя породу

змей. Так понимает зов Невесты св. Григорий Нисский. А что же тогда *горы юдолий*? Св. Григорий объясняет: «Посему-то Слово со всею скоростью поспешает на *юдоли гор*, потому что все вышнее против истины есть бездна, а не гора; юдоль, а не возвышенность. Почему, если ступишь на них, говорит Невеста, то всякая таковая «дебрь наполнится», и всякая таковая «гора смирится» (Ис. 40,4)». Всякое богоборчество, кажущееся в этом мире такой важной горою, есть на самом деле юдоль и ничтожество.

Бл. Феодорит объясняет несколько иначе о *горах юдолий*: «*Горами же юдолий* нарицает тех, кои в низком и подчиненном состоянии будучи, имеют высокую душу: и просит жениха, дабы и сии присутствием его насладились: что жених, убежден будучи просьбами невесты своя, и исполняет».

Следуя же более буквальному и непосредственному значению текста, видим, что Невеста зовет Жениха к себе, уподобляя его по красоте, грации и скорости горной серне и молодому оленю, спускающимся в расселинах гор. Так Церковь и душа зовут Небесного своего Жениха — Христа из горнего мира в сей дольний, в котором сами еще пребывают, при этом любясь и восхищаясь им, любя и желая Его.

ГЛАВА 3

3.1-4 На ложи моем в ношех, исках, Егоже возлюби душа моя, исках Его, и не обретох Его: воззвах Его, и не послуша мене: востану убо, и обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и пощу, Егоже возлюби душа моя: поисках Его, и не обретох Его: звах Его, и не послуша мене. Обретоша мя стрегущии, обходящии во граде: видесте ли, Егоже возлюби душа моя? Яко мало егда преидох от них, дондеже обретох, Егоже возлюби душа моя: удержав Его, и не оставих Его, дондеже введох Его в дом матери моея и в чертог зачещения мя.

3.1-4 На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящий город: не видали ли вы того, которого любит душа моя? Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

Ночное искание Жениха Суламифью, бесплодные поиски, встреча со стражами, внезапное обретение Жениха, введение его в материнский чертог — вдохновляли различных святых отцов на глубокие, таинственные размышления, отмыкали самое внутреннее их сердечных и духовных переживаний. Основная суть их размышлений об этом — это ночное, во тьме и мраке, искание Господа, бесплодность при этом всех человеческих усилий самих по себе, ангельская помощь и нечаянная радость внезапного обретения Господа, введение и хранение Его во внутреннем святилище сердца своего.

Песнь Песней дважды описывает ночное искание Невестой Жениха своего: 3,1-4 и 5,2-8. Если сопоставить эти два ночных искания, то в первом преимущественно изображено изначальное искание душой Господа, совершаемое во мраке неведения. Во втором искании изображена душа, имевшая Господа, и потерявшая Его, и в ночи сей утраты ищущая Его.

Св. Кирилл Иерусалимский, как и в прочих местах, дает буквальное истолкование слов Песни Песней к соответствующим еван-

гельским событиям, относящимся к смерти и воскресению Иисуса Христа. Он видит в этом тексте описание ночного искания женами-мироносицами уже воскресшего Христа. Так, он пишет: «Но прежде нежели «дверем затворенным» вошел Сей Жених и Врач душ, искали Его оныя доблестныя и мужественныя жены. Пришли блаженныя ко гробу, и искали Воскресшаго, слезы еще капали из глаз их; когда должно было паче веселиться и ликовать о Воскресшем. Приходила, по Евангелию, Мария, искала и не нашла; потом услышала от ангелов*, а в последствии увидела Христа. Ужели и сие написано? (имеется в виду в Ветхом Завете. — Г.Ф.). В Песни Песней говорит: *на ложи моем исках, Егоже возлюби душа моя*. В какое же время? *на ложи моем в нощи исках, Егоже возлюби душа моя*. А Мария, сказано, «прииде еще сущей тме» (Ин. 20,1). На ложи моем исках в нощи, исках Его и не обретох Его. И Мария говорит в Евангелии: «взяша Господа моего, и не вем, где положиша Его». Тогда предстоящие ангелы врачуют от неведения, сказав: «Что ищите живаго с мертвыми? (Лк. 24,5) Не только воскрес, но воскрес, с Собою воскресив и мертвых. Но не знала Мария, и от лица ея сказала Песнь Песней ангелам: *Видесте ли, Егоже возлюби душа моя? Яко мало, егда преидох от них*, то есть от двух ангелов, *дондеже обретох, Егоже возлюби душа моя: удержал Его, и не оставил Его*.

По явлении ангелов; пришел вестником о Себе Сам Иисус, и Евангелие говорит: «И се Иисус сrete я, глаголя: радуйтеся: оне же приступльше, ястеса за нозе Его» (Мф. 28,9). Оне емлются за Него, чтобы исполнилось сказанное: *удержу Его, и не оставлю Его*. Неможно тело жены, но мужественны мысли. *Вода многа не угасила любви, и реки не потопили ея* (8,7)».

Глубочайшее значение этого текста находит св. Григорий Нисский. В ночном искании Суламифи св. Григорий видит поразительное описание искания душой человеческой Непостижимого Божеского Естества. Но прежде чем привести это толкование, укажем на еще одну важную его мысль в восприятии Песни Песней. Все излагаемое в Песни он воспринимает не просто как отдельные описания различных состояний человеческой души, но усматривает именно строгую последовательность. Так он спрашивает: каким образом Невеста-душа, по своим духовным совершенствам сподобившаяся таких высоких сравнений, как кони, ниспровергшие египетского мучителя, как прекрасные монасты, как

* Стражи, обходящие город. — Г.Ф.

чистая горлица, как благоухание нарда, как кипарис и кедр, как лилия посреди терний, как испытывавшая объятия десницею и шуйцей Жениха, как возлюбленная им голубица и прочая, и вдруг она опять в ночи и ищет Его, как не имеющая Его. Здесь закон духовной жизни, согласно которому всякое достижение и совершенное знание на одном этапе является лишь начальным и ничтожным на следующем этапе. Так знания, которые в конце первого класса оцениваются учителем как отличные, в конце второго класса будут неудовлетворительными. Даже ради получения тройки надо значительно продвинуться от той черты, которая была достигнута в первом классе. Состояние подвижника для начинающего есть недоступная высота, а сам подвижник и в этом состоянии грешник и нуждается в горьком покаянии. Например, вера в Бога есть подвиг для человека, живущего в безбожной среде и пришедшего к ней из неверия. А монах в монастыре, для которого вера в Бога самоочевидна, тем не менее кается в маловерии! Ибо несовершенна вера его. И нет предела в восхождении по этой Небесной Лестнице. Так и в Песни Песней Небесный Жених-Соломон возводит Свою Невесту-Суламиту от ступени к ступени, от славы к славе детей Божиих. И **день дышащий (прохладой)** от которого (**убегают тени**), обратился в непроглядную ночь, в которой **искала** Невеста Жениха Своего.

А теперь обратимся к толкованию св. Григория: «Посему, так как слово душу представило невестою, от всего же сердца, от всей души и всею силою любимый ею Бог именуется Женихом; то вследствие сего душа, пришедши, как думала, на самую вершину уповаемого, и помыслив о себе, что уже в самом тесном единении с Возлюбленным, совершенное приобщение блага именуется *ложем*, и *нощию* называет время тьмы, именем же ночи указывает на созерцание невидимого, подобно тому, как созерцал Моисей, быв во мраке «идеже бяше Бог» (Исх. 20,21), как говорит Пророк, «положивый тму закров Свой, окрест Его» (Пс. 17,12)*. В сию-то тьму поставленная душа научается тогда, что от достижения совершенства она столько же далека, как и не приступив-

* «И мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя». Учение о Божественном Мраке как Недоступном Месте Непостижимого Бога развито псевдо-Дионисием Ареопагитом в его книге «Божественные имена» и отражено в православной иконографии в виде темного ореола вокруг лика преображенного Спаса. Далее круги все более светлые, и внешний совершенно светел. Явленное миру Божество-Свет есть Феофания, сущность же Его — Вечный Мрак Непостижимости, Неизъяснимости, Неизреченности (апофатическое богословие).

шие еще к началу; ибо говорит: как сподобившаяся совершенства, уже как бы на ложе каком упокоеваясь в постижении познанного, когда, оставив чувствилища, пребывала я внутри невидимаго, когда объята была божественною ношью, ища Сокровеннаго во мраке, тогда, хотя имела я любовь к Возлюбленному, но это Любимое мною улетало из объятия помыслов. Искала я Его *на ложе моем в ночех*, чтобы познать, какая Его сущность, откуда ведет начало, чем оканчивается, в чем Его бытие, но *не обретох Его*; звала Его по имени, какое только можно мне было изобрести имя для Неименуемаго, но не было имени, значение которого касалось бы Искомага. Ибо как званием по имени мог быть обретен, Кто «паче всякаго имене» (Фил. 2,9)? Посему-то говорит невеста: *воззвах Его, и не послуша мене*. Тогда познала я, что великолепию, славе и святине Его нет конца. Посему-то снова встает и озирает мыслью духовное и премирное естество, которое именует *градом*. Вот, говорит, начала, господства и поставленные для властей престолы (это «торжество» небесных — Ев. 12,23), которое именует она *торжищем*, это необъятное числом множество, которое обозначает именем *стогн*, не найдется ли между ними Любимое? Посему невеста, разыскивая, обошла весь ангельский чин, и когда в обретенных благах не увидела искомага, так стала разсуждать сама с собою: не постижимо ли хотя для ангелов Любимое мною? И говорит им: *не видите ли* хотя вы, *Егоже возлюбил душа моя*? Поелику вы молчали на такой вопрос, и молчанием показали, что и для них непостижимо искомое ею: то, когда пытливым умом обошла весь оный премирный град, и от духовных и безплотных существ не узнала Желаннаго, тогда, оставив все обретаемое, таким образом признала искомое по одной непостижимости того, что оно такое; потому что в сем познаваемом всякий постижимый признак служит для ищущих препятствием к обретению. Посему говорит: *мало егда преидох от них*, оставив всю тварь, и прошедши все умопредставляемое в твари, миновав всякий доступный путь, верую Любимое, и уже не выпущу из объятия веры Обретеннаго (Божество, необретаемое разумом, нашла верою. — Г.Ф.), держась Его, пока не будет внутри *чертога* моего. А чертог, без сомнения, есть сердце, которое тогда делается вместительным для Божественнаго вселения, когда возвращается в состояние, в каком было первоначально при образовании своем *заченшею*. И, конечно, кто под именем *матери* будет разумеать первую причину нашего устройства, тот не погрешит».

Подобным же образом, как искание Непостижимого, объясняет этот текст и бл. Феодорит. Но если св. Григорий раскрывает значение *матери* просто как «первой причины» нашего устройства, то бл. Феодорит конкретнее находит здесь указание на Премудрость Божию (Божественную Софию), истинную Первопричину всего сущего. Так он пишет: «Не престала я искать возлюбленного своего пока его поселила в душе моей, которая есть *дом*, яко *матери* всех вещей, и вины Божией Премудрости.* Ибо душа способна будучи к принятию премудрости, есть как бы подобие хранилища ея, и чертог ея, понеже недовемья ея сокровища в себе, яко по образу Божию созданной сокрытия сохраняет. Сия-то Премудрость меня зачала: ибо она прежде сложения мира еще наисовершеннейшую во мне имела волю, почему и человеческое для меня восприяла естество».

Где же ищет душа Непостижимого? Бл. Феодорит хорошо толкует: «Обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и пищу, Егоже возлюби душа моя. Градом же нарицает дом Божий, церковь от нас называемый, *торжищами* и *стогами* Божественное Писание». Итак, в истинной Церкви и ее Священном Писании ищет и, наконец, находит душа своего Господа.

Кроме того, бл. Феодорит дает и еще несколько иное значение этого ночного искания невесты. Господь намеренно дает благочестивым душам испытать состояние богооставленности, испытую их, нудя их тем самым к тщательным поискам своего Возлюбленного. Об этом он пишет так: «Искушая благочестивыя души, Бог Творец всяческих ежечасно попускает им впасть в различные искушения, и просящим им об освобождении от оных иногда тотчас подает помощь, а иногда оную откладывает, но и то и другое в пользу возлюбленных Своих обращая. Сие видно из следующего места святого пророка Давида, вопиющего к Богу: «Доколе, Господи, забудеши мя до конца; доколе отвращаеши лице Твое от мене; доколе положу советы в души моей, болезни в сердце моем день и ночь; доколе вознесется враг мой на мя» (Пс. 12,1 и след.). Ибо он, часто моля, как должно, и прося о прекращении своих скорбей, не получил просимого: посему-то, вздыхая и жалуясь, что не получил желаемого, таковыми вопиет к Богу словами». Далее бл. Феодорит описывает, как в подобных ситуациях оказывались апостол Павел, пророк Илия. Да и кому из верных не ведомо это состояние ночных исканий Бога своего.

* «Премудрость созда себе дом» и прочая (Прит. 9,1).

О томлении о Боге и искании Его чудно писал, опытно прошедший эти состояния, святой Афонский старец Силуан († 1938 г.). Так его биограф пишет о нем [44]:

«У старца была своеобразная мысль, что искать Бога может только тот, кто Его познал и затем потерял. Он считал, что всякое познание Бога предваряется как-то вкушением Бога.

Бог не творит над человеком никакого насилия, но терпеливо стоит у сердца человеческого и смиренно ожидает, когда откроется Ему это сердце.

Бог Сам ищет человека, прежде чем человек разыщет Его; и когда, уловив удобный момент, Господь является человеку, только тогда человек познает Бога в данной ему мере и начинает уже искать Бога, Который скрывается от сердца. Старец говорил: «Как будешь искать то, чего не терял? Как будешь искать то, чего не знаешь вовсе? Но душа знает Господа и потому ищет Его».

А вот пишет сам старец Силуан:

«Юноша ищет себе невесту, а девушка ищет себе жениха. Это и есть земная жизнь, Богом благословенная.

Но та душа, которую изберет Господь и даст ей вкусить сладость любви Божией, земную жизнь не равняет с любовью Божией, но занята бывает Единым Богом и ни к чему земному не привязывается. И если приходят к ней земные мысли, то она не услаждается ими, ибо не может возлюбить земное, но вся желанно стремится к небесному».

На ложи моем в ночех исках, Егоже возлюби душа моя, исках Его и не обретох Его: воззвах Его, и не послуша мене...

«Душа моя, Господи, занята Тобою целый день и всю ночь, и ищу Тебя. Дух Твой влечет меня искать Тебя, и память о Тебе веселит мой ум. Душа моя возлюбила Тебя и радуется, что Ты — мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе. И хоть в мире все красиво, но ничто земное не занимает меня, и душа желает только Господа.

Познавшая Бога душа ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: «Скучает душа моя по Тебе, и слезно ищу Тебя».

Душа от любви Господа стала как бы безумною: сидит, молчит, говорить не хочет; и, как безумная, смотрит на мир и не хочет его, и не видит его. И люди не знают, что она созерцает любимого Господа, и мир остался как бы позади, и забыт, и душа совершенно не хочет мыслить о нем, потому что нет в нем сладости.

Так бывает с душой, которая познала сладость Духа Святого».

А вот ночное искание Господа царем Давидом: «Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои, когда я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в ночные стражи, ибо Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь» (Пс. 62,6-8). Все подвижники-молитвенники знают это ночное искание Господа «на постелях своих» (которыми зачастую были доски или мать-сыра земля) и в молитвенном предстоянии перед Богом в ночной тайне. А св. Церковь благословляет чадам своим в ночное время чтение полунощницы: «Се Жених грядет в полунощи...»

К внутренней жизни подвижника относит сей текст и пресвитер Илия Екдик [25]. Он пишет о том, как подвижник ищет дар внутренней молитвы. Но, найдя, опять теряет его и вновь ищет его. «Деятельная душа, ища удержать слово молитвы, и не возмогиши, подобно невесте Песней, *вопиет: на ложи моем в нощех, исках, егоже возлюби душа моя; исках Его, и не обретах Его: воззвах Его, и не послуша мене. Востану убо притруднейшею молитвою, и обыду во граде, и на торжищах, и на стогах, и поищу, Егоже возлюби душа моя. Может быть я найду Его, во всем и вне всего сущаго; «и насыщуся, внемгда явитимися славе Его» (Пс. 16,15)».*

Бл. Иероним Стридонский, толкуя скорбные слова пророка Исаии (64,7): «И нет призывающего имя Твое, который положил бы крепко держаться за Тебя; поэтому Ты сокрыл от нас лице Твое и оставил нас погибать от беззаконий наших», соотносит их со словами Песни Песней: «Так как мы падали, подобно высохшим и рассеваемым ветром листьям с деревьев, то не нашлось никого, кто призывал бы имя Твое и, восстав из развалин беззаконий своих хватался или держался бы за Тебя и сказал бы с невестой: *я нашла, кого искала душа моя: буду держаться за него и не отпущу его*».

В нощех, в тяжелые времена для народа, времена его беззаконий (подобные описанным Исаией-пророком), так важно, чтобы нашлись те подвижники, которые *искали* бы Господа, и, найдя, *не отпускали* Его, крепко *держась* за Него. Благодаря таковым спасется и народ. Но горе народу, если таковых не найдется!..

Пелагий* (к сожалению, не святой отец, а еретик V-го века) находит в сих словах Невесты эсхатологический смысл, когда при полуночном явлении Господа-Жениха во втором Его пришествии,

* «Послание к Деметриаде» [91].

Невеста, как те мудрые евангельские девы, выйдет навстречу Жениху: «Ты же, денно и нощно желающая пришествия Христова, ожидая с чистой совестью присутствия Господа, конца света, когда настанет время награды твоей, обретешь не страх, но восхищение. И, войдя в сонм святых, вместе со святыми девами полетишь ты навстречу Жениху и скажешь: *Я нашла Того, Которого искала душа моя!*»

В эсхатологическом значении здесь можно понимать и ночь антихристовых времен в конце истории, и искание Церковью своего Жениха, чтобы через второе Его пришествие навеки соединиться с Ним.

Вторично следует священное заветное заветие дочерей Иерусалимских, о значении которого уже было ранее (2,7) сказано:

3.5 Заключу вас дочери Иерусалимские в силы и в крепостях сельных: аще подвижете и воздвижете любовь, дондеже аще восхождет.

3.5 Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями, не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Далее следует величественное описание Суламифи и Соломона в день их бракосочетания (3,6-11).

Сначала образ Суламифи в восклицании:

3.6 Кто сия восходящая от пустыни, яко стебло дыма кадящее смирену и ливан, от всех благовоний мироварца?

3.6 Кто эта, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?

Кому принадлежит это восклицание? По разумению св. Григория Нисского, друзьям Жениха, восторгающимся при виде являемой им Невесты их Господина. А бл. Феодорит толкует, что под их образом, в данном случае, разумеются ангелы Господни, восхищающиеся Невестой-Церковью, грядущей к своему Небесному Жениху и их Господину — Господу Иисусу Христу.

Хорошо объяснен этот образ Невесты в журнале «Воскресное чтение» [51]: как образ души, от пустынного уединения молитвенно восходящей ко Господу:

«Кто сия восходящая от пустыни, яко стебло дыма кадящее смирену и ливан, от всех благовоний мироварца? Это символ свя-

той души, непрестанно горящей любовью к Богу и возносящейся к Нему в молитве! Все благовония восходят от сей души к небу, как дым кадильный: ибо все мысли и чувствования ея посвящены Богу, и все дары благодати, ее исполняющие, распространяя благоухание свое на земли, обращаются также к славе Божией, устремляются к своему горнему источнику.

Почему стебло кадильного дыма восходит от пустыни? Потому что только в удалении от всего суетного возгорается и возносится к небу молитва святая и богоугодная».

Чудна и прекрасна даже в ангельских очах святая душа, Невеста Христова. Что является причиною ее красоты, где украсилась она? Как обращает на то внимание св. Григорий Нисский — в пустыне, ибо она — *восходящая от пустыни*... «Пустыня, как видно, причиною сего; она сделала то, что невеста, подобно некоему отпрыску, дала побеги в высоту... Невеста тем самым, что *восходит от пустыни*, представляет о себе свидетельство, что внимательностию и воздержанием вошла на великую и значительную высоту и чрез это соделалась чудом для друзей Жениховых (ангелов. — Г.Ф.)». В пустыне воздержания и духовных подвигов обрела прежде черная (1,4) душа свою неземную красоту. Да и в буквальном смысле, сколько прекрасных душ, *от пустыни восходящих* к небесным обителям, было встречено там ангелами! Сколько антониев и пахомиев, сколько макариев и герасимов, нилов и иоаннов от пустынь египетских и палестинских, синайских и сирийских и всяких прочих!

Бл. Феодорит иначе объясняет, почему невеста *восходит от пустыни*: «Пустынею нарицает естество человеческое за прежнее его нечестие, так как и Исаия вопиет: «Радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня, и да цветет яко крин» (Ис. 35,1). И как здесь они (ангелы. — Г.Ф.) изумевает, что такая красота из пустыни произросла...» Это действительно великое чудо, что из безвидной и безжизненной *пустыни* греховного человеческого естества *восходит, яко стебло дыма кадящее смирну и ливан* такая красота и благоухание чистой христианской души, что поражаются ангелы.

Невеста восходит *яко стебло дыма кадящее*. Бл. Феодорит приводит иной перевод Акилы и Симмаха: *Яко подобие дыма из кадильницы* и толкует: «Ибо дым кадильный, на подобие стебла поднимаясь, по воздуху распускается. И справедливо называет ее подобною дыму исходящему от кадильницы: понеже она, по слову святого апостола Павла, уды своя представляет «жертву живу, святу, Богоугодну Богу» (Рим. 12,1), и поелику она «приносит

выну жертву хвалы» (Евр. 13,15), и «уды своя яже на земли умерщвляет» (Кол. 3,5). И Христу спогребшись, себя самую возлагает на жертвенник». Как благовония, возлагаемые на горящие угли кадиланицы, воскуряются вверх, подобно вьющимся стеблям, так христианская душа, возлагая себя на жертвенные угли (жертвуя всем во имя Христова), возносится Богу, как приятный фимиам. Помимо духовных и вещественных жертв благочестия, здесь уместно помянуть тех святых мучеников кто, как св. Поликарп Смирнский, сожженный на костре за Христа, как мать Мария (Кузьмина-Караваева), сожженная в печи фашистского концлагеря за спасение ближних своих и многие другие, в буквальном смысле «взошли на угли» и как *стебло дыма из кадиланицы* взошли от пустыни этого мира горе — к Жениху своему.

Так от святых душ восходит к Жениху сие прекрасное стебло дыма, *кадящее смиру и ливан*. Почему упомянуты именно эти два благовонных вещества — *смирна и ливан*? Это относится как к состоянию самой души, так и к восприятию ею Жениха. О состоянии самой души так, пишет св. Григорий Нисский: «Новою для нее (души. — Г.Ф.) похвалою служит соединение сих ароматов. *Смирна* употребляется при погребении тел; а *ливан* по некоей причине освящается в честь Богу. Посему намеревающийся посвятить себя на служение Богу не иначе будет *ливаном*, воскуряемым Богу, как разве соделается прежде *смирною*, то есть умертвит «уды» свои «яже на земли» (Кол. 3,5)».

А о восприятии Невесты Жениха пишет бл. Феодорит: «*Ливан* Богу приносить законом Моисеевым предписано, а *смирна* употребляется при помазании мертвых тел... понеже она (невеста-душа) и человечеству и Божеству поклоняется, и как смерти Жениха своего верует, так и вечное Его существование исповедует. Вот почему они из всех вещей мироварных о *смирне* только и *ливане* здесь упоминают». Можно сказать: Невеста, **окуриваемая миррою и фимиамом**, есть святая Церковь, исповедующая веру в распятого и погребенного Сына Человеческого и вечного и приносящего Сына Божия.

Однако не только фимиам смирны и ливана, но и многие другие благоухания восходят *от всех благовоний мироварца*. Это означает, по бл. Феодориту, что «Имеет же она и другия добродетели от Божественнаго Писания, как бы из *мироварницы* почерпнутыя. Но между всеми наилучшее есть *смирна и ливан*, то есть познание Божества и человечества Жениха».

Остановимся еще на значении слова **мироварник** или *мироварец*. У Макария (Глухарева) это слово переведено «продающий мир», что соответствует еврейскому *gojcheil*, происходящему от *goshol* (торговать, странствовать). То есть имеется в виду странствующий торговец, продающий мир или различные ароматы. Так вот, Невеста уподоблена воскурению от **всяких порошков**, купленных у этого странствующего торговца-мироварника. Мы уже приводили объяснение бл. Феодорита, что речь идет о прочих многих добродетелях христианской души. Кто же этот странствующий торговец-мироварник, у которого можно «купить сии добродетели»? У неразумных дев, по объяснению св. Иоанна Златоуста, не было елея добрых дел в светильниках, когда они встречали Жениха, и тогда мудрые девы сказали им: «пойдите лучше к продающим и купите себе» (Мф. 25,9). Кто эти продающие? Господь говорит: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете (то есть умрете. — Г.Ф.), приняли вас в вечные обители» (Лк. 16,9). Странники, нищие, убогие, нуждающиеся в том, чтобы мы им оказали добро, — вот те «странствующие торговцы-мироварники». Подавая им милостыню и оказывая им всяческое добро, мы «покупаем» эти **порошки** различных добрых дел, которые как приятное курение восходят к Жениху-Христу. Тогда кадилница не пуста, но благоухает, тогда елей в светильнике горит.

Приложим к сим священным словам святой Песни еще некое размышление о святой Церкви — Невесте Христовой.

Настанет день, о котором пророчествовал Енох, седьмой от Адама, говоря: «Се, идет Господь со тьмами святых Ангелов Своих» (Иуд. 14). И тогда эти друзья Жениха, святые ангелы, изумленно восклицая, спросят Его:

Кто сия восходящая от пустыни, яко стебло дыма кадящее смиру и ливан, от всех благовоний мироварца?

Так кто же сия? *Кто сия восходящая убелена, и утверждаема о Брате своем?* (8,5) «Сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?» (Откр. 7,13).

Это есть Церковь святая *о Брате своем*, Сыне Человеческом, Христе-Женихе *утверждаема*; это те, «которые пришли от великой скорби (в пустыне времен антихристовых); они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр. 7,14). Это та апокалиптическая Жена-Церковь, которой «даны были... два

крыла большого орла, чтобы она летела в пустыню в свое место от лица змия и там питалась в продолжение времени, времен и полувремени» (Откр. 12,14). Там, в пустынных местах, сохраняются христиане времен антихристовых (три с половиной года). Оттуда они выйдут навстречу Жениху, **как бы столбы дыма**, подобно как странствующий Израиль, ведомый столпом облачным, вышел от пустыни к пределам Ханаана, Земли Обетованной. *Как дым из кадила, яко стебло дыма кадящее*, вьющееся к Небесному Жениху, придут возшедшие на страшный жертвенник и уголья антихристовых гонений. **Окуреваемые миррою и фимиамом**, и в то время сохраняющие истинную веру в распятого и воскресшего, в Сына Человеческого и Сына Божия, они от своей мученической смерти, как от некоей *смирны*, взойдут к божественной славе *ливана* во Царствии Жениха своего!

А далее в стихах 7-11 описано брачное шествие во славе Жениха-Соломона, славное пришествие Христа со святыми ангелами за Невестой, чтобы взять ее от пустыни в «сретение на воздусе» (1 Фес. 4,17)! То великий день брака Христа и Церкви.

3.7-11 Се одр Соломонь, шестьдесят сильных окрест его от сильных Израилевых: Все имущее оружия, научени на брань: муж, оружие его на бедре его, от ужаса в нощех. Одр сотвори себе царь Соломон от древес Ливанских. Столпы его сотвори сребряны, и восклонение его злато: восход его багрян, внутрь его каменение постлано, любовь от дочерей Иерусалимских. Дщери Сиони изыдите и видите в царе Соломоне, в венце, имже венча его мати его, в день обручения его, и в день веселия сердца его.

3.7-11 Вот одр его — Соломона: шестьдесят сильных вокруг него, из сильных Израилевых. Все они держат по мечу, опытни в бою; у каждого меч при бедре его ради страха ночного. Носильный одр сделал себе царь Соломон из дерев Ливанских; столпы его сделал из серебра, локотники его из золота, седалище его из пурпуровой ткани; внутренность его убрана с любовью дочерьми Иерусалимскими. Пойдите и посмотрите, дщери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его.

Здесь изображено таинственное сочетание, брак горнего и дольного мира в лице Христа и Церкви, Бога-Слова и человечества. В образе славы Соломонова царства явлена слава Царства Божия на земле.

Св. Афанасий Великий: «Итак, когда соединились оба народа (иудеи и язычники. — Г.Ф.), повсюду послано было проповедание, и служителями для него делаются ангелы, говоря: *изыдите, и видите в царе Соломоне, в венце имже венча его мати его в день обручения его и в день веселия сердца его*. Кто выйдет из зла, тот увидит непреложное соединение Слова с телом. Ибо когда совершалось обручение Слова с нами, чрез соединение тела, тогда оно и сотворило над смертью победу, по причине коей все наполнилось веселием». Таким образом св. Афанасий Великий в Боговоплощении видит этот спасительный для падшего человечества Брак Христов.

Св. Кирилл Иерусалимский, как и в прочих текстах, находит здесь пророчества на конкретные евангельские события, связанные со страданиями Иисуса Христа, посредством которых Христос приобрел Себе Невесту, деву чистую, святую Церковь.

«...Спаситель, о котором сказано: *одр сотвори себе Царь от деревьев ливанских. Столпы его сотвори серебряны, восклонение его багряно, внутрь его камене постлано*. Это — знамения страдания, представленные в брачных песнях, и трезвенных, и целомудренных...

Так и о кресте сказано: *одр*, то есть древо крестное*, подъемлющее на себе Господа. *Столпы его сотвори серебряны*; началом креста было серебро — предательство. Как в преукрашенном доме простерт вверху золотой потолок**, все же это убранство возносят на себе столпы; так серебро было началом и распятию, и воскресению Христову. Если бы не предал Иуда, Христос не был бы распят. Посему, как начало славное страдания, *столпы его сотвори серебряны*.

Восход его багрян: потому и облекли Его в багряницу, делая сие в поругание, однакоже пророчески; потому что Христос был Царь. Хотя в посмеяние наипаче сделали сие, однакоже сделали на этот раз, и сделанное стало знамением царского сана. Венец был терновый, но все же венец***, притом соплетенный воинами; потому что цари провозглашаются воинами. *Восход его багрян, внутрь его камене постлано* (Λιθόστρωτον). Внимательные ученики Церкви знают «Лифостротон, глаголемый Гаввафа», в доме Пилатовом (Ин. 19,13)».

* Одр от *древес ливанских*, каковыми были в первую очередь кедр, кипарис и пегв. По преданию именно из этих трех деревьев состоял Крест Господень.

** Указывает на *восклонение его злато*.

*** Указывает на: *в венце, имже венча его мати его*.

А далее приведем последовательное изъяснение картины дня обручения Соломона на основании толкований св. Григория Нисского и бл. Феодорита.

Кто есть *царь Соломон*? Символ Христа — страждущего Царя славы. По многим причинам Соломон прообразует Христа.

1. Во-первых, по значению имени, ибо «Соломон» означает «мирный». Бл. Феодорит: «Соломон мирный означает, что видеть можно в книгах Паралипоменон, где Бог Давиду, когда он хотел соорудить храм, тако вещал: «Се сын родится тебе, сей будет муж покоя (мира), и упокою его от всех врагов его окрест, зане Соломон имя ему, и мир и покой дам ему над Израилем во дни его. Той созиждет дом имени моему, и той будет мне в сына, а азъ буду ему во отца; и исправлю престол царства его во Израили до века» (1 Пар. 22,9-10). Известно, что Соломон, не столь много пожив, умер, и престол царства его прекратился*: то и явствует, что Соломоном нарицается здесь миролюбивый Господь наш, о коем блаженный вопиет Павел: «Той бо есть мир наш, сотворивый обоя (иудеев и язычников. — Г.Ф.) едино, и средостение огорды разоривый» (Еф. 2,14)».

Далее св. Григорий Нисский называет еще целый ряд причин, позволяющих в Соломоне увидеть прообраз Христа.

2. Св. Григорий: «Мудростию своею Соломон означает истинную Премудрость». Бог дал Соломону «сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе» (3 Цар. 3,12). Соломон — мудрейший из людей, прообраз Господа, Ипостасной Премудрости, превечного Логоса.

3. Соломон — создатель храма, и «Премудрость созда себе дом...» (Прит. 9,1).

4. Соломон — царь Израиля. Над распятым Христом — табличка: «Иисус Назорей Царь Иудейский». Он Царь не тех, «которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы» (Откр. 2,9), а Царь истинного Израиля, нового.

5. Соломон — сын Давида, и Господь Иисус — Сын Давидов (Мф. 1,1). Так звали Его в земной жизни. С наименования Его Сыном Давидовым начинается святое Евангелие.

6. И, наконец, как обращает внимание св. Григорий Нисский, посещением Соломона царицей Савской, царицей Эфиоплян, предуказуется, что «Эфиопия прострет руки свои к Богу»

* Седекия в VI в. до Р.Х. был последним царем из дома Давида-Соломона.

(Пс. 67,32). Черна была как эфиоплянка царица, но принесла премудрому Соломону богатые дары. Черны во грехах идолопоклончества были языческие народы, но пришли к истинному Соломону и к истинной Премудрости и принесли богатые дары своих сердец, уверовав во Христа.

7. И еще был знаменит Соломон за праведный суд в народе. Об этом так пишет св. Григорий: «И заботливость Соломона о правдивом суде означает истинного Судию всего мира, Который говорит: «Отец не судит никому же, но суд весь даде Сынови» (Ин. 5,22)».

Се одр Соломонь... Одр сотвори себе царь Соломон. Речь идет о переносном **носильном одре**. В повествовательных книгах Царств и Паралипоменон нет дополнительных упоминаний и сведений об этом одре.

Что же означает духовно сей **носильный одр**, на котором носили при царских шествиях царя Соломона?

«Видели шествие Твое, Боже, шествие Бога моего, Царя моего во святыне: впереди шли поющие, позади играющие на орудиях, в середине девы с тимпанами: в церквах благословите Бога, Господа от источник Израилевых» (Пс. 67,25-27). Последние слова являются входным стихом, велегласно возглашаемым диаконом, на малом входе Божественной литургии во дни святой Пасхи, когда все духовенство входит Царскими вратами в алтарь, а диакон при этом вносит святое Евангелие. На ком или чем почитет Господь в этом дивном шествии? Действие малого входа открывает двоякий *одр* Его — с одной стороны само святое Евангелие, а с другой священнослужители, и в их лице все святые Господа.

О первом пишет бл. Феодорит: «Чрез *одр* жениха должно разуметь Божественное Писание: ибо на нем как бы почивает невеста с женихом своим, и семена учения приемля зачинает, и во утробе носит и чадоблезнствует и духовный рождает плод».

О втором говорит само Священное Писание: «Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев». И еще: Господь является на «облаке свидетелей» (Ев. 12,1).

Об этом так говорит св. Григорий Нисский: «Носящий в себе Бога служит *одром* Обитающему и Возседающему в нем, это может быть ясным и прежде наших объяснений; потому что кто, подобно святому Павлу, живет не «не к тому» сам, но имеет живущего в нем Христа (Гал. 2,20), и представляет доказательство «глаголющего» в нем «Христа» (Кор.13,3), тот в собственном смысле называется и бывает одром для Носимаго на нем и им Держимаго».

Прежде, нежели подробнее описать устройство самого одра, указывается на его воинственное окружение, на свиту Соломонову.

Шестьдесят сильных окрест его от сильных Израилевых: вси имуще оружия, научени на брань: муж, оружие его на бедре его от ужаса в нощех.

Если *одром* означены святые богоносцы новозаветной Церкви, то *сильные окрест его* — это праведники Ветхого Завета. Вместе те и другие и составляют священное царственное шествие Господа по сей земле. Об этом бл. Феодорит: «*Шестьдесятное* число положено здесь, по мнению моему, не для показания сего точно количества, но дабы представить сколь много в Ветхом Завете было святостию прославившихся мужей».

Что же означает само число *шестьдесят*? И бл. Феодорит, и св. Григорий Нисский относят его к ветхозаветным праведникам, по-разному это обосновывая.

По бл. Феодориту, $60=6\times 10$. Шесть — число спасающихся в делах Закона. Десять — число совершенное. Тогда число 6×10 означает достигших совершенства в делах Закона. Об этом бл. Феодорит пишет так: «Ибо если десятичное число есть совершенное: то без сомнения тем, которые были в законе, приличнее шестидесятное. «В шесть», глаголет, «дней сотвориши дела твоя» (Исх. 23,12)*. И так, по мнению моему, совершенные в законе обходят одр: те, кои ведут род свой от Израиля».

Иначе приходит к подобной же мысли св. Григорий Нисский. $60=12\times 5$. Двенадцать — число колен Израилевых. По пять грозных оружеборцев взято в ополчение окрест одра Соломонова от каждого колена. Почему именно по пять? Пять органов чувств: зрение, слух, вкус, осязание, обоняние. У каждого *оруженосца оружие его на бедре его*, то есть отсекли страсти, входящие в сердце через сии чувства. «*Меч ока* — всегда взирая ко Господу, смотреть прямо и не оскверняться никаким нечистым зрением. *Оружие* также слуха — слышание божественных учений и то, чтоб не принимать никогда слухом суетного слова. Так можно и вкус, и осязание, и обоняние вооружить мечем воздержания, обоняя, чем следует, каждое из чувств».

Вот какое ополчение *сильных Израилевых окрест одра Соломона!*

Св. Григорий Нисский приводит еще интересную мысль. Когда избирался жезл, то прозяб только один от двенадцати колен Из-

* Так же велит и сама четвертая заповедь декалога Господня.

раилевых. Когда при Иисусе Навине двенадцать колен переходили через Иордан, то было взято по одному камню во имя каждого колена и ни один не был отринут. А в ополчение Соломона было взято уже по пять оруженосцев от каждого колена. Это говорит о преуспевании в уразумении и исполнении предписаний Закона в народе Израилевом. Во времена Давида — Соломона Израиль достиг своего наивысшего могущества и духовного расцвета.

Сильны эти оруженосцы Божественного Соломона — *Христа вси имуще оружия, научени на брань* против дьявола и сил и козней его. Как о том и блаженный апостол говорит: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы всем можно было стать против козней диавольских... Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукаваго; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6,12,14-16). И если эти *шестьдесят* означают в ближайшем смысле ветхозаветных праведников, то сказанное о них, конечно, применимо и к Новому Израилю христиан, как на это указывает и св. Григорий.

Бл. Феодорит обращает внимание на то, что эти шестьдесят «Двоякие же мечи при себе имеют, один, то есть, на бедре, а другой в руках (**все они держат** — естественно в руках же! — **по мечу**, а другой **меч при бедре**), один обличения, другой разума, тот (в руках. — Г.Ф.) явно к наказанию, сей (при бедре. — Г.Ф.) тайно, и яко в ножнах сокрытый, для испытания тайн».

Эти оруженосцы *научены на брань* против греха, дьявола и всяких страстей и похотей. Аскетика святых отцов и праведников есть великая наука в этой духовной невидимой, а порой даже становящейся видимой, брани. Блажен вступивший в сие воинство Христово, окружившее одр Его.

Эти мужи имеют оружие *от ужаса в нощех* или **ради страха ночного**. Что за ужасы и страхи ночные, коим противостоит это славное воинство?

Св. Григорий Нисский: «Писание словом *ужас*, какой, как говорит оно, бывает при сих оруженосцах, указывает на изступленную боязнь, происходящую от каких-то ночных страхований». Беспричинные ночные страхи, боязнь темноты — результат демонической поврежденности души.

Кроме того, св. Григорий указывает, что сей духовный меч опытного подвижника производит «ужас и изумление в омрачен-

ных помыслах, подстерегающих ночью и «во мраце состреляющих правая сердцем (Пс. 10,2)». То есть мы сами, наше духовное всеоружие должно производить ужас в наших ночных врагах, то есть темных нечистых духах, подстерегающих нас «ночью» в помыслах.

Об этих ночных врагах так еще говорит Писание: «Положил еси тму, и бысть ночь, в нейже пройдут вси зверие дубравнии» (Пс. 103,20). А вооружившийся молитвою против них произносит в девяностом псалме: «Не убоишия от страха ночнаго... от вещи во тьме преходящая».

А теперь, отвлекшись от окружающих одр, вновь обратим свой взор на сам *одр*, егоже *сотвори себе Соломон*. Внимательнее рассмотрим его устройство, и из каких материалов *сотвори его себе Соломон*.

Как уже указывалось, *одр Соломона* преимущественно означает новозаветных святых, на которых восседает и шествует Господь в этом мире.

Бл. Феодорит конкретнее указывает еще на сей **носивый одр**, как на святых апостолов, которые, как некая колесница Христова, обошли с проповедью Христа вселенную. «Под именем *одра* паки здесь разуметь должно апостолов, пронесших Имя Господне пред языки, пред цари и пред сынами Израилевыми... А пророк Аввакум нарицает их конями, глаголя: Возсед «на кони твоя, и яждение твое спасение» (3,8). И паки: «Навел еси на море кони твоя, смущающыя воды многи» (Авв. 3,15). «Морем» нарицает языков, кои проповедию апостолов возмущены были».

Сей **носивый одр** Соломона можно еще отождествить с «колесницей Иезекииловой» (Иез.1). Там тоже Господь-Вседержитель на колеснице. А четыре херувима-животных, на которых движется колесница, суть образы четырех евангелистов-апостолов. Благая Весть о Христе обходит вселенную, все концы земли. Вновь вспомним малый вход Божественной литургии, когда священнослужители — служители Слова, износят и вносят святое Евангелие.

Далее описывается детальное устройство *одра Соломона*.

Носивый одр создал себе Соломон *от древес Ливанских*. Этим указано, каковы святые Христовы и в особенности Его апостолы. Об этом пел еще псалмопевец: «Праведник... возвышается подобно кедрю на Ливане. Насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего, они и в старости плодовиты, сочны, свежи, чтобы возвещать, что праведен Господь» (Пс. 91,13-16). Величие и нетленность кедра ливанского указывают на ду-

ховное величие, нетленность и приобщенность к вечной жизни святых и апостолов. Крепкие, нетленные *древеса Ливанские* избрал себе *одром* Божественный Соломон — Христос. Они всегда, не устаревая, благоухают, возвещая о славе Его.

Столпы его (одра) *сотвори серебряны*. Различно положение христиан в Церкви. Одни всегда ищут в ней помощи и поддержки, нуждаются в церковном укреплении, другие сами являются в ней столпами, через которые первым приходит утверждение и укрепление.* Господь говорит в Апокалипсисе: «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего» (3,12). Св. Григорий Нисский: «А потому под *столпами* разумеать должно столпов Церкви, у которых слово в точности *серебро* чисто и «разжжено». Таковые источают от уст своих: «Слова Господни — слова чистые, серебро очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное» (Пс. 11,7). В особенности такими столпами являлись святые апостолы, на их вере зиждется вся святая Церковь. Бл. Феодорит: «*Столпами* также святые нарицаются апостолы, ибо богодухновенный Павел в послании к Галатам говорит: «И познавше благодать данную ми, Иаков и Кифа и Иоанн мнимии столпи быти, десницы «даша мне и Варнаве, да мы во языки, они же во обрезание» (Гал. 2,9).

И восклонение его (одра Соломонова) *злато*. Согласно греческого текста LXX, *восклонение* (ἀνάκλιτον) есть спинка, на которую восклоняет главу свою восседающий (или возлежащий?) на одре. Значение этого так объясняет св. Григорий Нисский: «И владычественное его, на что Устроивший одр *восклоняет* главу Свою, — это *золото* чистых догматов, «ибо в главе сокрыто разумение. *Восклонение злато* — это злато разума и догматов Церкви. «Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра... А я люблю заповеди Твои более золота, и золота чистого» (Пс. 118,72.127). Это «злато учения Христова» святые апостолы разнесли по всему миру. Сей божественный **носильный одр** с *восклонением златым* обошел мир, просветив его. Бл. Феодорит: «*Восклонение его злато*. Под сим разумеется Евангельская проповедь, в которой Божественное почивает слово».

Согласно еврейскому тексту, вместо *восклонения* речь идет о **локотниках его из золота**. В таком случае должно думать не о

* Здесь удивительная мысль. Эти столпы — опора, на которой восседает на одре Соломон. Не только мы имеем опору в Господе, но и Он, совершая Свое дело на земле, хочет иметь опору в нас!

золоте догматов и разумения, а о золоте добрых дел благочестия, ибо на локотниках возлежат руки, десница и шуйца Владыки, которыми творятся все дела. И, действительно, святые апостолы, да и вообще все святые, явили миру не только золото Божественного учения, но и золото святых дел.

А теперь поспешим далее в рассмотрении одра Соломонова: *Восход его багрян*, или *седалище его из пурпуровой ткани*. Здесь нам предложен еще один образ совершенства святых Христовых, в их царственном над всяким грехом и силой вражьей достоинстве. Св. Григорий Нисский: «Багряница же — это в высоком житии восшедшие на царство; потому что багряница почитается отличительным признаком царского достоинства». Подобным образом толкует и бл. Феодорит: «*Восход его багрян*. Непросвещенным бо под управлением быти приличествует, совершенным же украшаться как невесте (имеется в виду багряница)». Не погрешит и тот, кто здесь буквально будет разуместь благочестивых христианских государей, императоров, царей, князей, восседавших на *седалищах из пурпуровой ткани*, облеченных в *багряницы* и утверждавших народы свои в вере и благочестии.

Внутри его (одра Соломонова) *камение постлано, любовь от дочерей Иерусалимских*. То была внешняя красота одра Соломонова, а это — его внутренняя, сокровенная. Речь идет о внутреннем, сокровенном, неведомом миру содержании ума и сердца святых. Каковы же эти *камение драгоценные внутри его*?

Во внутреннем ума святых — сокровенная Премудрость (София) Божия. «Блажен человек, который снискал мудрость... она дороже драгоценных камней... и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею» (Прит. 3,15), — так говорил имевший Божественную Премудрость Соломон Премудрый. Эта премудрость — в разумении тайн Слова Божия. «Вам дано знать тайны Царства Небесного», — говорил Спаситель носителям Своего божественного слова святым апостолам, и через них и всем будущим сотаинникам Божиим. Бл. Феодорит: «*Внутри его камение постлано*. Маргаритам (жемчужинам. — Г.Ф.) бо и драгоценным камням подобны суть Божественная словеса, по оному пророка Давида слову: «Судьбы Господни истинны, оправданы вкупе: возжеленны паче злата, и камене честна многа» (Пс. 18,10-11). И на другом месте: «Сего ради возлюбих заповеди твоя паче злата и топазия» (Пс. 118,127)... И на другом месте: «Не пометайте бисер ваших пред свиньями» (Мф. 7,6)».

Во внутреннем же сердца святых обретается драгоценный жемчуг чистой совести, как об этом и пишет св. Григорий Нисский: «Все же невидимое и сокровенное украшается чистою совестью драгоценных камней, и из них всех составляется *любовь от дочерей Иерусалимских*».

Дщери Иерусалимские, которые с *любовию устлали* драгоценными камнями **внутренность** седалища Соломонова, суть души спасаемых (св. Григорий Нисский), принесшие с *любовию* сей дар чистой совести Господу своему. Ибо еще в спасающем их крещении дали «обещание Богу доброй совести» (1 Пет. 3,21).

Итак, начертан образ одра Соломона и его окружающей свиты. Теперь пора обратить взор и на него самого. И вот, друзья Жениховы (ангелы) обращаются с восклицанием к дочерям Иерусалимским (душам спасаемых):

Дщери Сиони изыдите и видите в царе Соломоне, в венце, имже венча его мати его, в день обручения его, и в день веселия сердца его.

Одр Соломонъ и сильные Израилевы — святые Нового Завета и Ветхого, а между ними на рубеже и в центре — распятый и воскресший Христос. Между ветхой и новой эрой в истории человечества *День* обручения Его и *День* веселья сердца Его. «День Этот будет единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь; лишь в вечернее время явится свет. И будет в Тот День, живые воды (Духа Святаго) потекут из Иерусалима, половина их к морю восточному* и половина их к морю западному**: летом (Новый Завет) и зимой (Ветхий Завет) так будет. И Господь будет Царем над всею землею; в Тот День будет Господь един, и имя Его едино» (Зах. 14,7-9).

...Иерусалим. Голгофа. Крест. Воскресение.

Вот тайны *царя Соломона, в венце, имже венча его мати его, в день обручения его, и в день веселия сердца его!*

Чтобы узреть эти тайны, друзья Жениха, ангелы Божии, «служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1,14), обращаются к *дочерям Сионским* (спасаемым душам): *Изыдите и видите...*

А что *дщери Сиони* суть души спасаемых, легко видеть из слов апостола: «Но приступите к Сионстей горе, и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торже-

* Восточная Церковь

** Западная Церковь

ствующему собору и церкви первородных на небесах написанных» (Евр. 12,22-23). Так разумеют и толковники наши (св. Григорий и бл. Феодорит).

Но чтобы увидеть Господа, Сего Божественного *Соломона*, и *день его*, необходимо *изойти* из мира сего и из ветхого Иерусалима, который не узнал «день посещения своего» (Лк. 19,42.44). «Итак выйдем к Нему за стан,нося Его поругание; ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13,13)... «*Дщери Сиони и Иерусалимсти изыдите и видите* (ибо не можем мы иначе видеть его, разве оставив житейские попечения), царя любовию увенчанна зрите» (бл. Феодорит). А у св. Григория Нисского отроковицы призываются: «Долго ли останетесь заключенными в вертепе этой жизни? *Изыдите* из прикровений естества видити дивное зрелище, став *дщерями Сиона*, зрите венец весьма приличный главе Царя, который возложила на Него мать по слову Пророка, говорящего: «положил еси на главе Его венец от камене честна» (Пс. 20,4)».

В сей единственный День царь Соломон, то есть Господь наш Иисус *в венце, имже венча его мати его*. «Тогда воины правителя... надели на Него багряницу; и сплели венец из терна, возложили Ему на голову... говоря: радуйся Царь Иудейский» (Мф. 27,27-29). Страшный, священный, Божественный венец. Вместо бриллиантов и «каменей честных» капли крови обагрили терновые шипы венца. «Он посредством сих терний восприял венец любви, вольное претерпев поношение и смертоносныя пренесши мучения» (бл. Феодорит).

Кто же *мати его*, которая *венча его* в сей День? Бл. Феодорит: «*Матерью* называет Иудею, относительно его человечества, которая, не разумея его, сей возложила на Него венец, тернием его для большего уничижения обложив». «Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1,11), но возложили сей венец.

И вот сей День, увенчавший Христа терновым венцом, — *день обручения* (или даже **бракосочетания**) *его*. В сей День, когда от пречистого ребра Его истекли кровь и вода, Он обрел Себе Деву чистую, Невесту желанную, Церковь святую. В воде крещения и евхаристической крови явилась Ему вторая Ева — мать всех живущих, святая Церковь. Крестной, божественной любовью Он обручился с нею. «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5,32). Тайна сия в том, что «будут двое одна плоть». Об этом так

пишет бл. Феодорит: «И сей день *днем обручения и веселия сердца его* нарицает: понеже в сей день брачное совершилось соединение, как описывает Евангелист Матфей: «По вечери же, говорит взял хлеб и благодарив преломи, и даде учеником своим, глаголя: примите ядите от него вси: сие бо есть тело мое, еже за вы ломимое во оставление грехов (26,26.28). Сие творите в мое воспоминание (Лк. 22,19). И так ядуший тело жениха и пьющий кровь его в брачное с ним соединение входят. Поэтому слуги Жениховы, дочерей Сионских и Иерусалимских увещавая, вопиют: изыдите и видите венец любви его, коим украсила его, и сама не зная о том, Иудея, родившая его и увенчавшая в день (таинственного) обручения его».

Думаем, что не погрешит и тот, кто под *днем обручения (бракосочетания)* Господа будет разуметь День Его Божественных страданий, День тернового венца, а под *днем веселия сердца его* — День славного воскресения, когда небо и земля и все святые, и все спасаемые были возвеселены дивной вестью о Его воскресении. Светлая пасхальная радость даруется всем любящим Его сердцам, и даруется навсегда.

Дщери Сиони изыдите и видите в царе Соломоне, в венце, имже венча его мати его, в день обручения его, и в день веселия сердца его.

Сказанное о Церкви может быть сказано и о душе, обручаемой Божественному Соломону, брачующейся любовью со Христом. Прп. Макарий Великий: «Все ангелы, все святое воинство радуются Жениху и невесте, играя на трубах и кифарах. Как при видимом браке богатого человека, на который стекается весь город и пригороды, и каждый хочет быть дружкой, чтобы служить жениху и невесте, так стекается и вся небесная церковь, когда душа вступает в брак с Небесным Женихом». «Так... бывает радость у ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15,10). Уверование, покаяние, крещение, иноческий постриг, хиротония — вот дни светлой обручальной радости со Христом, которые переживает душа, влекомая любовью ко Христу.

ГЛАВА 4

Свершился день бракосочетания Христа (Ин.19,30), день, радостный для сердца Его. И вот перед Ним обрученная Ему, ближняя Его, Возлюбленная Его, прекрасная Невеста-Церковь. И Божественный Жених источает похвалу чудному ее образу, представшему перед Ним:

*4.1-5 Се еси добра ближняя Моя, се еси добра:
Очи твои голубине, кроме замолчания твоего:
власи твои яко стадо козлиц, яже открываеши от Галаада.
Зубы твои яко стада остриженных, яже изыдоша из купели,
вся двоеплодны, и неродящая несть в них.*

*Яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна:
Яко оброшения шипка ланиты твои, кроме замолчания твоего.*

Яко столп Давидов выи твоя, создан в Фалпиофе: тысяща щитов висит на нем, вся стрелы сильных.

Два сосца твоя яко два млада близница серны, пасомая в кринах.

4.1-5 О, Ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!
глаза твои голубиные под кудрями твоими!
волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской;
зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними;

как лента алая губы твои, и уста твои любезны;
как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими;

шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяща щитов висит на нем — все щиты сильных;

два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Господь любит обретенную Им Невесту, восхищается ею, ибо в ней отражена Его красота. Он восхищается каждым членом

прекрасного тела ее. Однако «не почитай сих песней выражением плотской и страстной любви, принимая речения по понятию многих, и нимало не углубляясь в их силу. Напротив того, сии брачные изречения исполнены целомудрия. И если не понимаешь песней, то обратись к притчам и от последних восходи к первым в порядке и постепенно» (св. Кирилл Иерусалимский). Описание каждого члена прекрасной невесты исполнено духовного иносказательного смысла.

Семь частей прекрасной Невесты воспеты Женихом (глаза, волосы, зубы, уста, ланиты, шея, сосцы). Семь — число божественной полноты в этом тварном мире. $7=4+3$. Четыре — число этого мира (четыре конца света, четыре стихии), а три — число Божие. Полнота в этом мире седмична — седмица дней во времени, семь цветов в красках мира, семь тонов в звуках. И в Церкви — семь даров Духа Святого, являемых в семи таинствах ее. Учение св. Церкви было раскрыто на семи Вселенских Соборах.

Если под Невестой разуместь Церковь, то семь воспетых Женихом частей ее тела означают семь различных видов духовного подвига: праведников, составляющих славу ее. Если же под Невестой разуместь душу человеческую, то это семь ее различных духовных дарований

Сначала Жених восхваляет ее всю, восхищаясь ею: *Се еси добра (прекрасна) ближняя Моя, се еси добра (прекрасна)!* Божественна и небесна красота святой Церкви. И даже видимо, кто не созерцал эту небесную красоту в облике святых храмов Божиих! Белоснежные церкви, златоверхие купола, уносящиеся в небо кресты, таинственный полумрак внутри, строгие лики над мерцающими лампадами, сокровенная красота алтаря, являемая через просветы царских врат...

Но красота Церкви не родственна той искусственной красоте, тому страстному эстетизму, которые так часто в мире этом бывают внешней прикрасой, скрывающей внутреннюю нравственную пустоту и даже растление. Нет, ее красота *еси добра*. Св. Григорий Нисский: «*Се еси добра ближняя Моя, се еси добра*; ибо, подражавшая человеколюбивому изволению Владыки, и повелевшая отроковицам выдти каждой, подобно Аврааму, «от земли» своей и от «рода» чувствовались своих (Быт. 12,1), чтобы увидеть чистаго Жениха, носящего венец..., действительно делается она *близкою* к Владычней благодати, любовью к ближнему приблизившись к Богу. Посему говорит ей Слово: *добра еси*,

добрым произволением приблизившись к Благому. Повторение же похвалы показывает нелживость свидетельства». И Сам Господь часто во удостоверение непреложности Своих слов говорил: «Истинно, истинно говорю вам...»

Похвалив ее всю, похваляет и члены ее.

1. *Очи твои голубине, кроме замолчания твоего.*

Описание Невесты совершается сверху вниз, от главного и обращенного к небу к последующему и приближающемуся к земле.

Очи твои голубине, или точнее, *голуби*. В виде *голубя* сошел Дух Святой на Христа на Иордане. Жених восхваляет в Невесте духовное зрение, открытые очи, устремленные к созерцанию горного мира, духовную прозорливость души.

Бл. Феодорит: «И во-первых *очи* ея нарицает *голубиными*, духовное ея чрез то изображая умозерцание, понеже не к чувственным устремляются, «горних смотряют, идеже есть Христос одесную Бога сидя» (Кол. 3,1)». Это духовное зрение доступно каждому христианину, имеющему Духа Святого.

Кроме того, есть особый дар духовного зрения, который дается прозорливцам, а также пастырям церковным. Св. Григорий Нисский: «Без сомнения же, известно слушателям, к каким членам Церкви относится похвала очам. Оком был Самуил «прозорливец» (1 Цар. 9,9); ибо так его называли; оком был Иезекииль, поставленный от Бога быть «стражем» (Иез. 3,17),... очи — все поставленные в путеводство народу, которых современники именовали «прозорливыми» (4 Цар. 17,13). И ныне занимающие место сие в теле Церкви и поставленные епископствовать в собственном смысле именуются очами... Да и наставник в том, что должно делать, учитель полезному, руководитель в шествии к Богу в точности исполняет дело чистаго и здраваго ока, подобно телесным очам, предуказуя высокое житие прочим... Посему самая совершенная похвала сим очам, если образ их жизни сообразен благодати Святаго Духа; потому что дух Святой голубь».

Отличительное свойство *голубей* — невинность, они — символ целомудрия, ибо живут парно. Так два *ока* потому суть *голуби*, что не взирают с вождением (Мф. 5,28), как стяжавшие целомудрие.

Кроме замолчания (или молчальника) *твоего*. Речь идет о покрывале, которым на востоке женщины закрывали свои уста. Глаза и щеки при этом оставались открыты. Жених восхищается глазами, которые видны были из-под покрывала сего. Что же оно означает? Благоразумное молчание Невесты.

Бл. Феодорит: «Удивляется также и благоразумному молчанию ея, которое и древними всегда похваляемо было, как то видим у псаломника: «Положих устом моим хранило, внегда востати грешному предо мною» (Пс. 38,2). Да и мы воспевая говорим: «Положи Господи хранение устам моим, и дверь ограждения о устнах моих» (Пс. 140,3)».

Воздержание в слове было свойственно всем святым, а многие из них и вовсе давали обет молчания, сохраняя святое безмолвие, когда молчат не только уста, но и сердце успокаивается в Боге и молчит перед Ним, во всем приемля святую волю Его. Только при *молчании* уст даруется духовное зрение. Только из-под *молчальника*, ограждающего уста, могут *очи* стать *голубине*.

Св. Григорий Нисский усматривает в том, что очи видны из-под покрывала, а уста и прочее не видны из-под него — указание на видимые и невидимые, явные и сокровенные совершенства христианской души. «Представляются же два ока, чтобы в похвале участвовал целый человек: и видимый и умопредставляемый. Посему-то Слово присовокупило к похвале и другое преимущество, сказав: *кроме замолчания твоего*: ибо в доброй жизни иное явно, так что известно и людям; а другое сокровенно и тайно, видимо единому Богу. Посему, Кто видит «не соделанное» (Пс. 138,16) и усматривает сокровенное, Тот свидетельствует о восхваляемом лице, что в нем умалчиваемое значительнее видимого, когда говорит: *очи твои голуби, кроме замолчания твоего*. Ибо к тому, что уже восхвалено, не принадлежит то, чему безмолвно удивляются».

2. С главы Невесты ниспадают прекрасные волосы, украшая ее. *Власи твои яко стадо козлиц, яже открывшася от Галаада*, или **как стадо коз, сходящих с горы Галаадской**.

Галаад (холм, свидетель) — прекрасная гористая местность к востоку от Иордана. Там паслось много диких горных коз, быстро, ловко и грациозно спускавшихся с них. Им уподоблен по черному цвету и шелковистой мягкости ниспадающий с главы волос Суламифи. Галаад — местность, населенная язычниками.

Кроме общего указания на красоту, можно в указании на **волосы** Невесты усмотреть значение духовное.

Так св. апостол Павел пишет: «Если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала», и еще: «Жене стыдно быть остриженной или обритой» (1 Кор. 11,6). Волос — честь, а также покрывало стыдливости и целомудрия жены.

Св. Григорий Нисский: «Посему под волосами на голове, которые «растит» жена, мудростию Павловою разумеются стыдливость и целомудрие». Этим, а не суетным украшением плетения волос, золота, жемчуга, многоценных одежд (1 Тим. 2,9) должна украшаться и покрываться от мира сего прелюбодейного всякая христианская душа. Здесь уместно упомянуть и нестрижение волос ветхозаветных назореев (Чис. 6), Самого Господа, а также христианских подвижников, монахов и священников.

Иное еще значение отыскивается в упоминании о волосах Невесты, исходя из их свойства бесчувственности (не ощущают боли, тепла, холода и проч.). Об этом так рассуждает бл. Феодорит: «*Чрез власы разуместь должно то, что в невесте не столь есть нужное и что только к телу относится: ибо власы не имеют ни жизни, ни чувств. Как бы рек: в самых делах человеческих, коими мы в жизни сей не можем не быть обязаны, ты себя похвальною и превосходною показуешь*». То есть восхваляется верность в малом (земном), которая может удостоить поставления и над великим (духовным). Святой же Григорий в бесчувственности волос усматривает такой смысл: «Посему в ком не возбуждает никакого ощущения вожделяемое в этом мире, кого не надмевают слава и честь, не оскорбляют обида и бесчестие, кто напротив того сохраняет себя одинаковым при том и другом из противоположных на него действий, тот есть восхваляемый у невесты *волос*, соделавшийся совершенно мертвым и неподвижным для всего, что в мире сем так или иначе будет на него действовать». Это бесчувствие есть христианское «умервщение плоти», и являет нам лик преподобных, «умертивших» себя и сделавшихся бесчувственными для этого мира.

И вот это бесчувствие для мира и есть наилучшее покрывало чести и целомудрия для христианской души.

Что же касается указания на **горы Галаадския**, то и св. Григорий Нисский, и бл. Феодорит усматривают в этом такой смысл. Поскольку там жили язычники-иноплеменники, то **стадо коз, сходящих с горы Галаадской**, означает обращение язычников от греховной жизни к благочестию, стадо коз покидает «свои места» и переходит к стаду овец Доброго Пастыря. И места непросвещенные стали «холмом свидетелей» Христовых, ибо Галаад и означает на еврейском «холм свидетелей».

3. *Зубы твои яко стада остриженных, яже изыдоша из купели, вся двоеплодны, и неродящая несть в них.*

Зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними.

Под образом *зубов* изображены чада Церкви Христовой, **стадо... овец** Христовых. Овец *остриженных*, то есть отложивших всякое мирское, греховное, земное попечение и привязанность. *Яже изыдоша из купели* святого крещения чистыми и убеленными от всякого греха, омывшими свою совесть. *И неродящая несть в них*, они освободились от духовного бесплодия. Полученный в святом крещении Дар Духа Святого производит в них духовные плоды. Теперь они *вся двоеплодны*, «кои данную себе благодать блюдут и сугубую умопознания, то есть и делопроизведения добродетель, производят» (бл. Феодорит). Все зубы парны — верхний и нижний, и пережевывают пищу. Верхний зуб указывает на плод умопознания, а нижний — на плод делопроизведения. И только в такой паре они способны «пережевывать» божественную пищу, которая есть исполнение воли Отца (Ин. 4,34).

Св. Григорий Нисский дает еще одно толкование значения *зубов* невесты: «Посему *зубами* служат для Церкви те, которые размягчают и пережевывают для нас неприправленные злаки божественных словес». Младенцы в вере не воспринимают твердой пищи и нуждаются в том, чтобы кто-то «пережевал» им ее. Это святые отцы и учителя церковные, которые в своих толкованиях изъяснили и сделали удобовосприимлемыми Божественные слова и догматы.

4. *Яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна.*

Как лента алая губы твои, и уста твои любезны.

Желала лобзаний уст Господних Невеста, похваляет и воспевает красоту уст ее Жених: *яко вервь червлена устне твои (как лента алая губы твои)!* И опять, кроме общего указания на красоту ее, находят святые отцы в этом восхвалении и таинственный смысл.

Бл. Феодорит: «*Яко вервь червлена*, приветствует ей: *устне твои, и беседа твоя красна*. Ибо сей цвет заимствуют оне от крови Моея». И подобно св. Григорий Нисский: «Ибо Церковь... *червленостию* научается взирать на ту кровь, которою мы избавлены, и всегда иметь в устах исповедание Искупившаго нас кровию». А вот чудное описание орла и орлят в книге Иова: «По твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое? Он живет на скале и ночует на зубце утесов и на местах не-

приступных; оттуда высматривает себе пищу: глаза его смотрят далеко; птенцы его пьют кровь, и где труп, там и он» (39,27-30). Господь подобен царственной птице орлу, а «птенцы Его» христиане «пьют Кровь» Божественного Спасителя своего в святой евхаристии. «Ибо где труп (преломленное Тело и пролитая Кровь Спасова), там соберутся орлы» — христиане*. «Птенцы Его пьют кровь», потому *червлена устне твои, как лента алая губы твои.*

Чему подобны *уста (губы) ее? Верви червлене.* Бл. Феодорит: «И словеса глаголют (уста ее. — Г.Ф.) истинны, которыми *яко вервию* некоторою уловляются человеки и связуются. Ибо *беседа твоя красна* их услаждает и останавливает, и удаляться не попускает, но устен твоих слушати понуждает». Посредством сей «словесной верви» уловляют апостолы и учителя церковные Христу души людские, ибо Он Сам сделал их ловцами человеков (Мф. 4,19).

И беседа твоя красна, и уста твои любезны. Святые учителя Церкви — вот ее уста, ее златоусты, богословы, двоесловы, ведущие *красную беседу любезными устами* своими.

5. К ланитам Невесты своей обращается теперь взор Жениха: *Яко оброщения шипка ланиты твои, кроме замолчания твоего, или: как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими.*

Ланиты и появляющийся на них стыдливый румянец означают стыдливость и целомудрие невесты. Этим в особенности указывается на лик праведных жен, как в полном целомудрии и девстве подвизавшихся, так и чистый и целомудренный брак хранивших, а также и честных вдов. Это все праведные жены «чистое, богобоязненное житие... в нетленной (красоте) кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» проводившие. Это те «святые жены, уповавшие на Бога, (которые) украшали себя, повинаясь своим мужьям» (1 Пет. 3,2.4-5).

Бл. Феодорит: «Похваляет еще он (Жених. — Г.Ф.) и ланиты лица ея вещая: *Яко оброщения шипка* (гранатового яблока) *ланиты твои, кроме замолчания твоего.* А сим означает, что

* Таким образом толкуют слова Спасителя «Ибо, где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24,28) бл. Иеронима Стридонский [«Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея», изд. Учебно-информ. екуменич. центра ап. Павла, МГУ, стр. 221], бл. Феофилакт Болгарский и др. толкователи. Так у бл. Феофилакта сказано: «И как на труп тотчас слетаются хищные орлы, так туда, где будет Христос, придут все святые, парящие на высоте добродетели; они подобно орлам, вознесутся на облака. Под трупом здесь разумеется Христос, т. к. Он умер».

таковой цвет невесты происходит от ее скромности, для которой она благоразумное сохраняет молчание, сокрывая со смиренномудрием таинственные речи так, как кожа шипка (гранатового яблока) сокрывает его зерна».

Подобно этому толкует и св. Григорий Нисский: «Ибо Слово... под видом румянца, цветущаго на ланитах, приличным образом хвалит целомудрие, украсив стыдливостью под загадочным именем шипка... Ибо как вяжущий вкус *оброшения шипка* питает и сберегает сладость заключающегося в нем плода: так жизнь воздержанная, суровая и изнуренная бывает стражем доброт целомудрия».

Сим завершил Жених восторженное описание лица и главы Невесты и далее говорит о шее ее:

6. Яко столп Давидов выя твоя, создан в Фалтиофе; тысяща щитов висит на нем, вся стрелы сильных.

Шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных.

Что означает созерцание шеи Невесты? Грацию и крепость, устремленность ввысь. Если голова Невесты — «свет Христов», то шея ее — «подсвечник» по словам Христа: «И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5,15).

Помимо (эстетического) созерцания красоты шеи Невесты, св. Григорий Нисский дает, если можно так выразиться, «анатомическое» рассмотрение. Он указывает на такие признаки и части **шеи**: держит на себе голову, поддерживается позвоночником, содержит в себе дыхательное горло, пищевод и голосовые связки. Подробно их описав, св. Григорий находит в том духовный смысл:

«Посему во-первых (и это и есть самое первое), если кто носит на себе истинную главу всего, разумею ту главу, которая есть Христос, «из Него же все тело составляемо и счиневаемо (Еф. 4,16); то он в собственном смысле носит на себе имя сие (*выи.* — Г.Ф.). А сверх того он — *выя*, если способен принять в себя Духа, возгревающего и делающего огнеподобным сердце наше (дыхательный путь приемлет воздух, возгревающий сердце. — Г.Ф.), и если благозвучным гласом служит Слову (голосовые связки. — Г.Ф.); потому что Бог не для инаго чего в естестве человеческом устроил голос, как для того, чтобы стать ему орудием слова, возглашающим движение сердца. Но *выя* сия пусть имеет и питательную деятельность, разумею учение (пищевод. —

Г.Ф.), которым соблюдается сила всего тела Церкви; потому что, пока притекает пища, тело остается в бытии; а при недостатке в пище оно гибнет и разрушается. Да подражает же и стройному положению позвонков, чтобы из тех, которые в народе составляют из себя каждый нечто особое, союзом мира соделать один член, и преклоняемый, и возставляемый, и удобно обращаемый в ту и другую сторону».

А теперь пора перейти и к тому сравнению, которое Жених производит, глядя на *выю* невесты: *Яко столп* (точнее даже башня) *Давидов выя твоя, создан в Фалтиофе; тысяща щитов висит на нем, вся стрелы сильных*. О воинственной мощи, которую напоминает Жениху *выя* (шея) Невесты-Церкви, готовой отражать всякую вражью силу, ограждая верных, пишет бл. Феодорит: «Вместо *Фалтиоф* Аквила перевел: «верхи стен градских», а Симмах: «высоты». И так *столп*, Давидом (на Сионе. — Г.Ф.) сооруженный, как он говорит, превышает есть стен градских, на коих он создан, и высок есть и видим так *выя твоя* высока есть и видима, и горняя сматрывает и созерцает. Она не по подобию прочих неразумных поникши на землю смотрит, ниже чреву служа свинням подобна. Но возвышена и выпрь устремлена будучи тысящу щитов имеет и всех сильных стрелы. Здесь число *тысяща* за всякое положено количество. *Выя твоя*, кроме того, что главу и лице на себе держит, все другие познания вмещает, коими яко *стрелами* всех врагов своих побеждает: имеешь между тем многие *щиты*, коими ты защищаешься и огненные лукавого стрелы сокрушаешь. Ибо ты ограждена духовным **оружием** и удобно врагов поражаешь, имея при себе в изобилии *все стрелы сильных*, и их то чрез Пророков, то чрез апостолов обличаешь, слабость их обнаруживая».

Фалтиоф — башня, сооруженная царем Давидом на Сионе для **оружий**. Само название *Фалтиоф* с греческого (βαλτιωθ) означает «укрепление», «защита». Церковь есть укрепление всех верных и защита их от всякого зла. А с еврейского (salpījos) означает «обучение», «упражнение». Здесь воины Христовы обучаются вести брань против дьявола и упражняются (=аскетика) в духовном подвижничестве. По-современному эту башню Давидову сочли бы неким военным училищем. Таковым и является Церковь для ратников Христовых. **Сооружена** эта башня **Давидом** — это означает, что Церковь создана Христом. Она — *столп* и утверждение истины (1 Тим. 3,15), и врата ада не одолеют ее (Мф.

16,18). Апостол Павел говорит о «щите веры» (Еф. 6,16). *Тысяща щитов висит на нем* (столпе), то есть множество подвижников веры святой Церкви. *Стрелы сильных*, коими украшена башня, суть слова апостолов и пророков, *коими сильные* в вере поражают сердца людей.

В этом мире строятся две башни. Одна башня — Вавилонская, ее строили в древности во славу свою, чтобы сделать себе имя. Господь не позволил ей быть достроенной. Она и поныне строится гордой каинской цивилизацией без Бога, «вольными каменщиками», но ей не суждено быть достроенной. Падет Вавилон, и уже навеки рухнет башня, чтобы более никогда не подняться...

А Господь созидает иную башню — Свою святую Церковь. Святой Ерм видел в видении построение этой башни, о чем и записал в книге «Пастырь»: «Итак башня, которую видишь строящуюся, это я, Церковь, которая явилась тебе теперь и являлась прежде...» И далее подробно описывает камни, из которых воздвигалась «башня-Церковь», означавшие различных ее членов [28]. Эта башня — вечная, она во Граде Бога живого, она от Небесного Иерусалима.

7. И далее восхваляет Жених Невесту Свою:

*Два сосца твоя яко два млада близнца серны, посомая в кри-
нах.*

Два сосца (две груди — точнее с еврейского) твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Сколь нежности в этих словах Божественного Жениха, во взгляде Его на Невесту, сколь нежности в прекрасной Невесте Его! Розовые сосцы белой груди Невесты напоминают пару близнецов молодой серны, пасущихся между лилиями. Нежный аромат благоухающих лилий, пасущаяся пара серн на цветущем лугу — все напоминает райские поля, где мир, покой и любовь. Сколь тепла и нежной любви получает и дитя у груди матери — кормилицы своей. Премудрый Соломон говорил в ином месте: «Ибо и я был сын у отца моего, нежно любимый и единственный у матери своей» (Прит. 4,3). Эту нежность и любовь, полученную от матери, он дарил теперь невесте своей, а она — ему. С тихой нежностью приходили и святые апостолы, эти **двойни молодой серны** (ибо апостолы были посылаемы по два, а Христос Жених «подобен серне» — 2,17), шли к верующим, **пасомым ими лилиям***. Так апостол Павел пишет солунским христианам: «Мы мог-

* По переводу Симмаха «цветы пасутся» двойнею серны. На этот перевод указывает в своем толковании бл. Феодорит.

ли явиться с важностью, как апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими» (1 Фес. 2,7). А римлян он же призывает: «Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью» (Рим. 12,10).

Кроме того, *два сосца*, конечно, указывают на «чистое словесное молоко», которым питаются новорожденные в Боге младенцы, дабы от него возрасти во спасение (1 Пет. 2,2). Св. Андрей Кесарийский, толкуя Откр. 1,13, говорит, что «перси», *два сосца*, означают Ветхий и Новый Завет Слова Божия, этого «словесного молока», которым питаются верные [19]. Так и бл. Феодорит: «Чрез *сосцы* разуместь должно паки источники учения, всякому возрасту приличное подающие, овим убо млеко, овим же брашно».

Почему сосцы уподобляются именно *младым* близнецам серны, бл. Феодорит объясняет так: «И поелику ныне от части познаем, и от части пророчествуем, то сосцы учения и нарицаются (*младыми*) *близнецами серны*. «Егда же придет совершенное, тогда все, еже от части, упразднится» (1 Кор.13,12.10)». То есть нынешнее младое несовершенное познание (*младые близнецы*) перейдет потом в совершенное.

Св. Григорий Нисский обращает внимание и на то, что Жених говорит о *сосцах* Невесты, сравнивая их с *младыми близнецами серны, пасомыми в кринах*, «потому что положение сердца находится между сими двумя юнцами, для которых кормом служит не сено и терние, но крины... Цвет же крин по природе имеет двоякий дар благоухания, соединенного с доброцветностью. Ибо обоняние исполняется Христова благоухания, а наружным видом показываются чистота и неоскверненность». Так и человек, по св. Григорию, есть внутренний и внешний. Внутренний вдыхает благоухание Духа Святого, аромат полевых лилий, а внешний украшается добродетелью, творя чистые дела, подобные чистоте белых лилий. И как лилии отличаются от терниев, так христиане (*пасущиеся между лилий*) отличаются от тех, кому «вместо питательного бывает иногда вожденно вредоносное, и они не питаются цветами добродетели, но услаждаются терниями и волчцами*, чем, как слышим, евангельская притча именует грехи, злое прозябение которых произвело злоумышление змия».

И дальнейшие слова:

* «Верблюды», не могущие пройти сквозь игольное ушко спасения.

4.6 Дондеже дхнет день, и подвигнутся сени.

Доколе день дышет (прохладою), и убегают тени, греческий текст, за которым следуют наши отцы-толкователи, относит к предыдущим словам о близнецах серны, пасущихся между лилиями. То есть они пасутся *дондеже дхнет день, и подвигнутся сени*. На значение этих слов уже указывалось в 2,17. Бл. Феодорит: «*Дондеже дхнет день* и зной, то есть попечения житейская престанут: *и подвигнутся сени*, то есть настоящие суеты, как я сказал, подобныя кончатся».

На этом и завершает Божественный Жених описание образа Своей возлюбленной Невесты. Отметим, что этот образ — поясной, в отличие от полного образа, который будет дан в седьмой главе. В этом можно усмотреть изначальное, еще неполное блаженство, которое имела Невеста в Женихе своем, по сравнению с тем, которое она будет иметь в конце, когда любовь ее к Жениху достигнет совершенства. Или можно обратить внимание на то, что в конце описан весь образ ее от ног (стоп) до верха головы, а здесь — только верхняя ее часть — область сердца и головы. Это может означать, что сейчас человек только умом и сердцем познает Бога и соединен с Ним, а потом, по воскресении своем, и телом чувственным (чрево — чувственность, ноги — то, что относится к земле, то есть все тело наше) будет участвовать в блаженстве любви Христовой. И еще: ныне состояние обручников, Жениха и Невесты, а в грядущем — Божественное бракосочетание.

Воспев и восхвалив Невесту, далее говорит Жених Себе:

4.6 Пойду себе к горе Смирней и к холму Ливанску.

4.6 Пойду я на гору мирровую и на холм финиама.

Бл. Феодорит: «Как бы рек: когда ты столь красна, столь доброзрачна, столь превосходишь всех красотою и столь уязвлена любовью ко мне: то я за тебя готов умереть, на *гору Смирнскую* вольно возшед: но паки возстану и возвращуся к горе *Ливанской*. Уже выше сказал я, что чрез *Смирну* означается смерть, а чрез *Ливан* Божественное естество. И так здесь спрашивается, для чего Он, говоря о смерти, упоминает о *горе*, а сказуя о Божестве приводит *холм*. Понеже сие столь высоко величественно и сокровенно есть, что никаким умом или помышлением человеческим постигнуто быть не может, что Он, «во образе Божии сый, не восхищением непщева быть равен Богу, но себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеса яко че-

довек. Послушлив был даже до смерти, смерти же крестная» (Фил. 2,6-8): А чтоб ему внити в славу свою, и прославиться тою славою, которую имел прежде мир не бысть: то сие для него не велико и не трудно, а напротив весьма легко было. Вот почему он *гору* Смирнскою назвал, а *холм* Ливанским, дабы показать, что сие ему легко было, а то трудно, особливо по человечеству. И так, когда он к смертному мучению приближался, то произнес: «Ныне душа моя возмутися». И: «Отче, аще возможно есть, да мимоидет мене чаша сия». И посем придает: «И что глаголю: Отче, сохрани мя в час сей. Но сего ради приидох на сие». Сие-то и в сем намекая месте вопиет: *Пойду себе к горе Смирней и к холму Ливанску*. Но и то, и другое вольно творю, никакою к тому недвижим нужно: ибо «власть имам положить душу мою, и власть имам паки прияти ю. Никтоже бо возьмет ю от мене, но аз полагаю о себе, да паки прииму ю» (Ин. 10,17-18).

Также и св. Григорий Нисский видит здесь «речь о таинстве страдания загадочным намеком о *смирне*, потом упомянув о *ливане*, которым указывает Божество, тем самым научает нас, что причащающийся с Ним *смирны*, без сомнения, приобщится и *ливана*. Ибо кто с Ним страдает, тот без сомнения с Ним и прославляется».

Так оставил Господь небеса небес, престол Отца, нисшел на землю и, всеми брошенный, преданный и оставленный, *пошел себе* на Голгофу к *горе Смирней*. Там, на Кресте, Он вкусил эту страшную смирну и на третий день боголепно восшел к *холму Ливанску*, явив Божество Свое в славном воскресении.

Воспев красоту различных частей тела Невесты, теперь восхваляет ее всю:

4.7 Вся добра еси ближняя моя, вся красна еси, и порока несть в тебе.

4.7 Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

Неотмирная, нетленная красота Церкви воспета многими святыми отцами и ведома каждому верующему сердцу. Эта красота Божия отражается в каждом праведнике Божиим.

Бл. Феодорит: «*Вся добра еси ближняя моя, вся красна еси, и порока несть в тебе*. Эти слова сходствуют с оными блаженного Павла словами, о Церкви произнесенными: «Да представит ю себе славну церковь, не имущу скверны или порока или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна» (Еф. 5,27). Непороч-

на же и добра соделалась, поелику ближнею жениху учинилась, и чрез то все красоты восприяла и светлейшею от самого света учинилась. О когда бы и нам дал Бог, дабы мы «откровенным лицом славу Господню зряще, в тойже образ преобразились от славы в славу, яко от Господня Духа» (2 Кор. 3,18)».

Св. Григорий Нисский: «А кто однажды был в божественной славе (кто приобщился тайне воскресения Христова. — Г.Ф.), тот всецело прекрасен, став вне сопротивного порока, от которого да будем далеки и мы».

Св. Василий Великий в толковании на Пс. 29,8 «Господи, волею Твоею подаждь доброте моей силу» рассуждает о красоте и силе как о неумозрительных добродетелях в отличие от умозрительных. «Прекрасна всякая душа, в которой созерцается соразмерность свойственных ей сил; но истинная и вожденнейшая красота, созерцаемая только имеющими очищенный ум, принадлежит Божиию и блаженному естеству. Кто внимательно устремляет взор на сияние и изящество сей Красоты, тот заимствует от Нея нечто, как бы от красильного раствора на собственное свое лицо наводя какие-то цветные лучи. Почему и Моисей, соделавшись причастником оной Красоты во время собеседования с Богом, имел прославленное лицо. Посему чувствующий свою добродетель издает сей благодарственный глас: «Господи, волею Твоею доброте моей подаждь силу»... И так нам должно заботиться о сей красоте, чтобы Жених-Слово, сретив нас, сказал: *вся добра еси ближняя моя, и порока несть в тебе*».

О красоте Невесты-Церкви размышляет бл. Иероним в толковании на Ис. 62,5: «Как юноша сочетается с девою, так сочетаются с тобою сыновья твои; и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой». Следовательно, если вследствие краткости времени, которое затруднительно, мужья так должны иметь жен, как бы они не имели их, то восколько более святым будет союз жениха и невесты? Это тот жених, о котором в восемнадцатом псалме поется: «и той яко жених исходящий от чертога своего» (Пс. 18,6), и та невеста, о которой очень часто пишется в Песни Песней и которая не имеет морщины и пятна (Песн., гл. 4). Ее Павел желает представить одному мужу чистою девою, чтобы она была свята телом и духом. О ней также под именем возлюбленного поет 44 псалом: «предста царица одесную Тебе, в ризах позлощенных одеяна преиспещрена» (ст. 10). Таким образом, как жених радуется о невесте и юноша вместе с де-

вою, в каковых примерах союз бывает святым, так Господь будет радоваться о той, имена которой останутся неизменными».

О красоте души, с которой она создана, потерянной в падении и восстанавливаемой в крещении, в покаянии и подвижнической жизни, рассуждает св. Феодор Студит: «Ибо Бог красотою ущедрил нас, сначала создав нас по образу и подобию Своему; и хотя мы чрез преслушание омрачили себя и осрамили, но Он опять облакает нас в красоту в благодати, «банею пакибытия, и обновления Духа Святого, Егоже излил на нас обильно Иисус Христом Спасителем нашим» (Тит. 3,5); когда же потом и здесь оказались мы непотребными, третье устроил нам средство к возвращению себе красоты — чрез покаяние в обете девства, «даровав нам вся прегрешения, истребив еже на нас рукописание» (Кол. 2,13,14) крестоносною жизнью подобно крещению. — Да пребывает же в красоте своей душа наша, чтоб удостоиться услышать: *вся добра еси, ближняя моя, и порока несть в тебе*».

Своеобразное применение этим словам Песни Песней находит св. Иоанн Дамаскин. В борьбе с иконоборцами он называет священные изображения (иконы) красою церкви. В них, как едва ли в чем ином, видимо и вещественно явлена неотмирная, неземная красота Церкви, светящаяся в ликах святых. Так он пишет в «Третьем защитительном слове против отвергающих святыя иконы»: «Братья, христолюбивыя чада Церкви, не позорьте мать вашу, не уничтожайте ея украшения, примите ее, говорящую мною. Научитесь, что говорит о ней Бог: *вся добра еси, ближняя моя, и порока несть в тебе*».

Далее Жених-Господь призывает к Себе Свою Невесту и обращается к ней (4,8-16). Вот Он зовет ее к Себе:

4.8 Гряди от Ливана невесто, гряди от Ливана: прииди и прейди из начала веры, от главы Саннира и Аермона, от оград львовых, от гор пардалеов.

4.8 Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спешь с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львовых, от гор барсовых!

Зовет Господь: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей!», зовет Господь Невесту Свою Возлюбленную, зовет Церковь Свою святую, зовет душу, Собою Самим искупленную. Зовет ее с гор Ливана (вершины **Аманы**) и с гор Антиливана (вершины *Саннира и Аермона*). Святые отцы дают два толкования значения воззвания Невесты с этих вершин. Одно дают св. Афанасий Великий и бл. Феодорит, другое — св. Григорий Нисский.

Св. Афанасий Великий видит в воззвании Жениха в 2,10-15, где с наступлением весны после зимы Жених зовет Невесту, призвание в Церковь Христову иудеев, а здесь в 4,8 в призвании Невесты с языческих гор *Ливана* и *Аермона* (Антиливана) он видит призвание в Церковь Христову язычников. Так, св. Афанасий пишет: «Далее Слово, призвав Иерусалим (см. 2,10-13. — Г.Ф.), призывает потом и язычников, ибо один Господь для иудеев и для язычников: гряди от Ливана невесто, *гряди от Ливана: прииди и прейди от начала веры, от главы Санира и Аермона, от оград львовых, от гор пардалеов*; — от идолослужения и зверского нрава Он призывает ее к вере».

Подобным же образом толкует и бл. Феодорит, только он различает значение гор Ливанских и гор Антиливанских. В призвании Невесты с гор Ливанских он видит призвание язычников в Церковь Христову, а с гор Антиливанских — призвание иудеев.

Бл. Феодорит: «Здесь же от *Ливана* призывает ее (невесту. — Г.Ф.), и от *Санира*, чрез *Ливан* означая идолопоклонение, чрез *Санир* же, еже толкуется «путь светильничный», способ жить по закону. Светильник бо есть закон и в ночи сияющий: солнце же есть Христос, и во дни просвещающий... Придает же и гору *Аермон*, закон чрез оную означая: ибо богодухновенный Давид говорит: «Яко роса Аермонская сходящая на горы Сионския» (Пс. 132,3), то есть правила закона, преданныя живущим на горах Сиона... Жених убо от *Ливана* призывает тех, кои идолам поклоняться обыкли: от *Санира* же и *Аермона* тех, кои росу закона и свет повелений Божественных прияли».

Что касается *оград (логовищ) львовых и гор пардалеов (барсовых)*, то в них все святые отцы одинаково усматривают звероподобный нрав живших до Христа во тьме неведения. Так пишет об этом бл. Феодорит: «*Ограды львовы* нарицает дерзостнейших и безумствующих иудеев, *пардами* же мудрых языческих, которые, многословием своим и искусством доводов прикрывая ложное учение свое, простых и неученых людей прельщают».

Иначе видит значение призвания невесты от *Ливана*, *Санира* и *Аермона* св. Григорий Нисский. Согласно св. Григорию, призвание с *Ливана от начала веры* означает призвание к вере в воскресшего Господа, ибо значение *Ливана* он принимает то, к которому мы пришли в 3,6 и 4,6, где *Ливан* означает божественную природу Христа, в особенности явленную Его славным

воскресением. А призвание с Антиливана, от гор *Санира* и *Аермона* означает призвание к таинству святого крещения, ибо от этих гор берут свое начало струи Иордана, в которых и было учреждено это Божественное таинство. А через веру и крещение и входит человек во святую Церковь, в которую Небесный Жених и призывает жаждущих «воды живой» и спасения.

Св. Григорий Нисский: «Прекрасно в предшествовавшее сему время последовала ты (Невеста. — Г.Ф.) Мне, говорит Слово, и пришла за Мною к горе *смирней*... сопровождала Меня и к холму *Ливанску*; ибо совопала со Мною и возвысилась в общении Божества, на которое указывает имя *Ливана*... *Началом веры* служит тебе этот *Ливан*, которого приобщилась ты воскресением, — но и началом в шествии к высшим благам. Посему из сего *начала*, которое есть *вера*, *прииди и преиди*, то есть, и теперь продолжай идти, и непрестанно продолжая шествие, не прекращай таковых восхождений (излюбленная мысль св. Григория о духовном восхождении от славы в славу, которое он находит на протяжении всей Песни Песней. — Г.Ф.).

Буквально же читается так: *прииди и преиди из начала веры, от главы Санира и Аермона*. Сим указывает Слово на тайну рождения свыше. Ибо отсюда, как сказывают, вытекают источники Иордана; за ними лежит эта гора, разделяемая на два гребня, которым приданы сии имена: *Санир* и *Аермон*. Итак, поелику из сих источников составившийся поток сделался для нас началом обожения, то посему-то Невеста слышит от призывающего ее к Себе сии слова: *гряди от Ливана, из начала веры, от главы сих высот, откуда истекли для тебя источники таинства*».

В III веке в Церкви был большой спор о действительности или недействительности крещения еретиков. Св. Киприан, епископ Карфагенский, отстаивал мнение, что действительным может быть только таинство, совершаемое в лоне истинной Кафолической Церкви. Его мнение поддерживал Фирмилиан, епископ Кесарии Каппадокийской, что явствует из их переписки. В письме Фирмилиана св. Киприану на эту тему находится прекрасное рассуждение о единстве Церкви, которое он основывает на обсуждаемом нами тексте Песни Песней.

Фирмилиан, епископ Кесарии Каппадокийской: «У Христа нет многих невест, и потому апостол говорит: «обручих вас единому мужу деу чисту представить Христови» (Кор. 11,2). В другом месте Писания сказано: «Слыши дщи и виждь и приклони ухо

твое, и забуди люди твоя, — и возжелает царь доброты твоея» (Пс. 44,11.12). И еще: *Гряди от Ливана, Невесто, прииди и прейди из начала веры* (Песн. 4,8). То же: *внидох в вертоград Мой сестра Моя невеста* (Песн. 5,1). Мы видим, что везде упоминается об одном только лице; следовательно, невеста только одна. А как еретическое скопище не есть одно с нами, то оно не есть и невеста, но подложница и любовница и, следовательно, не может раждать чад Божиих».

Что касается крещения еретиков, сохраняя безусловно учение об одной Невесте, святая Церковь на I Вселенском Соборе приняла однако более широкое учение папы Римского Стефана, с которым полемизировал св. Киприан Карфагенский.

А теперь к похвале Невесте Женихом присоединяются друзья Жениха, то есть ангелы Божии:

4.9 Сердце наше привлекла еси сестро моя невесто, сердце наше привлекла еси единым от очю твоею, единым монистом выи твоея.

4.9 Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.

Появление множественного числа (*сердце наше*) св. Григорий Нисский объясняет как обращение к Невесте уже не Жениха, а Его друзей, то есть ангелов Божиих. Невеста «делается чудом для лика окружающих Жениха ангелов; и все благоговейно обращают к ней глас удивления: *сердце наше привлекла еси сестро наша невесто*». Невеста она «по союзу со Словом», ибо Господь уневестил Себе Церковь и каждую праведную душу. Но почему же ангелы именуют ее *сестрою*? Господу она *сестра*, потому что Он стал Сыном Человеческим по Боговоплощению, стал «первородным между многими братьями» (Рим. 8,29), войдя в наш человеческий род, и мы имеем даже Его родословную, а «мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5,30). А по воскресении Господь Сам называет учеников Своих братьями, говоря: «Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 28,10). «Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12,50). Он — Брат, и Он — Жених Церкви. Но почему она теперь и друзьям Его, святым ангелам Небесным, *сестра*? По достигнутому бесстрастию! «Ибо черта бесстрастия, одина-

ково сияющая и в ней и в ангелах, в родство и братство с плотными вводит и ее, еще во плоти преуспевшую в безстрастии». Потому и преподобных именуют «во плоти ангел», или «небесный человек». Ибо, что ангелы имеют по природе (бесстрастие), то подвижники обрели, победив свою природу благодатью Божией и своим подвигом, почему и вызвали удивление ангелов и пленили сердце их!

Пленила Невеста и сердце Христово, ибо Он возлюбил ее до смерти крестной, распят за Нее и «взят в плен» ею, пленен ею навсегда, любовью соединившись с плотью ее, с человеческой природой. Равный Богу, теперь став Человеком, Он — «раб и пленник».

— *Сердце наше привлекла еси*, — зывают Невесте вместе с Женихом и ангелы Божии. Кроме восхищения ангельского, св. Григорий Нисский объясняет это еще, согласно с апостолом Павлом, так, что «сердцу ангельскому» теперь через Церковь открываются новые тайны домостроительства спасения*, чем Церковь и *привлекла сердце* ангелов: «Дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ через веру в Него» (Еф. 3,10-12). Ибо действительно Церковию скажется премирным силам многоразличная премудрость Божия, совершающая великия чудеса чрез противоположное. Как произошла жизнь от смерти, правда от греха, благословение от клятвы, слава от безчестия и сила от немощи?.. Ибо все сии и подобныя сим подлинно разнообразныя и не простыя дела премудрости от Церкви дознав, друзья Жениховы (ангелы Божии. — Г.Ф.) *привлечены были сердцем*. ...Друзья Жениховы... привлеклись сердцем, потому что в Церкви яснее видят Невидимаго».

Сердце наше привлекла еси единым от очию твоею, то есть дословно и с греческого и с еврейского «одним глазом твоим». Синодальный же перевод: **одним взглядом очей твоих**, — произвольно подводит под более легко усвояемый смысл. Но речь идет все-таки, как бы ни казалось странным такое восхваление, не об одном взгляде очей, но именно об одном оке (глазе). Именно в таком значении брали этот текст и святые отцы.

* Не ангелы научают людей, но сами научаются от них!

Св. Григорий Нисский: «*Сердце наше привлекла еси единым от очию твоею*; то есть, сие всего более произвело в друзьях чудное расположение к невесте. Поелику зрительная деятельность души двояка: одна усматривает истину, а другая блуждает вкруг суетного; то, как чистое око невесты отверсто на одно естество добра, другое же ея око, без сомнения, остается бездейственным; посему самому друзья восписуют хвалу *единому* оку, которым одним созерцает Единого, разумею онаго Единого, в непрерывном и вечном естестве со-объемлемого, истинного Отца, Единородного Сына и Святаго Духа». И далее св. Григорий, по злобе дня своего времени, развивает мысль о *едином* оке, созерцающем в Трех Ипостасях единое Божественное Естество, в противовес «многоочитым» видящим в разных Ипостасях различные естества (ариане, полуариане, духовборцы-македоняне). Итак, *единое око* Невесты — это око, направленное на чистое созерцание Бога и божественных тайн.

Подобным образом толкует и бл. Феодорит, считая, в отличие от св. Григория, оба ока светлыми, но одно, которое созерцает Бога, досточуднее и более достойное похвалы: «Хотя оба ока твои суть достоудивительны и духовны, и голубине справедливо назваться должны*, однако одно из них, которое Божественная умосозерцает, которое зрит сокровенныя тайны, сердце мое удивлением поражает». О другом оке далее бл. Феодорит говорит, что оно к «познанию вещей чувственных» предназначено, тоже достойно похвалы, но меньшей, чем первое.

Сердце наше привлекла еси... единым монистом выи твоя. *Единое монисто* — это второе, чем Невеста привлекла к себе сердце Жениха и друзей Его. Бл. Феодорит: «Посмотрим же, какое есть сие одно украшение, которое, обложено будучи на выи невесты, прочих превосходит, и спросим святого Павла, глаголющего тако: «Пребывают вера, надежда, любви, три сия: больши же всех любви» (1 Кор. 13,13). И паки, «исполнение же закона любви есть» (Рим. 13,10)... Сему-то *монисту* невесты жених удивляется».

Если *единым оком* Невеста узрела Единое Естество Единого Бога, а «Бог есть любовь», то и *единым* украшением ее, *единым монистом*, вызывающим удивление и восхищение Самого Христа-Жениха и ангелов Божиих есть любовь. Она единая может *привлечь сердце* и даже *пленить* его. Она единая есть совокуп-

* Это более убедительно и соответствует тексту, нежели у св. Григория, считающего одно око нечистым.

ность всякого совершенства (Кол. 3,14). А все остальное без любви ничего не значит, как совершенно бы ни было (1 Кор. 13), и ничье сердце пленить не может. Знание, сила, деятельность без любви могут восхищать, удивлять, но не привлекать сердце.

Нисколько не противореча мысли бл. Феодорита, св. Григорий Нисский так рассуждает о *едином монисте*: «Имеет совершенство и положение выи Твоей (Невесты. — Г.Ф.), подъявшей на себя Божественное иго. Посему в *монисте выи твоея* видим иго Христово, а в расположении к действительно доброму — одно око и одну душу... *Монист же выи* невестиной, как сказано есть иго». А мы добавим: иго добрых во Христе дел исполнения Его заповедей, то есть иго любви!

Далее Жених восклицает о Невесте:

4.10 Что удобреста сосца твоя, сестро моя невеста? что удобреста сосца твоя паче вина, и воня риз твоих паче всех аромат?

4.10 О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!

Бл. Феодорит указывает на то, что красота Невесты все возрастает: «Понеже от *вина* духовнаго и таинственной чаши получают сосцы твои большую красоту. А что *сосцы* означают источники учения, сие уже мною было сказано».

Так веселят жаждущих *сосцы* церковные *вином* учения Христова. А благодать Духа Святого и таинственная чаша — суть источники, которыми напояются эти священные *сосцы*.

Подобным образом размышляет об этом и св. Григорий Нисский: «Посему наименовавший ее *сестрою* и *невестою* своею вызывает причину изменения в нечто лучшее и совершеннейшее *сосцев* ея, не млеко уже изливающих в пищу младенцам, но на веселие совершенным источающих чистое *вино* доброты». А причина такого изменения, по св. Григорию, в том, что: «Божество всегда бывает к нам таково, каковыми сами себя по произволению оказываем пред Богом (что благ Он для добрых, свидетельствует в пророчестве (Пс. 72,1) Давид, а для уподобившихся по жизни зверям другой некто из Пророков называет Его медведицею и рысью (Ос. 13,7.8)». Таким образом та, которая в начале взывала к Слову: «Яко блага сосца Твоя паче вина, и воня мира твоего паче всех аромат» (1,2), теперь сама слышит эти слова от Гос-

пода. «Как при взаимном благодушии супругов, когда оба вознаграждают друг друга за нежное расположение, соблюдается некоторым образом исполненная любви привязанность. Жених приветствует Церковь в выражениях, подобных тем, какими она предварительно в самом начале возвеличила красоту Его». То, что сначала нашла в Нем, то теперь обретается в ней самой.

Восхвалив сосцы Невесты, Жених хвалит благоухание ее одежд: *И воня риз твоих паче всех аромат.*

В этом сопоставлении и бл. Феодорит, и св. Григорий Нисский видят превосходство новозаветной Церкви над ветхозаветной, только бл. Феодорит — в отношении заповедей, а св. Григорий — в отношении жертвоприношения.

Бл. Феодорит: «Сии одежды твои столь издают сладости, что благоухание их мало изливанное законную правду, которая чрез ароматы здесь означает, далеко превосходит». То есть, по мысли бл. Феодорита, даже малая толика евангельских заповедей превосходит духовным своим благоуханием все ароматы Ветхого Закона.

Св. Григорий Нисский: «Посему разумею, что Слово называется *ароматами* все, что по сказанию Писания, благоуханно. Так Ной приносит жертву Богу, и «обоня Господь воню благоухания» (Быт. 8,21). Следовательно жертва бывает *ароматом* для Бога. И после сего по закону приносятся Богу многия жертвы умилоустивительныя, благодарственные, спасительныя, очистительныя, и о грехе. Все сие полагай в число *ароматов*, а также всеплодия, всесожжения, части отделяемая на жертвоприношение, грудь жертвы, перепонку печени, тук с почек, сверх сего ливан, пшеничную муку, смешанную с елеем, фимиам сложения и все прочее, что посредством огня приносимо было Богу, внеси в список *ароматов*. Посему, когда услышим, что *миро* невесты пред всеми *ароматами* удостоивается большего одобрения, дознаем из сего слова, что таинство истины, совершаемое евангельским учением, одно благоуханно пред Богом, предпочтительно всем подзаконным *ароматам*; как не прикрытое уже каким-либо прообразом и сению, но делающееся благоуханным в явлении истины».

На Голгофе у Креста воины «разделиша ризы Моя себе и об одежде Моей меташа жребий». В эти *риз*ы и хитон Христов облеклася Невеста Христова в купели святого крещения. Всяк крещаемый, выйдя из святой купели, слышит слова священника: «Облекается в ризу правды раб Божий (имя рек) во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и после этого приемлет помазание святым

миром. И если это благоухание Духа приносит обильный плод, то воистину *воня риз твоих паче всех аромат.*

И далее говорит Жених о Невесте Своей:

4.11 Сот искапают устне твои невесто: мед и млеко под языком твоим, и благовоние риз твоих, яко благоухание Ливана.

4.11 Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Первое сравнение — *сот искапают устне твои* и *мед и млеко под языком твоим* — означает учение церковное и учителей святой Церкви.

Бл. Феодорит: «Жених вещает невесте своей: *Сот искапают устне твои невесто, мед и млеко под языком твоим*, означая чрез сие учителей церкви, кои благочестивое преподают учение, как бы соты пчелинные в устах своих имущие, и медовыя изливая капли: не токмо же мед имущие, но и млеко, всякому приличную преподавая пищу, и как младенцем, так и совершенным удобопитательную... И соту убо по видимому подобно есть писмя, меду же разум в нем сокровенный. Сего меда капли из уст благочестивых учителей истекают, так как и из языка их лиется млеко для требующих млека».

Св. Григорий Нисский также толкует этот текст: «Сот искапают устне твои невесто, мед и млеко *под языком твоим*. Готово у тебя слово (говорит Жених Невесте Своей. — Г.Ф.), не одного рода пользу оказывающее слушателям, но приспособленное к силам приемлющих, так что пригодно оно и более совершенным и младенчествуящим, для совершенных служа медом, а для младенствующим — млеком. Таков был Павел, он более нежными словами питает новорожденных, а совершенным глаголет премудрость в тайне сокровенную от веков, и которой не вмещают век сей и князи его (1 Кор. 2,6-7)».

Св. Григорий толкует кроме того и то, почему мед и молоко *под языком твоим*. «Итак Жених скажет, что такое уготовление меда и млека (то есть сообразное духовному уровню каждого. — Г.Ф.) лежит *под языком* у невесты, указывая таковым изречением на сокровенное и благовременное употребление словес. Ибо кто знает, как должно отвечать каждому, тот, имея под языком эту многоразличную силу слова, каждому из слушающих, сообразно с временем, предлагает благопотребное».

Воистину, какой это великий дар иметь слово не на языке, не на кончике его, а под ним! И извлекать это слово только во время благопотребное!

Второе сравнение: *И благовоние риз твоих, яко благоухание Ливана.*

Церковь и душа приобщаются Божеской славы (обожения), ибо *Ливан* означает Божество.

Бл. Феодорит: «Что сам жених зделался одеждою для невесты (одев верную душу благодатными своими дарами), я уже предложил... Ибо во Христа облеклся, иже Бог есть и человек: Божество бо являет *Ливан*, который по предписанию ветхозаветному Богу приносим был».

Так же объясняет св. Григорий Нисский: «Ибо конец доблестной жизни — уподобление Божеству, а поэтому доблестные со всею тщательностию стараются преуспевать чистотою души, устранением себя от всякого страстного расположения, чтобы при улучшенной жизни и в них образовались некоторые черты превысшаго естества... Благоуханию Ливана подобно благовоние риз твоих; но поелику по некоей причине фимиам ливана установлено было воскурять исключительно в честь Божеству, то посему самому предпочтенная всем ароматам удостоивается уподобления одному аромату, который посвящен Богу».

Достоинства Невесты, воспетые в 10-11 стихах, пресвитер Илия Екдик [25] относит к добродетели бесстрастия, о чем он пишет так: «Из уст безстрастия, как соты меда, каплют словеса вечной жизни. Кто убо сподобится к устам онаго прикоснуться своими устами, и посреде сосцев его водвориться, и сладкою вонею одежд его облагоухается? — то есть насладиться плодами добродетелей, коих воня паче всех аромат, известных нам чрез чувства (Песн. 4,10-11)?!»

Сравнение *мед и млеко*, естественно, напоминает слова, сказанные об Обетованной Святой Земле, что это земля, «где течет молоко и мед» (Исх.3,8). Святая Церковь и христианская благочестивая душа уподоблены райскому саду, Небесному Ханаану. Ибо едва ли не важнее, чем душе попасть в рай, то, чтобы рай вошел в нее, чтобы душа стала «землею», где обильно «текут мед и млеко» благодати Божией.

Далее из уст Жениха следует новый чудный образ Невесты — образ вертограда или сада Божия.

4.12-15 Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен. Леторасли твоя сад шипков

(гранатовых яблок) с плодом яблочным, кипри с нардами. Нард и шафран, трость и киннамон, со всеми древами Ливанскими. Смирна алой со всеми первыми мирами. Источник вертограда, и кладязь воды живы и истекающая от Ливана.

4.12-15 Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник; рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана.

Приступим же к этому божественному саду (вертограду) и насладимся видом его, и тенью, и ароматами, и плодами и, вместе с деревьями этого сада, припадем к его запечатленному и живоносному источнику!

Святые отцы находят в этом *вертограде* и образ рая Божия, и образ святой Церкви, и образ благочестивой души, и образ сада, в котором воскрес Господь.

Св. Кирилл Иерусалимский, как всегда, находит в Песни Песней пророчество на конкретные евангельские события, в данном случае на сад, в котором был погребен и воскрес Христос.

«Хочешь же знать и место? Говорит еще в Песнях: *в вертоград орехов внидох* (6,10). Ибо «верт бе, идеже распялся» (Ин. 19,41). И если теперь место сие особенно украшено царскими дарами, то прежде был на нем вертоград; остаются еще признаки и следы сего. *Вертоград заключен, источник запечатлен* иудеями, которые сказали: «помянухом, яко льстец Онъ еще сый жив рече, яко по триех днех востану. Повели убо утвердити гроб (Мф. 27,63-64). И потом: они же шедше утвердиша гроб, знаменовавше камень с кустодиею» (ст. 66). Им-то в укоризну прекрасно некто сказал: «и в покои судити их имаше» (Иов 7,18). Кто же есть *источник запечатленный*? Или кто разумеется под источником *кладязя воды живы*? Сам Спаситель, о котором написано: «яко у Тебе источник живота» (Пс. 35,10). В дальнейшем упоминании о *смирне и алое* св. Кирилл видит указание на погребение Спасителя в саду: «*Смирна алой со всеми первыми мирами*. Но это признаки погребения, и в Евангелиях сказано: «приидоша жены на гроб, носяще, еже уготоваша ароматы» (Лк. 24,1) и «Никодим, нося смешение смирнено и алойно» (Ин. 19,39)».

Бл. Августин в своем творении «О граде Божием» отстаивает учение, согласно которому рай, где обитали прародители наши Адам и Ева, можно истолковывать духовно*, и при этом нисколько не отменить веру в его реальное историческое существование. При этом он пользуется образом *вертограда заключена* Песни Песней.

«Можно понимать это же самое (духовное толкование рая. — Г.Ф.) и применительно к Церкви, принимая это, пожалуй, за своего рода предварительные пророческие указания на будущее. Так под раем можно разуместь самую Церковь, как о ней говорится в *Песни Песней* (4,13); под четырьмя райскими реками — четыре Евангелия; под плодоносными деревьями — святых, а под их плодами — дела их; под древом жизни — Святого Святых, то есть Христа; под древом познания добра и зла — личный произвол воли... Пусть относительно духовного понимания рая говорят это или что-либо другое, более применимое, что могут сказать: этого никто не запрещает; лишь бы только сохранялась бы при этом вера в историческую подлинность самого достоверного повествования о том, что было»**.

Словами о *вертограде заключенном* и *источнике запечатленном* как образах св. Церкви и ее благодатного источника — живых вод Духа Святого (святые таинства), св. Киприан Карфагенский и единомысленные с ним епископы отстаивали учение о возможности и действительности святого крещения только в лоне Кафолической Церкви, но не у еретиков. Не принимая ригористические крайности этого учения, само толкование о Церкви как *вертограде заключенном*, как *запертом саде*, о *запечатленном* в Церкви источнике благодати совершенно верно. Церковь отделена от этого мира и от всякой лжи заблуждения (ереси), она не от мира сего (Ин. 18,36) и вся Христова. Она не постижима мирским разумом. Она питается и напояется благодатью, которая только в ней. Мир способен видеть только внешнюю сторону ее ограды (внешние формы христианства), а все внутреннее сокровенно от него. Как учил св. Ириней Лионский: «Ибо в церкви — говорится — Бог положил апостолов, пророков, учителей и все

* Сам бл. Августин дает при этом толкование па рай, как «жизнь блаженных» и другое на рай, как Церковь Христову. Во втором случае он и прибегает к образу из Песни Песней.

** При бл. Августине, как и в наше время, некоторые готовы были принимать только символическое значение рая и истории о прародителях, отрицая историческое значение первых глав книги Бытия.

прочия (средства) действия Духа; коего не причастны все те, которые не согласуются с Церковью... Ибо где Церковь, там и Дух Божий; и где Дух Божий, там Церковь и всякая благодать, а Дух есть истина. Посему кто не причастен Его, не питаются для жизни от сосцев матери, не пользуются чистейшим источником, исходящим от тела Христова, но выкапывают себе сокрушенные колодцы (Иер. 2,13) из земных рвов и пьют гнилую воду из грязи, удаляясь веры Церкви, чтобы не обратиться, и отвергая Духа, чтобы не вразумиться». Все, что в Церкви — тайна для мира. «Двери, двери, премудростию вонмем», — возглашает диакон перед таинством Церкви, а оглашенные, не говоря о людях случайных и не христианах, еще ранее должны были уйти, выйти из церкви. Но все это — в прошлом. Если ранее «малые лисы портили заключенный вертоград», то ныне разрушена сама ограда — времена апокалиптические. С силою мир вторгается в Сад Божий. Но это только внешне. Внутренне Церковь всегда та же, всегда равна самой себе, навсегда *заключена* Христом для мира, и не помутнен ее *запечатленный источник* истины и благодати Божией, при всей внешней грязи и поврежденности. И в том — чудо Божие!

А теперь вернемся к св. Киприану Карфагенскому и его учению о Церкви как *вертограде заключен*.

Св. Киприан (Письмо 61 «К Помпею против Стефана о крещении еретиков»): «Но вот нам предано, что и Бог один, и Христос один, и вера одна, и надежда одна, и Церковь одна, и крещение одно (Еф. 4,5), установленное в одной Церкви. Если бы теперь кто-нибудь отпал от этого единства, то такового необходимо считать еретиком; а кто защищает таких против Церкви, тот вооружается против таинства божественного предания. Таинство же сего единства мы видим выраженным и в Песни Песней от лица Самого Христа, говорящего: *вертоград заключен, сестра моя, невеста, источник запечатлен... кладязь воды живы; ...сад с плодом яблочным*. Если же Церковь Его есть сад замкнутый и источник запечатленный, то каким образом может войти в этот сад или пить из его источника тот, кто не находится в Церкви?»

Эту же мысль св. Киприан Карфагенский раскрывает в письме «К Магну о крещении Новациан и о получивших крещение в болезни»: «А что Церковь одна, это возвещает Дух Святой в Песни Песней, говоря от лица Христова: *едина есть голубица моя, совершенная моя, едина есть матери своей, избрана есть*

родившей ю (6,8); и о ней же опять говорит: *вертоград заключен, сестра моя, невеста, источник запечатлен... кладязь воды живы*. Если же Невеста Христова, которая есть Церковь, есть вертоград заключенный, то заключенного нельзя открывать чужим и сторонним. Если она источник запечатлен, то ни пить из него, ни запечатлеться им не может тот, кто, будучи поставлен вне, не имеет доступа к источнику. Если она есть единственный кладязь воды живой, находящийся внутри, то поставленный вне не может освящаться и оживляться от той воды, все употребление и питье которой уступлено находящимся внутри».

Со святым Киприаном согласен Фирмилиан, епископ Кесарии Каппадокийской, который в ответном письме пишет ему: «Мы не можем опустить без внимания и того, что сказано вами о Церкви, именно, что это, по словам Песни Песней, *вертоград заключен, источник запечатлен, сад шипков с плодом яблочным*. Как же может дать кому-либо живую воду спасительной бани от источника, заключенного внутри и запечатленного божественною печатью тот, кто сам никогда не входил в этот вертоград и не видел сада, насажденного Творцом Богом?»

Таково учение этих отцов III-го века о Церкви как запертом саде, вертограде заключенном и о запечатленном источнике в ней колодца с водой живой.

А теперь обратимся к толкованию бл. Феодорита о божественном вертограде Церкви.

«*Вертоградом* называет невесту, так как она не один благочестия и добродетели плод, но многие и различные раждает; *заключенным* же потому, что он огражден и от похищений безопасен: ибо «врата», говорит, «адова не одолеют её» (Мф. 16,18)... Посему многие и различные плоды приносит, не боясь нападений ни от воров, ни от наездников. *Источник* также есть *запечатленный*, коего струи не каждому, но токмо достойным открыты. О сем-то источнике и Господь рек: «Всяк пияй от воды, юже аз дам, не вжаждется во веки: но будет в нем источник воды живы, текущая в живот вечный» (Ин. 4,14)... только просвещенным верою откровенны Божественныя таинства».

Св. Григорий Нисский видит в *вертограде* *заключене* христианскую душу, уподобившуюся саду, произрастившему множество деревьев различных добродетелей.

Согрешивший Адам был изгнан из рая, благоухающий сад остался пустым позади него, райский сад был заключен, а источ-

ник его «четверорукавный» запечатлен. Доступа туда больше не было. А земля, сердце человеческое, произрастила терния и волчцы грехов и страстей.

И вот второй Адам — Христос, Небесный Жених, возвращает опять в рай. Он насадил и создал Новый Сад — святую Церковь, вертоград, «вокруг обнесенный оплотом заповедей» (св. Григорий Нисский). Вот истинная ограда Церкви. Догматы, каноны и установления церковные ограждают Сад Божий от «вепра от дубравы» и «уединенного дивия» (Пс. 79,14), стремящихся разорить насаждения Божии. Св. Церковь процвела своими святыми, явившими житием своим дары Духа Божия. Каждый из них — особое дерево, плод и цвет Сада Божия. Но и сама благочестивая душа теперь — Сад Божий, процветший множеством деревьев и плодов различных добродетелей. Душа должна быть *вертоградом заключенным*, чистым и благоуханным изнутри, заключенным и запертым для всякого греха и страсти. Об этом так пишет подвижник IX в. св. Феодор Едесский: «Душа чистая — сосуд избранный — справедливо может быть названа еще и *вертоградом заключенным, источником запечатленным* и «престолом чувствия» (Прит. 12,23). Но душа, оскверненная нечистыми страстями, преисполнена смрадом зловония греховного». Живой источник Божией благодати в Церкви и в каждой верной Христу душе.

Далее Жених в отдельности хвалит различные деревья и плоды *вертограда*. Св. Григорий Нисский и бл. Феодорит, согласно качеству каждого, находят соответствие в духовных дарованиях святых и различных добродетелях. Войдемте же в этот сад и увидим чудные насаждения сада Божия!

Леторасли твоя сад шипков (=гранатовых яблок) *с плодом яблочным*. *Леторасли* — это свежие побеги, произросшие за лето, или **рассаdники**. Это новая добродетель, принесенная Христом, еще весенне-нежная, сначала не совсем окрепшая, но служащая **рассаdником** — саженцами и разнесенная всюду апостолами как садовниками, и вскоре обратившая некогда пустынное и унылое место в *сад шипков* (=гранатовых яблок). Этой добродетелью, с которой все начинается (первая рассада в начале лета) в Саду Христовом, является любовь. Бл. Феодорит: «Чрез гранатовое яблоко, по моему мнению, переносным образом начинается любовь, так как под одною сего яблока кожицею многия находятся зернышки, так между собою расположен-

ных, что одно другого не утесняет и не повреждает, но все целыми пребывают». Кроме того все яблоко разделено на ряд ячеек, разделенных тоненькими пленочками, в чем бл. Феодорит усматривает указание на различные чины святых (девственники, безбрачные, супруги, богатые, бедные, господа и рабы) — и все они в любви и мирном согласовании образуют одно чудное яблоко в Саду Церкви Христовой. В мире, вне вертограда Христова, все это враждует и не согласуется. На любовь указывает также красный цвет гранатового яблока. Взирая на первых христиан, язычники с удивлением восклицали: «Смотрите, как они любят друг друга!»

Из сока гранатовых яблок изготовлялся на Востоке прохладительный освежающий напиток щербет. В жару греховной злобы и ненависти этого мира явился в вертограде Церкви Христовой освежающий «напиток» любви Христовой!

Далее среди ароматических растений сада именуется *кипри с нардами*. И поименованы они именно парно. *Кипер* имеет горячительное действие, из него готовят теплотворный елей. *Нард* — род весьма благовонной масти. Об этом хорошо рассуждает св. Григорий Нисский: «Ибо прекрасно сочетание *кипра* с *нардом*, горячительного с благовонным. Не похвально горячительное само по себе, когда горячность бывает зловонным воспалением, но надобно, чтобы в разгоряченном засвидетельствована была чистота благовонием, и очистившийся от неприятной горячности стал «горящ духом» (Рим. 12,11)». В синодальном переводе: «духом пламенейте». Дух — нард, пламя — кипер. Пламенеющий серафимский дух означен этим сравнением. Вспомним св. Серафима Саровского, явившего Мотовилову на зимней поляне и свет, и тепло, и благоухание.

Далее именуется ароматы: *нард и шафран*. *Шафран*, в противоположность киперу, имеет прохладительное действие. Но он тоже вместе с благовонием *нарда*. Бл. Феодорит: «При сем говорит, что в том вертограде находится и *шафран*: ибо мы имеем нужду не только в горячительных и любовь к Богу в нас согревающих, но также и в прохладительных и неумеренныя похоти наши умерщвляющих средствах. Понеже шафран полагается между веществами, прохладения силу имеющими».

Далее идут *трость (аир)* и *киннамон (корица)*. Благовонный тростник (аир) и корица (киннамон) росли в саду Соломона. А у «Небесного Соломона»? Об этом — бл. Феодорит:

«И *трость*, говорит, и *киннамон*. И сии вещества суть из роду благовонных мастей, но иносказательно разуместь должно чрез *трость* Божественная Писания, по оному: «язык мой трость книжника-сорописца» (Пс. 44,2). Благовонна также есть и трость: язык бо поучающих благочестию исполнен всякой сладости. С *тростью* соединяется *киннамон*, который в Ветхом Завете Богу в жертву приносим был: да разумеем, что все преданное о Боге в Писании не только достохвально есть, но и благоухающе и сим благовониям соравняемо». Таким образом, речь идет о Писании (трость) и о сказанном в Писании о Боге (киннамон-корица). Кстати, и трость, и киннамон (корица) входили в Ветхом Завете в состав священного мира — чудное благоухание Писания Божия и Бога Писания, то есть *трости и киннамона*.

Сад Божий процвел и благоухает *всеми древами Ливанскими*. Разные ливанские деревья, отмечено, имеют различный аромат. Таково многообразие в духовном благоухании. Как уже часто отмечалось, ливан указывает на Божество и причисляет Ему. «Посему, кто всеми предначинаниями жизни выражает в себе богоподобие, тот показывает в себе *красоту всех дерев Ливанских*, которыми означаются отличительныя черты божественного образа» (св. Григорий Нисский).

Вертоград Господень украсили также *смирна и алой*.

Смирна означает умерщвление, а *алой* — горечь. Выше уже было сказано о ливане, указующем на Божество и Воскресение. «Но никто не делается причастником славы Божией, не став прежде сообразным «подобию смерти» (Рим. 6,5)... Ибо ими, *смирною и алоем*, указывается на участие во гробе, как говорит высокое Евангелие, потому что с ними совершено погребение Вкусившаго за нас смерть (Ин. 19,39)» (св. Григорий Нисский).

Бл. Феодорит: «Именуется также *смирну и алой*..., то есть, умерщвление страстей: *смирна* бо мертвым свойственна есть, и горестъ искушений, ибо *алой* есть горькаго свойства».

Так через умерщвление страстей и горькие искушения произрастают в саду души божественные — *смирна и алоэ* и через них происходит приобщение к смерти Христовой. И уж после вкушения их — *древеса Ливанские*, слава Божества и воскресение Христово.

Перечислив столько деревьев и ароматов сада, Жених добавляет: *со всеми первыми мирами*. Бл. Феодорит: «Имеет наконец

все первые миры, не второй, то есть, или третьей, но первой степени: ибо совершенным приличествует, еже есть совершенно».

Св. Григорий Нисский: «А *первыми мирами* указывает Слово на чистоту и отсутствие всякого корчемнического подлога, как и Амос к услаждающимся этим обращается с подобною речью, говоря: «пьющие процеженное вино, и первыми вонями мажущися» (Амос 6,6)... А здесь слово плодоношением *первых мир* свидетельствует невесте о неповрежденности и чистоте ея догматов».

Духовные совершенства души и чистота догматов веры святой Церкви — вот *все первые миры*, благоухающие в Саду Господнем.

Был полдень (около шестого часа = двенадцати по нашему исчислению), и в жаркий день в самарийском городе Сихарь у колодца, у «студенца Иаковля», встретился Христос с самарянкой, — иссохшая, но жаждущая душа и Источник воды живой. И там, у этого колодца, источника чистой воды, Иисус сказал самарянке: «Всякий, пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4,13-14).

Божественный Жених говорит Своей Невесте: *Источник вертограда, и кладязь воды живы и истекающая от Ливана. Садовый источник — колодезь живых вод и потоки в Ливана*.

Двойкий *источник* напояет сей чудный сад. Это — *кладязь воды живы*, колодец, в котором была не затхлая застойная вода, но проточная *живая вода*, вновь и вновь наполняющая колодец, из которого черпала хранительница сада чудная Суламифь. Кроме того, *истекающая от Ливана потоки* орошали сад, напоая его живительной влагой. У сего-то источника и встречается Соломон с Суламифью, там слышит она его взывающие к жизни и любви слова.

Кто не узрит у сего животворного источника в Соломоне и Суламифи Христа с самарянкой, Главу и тело Церковные, Бога и уневещенную Ему душу?

Источник вертограда, кладязь воды живы. Церковь — Невеста и душа благочестивая «сама делается теперь источником, орошающим произросшие из нея сады*, и не как знаем о Павле и Аполлосе, что один насадил, а другой напоил (1 Кор. 3,6), напротив того одна совершает два дела вместе, насаждая и напоявая сады» (св. Григорий Нисский). В заключенном верто-

* Св. Григорий принимает чтение, согласно которому леторасли сада шипков израсли из уст Невесты. Она — некая земля, на которой произрос сей вертоград.

граде Церкви — источник учения и благодати Божией. Можно особо упомянуть о семи таинствах, запечатленном источнике, таинственном колодеце, который поит благодатью святую Церковь.

А вот и иное происхождение воды: «Потом Слово на самый верх возводит невесту похвалами, назвав ее кладязем *воды живы и истекающая от Ливана*. Ибо сие из святаго Писания дознали мы об Естестве животворящем; то пророчество говорит от лица Божия: «Меня, источник воды живой, оставили» (Иер. 2,13)... Итак под *водою живою* везде разумеется естество Божеское, а здесь не лживое свидетельство Слова подтверждает, что невеста — кладязь воды, которая течет от Ливана... Ибо в точности, как источник, стала подобна Источнику, как жизнь — Жизни, как вода — Воде. Живо Слово Божие, жива и душа, приявшая Слово. Та Вода течет от Бога, как говорит Источник: «от Бога изыдох, и приидох» (Ин. 8,42). А она содержит в себе вливающееся в кладязь души, и чрез это делается сокровищницею оной живой воды, лиющей, или лучше сказать, как выразилось Слово, истекающей от Ливана» (св. Григорий Нисский). *Ливан* означает Божественное Естество, оттуда живые воды Божественного Сада.

Итак, подытожим: **колодезь живых вод** — источник благодати, даруемой через Церковь, **потоки с Ливана** — благодать, исходящая непосредственно от Бога.

Завершена картина чудного сада — вертограда Божия.

Умолк Жених.

И вот распорядительница сада, чудная Суламифь, властно вызывает веющим ветрам:

4.16 Восстани севере, и гряди юже, и повей в вертограде моем, и да потекут ароматы моя.

4.16 Поднимись (ветер) с севера и принеси с юга, повей на сад мой, — и польются ароматы его!

А как это совершится и Сад приуготовится, то зовет в него Жениха:

Да снидет брат (сестричищ) мой в вертоград свой, и да яст плод овощей своих.

Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его.

Как Господь повелевал ветрам на Галилейском море, подобно и Невеста повелевает: *Восстани севере, и гряди юже!*

Согласно употребленным греческим словам: ἐξεγέρθητι (=воспряни, поднимись, унесись) и ἔρχου (=принесись), *северный* ветер прогоняется, а *южный* призывается.

В синодальном переводе этот смысл скрадывается неудачно вставленным предлогом «с»: *поднимись (ветер) с севера*. Лучше перевести с еврейского *поднимись (ветер) севера*, или, как у Макария (Глухарева): «Воспряни (ветер) северный». Греческий же текст дает более ясное значение. Неудачная вставка предлога «с» в синодальном переводе дала иным повод думать, что якобы ветер с севера также призывается. А отсюда толкование «о скорбях и милостях», необходимых душе, не соответствующее точному значению текста. Северный ветер, холодный и жесткий, губит сад, а теплый и мягкий южный ветер животворит его, далеко разнося ароматы и плодотворя его сладкие плоды. А когда нет теплого мягкого ветерка, даже весьма ароматное дерево само по себе едва источает ароматы свои. Жесткий же северный ветер похищает все ароматы, прогоняя их, охлаждает и губит плоды сада.

Это образ души. *Севере* — ветер греховных, жестких, мертвящих искушений, приносящий душевный холод, бесплодие, похищающий ароматы духовных дарований, губящий сад души.

Юже — благоприятное веяние теплоты Духа Святого. Душа согревается, животворится, плодоносит. Аромат духовных дарований разносится и благоухает и в саду души, вертограде заключенном, и далеко за его пределами. Таковая душа действительно становится благоуханием Христовым (2 Кор. 2,15) для всех.

Удивился Господь вере сотника, когда тот не дерзнул позвать Его ради исцеления своего слуги в дом, но верил, что достаточно одного лишь повелевающего слова Учителя. Повелел — и пришла болезнь, повели — и уйдет, как и я, говорит сотник, «имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет; другому: прииди, и приходит» (Мф. 8,9). Так ныне и душа — повелевает *северу* греховных искушений — и они уходят; зовет благодать Духа — и она приходит*. Чудное состояние благочестивой души!

* Вспомним того старца, который при своем рукоделии часто едва слышно произносил: «Не соизволяю». Когда, наконец, послушник его поинтересовался, что бы это означало, то тот пояснил: «Как только приходит ко мне греховный помысл, я и говорю — не соизволяю — и он уходит. И так каждый раз». Так он прогонял: *восстани севере*. И подобным же образом привлекались святые добрые помыслы: *гряди юже!*

Подобно Илие-пророку на Хориве, чувствует такая душа тихое веяние южного ветра — Духа Божия. Чувствует и, заключенная в себе, преисполняется Духа, пока *потекут ароматы* ее, облагоухая всех вокруг.

И таким образом приуготовившись, зовет к себе Жениха своего: *Да снидет Брат мой в вертоград свой, и да яст плод овощий своих!* Не своим считает вертоград души своей, но Ему принадлежащим (не себе принадлежит жена, но мужу — 1 Кор. 7,4). Входя в благочестивую душу, Жених Небесный *снидет... в вертоград свой*. И *там да яст плод овощей своих*, ибо все благоуханные и *сладкие плоды* даров и плодов Духа, что произрастала в себе душа, не ее, но Его! Как, вкушая земную пищу, плоды земли, благодарим за них Подателя их Бога, так произведенные в душе Духом Божиим плоды Богу и принадлежат.

Эти мысли у святых отцов:

Бл. Феодорит: «Север, в Священном Писании, полагается всегда в числе вещей неблагоприятных. Почему и Сам Бог у Иеремии пророка говорит: «От лица севера возгорятся вся злая на всех обитающих на земли» (1,14)... И так повелевает северу, дабы встал и удалился, да юг повеет и напоит в вертограде ароматныя древа... почему пророк Аввакум предсказал, что пришествие Господне имеет быть от полудня. «Бог бо, рече, от юга приидет» (3,3). И так повелевает, дабы противный ветер удалился, да благодать Божия повеет, чтобы жених ее мог собрать созревшие аромат его плоды».

Св. Григорий Нисский: «Прияв сию власть, невеста царски в угодность себе располагает двумя ветрами, повелительно удаляя от себя ветер северный, и благосклонно призывая южный, и побуждая скорее придти к ней. Буквально же читается так: *востани севере, и гряди юже...*

Но послушаем царицу, почему гонит от себя северный ветер, дуновение его обращая назад. Ибо не успокоиться ему приказывает, как Господь при волнении моря велел буре быть в безмолвии и волнам молчать (Мк. 4,39), но, чтобы беспрепятственно мог дуть ветер южный, когда никакое противное дуновение не задержит его стремления, повелевает северному ветру удалиться и бежать, говоря: *востани**... Слово называет и северным ветром и

* Большая разница, либо нечистый дух или страсть просто успокоились, не тревожа до времени, душу, либо они изгнаны вон. Достигать надо именно последнего, не обольщаясь первым.

жестоким, делателем угрюмой зимы, разумею ту зиму, в которую Евангелие называет невозможным бегство от опасностей (Мф. 24,20); потому что во время ея увядает красота цветущих добродетелию».

Еще св. Григорий излагает своеобразную мысль. Северный ветер бывает справа только тому, кто отвернулся от востока (Христа) и идет на запад (во тьму). Идущему же на восток (ко Христу) он слева. Таковой отгоняет его, как и всякое «левое действо».

«Посему прекрасно, что слово царицы со властью гонит сей ветер, призывает же полуденный (справа веет идущему на восток, содействие Духа правым делам идущим ко Христу. — Г.Ф.), теплый и всегда светлый, который называет югом, от которого течет поток наслаждения, говоря: *и гряди юже, и повей в вертограде моем, и да потекут ароматы моя*, чтобы сильным дыханием, как слышали мы, было это с учениками в горнице, повеяв на одушевленные насаждения, подвинуть насаждение Божие к излиянию ароматов, и заставив из уст истечь благовонное пророчество и спасительные догматы веры, во всяком виде языков безпрепятственно разливающие благоухание учений. Так сто двадцать учеников, насаженных в дому Божиим, дыханием такового юга произрастили цвет — учение на разных языках...

Да снидет, говорит невеста, *брат мой в вертоград свой, и да яст плод овоций своих*. Какой дерзновенный глас! Какая щедрая и великодаровитая душа, превышающая всякий избыток великодушия! Кого угощает пиршеством из собственных его плодов? Кому уготовляет вечерю из собственных его благ? Кого приглашает вкусить им же приготовленного? Тому, от Кого все, и Кем все, и в Ком все!»

Хорошие благочестивые размышления об этих словах Невесты Песни Песней приведены в журнале «Воскресное чтение», издававшемся при Киевской Духовной Академии, за 1841 и 1843 годы.

«Восстани севере, и гряди юже, и повей в вертограде моем, и да потекут ароматы моя!»

Это изображение души святой, преданной Богу. Благодатные дары, как благовонные цветы, украшают ее; но они являют силу свою другим не прежде, как повеет на душевный вертоград тот Дух, который «идеже хочет дышит» (Ин. 4,8). Когда Ему угодно, облагодатствованная душа испускает благовония, — животно-

рит и радует многих; когда не угодно, она есть *вертоград заключен*, и никто не знает, какие сокровища таятся в ней» [61].

И еще в том же журнале:

«Восстани севере, и гряди юже, и повей в вертограде моем, и да потекут ароматы моя».

Какой ветер призывает здесь Господь вертограда? Тот, о котором Он говорит у Евангелиста Иоанна: «Дух идеже хочет дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуда приходит, и камо идет» (Ин. 3,8). Это Дух, который по вознесении Господа Иисуса на небо, сошел на божественных апостолов в виде огненных языков, и в дыхании подобном бурному, как повествует священный деесписатель: «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать» (Деян. 2,2-4)*. Вот какой ветер призывает Христос в вертоград Свой! Призывает для того, дабы в нем потекли *ароматы* благодатных даров, исходатайствованных Им для сынов Церкви и необходимых для утверждения их в богоугодной деятельности: ибо несомненно то, что в сем вертограде не могут разливаться благовоения христианских добродетелей, если в нем не будет «носиться дыхание» благодати Всесвятаго Духа» [62].

О призвании Господа в вертоград своей души пишет прп. авва Исаия Нитрийский из Египта († 370): «Будем же молить благодать Божию со тщанием сердечным, со слезами и злостраданием, повинувшись всякому человеку Господа ради, смиряя себя и перед братьями нашими... лишая тело свое насыщения, чтоб оно не потребовало от нас удовлетворения страстей своих, — чтоб тело смирилось пред душою, а душа покорилась уму и соделалась невесою, чистою от всякой скверны, и звала жениха своего, говоря: *да снидет брат мой в вертоград свой, и да яст плод овощей своих*. Станем же подвизаться, братие, чтоб, снискав такое к Нему дерзновение, услышать и нам слово, которое сказал Он: «хощу, да идеже есмь Азь, и тии будут мо Мною»; ибо Я возлюбил их, как ты возлюбил Меня, Отче, «Ты во Мне и Азь в них» (Ин. 17,23-24)» [25].

* В журнале текст приведен по-славянски.

ГЛАВА 5

Невеста призвала Жениха в сад, и Он пришел.

5.1 Сидох в вертоград сестро Моя невесто: обзймах смиРНУ мою со ароматами моими, ядох хлеб мой с медом моим, пих вино мое с млекомоим: ядите ближнии мои, и пейте, и упийтеся братия.

5.1 Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

Жених услышал призыв Невесты и пришел в сад Свой.

Обращает на себя внимание употребление в этой речи Жениха слова «мой». Кроме того, что и невесту, и друзей (ближних) он именует «моими», семикратно Он говорит «мой» в отношении сада: 1. вертоград мой, 2. смирна моя, 3. ароматы мои, 4. хлеб мой, 5. мед мой, 6. вино мое и 7. молоко мое. Суламифь только смотрительница, а принадлежит все Ему, Он «пришел к своим» (Ин.1,11), Он полновластный и законный Владелец всего. Даже и сама она — Его. «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?» и «вы не свои», и тела ваши и души ваши «суть Божии» (1 Кор.6,15.19.20). Все, и мы сами, принадлежим Ему. Как часто мы это забываем и ведем себя так, как будто мы сами хозяева и господа себе и всему, что имеем. А Хозяин — Он. И вот Он пришел к Себе, и ищет Свое, и берет и пользуется Своим! А то, что семь предметов поименованы Им своими, означает всю полноту (плирому) принадлежащего Ему.

Сидох в вертоград (мой) сестро Моя невесто...

С небесных высот Господь пришел в этот мир. «Тогда Я сказал: вот, иду, как в начале книги (свитке книжном. — Пс. 39,8) написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже...» (Евр. 10,7).

Об этом пришествии Господа-Жениха через воплощение, в Свой вертоград тварного мира пишет св. Афанасий Великий: «Вот что к просившим (на зов невесты. — Г.Ф.) говорит Слово, уже воспри-

явшее плоть от Девы: *Внидох в вертоград мой, сестро моя невесто: объимах смирну мою с ароматами моими, ядох хлеб мой с медом моим, пих вино мое с млеком моим*. Ибо, вшедши в собственный сад, то есть в творение, Он восприял для себя плоть от Девы и стал человеком. Тело было смертно, но оно соединилось с благоуханием всесвятаго Слова. И хотя Он, как человек, позволял телу Своему вкушать *млеко* (человеческая природа, молоком Девы вскормленная. — Г.Ф.), но сообщил ему и *вино* Своего совершенства (от Божественной природы. — Г.Ф.). Ибо Он, как телом Своим вкушал млеко, так в теле же творил дела Божества*.

Св. Кирилл Иерусалимский находит в этом тексте пророчество на вхождение Господа в тот сад, в котором Он был погребен и преславно воскрес. Так он это описывает:

«*Вертоград* был местом погребения, и насажденная в нем виноградная Лоза изрекла: «Аз есмь Лоза» (Ин. 15,1). Посему в земле была насаждена, чтобы искоренилась за Адама наложенная клятва. Земля осуждена была произращать терния и волчцы: но возшла из земли истинная виноградная лоза, чтобы исполнилось сказанное: «Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче» (Пс. 84,12). Что же изречет погребаемый в вертограде? *Объимах смирну Мою со ароматами моими*. И еще: *смирна алой со всеми первыми мирами* (4,14). Но это признаки погребения, и в Евангелиях сказано: «Приидоша жены на гроб, носяще, яже уготоваша ароматы» (Лк. 24,1), и «Никодим, нося смешение смиренного и алойно» (Ин. 19,39). За сим написано: «*Ядох хлеб Мой с медом Моим*, то есть горькое пред страданием и сладкое по воскресении. Потом, воскреснув, вошел «дверем затворенным» (Ин. 20,19); ученики не поверили, потому что «мняху дух видети» (Лк. 24,37). Но Он говорит: «осажите Мя и видите» (ст. 39), «вложите персты в язвы гвоздинныя», как требовал сего Фома (Ин. 20,25). И «еще же не верующим им и чудящимся от радости, рече им, имате ли что снадно zde? Они же даша Ему рыбы печены часть и от пчел сот» (Лк. 24,41.42). Видишь, как исполнилось сказанное: *ядох хлеб Мой с медом Моим*».

В другом месте св. Кирилл Иерусалимский пишет подобным образом:

«Посему в Песнях изучай то, что божественно, исполнено целомудрия, указывает на страдание Христово. Ибо, повествуя о страдании Спасителевом, именуют они и место: *внидох в вертоград*

* Подробнее об этом в седьмом толковании.

ради погребенного там. Упомянули и об ароматах: полным при-
ял миро мое (5,5); потому что домостроительство исполнено. И
о том, что по воскресении, сказали: *ядох хлеб Мой с медом моим*;
потому что дали Ему «от пчел сот» (Лк. 24,42)».

О приходе Господа в *вертоград* Своей Церкви к святым и
праведным Своим пишут св. Григорий Нисский и бл. Феодорит.

Снидох в вертоград сестро моя невесто. Господь приходит в
Свою Церковь. «Внидох, говорит, в *вертоград мой*, который ты
для меня всеми добродетелями украсила» (бл. Феодорит).

И первое, что Жених делает, придя в вертоград Свой: *объи-
мах (набрал) смирну мою со ароматами моими*, то есть принял
страдания и вкусил смерть.

Бл. Феодорит: «И собрал во-первых *смирну мою*, то есть ко-
торую я в тебе насадил. Ибо во-первых я за тебя смерть вкусил,
а потом ты умереть вкупе и спогребстися мне возжелала, спогреб-
шись Мне крещением в смерть и умертвив уды своя, яже на зем-
ли. И так *объимах смирну мою с ароматами моими*, и прочих
добродетелей, коим-де ты от меня научена».

Св. Григорий Нисский: «О, как блаженны оные *вертограды*...
Ибо для услаждающагося благовонием (начинающего в вере и
благочестии. — Г.Ф.) делаются *смирною*, умервщлением земных
членов уготовляя *миро* чистой и благоуханной жизни, сваренное
из многих и различных *ароматов* добродетели».

После того, как Жених набрал смирны с ароматами, Он *ядох
хлеб мой с медом моим*. Для несовершенных была смерть Христо-
ва, чтобы и они умертвили страсти свои. Для совершенных — вос-
кресение Христово, чтобы уже не только обоняли, но и вкушали
твердую пищу и сладчайшую хлеба и меда Божественных словес и
добродетелей.

Св. Григорий Нисский: «А для ищущаго совершеннейшей
пищи делаются (вертограды. — Г.Ф.) *хлебом*, который не с горь-
ким зелием сдается, как повелевает закон (Исх. 12,8, и озна-
чает времена ветхозаветные. — Г.Ф.), потому что для настояща-
го времени пригодно горькое зелие; но приправою своею будет
иметь *мед*, когда плод добродетели во время свое (новозаветное.
— Г.Ф.) усладит чувствилища души, доказательством чему слу-
жит по воскресении Господа явленный ученикам хлеб, услаждае-
мый сотом *меда* (Лк. 24,42)».

Как смена горькой приправы к пасхальному хлебу на сладкий
мед означает смену Ветхого Завета Новым, так и в душе Пасха

Христова сменяет горечь греха и страстей на сладость благодати и добродетели.

Бл. Феодорит: «*Ядох хлеб мой с медом моим*, твердый и сладкий хлеб, свойственный одним совершенным».

После хлеба с медом *них вино мое с млеком моим*. Млеко словес Своих предлагает для младенчествующих в вере, а сердца совершенных веселит крепким *вином* заповедей Своих, подвигов благочестия и сокровенной благодати.

Бл. Феодорит: «*Них вино мое*. Справедливо придает, *мое*, ибо Он есть лоза истинная, от нея же вино сие приуготовлено. *Них вино мое с млеком моим*: ибо и самых младенцев и яко сосца ссуших и млеком питающихся не исключает: но и от них возрасту их свойственный обимает плод, и понеже благ есть, то и друзей своих (*ближ-них*. — Г.Ф.) на вечерю приглашает сими словами: *Ядите ближнии мои, и упийтесь братия*. Друзи его суть мужи совершенные и с ним родством соединены суть те, кои непорочен сохраняют образ его».

Св. Григорий Нисский: «Для жаждущаго же делается чашею, полною *вина и млека*... Как еще те плодоносныя насаждения вертограда, которым говорит Он: «возжадахся и напоисте Мя» (на Суде Божиим. — Г.Ф.), изливают жениху *вино*, срастворив его с *молоком*, а не водою, по обычаю корчемников. Но молоко есть первая пища естества человеческого, и чистая и простая, в подлинном смысле младенческая и не хитрая, очищенная от всякой лукавой вины».

А теперь приглашает ближних друзей Своих: *ядите ближнии мои, и пейте и упийтесь братия*.

Приглашение Женихом верных и ближних друзей Своих и братьев к вкушению сладкого хлеба и питию вина есть призвание верных к Божественной и Тайной Вечери: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое... Пийте от нея, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая...»

Св. Григорий Нисский: «Слово предлагает ближним евангельския таинства, говоря: *ядите ближнии Мои, и пейте, и упийтесь братия Мои*; ибо для знающаго таинственные изречения Евангелия не окажется никакого различия между сказанным здесь, и тайноводством учеников, какое совершено там; потому что Слово и здесь и там одинаково говорит: *ядите и пейте*».

«Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33,9).

Но, по сравнению с евангельскими установительными словами святого таинства, здесь есть удивительное и своеобразное добав-

ление: после *пийте* Жених еще и добавляет — и *упийтесь* *братия!*

Это добавление есть и в еврейском, и греческом текстах. Так, архимандрит Макарий (Глухарев) переводит с еврейского: «пейте до упоения». Синодальный перевод **пейте и насыщайтесь** неверен. Видимо, переводчики пожелали скрыть остроту выражения.

Распорядитель брачного пира в Кане Галилейской, когда получил чудное вино, претворенное Христом из воды, о чем он еще не знал, «зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе» (Ин. 2,10). Это было первое чудо Христово.

О чем оно?

О высших духовных состояниях. О таинственном, неведомом этому миру, упоении Христом и Его благодатью. Вино чуда Христова пришло, когда уже наступило упоение прежним вином, и оно кончилось. Пржнее вино — естественное, обычное. Новое чудом сотворено Христом из воды. Пресность этого мира претворилась в крепость вина истинной Виноградной Лозы (Ин. 15,1). Вино и веселье этого мира должно кончиться, и тогда придет пасхальное «пиво... новое, не от камне неплодна чудодеемое». Упоение им наступает, когда истинная Виноградная Лоза вселяется в дивный сад очищенной души.

Мы находим свидетельства об этих состояниях в Священном Писании и творениях преподобных отцов, опытно их переживших. А в некоторой степени, пусть не часто, Господь дает испытать «нечто от таковых» и прочим верным. Пьющие только «молоко» не могут этого испытать, едва приобщающиеся «вина» — тоже. Чтобы познать это, надо «пить до упоения».

Бл. Феодорит: «Сим не только *пить*, но и *упитися* повелевает. Ибо сие пьянство здравомыслие и благоразумие, а не безумие и сумасшествие производит. Оно укрепляет члены, а не расслабляет: ибо «чаша его упоеваючи коль есть преславна» (Пс. 22,5)! И на другом месте блаженный Давид говорит: «Упийются от тука дому твоего, и потоком сладости напоиши я (Пс. 35,9)».

Св. Григорий Нисский: «Всякое упоение производит обыкновенно изступление ума, преобладаемого вином. Посему, в чем здесь подается совет, то и тогда производилось божественною оною снедию и божественным питием, и всегда производится, так как вместе с снедию и питием приемлется внутрь преложение от

худшего к лучшему и изступление... И так, поелику таково бывает упоение от вина, предлагаемого Господом сопиршественикам, от которого происходит душевное изступление в Божественное; то прекрасно Господь сделавшимся ближними по добродетелям, а не отстоящим далеко, повелевает: *Ядите ближнии Мои и пейте, и упойтесь*».

Приведем примеры такого упоения вином Господним святых угодников Божиих.

Иисус Навин в Гаваоне сражается с аморреями (Нав. 10,8-15). Господь предаёт их в руки его. Не столько их оружием, сколько большими камнями града побил аморреев перед лицом сынов Израилевых. Израильтяне пили радость победы и лицезрения чуда Господня перед ними. И казалось бы, весьма довольно и этого. Но происходит вдруг неожиданное и непостижимое! — Пивший радость победы и лицезрения чуда Господня, Иисус Навин не может остановиться и, упиваясь чрезвычайным дерзновением перед Господом, восклицает: «Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!» И почти на целый день они остановились, пока израильтяне, упиваясь совершившимся, до конца отомстили врагам своим. Об этом длинном дне свидетельствуют древние хроники.* «И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слушал бы гласа человеческого».

Другой пример — царя Давида. О нем пишет св. Григорий Нисский: «Как упился однажды и великий Давид, когда, вышедши из себя самого и быв в изступлении, видел незримую красоту, и возгласил это пресловутое слово: «Азъ же рех во изступлении моем: всяк человек ложь. Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми; чашу спасения прииму, и имя Господне призову» (Пс. 115,2-4). Этот псалом вошел в последование ко святому Причащению готовящимся приступить ко святой Чаше.

Еще пример, когда вносили ковчег Господень в Иерусалим, в град Давидов, то видели царя Давида, «скачущего и пляшущего пред Господом». А уничижившей его за это жене царь Давид дерзновенно ответил: «Пред Господом плясать буду. И благословен Господь... пред Господом играть и плясать буду!» (2 Цар. 6,16.21). А Мелхола за уничижение «упивающегося» радостью о Господе Давида была поражена бесплодием. Давиду

* Геродот приводит сообщения египетских жрецов; Хуайнам Дзу — в Китае; на 1451 г. до Р.Х. указывает индийская хроника.

же, уже от иной, а не от нее, был дан преславный Сын Давидов. И не к такому ли же упоению он и других призывает: «Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости!» (Пс. 46,2).

Знаю человека, который, читая книги, раскрывающие тайны православной веры и ее догматов*, не мог удержаться и хлопал руками. Мне доводилось быть свидетелем тому, как при вдохновенном произнесении богослужебных возгласов один ныне здравствующий православный епископ приходил в заметное трепетное движение. В общении с ним чувствовался дух любви, что отмечали и другие сослуживавшие епископу священники.

Когда на святых апостолов в день Пятидесятницы сошли огненные языки Духа Святого и, воспламененные им, апостолы стали на разных языках возвещать великие дела Божии, то «изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина» (Деян. 2,13). Да! Напились «сладкого вина», но не от иудейских виноградников, а от истинной Виноградной Лозы, напоившей их сладким вином Духа Святого. И впредь апостолы не иначе отверзали уста для проповеди, как сначала «исполнившись Духа Святаго» (Деян. 2,4; 4,8; 4,31; 4,33; 5,3; 5,32; 6,10 и т.д.). Вот ветви, напоенные Истинной Лозой!

Книга Деяний святых апостолов свидетельствует, как святой апостол Петр пришел в исступленное состояние (божественное упоение) и получил откровение от Бога о причастности всех народов ко спасению. «На другой день... Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться. И почувствовал он голод, и хотел есть. Между тем как приготавлиали, он пришел в изступление и видит отверстое небо...» (10,9-11).

Когда апостол Павел защищался перед правителем Иудеи Фестом, тот «громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла» (Деян. 26,24-25). Безумием и сумасшествием показалось холодному выдержанному римлянину состояние, в котором он увидел перед собой святого Павла. А коринфянам святой апостол писал: «Аще бо изумихомся, Богови» (потому что для Бога было его исступление) (2 Кор. 5,13). В синодаль-

* Речь шла о труде о. Павла Флоренского «Иконостас».

ном переводе: «Если мы выходим из себя, то для Бога». Вот он — выход из себя в божественные состояния!

Своеобразным проявлением этого духовного исступления и упоения в первых веках христианства была молитва на иных языках, когда молящийся сам порою не разумел произносимых им слов, но дух его, соединяясь с Духом Святым, тайны изрекал Господу. Это — молитва духом, в отличие от молитвы умной и сердечной, хотя и ум и сердце также могут соучаствовать в этой молитве. Свт. Феофан Затворник также различает сердечную молитву от молитвы Духом Святым [«Умное делание»].

Так, в Ефесе были обращены к Церкви и крещены двенадцать человек. «И когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить (иными) языками и пророчествовать» (Деян. 19,6). Об этом состоянии пишет св. апостол Павел: «Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом... Ибо когда я молюсь на (незнакомом) языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода...» (1 Кор. 14,2.14). О себе апостол говорит, что более всех говорит языками (ст. 18).

Смотрите и здесь на некое сходство, но не смутитесь его дерзновенностью или необычностью. Упившийся человек, случается, начинает говорить бессвязные слова. *Пийте, и упийтеся братия*, — говорит Слово. В состоянии духовного упоения человек «глассолалит», молясь на иных языках, будучи движим Духом Божиим. Но как и всякое человеческое состояние, а тем более бывающее за пределами обычного, и состояние глассолалии подвержено вражеским искушениям, и может даже вовсе перейти в состояние беснования или лжепророчествования. Такие явления особо часты в современных «харизматических» движениях.

Юродивые Христа ради — живой пример тех, кои по слову апостола «изумились», «вышли из себя» для Бога. Они бывали похожи и на пьяных, и на сумасшедших, и на убогих, но все то было изумление, исступление, упоение в Боге! Упоенные Богом, они уже «не видели» блага этого мира, не замечали холода и зноя, приличий или насмешек, зато знали Жениха своего и Ему одному жили, обличая одним видом своим суету и неправду мира сего.

И еще пример из жизни великого нашего подвижника преподобного Сергия Радонежского. Он, всегда пребывая в Боге, *пил* любовь Божию, как горящая свеча стоял у престола Святой Тро-

ицы, молясь и совершая евхаристию в своей церкви в дремучем лесу. Он часто *пил* от святой Чаши Господней, а однажды, да не смутится читатель словом сим, *упился* — когда божественный огонь от Святой Троицы сошел на престол, у которого молился преподобный, обошел его и вошел в святую Чашу! Преподобный причастился от огня...

Также преподобный Серафим Саровский, еще диаконом, участвуя за богослужением святой литургии на малом входе, увидел Господа Иисуса Христа и славу Его. Господь вошел в вертоград Свой! Изумленный, упоенный иеродиакон два часа простоял в исступлении, пока пришел в себя и сказал старцам о происшедшем.

На каких путях достигается сие божественное упоение вином Христовым? На путях православного подвижничества, опытно пройденного святыми преподобными отцами. На путях, описанных в Добротолубии и других творениях преподобных. Эти состояния всегда приходят нечаянно и неожиданно тем, кому изволит Господь*. А некоторые святые пребывали в подобном состоянии практически всегда, живя для нас еще на земле, но фактически жительствовавшие уже там (ср. 2 Кор. 5,1-10; Фил. 1,23-24). Эти состояния посещают человека, *упивающегося* чистым, бесстрастным, смиренным и сокрушенным сердцем любовью Господа во время молитвы, при участии во святых таинствах Церкви, при богословствовании, при созерцании творения Божия, при богомыслии, при самозабвенном служении ближним. Это состояние посещало практически всегда святых мучеников, как на Пир, спешащих упиться от Чаши мученичества. Так *пил и упивался* святой мученик Игнатий Богоносец. Он пил, когда писал: «И пития Божия желаю, — крови Его, которая есть любовь нетленная и жизнь вечная». Он *упивался*, когда писал: «О, если бы не лишиться мне приготовленных для меня зверей! Молюсь, чтоб они с жадностью бросились на меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, — я их принужу. Простите мне; я знаю, что мне полезно. Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержит меня придти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, разсечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютыя муки диа-

* Всякое же духовное самовозбуждение и самоуслаждение ведет в прелесть, собственная чувственность принимается за благодать Божию, и тогда начинается действительно духовное пьянство, со всеми печальными последствиями. Пьянство — в нем же есть блуд (духовный).

вола приидут на меня (призывает их на себя! — Г.Ф.), — только бы достигнуть мне Христа» (Посл. к Римлянам, гл.7,5).

Далее следует:

Ночь.

Ночное посещение Жениха, ст. 2-5

Его исчезновение, ст. 6

и искание Его, ст. 6-9

Образ Жениха, ст. 10-16.

Жених пришел ночью в вертоград Свой. Он наслаждается его ароматами и плодами. Невеста спит. Смотрительница сада дремлет в его сторожке. Спит, но как бы говорит:

5.2 Аз сплю, а сердце мое бдит.

5.2 Я сплю, а сердце мое бодрствует.

Выше много было сказано об «упоении». «За упоением по порядку следует сон, чтобы пищеварением возвращена была večерявшим сила во здравие телу. Поэтому после этого пиршества невеста погружается в сон. Но сон этот какой-то странный и не следующий естественному обычаю; потому что в обыкновенном сне и спящий не бодрствует, и бодрствующий не спит... А здесь усматривается у невесты какое-то новое и необычайное стечение и соединение противоположностей. Она говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит*» (св. Григорий Нисский).

Казалось бы, что то состояние «упоения», к которому призвал ближних своих Жених, есть высшее и предел возможного. Да! Предел возможного! Но дальше идет запредельное и невозможное. Об этом теперь и речь. После вечера упоения наступает ночь. Душа, пережившая божественное упоение, засыпает, отрешившись от всего, и вступает в ночь Божественного Мрака. Душа, насладившаяся всеми духовными благами и тайнами храма, входит во святилище и, упиваясь божественным светом семисвечника, вступает потом в вечный мрак Святого Святых, где никогда не бывает света, где в совершенном мраке Незримый и Непостижимый.

А теперь последовательно и благоговейно последуем со святыми отцами к тайнам сего учения.

Аз сплю, а сердце мое бдит.

Св. Григорий Нисский видит здесь усыпание всего греховного, земного и чувственного. Все чувственное погружается в ночной мрак. Только сердце бодрствует в познании Бога.

«Аз сплю, а сердце мое бдит. В каком же смысле надобно принять это? Сон есть подобие смерти; потому что во сне прекращается всякая чувственная деятельность тел; ни зрение, ни слух, ни обоняние, ни вкус, ни осязание во время сна не действуют, как свойственно им.* ...Посему из сказанного дознаем, что выше себя самой стала та, которая величается сим и говорит: аз сплю, а сердце мое бдит. Ибо действительно, когда ум живет один сам собою, не смущаемый ни одним из чувствилищ, тогда природа тела бывает приведена в бездействие, как бы во сне каком и в гробу, и справедливо можно сказать, что засыпает от бездействия зрение, потому что презираются зрелища (светско-греховные. — Г.Ф.) ...возбуждающие в глазах жадность, но и чудеса, видимые на небе, блистания звезд, солнечный круг и многообразный вид луны, и если иное что доставляет удовольствие глазам, так как ничто не пребывает вечно (монашеско-аскетический отказ от тварного, самого по себе прекрасного, но в греховном человеке часто содействующего отвлечению его от Бога, усыплению сердца. Поэтому ради бодрствования сердца в Боге, смыкают и усыпляют глаза даже в дозволенном созерцании земного. — Г.Ф.) ...Когда, при взгляде на истинные блага, все сему подобное бывает презрено, тогда в недейтельности остается телесное око, потому что душа, став совершеннее, не привлекается тем, что оно показывает, взирая умом на одно то, что выше видимого... Когда все это (чувственное. — Г.Ф.), по причине бездействия, одержимо как бы сном каким, тогда деятельность сердца чиста, помысл обращает взор горе, не оглушаемый и невозмущаемый чувственным движением... Посему душа, когда услаждается одним созерцанием сущаго, не бывает бодрственна ни для чего такого, что приводит в удовольствие посредством чувства; но усыпив всякое телесное движение, ничем неприкровенною и чистою мыслию в Божественном бодрствовании приемлет богоявление, котораго да сподобимся и мы, при помощи сказанного сна, преуспев в душевном бодрствовании, о Христе Иисусе».

Св. Василий Великий прилагает эти слова Невесты к постоянному памятованию и хранению Слова Божия в своем сердце. Так, произнося свой знаменитый «Шестоднев» и похваляя народ за любовь к слушанию Слова Божия**, он говорит: «Но хотя честное сие собрание и имеет охоту к слушанию, и для слу-

* Во сне эти чувства не исчезают, но перестают действовать. Так, умирая для мира, чувства человека тоже не исчезают, но перестают греховно действовать.

** Сам св. Василий произносил поучения дважды в день, и народ не утомлялся приходить и слушать его.

ха рабов приятно повествование о чудесах Владычных; однако же, здесь введя слово в пристань, подождем дня, чтобы пересказать остальное. (Народ и расходиться не хотел от проповеди Василиевой! — Г.Ф.) Встанем же все, возблагодарим за сказанное, и помолимся об исполнении оставшагося. Да будет у вас и во время принятия пищи предметом застольных бесед как то, чего коснулось слово утром, так и то, что излагало оно вечером; в мыслях о сем застигнутые сном, и почивая, да насладитесь дневным веселием, чтобы можно было сказать вам о себе: *аз сплю, а сердце мое бдит*, день и ночь поучаясь в законе Господа».

Мне доводилось знать одного раба Божия, который так возлюбил Слово Божие, что когда куда-то шел и чем-то занимался, то прочитанные перед тем слова Священного Писания воспевались в нем.

Толкуя слова псалма 33,2 «Выну хвала Его во устех моих», св. Василий Великий говорит о непрестанном, при всяком действовании, памятовании Бога, которое есть хвала уст своему Создателю: «Выну хвала Его во устех моих». Пророк, по-видимому, обещает нечто невозможное. Как может хвала Божия быть непрестанно в устах человека? Когда разговаривает он в обыкновенной и житейской беседе; в устах его нет Божией хвалы. Когда спит; хранит он совершенное молчание. Когда ест и пьет; как уста его произнесут хвалу? На сие отвечаем, что у внутреннего человека есть некоторые духовные уста, и посредством их питается он, приемля слово жизни, которое есть... хлеб сшедый с небесе (Ин. 6,56)... Посему мысль о Боге, однажды напечатленная и как бы печатью утвержденная во владычественной силе души, может быть названа хвалою Божиею, которая «выну» пребывает в душе; и тщательный, по увещанию апостола, может делать все во славу Божию, так что всякое действие, всякое слово, всякое умственное упражнение получает силу хвалы; ибо, «аще яст, аще ли пьет» праведник, «вся в славу Божию творит» (1 Кор. 10,31). У такого и во время сна сердце бодрствует, как сказано в Песни Песней: *аз сплю, а сердце мое бдит*; ибо мечтания сна очень часто бывают отголосками мыслей, занимавших днем».

Примером такого праведника, все творившего перед лицом Божиим, был древний праотец Енох. О нем только и сказано: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт. 5,24). Дела его были преимущественно, скорее всего, обыч-

ные земные. Но при всех этих делах он был в Боге и перед Богом, и Бог взял его живым на небо.

В значении внутреннего трезвения и бодрствования понимает эти слова св. Киприан Карфагенский: «...христианин должен бодрствовать сердцем и тогда, когда спит глазами. В Писании, в книге Песни Песней, так говорится от лица Церкви: *аз сплю, а сердце мое бдит*». (Из «Книги о молитве Господней»).

Прп. Иоанн Лествичник в качестве двадцать седьмой ступени своей Лествицы полагает священное безмолвие тела и души. Священное безмолвие — это не тогда, когда человек не произносит слов. Немые — это еще не безмолвники. Безмолвие — это когда успокоилось и «уснуло» все страстно-греховное, все, что против Бога, и тогда непрестанно в Боге бдит сердце. Вот как пишет прп. Иоанн: «Безмолвник есть земной образ ангела, который на хартии любви рукописанием тщания освободил молитву свою от лености и нерадения. Безмолвник тот, кто явственно вопиет: «готово сердце мое, Боже» (Пс. 57,8). Безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит*. «Затворяй дверь келии для тела, дверь уст — для бесед, а внутреннюю дверь души — для лукавых духов».

По достижении ночного сна — священного бесстрастия в душе праведника, навсегда уязвленной любовью ко Господу, отпечатлевается образ Возлюбленного, уже никогда не покидающий его. Это непрестанное пребывание в божественной любви есть, по прп. Иоанну Лествичнику, высшая, тридцатая ступень возводящей к небу Лествицы: «Истинно любящий всегда воображает лице любимаго, и с улаждением объемлет образ его в душе своей. Вождение это не дает ему покоя даже и во сне, но и тогда сердце его беседует с возлюбленным. Так бывает обыкновенно в телесной любви, так и в духовной. Некто, уязвлен будучи такою любовию, сказал о самом себе то, (чему я удивляюсь): *аз сплю*, по нужде естества, *а сердце мое бдит* по великой любви моей».

Но сокращается и сама нужда естества. Известно, что в монастырях новоначальные спят по шесть часов (что редко бывает достаточным для мирских), преуспевшие в подвигах — по четыре часа, а совершенные — по два. Утончается сама плоть, внутренняя самодвижная молитва, творимая и во сне, сокращает и потребность в нем.

Слова Песни Песней *аз сплю, а сердце мое бдит* многими преподобными отцами употребляются для обозначения самодвижной внутренней Иисусовой молитвы, ни при каком делании, и даже

во сне не оставляющей сердца подвижника. Различны способы достижения этого удивительного состояния. Вот один из них, предлагаемый ищущим внутренней молитвы в книге «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»:

«Если количество ведет к качеству, то и частое, почти беспрестанное призывание имени Иисуса Христа, хотя в начале и рассеянное, может привести к вниманию и теплоте сердечной; поелику натура человеческая способна усвоить известное настроение посредством частого употребления и привычки. Чтоб научиться что-либо делать хорошо, надобно делать оное гораздо чаще, сказал один духовный писатель; и св. Исихий говорит, что частость рождает навыкновение и обращается в натуру (гл. 7). Это, как видно из наблюдений опытных мужей, бывает в отношении ко внутренней молитве таковым образом: желающий достигнуть внутренней молитвы решается часто, почти непрерывно призывать имя Божие, то есть устно произносить Иисусову молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного; ... А чтобы и еще более возбуждаться к беспрестанному творению молитвы, учащийся полагает себе в правило, смотря по времени, известное количество раз призывать, то есть столько-то сотен или тысяч молитв по четкам проговаривать в день и ночь, не спешно, а изречисто, напрягая язык и уста. По некотором времени уста и язык упражняющегося получают таковое навыкновение и как бы самодвижность, что уж без особого усилия сами собою будут двигаться с изречением имени Божия, даже и без гласа. Далее к сему движению языка станет прислушиваться ум и постепенно очищается от рассеяния и приходит во внимание к молитве. Наконец, может последовать и снисхождение ума в сердце, как выражаются отцы, то есть ум, возвратясь в сердце, согреет оное теплотою божественной любви, и уже само сердце будет без понуждения, свободно, с неизреченною сладостию призывать имя Иисуса Христа и изливаться с умилением пред Богом непрерывно, по реченному: *аз сплю, а сердце мое бдит*. О плодотворности частого призывания имени Иисуса Христа прекрасно выразился святой Исихий: «якоже бо дождь, елико мнажае на землю сходит, толико и землю умягчает, сице и землю сердца нашего имя Христово от нас призываемо радостно творит и веселит, елико частейше призывается».

Более подробное изложение об этом таинственном учении умного делания, о непрестанной сердечной Иисусовой молитве не входит в задачи нашего труда. Но именно оно раскрывает загадочный смысл слов Невесты: *аз сплю, а сердце мое бдит*.

Бл. Феодорит понимает слова *Аз сплю, а сердце мое бдит* в значении слов Спасителя, сказанных Им Своим засыпающим ученикам в Гефсиманском саду: «дух бодр, плоть же немощна» (Мк. 14,38). «Хотя, говорит, естество и склоняет меня закрыть очи мои и предаться сну: мыслию однако бодрствую, и сна лености убегаю, когда посещения жениха своего ожидаю и толкущаго его слышу».

Господь пришел к душе и стучит.

5.2 Глас брата моего ударяет в двери: отверзи ми, сестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя: глава моя наполнилась росы, и власи мои капель ношных.

5.2 (Вот), голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою».

Подобным образом слышим мы глас Жениха, пришедшего к душе, в Апокалипсисе: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (3,20).

Так и в полунощнице, памятуя о своем исходе, всегда вопием: «День он страшный помышляючи душе моя, побди вжигаючи свещу твою, елеем просвещаючи: не веси бо когда придет к тебе глас глаголющий, се жених...»

Глас Брата моего ударяет в двери...

Когда приходит Господь, самый глас Его, Слово Его, ударяет в двери сердца. Звонит колокол церковный — это *глас Брата моего стучит в двери*. На ночном ложе лежишь без сна, сон бежит от очей, стучит, стучит сердце — не говори, что это пульс твой, прислушайся, не *глас ли Брата* твоего *стучит в двери*. Слышишь ли, душа?... Бдишь ли?... Или Слово отходит, не будучи услышано?

Так Слово наставляло и провозвестников Своих, святых апостолов: «В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему; и если будет там сын мира, то почует на нем мир ваш, а если нет, то к вам возвратится» (Лк. 10,5-6). Как часто слово, как мяч от стены, отскакивает от дверей сердца нашего. А потом мы, как те неразумные, опоздавши, будем стоять у дверей Брачного Чертога и с ужасом стучать, говоря: Господи! Господи! Отвори нам. Но услышим в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас (Мф. 25,10-11). Не отворившим не отворится!

Бл. Феодорит, толкуя эти слова, размышляет об овцах, знающих глас своего пастыря: «Глас, говорит, брата моего ударяет в двери. Прибавь, если угодно, к сему то, что в святом Евангелии сказано о добром пастыре. «Овцы», говорит, «мои глас мой слышат». И еще: «По чуждем же не идут, яко не ведут чуждаго гласа» (Ин. 10,3.5). Посему блажен тот из пасомых, кто глас пастыря своего знает. Блажен, кто избран будучи быти невестою, ведает различать глас жениха и любодее».

Св. Григорий Нисский, следуя своей мысли о последовательном духовном восхождении Невесты, размышляет о том, как Невеста, в предыдущих главах сподобившаяся столь высоких похвал, вновь как бы только начинает. Жених еще только у двери, еще только ударяет в них, призывая ее. Св. Григорий объясняет это так, что все предшествовавшие совершенства еще только подводят ко дверям того, что ее ожидает впереди. «Забегаая вперед, скажем: Божественное Упоение еще только подводит в двери, только приготавливает к вступлению в Божественный Мрак... Та, совершенство которой подтвердило Слово, сказав: *вся добра еси, и порока несть в тебе* (4,7); та самая расположена теперь, как в первый раз готовящаяся принять пришествие Божие, и как еще не приившая и не вселившая у себя стоящее ныне пред дверьми Слово, силу голоса вменяет в чудо. Посему сказывает, что голос женихов касается не ея, но двери ея; ибо говорит: *глас брата моего ударяет в двери*».

Что же произносит глас Брата у двери сердца Невесты?

Отверзи, говорит, ми, сестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя: яко глава моя наполнися росы, и власи мои капель ношных.

Жених стучится к Невесте и, прося открыть двери сердца, хвалит ее, ибо многих совершенств она уже достигла. Бл. Феодорит изъясняет их, соответственно с тем, что и ранее уже было сказано, так:

«Сестро моя, именует ее Жених, «не токмо по естеству, мною восприятому, но и по благочестию». Через Его воплощение мы стали Ему по человеческой природе братьями и сестрами. А также сестра по духу, по благочестивой жизни.

«Ближнею моею нарицаю, понеже ты по следам моим шествуешь, и ко мне приблизиться желаешь. Мое есть сие слово: «Приблизитесь ко мне, и приближуся к вам».

«Голубицею же моею называю тебя, понеже ты духовною соделалась, и совлеклася ветхаго человека со страстьми его и похотьми, и духовная зрети можеша». А голубь — символ Духа Святого.

«Совершенною, поелику ты законом предписанного мною совершенства достигла, ибо мое есть сие слово: Будите совершенни, якоже и Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5,48)».

От ночи, посетив сад, Жених стучится к Невесте: *Отверзи ми, сестро моя... яко глава моя наполнися росы, и власы мои капель nocturnых*. Бл. Феодорит: «Под именем *ночи* разумеет здесь нападение иудеев, каковое они ночью против него учинили, под именем же *росы и капель*, тридневную смерть, которой испытали главные *власы* его только (то есть человечество), а не сам он (по Божеству) подвергся. Понеже, говорит, я смерть за тебя претерпел, и для тебя единственно вся сия злая пострадал: то ты отверзи мне сердце свое, и прими меня». Так бл. Феодорит разумеет здесь евангельскую ночь накануне Великой Пятницы. Ночь, когда ужасалась и страдала душа Его смертельно. Ночь кровавого пота. Человеческая природа (*власы*) страдала за мир, сам Он по *Божеству* остался непричастен страданию. И вот теперь, претерпев сию ночь страданий, Он пришел к Невесте, орошенный *каплями nocturnой росы* от хлада ночного, от прохлады гробного мрака, пришел к той, которую возлюбил, ради которой претерпел этот холод nocturnой. И не к тем ли женам-мироносицам, в еще не проснувшемся саду, обращены слова Пришедшего от «прохлады nocturnого сада» Христа, слова: *сестра моя, ближняя моя* и прочая...?

Приближаясь к Богу, иудейский первосвященник последовательно проходит, от внешних врат начиная, различные отделения святого храма. Он видит священную ограду, жертвенник всесожжений, омывается в медном море, входит во святилище, видит золото жертвенника благоуханных курений, таинственные хлебы предложений, и вот его озаряет яркий и чудный свет священного семисвечника. Он поражен Божественным сиянием, являющим ему Того, кто Свет есть и Огонь Опаляющий... Но ... делает еще шаг, за ним смыкается завеса, и он — в вечном непроницаемом мраке Святого Святых. Один и единожды перед Незримым и Непостижимым.

Вечная тайна

«Бога не видел никто никогда;

Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1,18).

Невеста вкусила, как благ Господь. Ела, пила и упиалась любовью своего Жениха. До упоения восторгнута была Его Светом, Богом, Которого Он, Единородный и Воплощенный Жених ее,

явил ей. Силы ее иссякли, ибо то был предел возможного ей. Иссякли силы души и тела, и уснула во мраке ночи.

Когда не могла уже ни любить, ни познавать, когда не было ни света, ни тени, в этом сне и в той ноши она была перед Незримым и Непостижимым.

Был Божественный Мрак.

Я сплю — это о Невесте.

Глава Моя наполнилась росы, и власы мои капель nocturnых — это о Женихе в вертограде ночном.

Мы уже говорили об иконографическом изображении Спаса, окруженного темным венчиком-кругом, далее которого светлее круги, и внешний совершенно светел. Явленное миру Божество-Свет есть (Феофания), извне Он — светлее снега и света Свет. Все силы человека напрягаются в созерцании Его. До упоения. А потом исчезает всякая сила и знание, и за пределами «упоенной любви», приведшей человека в сон — незримая, непостижимая, неизреченная сущность Божия... Отрешившийся от всякого познания человек перед недоступным никакому познанию Богом.*

О сих тайнах «вертограда ночного» так размышляет св. Григорий Нисский: «Смысл же сего постигнет, кто составит себе такой взгляд. Великому Моисею богоявление началось светом; потом Бог беседует с ним в облаке; после же сего Моисей, став выше и совершеннее, видит Бога во мраке. А из сего дознаем подобное следующему: первое удаление от ложных и погрешительных предположений о Боге есть переход из тьмы в свет. Более же внимательное наблюдение сокровенного, видимым путеводящее душу к естеству невидимому, делается как бы неким облаком, которое, затеняя собою все видимое, руководит и приобучает душу к тому, чтобы обращала взор на скрытое. Душа же, простирающаяся чрез это к горнему, сколько доступно сие естеству человеческому, оставляя дальнее, входит в святилище боговедения, отовсюду будучи объята божественным мраком, в котором, поелику все видимое и постигаемое оставлено вне, обозрению души остается только невидимое и непостижимое, и в сем-то мраке — Бог, как говорит Слово о законодателе: «Моисей же вниде во мрак, идеже бяше Бог (Исх. 20,21)». Подобным образом видит св. Григорий и восхождение

* Так обозначены два пути богопознания и богословия: катафатический и апофатический. В первом — человеческие познавательные силы познают явления Божии (Феофании, источающиеся непостижимым Существом Божиим, — постижимые нетварные божественные энергии). Во втором при прекращении всякой человеческой деятельности человек оказывается перед Непостижимым и Невидимым. Сие второе и есть вхождение в Божественный Мрак, который заключен в Божественном Свете.

Невесты Песни Песней от «черноты неведения» к различным совершенствам, к величайшему упоению любовью Жениха и последующему погружению в Божественный Мрак.

Жених говорит, что *власи* Его исполнились *капель* *нощных*. Св. Григорий объясняет, что всего лишь *капля* божественного познания в священном Мраке, открываемая на *власах* Жениха, коими означены пророки, евангелисты и апостолы, соделывается для жаждущих познания Божия людей реками и морями, охватывающими и напояющими вселенную.

Прежде, нежели перейти к дальнейшему толкованию текста, приведем учение св. Дионисия Ареопагита о Божественном Мраке, изложенное в «Послании к Тимофею», «Письме Гаю монаху», «Письме Дорофею диакону» и большом его труде «Божественные имена». Так он пишет:

«О пресущественная, пребожественная и преблагословенная Троица, христианского богомудрия наставница! Вознеси нас на неведомую, пресветлую и высочайшую вершину познания Священнотайного Писания, где совершенные, неизменные и подлинные Таинства Богословия открываются в пресветлом Мраке тайноводственного безмолвия, в котором при полнейшем отсутствии света, при совершенном отсутствии ощущений и видимости наш невосприимчивый к (духовному) просвещению разум озаряется ярчайшим светом, преисполняясь пречистым сиянием!»

Да будут таковы всегда мои молитвы!

И если ты, мой возлюбленный Тимофей, ревностно стремишься приобщиться к созерцанию мистических видений, то устранись от деятельности и чувств своих, и разума, и от всего чувственно воспринимаемого, и от всего умопостигаемого, и от всего сущего, и от всего не-сущего, дабы в меру своих сил устремиться к сверхъестественному единению с Тем, Кто превосходит любую сущность и любое ведение, поскольку только будучи свободным и независимым от всего, только совершенно отказавшись и от себя самого, и от всего сущего, то есть все отстранив и от всего освободившись, ты сможешь воспарить к сверхъестественному сиянию Божественного Мрака».

Гаю монаху пишет св. Дионисий:

«Мрак исчезает при свете, а тем более при ярком свете; незнание изгоняется познаниями, а тем более большими познаниями. Понимая эти слова в самом прямом, а не в переносном смысле, убежденно утверждай, что стремящимся к познанию света и сущего недоступно

неведение Бога; что этот запредельный Мрак Его скрывается при любом свете и затмевает любое познание. И если кто-либо, увидев Бога, понял то, что он видел, — не Его он видел, а что-либо сущее и познаваемое; Бог же в Своем сверхъестественном бытии превосходит ум и сущее, и потому вообще не есть ни что-либо познаваемое, ни что-либо существующее, а существует сверхъестественно и сверхразумно познается. И в заключение: полное неведение и есть познание Того, Кто превосходит все познаваемое».

Божественный Мрак — это, по св. Дионисию Ареопагиту, тот неприступный Свет, в котором, как сказано в Писании, пребывает Бог. Господь «обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 3,16). Он за определен всему чувственно воспринимаемому и всему умопостижаемому бытию, посему восклицает псалмопевец: «Дивно для меня ведение Твое, — высоко, не могу постигнуть его» (Пс. 138,6). И даже апостол Павел, о котором говорится, что он познал Бога (см. 1 Кор. 8,3; Евр. 10,30), все-таки восклицает: «Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень?» (Рим. 11,33-34). Не только Сам Бог неизречен, но и благодать Его — «неизреченный дар Его» (Фил. 1,7). Господь «мрак сделал покровом Своим» (Пс. 17,12), «и мрак под ногами Его... и мраком покрыл Себя, как сению» (2 Цар. 22,12). Моисей, именуемый Боговидцем, на горе Синай «вступил во мрак, где Бог» (Исх. 20,21). А у св. Дионисия Ареопагита еще много таинственного сказано об этом Божественном Мраке.

Спит таинственным сном Невеста, в ночи является Жених, орошенный каплями ночными. Священное Писание указывает и на ряд примеров такого сна.

Быт. 2,21-22 «И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену...» «Крепкий сон», наведенный Богом на Адама, по-еврейски «тардема», по-гречески *экстаσις*, был не обычным, а вдохновенным и экстатическим. В таковом сне и таковом мраке была первым Адамом обретена его невеста и жена.

В божественном мраке и таинственном экстатическом сне был заключен Богом завет с Авраамом, отцом веры.

Быт. 15,12-21 «При захождении солнца крепкий сон (евр. «тардема», греч. *экстаσις*) напал на Авраама, и вот, напал на него ужас и мрак великий. И сказал Господь Авраму: знай, что потом-

ки твои будут пришельцами в земле не своей... Когда зашло солнце и наступила тьма, вот, дым (как бы из) печи и пламя огня прошли между рассеченными животными. В этот день заключил Господь завет с Авраамом».

В таинственном ночном борении стал Иаков Израилем, когда он остался в ночи один, и боролся с ним Некто до появления зари. Вместе с зарей исчезает Некто, ибо Он обитает во Мраке... (Быт. 32,24-32).

И Завет с народом израильским на Синае Господь заключил с Моисеем, когда тот «вниде во мрак, идеже бяше Бог» (Исх. 20,21). «Гора же Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась».

В этом божественном сне и мраке пребывал святой пророк Даниил, когда сподоблялся своих таинственных видений. Состояние его при этом было как бы обморочным. Но только чувственный человек не узрит здесь ничего, кроме телесного обморока. На самом деле это именно «усыпание всей чувственности», трансцендентное состояние пророка, погружавшегося в запредельное и неведомое, когда все чувственное усыпало и отрешалось, а он оказывался перед Ним!..

«Даниил видел сон и пророческие видения головы своей на ложе своем...

Вострепетал дух мой во мне Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня...

Меня, Даниила, сильно смущали размышления мои, и лице мое изменилось на мне...

И когда он (ангел Гавриил) говорил со мною, я без чувств лежал лицом моим на земле; но он прикоснулся ко мне и поставил меня на место мое, и сказал: вот я открываю тебе, что будет в последние дни...

И я, Даниил, изнемог, и болел несколько дней...

И только один я, Даниил, видел это видение, а бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них и они убежали, чтобы скрыться. И остался я один и смотрел на это великое видение, но во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости. И услышал я глас слов его; и как только услышал глас слов его, в оцепенении пал я на лице мое и лежал лицом к земле...» (Дан. 7,1.15.28; 8,18-19.27; 10,7-9).

И, наконец: «Было же около шестого часа дня (полдень. — Г.Ф.), и сделалась тьма по всей земле до часа девятого; и померкло солнце...» (Лк. 23,44-45).

Голгофская тьма.

Непроницаемый мрак, явивший истинный свет Божественной Любви. И уснул тогда Божественный Страдалец. Когда померкло чувственное солнце и всякий свет, тогда во мраке осталась одна эта страшная реальность — распинатели перед Распятым. Когда угасли все благие дела Христовы, когда умолкли Его речи, когда был только мрак, вот тогда был весь Христос и вся полнота Его Любви, и Он стал перед нами во всей полноте.

Поэтому мы и проповедуем не Пророка, не Чудотворца, а Христа Распятого (1 Кор. 1,23), Божественный Мрак и Его страшное сияние.

И третья, и пятая главы Песни Песней описывают ночь и ночное искание Невестой Жениха. При ряде сходных моментов и параллелей есть между этими двумя исканиями и различие. Это различие можно определить таким образом:

В третьей главе Невеста не знает Жениха. Она во мраке ночи, но ищет его. Душа, не ведавшая Бога, ищет его. Как св. великомученица Варвара, еще не ведавшая Бога, заключенная в башне, созерцающая глубины ночного неба и таинственное мерцание далеких светил, «искала в ночех» и обрела Жениха, Бога-Создателя и унеслась Ему.

В пятой главе Невеста, хорошо знавшая Жениха, давшая (ст. 10-16) чудное Его описание, утратила Его. Утратила и потеряла. Потеряла и стала искать. Изранили ее, посмеялись над ней, но она знает Его и ищет. Знает, и никого иного знать не желает. Таковы были преподобные подвижники. Знавшие Христа и Его благодать, но промыслительно лишавшиеся ее. И тогда они начинали искать в ночи. Таковы были двадцать лет исканий во тьме пещеры прп. Антония Великого. Таковы были три года стояния на камне прп. Серафима Саровского. Первый как бы потерял Христа, второй перестал ощущать Его благодать. И они искали Его в ночи...

На воззвание Жениха отворить ему двери Невеста отвечает ему:

5.3 Совлекохся ризы моя, како облечуся в ню? умыш нозе мои, како оскверню их?

5.3 Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне марать их?

Невеста достигла определенного духовного совершенства и устроения. Оно греет и охраняет ее от прохлады и страхов ночи. Достигши этого уюта, и, если можно так выразиться, своеобразного комфорта, она не готова на дальнейший подвиг. Достигши определенного уровня, уже не забывает, как апостол, «заднее», но прилепляется к нему и не «простирается вперед» (Фил. 3,3). Появилась лень. Любовь не исчезла, но парализована. Чтобы возбудить невесту вновь к действию и устремленности к себе, Жених уходит, покидая ее.

Об этом состоянии так пишет бл. Феодорит: «Сколь вредна есть лень, и сколько труда ленивым делает медленность, из сего да научимся места. Ибо пока еще делает отговорки невеста, пока не скоро отверзает ему двери: спустя не много не только до дверей принуждена дойти, но весь град пробегать, стогны обходить и стражам попадаться, коими еще и уязвляется: но и тут едва дражайшего своего обретает жениха. Когда б она тотчас послушала зовущаго, то конечно избегла бы всех сих неудобств. А то, *совлекохся*, говорит, *ризы моя, како облекуся в ню? умыш нозе мои, как оскверню их?*».

Существует другое понимание ответа Невесты, в котором отсутствует момент лени и нежелания отрешиться от своего уюта. Наоборот, слова ее воспринимаются как отказ возвратиться к прежнему греховному образу жизни, означенному ризой и земной грязью, марающей ноги. Такое понимание слов Невесты несколько выводит их из общего контекста. Но именно так толкует большая часть отцов этот текст.

Так, св. Григорий Нисский под *ризой*, в соответствии со своим учением о «кожаных одеждах», в которые Бог одел согрешивших Адама и Еву, понимаемых не как обычные кожаные одежды, а как омертвелость, дебелость, земность, тяжесть падшей человеческой телесной природы, видит и здесь ветхую греховную природу человека. Невеста слышит зов Жениха и к прежней жизни возвращаться не хочет. Под обувь из мертвой кожи св. Григорий также видит прикосновение к земной нечистоте. Невеста «сделала то, что слышала, совлекшись кожаной одежды, в которую облеклась после греха, и смыв с ног земную нечистоту, которою была покрыта, когда, из райского жития возвратившись на землю, услышала: «яко земля еси, и в землю отыдеш» (Быт. 3,19)». Совлекшись ветхого человека, «одежд из мертвой кожи», душа в Крещении облекается во Хри-

ста» (Гал. 3,27), и на сию новую одежду уже не может вновь облечь старую. Посему Господь, посылая Своих учеников в мир на проповедь, не велит им иметь «двух одежд, ни обуви» (Мф. 10,10). По св. Григорию, Невеста подтверждает слово Господне, «повелевающее однажды украсившимся божественною одеждою не облакаться уже более в ризу греха, и иметь не две одежды, а только одну, чтобы две ризы на одном и том же не были одна с другою несходящимися; потому что какое общение одежды потемненной с световидною и невещественною?» Также говорит Господь ученикам не должно и вовсе иметь обуви. Соответственно и Невеста говорит: *«Умых нозе мои, како оскверню их?»* Ибо и о Моисее повествуется, что по божественному повелению освободив ноги от мертвой кожаной обуви, не надел опять на ноги сапогов, когда вступал на святую и освященную землю... Посему и Господь запрещает ученикам иметь сапоги, когда повелевает им «на путь язык» не ходить, но идти путем святым (Мф. 10,5.10). Конечно же, не знаешь этот святой путь, которым повелевается идти ученикам, познав сие от Рекшаго: «Азъ есмь путь» (Ин. 14,6) — путь, которого не возможно и коснуться не совлечшему с себя одежды человека мертвого. Посему так как на сем пути была невеста, на котором Господь шествующим по оному оmyвает ноги водою и отирает лентием, которым препоясан; а препоясание Господне есть сила, очищающая от грехов; ибо сказано: «облечеса Господь в силу и препоясая» (Пс. 92,1); то невеста, очистив ноги, хранит себя на пути царском». По св. Григорию, крещение призвано отрешать от «ремней сапогов», и св. Иоанн Креститель признается, «что не может сделать сего над одним только Господом, ибо как разрешить у Того, Кто вообще не был связан ремнем греха?» Так и Невеста оmyла ноги, отринув всякую земную нечистоту, и более сквернить их не хочет.

Так и св. Кирилл Иерусалимский, размышляя о чистых овцах, которые на Суде Божиим будут поставлены одесную Бога для наследования вечной жизни, пишет: «Так, если и ты будешь уже чист от грехов, то и дела твои впоследствии уподобятся чистой волне, и риза твоя останется неоскверненною, и будешь говорить всегда: *сволекухся ризы моея, како облечуся в ню?* По одеянию твоему известно будет, что ты овца».

О невозвращении ко греху говорит и пресвитер Илия Екдик: «Да глаголет и деятельная душа, подобно невесте в Песнях Пес-

ней, когда, по отложению ею всех своих худостей, злые демоны и помыслы лукавые, начнут понуждать ее снова «воззреть на суеты и наставления ложна» (Пс. 39,5); *совлекохся ризы моя, како облекуся в ню? умых нозе мои, како оскверню их?»*

5.4 Брат мой посла руку свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от него.

5.4 Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважню, и внутренность моя взволновалась от него.

Видя, что Невеста не спешит навстречу ему, Жених не отступается от нее, но прилагает усилие, чтобы вновь пробудить ее сердце.

Бл. Феодорит: «Поелику не хотела тотчас отворить толкущему, то касается ея чрез одно из чувств, кое *скважню* нарицает невеста, употребив *руку*, то есть действие. А сим жених любовь ея к себе возжигает и воспламеняет. Что явствует из сих невесты слов: *Чрево мое вострепета от него*: а сие Феодотион перевел: *Согресь*».

Господь обязательно *пошлет* руку, то есть совершит какое-то действие, напоминающее о Себе, ибо рука означает действие. То, что это произойдет *сквозе скважню*, чрез некую тонкую щель, означает, что это произойдет едва заметно, необходима чуткость сердца, чтобы *чрево вострепета* и **внутренность взволновалась**. Стоящий у двери сердца и Стукающий не войдет в него сам, не будучи приглашен туда. Он только прикоснется к дремлющей в неге душе и уйдет. Ей теперь самой придется искать Его. Не принуждением, не устрашением, не какими-то выгодами, но *трепетом* и **волнением** от прикосновения любви должно исполниться сердце. Как от едва заметного прикосновения руки юноши всем существом трепещет непорочная чистая девица, так бывает и в духовной жизни. Познала ли ты, душа, такой трепет и волнение?.. Или даже тяжкие удары, а не то что легкое прикосновение, не могут пробудить тебя?! И не оттого ли, что мертва есть?..

Св. Григорий Нисский, усматривая во всем этом тексте таинственное богопознание, размышляет таким образом. К Невесте не вошел сам Жених, а *только посла руку свою сквозе скважню*. Это говорит о том, что сам Бог по существу Своему непостижим. А познается, когда *посла руку свою*, то есть через Свои действия в этом видимом мире. И то только *сквозе скважню*, то есть только отчасти. Св. Григорий пишет: «Итак вот то учение, которое любомудренно преподается нам в сих бо-

жественных речениях; по оным чистая душа, проходящая уже не земную и вещественную жизнь, чтобы не осквернить следа своего, опираясь стопами на дальнее, ожидавшая, что примет Самого Жениха, всецело вошедшего в дом, возлюбила пока увидеть только в скважине руку, под именем которой разумеется действенная сила Его. *Брат мой*, говорит она, *посла руку Свою сквозе скважню*, потому что сила человеческая не имеет такой вместимости, чтобы принять в себя естество непреодолимое и непостижимое. *И чрево мое вострепета от Него*, продолжает Невеста. Словом: трепет означается какое-то изумление и удивление явившемуся чуду; потому что вся сила разумения приведена в ней в движение чудесностию совершаемого рукою Божию, постижение чего, превосходя силы ея, выражает собою непостижимость и невместимость естества действующаго». Св. Григорий подробно описывает, как непостижимо существо Божие, но постигается в делах творений рук Его в видимой природе — в солнце, звездах, человеке, животных, растениях.

Св. Григорий приводит и другое еще понимание этого текста, согласно которому дом Невесты — вся человеческая жизнь. Послание руки сквозь скважину — воплощение Слова, приход Христа в этот мир. Рука Его, евангельская благодать, творит чудеса в этом мире, от которых вострепетала душа человеческая. Само же Естество Божие остается невидимым. К этим мыслям св. Григория можно добавить, что в таком случае предшествовавший сон невесты указывает на времена ветхозаветные. Еще тьма, Бог не явился, но сердце пророков бдит. Когда же коснулось людей Воплощенное Слово, то вострепетала душа, взволновалась — но Его уже нет. Ушел, вознесся. И началось искание Его, устремление к Нему, ищет душа, претерпевая язвы и искушения, вопрошая о Нем, зная и любя Его, томясь без Него, пока вновь не придет Он в Свой виноградник.

5.5 Встах аз отверсти брату моему, руце мои искапаша смиру, персты мои смирны полны на руках заключения.

5.5 Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка.

Здесь речь о том, что отпереть Возлюбленному, чтобы Он вошел, можно только через смерть, через умирание, на которое указывает *смирна*.

Это относится и к первому пришествию Христа в мир. Об этом так пишет св. Кирилл Иерусалимский: «Ибо повествуя о страданиях Спасителевом, именуют они («Песни») и место: *внидох в вертоград* ради погребенного там. Упомянули и об ароматах: полным приял миро мое (5,5); потому что домостроительство исполнено». Умощением бездыханного Христа смирною и алоэ завершилось все, что сделал Христос и что было совершено над Ним. Теперь могла быть *отверста* дверь и *Брат* — Христос Воскресший мог войти в дом, то есть в человеческую жизнь этого мира.

В отношении человеческой души здесь речь о том, что Христос не ранее войдет в нее, не ранее и она сама раскроется Ему, как она прежде умрет для мира, греха и страстей.

Бл. Феодорит: «Невеста, исполнившись любви, восстает, и прибегая к дверям, руки мои, говорит, взявши за ключ, чтобы отпереть, *искапали смирну, и персты мои смиренны полны*. Ибо я совершенным умерщвлением во всех даже самонаименьших частях объята». Через *смирну* умерщвления страстей отверзаются *ручки замка* нашего сердца для Христа.

Подобным образом и толкует св. Григорий Нисский: «Что живому Слову, разумею чистаго и безплотнаго Жениха, Который безсмертием и святостию сочетавает Себе душу, возможно быть в нас не иначе, как разве кто, умертвив «уды, яже на земли» (Кол. 3,5), снимет с себя покрывало плоти, и таким образом отверзет Слову дверь, которою вселяется Оно в душу, это явно ... из сказанного теперь невестою. Ибо говорит: *востах отверсти брату моему*, сделав для сего руки мои источниками смиренны, изливающими из себя аромат». Это самоумерщвление страстей происходит добровольно, что указано тем, что смиренна капает с перстов рук, а «руками означает деятельные движения души». Должны быть умерщвлены не некоторые только страсти, а все, о чем говорит так: *персты мои смиренны полны*, не прикоснулись только умерщвления, но и преисполнились им. «Но как скоро таковые персты все наполнены разумеемою нами смиренной, душа и восстает, и отверзает Жениху вход. Посему-то, может быть, и великий Павел, хорошо выразумев Владычнее Слово, говорит, что не возможно вырасти колосу, если зерно не будет прежде разложено смертию (1 Кор. 15,36)»... Так смертию живем мы, когда из того, что в нас, как говорит пророк, одно убивает, а другое животворит Слово, изрекшее: «Аз убью, и жити сотворю» (Втор. 32,35)».

Невеста, сначала не вышедшая навстречу Жениху, теперь отперла Ему дверь, устремлена к Нему, но... Его нет, Он ушел, оставил ее.

5.6 Отверзох аз брату моему: брат мой преиде, душа моя изыде в слово его: взысках его, и не обретох его: звах его, и не послуша мене.

5.6 Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне.

Это второе ночное искание Жениха Невестой. Первое было описано в начале третьей главы. При большом сходстве есть и разница между этими исканиями. Первое искание — это искание души, не знавшей еще Бога, или знавшей, но ищущей более совершенного единения и познания своего Возлюбленного. Второе искание — это искание души, знавшей Бога, облагодатствованной Им, но потерявшей Его. Скорбь утраты, многие труды и поиски, избиения и раны должна претерпеть теперь душа, прежде чем снова обретет Возлюбленного.

При этом находим у отцов различие. Одни видят Невесту виновною в том, что не вышла сразу навстречу Жениху, и потому Он удалился от нее. Другие (см. св. Григорий Нисский 5,3) момент лени Невесты не усматривают.

Бл. Феодорит вкладывает в уста Невесты слова: «Но отверзши двери, брата моего вижу прешедша, и внити не хотяща. Я пламенем любви возбуждена будучи, и святою его беседою восхищена, к исканию приготавлиюсь и вопить не престану, безпрестанно его призывая. И он притворяется меня не слышащим, и не благоволит мне ответствовати».

Поленилась душа, когда звал ее Господь, теперь много должна потрудиться, ища и зовя Его. А Он скрывается от нее, испытывая ее. Господь отымает благодать от души, оставляя ее одинокой, дабы взыскала Его вновь.

Старец Силуан Афонский: «Нет большего горя, чем потерять благодать. Душа скучает тогда о Боге. Чему уподоблю это скучание? Уподоблю его плачу матери, которая потеряла единственного возлюбленного сына своего и взывает: «Где ты, утроба моя возлюбленная, где ты, радость моя?»

Так и еще больше скучает душа по Господу, когда потеряет благодать и сладость Божественной любви.

«Где Ты, Боже мой милостивый; где Ты, Свете Незаходимый? Почто скрылся Ты от меня, и не вижу больше Твоего кроткого и светлого лица?»...

Сердце мое возлюбило Тебя, Господи, и потому скучаю по Тебе и слезно ищущ Тебя».

Св. Григорий Нисский усматривает в этом искании Невестой Жениха богопознание любящей Бога души:

«*Брат мой преиде, душа моя изыде в слово Его*. Ибо сим поучает нас, что в разсуждении силы, превышающей всякий ум, один есть способ постижения, ни на чем постигнутом не останавливаться, но, ища всегда большего, нежели что постигнуто, ничем не удовлетворяться».

Размышляя о словах *на руках заключения отверзох аз брату моему*, св. Григорий обращает внимание на упоминание рук и ключа. «Посему тем и другим отверзает себе дверь Царствия, и руками, которыми означаются дела, и ключем веры. Ибо при посредстве того и другого, разумею дела и веру, уготовляется нам Словом ключ царствия».

«Ибо *душа моя изыде в слово Его*. Блаженно это исшествие, которым исходит душа, последующая Слову! «Господь сохранит исхождение твое и вхождение твое», говорит Пророк (Пс. 120,8). Ибо вот действительно исхождение и вхождение, сохраняемое Богом для достойных! Исхождение из того, в чем пребываем, делается вхождением в превысший блага».

Далее св. Григорий показывает это на примере Моисея. Моисей *изыде* из Египетского царства, возлюбив более «поношение Христово» (Ев. 11,25). Попытался помочь единоплеменникам, но еще своими силами. Потом сорок лет пустынножительства. Потом явление Господне в неопалимой купине на Хориве. Потом он — проводник многочисленных чудес Божиих. «Отваживается идти на горящую гору (Синай. — Г.Ф.); достигает вершины; входит в облако; проникает во мрак, в котором был Бог... Однако же при столь великих и многих дарованиях, после стольких опытов, на столько возвысившись к Богу, имеет еще ненасытимое вожделение большего, и умоляет Бога позволить увидеть Его лицом к лицу... говорит (Моисей Богу): «еще обретох благодать у Тебе», покажи мне Себя ведомо: и Обещавший даровать просимую благодать, Сказавший: «вем ты паче всех» (Исх. 33,16.17), проходит мимо его, покрытого Божественною рукою на божественном месте в камне, чтобы по пришествии Бога увидел только «задняя».

И исполнилось так на Моисее: *Брат мой преиде* (в расселине скалы) *душа моя изыде в слово Его*, но столь часто ему Являе-

мый остается невидим, оставляя Моисею «задняя», а он *взысках Его, и не обретох Его... звах Его, и не послуша мене.*

Познание Бога и непостижимость Его...

Искание Бога и исчезновение Его...

Обретение Бога и утрата Его...

Такова антиномия, таков парадокс богопознания.

Св. Григорий Нисский: «Величие естества Божия познается не из того, что о нем постигается, но из того, что превосходит всякое представление и всю силу постижения. Ибо душа, выступая уже из естества, чтобы ни в чем обычном не встречать препятствия к ведению невидимого, не останавливается, ища необретаемое, и не умолкает, призывая неизразимое. Она говорит: *взысках Его, и не обретох Его.* Да и как может быть обретено, что не показывает в себе ничего познаваемого: ни вида, ни цвета, ни очертания, ни количества, ни места, ни наружности, ни повода к догадке, ни подобия, ни сходства, но, обретаясь всегда вне всякого пути к постижению, всячески избегает уловления ищущих? Посему невеста говорит: *взысках Его* изобразительными силами души, в умозаключениях и понятиях; и непременно оказывался вне их, убегая от приближения мысли».

Звах Его, и не послуша мене. Св. Григорий объясняет это причитание Невесты как невозможность наименовать Неименуемого, как невозможность вместить непостижимое существо Его в изреченное имя.

Ночное искание невесты подобно ночному борению Иакова. «Спросил и Иаков, говоря: скажи мне имя Твое (*звах Его*). И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? (*и не послуша мене*)» (Быт. 32,29).

Невеста ищет ночью своего Жениха. Ищет и не находит. Зовет его, а он не отвечает. И вот:

5.7 Обретоша мя стражие обходящи во граде: биша мя, избиша мя: взяша верхнюю ризу от мене стражие стении.

5.7 Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены.

Во время ночного искания по городу Невеста встречает обходящих город стражей. Они избивают, ранят Невесту и снимают с нее покрывало (верхнюю ризу).

Как и ранее само искание, так и это избиение несколько различно изъясняются бл. Феодоритом и св. Григорием Нисским. Другие отцы толкуют, следуя за ними, созвучно или с тем, или с другим.

Бл. Феодорит: «И так всюду обходя, и возлюбленного моего ищущи, попадаю на стражей и хранителей града, которые меня не только били и язвили, но еще и верхнюю ризу мою похитили. *Стражами стен града*, по мнению моему, невеста нарицает властей, начальников и тиранов, кои невесту Божию Церковь некогда гнали, и добропобедных мучеников ея биением и ранами изъязвив, души их обнажающе от тела, и оное от них, так как *верхнюю ризу* отъемлюще, умервщляли. Мученики же, горя *желанием Жениха* и повсюду Его и во градах, и в селех даже до последних пределов земли проповедуя, все сии напасти перенесли. И так из сказанного здесь научаемся, что, всякую медленность отложив, толкущему жениху тотчас отверзать должно, да егда прейдет, не будем принуждены всюду блуждать, ища возлюбленного».

Душа, не воспрянувшая тотчас явившемуся ей Жениху, когда все-таки выходит к Нему, уже не обретает Его сразу, но вынуждена долго искать, претерпевая при этом различные душевные и телесные раны и избиения. Но теперь она уже не обращает на них внимания, желая иметь только лишь Его Самого.

Прекрасное описание этого искания души и постигающих ее искушений дает прп. Макарий Великий:

«Всякая душа, любящая Господа, бывает терзаема злыми демонами, ополчающимися на нее и мешающими идти к животворцу Иисусу. Но это случается с попущения и повеления Божьего: это Он испытует ее, истинно ли она любит Господа, хватит ли ей мужества перемочь мучительный гнет, не отречется ли, оробев, от Него, уклонившись от тягот пут и бежав с войны против духов злобы; а медлящая душа (Песн. 5,3), долгие годы откладывающая испытание злом, осуждается перед лицом Господа, лишается Его щедрот и не удостоивается никакой помощи.

Но видя мужество души, ее терпение среди испытаний и то, что она вышла окрепшей из огня, Господь открывается в благодати Своей, является в озарении блистательного Своего света и, призывая ее к Себе, говорит: «Приди с миром, возлюбленная моя» (2,10; 5,7). А она, прибежав к Нему, плачется Ему и говорит: почему, Господи, так надолго Ты покинул меня на злые страдания и на издевательства врагов? Встретили меня, когда я искала Тебя, стражи ночи, обходящие город, и мучили меня. Господь же, лучась несказанным светом, успокаивает, утешает ее и говорит ей в ответ: Хороши слова твои, приди же с миром, возлюбленная моя, голубка моя. И беседует с ней, показывая ей следы гвоздей и напоми-

ная: Вот следы гвоздей, вот бичи, вот оплевания, вот раны; все это за тебя, многими ранами ранимую и многими врагами терзаемую, в великом страдании Я претерпел. Я в Своем человеколюбии пошел искать тебя и освободить тебя, потому что изначально по Моему образу Я сотворил тебя и Своей невестой сделал тебя; и за тебя пострадал, бесстрастный, и, не оскорбляющий, много перенес оскорблений ради твоего искупления. А ты ради самой себя, столько зла в себе имевшей и в такой мрак погруженной, не должна была пострадать и помучиться? И беседуя мирно и отвечая душе, Он открывает ей, что Сам научил ее и переносить страдания, и Сам тайно давал ей силу в испытаниях, и подкреплял ее».

Жития святых дают нам яркие образы, раскрывающие подобные состояния души.

Вот пример прп. Антония Великого, одного из родоначальников монашеского жития, египетского отшельника. Всем сердцем возлюбив Христа, он оставил мир и начал свои уединенные подвиги в пустыне. Началось «ночное искание Жениха». Душа его искала Господа. И *встретили* его *стражи* (нечистые духи, демоны) *обходящие город* (египетскую пустыню и прочие насиженные ими места-жилища), *избили* его, *изранили* его. Сначала искушал его блудный бес, но был отринут юным подвижником. Тогда Антоний «отправился к находившимся недалеко от селения гробницам, упросив прежде одного из знакомых, чтобы он приносил ему в известные дни пищу. Тот запер его в одной из таких гробниц и там, в уединении, блаженный предавался безмолвию (душа Антония, безмолвствующего устами, взывает: *Я стала, чтобы отпереть возлюбленному моему*. — Г.Ф.). При виде этого, дьявол стал опасаться, что Антоний со временем вооружится против него пустынным подвижничеством: собрав демонов, он, по попущению Божию, подверг его таким ужасным побоям, что блаженный лежал после недвижимым и безгласным, о чем впоследствии он сам много раз рассказывал; причиненные ему мучения превосходили всякие человеческие страдания (*Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены*). Но, по милосердию Господа Бога, никогда не оставляющего надеющихся на Него, Антоний не умер. Спустя несколько дней к Антонию пришел упомянутый ранее знакомый его, неся обычную пищу. Открыв двери и увидя его замертво лежащим на земле, он поднял его и принес в свое селение.

Когда разнесся слух об этом, к Антонию собрались соседи и сродники и с великою скорбью стали совершать над ним, как над умершим уже, заупокойную службу. Но в полночь, когда все крепко заснуло от утомления, Антоний стал приходить понемногу в себя; вздохнув и приподняв голову, он заметил, что не спит лишь тот, кто принес его сюда. Подозвав его к себе, он стал просить его, чтобы тот, не будя никого, отнес его на прежнее место, что и было исполнено, и Антоний снова стал жить в уединении. Не имея сил, по причине ран, стоять на ногах, он молился, лежа ниц, и после молитвы громко воскликнул:

— «Бесы! вот я, Антоний, здесь. Не избегаю я борьбы с вами; знайте, что если сделаете что-либо и большее прежнего, ничто не может отлучить меня от любви ко Христу»...

После этого дьявол стал искушать прп. Антония бесовскими страхованиями. Это уже иным способом продолжалось «ночное избиение» Антония, в уединении слезно ищущего своего Господа, Возлюбленного своего.

«...после этого все множество бесов пришло в неистовое движение, потому что у дьявола есть много способов борьбы с людьми. Вдруг раздался такой гром, что место это поколебалось в самом основании, и стены распались; и тотчас сюда ворвалось и заполнило жилище Антония множество демонов, явившихся в виде призраков львов, волков, аспидов, змей, скорпионов, рысей и медведей, и каждый из этих призраков обнаруживал свою ярость соответственным его виду способом: лев рычал, готовясь поглотить Антония, буйвол устрашал своим ревом и рогами, с шипением извивалась змея, стремительно бросались волки, рысь по-своему изловчалась к нападению; все эти призраки были крайне страшны по своему внешнему виду, а производимый их ревом шум был прямо ужасен. Антоний, поражаемый и терзаемый ими, переносил мучительнейшие страдания, но не впал в страх и сохранил бодрость и ясность ума. Хотя телесные раны и причиняли ему боль, но, оставаясь непоколебимым в душе, он как бы глумился над врагами...

Так демоны, после долгих покушений и напрасных стараний устрашить блаженного Антония, лишь скрежетали своими зубами, потому что не только ни один из них не имел никакого успеха, но, напротив, сами были побеждаемы и посрамляемы им.

Милосердный Господь Иисус, покровительствуя Своему рабу, не оставил его во время такой тяжелой борьбы с демонами. Под-

няв кверху свой взор, Антоний увидел, что свод гробницы раскрылся над ним и к нему нисходит, рассеивая тьму, светлый луч. С появлением света демонов не осталось ни одного, телесная боль мгновенно утихла, гробница же, которая распалась при появлении демонов, снова оказалась невредимою. Уразумев в этом посещение Господне и глубоко, от сердца, вздохнув, блаженный воскликнул с лицом, обращенным к озарявшему его свету:

— «Где был Ты, милосердный Иисусе? — где был Ты, и почему с самого начала не явился исцелить мои раны?»

И был к нему голос:

— «Антоний! Я был здесь, но ждал, желая видеть твоё мужество; теперь же, после того как ты твердо выдержал борьбу, Я буду всегда помогать тебе и прославлю тебя во всем мире».

Услышав это, Антоний встал и почувствовал себя настолько крепким, что, как казалось ему, он получил вновь силы много больше, чем сколько потратил в борьбе. Блаженному Антонию было тогда тридцать пять лет» [26].

Подобный пример мы находим в житии великого нашего подвижника прп. Серафима Саровского. Так, дьявол воздвиг на него большое гонение, поднял в его душе мысленную брань и поддерживал борьбу эту с таким натиском и силою, от которых пал некогда великий из отцов Феофил — эконо́м Ада́нской церкви (Четьи-минеи 23 июля). В тяжком душевном обстоянии старец Серафим обратился к Господу и Пречистой Его Матери, а сам решился усилить свои иноческие труды, чтобы при помощи свыше разрушить страшные козни дьявола, повергавшие его в уныние. Тогда-то он в течение тысячи дней и ночей простоял на коленях, или на ногах, на камне и взывал с сокрушением: Боже, милостив буди мне грешному!

То было ночное искание Возлюбленного Жениха душой преподобного Серафима. Оставленный благодатью, он не успокоился и не отступился, пока вновь не обрел ее.

Претерпел прп. Серафим и биения, и раны от злодеев в лесу. И это все, ища Господа. Ибо мог защититься, будучи физически сильным и имея в руках топор. Но, вспомнив слова Господа «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26,52), он отставил топор. Душа искала Господа, тело претерпевало тяжкие раны.

Иначе толкует этот текст о приятии Невестой ран от стражей св. Григорий Нисский. В стражах, уязвляющих ищущую Жениха Невесту, он видит ангелов Божиих, охраняющих град души и

уязвляющих любовью ко Господу душу человеческую. Невеста «прияв в себя избранную стрелу Божию, уязвлена в сердце острiem веры, смертельно устрелена любовью. А по слову Иоаннову: Бог любви есть (1 Ин. 4,8)».

Снятие **покрывала** или *верхней ризы* с невесты стражами св. Григорий объясняет как освобождение души от всего, что препятствует ей взирать на Господа, Возлюбленного своего. «Посему... как покров, снова снимается с невесты (всякая дебелисть естества) обретающими ее. А это суть *стражие обходящие во граде*; град же — душа; с нея при побоях и нанесении язв снимают верхнюю ризу те, дело которых — стеречь городские стены. Посему, что это снятие верхней ризы есть нечто доброе, чтобы око, освобожденное от покрывала, безпрепятственно устремлялось на желанную красоту, в этом никто не усомнится, взирая на апостола, который отъятие покрывала приписывает силе Духа, говоря: «внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало. Господь же Дух есть» (2 Кор. 3,16.17)».

Под *стражами* св. Григорий видит святых ангелов Божиих: «Посему «служебнии дуси, в служение посылаеми за желающих наследовати спасение» (Евр. 1,14) указуются в слове под именем *стражей*, обходящих град. Душа же, как сказано, есть град, Божие жилище. Итак ими, говорится, обретена душа, как некогда обретена добрым Пастырем та овца, о которой, по слову Господа, все ангельские лики подвиглись к веселию».

Язвы, по учению св. Григория, произведены ударами любви Божией. «Если же сказывает, что понесла и язвы, то сими словами изображает глубоко в ней божественным жезлом отпечатленный образ... Так и Павел, помеченный таковыми ударами, восхищаясь сими язвами, сказал: язвы Христовы «на теле моем ношу» (Гал. 6,7). Итак, ясно стало из сказанного нам, что прекрасное дело — и язва, с которою отнята у невесты верхняя риза, так что красота души у нея открыта, и одеяние не помрачает ее более».

Кроме того, св. Григорий находит здесь указание на непостижимость Божества, которого душа ищет постигнуть. «Душа, изшедшая «в слове Его», и ищущая необретаемого, призывающая Того, Кто недостижим для всей значительности именований, узнает от стражей, что любит она недостижимаго, вожделевает необъятнаго. Они-то некоторым образом бьют и язвят безнадежностью желаемого душу, признавшую, что вожделение есть несовершенное и неуслаждающее добро». На Бога «не смеют чини ангельстии взирати». Узнав от ангелов-стражей о вечной непости-

жимости Божества, душа, ищущая постигнуть Бога, уязвляется неисцельной язвой, ибо желает постичь Его. Это вечно открытая рана души, уязвленной любовью и желанием богопознания...

Симеон Новый Богослов, имевший опыт таинственного богопознания, говорил словами Песни Песней: «Я искал Его, Кого возжелал, Кого пламенно возлюбил, прекрасной красотой Кого я был ранен, я воспламенялся, я горел весь, сожигался...» (Гимн 30).

Ночь. Жених ушел. Невеста потеряла Его. Ищет Его безутешно. Стражи ночные избили ее, изранили. Она все равно, томясь любовью, ищет Его...

Это еще и образ Церкви последних времен перед концом света и вторым пришествием Христовым. Это описание состояния верных христиан времен антихристового отступления. Вот как беседует об этом прп. Серафим Саровский с Н. А. Мотовиловым: «И во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы избранных ради не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда Самим Господом, когда Он, на кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным Человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — Подобное же оставление человечества Благодатию Божией должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновании коего не умедлит вслед явиться Господь во славе Своей и вси святии ангели с Ним. И тогда совершится во всей полноте все от века предопределенное в Предвечном Совете».

Освободившись от изранивших ее стражей, Невеста, ищущая в ночном Иерусалиме своего Жениха, встречает дочерей Иерусалимских. Нанесенные ей раны не остановили ее в поисках. Теперь она обращается к встретившимся ей дочерям Иерусалимским:

5.8-9 Заклях вы дочери Иерусалимския в силах и в крепостех сельных: аще обрящете брата (сестричища) моего, возвестите ему: яко уязвлена любовью азъ есмь. Что брат (сестричищъ) твой паче брата, добрая в женах, что брат (сестричищъ) твой от брата, яко тако заклала еси нас?

5.8-9 Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви.

И удивленные видом встретившейся им ночью израненной, с сорванным покрывалом, кого-то мучительно и безудержно ищущей, прекрасной девицы дочери Иерусалимские отвечают ей вопросом, в котором слышится с их стороны удивление и, возможно, некоторая оскорбленность:

«Чем возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем возлюбленный твой лучше других, что ты так заклинаешь нас?»

Невеста лишилась Жениха, но любит Его. Она употребляет обычное в Песни Песней заклинание *в силах и крепостях сельных*, чтобы передать Жениху, что она любит Его. Она *уязвлена любовью*, она *изнемогает от любви*. Такова душа, возлюбившая однажды Христа, раненная любовью к Нему, изнемогающая от любви к Нему.

Передайте моему Возлюбленному, что хоть я и замедлила выйти к Нему, когда Он пришел ко мне, хоть Он и ушел от меня, но я люблю Его, я изнемогаю от любви к Нему, я ищу Его.

Ответный вопрос дочерей Иерусалимских, еще не возросших в вере и любви, свидетельствует о непонимании ими того, кто есть Христос. **Чем возлюбленный твой лучше других? Чем Брат твой паче брата?** Многие готовы признать и чтить Христа. Но не более других. **Чем Он лучше других?** Они готовы поставить Его вровень с другими пророками, мудрецами, выдающимися личностями, но и не более. **Чем Брат твой паче брата?** И они считают, что вообще-то и ничем. А либеральная интеллигенция и представители других религий готовы с некоторою обидою и осуждением Церкви в гордыне и узости укоризненно спросить: **Чем Возлюбленный твой лучше других?** Мол, разные народы и разные культуры имеют разных богов и разные веры, зачем же вы, христиане, превозносите Христом? Чем Он лучше других — Будды, Конфуция, Мухаммеда?

Одно только вынуждены признать дочери Иерусалимские, что хотя Церковь-Невеста и изранена, и сорвано с нее покрывало земной славы, но она *добрая в женах* и *прекраснейшая из женщин*. Красота христианских святых столь велика, столь притягательна, столь неповторима, что отрицать это невозможно. Правда, пытаются вписать их в пантеон своих светил, не желая признать их исключительности. Но она, эта красота, исключительна! Она — *добрая в женах* и *прекраснейшая из женщин*! Ей равной нет! Святая христианская душа несопоставима ни с какой другой в этом мире.

Св. Григорий Нисский так разъясняет применение заклатья Невестой: «Посему, что же говорит она? Если наложим на себя это заклатье быть в *силах* зорких серн и в *крепостех* истребителей порока оленей, то при этом возможно увидеть чистаго Жениха, сего стрельца любви, и душа каждаго скажет Ему: *уязвлена любвию аз есмь*. А что язвы любви прекрасны, дознаем сие из притчи, которая говорит: вожделенны «язвы друга», худы же «лобзания врага» (Прит. 27,6)». Под зорким зрением серн св. Григорий разумеет непогрешительное мнение (зрение) о Божестве, а под истребляющими гадов оленями — очищение души от греховных пороков и страстей.

Ответный вопрос дочерей Иерусалимских св. Григорий толкует так: все они убеждены в непостижимости существа Божия, но обращаются к Церкви, с которой снято покрывало неведения, чтобы она дала хотя бы признаки Его проявления в этом мире. «Ознакомь нас с искомым, и научи нас, по каким признакам отыскивается невидимый, чтобы известить нам Его о стреле любви, которою уязвлена ты в средину сердца, и сладостным учением увеличиваешь в себе страсть».

Отвечая на вопрос дочерей Иерусалимских, Невеста дает прекрасный образ Жениха-Христа.

Как в 4,1-5 Жених воспел Невесту, так теперь Невеста восхваляет Жениха. У Невесты были названы и воспеты семь частей ее тела, что означало полноту благодати Церкви, Тела Христова. У Жениха-Христа — девять, и еще даются три характерные черты, всего сравнений — двенадцать ($9+3=12$). Число 7 у Невесты-церкви указывает на полноту благодати видимой, на земле сущей Церкви. Число 12 Жениха-Христа, состоящее из девяти и трех, указывает на девять ангельских чинов (Небесная Церковь) и на Саму Святую Троицу, обитающую и в Церкви видимой и в Церкви невидимой.

Итак, образ Христа, Нарцисса Саронского, Лилии долин! Образ *Возлюбленного*, Того, Кого любит и ищет душа христианская. Образ Главы Невесты-Церкви*.

* Св. Григорий Нисский, толкуя образ Христа-Жениха, говорит об определенных членах Его Тела, то есть Церкви. В Церкви (и разных ее представителях) явлен Сам Христос. Нам представляется в данном случае такой подход неудачным, ибо образ Жениха и образ Невесты в таком случае смешиваются. Получается тогда, что Невеста-церковь восхищается, практически, не Христом, Которого возлюбила и ищет, а собой. Мы следуем за бл. Феодоритом, видящим здесь именно Самого Христа, не тождественного со Своим телом-Церковью.

5.10 Брат (сестричищъ) мой бел и чермен, избран от тем.

5.10 Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других.

Невеста-церковь исповедует Христа, как Богочеловека (третий и четвертый Вселенский соборы). Христос *бел* по Божеству и *чермен* по человеческому естеству.

Бл. Феодорит (святой отец эпохи III-IV Вселенских соборов): «*Бел* убо есть, яко Бог. И что яснее света? Свет же Он есть истинный, по слову евангелиста. Бе, говорит, «свет истинный, иже просвещает всякаго человека грядущаго в мир» (Ин. 1,9). Но не только бел, но *чермен* (красноватый): понеже не Бог токмо есть, но и человек, чермный бо земнаго знаменует».

Имя первого человека «Адам» означает «красный» или «из красной земли». Христос *чермен* (**румян**), ибо Он Второй Адам, Сын Человеческий. Бел же Он, как Сын Божий, ибо един свят, един Господь. *Бел* Он явился в блистающих белых одеждах на Фаворе, явив ученикам Свое Божество.

Человеческое и Божественное Христа явилось в Его Страданиях и Воскресении. Вот как говорит об этом пророк: «Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спасти». Отчего же одеяние твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле? «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною... кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое» (Ис. 63,1-3). Блаженный Иероним, толкуя этот текст, пишет: «Поэтому и в Песни Песней говорится: *Брат мой бел и чермен*, — чермен в страдании, бел в воскресении».

Белый цвет иногда заменяется голубым — цветом неба. Поэтому в православной иконографии Христос изображается в синем и красном.

Белый цвет означает Его святость и непреступную славу Божества. По человеческому же естеству Он «красен добротою паче сынов человеческих» (Пс. 44,3), на что указывает красный цвет. Приведенный текст из Ис. 63,1-3 указывает и на Кровь Его страданий. «Одеяние и ризы» Топтавшего в точиле — это Тело распятого Христа. «Кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое».

Брат мой бел, ибо греха не сотворил и по Божеству непричастен страданию. Он же *чермен*. «Приличествовало тому быть и называться черным, кто подъял грехи наша, кои были красны на подобие кровавой одежды или краски» (бл. Феодорит).

Брат мой... избран от тем, или **Возлюбленный мой... лучше десяти тысяч других** (тьма = 10 000). «Чем Возлюбленный твой лучше других возлюбленных?» — спрашивают Суламифь дочери Иерусалимские. Она, не смущаясь, отвечает: Он **лучше десяти тысяч других**, лучше и *избран* от них. «Ибо перворожден вся твари Христос, «греха не сотвори, ниже обретется леств во устех Его» (1 Пет. 2,22)... «Се отрок мой егоже избрах: избранный мой, прият его душа моя, дах дух мой нань, суд языком возвестит» (Ис. 42,4)» (бл. Феодорит). Он избран в непорочную жертву, Он прекраснее сынов человеческих!

Далее Невеста описывает Его от головы до ног. Именно такой порядок означает боговоплощение, — схождение Его с небес на землю, принятие Царем образа раба.

5.11 Глава его злато избранно.

5.11 Голова его — чистое золото.

Золотою главою означено Божество Иисуса Христа Сына Божия, как главенствующей в Нем природы и как Главы Церкви. Ибо *глава* — это главное в человеке, а *злато избранно* указывает на Божественную славу. У Симмаха, кстати, переведено *камень драгий*.

Бл. Феодорит: «Под именем *Главы* иносказательно разумеет Божество его, чрез белизну выше означенное: *злату* же и *камени драгому* Божество его уподобляет потому, что между всеми благами человеческими оне суть наидрагоценнейшыя, и другого наименования Божеству его приличнее никак дать не можно».

Злато главы Христа означает Его Царское достоинство. «Он есть Господь господствующих и Царь царствующих» (Откр. 17,14), Он «Владыка царей земных» (Откр. 1,5).

Глава Его злато Кефаз. Если перевести это еврейское слово, то получится **чистое золото**. Об этом пишет св. Григорий Нисский: «Слово облеклось в наше естество, соделав его чистым и избавленным от всех прирожденных ему немощей. Ибо так говорит о Нем Пророк: греха «не сотвори, ни обретется леств во устех Его» (Ис. 53,9)... Посему Глава тела — Церкви, начаток всего естества нашего есть чистое, несмешанное и несмешивающееся ни с одним недостатком золото».

5.11 Власы его кудрявы, черны яко вран.

5.11 Кудри его волнистые, черные, как ворон.

Волосы на голове означают благодать, исходящую от Христа. Благодать, являющуюся Его славою и красотою. Бл. Феодорит: «Под именем *власов* разумеются здесь из главы притекающие струи благодати». Подобную мысль излагает и св. Григорий Нисский: «*Власи Мои (Жениха) наполнились капель водных* (5,2). Итак власы Его, у пророков называемые облаками, источают капли; из них бывает дождь учения, напоевающий одушевленные нивы к плодоносию возделанного Богом».

Черный цвет волос означает сокровенность, непроницаемость и непостижимость тайн Божиих и Его учения. Бл. Феодорит: «Черными же называются, дабы сим темным и черным цветом означить сокровенный и неудобопостигаемый способ воплощения его». Жених Песни Песней — воплощенное Слово. Обрамление черных волос означает сокровенность и непостижимость боговоплощения. «*Вран* упоминается только для означения его цвета» (бл. Феодорит). На другие свойства этой птицы здесь никак не указывается.

Власы его кудрявы, черны яко вран. Интересно сопоставить это с Апокалипсисом, где Господь Иисус Христос является св. Иоанну Богослову с белым волосом. «Голова Его и волосы белы, как белая волна, как снег» (Откр. 1,14). Соломон видит Отрока, Вечную Юность, превечно рожденного Сына. Иоанну Богослову Господь является, как Старец с белым волосом, как Ветхий деньми (ср. Дан. 7,9)*. У Соломона — начало (альфа), цветущая любовь Христа и Церкви — возлюбленной Его. У Иоанна — кончина века (омега), Господь Ветхий днями, с убеленным волосом, готовый совершить жатву, ибо и нивы уже побелели.

5.12 Очи его яко голубины на исполнениях вод, измовени в млеце сидящия в наполнениях (вод).

5.12 Глаза его — как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве.

Очи Христа-Жениха яко голубины на исполнениях вод, как голуби при потоках вод. Бл. Феодорит: «Сим приводит нам на память того голубя, который во Иордане на Него низшел... ибо

* Св. Кирилл Александрийский и богослужебные тексты видят в «Ветхом деньми» именно Христа, а не Бога Отца, как это трактуется позднейшей иконографией.

безпрестанно к подаванию крещения обращены (Его очи), ожидая спасающихся, и всех вообще спасения желая на исполнениях вод». Дух Святой сошел на Господа на Иордане в виде голубя и теперь посылается Им на крещающихся в воде. И опять интересно сопоставить с видом Господа, явившегося св. Иоанну Богослову на острове Патмос. Там «очи Его, как пламень огненный» (Откр. 1,14). И Предтеча говорил о Христе, что Он будет крестить Духом Святым (очи, как голуби) и огнем (очи, как пламень огненный). Печать Духа спасаемым и огонь Суда погибающим. Но в Церкви *очи его яко голубины на исполнениях вод*, в Церкви Он не апокалиптический Судия, а Податель Духа крещаемым.

То, что речь идет именно об *очах*, указывает на всевидящее око Христа, зрящее все тайны мироздания и души человеческой.

Купающиеся в молоке. Во всякой жидкости отражается образ смотрящего в нее, только молоко не дает никакого отражения. Отражение (по св. Григорию Нисскому) означает кумиротворчество, самопоклонение, поклонение мнимостям, пустую мечтательность представлений. В Духе же Святом, Которого подает Господь, ничего подобного нет. Никаких мнимых изображений, собственных фантазий и мнимых богов. Как у молока видна только его реальная собственная белизна, так истинна чистота и белые одежды *купающихся в молоке (измовених во млеце)* Духа Святого.

Кроме того, *измовени в млеце* — это и немощные в вере, питаемые молоком Слова в немудрости и простоте. *Сидящий в наполненных (вод)* — это осквернившиеся грехами и ныне омывающиеся в «водах» Духа. Тому и другому источник — всемилостивые очи Спаса.

Бл. Феодорит приводит здесь мысль, подобную приводимой св. Кириллом Иерусалимским в «Огласительных беседах», о том, что недостойно приемлющий таинство крещения не приемлет благодати Божией. «И не без причины говорит, в *наполненных (вод)*: ибо тех, кои не имеют истинной и совершенной веры, и тако приступают, не приемлет. Таков был Симон, который хотя и крещен, но благодати не удостоился, когда исполнен не был, не недостаточен, то есть совершенства веры не имел».

5.13 *Ланиты его аки фиалы аромат, прозябающе, благовоние.*

5.13 Щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений.

Ланиты девицы, подобные половинкам гранатового яблока, означают стыдливость и целомудрие невесты (см. 4,3). Щеки мужчины, покрытые бороною, как **цветником ароматным**, как **грядями благовонных растений**, указывают на мужскую честь и достоинство. Снятие бороды означает лишение мужской чести и его позор (2 Цар. 9,4-5 — слуги Давидовы были очень обещены аммонитским царем через обрители половины бороды). Во Христе божественная честь Мужа совершенна. О Нем говорил Иоанн Креститель: «Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня» (Ин. 1,30). Христос есть Муж, засвидетельствованный от Бога силами и чудесами и знамениями (которые источались, как **гряды благовонных растений**), которые Бог сотворил через Него (Деян. 2,22). Апостол Павел пишет к коринфянам: «Я обручил вас единому Мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (Кор. 11,2). И Небесный Иерусалим — «приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21,2). Господь Иисус — Глава и муж Церкви. Он же будет и судить вселенную, ибо Бог «назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян. 17,31).

Первый человек Адам был изначально не бесполом, как пытаются это некоторые представить. Ребро его было взято у «человека» и жена была приведена к «человеку» (Быт. 2,22). Хотя Адам и утратил ребро, которое возвращено ему в образе жены, но он был «человек» и остался «человек», его природа осталась неизменна. И не «разделился» этот человек на мужа и жену, но жена* «взята от мужа(!)» (Быт. 2,23) без ущерба для него. А он был уже «мужем» и до ее сотворения. И «человек... прилепится к жене своей» (Быт. 2,24), то есть происходит не соединение двух половин человека (потому и нет равенства!), а весь человек (=муж) прилепится к взятой от него жене. Так и от ребра Христова, Божественного Мужа и Нового Адама, взята Церковь-Жена. При этом Христос ничего не потерял, не стал «половиною», но к Нему через веру и таинства возвращается взятое от Него — возвращается Дева-Церковь, которая, подобно Приснодеве, рождает Ему «сына мужеска» (Откр. 12,5), не переставая быть Девою. Итак, в муже — полнота человека, а не половина. А в жене, от мужа взятой, некое

* «Жена» производное от «мужа», еврейское «ниша» (жена) произведено от «нишъ» (муж), как, например, по-русски «голубица» от «голубя».

отражение его, возвращающееся к нему, и опять не половины его, а всего. Так и во Христе, Муже совершенном, Сыне Человеческом, полнота человеческой природы, а не половина. А Дева-Церковь от Него взята и потому Жена Его, к Нему и возвращается. И в Церкви не «половина» Христа, но весь Он пребывает, ибо она «есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1,23)*.

И еще: «Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе? Яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на края одежды его» (Пс. 132,1). *Ланиты его аки фиалы аромат, прозябающы, благовоние*. От Христа, истинного Аарона, Небесного Архиерея нисходит, как благовонное миро на ометы одежды, дух истинного мира и братолюбия в Церкви, которая есть собрание братии вкупе. И это так же прекрасно, как **цветник ароматный**, подобный бороде Аарона.

Невеста, восхваляя щеки Жениха, говорит о его бороде. Говорить же о самих мужских щеках неприлично и нецеломудренно. Как у жены волосы головы — это честь ее и даны ей вместо покрывала (1 Кор. 11,15), так мужу дана борода для целомудренного покрытия лица его, как честь его и достоинство. Невеста-Ревекка, увидев Исаака-жениха, покрылась покрывалом (ибо лицо девицы не имеет естественного покрывала). Лик же Исаака, являющегося образом ветхозаветного целомудрия и прообразом новозаветного Перводевственника-Христа, был покрыт естественным покровом бороды.

Св. Григорий Нисский, говоря о щеках Жениха, отмечает их свойство: участвовать в пережевывании пищи, а бл. Феодорит говорит о них как об орудии речи. Нам же представляется, что эти указания здесь неуместны, ибо не об этом речь. Тем более, что об устах и гортани говорится отдельно.

5.13 Устне его кринь, каплющи смирну полну.

5.13 Губы его — лилии, источают текучую мирру.

Губы, уста изрекают слово. Уста Христовы изрекли Благоую, радостную весть — святое Евангелие. Христос — Крин удольный, Лилия долин (2,1) источает **текучую мирру** Своего святого учения, наполняющего мир своим благоуханием.

Указание на красоту белоснежных **лилий** означает, что учение Христово имеет свою красоту от Бога и, как и лилии, не нуждается в человеческом украшительстве. Об этом так говорит бл.

* Кстати, ни Священное Писание, ни святые отцы вообще не пользуются термином «половой» (производное от «половины»)

Феодорит: «*Кринам* также уподобляет *устне* жениховы, понеже сами собою блещут Божественная словеса, хотя б они человеческих прикрас не имели. Ибо крины не прядут и не ткут, как говорит Господь, но Отец Небесный одевает их».

Кроме того, св. Григорий Нисский указывает на два свойства Слова, отмечаемые белизной лилии и смирной. Первое означает чистоту и истинность Слова Божия, а второе — умерщвление плоти.

Первое качество Слова Божия — «истина, блестящею и световидною усматриваемая в изрекаемом; ибо таков вид *крина*, белизна которого загадочно означает чистоту и истину возвещаемого; другая (ое) же состоит в том, что учением уст указывается одна духовная и невещественная жизнь, по умерщвлении духовным воззрением жизни дольней, в которой действует плоть и кровь. Ибо *смирна*, истекающая из уст и наполняющая собою душу приемлющего, ясно выражает умерщвление тела».

5.14 *Руце его обточены златы, наполнены фарсиса.*

5.14 Руки его — золотые кругляки, усаженные топазами.

Руками означены божественные, совершенные, благие дела Господни. Руки *обточены*, или кругляки, гравированные, изваянные (τοξεύτα), ювелирно совершенные. Этим указывается совершенство Его дел, Он, как Божественный Ювелир, во всем достигает предельной красоты, совершенства и точности. Он не делает ошибок, в Его Промысле все до тонкости учтено. Он и нас «обтачивает» и, угловатых в своих несовершенствах, делает *кругляками*, пригодными для Своего Царства.

То, что руки Его *златы*, этим означена божественность и царственность Его дел. Он — Бог и Царь. Руки Его златы, как и глава. Что помыслил, то и совершил. Совершенство и царственность разума Господня и Его дел, все они — *златы*. Люди — теоретики или практики. У одних преобладают размышления, у других — дела. А у Него — все одинаково золото. Он Божественно премудр в разуме и промысле, Он Божественно велик в делах.

Бл. Феодорит: «*Руками* нарицает добродетели, состоящая в делопроизводстве... *Златыми* нарицает, яко драгия и превосходнейшая: и сие самое *фарсис* упомянуто только для показания превосходства злата, поелику отсюда получается самое лучшее чистое и искушенное злато».

Св. Григорий Нисский так еще разъясняет упоминание *фарсиса*. «В точности исследовавшие выразительность еврейских речений говорят, что речением: *фарсис* означает в пророчестве нечто безцветное, духовное и безплотное». Таковы деяния Христа-Жениха, духоносного в деяниях Своих.

5.14 *Чрево его сосуд слоновый на камени сапфирове.*

5.14 Живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами.

Чрево означает внутреннее и сокровенное. Чрево Жениха указывает на сокровенные тайны Божии. Сравняется же оно с *сосудом слоновым*, или, в синодальном переводе: **изваяние из слоновой кости**. В LXX стоит слово *πυξίον*, что точнее переводится «овальный кружок» или «полированная дощечка». Этим же словом *πυξία* означены ветхозаветные скрижали. Но те были каменные, а эти из **слоновой кости** и **обложены сапфирами**. **Слоновая кость** светла и блестяща. А сапфир — камень лазоревый, небесно-голубого цвета, прозрачный. Сокрытое в Ветхом Завете стало открыто в Новом. Отяжеленное, как камень, тяготеющее к земле, стало небесным и возвышенным. Тяжелые заповеди десятословия сменились блаженствами Нагорной проповеди. От века сокрытое стало явным и открытым.

Чрево означает также в человеке чувственное начало. Во Христе, Сыне Человеческом, оно сравнивается с белизной слоновой кости, с небесной лазурью сапфира, с изящностью ювелирного изваяния. Если таково чувственное начало, то каково же духовное?!

Об этом так размышляет бл. Феодорит: «*Чрево его сосуд слоновый на камени сапфирове*, то есть, глубина таинства и хранилище познания, в нем же суть все сокровища премудрости и разума сокровены, суть для тех *сосуд слоновый*, кои достойны суть откровения. И поелику по естеству своему суть неудобопостижимы, для сего на *камени сапфирове* сосуд стоящим описывается, да вещей Божественных таинственная глубина сим означится».

Св. Григорий Нисский объясняет смену каменной скрижали на скрижаль из слоновой кости: «Но после того, когда евангельскою ясностью стерто с закона телесное и землянистое, уже не каменная скрижаль приемлет на себя письма, но нечто из блестящей только что выглаженной слоновой кости».

5.15 Лыста его стали мраморовы, основани на степенех златых.

5.15 Голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях.

Как мраморные столпы, основанные на златых основаниях, ноги Жениха. Бл. Феодорит: «Чрез *столти мраморовы* разумеется здесь твердость его, постоянность и вечность. *Златые же степени* называет для показания драгоценнейшей красоты его действий».

Твердое незыблемое основание мироздания — на Превечном Слове, на Нем же и основание спасения нашего.

Глава Жениха — чистое золото, и на **золотых подножиях** стоят ноги Его. В этом и царское Его достоинство, и Божественная слава.

Думаем, что непогрешительно будет под двумя ногами (**голениями**), подобными двум **мраморным столбам**, поставленным на **золотых подножиях**, разуместь два Завета, заключенные Богом с людьми и служащие им твердым основанием, как столбы мраморные. А то, что они на **золотых подножиях**, так это говорит о богодухновенности этих двух Заветов.

Завершив таким образом описание Жениха «от головы до ног», Невеста, прерываясь, восклицает, указывая на общий Его вид:

5.15 Вид его яко Ливан, избран яко кедрове.

5.15 Вид его подобен Ливану, величествен, как кедры.

Красота Ливанских гор, покрытых величественными кедрами, напоминает Невесте ее чудного величественного Жениха. «Праведник... возвышается подобно кедрю на Ливане» (Пс. 91,13). А Праведником именуется Христос (Деян. 7,52; Иак. 5,6).

Бл. Феодорит дает таинственное толкование: «*Вид его яко Ливан, избран яко кедрове*. Сими словами паки означает два естества: и божественное разумеет под словом *Ливан*, по закону Богу в жертву куримый, а под *кедром* человеческое, непричастное тления греховнаго: ибо кедр из всех древ есть твердешшее и негниющее».

Св. Григорий Нисский обращает внимание на слово *избран*. Есть истинный *Ливан, избран* от Бога, а есть некий ложный Ливан, Богом не избранный, отверженный. О нем говорится: «Господь сокрушает кедры Ливанские и заставляет их скакать подобно тельцу» (Пс. 28,5-6). Об этом св. Григорий пишет так: «Разумеемое же в сказанном таково: в смысле собственном, истинном и первоначаль-

ном один есть Царь, Царь всякого создания; однакоже и миродержитель тьмы величает себя царским именем. Легионы ангелов у истинного Царя, и легионы демонов у князя власти темныя. Начала, власти и силы у Царя царствующих и Господа господствующих; но и тот, по слову апостола, имеет у себя начала и власти и силы...» Сей ложный Ливан и кедры его есть антихрист и клеветы его, подменяющие собой истинного и избранного Христа.

5.16 Гортань его сладость.

5.16 Уста его — сладость.

Здесь Невеста от зрительного и обонятельного переходит к вкусовому восприятию. И оно задействовано в чудном описании дивного Жениха. В гортани расположены голосовые связки, откуда исходит слово. Слово Жениха — сладость для Невесты, и нет для нее ничего слаще его слов.

Бл. Феодорит: «*Гортань его сладость*, ибо что Божественных словес может быть слаще? Посему и Богодухновенный Давид восклицает: «Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устом моим» (Пс. 118,103)».

Столь подробно описав Жениха, Невеста вся возгорается желанием к Нему и восклицает:

5.16 И весь (Он) желание.

5.16 И весь он — любезность.

Это последнее, что она о Нем говорит. Теперь она уже не различает различные черты Его, теперь **весь Он — любезность**, ибо «Бог есть любовь» (1 Ин. 4,8), весь Он — любезность, ибо «любовь... есть совокупность совершенства» (Кол. 3,14) Все вкупе члены составляют Тело Его. А все вкупе совершенства Христа — Божественную любовь Его. И Он возбуждает в ней сильнейшее к себе желание — ибо *весь Он желание* ее. Теперь она уже ничего не помнит, ничего не желает, ничего иного не ищет, и ничто ее не держит, Он — весь желание ее!

Бл. Феодорит: «*И весь желание*. Выше описанное в женихе своем, относящееся к похвалам, коими невеста его осыпала, одним словом изъясняет, все прочее в нем помещая. Для чего, говорит, распространяюсь в изъяснении красоты его, исчисляя все части порознь: Весь есть желание, всех к люблению себя привлекает, к почитанию себя возбуждает, не видящих токмо, но и слышащих пленяет, и желанием себя воспламеняет».

Св. Григорий Нисский: «Посему-то невеста всего Его и называет желанием, сим словом, как бы определением каким, описывая красоту Искомого: *весь Он желание*, говорит она».

Это состояние беспредельного восторга, любви и желания, испытываемого душой ко Христу-Жениху, так описывает столь строгий аскет, как прп. Феодор Студит: «Когда муж любит жену, то всего себя предает любимой, ею одною как-бы дыша, о ней непрестанно мечтая. Хоть на солнце ему укажи, не захочет смотреть на него, а только на свою вожденную; хоть трапезу предложи, не захочет принять в ней участия, от желания быть с одною любимицею. — Но что краше Владыки Христа? Что сладостней блаженной любви Его? Не есть ли Он «красен добротою, паче сынов человеческих?» (Пс. 44,3). Не есть ли Он *сладость, и весь желание*? Показывая сие, то есть теплоту любви своей к Нему, святые взывают — кто: «имже образом желает елень на источники водные: сие желает душа моя к Тебе, Боже» (Пс. 41,2); кто опять: «Любы Божия одержит нас суждших сие: яко аще един за всех умре, то убо вси умроша: Христос же за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему» (2 Кор. 5,14-15). Вот какую любовь возлюбил Бог мир! И вот как сильно и неудержимо сам возлюблен был святыми!»

Кончила речь свою Невеста, все сказала о Женихе своем, что могла.

5.16 Сей брат мой и сей ближний мой, дочери Иерусалимли.

5.16 Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские!

И дочери Иерусалимские, души, еще далекие от Христа, вопрошают Невесту, чем Возлюбленный ее лучше других? Почему Ему такое внимание? Почему Ему такая исключительная любовь? Душа-невеста ответила им, воспев несравненность своего Жениха-Христа. И хвалясь своим Господом: **вот кто Возлюбленный мой!** Хвалится Им святая Церковь! Он воистину не сравним ни с каким пророком, мудрецом или вождем. *Дочери Иерусалимские*, готовые было почитать жениха Суламифи и даже поискать Его с нею, были оскорблены ее исключительной любовью только к Нему. Мол, ты люби своего жениха, но и иных не уничижай. Языческий Рим готов был принять в свой пантеон и Христа, но с условием, чтобы и христиане признали его

богов. И в наше время многие готовы «уважать» Христа, но пусть и христиане «уважают иных богов». Исключительная любовь православных ко Христу оскорбляет их. Но Церковь в ответ воспевает несравненность и исключительность Христа!

И тогда образ Христа-Жениха пленяет и сердца дочерей Иерусалимских. Теперь они готовы вместе с Суламифью искать Его:

5.17 Камо отиде брат (сестричищъ) твой, добрая в женах, камо уклонися брат твой? и възыщем его с тобою, — восклицают они.

6.1 «Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою».

И душа дочерей Иерусалимских осознала, что Церковь **прекраснейшая из женщин**, что ничто в этом мире не сравнимо с ней. Они готовы соединиться с Церковью и искать Жениха-Христа. Римские воины, мучившие первых христиан, часто бывали покорены красотой и величием их подвига и веры и, присоединившись к ним, искали вместе с ними мученического венца, чтобы «увенчаться со Христом» и обрести Его.

В последние времена, когда уже будет воцаряться антихрист, через проповедь пророков Илии и Еноха, *дщери Иерусалимские* — сыны и дочери земного Израиля, осознают наконец, что **добрая в женах и прекраснейшая из женщин** — Церковь Христова, и вместе в нею взойдут ко Христу.

Св. Григорий Нисский видит в *дщерях Иерусалимских* души несовершенные, а в невесте — душу совершенную во Христе, которая ведет их ко Христу-Жениху. «Как Андрей гласом Иоанна путеводится к Агнцу, а Нафанаил, просвещаемый Филиппом, изшедши из объемлющей его тени закона, вступает в свет истинный; так и отроковицы к приобретению указанного им блага употребляют в руководство душу совершенную по красоте, говоря ей: *камо отиде брат твой, добрая в женах? Камо уклонися брат твой? И възыщем его с тобою*».

ГЛАВА 6

Невеста отвечает на вопрос дочерей Иерусалимских о месте пребывания Жениха и на их желание участвовать в поисках Его:

6.1-2 Брат (сестричищъ) мой сниде в вертоград свой, в места аромат, паствити в вертоградех, и собирати крины.

Азь брату (сестричищу) моему, и брат (сестричищъ) мой мне, пасый в кринех.

6.2-3 Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии.

Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мне; он пасет между лилиями.

Невеста, искавшая Жениха, сама теперь указывает на место, где Он находится: *Брат мой сниде в вертоград (в сад) свой, в места аромат (в цветники ароматные), паствити в вертоградех, и собирати крины*. В цветущих садах пасет Пастырь добрый и собирает лилии. Обычно пасут на полях и пастбищах, но не в садах. Пастух ищет злачные пастбища, а не ароматные цветники. В обычной картине пастуха на пастбище все несколько заземлено, вещественно. В картине же Песни Песней, где пастух пасет в цветущем саду и питает пасомых не травами, а ароматами цветников и собирает не сено, а лилии, — все возвышенно, утонченно и одухотворено. Все таинственно и, если можно так выразиться, сказочно. Насыщение и покой обычных пажитей заменены красотой и ароматами цветочных садов.

Сей *вертоград* и *места ароматов* напоминают райский сад. Рай означает сад. В противовес Оригену, св. Епифаний Кипрский доказывал буквальность видения пророка Исаии о престоле высоком и превознесенном (Ис. 6,1-5), а также то, что райский сад находится на земле. Разъясняя 2 Кор. 12,2, св. Епифаний пишет: «Так разумеи и сказанное об апостоле, что сначала он взошел на небо, согласно сказанному: брат мой сниде в вертоград свой. И Спаситель говорит: днесь со Мною будеши в раи (Лк. 23,43)».

Бл. Феодорит отмечая, что сначала говорится о едином вертограде (саде), в который пошел Жених, а потом о многих верто-

градах (садах), в которых Он пасет и собирает лилии, усматривает указание на единую вселенскую (Кафолическую) Церковь и на многие поместные церкви. Так он пишет: «Надобно знать, почему и один и многие упоминает вертограды. *Сниде бо в вертоград свой, паствити в вертоградех*. Едина есть Церковь по учению святого Павла глаголющего: «Обручих вы единому мужу невесту чисту представить Христови» (2 Кор. 11,2)... Но тот же святой апостол Павел, и многия нарицает церкви, не по духу разделенныя, но местоположением, пиша к Галатам тако: «Павел апостол не от человек, ниже человеком, церквам Галатийским» (1,1-2)... Ибо все Он пасет церкви, и благоухающими увеселяется кринами, то есть теми, кои издают благовоние его».

Св. Григорий Нисский видит в схождении Жениха в вертоград воплощение Бога-Слова, схождение Его на землю. А в том, что Жених пасет в саду, — воссоздание рая на земле. *Брат сниде в вертоград свой...* «Во плоти явившийся Бог, потому что возсиял от Иуды, озарил же язычников, сидящих во тьме и сени смертной, прекрасно и прилично приемлет имя *брата* от уневестенной Ему в вечное сочетание сестры народа иудейского. Слово же: *сниде* дает разуметь, что снисшел ради нисходившаго из Иерусалима в Иерихон и впадшаго в разбойники... А из загадочного значения слова: *вертоград* дознаем то, что истинный Делатель делание Свое — нас человеков насаждает вновь; ибо мы по слову Павлову, «Его тяжание» [«Божия нива»] (1 Кор. 3,9). Итак, поелику Он и в начале в раю возделал естество человеческое, которое насадил Отец Небесный; то, когда «уединенный дивий пояде» вертоград наш, и «озоба» Божественную ниву (Пс. 79,14) снизшел Он пустынь снова сделать вертоградом, украшающимся насаждением добродетелей... А следующее за сим слово научает нас, на каких пажитях тучнеют стада доброго пастыря. Ибо не в пустынные какия либо и тернием поросшия места выгоняет овец, щипать там травянистую зелень, но предлагается им в пищу *ароматы* из вертоградов, а вместо травы служит *крин*, который, говорит невеста, собирается пастырем в корм овцам... Ибо *крины* загадочно означают ясность и чистоту разума, а благоухание *ароматов* — отвращение от всякого греховнаго зловония».

Указав место пребывания Жениха, Невеста вновь говорит о своем к Нему отношении: *Азъ брату моему, и брат мой мне, пасый в кринех*. Это теснейшее единение в любви души и Христа. О нем говорил и Сам Господь: «Ядущий Мою Плоть и пью-

щий Мою Кровь, пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6,56). Это достигается во святой евхаристии.

О внутреннем духовном единении души со Христом пишет и бл. Феодорит: «Ибо с ним я соединилась, ему всю себя посвятила, так как и он всей меня предпочел вселенной, и к себе присокупил, из старой сделав меня младою, из бедной богатою, из безобразной лепообразною, гнилыми с смрадными струпями страждущих исцелил, и наполнил сладостию благовония: для сего-то я и говорю: *«Азъ брату моему, и брат мой мне»*».

Христианин принадлежит не себе. Он душой и телом Христов. Он говорит: *Азъ брату моему*. «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?... и вы не свои» (1 Кор. 6,15.19). *И брат мой мне*. «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2,20). Св. Григорий Нисский влагает в уста св. апостола Павла слова: «Не живет во мне ни одна из человеческих и вещественных страстей, ни сластолюбие, ни скорбь, ни раздражительность, ни страх, ни робость, ни смятение, ни кичливость... ни другое что-либо оскверняющее душу какою-либо связию. Но во мне живет Тот один, в Ком нет ничего из перечисленного». Еще св. Григорий сравнивает душу и Христа, как зеркало, отражающее в себе образ лица. *«Азъ брату моему, и брат мой мне*, утверждает о себе (душа. — Г.Ф.), что она сообразна стала Христу, восприняв собственную свою красоту, первобытное блаженство естества нашего, украсившись по образу и подобию первой истинной и единственной красоты».

Христос, Добрый Пастырь, сошел в сад (вертоград) и пасет там между лилиями. Он — *пасый в кринех*, или, по переводу Симмаха, *пасый крины*. О том и другом значении см. 2,16.

Поиск Невесты завершился. Она нашла Его в саду пасущего между лилиями. Он уже не уклоняется более от нее, не уходит. Он принадлежит ей, а она Ему. Он вновь с любовью взирает на нее, восхищается ею и восхваляет ее:

6.3-6 Добра еси, ближняя моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим, ужас яко вчиненны.

Отврати очи твои от мене, яко тии воскрилиша мя: власи твои, яко стада коз, яже възыдоша от Галаада: зубы твои, яко стада остриженных, яже възыдоша от купели, вся близнята родящия, и безчадныя несть в них: яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна: яко обращение шипка ланиты твоя, кроме замолчания твоего.

6.4-7 Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами.

Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня. Волосы твои — как стадо коз, сходящих с Галаада; зубы твои — как стадо овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими.

Христос-Жених воспеваает Церковь, Свою Невесту:

6.3 Добра еси, ближняя моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим, ужас яко вчиненны.

Св. Афанасий Великий видит здесь приведение язычников к Богу Израиля и составление из уверовавших во Христе язычников и иудеев одного народа. «Далее Слово, видя веру язычников и охотно принимая ее, говорит *добра еси, ближняя моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим, ужас яко вчиненны*. Ибо язычникам надлежало уподобиться Иерусалиму, дабы составился один народ. А это бывает, когда мы с почитанием закона соединяем веру во Христа. Ибо один есть Бог и закона и Евангелий. Кто не уподобится Иерусалиму, тот не будет другом Слова».

Христос восхваляет Свою Церковь в трех изречениях:

Первое: *Добра еси, ближняя моя, яко благоволение*. «Добра еси, яко испытанная и мною возлюбленная», — говорит Жених (бл. Феодорит). В ней, в Его Церкви, Его благоволение. Когда Владыка всей твари родился Младенцем, тогда над вифлеемскими полями воспели небесные воинства: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2,14). Не мог Господь благоволить падшему человечеству. Не благоволение, а вино ярости Божией приуготовлялось земле, за грехи живущих на ней (Откр. 19,15). Но пришел Христос и «в человецех благоволение». И теперь «как она выше сего Жениха называла *желанием* от преизбытка склонности, которую она к Нему имела, сие имя ему приписуя: так и он сам, поелику о ней благоволил и желал ее получить себе в невесту, *благоволением* ее нарицает» (бл. Феодорит). Ярость Божия сменилась на благоволение. Но это благоволение Божие только на Невесте, на святой Церкви, а остальная «земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3,10).

Слово, переведенное семидестью толковниками как *благоволение*, звучит на еврейском **Фирца** (так и в синодальном переводе). Так назывался город в Манассиином колене, по местоположению,

природе и своим строениям удивительной красоты (позднее он стал столицей десятиколенного царства). Явно пребывало некое благоволение Божие на этом городе. Так этот город становится символом Невесты-Церкви и благоволения Божия на ней.

Вторая похвала Жениха Невесте Своей: *Красна яко Иерусалим*. Этим превозносится небесная неземная красота святой Церкви. Св. Григорий Нисский: «...А величие невесты и красота Иерусалима равно указуют на «вышний Иерусалим», свободный, и «матерь» свободных (Гал. 4,20), который, как дознали мы из слов Владычных, есть «град великаго царя» (Мф. 5,35). Ибо вместившая в себе Невместимаго, так что в ней и живет и ходит Бог, украсившись красотой живущаго в ней, делается Иерусалимом небесным, прияв на себя красоту его. Красота же и убранство царского города, без сомнения, есть красота самого царя».

Фирца и Иерусалим — полнота объединенного Израиля, полнота Церкви, полнота благоволения и красоты Божьей в ней.

Третья похвала Невесте. *Ужас яко вчиненны* или **грозна, как полки со знаменами**. Здесь указывается на небесные воинства бесплотных сил и по образу их устрояемую Церковь — земную, воинствующую.

Св. Григорий Нисский: «Ибо там *вчиненныя силы*, где власти, которые всегда господствуют, господства, которые всем обладают, престолы, которые непоколебимо возвышаются, начала, которые пребывают нерабственными, силы, которые неумолчно благословляют Бога, где парение Серафимов не останавливается и стояние не преходит, где Херувимы не престают придержаться высокому и превознесенному престолу, где не прекращают служения слуги, делающие дело и слушающие слово» (Пс. 102,20-21).

Небесное устройство и иерархия отображены в земной Церкви. И в ней все упорядочено и воинственно. Это — воинство, противостоящее духам злобы и всякой вражьей силе, вредящей душе человеческой.

Бл. Феодорит: «Взирая на *чин* твой, изумевает. Ибо нет ничего в тебе безпорядочнаго, нет ничего безвестнаго, темнаго, но все благоустроено и откровенно есть. Прилежно сохраняешь ты порядок в делах своих...»

Слово *ужас* означает здесь поразительное удивление, которое вызывает воинство Церковное. Св. Григорий Нисский: «Ибо значение слова: *ужас* толкуется словом: поразительность, под словом же: поразительность разумея удивление».

Так стоит сие грозное ополчение Христово против князя тьмы века сего и против всех сил его.

Жених взирает на Свою Невесту и уязвляется ею:

6.4 Отврати очи твои от мене, яко тии воскрилиши мя.

6.5 Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня.

Бл. Феодорит: «Сие значит: красота очей твоих и острозрительность в умосозерцании и здравомысленность породили во мне любовь к тебе». Столь прекрасны *очи* Невесты-Церкви, что вызвали *волнение* и некое *воскриление* во Христе. Ведь некогда не было в очах ее этого волнующего и воскриляющего огня. «Огонь пришел я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!.. и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12,49-50) — сетовал Жених. Блеклый, тусклый, чуждый, непонимающий взгляд иудейской синагоги так угнетал Христа. И вот Он крещением Голгофы крестился, Огонь Духа Святого низвел на Свою Церковь. Так *волнуют* и *воскриляют* Его теперь очи Невесты!..

Отврати очи твои от мене (**уклони очи твои от меня**) — говорит Соломон Суламифи, будучи не в силах совладать с чувством, вызываемым ее взором. И во Христе вся Его Божественная любовь воспламеняется к прекрасной о Духе Святом Церкви-Невесте. Он *воскриляется* в желании прийти за ней и навсегда соединиться с нею. Но не время еще, не исполнилось еще число братии, поэтому *отврати очи твои*, сестра Моя Невеста, не время еще навсегда соединиться с тобою!

Бл. Феодорит усматривает еще такой смысл: «Хотя прекрасны очи твои, Невеста, и воскриляют и волнуют Меня, однако *отврати очи твои от мене*, ибо не можешь еще безпрепятственно и безвредно взирать на меня. «Но смотри, дабы обращение очей твоих на меня не превосходило меры, чтоб от сего тебе чего-нибудь не пострадать. Неприступен бо есмь и неудобопостижен: и всякий не только человеческий, но и ангельский превосхожу ум. Когда ты захочешь далее пределов поступать, и с большим любопытством вникать в то, что силы твои превосходит: не токмо ничего не постигнешь, но еще зрение очей твоих притупишь и помрачишь».

Св. Григорий Нисский вкладывает слова *отврати очи твои от мене, яко тии воскрилиши мя* в уста Невесты, обращающейся к Жениху. Слова же предыдущего и последующих стихов он приписывает Жениху.

Далее Жених, восхищаясь и хваля, вновь описывает Невесту:

*6.5-6 Власи твои, яко стада коз, яже възыдоша от Галаада
Зубы твои, яко стада остриженных, яже възыдоша от купе-
ли, вся близнята родящия, и безчадныя несть в них,
яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна:
яко обращение шипка ланиты твоя, кроме замолчания твоего.*

Это было ранее истолковано (см. 4,1-5).

И далее Жених (Соломон) говорит:

*6.7-8 Шестьдесят суть цариц и осмьдесят наложниц, и
юнот, имже несть числа едина: есть голубица моя, совершенная
моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю: вы-
деша ю дщери и ублажиша ю, царицы и наложницы, и восхвали-
ша ю.*

6.8-9 Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и де-
виц без числа, но единственная — она, голубица моя, чистая
моя; единственная она у матери своей, отличенная у родитель-
ницы своей. Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и
наложницы, и — восхвалили ее.

Св. Григорий Богослов говорил: если кто раб, пусть работает гос-
подину страха ради наказания; если кто наемник — пусть трудится
ради вознаграждения; а если ты сын, то будешь трудиться по люб-
ви. А еще можно добавить, что есть и те, которые практически не
работают на господина (вольные), но однако почитают его и не от-
рекались от него, не враждовали с ним, хотя и живут для себя.

Так бывает и среди различных членов Церкви. Различны при-
чины, по которым люди работают Господу и находятся в Церк-
ви. Различно их духовное состояние, различно их стояние перед
Христом, различно и небесное воздаяние. Об этом так пишет бл.
Феодорит: «Известно, что многие и различные суть чины благо-
чествующих. Чему научая нас Господь глаголет: «Многи суть
обители у Отца моего» (Ин. 14,2) и при разделении талантов не
по пяти каждой получил: но один пять, другой два, третий один
(Мф. 25,15), всяк по своей силе. Также и о семенах в притче глаго-
лет: «Другая же падоша на добрую землю, и даяху плод, ово сто, ово
шестьдесят, ово тридцать» (Мф. 13,8)». Господь не отвергает ни тех
ни других ни третьих, всех приемлет, как рачительный господин, но
желает восхождения к высшему, ибо раб может быть освобожден и
стать наемником, а наемник может удостоиться усыновления.

Соответственно размышлению св. Григория Богослова, можно уразуметь и двор жен и наложниц царя Соломона как прообраз Христа и различных чад Его Святой Церкви. Гарем царя Соломона — образ Христа и Церкви.

Наложницы идут на ложе царя страха ради. Они пришли не сами. Многие из них взяты насильно, полонены во время военной брани, привезены из дальних стран и от других народов. Страх смерти и наказаний держит их при дворе Соломоновом.

Это рабыни.

Царицы — это узаконенные жены царя. Они даже участвуют в царствовании с ним. Они в почете и славе. Они утопают в роскоши Соломоновых сокровищ. У них царство и несметные богатства. Велика им награда за пребывание при дворе Соломоновом, за радость и утеху, доставляемые ими царю.

Это — наемницы.

Суламифь — Невеста возлюбленная и единственная у царя.

Не страх и не сокровища царства, а он сам нужен ей. Его одного любит душа ее. От душистых полей и ароматных садов Палестины увлекла ее любовь в чертог царя. Но если царь уйдет из царского чертога, то уйдет и она и будет странствовать по пыли и бездорожью, по горам и пустыням, ища его. Если попадет он в рабство, то полонится в рабыни за ним и она.

Это — Невеста возлюбленная, это дочь.

Девицы, которым нет числа, и вовсе не разделяют ложе царя, но они среди дочерей Иерусалимских и они в ограде царя живут.

А теперь поспешим от двора Соломона к Церкви Христовой.

Осмыдесят наложниц у царя. Наложницы — это те, кто страха ради работают Господу. По русской поговорке: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Или земные скорби, или страх вечных мук (но чаще первое) подвигает таковых ко Господу. Так при крещении Киева князем Владимиром иные крестились с радостью, а иные были подвигнуты лишь устрашающими словами князя: «Кто не явится завтра на реке, богатый ли бедный ли, тот будет противен мне».

Св. Григорий Нисский: «А тех, которые по страху угрозы трудятся в добродетели, слово называет *наложницами*. Ибо ни одна из них не в состоянии сделаться матерью царя и сообщницею в сане (хотя и сочетается с царем. — Г.Ф.). Ибо как было бы сие возможно душе, которая не восприняла еще в себя неподчиненности и самовластия доблестного образа мыслей, но рабским страхом удерживается от общения с злом?»

Бл. Феодорит: «Другие же таковы суть, кои не имуще свободы, хотя и служат Господу, но страшась геенны, Божественным повинуются законам. Сии, как я думаю, называются *наложницами*: ибо и с сими жених соединяется, всем быв вся».

Что же касается числа наложниц *осмьдесят* ($80=8\times 10$), то и св. Григорий Нисский, и бл. Феодорит объясняют его так. Число 10 указывает на совершенство, а число 8 означает «день осьмый», которым Св. Писание называет День Суда. Так св. псалмопевец Давид нарек «осьмым» псалом, в коем указал на страх Суда Божия: «Господи, да не яростию твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеша мене» (Пс. 6,2). Итак, это те, кто страшась суда Божия и наказания вечными муками, достигает совершенства.

Шестьдесят суть цариц у царя. *Царицы* — это кто ради Царствия Божия, ради наград и сокровищ вечной жизни сочетаются со Христом. В отличие от наложниц они свободно, а не по принуждению, идут ко Христу и работают Ему. Но делают это ради царствования с Ним, ради вознаграждения от Него. Таковые ждут вознаграждений и будущего века, и в веке этом. Они и здесь хотя всяческой помощи и благ от Господа.

Бл. Феодорит: «Но суть некоторые подобно наемникам, труды предприимлющие для получения будущих благ. И сии по моему моему нарицаются *царицами*: поелику желанием царствия возбуждены будучи, сруды благочестия несут».

Св. Григорий Нисский: «Посему те, которые при более совершенном расположении (по сравнению с наложницами. — Г.Ф.), любовь к нерастлению вошли в единение с Божиею чистотою, по общению в царстве именуются *царицами*».

Число *шестьдесят* ($60=6\times 10$) бл. Феодорит объясняет таким образом. Число 10 указывает на совершенство. А число 6 — на время сотворения сего мира Богом в шесть дней. Это те, кто достигает совершенства, не воспаряясь над миром этим*, но творя добрые дела в мире этом. Они свободны (в отличие от наложниц), но земны. Земны, но в земном благочестивы и добродетельны. В земном Царствие Божие устрояют. Св. Григорий Нисский отмечает при этом, что шестью добродетелями войдут «овцы Христовы» в «Царствие, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25,34-36). Эти добродетели: 1. напитать алчущего, 2. напоить жаждущего, 3. принять странника, 4. одеть нагого, 5. посетить болящего, 6. прийти к томящемуся в темнице.

* Как воспаряется Суламифь — Невеста единственная и отличенная.

И множество девиц без числа (*юноты, имже несть числа*) окрещают Царя. А эти кто?

Бл. Феодорит отвечает: «Другие наконец суть юродивые и ленивые, кои ни к жениху любовию возгораются (не невеста. — Г.Ф.), ни к царствию желанием возбуждаются (не царицы. — Г.Ф.), ни самые геены страхом подвигнуты быть могут (не наложницы-рабыни. — Г.Ф.); но жизнь свою без прочих добродетелей в лености иждивая, веру однако сохраняют непоколебимо, и догматы благочестия соблюдают ненарушимо, от всякаго еретического и иноверческого ошаясь учения... сих-то здесь жених нарицает *юнотами* (отроковицами)».

То есть эти никакой причиной не подвигаются служить Господу. Они вовсе не сподобляются быть на ложе царя. Но они и не отреклись от Христа, не поклонились чужому богу. И они при дворе царя и верны ему. **Девиц без числа** особенно много было, когда распространилось христианство, когда крещение принималось уже целыми народами и образовывались христианские государства. Множество было людей, не отдававших должным образом сердца своего Христу-Богу, не подвизавшихся Ему, не сочтавшихся с Ним, но бывших близ Него, не отказавшихся от Него; и Он не отказывался от них. И в наше время апостасии (отступления — 2 Фес. 2,3) много было и есть таковых. Они почти и не проявляются как христиане, не живут в Боге, но и не против Него, многие крещены и не забывают, что православные. О них говорит святое Евангелие: «Ибо кто не против вас, тот за вас» (Лк. 9,50). Конечно, истинной радости богообщения, любви к Нему, вознаграждения Царствия Божия и страха Божия они не имеют.

О них пишет св. Григорий Нисский: «Будучи еще новорожденными и неспособными членораздельно произнести слово, не по разуму соглашаясь на принятие веры, усматриваются в безчисленном множестве. Они уверовали, что слово таинства спасительно, содержа впрочем в себе истину, не утвержденную на каком-либо знании и на несомненности почерпнутой в Писании. Это — так называемые *юноты*, потому что проходят юный духовный возраст (иногда в течение всей жизни. — Г.Ф.), рожденные словом веры, еще не сделались оне по надлежащему возрастанию такими, чтобы придти в зрелость для брака, достигнуть в мужа совершенна, в меру брачного возраста, и быть в состоянии зачать во чреве страх Господень и породить дух спасения, напротив того по мла-

денчеству и несовершенству еще разумения живут как бы с неразумным расположением. Впрочем и оне в числе спасаемых, как говорил Пророк: «человеки и скоты спасеши Господи» (Пс. 35,7), скотами называя неразумную часть спасаемых». Не об этих ли сказано и у Пророка: «И будет всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Йоиль 2,32)?

Сколько их? *Имже несть числа!* Это говорит и буквально о том, что таких весьма много. Но не только об этом. Бл. Феодорит: «Юнот, говорит, несть числа не потому только, что по множеству исчислить их не возможно, но еще и для того, что оне недостойны исчисления: понеже достойных и власы главные у Отца Небесного изочтены суть». Нет числа, ибо они так и не достигают совершенство, исчисленное у Бога.

Шестьдесят суть цариц, наложниц — восемьдесят, девиц и вовсе без числа, **но единственная — она, голубица моя, чистая моя, едина есть голубица моя, совершенная моя** — восклицает Царь-Жених. Это та, которая не ради страха скорбей и наказаний, не ради вознаграждений и Царствия, но ради Его Самого возлюбила Его. Она готова претерпеть любые наказания и скорби, она готова лишиться всяческих вознаграждений и даже самого Царствия, лишь бы иметь Его, лишь бы быть с Ним, лишь бы не лишиться Его любви. Это — душа святая. На вопрос: что изберете — Царство Небесное без Христа или вечные муки со Христом — святые незамедлительно избирали второе. Такая душа — это не рабыня-наложница, не царица-наемница, не сторонняя девица, коих вокруг царя без числа, это дочь возлюбленная, это Невеста **единственная**, это **голубица чистая** и **совершенная**. *Едина* она у Христа, одна она, ей замены нет. Такая душа готова ради Христа на все — на голод и холод, на скорбь и болезнь, и даже на самую смерть. Такая душа восклицает: «Ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8,38-39). А, входя в некое иступление любви, такая душа ради того, чтобы возрадовать Возлюбленного Своего, готова отказаться даже и от Него Самого, чтобы вечно страдать, а Ему иметь полноту радости (так восклицал св. Павел: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих...», то есть если бы это возвратило Христу полноту радости о спасении первенца Его — Израиля). Но сам Христос-Жених не соизволяет быть тому, ведь *еди-*

на есть голубица моя! И даже за весь Израиль Он не отдает сию едину возлюбленную душу Павла, за весь Израиль не отдаст Он едину душу Моисея, за всех архиереев земли русской не отдаст едину душу Серафима преподобного и возлюбленного Своего. Нет, *едина она есть голубица* Его, и нет другой, и нет ей замены!

Бл. Феодорит: «Под именем невесты разуместь должно души совершенныя в мудрости и добродетели, кои любовию к жениху единственно возжегшись, все труды для исполнения добродетели предприимлют, и все для него творить и терпеть желают, так как сам о себе блаженный Павел говорит: «Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни ангелы, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая может нас разлучити от любве Божией, яже о Христе Иисусе Господе нашем» (Рим. 8,38-39). Сими словами показывает святой апостол, что он Христа не для царствия небесного любил, но напротив лучше желает лишиться онаго, и ввергнуться в геенну любя Христа, нежели не любя получить царствие: посему таковыя души, движимыя единственным желанием к Жениху, составляют чин и число невесты».

Св. Григорий Нисский, приемля все степени, указывает однако на необходимость восхождения по ним: «Посему, кто возрастанием из младенца пришел в мужа совершенна, и достиг в меру умственного возраста, из рабы и наложницы приял на себя сан царицы, по безстрастию и чистоте соделался достойным причаститься славы Духа, тот есть совершенная голубица, на которую взирает Жених, говоря: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя*».

И далее говорит Жених о Невесте Своей:

Едина есть матери своей, избрана есть родившей ю.

Единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей.

Кто есть сия *мать* Невесты?

Св. Григорий Нисский разумеет Духа Святого, порождающего души святые. «*Едина есть матери своей...* Конечно же, узнавая дерево по плоду, не незнаем и мать голубицы. Как, увидев человека, не сомневаемся, что он от человека: так, и отыскивая мать избранной голубицы, уразумели мы не иную какую, как оную Голубицу. Ибо в чаде без сомнения усматривается естество родившаго. Итак, поелику «рожденное от духа, дух есть» (Ин.

3,7), а чадо есть голубица; то конечно и мать чада — голубица, слетевшая с небес на Иордане». Голубица Духа Святого родила Христу душу святую, голубицу возлюбленную.

Бл. Феодорит понимает здесь Церковь-мать, порождающую души святые. *«Едино есть матери своей*. Материю же ея нарицает священную оную купель, горний Иерусалим». Крещальная купель — лоно материнское Церкви святой, Иерусалима горнего (Гал. 4,26).

Так воспел и восхвалил Жених Невесту Свою, которая в ночном уничтожении через избиения и раны, непонимание и усмешки все-таки нашла Его в саду, пасущего между лилиями. И среди всех цветов прекрасного сада Он избрал ее. «О, Владыко Господи!... из всех цветов во вселенной Ты избрал Себе одну лилию» (3 Езд. 5,24). *Избрана есть родившей ю* (Церкви-матери), которая хотя и тех породила (цариц, наложниц, девиц без числа), сию однако всем предпочла и избранною ее почитает дщерью» (бл. Феодорит). Это лик святых, избранный и единственный, никем не заменимый, среди прочих всех чад церковных.

Но не Жених только воспел и восхвалил ее. Не имея никакой зависти, наоборот, весьма радуясь о Невесте-голубице, восхвалили ее и все девицы, наложницы и царицы:

Видеша ю дщери и ублажиша, царицы и наложницы, и восхвалиша ю.

Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и наложницы, и восхвалили ее.

Те, кто в несовершенстве предстоят Царю (*девицы*), кто в несовершенстве вводятся в чертог Царя (*наложницы*) и даже возвышаются с Ним и участвуют в благих дарах Его (*царицы*), *ублажают, восхваляют и превозносят* ту, которая одна совершенна перед Ним.

Св. Григорий Нисский: «Ее ублажают *юноты*, ее восхваляют *наложницы и царицы*; потому что всем душам всякого чина предлежит общий путь к таковому блаженству... А всякому естеству свойственно простираться пожеланием к блаженному и похвальному. Поэтому если дщери ублажают голубицу, то, конечно, и сами вождедевают стать голубицами. И то, что восхваляется голубица наложницами, служит знаком, что и оне имеют рачение о восхваляемом, пока... не будет Бог всяческая во всех.. Ему слава, и держава, во веки веков!»

На этом мы, любезные наши читатели, прощаемся и со св. Григорием Нисским. Обрывается его чудное, полное созерцания

божественных тайн, толкование. Святителю отче Григорие, моли Бога о нас! А дальше, и до конца мы уже пойдем, ведомые единым бл. Феодоритом, вкупе с отдельными изречениями других святых отцов, размышлявших о сей Божественной книге.

Бл. Феодорит: «И так увидев ее, ублажат прочья дочери, то есть отроковицы, и не отроковицы токмо, но и самая царицы. И наложницы похвалами ее превознесут: ибо она всех их превзошла, поелику не награды чая, ни муки страшая, но единственно любя, и желая совокупиться с женихом своим, самага высочайшаго степени мудрости достигла».

В церковной практике этому весьма соответствует явление канонизации святых и их последующее почитание. Увидев житие, подвиги и образ святых, христиане прославляют их в лике святых и подражают им в своей жизни.

Кроме учения о Невесте-голубице как избранной святой душе, под нею можно разуместь и саму святую Церковь, тогда мать ее — голубица Духа Святого. Так пишет об этом св. Киприан Карфагенский: «Эту единую Церковь обозначает и Дух Святый в Песни Песней, говоря от лица Господня: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя, едина есть матери своей, избрана есть родившей ю*».

Увидели девицы Невесту и превознесли ее, увидели ее и ублажили ее, царицы и наложницы восхвалили ее и с удивлением воскликнули: *

6.9 *Кто сия проникающая аки утро, добра яко луна, избрана** яко солнце, ужас яко вчиненны?*

6.10 *Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?*

Этот вопрос перекликается с вопросом одного из двадцати четырех апокалиптических старцев: «Сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?» (Откр. 7,13).

Удивление и восторг выражены в вопросе: *Кто сия...?* Воистину, кто сия, столь отличная от всего, что в этом мире?!

Бл. Иероним, толкуя Ис. 66,22-23, пишет: «Это та луна, о которой в хвале истинного Соломона говорится: «и пребудет с солнцем и прежде луны рода родов» (Пс. 71,5). Она в Песни

* Принадлежность вопроса девицам, царицам и наложницам указана в Синайском кодексе в приведенном в нем распределении слов Песни Песней по лицам. См. перевод еп. Порфирия (Успенского).

** В LXX, по свидетельству бл. Феодорита, прилагательное *избрана* относится к луне, а не к солнцу, а потому знака между сими словами нет никакого. Ныне в LXX, а также во всех переводах на слав. и русс. между *луна* и *избрана* стоит запятая.

Песней называется избранною: *Кто она проникающая аки утро, добра яко луна, избрана яко солнце*, возбуждающее удивление».

Кто сия...? Это — Невеста Христова, это Церковь святая, это — душа непорочная и чистая! Это возлюбившая Его больше всего в этом мире.

Четыре даются характеристики Невесты Христовой:

1. *Проникающая аки утро*, или *блистающая, как заря*.

Согласно толкованию бл. Феодорита, *утро* есть среднее время между ночью и днем, конец ночи и начало дня. Утром **блистает заря**. Если под невестою разуместь Церковь Христову, то ночь — это времена языческого неведения и закона в Израиле. День — это век грядущий, о котором пророчествует Иоиль: «Егда же великий оный и просвещенный день Господень приидет» (2,31). А *утро* — это время благодати, время Царства Христова на земле, о коем пишет блаженный Павел: «Ночь убо прейде, а день приближися» (Рим. 13,12). Проходит ночь неведения и закона, наступает день вечной славы, а ныне — *утро* и спасительная Христова благодать, **блистающая, как заря, проникающая** в глубины человеческой души (прозорливые старцы), освещающая темные переулки и закутки человеческой жизни и истории.

Если под невестою разуместь душу христианскую, то ночь — это совлекаемый ветхий человек греха, а день — это грядущая слава и чистота души в вечном Царстве Отца. А теперь — утро, проходит тьма греховная, просветляется благодатью душа, устремляется к грядущей славе своей. Одинаково темно в разные часы ночи, одинаково светло в разные часы дня, но утром нет постоянного состояния. Каждый последующий момент иной, он светлее. Так просветляется ныне душа, возлюбившая Христа.

2. *Добра (или прекрасна) яко луна (избрана)*.

Луна отражает свет солнечный. Так св. Церковь отражает в ночи этого падшего мира трисиянный Свет Пресвятой Троицы, так отражают верные души в себе образ Христов. Бл. Феодорит: «Подобным образом (как луна отражает свет солнечный. — Г.Ф.) и Церковь Христова, сие собрание душ в добродетели преуспевших, откровенным лицом на славу Божию взирая, якоже блаженный Павел глаголет, в той же образ преобразуется от славы в славу, яко от Господня Духа, и делается вся светлою, так что весьма подобною луне представляется».

Когда луна малой частью своей обращена к солнцу, то виден только серпик луны. Когда же вся напротив солнца, то вся освеще-

на, и светел полный круг ее, и нет в ней темной части. Так и св. Церковь не частью только, но и вся освещена Христом, вся светла и нет в ней темноты, ни пятна, ни порока (Еф. 5,27), она, как зеркало, отражает всего Христа. Церковь подобна не серпу лунному, а всей полной луне. В этом смысле бл. Феодорит и прилагает слово *избранна* к луне: «*Луне, говорю, избранной* то есть, полной».

3. Избранна яко солнце, или светлая как солнце.

Бл. Феодорит, говоря о небесной вечной славе Церкви, пишет: «А день приближися. Тогда уже не так как луна, но *яко солнце* возсияет удивлением поражая не только неверных, но и отроковиц и наложниц и цариц и самы безплотныя силы. О чем и сам Господь свидетельствует так: Тогда «праведницы просветятся *яко солнце*» (Мф. 13,43)».

Но не только в вечности воссияет Церковь, как солнце. И здесь уже на земле Господь говорит Своим ученикам: «Вы есте свет мира» (Мф. 5,14) и, объясняя, какой именно свет, добавляет: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, *яко* да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех» (Мф. 5,16). Свет Христов сияет во святых. Так Мотовилов видел исходящий от лика прп. Серафима Саровского свет ярче солнечно-го, да и всегда светился лик преподобного светом любви и радости. Этот свет согревал и просвещал всякого, приходящего к нему. К этому свету и тянулись изо всех уголков России жаждущий просвещения. Огненный столп света не раз указывал людям место, где обретались мощи святых, дотоле неизвестные.

4. К светлым, радостным образам: заря — луна — солнце, добавляется еще один, вызывающий священный страх:

Ужас яко вчиненны, или грозная, как полки со знаменами.

Св. Церковь — это воинство Христово, вселяющее страх и ужас в противящихся Богу. «По молитве их (христиан, воинов Христовых. — Г.Ф.), поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святаго, и говорили слово Божие с дерзновением». А когда смертью очищена была Церковь от солгавших Духу Святому Анании и Сапфиры, то «великий страх объял всю церковь и всех слышавших это... Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их» (Деян. 4,31; 5,11.13).

Суламифь, блистающая как заря, прекрасная, как луна, светлая как солнце подобна апокалиптической «жене, облеченной в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12,1), вступившей в грозную брань с

«великой блудницей, женой, сидящей на звере багряном, вином блудодеяния своего упоившей народы земли» (Откр. 17). И страшна в этой брани Церковь, **грозная, как полки со знаменами**. А **знамена** ее — это знамена Божией благодати. Можно вспомнить икону Божией Матери «Знамение», защитившую новгородцев от грозных полков нападающих, можно вспомнить знамения света, от образов Спаса и Богоматери, даровавших благоверному князю Андрею Боголюбскому победу в сражении с волжскими булгарами (праздник первого Спаса).

Кроме того, воинство Церковное состоит не только из праведников на земле, но и из чинов ангельских. *Ужас яко вчиненны*. Небесные воинства и чины всегда ратоборствуют вместе с земной Церковью против всех сил тьмы века сего.

Бл. Феодорит в словах *ужас яко вчиненны* видит указание на упорядоченность и чинность, присущие Церкви Христовой. «Удивляются же... не токмо свету ея, но и благочинности: ибо ничего нет неустроенного, ничего смешанного, ничего беспорядочного в невесте Господней: поелику она по правилу действия свои располагает, и жизнь свою как бы по рисунку и образцу препровождает». Чинность и стройность иерархии, благолепие богослужения и каноническое устройство определяют стройность и чинность воинства Христова и наводят ужас на супостата.

Кончилось чудное видение двора Соломонова, которым завершилось томительное ночное искание Невесты. Теперь она вновь одна и как бы размышляет сама с собой:

6.10-11 В вертоград орехов снидох видети в плодех потока, видети, аще процвете виноград и возрастоша шипки. Тамо дам сосца моя тебе: не разуме душа моя, положи мя на колеснице Аминадавли.

6.11-12 Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки? Не знаю, как душа моя влекла меня к колесницам знатных народа моего.

Как после брачного торжества и многолюдства остаются возлюбленные одни, даря друг другу любовь свою, так после торжества во дворе Соломоновом, после восторгов и похвал цариц, наложниц и множества девиц Суламифь-Невеста уединяется, нисходя в ореховый сад, чтобы посмотреть на дары его и там отдать любовь свою возлюбленному, обретенному ею Жениху-Царю.

Последняя часть этого текста о *колеснице Аминадава*, или **колеснице знатных народа**, ввиду неясности самого текста (см. ч. III, гл. 4), сложна и для точного истолкования. Предыдущая часть о схождении в **ореховый сад** связана с конечной и поэтому тоже сложна для истолкования. Из святых отцов имеются размышления об этом св. Афанасия Великого и бл. Феодорита.

Св. Афанасий Великий: «Иерусалим, видя веру и человеколюбие Слова, говорит: *в вертоград орехов снидох видети в плодах потока, видети, аще процвете виноград и возрастоша шипки. Тамо дам сосца моя тебе: не разуме душа моя, положи мя на колеснице Аминадавли.* «Я была в саду ореховом, то есть в писаниях, которые как орех, по внешней стороне тверды, а по внутренней духовны. Я увидела, что я званием язычников должна быть как бы запряжена в колесницу». И так, когда соединились оба народа, повсюду послано было проповедание».

Под Невестой, уподобленной Иерусалиму, св. Афанасий видит церковь из иудеев, первоапостольскую церковь. Она сошла в **ореховый сад**, то есть в Священные Писания. Твердая скорлупа орехов — непостижимость значения Писаний для внешних, для безблагодатного, пусть хотя бы и гениального, человеческого ума (например, выдающиеся книжники из фарисеев, как равви Акиба, или писатели, как Лев Толстой). Галилейским же рыбакам, сошедшим в сей **ореховый сад**, открыл смысл Писаний Сам Господь: «Тогда (Иисус) отверз им ум к разумению Писаний» (Лк. 24,45). Так апостолы «раскусили» сей орех и познали прекрасную истину о страданиях и воскресении своего Учителя и проповедании об этом всем народам, начиная с Иерусалима (Лк. 24,47). И вот апостолы и другие благовестники из уверовавших в Иисуса Христа иудеев «запряглись в одну колесницу» с уверовавшими из язычников и составили с ними один народ. А *колесница Аминадавли*, или **колесница знатных народа моего**, то есть святых и проповедников, которые знатны среди христиан, — это всемирная проповедь Евангелия, которая, как *колесница*, обошла все земли и народы.

Бл. Феодорит видит здесь вхождение благочестивой души в эту жизнь, ее благодения в этой жизни (вхождение невесты в ореховый сад) и противостояние ей дьявола (*колесница Аминадава*).

«Чрез *вертоград орехов* настоящую разуместь должно жизнь, которая будучи горька, и бедствий и забот преисполнена, сокровенный однако имеет добродетелей плод». Жесткость скорлупы ореха и горечь нижней кожицы — трудность и бедствия этой жизни. Но, когда расколота скорлупа, то является прекрасный

плод. Через внешние труды и скорби является человеку Христос как внутреннее и сокровенное содержание его жизни. Ибо «жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3,3-4).

Для чего сошла ты в вертоград, о Невеста?

1. *«Видети в плодах потока»*. Здесь паки настоящую жизнь нарицает потоком. Ибо как поток не беспрестанно течет, но только во время дождей и влажной погоды, во время же зноя течь престаёт и иссыхает: таковы суть все настоящие вещи, приятными представляющиеся в сей жизни. Подобны суть потоку в настоящей жизни как слава, так и богатство, как власть, так и утехи, с ними же и прочие жизни сея цветы пропадают. И когда откроется будущая жизнь, увянут, и яко поток преставший течь, иссохнут» (бл. Феодорит).

2. *Видети, аще процвете виноград*. Под виноградом сада, в который сошла Невеста, бл. Феодорит понимает таинственное умосозерцание. «Иные же в умосозерцании упражняясь, вино, отеческих точил достойное, износят».

3. *Видите, аще... возростоша шипки (гранатовые яблоки)*. Это Невеста сошла к тем, кои «в любви пребывая, согласие сохраняют, и так единодушием между собою соединены будучи, как зерна в гранатном яблоке соединяются».

4. *Тамо, в саду сей жизни, дам сосца моя тебе*, — говорит Невеста Жениху. «То есть, учения моего источники». Но в каком смысле Церковь может источники своего учения предложить Жениху-Христу? «Ибо все, что им (чадам церковным. — Г.Ф.) дастся, себе присвоешь, глаголя: «Понеже сотвористе единому сих братьев моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25,40)».

С этим приходит Церковь и все благочестивые души в **ореховый сад** настоящей жизни. Но против них, как на воинской колеснице, ополчается дьявол и предводимый им народ. *«Не разуме душа моя, положи мя на колеснице Аминадавли»*. Яснее сие перевел Симмах тако: *«Душа моя не ведала меня от колесниц ведущаго народа»*. Сие (то есть добро. — Г.Ф.) творя, в недоумении нахожусь: почему когда я чрезмерно старалась о их спасении, они против меня устремились, повинувшись власти дьявольской, и яко колесницами его учинились, им управляемы будучи... некоторые из них, яко колесница князя века сего, «действующаго», по слову апостола, «в сынех противления» (Еф.2,2), злая за благая воздающе, против меня самой возстали». Сие противление и воздаяние злом за попечение о спа-

сении не укладывается в сознании невесты. Но тайна открывается: за человеческим противлением благовестию сокрыта воюющая с Богом колесница князя века сего дьявола.

Таково разумение бл. Феодорита.

Нам кажется однако странным понимание *колесницы Аминадава* в отрицательном смысле, и едва ли приемлемым. Общая же мысль этого текста видится таковой. Невеста после долгого ночного искания, после уязвления и ран находит в саду пасущего среди лилий Жениха. Далее — брачное торжество в чертогах Соломоновых. Похвала Невесте от Жениха-Царя, превознесение и похвала ее от цариц, наложниц и сонма девиц. Но не царских почестей и светлых похвал жаждет она. Она уходит от них, убегает, уединяется в ореховый сад, чтобы там отдать любовь свою Жениху. *Орехи, поток, виноград, гранатовые яблоки* — вот ложе, на котором *дам сосца моя тебе*. Если в таинственном изъяснении, то *орехи* — Св. Писание (см. у св. Афанасия Великого), *поток* и *плоды* его — токи Св. Духа Божия и плоды Его, *виноград* — умосозерцание тайн, а также святая евхаристия, *шипки (гранатовые яблоки)* — единение верных в братолюбии. На этом освященном ложе *дам сосца моя тебе*, то есть отдам любовь мою тебе, там сочетается душа моя с Тобою, Христе, возлюбленным Женихом моим.

Это и есть рай, это — блаженство!

И тут же таинственный образ: из дома Аминадава в Кириаф-Иариме, где в тяжелые времена после филистимлянских войн находился ковчег Завета, святой ковчег поставляется на колесницу и в окружении знатных народа, в предводительстве ликующего царя Давида, торжественно с пением и ликованием переносится во святой Иерусалим, славный Сион. Туда, непостижимо для себя самой, повлеклась душа благочестивой и любящей Суламифи.

Ковчег входит в Иерусалим. Ликует царь Давид.

Это — таинственный брак.

Это — сочетание Бога с человеками.

ГЛАВА 7

Друзья Жениха восклицают:

6.12 *Обратися, обратися, Суламитино, обратися, обратися, и узрим в тебе.*

7.1 *Что увидите у Суламитины? приходящая яко лики полков?*

7.1 **Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя.**

Что вам смотреть на Суламиту, как на хоровод Манаимский?

Колесница Аминадава с знатными из народа увлекает за собой Суламиту-Невесту. Вот-вот и она исчезнет из виду. **Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя.** Позволь еще раз увидеть прекрасный образ твой. И далее (ст. 2-10) предстает перед изумленным взором в третий раз чудный образ Суламиты-Невесты (4,1-5; 6,4-7 — первые два раза), чудный образ Церкви Христовой, чудный образ святой, любящей Христа и возлюбленной Им души.

Св. Афанасий Великий видит здесь изумление, постигшее Иерусалим, то есть верных Богу от иудеев, когда они увидели обращение в веру множества от всех народов языческих. Так сообщение апостолов Павла и Варнавы, вернувшихся из своего первого апостольского путешествия, об обращении язычников производило радость великую во всех братьях (Деян. 14,27; 15,3). Св. Афанасий пишет: «Иерусалим, увидев призывание язычников, бывшее в необрезании веры, с удивлением говорит: *Что увидите у Суламитины? приходящая яко лики полков?* Ибо приходили не от одного, но от всякого народа, и оставив свои ополчения, сокрушив мечи и любя единственно мир». *Полки* (воинства) стали *лика́ми* (ликующие хоры), то есть жестокие нравы язычников преложились на мирные (ибо само имя *Суламита* означает «мирная») и духовные (*лики* славящих единого истинного Бога).

Здесь единственный раз во всей книге Невеста названа по имени. *Суламита*, или *Суламифь* имя ее.

Бл. Феодорит: «Поелику в сей книге Господь наш Соломоном, то есть, *мирным* нарицается: то и невеста его, яко мир от него получившая и от древней свободившаяся брани, мирною называется». Итак, здесь сразу два значения ее имени:

Во-первых, имя Невесты *Суламита* произведено от имени ее Жениха *Соломона*. Как и наименование «христианин» от «Христос». Этим указывается, что Церковь взята от Христа и является отражением Его славы. Так же и душа — образ Божий в человеке и отражение в нем славы Божией.

Во-вторых, по значению имени *Суламита* означает «мирная», или реже «умиротворенная». Душа, пребывавшая доселе в греховной брани, обрела мир с Богом. Христос — мир наш (Еф. 2,14). В Нем душа находит покой (Мф. 11,29). А в Церкви — превечном Доме Божием, умиротворяется и упокоевается вся вселенная, весь космос. Мир Божий осеняет в Церкви мятущуюся еще ныне и стенающую тварь (Рим. 8,18-22) и упокоивает ее.

Бл. Феодорит, видя в колеснице Аминадава силу дьявола, так толкует призыв к Суламифи обратиться или оглянуться: «*Обратися, обратися мирная: обратися, обратися, и узрим в тебе*. Не бойся преследующих тебя, но держись учения, проповедь веры возглашай. Ты, которая мирною имянуешися, не страшись колесниц, брани не опасайся: ибо когда ты в проповеди веры пребудеши, царствие твое узрим».

Иное толкование при положительном понимании колесницы Аминадава (см. 6,10-11), здесь — призыв к Суламифи обернуться и явить свой лик, свою красоту и славу, что и соответствует дальнейшему описанию ее образа. Это — образ славы и красоты Церкви и души христианской, сочетающейся со Христом.

На зов, чтобы Суламифь оглянулась, слышится ответ:

Что увидите у Суламитины? приходящая яко лики полков?

Или: **Что вам смотреть на Суламиту, как на хоровод Манаимский?**

Так что же узрите у Суламифи, если она оглянется и обратится к вам? Что она, как **хоровод Манаимский**? Название города **Манаим**, или **Маханаим**, означает два воинских стана, или два полка. Причем эти полки составляют **хоровод**. Тут естественно вспомнить, что именно здесь встретились возвращающемуся из Месопотамии в Святую Землю Иакову ополчения ангелов, и в воспоминание этого события в Маханаиме часто совершались торжественные хороводы, которыми и славился город. В славянском

переводе **хоровод** означен словом *лики*, то есть хоры ликующих и поющих. А наименование **Манаим** переведено как полки (два полка).

Бл. Феодорит: «Се она *приходит яко лики полков*. Сии слова по-видимому между собою разноречат: ибо *полкам* несвойственны суть *лики*. Поелику как сии приличествуют только торжественным и мирным обстоятельствам, так и *полки* военным и бранным. Ликовствование воинствованию совсем есть противно. Но невеста из множества святых состоящая, как по причине мужества, и по высоте духа, и по воинскому оружию (см. о «всеоружии Божиим» Еф. 6,11 и далее. — Г.Ф.) *полкам* есть подобна, так и *ликом* быти может, яко во устех своих Божественныя обносящая похвалы».

Итак Церковь — это и воинствующие против козней дьявольских полки, это и мирно ликующие о своем Женихе-Царе *лики*. А что полков именно два, ибо так переводится дословно Манаим*, то это означает, что Церковь земная и небесная. Два полка, земных и небесных, или два сонма — людей и ангелов, составляют чудный лик славящих Христа-Царя, Божественного Соломона, Князя мира (Ис. 9,6).

Бл. Феодорит обращает внимание и на порядок сочетания слов *лики полков*. «Не сказал полки ликов, но лики полков, понеже из полков составляются лики: ибо когда мужественные воины одержат победу, то обыкновенно с радостными от брани возвращаются песнями, и победные составя лики, торжественную воспевают похвалу».

Таковой представилась Церковь-Суламифь: идущая, как ряды войск, как лики полков, словно на пляску в два стана, как хоровод Манаимский. Ликующее войско Христа, Князя мира.

Далее в третий раз Песнь Песней являет нам образ Невесты, восхваляя ее и восторгаясь ее красотой (4,1-5; 6,5-7; 7,2-6). Интересно сопоставить эти три образа, живописующие Суламифь.

Образ главы в 6,5-7.

Поясной образ Невесты в 4,1-5.

Полный образ во весь рост в 7,2-6.

Это говорит о том, что не сразу является и познается вся полнота благодати, сокровенной во святой Церкви и в святой душе угодников Божиих.

* Перевод Юнгера: «Она идет, как ряды войск»; перевод Эфроса: «Словно на пляску в два стана».

Если в 4,1-5 образ Невесты описывался сверху вниз, начиная от очей и нисходя долу, то здесь в 7,2-6 образ ее описывается снизу вверх, начиная от ног и до волос. Это означает, что первый раз описывалось нисхождение Бога на землю через Церковь, а теперь — восхождение через нее же дольного мира в горний. Или еще так. Если в начале своего пути душа от обретения веры и некоего начального умосозерцания предметов божественных переходит к воплощению своей веры в делах, то усовершенствовавшаяся душа от своих подвижнических дел благочестия вновь восходит к совершеннейшему богопознанию и умосозерцанию мира духовного. И сбываются слова Господа, что Он — Альфа и Омега, Начало и Конец (Откр. 1,10), ибо от Него все началось и к Нему все возвращается. А «лоно», где совершается сей Божественный «кругооборот», есть святая Церковь.

Не без значения и различие в количестве описываемых частей тела Невесты в первом и последнем случае. В начале (4,1-5) было описано семь, а теперь — десять. $10=7+3$. Семь — число благодатной полноты Церкви (семь даров Духа Святого, семь святых таинств), а три — число Божества. Десять — число совершенства, достигнутого в совершенном единении через брак Агнца, Бога и Церкви. Господь, сей Божественный Соломон, достиг единения с Суламифью, избранной Своей и единой. И в том — совершенство!

Так приступим же и увидим этот светлый и прекрасный образ Невесты Христовой — Церкви святой, души праведной и взойдем от ног ее, касающихся земли, к голове, обращенной к Небу.

7.1 *Что украсишася стопы твоя о обуви твоих, дщи Надавя?*

7.2 *О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая!*

Акила вместо *Надавя* переводит «владычня», или «князя», а Симмах — «полководца». Так чья же ты *дщерь*, Невеста Христова? Бл. Феодорит отвечает: «Но кто иной владыкою или полководцем быть может, как не сей Святой Дух Утешитель, в 44 псалме тако к ней вещающий: «Слыши дщи и виждь, и приклони ухо твое, и забудь люди твоя и дом отца твоего: и возжелает царь доброты твоя, яко той Господь Бог твой». Что же Дух Святой нарицается и владыкою, то подтверждает богодухновенный Давид сими словами: «Воздаждь ми радость спасения твоего, и Духом владычным утверди мя» (Пс. 50,14)». Дух Святой

порождает через святые таинства святую Церковь, возрождает, удочеряя себе, человеческую душу. **Дщерь именитая**, то есть имеющая знатное происхождение, происхождение ее от дней древних и от рода великого. Об этом сказал апостол Павел в Афинах словами эллинских стихотворцев: «мы Его и род» (Деян. 17,28). От Духа Животворящего происхождение рода христианского. «Яко Духом Святым всяка душа живится и чистотою возвышается» **дщерь именитая**.

Если же размышлять не о значении имени, а о лице, именуемом *Надавом*, то речь идет о сыне первосвященника Аарона, тоже священнике, поднимавшемся с Моисеем на гору Синай, но позднее принесшем чуждый огонь в скинию, за что и лишенном Богом жизни. Бл. Феодорит толкует это своеобразно. Как Надав внес чуждый огонь в скинию, «видим также, что и невеста Господня, церковь, в Божественную скинию не законный, но новый, приятый ею от жениха своего, огонь внесла... Новый сей огонь из новаго Завета в скинию Божию привнесла невеста, вопия и глаголя: «Древняя мимо идоша, се бывша вся нова» (2 Кор. 5,17)». Странно в этом сравнении то, что худой поступок Надава воспринят, как прообраз благого поступка Христа, принесшего новый огонь и несомого ныне Церковью, этой *дщерью Надавей*.

И восхваляет Жених вначале *стопы* Невесты Своей, **Дщери именитой**, сколь **прекрасны** они в **сандалиях**! «Жених во-первых похвалит походку своей невесты, так как она шествует прямым и царским путем, *красными* блистая *обутиями*. Какая же суть сии *обутия*? Блаженный Павел изъясняет тако: «Обувше нозе воуготование благовествования мира» (Еф. 6,15). Сих-то ног красоту провидев Исаия пророк возопил: «Коль красны ноги благовествующих мир, благовествующих благая» (52,7) (бл. Феодорит). Дивен Бог во святых своих. Прекрасна святая Церковь в своих благовестниках.

Есть еще более таинственное значение. Кожаные **сандалии** — образ смерти и умерщвления, ибо изготовлены из кожи убитого животного. Сандалиями Невеста наступает на землю, то есть умирает для нее и для мира. Иоанн Креститель считал себя недостойным развязать ремень на обуви Спасителя, то есть он не мог разрешить тайну смерти и освободить от нее мир. Христос же «смертию смерть поправ», и вот — прекрасна Церковь «в сандалиях своих», то есть прекрасны души, умершие для греха и мира и во Христе сею смертью духовной поправшие всякую смерть. Пото-

му и при монашеском постриге обувается постригаемый в сандалии, чтобы умерщвлением плоти и умиранием для мира попрана была смерть греховная и чтобы поспешил человек по тернистому пути, не повреждая стопы свои шипами греха, навстречу Христу-Жениху, благовествуя мир.

А описание от нижней части ног — стопы переходит кверху — к бедрам.

7.1 Чины бедра твоею подобны усерязям, делу рук художника.

7.2 Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника.

Подобно искусно изготовленной и отшлифованной художником серьге (*усерязь*) **округление бедр твоих**. Красота и округление бедр служит чувственной красоте девицы, у Суламифи и это упорядочено (*чины бедра твоею*) и прекрасно, **как ожерелье**, или искусно изготовленная серьга. Это означает, что и относящееся к чувственности, у благочестивой души упорядочено, чинно и в целомудрии и Духе Божиим прекрасно. Так прекрасен супружеский союз, где «брак честен и ложе непорочно» — (Евр. 13,4). И еще более прекрасны подобные тому святому, который, увидев женщину соблазнительно украсившуюся ради того, чтобы смутить, не смутился, но воскликнул, благодаря Бога, сотворившего такую красоту.

Не только красоте, но и хождению служат бедра. Потому бл. Феодорит толкует: «Понеже *бедрами* иносказательно нарицает нравственные добродетели, посредством коих мы, странствуя в жизни сей, творим то, что нам угодно». То есть — практические добродетели, творя которые, человек шествует по этой жизни к жизни вечной.

7.2 Пуп твой чаша источена, не лишаемая мста.

7.3 Живот твой — круглая чаша, (в которой) не истощается ароматное вино.

Господь через пророка Иезекииля обличает неверный Ему Израиль: «Так говорит Господь Бог дщери Иерусалима: твой корень и твоя родина в земле Ханаанской; отец твой Аморрей, и мать твоя Хеттеянка; при рождении твоём, в день, когда ты родилась, пупа твоего не отрезали» (Иез. 16,3-4). Бл. Феодорит толкует: «И так к синагоге говорит: «Не обрезаша ти пуп»; к церкви же: *Пуп твой чаша источена, не лишаемая мста*. Ибо та, вышед из Египта, не обрезала своего пупа, но яко

по наследию некоему с собою из Египта привнесла нечестие языческого учения; сия же не токмо извне отрезала себе пуп, но так глубоко его вырвала, что весь корень идолослужения вместе с ним истребила, и подобною чаше выточенной, вино веселия в себе содержащую, учинилась, и сея радости, от веры происходящая, никогда не лишалась».

Пуп живота ее — круглая источенная чаша, в которой никогда не истощается ароматное вино. Церковь с корнем обрезала идолопоклонческое нечестие (пуп обрезан и углублением своим уподобился чаше). **Чаша** сия прекрасна и кругла. Церковь — прекрасный сосуд, вместивший в себя неоскудеваемое **ароматное вино**, то есть неоскудеваемую радость, которая происходит от истинной веры. Ибо сказано, что «вино веселит сердце человека» (Пс. 103,15). Сие вино **ароматно** — от радости, которою исполнена Церковь, никому не бывает горя. Радость церковная **ароматна**, приятна для всех.

От внешнего описания живота переходит к похвалению и внутреннего — чрева.

7.2 Чрево твое яко стог пшеницы, огражден в кринах.

7.3 Чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Чрево Невесты, как *стог пшеницы*. Церковь напитана таинствами — хлебом небесным. Святая Земля даже именовалась «землею пшеницы», так много произрастало ее там. Святая Земля — Невеста-Церковь Христова. Блудный сын мечтал наполнить чрево свое рожками, пищею свиней — жалкая пища мира сего. Господь же питает Церковь Свою иною пищей: 1. Словом Своим, ведь «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4,4); 2. Благодатью Своею. «Вкусите и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33,9); 3. «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6,51) — святая евхаристия.

Таким хлебом, такою пшеницей исполнено чрево, то есть сокровенное души человеческой.

Сей «стог пшеницы» **огражден в кринах, обставлен лилиями**. Это — благоухание Духа, источаемое душой, напитавшей чрево свое небесным хлебом.

Бл. Феодорит: «*Стог пшеницы огражден в кринах*, то есть, внутренность души твоя, исполненная глубочайших таинств, коих одно только благовоние несовершенным и младенцем известно. *Кринами*, говорит, *огражден*, да через *ограждение*, яже суть

сокровенна, познаем: чрез *крины* же благовоение, всюду от нее разливающееся, уразумеем».

Итак, живот Невесты, пуп ее и чрево, указывают на Божественное питание и брашно, на вино и хлеб, на «вино, которое веселит сердце человека... и хлеб, который укрепляет сердце человека» (Пс. 103,15), на тело и кровь Христовы, укрепляющие и веселящие самое сокровенное — душу человека, сердце его.

До сих пор изображалась и восхвалялась нижняя, «чувственная» часть тела прекрасной Невесты, отсутствовавшая в первом описании (4,1-5). А далее — верхняя часть тела, описание которой в основном соответствует первому поясному изображению.

7.3 Два сосца твоя, яко два млада близнецы серны.

7.4 Два сосца твои — как два козленка, как двойни молодой серны.

См. толкование 4,5.

7.4 Выя твоя яко столп слоновый.

7.5 Шея твоя — как столп из слоновой кости.

И здесь сравнение подобно тому, что в 4,4. Но и несколько отличается. Там столп Давидов, здесь — *столп слоновый (из слоновой кости)*.

Слоновая кость указывает на матовую белизну и крепость. «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3,15). Истина — чиста, «бела» и пребывает вовек. Утверждение истины — в Церкви Божией. Но не только сама Церковь, но и некоторые праведники, апостолы и святые отцы, суть столпы церковные. Так апостол Павел пишет: «Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами...» (Гал. 2,9).

Бл. Феодорит: «*Выя твоя яко столп слоновый*: понеже не имеет черноты, и, взяв иго мое на себя, соделалось белейшею; и как врагам яко столп страшную, так возлюбленным своим по причине блистания своего любезною». Врагам страшна и для них неодолима (врата адовы не одолеют ее. Мф. 16,18), своим — любезна и служит крепостью, утверждением и прибежищем.

7.4 Очи твои яко озера во Есевоне, во вратах дочерей многих.

7.5 Глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима.

Есевон — город в горах на восточной стороне Иордана. Там в скалах были высечены цистерны, одна из которых сохранилась даже донныне. Эти цистерны и были, скорее всего, **озерками Есевонскими**. В скалах Есевона они отражали небо, напоминая *очи*, устремленные к Небу. Очи Суламифи-Невесты, очи Церкви Христовой, очи ее прозорливцев и пророков, всегда «высоко в горах», всегда устремлены к созерцанию небесных тайн. Благочестивая душа всегда взирает на Небо, стремясь к нему и скучая о нем, никогда не забывая, что там ее вечная Отчизна.

Ворота Бат-раббима (*дщерей многих*) — это ворота в Есевоне, около которых и находились рыбные пруды-цистерны (*езера*). Название врат города могло указывать на большую его населенность. Это великое множество тех, очи которых отверз Христос. Мысленным очам их сердца открывались тайны Неба. Название города *Есевон* означает «размышление». Это те, кои о горнем помышляют, а не о земном (Кол. 3,2).

Бл. Феодорит видит в сравнении *очей* Суламифи с **озерками Есевонскими** и несколько иное значение. По бл. Феодориту, Церковь как через многие врата, через многие уста пророков и апостолов приемлет потоки Божественного учения и уподобляется озерам (Есевонским). Напоенная этими струями учения, она погружается в размышления (=Есевон) о Божественных тайнах.

«Сим показывает жених, что очи душ благочестивых суть *яко езера*, Божественныя восприемлющия струи и безпрестанно преизобилующия, так как они чрез многия врата (ибо *вратами* уста иносказательно нарицаются) множество вод в себя приемлют. Ибо оне от великого Моисея, и от Иисуса Навина, и от Иеремии, и от Даниила, и от Иезекииля, и от дванадесяти Пророков, и от Божественнаго Евангелия, и от святых апостолов и учителей, после них бывших, спасительныя струи приемлют».

7.4 Нос твой *яко столп Ливанский*, смотряй лице Дамаска.

7.5 Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску.

Если очи видят, уши слышат, то нос — обоняет. *Нос твой яко столп Ливанский*. Среди ароматных кедровых рощ гор Ливанских имел Соломон, судя по словам этого текста, **башню (столп)**, прекрасный дворец. *Ливан* означает божественное благоухание, приятный фимиам ладана, воскуряемый Богу от кадильного жертвенника. Господь же возниспосылает благодать Святого Духа. Приведем молитву благословения на кадило: «Кадило Тебе приносим,

Христе Боже наш, в воню благоухания духовного, еже прием в пренебесный Твой жертвенник, возниспосли нам благодать Пресвятаго Твоего Духа». Церковь-Невеста обоняет божественный аромат Святого Духа и сама становится «Христовым благоуханием Богу» (2 Кор. 2,15). Это благоухание делается иногда даже внешне ощутимым. Так, Н. Мотовилову дано было ощутить благоухание Духа в общении с прп. Серафимом Саровским. Многие обоняли это благоухание от святых мощей или мироточивых икон. Апостол пишет о «благоухании познания» о Христе (2 Кор. 2,14).

И это благоухание «для одних запах смертоносный на смерть» (2 Кор. 2,16). Нос Невесты **обращен к Дамаску**. Дамаск часто означает в Священном Писании силу идолослужения. Дух Божий, ароматом которого жива Церковь («для других запах живительный на жизнь»), смертоносен для идолослужения. Церковь *смотрит на лице Дамаска*, мужественно противостоя силе язычества и умерщвляя самый дух идолослужения. Именно так понимает сравнение носа Невесты с башней Ливанской, обращенной к Дамаску, и бл. Феодорит. Это же самое можно сказать и о каждой благочестивой христианской душе. После того, как в 1991 году мощи преподобного Серафима прибыли в Дивеево и там возобновилась молитва в монастырской обители, многие безбожные семьи местных жителей стали уезжать оттуда, не выдерживая смертоносного для них благоухания благодати — *вот нос яко столп, смотряй лице Дамаска*.

Подобное происходит и внутри души. Когда через молитву она обоняет божественное благоухание Духа, то *нос* ее становится *яко столп Ливанский, обращенный к Дамаску*, то есть противостоящий ветхому человеку (Дамаск — один из самых древних ныне сохранившихся городов мира) и духу идолослужения.

7.5 Глава твоя на тебе яко Кармил (гора).

7.6 Голова твоя на тебе, как Кармил.

Бл. Феодорит: «И глава твоя яко Кармил на тебе, всеми, то есть, изобилует благами: ибо Бог всяческих, избличая неблагодарных иудеев, говорит: «И введох вас в землю Кармил, да снесте плоды его и благая того» (Иер. 2,7)». Изобилие плодов на Кармиле — это плодоношение и изобилие всяческих благ духовных в Церкви Христовой.

Кармил (=гора сада) — одна из самых красивых гор Святой Земли. В отличие от Ливанских гор на ней не бывает снега. Круг-

лый год — зелень (виноград, оливки, дубы и прочее), воистину сад. На юг от горы — прекрасная цветочная Саронская долина. Цветущая красота Кармила — образ главы Невесты-Церкви, души христианской, цветущей в небесном цветнике дарами Духа, возвышающейся горе в высоты духовного мира, подобно сей горе. Уподобленная пророком Исаией (35,1-2) пустыне и стране необитаемой, душа, некогда не знавшая Христа, теперь «великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать;... дастся ей великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего». В «пустыне и земле сухой», то есть не орошенной еще благодатью Духа Святого, «в стране необитаемой», то есть в душе, где еще не обитала правда Божия, там явятся «цветы Сарона» и «великолепие Кармила», то есть там прорастет Божественный Цветок, Нарцисс Саронский, Господь Иисус, и там — «гора сада», то есть помышление о горнем и красота и благоухание Духа Божия. Такова глава Невесты! Именно в голове кроются мысли человека. У Суламифи она *яко Кармил*, как «гора сада», то есть у нее высокие помышления — горние, а не земные, и каждая мысль, как благоуханный цветок в саду Господнем.

И еще сказано у пророка Михея: «Паси народ Твой... овец наследия Твоего, обитающих уединенно в лесу среди Кармила» (7,14). Уединенное обитание овец Христовых в лесу Кармилском, где и пасет их Христос, — это пустыnnики и отшельники Церкви, это — подвиг молчальничества, когда Христос «пасет мысли» молчальника, «обитающие уединенно», никогда не выходящие наружу через многоречие и даже вообще через речь. На высотах Кармила, в небесном цветнике и лесу богомыслия пасет Господь помышления уединенного отшельника-молчальника. Мало кто восходит на эту высоту, мало кто сподобляется и созерцания ее красоты, мало кто восходит до *главы*, до верхнего и главного в Церкви Христовой, большая часть все-таки внизу, где «ноги» и «бедра», где «живот» Невесты. Преподобный Арсений Великий уподоблял уста прославляющего Господа и молчальника во Христе двум кораблям. Корабль первого ведом был ангелами, а другого — Духом Божиим.

Венец тела — глава, венец главы — волосы.

7.5 И заплетение главы твоя яко багряница, царь увязан в преристаниих.

7.6 И волосы на голове твоей, как пурпур; царь увлечен (твоими) кудрями.

О некоторой темноте текста и различиях в его переводе будет сказано в ч. III, гл. 4. Теперь же этого касаться не будем, ограничиваясь славянским и синодальным переводами.

В заплетенных волосах бл. Феодорит видит упорядоченное и премудро составленное учение Церкви. Сравнение с *багрянницею* и *пурпуром* указывает на кровь Христову — упоение и украшение учения св. Церкви. Так, бл. Феодорит пишет: «Прежде-де власы твои были растрепаны, и потому уподоблены стадам коз открывшимся в Галааде: теперь же наилучшим заплетены образом, и не заплетены токмо, но и удивительно изукрашены... Заплетением же влас и убранством подобным багряннице нарицает учение премудро и благокрасиво составленное, кровию Христовою покрашенное и напоенное. Притом не столько блистателен есть царь в своей багряннице, сколько учитель благочестия, Божественных догматов провозвещающий познание, и сим питомцев веры напояющий».

Венец Церкви — учение ее. *Заплетение*, *пурпур* (*багрянница*) и *царь* — вот три признака, восхитившие в учении ее Жениха-Христа.

1. *Заплетение* — это упорядоченность, стройность, завершенность исповедуемого Церковью учения. В качестве примера можно указать на *заплетение* догматов, дотоле разрозненно исповедуемых (растрепанный волос), в единую систему Вселенскими Соборами или такими учителями благочестия, как Ориген, св. Кирилл Иерусалимский в «Словах огласительных», прп. Иоанн Дамаскин, подытоживший все догматическое богословие святых отцов в «Точном изложении православной веры».

2. *Пурпур багрянницы* указывает на Кровь Христову. Ею упоено и украшено учение Церкви. «Мы проповедуем Христа распятого», — говорит св. апостол Павел, и он же: «Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 1,23; 2,2).

3. *Царь* — означает царственное достоинство учения Церкви. Это — не суетная философия, не блуждание человеческого ума (есть такая поговорка: нет царя в голове), не догадки и домыслы, тем более не вымыслы, не скаредное законничество и начетничество, нет! Это «глаголы вечной жизни», это слова, которые «суть дух и жизнь» (Ин. 6,68.63). Слово Церкви — это слово Царя-Вседержителя. «Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф. 7,29).

Вот и завершен образ Невесты. Вот и стоит она в восхитительной красоте своей перед небесным Женихом-Христом, пришедшим к ней. И, видя ее, Он взывает к ней:

7.6-9 *Что украсилась еси, и что усладила еси, любя, во сладостех твоих; Сие величество твое: уподобилась еси финику, и сосца твоя грезном. Рекох: взыду на финик, удержу высоту верха его: и будут сосцы твои яко грезнове винограда, и воня ноздрей твоих яко яблока. И гортань твой, яко вино благо (ходящее брату моему в правость, довольно устам моим и зубом.)* Слова, взятые в скобки, в переводе епископа Порфирия отнесены уже не к Жениху, а ответствующей Ему Невесте.

7.7-10 Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью! Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих как от яблоков; уста твои — как отличное вино.

Жених восхищен Невестой, она привлекательна и желанна ему. Он жаждет улады и утех любви с нею. Об этом знают только возвышенные и святые души. «И я, Иоанн, увидел святыи город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя... блаженны званые на брачную вечерю Агнца» (Откр. 21,2; 19,7.9).

Много пишут о любви. Но никогда всё. Приступая ко всё сокровеннейшему, когда всё более напрягаются силы души, даже изощреннейшие витии начинают умолкать. Всё ближе тайна, покрытая молчанием и мраком. Так и в духовном и Божественном браке. Всё ярче и откровеннее образы Божественного песнотворца. Всё ближе тайна Любви. «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5,32). Но при достижении возвышеннейшего, при приближении к единению в Любви обрываются слова и речи — их больше нет, дальше любовь и бесстрастие, дальше молчание и Божественный Мрак... Неопишемое. Непостижимое.

С благоговением приступим и к этому, близким и последним, словам Возлюбленного возлюбленной Своей.

Что украсилась еси, и что усладила еси, любя, во сладостех твоих?

Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью!

Бл. Феодорит: «Красною сделалась ты, не быв прежде таковою, и вместо того, что прежде всякия исполнена была гнусности, ныне вдруг благоприятною и сладостною учинилась».

Церковь-Невеста **привлекательна** Христу. Он желает ее. И она имеет услаждение в Нем: *что усладились еси любви в сладостех твоих!*

Бл. Августин: «Песнь Песней представляет некоторое духовное наслаждение святых умов в союзе этого Царя и Царицы Града, то есть Христа и Церкви. Но наслаждение это представлено под аллегорическими покровами, чтобы пламеннее желалось и приятнее обнаруживалось, и стал бы видимым жених, которому в той же Песни говорится: *Правость возлюби ты* (1,3), и невеста, которой там же говорят: *Любы в сладостех твоих* (7,6)».

Невесту Свою, ее стан Жених сравнивает с финиковой пальмой, ибо «праведник цветет, как пальма» (Пс. 91,13). Бл. Феодорит: «*И величество твое уподобилось финику... ибо не токмо превосходна ты красотою, но еще и высотой подобною финику*». В сравнении с финиковой пальмой стана Невесты отражена духовная высота жизни праведников. Грация стана указывает также на красоту и совершенство праведной души.

И похожи **груди твои на виноградные кисти**. Бл. Феодорит: «*Сосца же твоя подобна сущь грезном*. Хотя ты так высока и превознесенна, что высоты небесной дотягаешь: однако приспосаблиешься к немощным ученикам своим, требующим учения твоего, подавая им сосцы учения, ибо финик имеет плоды обыкновенно вниз висящие». Церковь, как высокая прекрасная пальма, сама имеет «полноту Наполняющего всё во всё» (Еф. 1,23), чад же своих питает, как новорожденных младенцев чистым словесным молоком, дабы от него возрастали во спасение (1 Пет. 2,2).

Видя красоту Своей Невесты, Жених выражает желание обладания ею. Христос пришел в этот мир, чтобы искупить и приобрести Себе деву чистую — Церковь святую, душу праведную, и усладиться любовью её. Это услаждение Христово Церковью Своею выражено здесь Им в четырех образах, ибо четырехконечным крестом обрёл Он Себе Церковь от четырех конец земли, от севера и юга, от запада и востока.

Первый образ: *Рекох: възыду на финик, удержу высоту верха его*. Или Подумал я: **влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее**. Господь Иисус желает высоты духовного помышления и совершенства Своей Церкви. Ведь Он говорил ей: «Будьте совер-

шенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5,48). «О горнем помышляйте, а не о земном» (Кол. 3,2). Господь желает **ухватиться за ветви ее, удержать высоту верха ее**. Так редко Он это может!.. Ибо всё понизу стелются, как кустарники и влажные мхи, помышления верующих. Но во святых Своих Господь восходит и к горнему и за них **ухватился бы**, как за ветви пальмовой кроны, желая **удержать высоту верха ея**.

А в переводе Акилы: *Удержу верхушки, шишки его*. Это так объясняет бл. Феодорит: «Сии шишки суть плоды фиников мужеского рода, которые привиты будучи к финикам женского рода, твердым и зрелым плод их делают». Так к Церкви, сей Божественной пальме женского рода, привиты плоды Духа Христова мужеского рода, которые сделали твердыми и зрелыми плоды ее, которые и желает Христос обрести на ней.

Второй образ: *И будут сосцы твои яко грезнове винограда. И груди твои были бы вместо кистей винограда*. Он желает сосцов Невесты, источающих уже не молоко, но вино от кистей винограда. Христос желает в Церкви Своей не только начатков учения от сосцов Ветхого и Нового Заветов, но желает и крепкого вина совершенного разумения Божественных догматов. Господь говорит ученикам: «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им (младенцам, питающимся млеком) не дано» (Мф. 13,11). «Ибо судя по времени, вам надлежало быть учителями... Всякий питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5,12-14).

Третий образ: *И воня ноздрей твоих, яко яблока. И запах от ноздрей твоих, как от яблоков*. Христос, изливший Духа Своего Святого в Церковь, облагодатствовавший её Своею благодатью и обильными дарами Духа, желает обонять её аромат. Как в Ветхом Завете Бог обонял приятное благоухание жертвенного фимиама, возносимого от рук праведников, так теперь жаждет Он духовного благоухания тех, кого крестил Духом Святым. Потому и призывает Он: «Исполняйтесь Духом» (Еф. 5,18). *И воня ноздрей твоих, яко яблока*. «Ибо мы Христово благоухание Богу» (2 Кор. 2,15). Святые — ароматные гранатовые яблоки, благоухающие Духом Святым, добродетелью и праведностью Богу Своему. И Он, Господь их, с радостью вдыхает это благоухание.

И воня ноздрей твоих. Ноздри вдыхают воздух и ароматы. И на первый взгляд кажется странным, почему говорится о **запахе**

от ноздрей, если, как раз, наоборот, ноздри обоняют запахи. Здесь нужно разумение о божественном. Невеста-Церковь благоуханна не своим запахом и ароматом. **Ноздрями**, то есть молитвами и таинствами, она вдыхает аромат Духа от Господа и только тем приятна Ему. Он в ней любит Своё. Он в ней с радостью обоняет благоухание Духа Своего. Как Ева, от Адама взятая, к нему и возвращается, и в том радость брака, так оно происходит и здесь. А о значении гранатового яблока уже и ранее было сказано довольноно.

Четвертый образ: *И гортань твой яко вино благо. Уста твои — как отличное вино.* Уста произносят слова, а вино приносит радость и веселье сердцу. Бл. Феодорит: «Ибо истекающее из уст твоих учение приятнее есть всякой сладости вина и всякого мирского удовольствия». *Гортань* Невесты-Церкви всегда услаждается сладостью и крепостью вина Слова Божия.

Доселе Жених, восхищаясь, воспевал свою Невесту. И вот она как бы продолжает Его фразу словами:

7.9 Ходящее брату моему в правость, довольно устном моим и зубом.

7.10 Оно (вино сие) течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

Вот священное лобзание Христа-Жениха. И от уст её *вино благо течет прямо к другу моему*. Исходящее от уст, то есть от учителей церковных, учение течет к **Другу** церковному, к Жениху-Христу. Божественный Учитель и Жених церковный услаждается правотою Своей Невесты-Церкви и её учителей. Но это же *вино* от уст Невесты **услаждает и уста утомленных**. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5,6). Учение святой Церкви утоляет жажду и **услаждает уста утомленных**. Душа, утомленная в духовной пустыне этого мира, желает утолить томление свое правдой Божией, желает усладиться Истиною.

Согласно греческому (и славянскому) тексту, что вино учения сего *довольно устнам моим и зубом*, бл. Феодорит толкует, что иное в учении Церкви *довольно устнам*, то есть повсюду возвещаться должно, а иное *довольно... зубом*, то есть сомкнутым устами и зубами, ибо должно сохраняться в тайне и молчании. Так он пишет: «Сие удовольствие для меня сего учения твоего состоит в том, что я иное возвещать и воспроповедать, иное же в молчании и сокровенным сохранять могу, в первом случае орган устен, а в

другом зубы вместо заграждения употребив». Так о возвешаемом учении апостол Павел говорит: «И горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9,16), а о сокровенном: «Неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12,4).

И далее Невеста обращается к Жениху:

7.10-13 Азъ брату моему, и ко мне обращение его.

Прииди, брате мой, и взыдем на село, водворимся в селех: ураним в винограды, увидим, аще процвете виноград, процветоша ли оwoще, процветоша ли яблока? тамо дам тебе сосца моя. Мандрагоры даша vonю, и при дверех наших вся плоды новыя: до ветхих, брате мой, соблюдох ти.

7.11-14 Я принадлежу другу моему, и ко мне (обращено) желание его.

Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селлах; поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе. Мандрагоры уже пустили благовоние, и у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: это сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

Невеста-Церковь взывает: *Азъ брату моему, и ко мне обращение (желание) его*. Она приготовила себя к браку и ничего иного уже не желает. И **желание Христа-Жениха обращено** только к ней.

Бл. Феодорит: «Ибо я (Невеста. — Г.Ф.) ему одному всю себя посвятила, и всякое другое обращение, как с язычниками, так и с иудеями, так же как и с еретиками презрела, якоже и Он всем прочим предпочел, и ко мне весь прилепился». Жаждет душа Христа и трепещет от обращения Его к ней, чувствуя близость Его. Трепетно желает Его и зовет Его: «И Дух и невеста говорят: прииди!» (Откр. 22,17).

Прииди, брате мой, и взыдем на село, водворимся в селех.

Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селлах.

Церковь-Невеста, приближаясь к последним временам своего земного бытия, зовёт Христа, жаждет Его второго пришествия и соединения с Ним. **Выйдем в поле** — говорит она Ему. А «поле есть мир» (Мф. 13,48). Выходя Ему навстречу, она благовествовала святое Евангелие всему миру. «И проповедано будет сие Евангелие по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24,14). А теперь на убранную ниву зовет она Боже-

ственного Жнеца со многими Его жнецами-ангелами. Всё сильнее звучит в Песни Песней эсхатологическое чувство, близится всему конец, настает брак Агнца, Царствие Божие приходит в силу, ложе уготовано.

Эсхатологически здесь можно истолковать так, что Церковь-Невеста зовёт, приглашает и ждет Христа, и как бы обращает Его внимание на сбывающиеся знамения и признаки последних времен.

Позвав Его на поле и в село, Церковь позвала Христа в поля этого мира. Далее она зовет Его в **виноградник**, то есть вовнутрь Церкви, ибо Церковь есть виноградник Христов (Мф. 21,33). Церковь зовет Его **поутру**, ибо уже наступает грядущий день вечности, ночь этого мира, когда он был погружен во тьму греха, проходит. **Посмотрим, распустилась ли виноградная лоза...** Подобно и Господь говорил Своим ученикам: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите всё сие (знамения конца. — Г.Ф.), знайте, что близко, при дверях» (Мф. 24,32-33). И еще: истинная **виноградная лоза** — это Сам Господь Иисус (Ин. 15,3). Не **распустилась ли виноградная лоза?**, то есть не явлены ли в Церкви жизнь, цвет и плоды Христовы?! **Раскрылись ли почки?** — Раскрылись ли судьбы Церкви и мира, прежде утаенные в промысле Божиим, теперь являемые. **Расцвели ли гранатовые яблоки?** — явлена ли миру в Церкви любовь Христова?

Тамо дам тебе сосца моя, или: **Там я окажу ласки мои тебе!** Когда Господь придет второй раз и водворится в поле и в **винограднике**, то есть в мире и Церкви, тогда будет «новая земля» (=обновленный мир) и «новое небо» (=пришедшая в совершенство Церковь). На этом поле и в этих *виноградниках* — *тамо дам тебе сосца моя*, **там я окажу ласки мои тебе**, то есть там будет брак Агнца и Церкви и вечное их единение в любви. Сначала жаждавшая только *лобзаний уст* Его (1,1), Его воплощения, Его прикосновения к миру, Его первого пришествия, теперь желает и готова к большему, готова *дать Ему сосца своя*, **оказать ласки любви своей** во втором Его пришествии по сретении Его на воздухе и всегдашнем пребывании с Ним (1 Фес. 4,17).

Мандрагоры даша vonю. **Мандрагоры уже пустили благовоение.**

Мандрагоровые яблоки имеют снотворное, а также возбуждающее к любви действие.

Наступило время брачного ложа, Невеста-Церковь зовет Жениха-Христа. Для прежнего мира греха праведники уснули (умерли) навсегда, вошли в вечный покой. *Мандрагоры* — благодать Божия, возбуждающая к истинной любви, пустили благовоние через животворящее действие Духа, воскрешая старый мир. Об этом так писал апостол Павел: «Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас» (Рим. 8,11).

Не только об эсхатологическом браке Христа и Церкви здесь речь, но и о таинственном сочетании души с Богом.

Невеста желает уединения с Женихом на лоне природы, чтобы там насладиться его любовью и оказать ему свои ласки.

Душа, возлюбившая Господа, хочет удалиться от всего, препятствующего общению с Возлюбленным, и там оказать Ему свои ласки, всецело предавшись Ему в молитве, созерцании и подвигах.

Бл. Феодорит толкует: «Невеста увещевает жениха своего, дабы он не оставил без попечения своего души еще слабыя и немощныя, кои уподобительно называет полем и селами: ибо не говорит, *взыдем во град*, но *взыдем на село, и водворимся в селех*». И далее бл. Феодорит толкует слова Невесты как приглашение Церкви Христа обозреть всех чад своих: «*Ураним в винограды, увидим аще лоза процвete*. Посмотрим, говорит, на тех, кои лишь только благовествование прияли. *Процветоша ли овощи?* Воззрим же и на совершеннейших оных, кои не токмо листвие, но и цветы уже произрастили, кои здесь под именем *овощей* разумеются. (*раскрылись ли почки*, в синодальном переводе. — Г.Ф.). *Процветоша ли яблока?* Показалось ли в ком-нибудь из них хотя начало любви? Наш есть долг (говорит Церковь Христу. — Г.Ф.) всех их обозреть, и всякое пристойное приложить об них старание». Так бл. Феодорит в последовательных образах: полей, утреннего распускания виноградной лозы, цветения и раскрытия почек, цветения гранатовых яблок видит постепенное восхождение душ в полноту возраста Христова, когда становится возможным теснейшее единение с Ним в любви.

Поэтому *тамо дам тебе сосца моя, там я окажу ласки мои тебе*. Душа, достигшая бесстрастия и святости, преисполнена любви ко Христу, Которого действительно знает Женихом своим. Молится ли Богу, безмолвствует ли перед Ним; трудится ли Ему, или созерцает Его славу; бежит ли от мира, или идет в него с проповедью о Нем; правит ли народом Божиим в святительских

или княжеских ризах, или омочает ризу свою мученической кровью; изнуруется ли в постах и бдениях, или молитвенно всесождается, вознося бескровную жертву евхаристии у престола в алтаре — душа праведная не просто творит всё сие, как рабыня или наемница, но тем самым, как невеста, именно **оказывает ласки свои** Ему, Возлюбленному своему. В алтаре, в затворе, на арене мученичества — всюду она ищет и любит только Его.

«Мандрагоры даша воню. Мандрагоры, по преданию искусных врачей, имеют в себе и усыпительную силу. Почему? Поелику предписано нам умертвить уды наша, яже на земли, не да смерти их вовся предадим, но да мертвыми греховным соделаем действиям» (бл. Феодорит). Однако Невеста не только уснула и умерщвлена миру греха, но и благоухает дарами Духа и приятностью Его привлекает Жениха к лону единения с Ним.

И при дверех наших вся плоды новыя: до ветхих, брате мой, соблюдох ти.

И у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: это сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

Бл. Феодорит толкует далее: «И не мандрагоры токмо дали воню, но и все плоды (орехи) *во вратех наших*: различными бо приизобильствуют плодами те, кои наше прияли учение. *Новыя до великих, яже даде ми мати моя, соблюдох ти, брате мой!* Ветхаго, то есть, завета заповеди, и новаго повеления, полученные мною от матери моея, Святаго Духа благодати, я сохранила тебе, и залог в целости соблюла... «Сего ради всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже изнасит от сокровища своего новая и ветхая (Мф. 13,22)». Как с неким приданным, с сими сокровищами духа встречает душа своего Небесного Жениха: **Это сберегла я для Тебя, мой Возлюбленный!**

Об этом приуготовлении Невесты к браку с Господом так размышляет бл. Иероним в толковании на Ис. 35,7: «Она прежде была жаждущею и непроходимую, не имеющею живой воды, и Господь не проходил чрез неё; но теперь она же расцветет в лилию или, как яснее выразил Акила, *καλύψις*, что мы можем назвать распускающеюся розою ещё с неразвернувшимися листками. Расцветет же, чтобы сказать с апостолом: «во всяком месте Христово благоухание есмы (2 Кор. 2,14-15), и оное из Песни Песней: *цветы видны на земле, мандрагоры издали благовоние*».

Так незримо и таинственно в божественной и бесстрастной любви сочетается Богу душа.

ГЛАВА 8 и последняя

Невеста взывает к Жениху:

8.1-2 Кто даст ты, брате мой, сосуща сосцы матери моея? Обретши ты вне целую ты, и ктому не уничижат мене. Пойму ты, введу ты в дом матери моея, и в ложницу зачещения мя; тамо мя научиши, напою ты от вина с вонями строенаго, и от воды яблок моих.

8.1-2 О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! Тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих.

Невеста утомлена от неопределенности своего положения и своего отношения к Жениху. То над нею осуждающе иронизируют дочери Иерусалимские, то её избивают стражи градские, то даже Сам Жених покидает её. И она с некоторою завистью думает о том, что недоступное и недозволенное ей в её желании близости к возлюбленному своему, вполне было бы доступно, будь он её брат. Тогда эта близость воспринималась бы совершенно естественно и просто, никто не осудил бы и не воспрепятствовал.

Естественно, возникает вопрос: разве может Невеста удовлетвориться положением сестры? Разве не жаждет она большего, чем доступно сестре, будь он её братом?

Об этом размыслим так:

1. А разве не по греховной испорченности человеческой природы стал невозможен и возбранен по Закону Моисея брак между единокровными? Ведь через единокровные браки размножился род Адамов, а позднее Ноев. При праотцах Аврааме, Исааке и Иакове единокровный брак был желателен. Таким образом, при возврате к первозданной чистоте и неиспорченности, которая естественно и воспета в Песни Песней, родство не послужило бы препятствием к браку, но, наоборот, было бы для него естественной основой и даже условием.

2. Либо мысль такова. Невеста желает быть с Женихом, тягостится осуждением и постоянными препятствиями. Но она не страстью обуреваема, а преисполнена любви к нему. Ради возможной близости к нему, она согласна быть хотя бы сестрою его, лишь бы иметь возможность пребывания с ним. Она счастлива от одной возможности его поцелуя, возможности быть в одном доме и разделить с ним трапезу. Она подобна тому евангельскому сотнику, который не дерзал принять Христа-Спасителя в свой дом, но был рад услышать хотя бы слово Его, и верил, что этого будет уже достаточно для исцеления его слуги (Мф. 8,5-13).

3. И третье размышление, которое открывает возможность догматического истолкования текста, приводимого святыми отцами. Невеста, возлюбив Жениха своего, желает быть одного рода с ним. Родство с ним и открывает возможность теснейшего с ним общения (сравним с первым размышлением).

Святые отцы объясняют желание Невесты, чтобы возлюбленный был бы её братом, как ожидание древним народом Божиим боговоплощения. О, если бы Бог, Возлюбленный, но всегда исчезающий, за любовь к Которому приходилось претерпевать и раны от идолопоклонников, и насмешки от неверующих, изволил бы стать человеком, породниться с нами! Тогда **встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблок моих.**

Св. Афанасий Великий: «Вот слова, коими древний народ просит Слово низойти и соединиться с плотью: *да лобжет мя от лобзаний уст своих, яко благо сосца твоя паче вина*; и опять возбуждает в Нем желание следующими словами: *плоды новыя до ветхих, брате мой, соблюдох ти* (7,13); и вообще прошение всех к слову, чтобы Оно восприняло наше тело — таково: *Кто даст тя, брате мой, ссуца сосцы матери моей? обретши тя вне, целую тя, и ктому не уничижат мене. Пойму тя, введу тя в дом матери моей, и в ложницу зачещения мя.* Они просили, чтобы Он принял плоть не отынуду, но из той самой утробы, из которой мы родились, хотя и не так, как мы, то есть от мужа и жены. Ибо Он, как Творец, воспринял себе плоть от одной Девы, впрочем от человека; ибо Богородица Мария есть человек».

Подобным образом о боговоплощении говорит и бл. Феодорит: «Ибо и Он по человечеству всю приял Духа благодать. «Отроча бо», говорит Евангелист, Иисус «растяше и крепляшеся духом,

и благодать Божия бе на нем» (Лк. 2,11). И так невеста, изумевшая о неизреченном таинстве вочеловечения, и ты, говорит, ссал сосцы матери своея... да и сим докажешь, яко брат мой еси».

Обретши тя вне целую тя, и ктому не уничижат мене. «Любовию твоею воспалена будучи, не токмо в ложнице и за кровом чертога твоего, но среди торжища и всенародно повергнуся в объятии твои, и обложу тебя, и притом никто меня за сие не укорит, видя любовь мою к тебе» (бл. Феодорит). Открытое исповедание тайны боговоплощения и невозбранное наслаждение его плодами. Душа обретает покой, и спасение, и великую благодать в Богочеловеке Иисусе Христе. Ветхозаветные праведники могли слышать усмешки и осуждения: где ваш Бог?! Теперь уже никто не может осудить за целование Его, то есть за восприятие верою и любовью единого Бога. Теперь говорят и именуют Его: Эммануил, «С нами Бог» (Мф. 1,23). Свершилась «великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3,16).

Далее Невеста говорит Жениху: *Пойму тя, введу тя в дом матери моея, и в ложницу зачещения мя.* бл. Феодорит толкует: «Но какой есть сей дом Святого Духа, (сей бо породил невесту), как не Божественный храм, образующий небесный оный Иерусалим».

В 3,4 бл. Феодорит несколько иначе пояснял, что *матерью* всех вещей является Премудрость Божия. Она породила и Церковь Божию. «Премудрость созда себе дом» (Прит. 9,1) в душе христианской, куда и вводится Христос-Жених. Но не только в дом души вводится Христос, но и в ложницу зачещения мя, то есть в самое сокровеннейшее дома души. Как душа — сокровенное тела, так дух — сокровенное души. Дух человека и есть *ложница*, в которой зачинается Божественной Премудростью вера и благочестие, живущие в *доме* души христианской.

Если же размышлять не о душе, а вообще о Церкви, то *ложницей*, в которой *зачата* была Премудростию Божией св. Церковь, является предвечный совет Святой Троицы (см. толкование бл. Феодорита 3,4). Именно в предвечном совете, в воле Божией *зачата* была мысль и произволение о создании Церкви. *Дом Матери* в таком случае есть Дом или Град Божий, в который вводятся верные. Туда Невеста и зовет Жениха-Христа.

Тамо мя научиши. Христос-Равви, Учитель, а верные Его — ученики. В *Доме Матери*, во Святой Церкви учит Христос учеников Своих. Учит не как книжники и фарисеи, а как власть имущий, власть всеильной любви. *Тамо*, то есть в Церкви, учит Хри-

стос, а вне её всякое учение скоро обращается в ересь. *Тамо*, то есть в *доме души*. «Вникай в себя и в учение» (1 Тим. 4,16), — наставляет апостол Павел своего ученика Тимофея. *Тамо* — в сердце, на нерукотворных, некаменных скрижалях пишет Господь тростию Святого Духа Свое учение. Там учит Он, только бы мы внимали Его научению. Делатели умной и сердечной молитвы научаются помазанием Духа учению Господню внутри себя. Это таковым сказано: «Помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно...» (1 Ин. 2,27).

Войдя в дом матери Невесты, Жених научает её правде Божией, она же Жениха приветствует: *напою тя от вина с вонями строенаго, от воды яблок моих. А я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих.*

Бл. Феодорит так поясняет слова Невесты: «*С вонями строемым вином* нарицает невеста учение, исполненное Божественной благодати, яко некими вонями и ароматами благоуханное, *водою же яблок*, пользу происходящую от плодов любви».

Или под *вином*, как и под *гранатовыми яблоками*, можно разуметь любовь Невесты к Жениху. *Вином*, в таком случае, означено веселье сердца, производимое любовью, а *гранатовыми яблоками* — единство в любви, прообразованное подогнанным одно к другому зернами гранатовых яблок. То и другое (виноград и яблоки) имеют красный цвет, чем означено огненно-пламенеющее свойство любви. Вино к тому же растворено с *ароматами* (*с вонями строенно*), которыми означены благодать и дары Духа Святого. Ароматы духовных дарований, веселье и единение в любви приуготовила Невеста Жениху, предлагая Ему, по вхождении в дом ее, это сладостное упоение.

Ах, как часто горечь и смрад ждут Жениха, если войдет Он в душу нашу. Приготовь же, душа, Ему «вино, ароматы и яблоки»!

Св. Кирилл Иерусалимский, видя в Песни Песней пророческое изображение евангельских событий, усматривает указание на то страшное вино со смирною, которым хотели упоить распинаемого Христа, чтобы Он не чувствовал всю тяжесть мук распятия. Господь отказался тогда, ибо пришел, чтобы испытать всю чашу гнева Божия. О страшное вино, приготовленное Христу-Жениху, когда Он пришел к нам в дом этого мира! Так, св. Кирилл пишет: «И о вине есмирнисмене упомянули также Песни: *напою Тя от вина с вонями строенаго*».

Далее, обращаясь к девицам Иерусалимским, Невеста говорит:

8.3-4 Шуйца его под главою моею, и десница его обимет мя. Заклях вас, дочери Иерусалимския в силах и в крепостех сельных: аще подвижете и воздвижете любовь, дондеже восхождет.

8.3-4 Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, — не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно.

Невеста упоена любовью Жениха. Толкование этих слов см. 2,6-7.

Трижды в Песни Песней звучит апокалиптический вопрос: «Сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли?..» (Откр. 7,13).

1. *Кто сия восходящая от пустыни, яко стебло дыма кадящее смиру и ливан, от всех благовоний мироварца? (3,6).*

2. *Кто сия проникающая аки утро, добра яко луна, избрана яко солнце, ужас вчиненны? (6,10).*

3. И третий раз:

8.5 Кто сия восходящая убелена и утверждаема о брате своем?

8.5 Кто это восходит от пустыни, опираясь на своего возлюбленного?

Троекратный вопрос, заданный в начале, середине и конце, связывает Песнь Песней Соломона воедино. Троекратность вопроса означает восхождение Церкви и души праведника ко Святой Живоначальной Троице. Троекратность вопроса означает восхождение к Богу от пустыни этого мира Церкви и народа Бога Отца времен ветхозаветных и Церкви первенцев (Евр. 12,23) при явлении в мир Сына Божия Иисуса Христа, а также и Церкви, питаемой и одухотворяемой Духом Святым во времена благодати Святого Духа. Троекратность вопроса означает восхождение к Богу всех трех сил души человеческой: ума, сердца и духа, или: разума, чувства и воли. Троекратность вопроса означает три духовных возраста (Церкви вообще и души в частности): младенчество, зрелость и старчество. В эти времена и совершается **восхождение от пустыни к Богу — Создателю и Икупителю.**

Так «сии облеченные в белые одежды кто? и откуда пришли?»

В начале книги мы видели Невесту, опаленную пустынным солнцем, черную, как шатры Кидарские (1,4), она потеряла воз-

любленного души своей и безуспешно искала его возле стад товарищей его.

Теперь же обрела она Его и, **опираясь на своего Возлюбленного, восходит от пустыни убелена!** Так каждая душа проходит свое скорбное странствование по пустыни этой жизни, подобно сорокалетнему странствованию народа Божия. И, найдя *утверждение о Брате своем**, **опираясь** в жизни и подвигах **на своего Возлюбленного**, совершенно *убелена* от грехов своих. А будучи убелена, она *восходит от пустыни*, от порочной жизни, где опалает и чернит солнце этого мира, к жизни праведной, неземной, духовной. Возможно это сделать, только **опираясь** на Христа, всякая иная опора рухнет, подведёт. Как невеста восходит в брачные чертоги, опираясь на руку своего жениха, так Христос:

— выводит возлюбившую Его душу из пустыни греха в чертоги благочестия и богомыслия, соделывает её сотаинницей Своей благодати;

— выводит из пустыни земной жизни и вводит в Небесные обители. Ангелы, удивленно восклицая, вопрошают: *Кто сия восходящая от пустыни убелена и утверждаема о Брате своем?* Как жених вводит невесту в отцовский дом и знакомит с нею всё родство свое, так Христос вводит душу, искупленную Им, в дом Отца Небесного, знакомит небожителей ангелов с имеющей почитать в опустевшей после падения денницы, и последовавших за ним, обители блаженства. Отцы считали, что столько праведников и войдет в небесные обители, сколько обителей этих освободилось после падения ангелов денницы;

— выводит из пустыни мировой истории Церковь-Невесту, искупленную, чистую, и вводит её через второе пришествие в Царство, уготованное ей от создания мира (Мф. 25,34). Господь грядет со многими ангелами-жнецами судить мир (Мф. 13,39), они готовы пустить серп свой (Откр. 14,18) и вдруг изумленно видят облаченную в белое одеяние, не подлежащую осуждению и вопрошают: *Кто сия?..*

В последние времена, когда антихрист устроит лютое гонение на святых, тогда Церковь — «Жена убежит в пустыню, где приготовлено было для неё место от Бога, чтобы питали её там 1260 дней» (Откр. 12,6). И вот из этой пустыни, после последнего гонения, выведет Господь Невесту — Свою Церковь святую. Эти облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? — «Это те,

* Он Христос — Брат наш, ибо воплотился и стал человеком.

которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр. 7,14).

Духовное очищение и небесное восхождение, ангельскую встречу видит здесь св. Дионисий Александрийский: «Когда святые ангелы увидят, что эта восставшая и подъятая на рамена Спасителем душа приближается (к ним) в светообразном виде, то скажут: *Кто сия восходящая убелена, и утверждаема о дочерях брата ея?* Ведь не белою сначала была та, которая говорила: *черна есмь аз...* Надев этот (черный, как шатры Кидарские. — Г.Ф.) хитон вследствие преслушания, человек изгнан был из рая, а когда он намеревается снова войти в рай, то разоблачается и надевает одеяние правды. Облекшись в это одеяние, он уже лишается прежнего хитона».

Бл. Феодорит: «*Кто сия восходящая убелена, и утверждаема о брате своем?* И не говорят, «бела», но *убелена*. Понеже она прежде была черна. О женихе же своем невеста вещает: *Брат мой бел*, а не «убелен»: ибо он по естеству своему всегда был таков, но она, быв прежде очерненной, зане *опали ее солнце*», ныне убеленною стала, и белизны жениховой участницею сделалась: ибо он, яко свет присносущный, светлюю её и соделал и наименовал: и сам сый свят, святою её и учинил и нарек: и сам будучи воскресение, воскресения её удостоити благоволил: таким образом он ей белизну свою сообщил. В таковом-то состоянии видя ее, отрокицы вопиют: *Кто сия восходящая убелена, и утверждаема о брате своем?* Им бо наставляема и яко руководима восходит на небо, и путешествует к возлюбленному своему, твердую в него имея веру.»

Белый и убеленная, Святой и освященная. Что Бог по Своей природе, то Церковь и праведники по благодати суть.

Такова Невеста-Церковь в конце её пути!

Такова встречаемая ангельскими силами!

«И удивятся ей все силы небесныя, по причине чистоты, какою очистило её покаяние, и соделало её едино тело с Господом, — и скажут: *Кто сия восходящая убелена, и утверждаема о брате своем?*» (прп. Исаия, авва Нитрийский).

С радостью возводит Небесный Жених Свою Невесту и говорит ей:

8.5 Под яблонею возбудих тя: тамо роди ты матери твоя, тамо поболее тобою рождшая ты.

Согласно же масоретского текста, эти слова принадлежат Невесте:

8.5 Под яблоней разбудила я тебя: там родила тебя мать твоя, там родила тебя родительница твоя.

Удобнее же считать эти слова произнесенными Женихом, нежели обращенными к Нему, так как в 2,3 Он Сам и наименован *Яблоней* и не мог быть «рожден под яблонью». Если же эти слова сказаны Невесте, то смысл сразу приобретается.

Христос — Божественная *Яблоня*, Древо Жизни и Любви, истинного богопознания, вместо «яблони преслушания», от которой познал человек добро и зло и получил мнимое знание и мнимое богоподобие. *В тени её люблю я сидеть, под сень его* (яблони) *восхотех и седох* — взывает Невеста-Церковь и Невеста-душа. *Под сенью сей Яблони* обретает душа покой, укрывается от греховного зноя и осеняется божественным ведением и божественным образом. Там *под Яблонею возбудих тя* — там *тень*, то есть благодать Христова, *возбудила любовь* к Богу и небесному в душе, *разбудила её* от греховного сна, там *родила её духовно матери твоя* — Божия благодать. *Тамо поболе тобою рождающая тя*, «Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения», чтобы родить «младенца мужского пола» (Откр. 12,2.5), ибо не без скорбей происходит в Церкви духовное рождение чад Божиих.

Так пишет об этом бл. Феодорит: «*Под яблонею возбудих тя: тамо роди тя матери твоя*: ибо мы, уверовав проповеди о Спасителе нашем благовествованной, к Божественному приступили крещению и, приступив, возрождение прияли. Тако породил нас благодать Святаго Духа».

Яблонь и плоды её *яблоки* (гранатовые) в Песни Песней являются символами любви. *Под яблонею возбудих тя* — в Невесте пробуждается Женихом дремавшее до того чувство любви. Любовь Божия, явленная во Христе, положившем жизнь свою «за други своя», пробуждает Божественную любовь в окаменелых до того сердцах.

Дошли и доселе. Сколько возвышенных и исполненных нежности слов любви уже произнесли Жених и Невеста! И вот, как в горах бывает высочайшая вершина, так и мы перед концом в Песни Песней слышим высочайшую Песнь Любви:

8.6-7 Положи мя яко печать на сердца твоем, яко печать на мышце твоей: зане крепка яко смерть любви, жестока яко ад

ревность; крила ея крила огня, углие огненно пламы ея. Вода многа не может угасити любви, и реки не потопят ея. Аще даст муж все имение свое за любовь, уничижением уничижат его.

8.6-7 Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный.* Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

С сими словами Жених обращается к Невесте, Христос к Церкви Своей искупленной, Бог к душе, Его возлюбившей.

Беспредельна сила любви!

Бл. Феодорит толкует о *печати на сердце* и *печати на мышце* (перстне на руке)**: «*Положи мя яко печать на сердце твоём, яко печать на мышце твоей.* Под сердцем разумеется здесь умозрительное свойство души, а под именем *мышцы* деятельная ея сила. Посему-то в законе Моисеевом велено от приносимых жертвы отделять священникам правое рамо (мышцу, плечо) и грудь (Чис.18). Хочет убо Спаситель наш, дабы Его как при умозрении, так и в делопроизведении имели вместо печати, и знамение его изображали на всех словах, и на всех делах наших». Таким образом, Тот, Кто по существу Своему есть Любовь, возбуждает в нас любовь к Себе и людям через умозрение тайн Божиих и делание добра людям. В сих двух заповедях любви — весь Закон и пророки.

Зане крепка яко смерть любви. Бл. Феодорит: «Ибо как смерть, по произнесении от Бога осуждения прародителям нашим, всеми обладает: так и любви вся превозмогает, и даже самую побеждает смерть». Объятия любви сравнены с объявлениями смерти по крепости своей. Как ничто в нынешнем мире не может избежать смерти, так ничто не может победить и любви. Любовь — всесильна. Любовь ведет к верности и преданности даже если это дается ценою смерти. Как смерть отымает всё, так любовь отдает всё и требует всецело. Как требовательна смерть, так требовательна любовь, не терпя никакого лукавства, никакого подлога, никакой половинчатости. Любовь побеждает, по слову бл. Феодорита, и саму смерть. Пасха и воскресение — это торжество любви.

*Архим. Макарий (Глухарев) переводит: **Она пламень Божий.** Эфрос переводит: **пламя Господне.**

** Известно, что у царей и епископов были перстни — печати, носимые на руке.

В этом мире нет силы, могущей победить смерть — ей подвластны тираны и властители, богатые и премудрые и даже вообще всякая тварь от небесных светил и до мельчайших первокирпичиков мироздания (атомов и элементарных частиц). Умирают эпохи и культуры, народы и материки. И только любовь крепка, как смерть. Она одна может померяться с ней силою — и побеждает! Сила любви — сила воскресения, расторгающая объятия смерти и узы гроба. Не просто некоей великой силой воскрешает Господь мертвых, но силой любви. Говоря понятиями этого мира, не физической, а нравственной силой побеждается смерть. Смерть — это не явление биологии или физики, это результат и конец греха, а потому и побеждается не силой, а любовью. Воскрешающее действие имеет всякая любовь, любовь животворит и рождает. Любовь Божия побеждает смерть. «Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлению, оживотворил со Христом» (Еф. 2,4), — вот воскрешающая сила любви! Люби Бога, возлюбившего тебя, и сила Его любви, отозвавшись в тебе, вырвет тебя из руки смерти и воскресит!

Как смерть крепка любовь и *жестока* *яко ад ревность*, или: *люта, как преисподняя, ревность*. За смертью идут преисподняя и ад, лютые и жестокие. За любовью идет ревность, лютая и жестокая. Если любовь есть совокупность совершенства (Кол. 3,14), то ревность — запредельное. Как после пития Жених призвал «и упийтесь» (5,1), так после любви — ревность. Если любовью венчаются все добродетели, то ревностью (не путать с грехом ревнования!) венчается сама любовь. Ибо до ревности любит Господь (Иак. 4,5) и есть Бог — Ревнитель. Ревность — это пламень любви. Ревность — это всецелость и беспредельность в любви. Ревность всего себя отдает и всего возлюбленного требует. Она не может делиться ни собой, ни им. Бл. Феодорит: «Притом стяжи и ревность, которую ежели имети будещи, то не потерпишь, чтоб другая какая кроме тебя честнейшею была, и ты бы в разслаблении и страхе пребывала, а она моя бы наслаждалась соображением: ибо жестока и неудобопобедима есть ревность, *подобна как ад*». Если *крепка* любовь, то *жестока* и *люта* ревность. Если *как смерть* неотвратимо крепка любовь, то *яко ад* и *как преисподняя* люта ревность. Крепка, как смерть, любовь христианина к Богу, жестока, как ад, и люта, как преисподняя, его ревность о Боге. Жестокие подвиги преподобных отцов, лютые

страдания мучеников, апостольские труды и чудотворные молитвы — тому видимые свидетели.

Если любовь побеждает крепость смерти, то ревность любви одолевает саму лютость и жестокость ада. Христос не только смертью (любовью) смерть (ненависть) поправил, но, возревновав, сошел в самый ад, «пленил плен», вывел из ада в нем от века сущих «и дал дары человекам» (Еф. 4,8). «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15,55).

Воистину, страшен для супостата ревнующий в любви о Боге христианин и абсолютно нестерпим любящий Бог! Не случайно св. Иоанн Златоуст дерзает высказать суждение, что для нечестивцев столь мучительна и несносна любовь Божия и свет Его Царствия, что, по сравнению с этим, и сами геенские муки для них есть Божия милость. *Жестока яко ад и люта как преисподняя* любовь Божия. Только такая сила любви и могла победить такую силу ада и преисподней.

Бог отразился в человеке, любовь Божия высекла искру любви ответной из сердца человеческого. Любовь к Богу есть дар Божий, она Им же воспламеняется в человеке. **Стрелы ее — стрелы огненные.** Христос — огненная божественная **Стрела**, пущенная от Небес на землю. «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12,49-50). Голгофское томление исполнилось — огонь божественной Стрелы возжег многие огни в сердцах святых. Огненный луч Солнца играет и искрится в бесчисленных каплях росы...

Осуществление этого видим мы на примере молитвы. Так, свт. Феофан Затворник различает пять видов молитвы. Первые три, как евангельская закваска, заквашивающая три меры муки (Мф. 13,33), возжигают всё человеческое естество, тело, ум и сердце — молитва деятельная (механическая), умная и сердечная. И вот, когда тело, ум и сердце разогреты молитвою (естественною), тогда посещает человека огненный язык Духа Святого — сия божественная **Стрела**. Она уязвляет сердце, и человек начинает молиться сверхъестественною молитвою — Духом Святым (Иуд. 20; Рим. 8,26-27). Эту молитву свт. Феофан Затворник также разделяет на два вида. Первый — это когда Дух Божий молитву творит в сердце, а человек молящийся сохраняет обладание собой и даже может управлять сею молитвою. Иной же еще вид молитвы и совершеннейший — это когда божественный огонь

Духа столь захватывает человека, что он уже теряет обладание собою, он «в духе» (Откр. 1,10), и как ветер захватывает опавший лист и кружит его в воздухе, как пламень огня захватывает этот лист и уже только искры устремляются к небу, так эти молитвенники, не ведая, в теле то было или вне тела (2 Кор. 12,2), восхищаются в небесные миры к Богу... Об этом состоянии сказано: *Вода многа не может угасити любве, и реки не потопят ея*. Моря не угасят, реки не потопят, никакая тварная сила не остановит, не угасит сей божественный огонь любви. А такая молитва Духом Святым и есть огонь любви, *печать на сердцах*. Чьё сердце запечатлено таковой любовью к Богу, тот уже не подвластен никаким тварным силам, а в сем тварном мире он — чудотворец, ибо через него действует сила Божия. Чудо может совершиться по молитве веры любого человека, но такой человек ещё не чудотворец, он не владеет сим даром. Чудотворец же тот, в ком непрестанна молитва Духом Святым, творящим чудеса. В ком же, хотя и непрестанная, хотя и сердечная молитва, но ещё своя естественная, тот может сподобляться чуда, но не чудотворец.

Переведенное на славянский с LXX, как *углие огненно пламы ея*, а в синодальном переводе, **она пламень весьма сильный**, переводится с масоретского еврейского текста архим. Макарием (Глухаревым), как **она пламень Божий**, а Эфросом, как **пламя Господне**. Итак, любовь есть **пламень Божий**, **пламя Господне**. Это единственное в книге Песнь Песней место, где именуется Бог и Господь. Сокровенное становится откровенным. Таинственный Жених Песни Песней есть Бог и Господь. «Бог есть любовь», — говорит наперсник Христов апостол любви Иоанн Богослов. А любовь человека к Богу и ближним есть **пламень Божий**. Любовь Божия возжигает любовью сердце человека. Когда в сердце любовь, то в нём — Бог. Без Бога нет любви, ибо Он и есть любовь, а иной любви не бывает. Иное — это порочные страсти и пристрастия, рядящиеся в тогу любви.

Бог есть любовь, и даже в наших из-за грехов окаменевших сердцах высекает **пламень Божий**, пламень любви. Как факел несёт огонь, так сердце человека — любовь, **пламень Божий**. Он попадает и побеждает всякое зло, ненависть и хлад душевный.

Сия любовь явилась Церкви, народу Божию, душе человеческой в пришествии Мессии, Сына Божия. «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (1 Ин. 4.9).

Далее говорится о любви: *Вода многа не может угасити любви, и реки не потопят ея*. Это значит, что нет той силы в тварном мире, ни в видимом, ни в невидимом, которая могла бы угасить любовь Божию, воспламенившуюся в верующем сердце.

Бл. Феодорит приводит вереницу ветхозаветных праведников, а также пример св. апостола Павла, и показывает, что никакие силы, никакие скорби, гонения, никакие обстоятельства жизни не могли угасить в них любви к Богу. Странничество, голод, сиротство, отъятие жены, принесение сына в жертву Богу не угасили любви Авраамовой. Обречение его в жертву не угасило любви Исаака. Труды и печали житейские не угасили любви Божией в Иакове. Огонь печи вавилонской не сжег любви Божией в трех отроках, а зубы львиные во рву — любви Данииловой. Это же можно сказать о Моисее, Иисусе Навине, Самуиле, Давиде и многих пророках. Но возвышеннее сказал о том св. Павел: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8,35-39).

Св. Кирилл Иерусалимский раскрывает эти слова о неугасимости любви на примере святых жен-мироносиц. «По явлении ангелов пришел вестником о Себе Сам Иисус, и Евангелие говорит: и се Иисус сrete я, глаголя: радуйтеся: онеже приступльше, ястеся за нозе Его» (Мф. 28,9). Оне емлются за Него, чтобы исполнилось сказанное: *удержу Его, и не оставлю Его*. Немошно тело жены, но мужественны мысли. *Вода многа* не угасила любви, *и реки не потопили ея*. Искали мертвого, но не угасала надежда воскресения. И ангел говорит им: «не бойтесь вы» (Мф. 28,5): не воинам, но вам говорю: «не бойтесь». Те пусть боятся, чтобы когда дознали опытом, засвидетельствовали и сказали: «воистину Божий Сын бе» (Мф. 27,24). А вам не должно бояться, потому что «совершенна любви вон изгоняет страх» (1 Ин. 4,18). «Шедше рцыте учеником Его, яко воста» (Мф. 28,7).

Такова любовь Божия, что **если бы кто даровал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презреньем**. Есть вещи, которые не продаются. Есть вещи, которые ничем не

могут быть заменены. Все, что имеет человек в этом мире, **все богатство дома своего** не может быть предложено за **любовь**. Господь хочет наше сердце. Он говорит: «Сын мой! отдай сердце твое Мне» (Прит. 23,26). И если бы кто вместо сердца предложил Господу что-нибудь иное, какой-то откуп, **то он был бы отвергнут с презрением**. У каждого есть **богатство дома своего** — серебро ли, знатность ли происхождения, высокая ли культура и ум, таланты, некие дела — все будет отвергнуто Небесным Женихом, если Ему не будет предложено сердце. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16,26).

Несколько иначе звучат эти слова у LXX толковников и в славянском переводе: *Аще даст муж все имение свое за любовь, уничижением уничижат его*. Эти слова так толкует бл. Феодорит: «Кто все иждивение свое, богатство и самую жизнь потеряет любви ради Христовой, того конечно уничижат те, кои не имеют и чужды суть сея любви. Посему то святой апостол Павел засвидетельствовал: «Укоряеми, благословляем: гоними, терпим: хулими, утешаемся: якоже отроби миру быхом, всем поправление доселе» (1 Кор. 4,12-13)». Но унижения, которыми унижают любящих Господа мужей и жен, не уменьшают в них этой любви, но еще более возбуждают ее. И таким образом эта любовь изливается еще и на тех, кто в безумии своем эти унижения и унижения причиняют.

8.8-10. Сестра наша мала, и сосцы не имать: что сотворим сестре нашей в день, в онъже аще глаголатися будет ей? Аще стена есть, соградим на ней забрала сребряна: и аще дверь есть, напишем на ней дску кедрову. Азь стена, и сосцы мои яко столпи: азь бех во очию их аки обретающая мир.

8.8-10 Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками. Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

В ч. III, гл. 4 показано, что верен перевод *сестра наша мала*, а не **есть у нас сестра**. То есть речь идет не о младшей сестре Суламифи, а о ней же в отроческие годы и в совершенных летах. На этом и основывается толкование этого текста.

В отношении Церкви эти два возраста Невесты означают времена ветхозаветные и новозаветные. *День в онъже аще глаголетися будет ей*, то есть когда **будут свататься** за нее, означает День Мессии, день воплощения Слова, первое пришествие Христова. Тогда предвечное Слово *глаголетися будет ей*, то есть говорить с народом Своим устами Богочеловека. Тогда Господь пришел **свататься** за нее, то есть обрести Себе Церковь — деву чистую.

Сестра наша мала, ибо мала еще была вера израильтян, более живших по Закону, как и дети живут по предписаниям и наказаниям родительским. И сосцу не имать «ниже млека учения, ни твердой пищи может подать требующим оной» (бл. Феодорит). Глубина догматов еще не была открыта. Ветхозаветная Церковь еще не была *стеною*, а потому и не могли быть сооружены на ней *забрала сребрена*, «то есть словеса мудростию сияющая... дабы она на них стоя, врагов своих стрелами поражала, и отгоняла нападающих на нее» (бл. Феодорит). Не была ветхозаветная Церковь еще и *дверью*, а потому неприменимы еще были к ней *дски кедрови* «греховного тления избегнути могущия: ибо кедр не подвержен есть тлению» (бл. Феодорит). Всему этому придет время в Новом Завете. Тогда она уже не будет *сестрой малой*, но будет в глазах его (Христа-Жениха) как достигшая полноты. Церковь Нового Завета «есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем» (Еф. 1,23). Она в очах Его, *аки обретающая мир*, ибо в ней примиряется Бог и человек и все люди между собою. Господь определил в Церкви, как «в одном теле примирить обоих (иудеев и язычников. — Г.Ф.) с Богом посредством Креста» (Еф. 2,16). Тогда Церковь скажет: *Азъ стена*, непреоборимая и страшная врагам. *И сосцы мои яко столпи*, «то есть учение нравственное и богословное на высоту вознес (Господь. — Г.Ф.): вместо столпа его поставив, да воюя с онаго врагов его поражу» (бл. Феодорит).

В отношении души эти два возраста Невесты означают состояния новонаначальной в вере и достигшей полноты и совершенства, или даже лучше разумеет состояние души человека, оглашенного в вере, и души человека, возрожденного в святом крещении («день сватовства»), верной дочери святой Церкви. А далее, сказанное о несовершенствах Церкви ветхозаветной и совершенствах Церкви новозаветной вполне можно отнести к этим двум духовным возрастам человеческой души. Отметим еще одну мысль.

Душа святая будет в глазах Его как достигшая полноты. Как часто человек велик не в глазах Его, а в своих собственных, и этим вполне удовлетворяется, нисколько не интересуясь, каков он в очах Господних!

В конце Песни перед нами вновь образ виноградаря:

8.11-12 Виноград бысть Соломону во Вееламоне, даде виноград свой стрегущим: муж принесет в плоде его тысящу сребреник. Виноград мой предо мною: тысяща Соломону, и двести стрегущим плод его.

8.11-12 Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне; он отдал этот виноградник сторожам; каждый должен был доставлять за плоды его тысящу сребреников. А мой виноградник у меня при себе. Тысяча пусть тебе, Соломон, а двести — стерегущим плоды его.

Виноград — народ Божий, Церковь *бысть Соломону*, то есть Христу. *Соломон* означает «мирный», а Христос «есть мир наш» (Еф. 2,14). Сей виноградник был у Соломона в *Вееламоне (Ваал-Гамоне)*, что означает «Господь множества». По обетованию, данному еще Аврааму («отцу множества»), потомство его, то есть сыны веры, будет многочисленно, как звезды на небе.

Бл. Феодорит: «Сей убо виноград некогда предал Бог израильскому народу. Но когда он не токмо рабов, для собрания плодов посланных, камнем побил и умертвил, но и самого наследника ко кресту пригвоздил: то виноград сей от него, как говорил Господь во Евангелии, был взят и отдан языку, творящему плоды его».

Господь *даде виноград свой стрегущим*. Бл. Феодорит: «Виноградом нарицает всех, состоящих в благочестии христианском, а *стрегущими*, возделывающими и хранящими тех, кои звание священства на себе носят, коим именно повелено оный виноград духовным учением напоять и соблюдать».

Эти пастыри-стражи **за плоды виноградаря** должны доставлять Господину своему Господу Иисусу Христу **тысячу сребреников**, «понеже тысящное число во Христе означает совершенство, яко Он есть совершенная единица» (бл. Феодорит). За вверенное служение в винограднике Господнем (**за плоды его**) пастыри должны приносить своему Пастыреначальнику свое духовное совершенство (**тысячу сребреников**). «Итак, каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Бо-

жиих. От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным» (1 Кор. 4,1-2).

Но не только стражи должны приносить «мзду» своему Господу за вверенное им служение, но и Он воздает им: *И двести стрегущим плод его*. Бл. Феодорит: «А посему не токмо жених, но и невеста обещают им свою награду, как и блаженный Павел говорит: «Егоже аще дело пребудет, еже назда, мзду приимет (1 Кор. 3,14). И «вечеру бывшу господин винограда» приказал дать коемуждо «по пенязю» (Мф. 20,8-9). А из сего явствует, что у Бога нет ничего без мздовоздаяния». Отсюда мы видим ошибочность «этической» теории спасения, согласно которой речь идет только о восстановлении (спасении) падшей природы человека, его освящении, либо же об окончательном падении природы человека, в результате чего человек либо блаженствует, либо мучается. Награды же и наказания от Бога эта теория отвергает как не соответствующие природе Божией. Такая теория есть уступка интеллигентскому рационализму и этике, противоречит учению Св. Писания и святых отцов о Боге как Мздовоздаятеле. Здесь упраздняется учение о Боге как Существе всеправедном и Судии. А далее из этой теории следует упразднение учения о «прощении грехов» (говорят только об очищении грехов) и даже упразднение Креста Господня и жертвенного значения смерти Христовой. Такого учения придерживались митрополит Антоний (Храповицкий), архимандрит Сергей (Страгородский) — будущий патриарх московский Сергей, профессор прот. Светлов и другие. Прекрасное святоотеческое опровержение этой теории и оправдание «юридического» подхода наряду с «этическим» дано в работе архиеп. Серафима (Соболева) «Искажения Православной Истины в Русской Богословской Мысли», София, 1943 г. Естественно, «юридический» подход в отрыве от «этического», в свою очередь, впадает в крайность и искажает учение о спасении. Против этого искажения справедливо ополчались упомянутые митрополит Антоний (Храповицкий) и патриарх Сергей (Страгородский), но и сами же впадали в противоположную крайность.

Награда Господина стерегущим определяется в 200 сребреников. Бл. Феодорит: «Стрегущие виноград примут мзду, и притом мзду известную: поелику они пять чувств винограда, зрение, вкус, обоняние, слух и осязание стрегут, то по праву двести получают, которое число в тысяще пять раз содержится». $1000 = 200 \times 5$. Если тысяча означала совершенство во Христе, то достигается оно через совершен-

ствование всех пяти чувств человеческого естества. Число двести бл. Феодорит также толкует мистически: $200 = (5 \times 4) \times 10$. Пять определяет форму (чувствования) естества, а четыре — материю (четыре стихии) его. То и другое (материя и форма естества) должны прийти в совершенство через исполнение в жизни десяти заповедей.

Таковы Господин виноградника и стерегущие его. А сама Невеста? Она говорит: *Виноград мой предо мною*, или: *А мой виноградник у меня при себе*. Она теперь смотрительница и хозяйка виноградника возлюбленного Жениха своего. В начале Песни мы слышали ее скорбное стенание: *винограда моего не сохраних*, поставили меня стеречь виноградники чужие, — моего собственного виноградника я не стерегла (1,5). Ее виноградник, некогда запущенный и неухоженный, теперь во цвете и обустроен. Ранее даже сама не могла стеречь свой виноградник, а теперь Возлюбленный приставил к нему многих работников, стерегущих его. Теперь ее виноградник всегда перед нею, никто не полоняет ее и не скитается она более у чужих виноградников и шатров. Это значит, что душа христианская вновь становится цветущим садом добродетелей. «Блудный сын вернулся домой». Душа не скитается у чужих виноградников пороков и страстей и не стережет их. Они не полоняют ее более и не издеваются над ней. Она не «очерняется» более из-за них. Ум всегда видит перед собой душу (виноградник). Добрые стражи стерегут ее. Эти стражи — это трезвение, бдение, внимание и воздержание. Душа рада воздать от виноградника своих добродетелей должную мзду возлюбленному своему Жениху и Господину. У Христа, сего Божественного Соломона, виноградник в Ваал-Гамоне, Он в Невесте Своей теперь Господь множества ее добродетелей.

8.13-14 Седяй в вертоградех, и друзи внемлющи гласу твоему, глас твой внуши мне.

Бежи, брате мой, и уподобися серне, или юнцу еленей, на горы ароматов.

8.13-14 Жительница садов! Товарищи внимают голосу твоему, дай и мне послушать его.

Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!

Согласно LXX, слова 13-го стиха, как и 14-го, сказаны Невестой Жениху. Масоретский текст (и синодальный перевод) обращает слова 13-го стиха со стороны Жениха к Невесте, а в 14-м стихе Невеста отвечает Жениху.

Бл. Феодорит, толкуя текст LXX, видит здесь эсхатологическое ожидание Невестой-Церковью своего небесного Жениха-Христа. Земной путь Церкви завершен. Она ожидает Христа и зовет Его. «И Дух и Невеста говорят: прииди!» (Откр. 22,17)

Седяй есть Христос Божий Сын, от Вознесения Своего *седяй одесную* Отца. *Седяй в вертоградех*, то есть на чувственных тварях видимого мира и умных созданиях мира невидимого. *Друзи, внемлющи гласу*, — суть ангелы-жнецы, ожидающие повеления Божия собрать плоды виноградника в день второго пришествия Господня. *Глас твой внуши мне* — Невеста-Церковь жаждет услышать голос своего возлюбленного Жениха. Она желает перейти от веры к видению, она хочет непосредственно слышать Того, Которого любит, желает теснейшего единения с Ним. Она уже не хочет более быть в разлуке с Ним. Она взывает: «Женише мой, ты, который почиваеши как на умных, так и на чувственных тварях, подобно садам, тобою насажденным: суть еще кроме нас другие, кои не будучи связуемы узами телесными, безпрестанно обращенные на тебя имеют очи, ангельские, то есть, чины, всякаго вещества свободнейшие. Я же сими связана будучи узами, страшусь, чтобы, ослабев, не возвратиться вспять. Посему, второго пришествия твоего непрестанно ожидая, со смирением молю, да слышан сотвориши мне сей вожденнейший твой глас: «Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие» (Мф. 25,34)» (бл. Феодорит).

Церковь-Невеста любит Жениха-Христа и зовет Его: *Бежи, брате мой, и уподобися серне, или юнцу еленей, на горы ароматов*. «Ибо ты, призывая праведных к уготованному царствию от сложения мира, оставляеши промышление свое о чувственных вещах, привлекая достойных к самому верховнейшему совершенству благодатей духовнаго благовония сладостию их, по Божеству твоему услаждающих, коими ты, подобно юнцу серны или еленя, ядоносных разгоняя гадов, духов злобы, свирепствующих на нас, умерщвляеши и брань, воздвигаемую ими против нас, прекращаеши» (бл. Феодорит).

Широко распространено представление о конце света как о чем-то ужасном и нежеланном. Апокалипсис видится как сплошной набор каких-то кошмаров и ужасов. Благочестие христиан и покаяние народное призвано отсрочить сей ужасный конец.

Но если все равно быть «ужасному концу», то какой смысл его откладывать? Не так переживает апокалиптические чаяния Церковь-

Невеста. Она ждет не «конца света», а «явления Света истинного», пришествия своего возлюбленного Жениха-Христа, она ждет нового неба, новой земли и Небесного Иерусалима. Через полуночь суда она ждет вселенского утра, она жаждет явления первых лучей Дня будущего века! Если бы это было возможно, то не отсрочить, а ускорить желала бы Невеста встречу с Женихом. Не с ужасом, а с трепетным волнением ждет Невеста Возлюбленного своего. А страх? Есть и страх. Ведь страшно оказаться неготовой, когда Он придет за ней...*

В этих последних словах Песни Песней слышим мы также последние взаимные приветствия души, беседующей с Богом. Этому особенно соответствует масоретский вариант этого текста.

Жених-Христос с небесных высот видит на земле Невесту Свою, благочестивую душу, искупленную, очищенную, украшенную Жениху своему, пришедшую в совершенный возраст и зрелость. **Жительница садов**, — обращается Он к ней. Ты не скитаешься более у стад товарищей, ты обрела утерянное Адамом и Евой блаженство рая, ты — вновь в саду, ты питаешься плодами Духа и цветешь ароматами добрых дел. Огненный меч херувима не возбраняет более вхождения твоего в сей чудный сад, но ограждает тебя в нем от древнего змия. **Жительница садов**, душа, возлюбленная Мною! **Товарищи Мои**, небесные бесплотные духи и умные силы внимают голосу твоему, внемлют святым молитвословиям твоим, дай и мне послушать его. Жених-Садовник приходит в свой сад, прислушиваясь к пению птиц и услаждаясь им. Так желает Бог в саду добродетелей благочестивой души услышать хвалу и молитвенное пение ее.

Беги, возлюбленный мой, — отвечает Ему и зовет Его душа. Она уже не желает быть вдали от Него. Она томится и тоскует без Него. **Беги**, скоро поспешай ко мне, **Возлюбленный мой! Будь подобен серне**, зорко зрящей тайное души моей, или молодому оленю, поражающему ядоносных гадов пороков и страстей во мне. Уподобься серне и молодому оленю, и в скором беге, ненадолго оставляя меня без Себя, навсегда поспешай ко Мне. Ты прекрасен, **Возлюбленный мой**, ты воистину подобен серне или молодому оленю! Ничто не радует уже более меня, только Твоей красоты жаждет душа моя!

Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических. Я еще в долине — Ты всегда в

* Мы не отрицаем всех ужасов антихристового царства и огненного конца этого мира, тем более Страшного Суда. Но это все для ветхого и падшего творения. Рожденное от Бога «новое творение» с надеждою и любовью ждет и желает пришествия Спасителя.

горах. Беги там, среди высоких утесов божественных непостижимых догматов и духовных совершенств, и влечи меня за Собой. **Влечи меня, мы побежим за Тобою** (1,3), я еще в долине, но в желаниях и помышлениях всегда с Тобою там, **на горах бальзамических, на горах ароматов!** Там, где нежное веяние Божественного Духа, где *аромат* добродетелей, где **бальзам** всем язвам души моей. Там беги, **Возлюбленный мой**, туда зови и меня...

«С последними взаимными приветами любви, ст. 13-14, Возлюбленные исчезают в эфирных высотах, с чем вместе замолкают и последние тоны превосходнейшей из песней — Песни Песней, этой поистине «неуловимой загадки, предложенной человеческому духу Духом Абсолютным» [70, т. II, стр. 75].

V. Святая Святых

Прочтение пятое — духовно-аскетическое

Единожды в год входит из святилища за завесу во Святая Святых первосвященник. Если святилище во дворе священников есть душа в теле церковном, то Святая Святых во святилище есть девственная душа среди душ христианских. Единожды и один входил туда — это путь монашеский (моно=один). Во Святая Святых никогда не бывает света, там всегда священный мрак. Отрекшись от мира, от сего света и всей светскости, иноки-чернецы входят в Божественный мрак, постигая непостижимое в мире этом, видя незримое в свете этом. Невеста Христова сменила белое платье и светлую прозрачную фату на черную рясу и непрозрачный клобук, погрузилась во мрак Святого Святых, дабы узреть Невидимого и возлюбить превечного. Соломон и Суламифь, Небесный Жених и его обручница — это Христос-Перводевственник и девственная душа аскета.

Так прочли Песнь Песней св. Мефодий Патарский [41], св. Амвросий Медиоланский [18] и многие девы-мученицы.

...Завершился постриг. Расходится из храма братия, только что поздравившая новопостриженного. Разошлись по домам и все присутствовавшие. Со свечой и крестом в руках один остается в ночном храме молодой инок. Он не ляжет во всю ночь, молясь Богу. Перед ним — ночь сочетания со Христом, Которому уневестилась душа его.

Это подобно тому, как после брачного торжества расходятся люди, оставляя жениха и невесту одних в брачном чертоге. Только белое платье сменилось на черную мантию,

венец — на клобук,
фата — на наметку,
кольцо — на крест и параман,
ложе — на предстояние,
праздник души — на пост.

Болящему Серафиму Саровскому явилась Пречистая Дева в окружении апостолов Петра и Иоанна Богослова и девяти дев-мучениц. Указывая на преподобного, Она сказала Иоанну Богослову: сей нашего рода.

Рода девственников.

Об этом роде пойдет речь.

1. Пролог к духовно-аскетическому прочтению книги

Песнь Песней Соломона

Девство — это не просто безбрачие, а нечто гораздо большее. Не все голодающие — постники, не все страждущие — мученики, и мало кто из безбрачных — девственники. Девство — это увещание Христу, это такая любовь ко Христу, в которой исчезает и гаснет весь остальной мир. Душа, уязвленная любовью Христовой, уже не может любить ничего и никого, кроме Него одного. А весь мир «возвращается» этой душе уже во Христе, сам же по себе не имея никакого значения. Девство — это цветок целомудрия, проросший в долине этого мира. Это воссоздание цельности и полноты, непорочности и чистоты в падшей человеческой природе. Девство — это не из области физиологии, а из области духовной жизни. Как пьяница может стяжать трезвение, как жестокосердный может обрести милосердие, так утративший девство, осквернивший чистоту свою, может стяжать чудный дар девства. Творец создал девство, а Спаситель воссоздает его. Но блаженны, «которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу» (Откр. 14,4). Чудный образ девственницы, сочетававшейся Христу, мы имеем в Суламифи, возлюбившей и сочетающейся Божественному Соломону в Песни Песней. И непогрешительно будет сказать, что песнь воспевается во святилище сочетавшимися Христу через крещение, а Песнь Песней воспевается во Святом Святых увещившимися Христу через девство. Через крещение мы омываемся от греховной скверны этого мира, обретаем новое имя; а через девство мы освобождаемся от самого этого мира, вновь об-

ретая новое имя, обретая в совершенстве любовь Божию, Самого Господа, а в нем уже и весь мир, но не прежний, от которого отказались, а новый, в пакибытии восстановленный.

Как брак начинается с таинства венчания, так и девство с некоего таинственного сочетания Христу. Мы имеем в житиях святых много чудных образов этого события. Вот как сочеталась Христу и стала девою Христовой святая великомученица Екатерина.

Святая великомученица Екатерина была дочерью правителя Александрии Египетской Конста во время правления императора Максимана (305-313 гг.). Еще будучи в язычестве, «Екатерина, как мудрая девица, твердо решила в своем сердце сохранить во всю жизнь чистоту девства и крайне не хотела замужества. Когда же родные начали усиленно уговаривать Екатерину вступить в брак, она сказала им:

— Если вы хотите, чтобы я вышла замуж, то найдите мне такого юношу, который обладал бы теми четырьмя дарованиями, которыми я, как вы знаете, превосхожу всех прочих девиц; и тогда я соглашусь избрать его в супруги. Итак, поищите повсюду, не найдете ли такого юношу, который был бы подобен мне по знатности рода, по богатству, по красоте и по мудрости; всякий же юноша, не имеющий хотя бы одного из сих дарований, недостойн меня.

После многих тщетных попыток выдать Екатерину замуж мать повела ее к своему духовному отцу, жившему в сокровенном месте за городом.

— Знаю я, — сказал он ей, — одного чудного Юношу, Который несравненно превосходит тебя во всех твоих дарованиях. Красота Его светлее солнечного света; премудрость Его управляет всеми чувственными и духовными созданиями; богатство Его сокровищ распространено по всему миру и никогда не уменьшается, но, по мере раздаяния, все более и более увеличивается; а высота Его рода неизреченна и непостижима. Во всем мире нет подобного Ему.

Внимая сим словам старца, Екатерина подумала, что он говорит ей о каком-нибудь земном князе, — она смутилась, изменилась в лице и спросила старца: правда ли все то, что он ей говорит?

Он ответил, что все это правда, и прибавил, что тот Юноша обладает еще другими большими дарованиями, которых невозможно и перечислить. Отроковица спросила его:

— Чей же сын восхваляемый тобою Юноша?

Старец ответил ей:

— Он не имеет отца на земле, но родился неизреченно и сверхъестественно от одной честнейшей родом Пресвятой и Пречистой Девы.

Екатерина спросила старца:

— Возможно ли мне видеть того Юношу, о котором ты сообщаешь так много чудесного?

Тогда старец дал ей икону Пресвятой Богородицы, держащей в своих объятиях Божественного Младенца, и сказал ей:

— Вот изображение Девы и Матери Того, о Котором я сообщил тебе так много чудесного. Возьми сие изображение к себе домой и, затворив двери комнаты твоей, с благоговением вознеси усердную молитву к сей Деве, имя Которой — Мария; умоли Ее, чтобы Она благоволила показать тебе Сына Своего.

Тогда отроковица Екатерина, взяв святую икону, возвратилась домой и ночью, уединившись в комнате своей, начала молиться так, как научил ее старец. Во время продолжительной молитвы Екатерина уснула от утомления и узрела в видении Царицу Небесную в том виде, как Она изображена была на иконе вместе со святым Младенцем, окруженным лучезарным сиянием. Екатерина не могла видеть лика Его, ибо Он отвратил его от нее и обратил его к Матери Своей. Стараясь увидеть Его, Екатерина зашла с другой стороны, но Христос и оттуда отвратил от нее лицо Свое. Сие повторилось три раза. После того Екатерина услышала, что Богоматерь сказала Сыну Своему:

— Воззри, Чадо мое, на рабу Твою Екатерину, как она прекрасна и добра.

А Богомладенец ответил Ей:

— Нет, эта отроковица весьма помрачена и так безобразна, что Я не могу смотреть на нее.

Тогда Пресвятая Богородица опять сказала Господу:

— Разве эта девица не мудрее всех философов? Разве она не превосходит своим богатством и знатностью рода всех девиц?

Но Христос отвечал ей на сие:

— Опять скажу Тебе, Матерь Моя, что эта девица безумна, бедна и худородна, и Я до тех пор не буду взирать на нее, пока она не оставит своего нечестия.

На сие Преблагословенная Матерь Господа сказала Ему:

— Молю Тебя, сладчайшее Чадо Мое, не презри создания Твоего, но вразуми ее и научи, что ей нужно делать, дабы насла-

даться славою Твоею и узреть Твое пресветлое и превожделенное Лицо, на Которое все ангелы взирать желают.

Тогда Христос отвечал:

— Пусть идет она к тому старцу, который дал ей икону, и пусть сделает то, что повелит он ей, и тогда она узрит Меня и обретет благодать предо Мною.

Увидев и услышав все сие, Екатерина пробудилась от сна и дивилась тому видению. Екатерина пошла к старцу и поведала ему о своем видении и умоляла его сказать, что ей нужно делать, дабы узреть желаемого ею Жениха-Христа.

Преподобный старец подробно научил ее всем тайнам истинной веры христианской. Екатерина уразумела вскоре все христианское учение, уверовала от всего сердца в Иисуса Христа и приняла от того же старца святое Крещение. После того старец заповедал ей снова помолиться со многим усердием к Пречистой Богородице, чтобы Она еще раз явилась ей, как в первую ночь. Итак, возродившись в крещении, Екатерина возвратилась в дом свой и всю ночь провела в слезной молитве, пребывая без пищи, пока не заснула. И вот снова видит она Царицу Небесную с Божественным Младенцем на руках. Младенец взирал на Екатерину с великою благостью и кротостью. Богоматерь спросила Сына Своего:

— Угодна ли Тебе, Сын Мой, эта девица?

Господь ответил Пречистой Матери Своей:

— Весьма угодна, ибо теперь она прекрасна и славна, а не безобразна и бесчестна, как прежде; ныне она богата и премудра, а не бедна, какою была сначала; ныне Я возлюбил ее, и так она угодна Мне, что Я хочу обручить ее себе в нетленную невесту.

Тогда Екатерина пала на землю и воскликнула:

— Недостойна я, преславный Владыко, увидеть Царствие Твое, но сподоби меня быть хотя бы с рабами Твоими.

В это время Пресвятая Богородица взяла правую руку отроковицы и сказала Сыну Своему:

— Дай ей, Чадо Мое, обручальный перстень в знак Твоего обручения с нею, увести ее Себе, дабы сподобить ее Царствия Своего.

Тогда Владыка Христос дал прекраснейший перстень Екатерине и сказал:

— Вот Я ныне избираю тебя Моею невестою, нетленную и вечную. Итак, сохрани с великим тщанием этот союз ненарушимо и отнюдь не избирай себе никакого земного жениха.

После сих слов Христа Господа видение окончилось. Отроковица пробудилась и ясно увидела на правой руке своей чудный перстень. Она почувствовала в сердце своем такое веселье и такую радость, что с того часа сердце ее предалось совершенно Божественной любви. И такая произошла в ней великая перемена, что она уже не помышляла более ни о чем земном, но только непрестанно днем и ночью размышляла о своем возлюбленном Женихе, и Его одного желала, о Нем одном поучалась наяву и во сне».

Так святая Екатерина не просто уверовала во Христа, но таинственно сочеталась Ему. Мир земной, женихи земные перестали существовать. Все ее существо и всю ее жизнь объяла любовь Христова. Перстень от Христа на правой руке вновь и вновь побуждал ее переживать слова: **Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный** (8,6).

Сочетание Христу

Влеку меня, мы побежим за тобою; — царь ввел меня в чертоги свои (1,3).

Он ввел меня в дом пира, и знамя Его надо мною — любовь (2,4).

Пойдите и посмотрите, дочери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его (3,11).

Апостол Павел говорит о приведенных им ко Христу: «Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11,2).

Сочетание Христу, уневещение Ему своей души происходит не единожды. Оно многократно возобновляется в духовной жизни. Стать невестой, сочетаться жениху — это центральное событие юности, на которое и направлены все силы, вся красота и устремления юности. Но вот псаломщик говорит: «обновляется, подобно орлу, юность твоя» (Пс. 102,5). Как орел обновляет свои перья в преклонных летах и получает новую жизненную силу, так происходит и в духовной жизни. «Обновляются перья», обновляется, подобно орлу, юность человеческой души, вновь и вновь уневещающейся и сочетающейся Христу. Мы находим семь особых сочетаний Христу.

Сочетание первое. Купель крещения. Священник спрашивает крещаемого, обратившегося от запада на восток: «Сочетаваеши ли

ся Христу?» И отвечает крещаемый: «Сочетаваюсь». Ангелы радуются и поют на небесах. Как перстнем надетым на руку невесты, запечатлевается вышедший из купели печатью дара Духа Святого, через помазание святым миром.

Сочетание второе. Евхаристия. Как в браке «будут двое в плоть едину», так, подобно сему, говорит Господь: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6,56). Это высшее и непрестанно повторяющееся сочетание Христу, это брачный чертог Небесного Жениха. Некто, впервые отслужив святой сорокоуст (служение подряд сорока литургий), сказал: это мой «медовый месяц». А святой Иоанн Кронштадтский и некоторые иные, причащаясь и служа литургию ежедневно, во все дни жизни своей, никогда и «не выходили из сего Брачного Чертога». Посему и оставил св. Иоанн Кронштадтский земной брачный чертог после венчания с невестой своей Елизаветой, что вошел в евхаристический брачный чертог своего Небесного Царя. Так и первохристиане, обрета Христа, в эсхатологическом ожидании и радовании причащались ежедневно.

Сочетание третье. Слово Божие, Священное Писание. Душа восклицает: **О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас — зелень** (1,15). А листья сей священной зелени — листья Книги Книг, святой Библии*. На этом ложе Божественных слов сочетается Христу душа. Так, бл. Иероним, отзываясь о толковании Оригена на книгу Песнь Песней, говорит, что он «объяснил эту книгу так превосходно и с таким проникновением сокровенных тайн, что даже поэтому, мне кажется, на нем исполнилось сказанное: *введе мя царь в ложницу свою* (1,3)». А святой Кирилл Философ, просветитель славян, от юности через бывшее ему видение сочетался с прекраснейшей Девицей — святой Софией Премудростью Божией.

Сочетание четвертое. Хиротония. Вновь, как и при венчании, поют: «Исаие, ликуй, дева име во чреве...» и остальные «венчальные» тропари, только водят уже в алтаре вокруг святого престола. «Венчание с престолом», или лучше, с Божественным Пастыремначальником, восседающим и пребывающим таинственно на святом престоле. Святой евхаристический Агнец — «залог» спасения в руках склонившегося над престолом новопосвященного священника. Именно после хиротонии и должно-то служить свой

* Некоторые историки считают, что книжный свиток сменился на книгу со страничными листами именно в среде первохристиан в конце I века.

первый сорокоуст, войти и пребывать в алтаре храма, чертоге Небесного Архиерея. Хиротония — это и венчание с Церковью, с вверяемой пастырю паствою. И здесь три этапа. Припадая на одно колено, приемлют первоначальную диаконскую благодать, совсем склонившись на оба колена — пресвитерскую, и, преклонившись под множество рук собора архиереев — полноту благодати епископской.

Сочетание пятое. Чертог девства, открываемый через монашеский постриг. Объятия Отча приемлют ползущего по земле в одной рубахе к сему вождеденнейшему сочетанию со Христом в целомудрии, постничестве и нищете. Облачение в одеяния невесты Христовой и воина Христова — сначала в малую схиму, а потом и в великую схиму. И снова умирание для мира, и снова новое имя, и новая жизнь. Так иноки, как невесту, возлюбившие нищету и пост, воздержание и одиночество, восходят к нетленной славе, красоте и богатству Небесного Жениха.

Сочетание шестое. Это восхождение на особый подвиг. Удаление навсегда в пустыню, заключение в затвор, восхождение на столп, утрата мирского ума юродивым о Христе и прочее — это вхождение в брачный чертог Небесного Царя-Жениха. И как после венчания, начинаются все радости и трудности супружества, так начинаются они у дерзнувшего на сей особый подвиг ради любви Христовой.

Сочетание седьмое. Мученичество. Сгорает свеча. Тепло незримо унеслось вверх. Через мученический венец, любезный и желанный уязвленому Христовой любовью, восходит душа, согретая огнем любви, от земли к небесам, в небесный чертог, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная», где Христа узрим, как Он есть (1 Ин. 3,2), где со Христом будет веселье вечное. А здесь остаются пепел и кости...

Св. Амвросий Медиоланский приводит пример, как некая дева сменила сочетание с земным женихом на сочетание с Небесным и как опасно удерживать от этого стремящихся к сему таинственному сочетанию: «На нашей памяти недавно некоторая знатная в мире девица, теперь еще более знатная у Бога, после того, как ее стали принуждать к браку родители и родственники, убежала к священному алтарю. Ведь куда же лучше и убежать деве, как не туда, где совершается священнодействие девства? И это еще не конец ее смелости. Она, жертва целомудрия, приношение непорочности, стояла у алтаря Божия: она, ис-

прашивая молитвы, то возлагала на свою голову десницу священника, то, не имея терпения переждать законный срок, она повергалась к самой важнейшей части алтаря. «Неужели лучше, говорит, меня покроет Мафортий, чем алтарь, освящающий самую покрывала. Гораздо более достойно то покрывало, на котором ежедневно посвящается глава всех — Христос. Что делаете вы, родственники? Зачем устроением брака вы все еще волнуете душу? Уже давно брак у меня приготовлен. Вы предлагаете жениха? Но я нашла лучшего (жениха). Увеличивайте, насколько будет угодно, богатства, расхваливайте знатность жениха, разглашайте об его могуществе: но я уже имею (в качестве жениха) Того, с Кем никто не может сравниться: Он богат миром, могуществен властью, славен небом. Если и вы имеете такого же (жениха), то я не отклоняю вашего выбора; если же такового не нашли, то, значит, вы, родители, не заботитесь обо мне, а ненавидите меня». Когда прочие молчали, один совершенно неожиданно сказал: «А что, если бы твой отец был жив, то позволил ли бы он тебе остаться незамужней?» Тогда она с сильным религиозным воодушевлением, но с слабой любовью к родителям отвечала: «А, может быть, для того он и помер, чтобы никто не мог поставить (мне) препятствия». Слова девицы об отце оказались предсказанием для препятствовавшего ей родственника. Он вскоре умер. Таким образом, и остальные, из которых каждый отыскивал препятствия (к принятию обета девства), все начали бояться для себя той же самой участи, а потому начали относиться к девству доброжелательно» [кн. 1, гл. 1, 65-66]. Все цитаты св. Амвросия Медиоланского приведены по книге [18].

Происхождение девства. Христос-Перводевственник

Любовь, милость, правдивость, вера и практически все остальные евангельские добродетели были и в Ветхом Завете. Новый Завет только возвышает и одухотворяет их, но не вводит как нечто совершенно новое. Один только совершенно новый дар, которого вовсе не знал древний мир, принес Христос — это дар девства, явленный миру как новая, никогда никем не виданная жемчужина. Мы часто говорим и слышим о Христе как о Господе, Спасителе, Первосвященнике, добром Пастыре, но почти никогда как о Перводевственнике. Это и ныне остается во Святом Святых за завесою. О Христе как о Перводевственнике и о про-

исхождении девства говорят святые Мефодий Патарский и Амвросий Медиоланский.

Св. Мефодий Патарский — автор книги о девстве «Пир десяти дев» [41] описывает таинственную аллегорию, в которой в Саду Нетления под высоким деревом Агносом (Агнос — агнец непорочный или целомудренник) происходит пир. Возглавляет его величественная и благообразная жена Арета (=добродетель), которая обручила Небесному Жениху десять дев: Маркеллу, Феофилу, Фалию, Феопатру, Фаллусу, Агафу, Прокиллу, Феклу, Тисиану и Домнину. После услаждения всевозможными явствами, по предложению Ареты каждая из десяти дев произносит похвальное слово девству. В каждом из этих десяти слов даются удивительные таинственные толкования различных текстов Св. Писания о девстве. Всех превзошла в слове своем Фекла. Она становится под Агносом по правую руку Ареты, а остальные девы вокруг них кругом, и начинает воспевать чудную песнь девству. Остальные девы хором подпевают ей.

Дева Прокилла строит свое слово в похвалу девству на основе книги Песнь Песней Соломона.

Св. Мефодий в слове первой девы Маркеллы показывает, как постепенно процвела и раскрылась белая лилия девства в долинах этого падшего прелюбодейного мира. «Бог попечительно оказывал помощь роду нашему соответственно времени... Пока мир еще не был наполнен людьми, то человек был как бы младенец и ему нужно было прежде размножаться, и таким образом возрасть в мужа. А когда он был населен от концев до концев своих, и человечество беспредельно распространилось, то Бог не допустил людям оставаться при прежних нравах, имея в виду, чтобы они, переходя от одного к другому, постепенно более и более приближались к небесам, пока не сделаются совершенными, достигнув величайшего и высочайшего учения — девства; именно, чтобы они сначала перешли от смешения с сестрами к вступлению в брак с посторонними женщинами (через обрезание Авраама),* потом чтобы не совокуплялись с многими подобно четвероногим животным, как бы родившиеся для совокупления (запрет на многоженство св. Мефодий относит ко временам пророческим, указывая на изречения Соломона, Иеремии и Иисуса сына Сирахова), затем чтобы они не были прелюбодейми (т.е. хранили супружеское целомудрие в сожитии с

* Вставленное в скобках написано на основании изложенного св. Мефодием в речи 1, гл. III.

единою женою. На исполнении этой заповеди, данной через Моисея, особенно настаивали позднейшие пророки, обличая всякое прелюбодейство); а потом далее (перешли бы) к целомудрию (чистоте от блудной страсти), и от целомудрия к девству (всеполюбяющей любви Христовой), в котором, научившись возвышаться над плотью, безбоязненно вступили бы в безмятежную пристань нетления» [41, речь 1, гл. II].

Девство не могло явиться в Ветхом Завете, ибо не могло явиться нетление среди подвергшихся растлению падших людей. Девство — добродетель неба, и ее не могла произрастить земля, оно и прийти должно было с неба. Об этом так говорит дева Маркелла у св. Мефодия: «И прежде всего нужно объяснить, почему из многих пророков и праведников, возвещавших и совершавших многое и прекрасное, никто не прославлял и не избрал девства? Потому что преподать это учение предоставлено было одному Господу, так как Он один, пришедши, научил человечество шествовать к Богу. Ибо первосвященнику, первопророку и первоангелу надлежало назваться и перводевственником. В древности человек еще не был совершенным, и потому еще не был в состоянии вместить совершенное — девство. Он, сотворенный по образу Божию, еще имел нужду в том, чтобы быть по подобию (Божиию). Для исполнения этого посланное в мир Слово наперед приняло наш образ, запятнанный (у нас) многими грехами, дабы мы, ради которых Оно приняло его, могли опять получить образ божественный». Итак, «Слово стало плотью» (Ин. 1,14) и явилось Перводевственником, явив любовь, чистоту и нетление. От Пречистой Девы явился Перводевственник. В прекрасном благоуханном саду целомудрия и святости Девы процвела Белая Лилия перводевства. При благовещении св. архангел Гавриил принес Деве Марии райскую лилию. Это означало, что от Нее процветет Белая Лилия Перводевственника-Христа, что Дева Мария будет райским садом, произрастившим ее. А что лилия эта принесена с Неба, еще раз указывает на то, что она не могла появиться от земли. Но произросла на земле, так как Слово от земли взяло плоть Свою, от земли пречистой девственной плоти Богородицы, как и Адамово тело было взято от девственной земли, не знавшей дождя, но только орошаемой паром (Быт. 2,5-6). Не от семени мужа, но от Духа Свята родила Дева. **Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии (6,2).** Сам, будучи Первой Лилией, Он соби-

рает в саду Своем лилии. Перводевственник собирает в саду Своей Церкви лилии девства — святых девственников.

Дева Маркелла говорит далее: «Что же Господь, истина и свет, сделал пришедши (в мир)? Он, приняв плоть, сохранил ее нерастленной — в девстве. Так и мы, если хотим быть подобными Богу и Христу, должны стараться соблюдать девство. Ибо подобие Божие состоит в воздержании от растления. (Выше св. Мефодий говорил о том, что сотворенный по образу Божию еще имел нужду в том, чтобы быть по подобию Его. То есть, если человеческая природа уже по устройству своему несет в себе образ Божий, — в первую очередь речь идет о разумной душе, то подобие Божие в первую очередь состоит в стяжании девства и нерастления. — Г.Ф.) А что вочеловечившееся Слово стало перводевственником, и первопастырем, и первопророком Церкви, это объяснил нам вдохновенный Христом Иоанн в книге Откровения, сказав: «И взглянул я, и вот Агнец стоит на горе Сион, и с ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Его и имя Отца Его написано на челах... Это суть те, которые не осквернились с женами: ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел» (Откр. 14,1-4). Притом заметьте, как велико достоинство девства перед Богом: «они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу, и в устах их нет лукавства; они непорочны, и следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел» (Откр. 14,4.5). Этим он хочет ясно внушить нам, что таким числом, то есть ста сорока четырьмя тысячами, издревле определено количество девственников, между тем, как других святых неопределенное множество. Ибо замечательно, что он прибавляет, говоря о прочих: «И взглянул я, и вот из всех языков и племен и всех народов великое множество, которого никто не мог перечислить (Откр. 7,9)» [41, р. I, гл. 5].

О происхождении девства от Христа и о невозможности его до Него и без Него размышляет также св. Амвросий Медиоланский в своем творении «О девственницах в трех книгах» [18].

Девства не было у язычников. Об этом так пишет св. Амвросий: «Во всяком случае девство у меня не имеет ничего общего с язычниками, оно не распространено у варваров и не в обычае у прочих живых существ... хотя к девству стремятся все язычники, но посвященная (дева) у них оскверняется; варвары даже преследуют девство, а прочие (народы) совсем не знают его».

Далее св. Амвросий показывает, что языческие девственницы не имеют ничего общего с истинным девством. Они не только

далеки от возвышенного христианского понятия о девстве, но и вообще нецеломудренны. Так он пишет: «Кто-нибудь мне укажет на девственниц Весты и жриц Паллады? Но что это за целомудрие — оно вызывается не нравственной настроенностью, а возрастом, оно предписывается не навсегда, а на время! И особенно легкомысленно такое целомудрие, нарушение которого блюдется до более преклонного возраста. Они сами учат, что их девы не должны и не могут навсегда оставаться девами и, таким образом, сами полагают предел девству. Но что это за религия, в которой предписывается, чтобы отроковицы были целомудренны, а старухи нецеломудренны?... А что сказать о таинствах фригийских, в которых разврат возведен на степень учения? И о если бы (только) для более слабого пола! Что (сказать) об оргиях Либеры, где возбуждение страсти является выражением религиозного таинства? И какова, поэтому, может быть жизнь жрецов там, где блудодеяние богов служит предметом почитания? Итак, нет у них святой девы». Также и известные философские школы древности, усваивавшие себе путеводительство к добродетели, не знали девства. Не знали его даже сами великие учителя их. Так, даже у Сократа было две жены.

Выше мы уже указывали, что девства не было и в ветхозаветном Израиле. На это могут возразить, указав на примеры Иисуса Навина, дочери Иеффая, пророка Илии и, наконец, Иоанна Крестителя и Пречистой Девы. На это мы ответим, что все они вовсе не указывают на наличие такой добродетели в Ветхом Завете, а скорее наоборот. Эти случаи как раз и говорят о необычности девства в те времена и что его тогда вообще не было. Так Дева Мария должна была поэтому, по достижении возраста, быть обрученной. Имеют эти случаи и свое объяснение.

Например, прп. Иоанн Лествичник пишет о бесстрастии как о воскресении души прежде всеобщего воскресения [36, сл. 29, п. 4]. Достигшие бесстрастия как бы опережают всеобщее воскресение, «не дождавшись» его. Так и эти ветхозаветные девственники достигли девства прежде его явления в мир. Иисус Навин — девственник ввел израильский народ в обетованную Святую Землю, в Ханаан. Он — прообраз Христа-Перводевятвенника и Назорея, вводящего Свой народ в Небесный Ханаан, в жизнь будущего века.

Некоторые толкователи Св. Писания считают, что судия Израилев Иеффай не совершил человеческого жертвоприношения,

ибо таковые были неугодны Богу, а посвятил свою дочь всегдашнему девству. Посвящение ее девству было равносильно жертве всесожжения (Суд. 11,31). Два месяца дочь Иеффая оплакивала с подругами девство свое, а народ так был потрясен и поражен этим событием, что вошло потом в обычай дочерей Израилевых ежегодно на четыре дня ходить в горы ее оплакивать.

Что скажем об Илии-пророке? Он — девственник. И это также необычно и загадочно в нем, как и все остальное: власть над природными стихиями, воскрешение мертвеца, умерщвление 450 пророков Вааловых, Богоявление, восшествие живым на огненной колеснице на небо.

Св. Амвросий писал: «Кто-нибудь скажет: но ведь (еще) Илия оказался совершенно непричастным к вожделениям плотского соития. Но потому-то он и был взят на небо, потому-то он и является во славе вместе с Господом, потому-то он и будет предтечей Господняго пришествия. И Мария, взявши тимпан, с девственною стыдливостию была руководительницею хора (Исх. 15,20). Но посмотрите, чей образ она тогда имела? Не образом ли церкви была эта дева, которая непорочной душой объединила религиозный сонм народа, воспевавший божественные песни? Мы читаем также, что и в храме Иерусалимском были избранные девы. Но что же говорит апостол? Все это происходило с ними, как образы, чтобы стать свидетельством будущего (1 Кор. 10,11); ибо образ заключается в немногих, а жизнь — в весьма многих» [18, кн. 1, гл. 3,12].

Эти немногие предвосхитили девство Христово до Христа, были «христианами» — девственниками до Христа-Перводевственника. А Иоанн Креститель и Пречистая Дева относятся уже, собственно, к Новому Завету, а не к Ветхому. Но у всех сих источником их девства был Христос. Бывает такое, когда не прошлое является источником для будущего, а будущее для прошлого. Это телеологическая связь явлений. Об этом так пишет св. Амвросий: «Что такое девственное целомудрие, как не чистота, непричастная греху? И кого по достоинству мы можем назвать виновником целомудрия, как не непорочного Сына Божия, плоть Которого не видела тления, а божество — не причастно греху. Итак, смотрите, каково достоинство девства. Христос — прежде девы, Христос — от девы; от Отца Он рожден прежде веков, а от девы рожден во веки. Первое — сообразно с Его природой, а второе — ради нашей пользы. То было всегда, а этого Он восхотел.

Обратите внимание и на другое достоинство девства: Христос — жених девы, и если можно так сказать: Христос — (жених) девственной чистоты, ибо девство происходит от Христа, а не Христос происходит от девства» [18, кн. 1, гл. 5,21-22].

О христианском девстве

Итак, от Христа-Перводевственника расцвел чудный цветок девства в долине этого мира, сей *цвет польный и крин удольный*, эта лилия долин. Св. Амвросий, наставляя Христову деву, говорит: «Я укажу тебе и тот цветок, который должен быть сорван; это тот цветок, который сказал: *Азъ цвет польный крин удольный. Якоже крин в тернии* (2,1-2). Это выражение служит ясным указанием на то, что добродетели окружены терниями духовных немощей; откуда никто не возьмет плода, если только не приступит к нему с благоразумной осторожностью» [кн. 1, гл. 7,43]. Приступая же без благоразумия, душа обретет не цвет девства, а терния прелести, пороков и страстей.

И далее св. Амвросий пишет, что Христос-Перводевственник «любит произрастать в садах; гуляя в них, и обрела его Сусанна (=белая лилия), готовая скорее умереть, нежели претерпеть безчестье (Дан. 17,7). А что это за сады, он сам указывает в словах: **запертый сад, сестра моя — невеста, запертый сад, запечатанный источник** (4,12);... Вот здесь-то и заключено целомудрие, огражденное духовной стеной, дабы не быть доступным похищению. Итак подобно тому, как сад, недоступный для воров, издает запах виноградной лозы, благоухает масличным деревом, блистает розами, — так и (в духовном саду девы) да произрастает вместо лозы благочестие, вместо масличного дерева — мир, вместо розы — целомудрие освященного девства» [кн. 1, гл. 8,45]. В саду девства и святых добродетелей чистых девственных душ пребывает и пасет Христос-Перводевственник, он пасет между лилиями. Об этом знает душа: **Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии** (6,2).

На пиру десяти дев у св. Мефодия Патарского дева Проклала восхваляет девство, сравнивая его с белой лилией и запечатанным садом в Песни Песней: «Это может ясно видеть всякий желающий в Песни Песней, где сам Христос, восхваляя твердо пребывающих в девстве, говорит: **Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами** (2,2), сравнивая дар девства с лилией по чистоте, благоуханию, приятности и красоте. Подлин-

но девство есть весенний цветок, нежно произрастающий на своих всегда белых листьях цвет нетления. По сему Он не стыдится открыто выражать свою любовь к цветущей красоте его. Пленила сердце мое ты, сестра моя, невеста, говорит Он далее, пленила сердце мое ты одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей. О, как прекрасна грудь твоя, и благоухание одежд твоих лучше всех ароматов! Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста, мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана! Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник (4,9-12). Такие похвалы Христос воспекает тем, которые вступили на поприще девства, изображая всех их под одним именем невесты, так как невеста должна соответствовать жениху и по названию приспособляться к нему; равно как должна быть чистою и непорочною подобно запечатанному саду, в котором растут всякие ароматы небесного благоухания, чтобы один Христос пришедши срывал их, произрасших от бестелесных семян» [41, речь 7, гл. 1].

В этом запечатленном саду, вдыхая ароматы духовных дарований и добрых дел, среди девственных душ пасет Христос. И сам запечатленный сад есть образ девы, плотью не познавшей мужа, душой отрешившейся от всякого греховного растления этого мира.

Две красоты

Две есть красоты — плоти и духа, но одну только возлюбил Небесный Жених, одна только красота пленила Христа! И это есть красота духа. А что другая красота, телесная? Не от Бога ли? Сама по себе красота телесная, конечно, от Бога-Творца, сотворившего ее. Но она тогда только приятна Богу и подлинна, если она в Боге, если она отражает пламень духовной красоты. А без последней она мертва и безжизненна, как кусок глины, или даже безобразна, если начинает отражать пламень страстей и пороков.

Об этом так говорит дева Прокилла на пире десяти дев: «Ибо ничто плотское не устаивается любви Слова, так как Оно по существу своему не услаждается ничем тленным, например, руками или лицом, или ногами (как это, например, делают многие современные искусствоведы, рассуждая об иконах! — Г.Ф.), но взирает на невещественное и духовное и им утешается, не прикасаясь к красоте телесной.

Заметьте, девы, что слова Его к невесте: **ты пленила сердце мое одним взглядом очей твоих**, относятся к зрительному оку

разума, когда внутренний, очистив его, ясно созерцает истину. Ибо всякому известно, что есть два чувства зрения: одно — душевное, а другое телесное, но не о любви своей к телесному свидетельствует Слово, а только к духовному, когда говорит: **ты пленила сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.** Это значит: ты вожденным взором мудрости твоей возбудила любовь в сердце Моем, сияя внутри светлою красотою целомудрия. Шейными ожерельями называются надеваемые на шею цепи, составленные из разнообразных и драгоценных камней. Души, заботящиеся о теле, надевают это чувственное украшение на внешнюю шею тела для обольщения зрителей, а девственные души придают себе внутри украшение, состоящее поистине из драгоценных и разнообразных камней: свободы, великодушия, мудрости, любви, мало заботясь о таких временных украшениях, которые, подобно листьям, несколько времени цветут и вместе с изменением тела увядают. Таким образом у человека оказываются два украшения, из которых к внутреннему нетленному благоволит Господь, свидетельствуя, что **сердце Его пленилось одним ожерельем на шее невесты,** как бы выражая то, что Он возлюбил сияющее светом одеяние внутреннего человека» [41, речь 7, гл. 1-2].

Мы уже отмечали, что в точном переводе речь идет не об «одном взгляде очей», а именно «об одном глазе». Один глаз и одно ожерелье (монисто) именно противопоставлено другому, не вызывающему любви Жениха-Христа, не пленяющему Его.

Об этой единой красоте девства так говорит св. Амвросий: «Конечно, истинная красота есть та, у которой нет никакого недостатка,* которая одна только достойна услышать от Господа: *Вся добра еси ближняя моя, и порока несть в тебе. Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана: прииди и прейди из начала веры, от главы Санира и Аермона, от оград львовых, от гор пардалеов*» (4,7-8).

Вот с какими качествами является совершенная и неприкосновенная девственная красота души, — та красота, которая посвящена на божественное служение, которая при нападениях и приманках со стороны духовных зверей не пленяется (ничем) тленным, но всецело остается преданной Божественным тайнам и за

* Недостаток телесной красоты попускается Господом ради стяжания смиренномудрия, осознания того, что все в мире этом тленно и проходит, а также по причине человеческой удобопреклоняемости к порокам и страстям.

все это удостаивается любви того, сосцы которого исполнены веселия: ибо «вино веселит сердце человека» [18, кн. 1, гл. 7].

Чтобы ярче предстала перед нами эта единая духовная красота девства в сравнении с красотой другой, телесной, укажем на два примера из житий святых, где в одном случае телесная красота была отвергнута, ради духовной, а в другом случае произошло нечто еще более удивительное.

Первый пример мы находим в житии св. мученика Христофора (день памяти 9 мая). Память святого Христофора весьма чтится как на востоке, так еще более на западе, особенно в Испании. Святой мученик жил в III веке и пострадал около 250 г. при императоре Декии. О нем рассказывают нечто странное и необыкновенное, что он имел песью голову и происходил из страны людоедов не то от хананеев, не то от киноцефалов. Святой Христофор (в язычестве Репрев) был человеком высокого роста, необычайной силы и имел первоначально красивую наружность. Но, желая избежать соблазнов для себя и окружающих, он упросил Господа дать ему безобразное лицо, что и исполнилось. На иконах он так и изображается с собачьей головой. После крещения Христофора и открытого исповедания им Христа император хотел заставить его отречься от Христа, подослав ему двух женщин-блудниц для соращения во грех. Но святой Христофор, наоборот, их обратил ко Христу, а сам претерпел мученическую кончину через усечение главы мечом. Так, пренебрегши красотой внешнею, и не мысленно только, как та сиропфиникиянка (Мк. 7,24-30), но и телесно, уподобился псу и через то стяжал святость и красоту небесную, неземную.

А вот иной пример, когда некто, очистившийся духовно, узрел Божию красоту там, где диавольская прелесть губила иных. Об этом говорится в житии прп. Пелагии. «Святейший архиепископ Антиохии созвал к себе по церковным нуждам из окрестных городов восемь епископов. Между ними был и святой Божий человек, мой епископ Нонн (пишет его диакон Иаков), муж предивный. Когда епископы собрались в церковь св. мученика Иулиана, то пожелали слышать от Нонна поучение и сели все при дверях церковных. Нонн тотчас стал изустно поучать на пользу и на спасение слушающим. Все благоговейно внимали святому учению его. В то время одна женщина-язычница, известная по всей Антиохии блудница, проходила мимо дверей церковных с великою гордостью, одетая в драгоценные одежды,

украшенные золотом, дорогими камнями и жемчугом, окруженная множеством девиц и юношей в красивых одеждах, с золотыми ожерельями. Она была так прекрасна лицом, что созерцанием ее красоты не могли довольно насытиться светские юноши. Проходя мимо нас, она наполнила весь воздух ароматным благоуханием. Увидев ее, идущую столь бесстыдно, с непокрытой головой и обнаженными плечами, епископы закрыли глаза и, тихо вздыхая, отвернулись, как от великого греха. А блаженный Нонн пристально и долго смотрел на нее, пока не скрылась она из глаз, и потом, обратившись к епископам, сказал:

— Разве не понравилась вам красота той женщины?

Они не отвечали. Нонн с плачем склонил голову свою и омыл слезами своими не только платок, бывший у него в руках, но и грудь. Воздыхая от глубины сердца, он снова спросил у епископов:

— Разве не усладились вы видом красоты ея?

Они молчали. Нонн сказал:

— Поистине многому я научился от нее; ибо женщину сию поставит Господь на страшном Своем суде и ею осудит нас. Как вы думаете, сколько времени она провела в своей опочивальне, моясь, одеваясь, разными способами украшая себя и осматриваясь в зеркало, всю свою мысль и попечение полагая в том, чтобы красивее всех явиться очам временных своих поклонников? А мы, имея Жениха Бессмертного на небесах, на Кого ангелы взирать желают, не заботимся об украшении окающей души нашей, оскверненной, обнаженной и исполненной срама, не стараемся омыть ее слезами покаяния и одеть красотою добродетелей, дабы явилась она благоугодной пред очами Божиими и не была посрамлена и отвержена во время брака Агнца».

Святой Христофор отказывается от красоты телесной, принимает добровольно безобразный вид, ради красоты нетленной, вечной. Святой Нонн видит красоту Божию там, где все приготовлялось для духовной гибели и разврата.

Красота тленная и красота нетленная — лишь одну из них любит Христос. Нетленная красота девства одна единая пленила собой Небесного Жениха, ее возжелал Христос!

Церковь — Дева Христова

Многое и часто говорится о Церкви как о Невесте Христовой. Подразумевается при этом, но остается как-то в тени то, что она

именно Дева Христова. Мы исповедуем, что Церковь едина и святая. Сюда-то и входит учение о ее девственности. Так св. апостол Павел говорит Коринфской церкви: «Я обручил вас Единому Мужу Христу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11,2). Церковь Христова не растлена соитием с этим миром, чужда ему, увещана Единому Мужу Христу, она девствует Христу. Об этом так пишет св. Амвросий: «Так святая церковь не осквернена соитием, но плодоносна в рождении, она — дева благодаря целомудрию, но мать благодаря потомству. Итак, нас рождает дева, исполненная не мужа, но духа. Рождает нас дева не с болезнью членов, но с радостью ангелов. Питает нас дева не телесным молоком, но тем молоком апостольским (1 Кор. 3,2), которым она еще доселе питает неокрепшее тело возрастающего народа. Итак, какая же жена имеет детей больше, нежели святая Церковь, которая есть дева по своим таинственным узам и мать для народов... Наша (дева) мужа не имеет, но имеет жениха; потому что будет ли она церковью среди народов, или душою для отдельных людей, она без всякого нарушения целомудрия вступает в брачный союз, как бы с вечным женихом — с Словом Божиим, не имущая (в себе) неправды, богатая разумом» [18, кн. 1, гл. 6,31].

Как девствующая и рождающая, как нетленно питающая, святая Церковь подобна «без истления Бога Слова рождшей» Приснодеве Марии. Как Приснодева девственно родила и питала Христа-Богомладенца, так святая Церковь рождает нетленно Христа в душах чад своих духовных, питает их нетленным молоком Слова Божия. Рождая и питая духовно христиан, святая Церковь остается нерастленной этим греховным миром.

Св. Амвросий, именуя Церковь Христову Девою, сопоставляет ее с иудейскою синагогою, в которой нет этого свойства, в которой он видит жену, вкусившую растление и грех. Толкуя слова из Песн. 1,7: **если ты не ведаешь себя, прекраснейшая из женщин**, св. Амвросий пишет далее: «И справедливо синагога называется прекрасною среди жен, а не среди дев, так как она следовала за женой Евой, чрез которую пришло падение. Церковь же прекрасна среди дев, ибо она есть непорочная дева» [18, Увещание к девству, гл. 10]. И можно добавить: и последовала за Девой (Марией).

Девство и брак

Св. Иоанн Златоуст, размышляя о девстве и браке, говорит, что имеющий золото не выбрасывает и серебра. Высота девства не слу-

жит поводом к хулению брака. Св. Церковь всегда отвергала всякое учение, порочащее брак, как еретическое. Брак освящается одним из семи таинств Церкви. Как на поле разные бывают цветы и различны их красота и аромат, но все вместе создают удивительную красоту цветочного ковра, прославляющего своего Создателя, так и на цветочной поляне духовных дарований св. Церкви, кроме белой лилии девства — прекраснейшего цветка, есть и цветы вдовства и брака. А иной и в браке восходит к целомудрию и воздержанию. Но конечная цель всему есть райское девство будущего века, когда каждый будет сочтен единому Мужу — Христу, а в Нем все соединится в единое семейство Богу.

Св. Амвросий так пишет об этом: «Я не порицаю, конечно, и супружества, но только преимущество отдаю девству. «Изнемогаю», говорит, «зеля да яст» (Рим. 14,2). Одно терплю, другому удивляюсь. «Привязался еси к жене — не ищи разрешения; отрешился ли еси жены — не ищи жены» (1 Кор. 7,27). Такова заповедь тем, кто состоит в супружестве. А что он говорит о девах? «И вдаяй браку свою деву, добре творит: и не вдаяй, лучше творит» (1 Кор. 7,38). И та не грешит, если вступит в брак; и эта, если не вступит в брак, делается вечной. Там — врачевство немощи, здесь — сила непорочности. Та не порицается, а эта восхваляется» [О девственницах, кн. 1, гл. 6]. И далее св. Амвросий подробно сопоставляет девственников и жен, показывая преимущества первых и труды и болезни, на которые обрекли себя последние.

На основании Песни Песней св. Амвросий сравнивает девство с прекрасным виноградом и запертым садом, а брак с менее приятными и благородными овощами. Толкуя слова: *вертоград заключен сестра моя, Невеста, вертоград заключен, источник запечатлен* (4,12), св. Амвросий пишет: «Пусть никто не похищает виноградника души вашей и не насаждает, (вместо него) дешевых овощей. Ведь виноградник — это как бы плоды девства, а супружество — это как бы насаждение овощей, которые часто подвергаются действию холода; и потому, как и травяные овощи, скоро отпадает и увядает, если только не положит конца ему старость, или не возвысит его до совершенства воздержание» [«Увещание к девству», гл. 5].

Святая Церковь знает чины девственников, монахов (в прошлом, возможно, и не сохранивших девства), вдовиц (хранящих после кончины супруга целомудрие) и супругов (хранящих чистоту брака). Временное воздержание на время постов и праздников возложено и на супругов. Знает Церковь и подвиг все-

гдашнего воздержания, который либо изначально, либо с некоторого времени несли супруги. Эти и есть цветы целомудрия. Неверно думают те, кто в монашестве видит путь целомудрия, а в браке — его нарушение. Сами по себе ни монашество, ни брак не есть добродетели. Добродетель есть одна, и это — целомудрие. А учрежденные чины девственников, монахов, вдовиц, супругов являются лишь различными способами и путями к стяжанию целомудрия и победы над похотями и страстями. Однако первый путь — высший и совершеннейший. Это как бы прямая линия от человека к Богу, а остальные пути уже более или менее окружающие. Как между двумя точками кратчайшее расстояние есть прямая, их соединяющая, и она только одна, так кратчайший путь от человека к Богу есть девство, и он один. Посмотрите в святцы и увидите, что именно на этом пути наибольшее число святых, и притом наиболее совершенных и великих. На остальных путях святых меньше, значит, достичь святости на них труднее, хотя и возможно. Причем, если преподобные достигали святости, в большинстве случаев, за счет своего устройства жизни, то просто праведных супругов почти нет, для достижения святости от них требовался еще какой-то внешний подвиг: или благоверные князья, или просветители, исповедники или мученики. Это не значит, конечно, что просто христианские супруги-миряне не достигали Царства Небесного, но это значит, что они не достигали совершенства в Царствии Божием.

2. Духовно-аскетические истолковательные заметки к книге Песнь Песней Соломона

Дальнейшие наши заметки расположены в порядке следования глав и стихов книги Песнь Песней. Толкование дается в основном по св. Амвросию Медиоланскому [18]. Приводятся также тексты по св. Мефодию Патарскому [14] и прп. Никите Стифату [25]. Тексты, упомянутые и толковавшиеся в предыдущих размышлениях, мы вновь уже не приводим.

Мироизлиянное имя Христово — источник и причина девства (1.2)

Имя Христово, Сам Небесный Жених столь привлекают душу, что она уже не может любить ничего в этом тварном мире, устремляясь к Нему одному.

Св. Амвросий: «Спрашивается, кто же может обнять человеческим умом ту (девственницу), которую не подчинила своим законам даже природа? Кто (сможет) естественным словом выразить то, что превыше порядка природы? Она с Неба призвала то, чему подражала на земле. И не незаслуженно прияла образ небесной жизни та, которая нашла себе жениха на небе. Прошедши облака, небо, ангелов и созвездия, она нашла Слово Божие в самом лоне Отца и всей душой прилепилась (к Нему). И кто же, в самом деле, оставит столь великое благо, коль скоро нашел его? *Миро изливанное имя Твое: сего ради отроковицы возлюбивши тя (и) привлекоша тя* (1,2). И, наконец, не мое же (личное мнение) и то, что люди, которые ни женятся, ни выходят замуж, будут как ангелы на небесах (Мф. 22,30). Итак, пусть никто не дивится тому, что сочетавающиеся с Господом ангелов приравниваются к ангелам. Кто же, следовательно, будет отрицать и (ту истину), что эта (девственная) жизнь снизошла с неба, так как мы не легко обретаем ее на земле, и только с той поры, как Бог снишел в эти члены земного тела? Тогда-то дева и зачала во чреве, Слово стало плотию, и плоть стала Богом» [«О девственниках», кн. 1, гл. 3].

Как излитое миро наполняет все вокруг своим благоуханием, так, при воплощении, превечное Слово снизошло с небес на землю «яко дождь на руно и яко капля, каплющая на землю» (Пс. 71,6), наполняя все благоуханным миром девственной чистоты и непорочности. Мироизлиянно имя Его, — а имя Его Иисус (евр. Иегошуа), что значит Ягве, или Сый спасает. Имя Перводевственника Небесного Жениха источает миро девственной чистоты, благоуханием своим восстанавливающее сей растленный мир. И душа, вдохнувшая однажды благоухание сего Божественного мира, уже не может прилепляться ни к чему не только в этом мире, но и в ином. «Прошедши облака, небо, ангелов и созвездия, она нашла Слово Божие в самом лоне Отца и всей душой прилепилась к Нему» (св. Амвросий).

Зов любви.

Не препятствуйте стремящимся к девству (1.1-3)

Превечная Любовь Божия возбуждает души, призывая их к девству, к уневещиванию Христу. Душа, услышавшая в себе сей зов, устремляется к Нему. И никто и ничто да не воспрепятствует ей войти в брачный чертог Небесного Жениха, никто да не встанет между ею и Им.

Св. Амвросий Медиоланский считал своим долгом и внутренне горел тем, чтобы призывать верных к девству Христову. Он был проводником сего призывающего зова Любви Божией. Св. Амвросий: «Мы должны возбудить любовь невесты; ибо написано: «возлюбиши Господа Бога твоего» (Втор. 6,5). Мы должны были к браку украсить, по крайней мере, волосы (своей) речи некоторою искусственностью, ибо написано: «восплещи рукою и ударь ногою» (Иез. 21,14). Мы должны были усыпать розами вечные брачные чертоги. Даже и в настоящих временных супружеских отношениях новобрачную сначала ласкают, а не проявляют над ней власти, чтобы суровые требования не озлобили ее прежде, чем разовьется в ней любовь, согретая ласками. Мы не сами изобрели это наставление, а заимствовали его. Вот какое наставление дает нам небесное учение таинственной песни: *да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко сосца твоя паче вина и воня мира твоего паче всех аромат; миро излиянное имя твое* (1,1-2). Все это прекрасное место звучит радостью, возбуждает рукоплескание, вызывает любовь. *Сего ради, говорит, отроковицы возлюбиша тя (и) привлекоша тя, в след тебе в воню мира твоего течем; введе мя царь в ложницу свою.* Начав с поцелуя, (песнь) доходит до (упоминания) *о ложнице»* [О девственницах, кн. 2, гл. 6].

Любовь Христова, ее зов, вызывает ответную любовь в человеческой душе. Всецело отдавший Себя людям, Христос вызывает желание всецелой самоотдачи Ему. В этом девство. Далее св. Амвросий отмечает, как от желания первого целования Песнь Песней восходит до введения на брачное ложе. Это восхождение души от первого прикосновения благодати Божией, от первого сердечного волнения, возбужденного любовью Христовой, к всецелому сочетанию со Христом, когда «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2,20).

Св. Амвросий считал правомерным и благочестивым привлекать людей к девству, причем с раннего возраста и даже с детства. Препятствующих же этому он осуждал, как и тех, которые препятствовали приносить детей ко Христу. Не отвергал он осмотрительности, но отдавал предпочтение и был сам движим сильным порывом к наполнению Брачного Христова Чертога девственными душами. При нем при храмах бывало по двести девственниц. Позднее в истории Церкви в этом вопросе возобладает сурово-осмотрительное отношение. Тогда же, в IV веке, сотнями, а в египетских пустынях даже тысячами, устремлялись к этому под-

вигу. А святители открыто призывали к этому. То было время первой любви (Откр. 2,4) монашества.

Св. Амвросий: «Многие говорят еще, что девиц нужно накрывать (монашеской одеждой) в более зрелом возрасте. Я же не отрицаю, что в деле посвящения должна (соблюдаться) осторожность, и девица не должна накрываться безрассудно. Священник должен поступать осмотрительно и обращать внимание на возраст, но возраст веры и стыдливости. Пусть он обратит свои взоры на зрелость скромности, найдет седовласую твердость, старческую устойчивость нравов, лета стыдливости, дух невинности — и только тогда (посвящает ее), если (при этом еще) надежна охрана со стороны матери и благоразумна заботливость окружающих. Если все это есть налицо, то, значит, у девы нет недостатка в старческих седирах; если же этого нет, то пусть девица считается еще юной, но за свои нравственные качества, а не за годы.

Итак, сравнительно молодой возраст не является препятствием (к посвящению), но при этом принимается во внимание душа (девицы)... Мы (имеются в виду препятствующие. — Г.Ф.) считаем как бы невероятным, если девицы, способные к замужеству, следуют за Христом в Царство (Его), тогда как даже дети следовали за Ним в пустыню; ведь были насыщены, как мы читаем, пятью хлебами пять тысяч человек, «кроме жен и детей», как говорит (Евангелист) (Мф. 14,21).

Итак, не возбраняйте детям приходить ко Христу, потому что и они приняли мученичество за имя Христово: «ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19,14). Господь призывает их, а ты препятствуешь им? Ведь о них сказал Господь: «не препятствуйте им приходить ко Мне». Не удерживайте молодых девиц, о которых написано: *поэтому девицы возлюбили тебя* (1,2) *и ввели тебя в дом матери своей* (8,2). Наконец, даже детей не удаляйте от Любви ко Христу; о Нем в пророческом ликовании свидетельствовали даже те, которые были заключены еще в утробе матери (Лк. 1,41)» [О девстве, гл. 7].

Черна я, но красива (1.4)

Черна есмь и добра (красива) — восклицает Суламифь-Невеста, восклицает девственная Христу душа. *Черна* плотью, отягощенную греховной страстностью и тяготеющей к суетности земной, *добра* и *красива* девственностью своей, в чистоте и непорочности устремленную к Небесному Жениху.

Об этом, размышляя о священных словах пророка Исаии: «Се Господь сидит на облаце легце» (Ис. 19,1) и Закона: «Дайте

Левию истинных его, дайте Левию жребий его» (Втор. 33,8), так пишет св. Амвросий Медиоланский: «Итак, и вы, дети мои, дайте этому истинному Левию (Христу — Г.Ф.) «истинных Его». Будьте облаками, но «облаками легкими». И вы будете ими, если только девство облегчит вас от тягостей жизни и просветит мрак сей брэнной плоти. Посему и говорит она: *черна есмь и добра, дщери Иерусалимския* (Песн. 1,4); черна плотью, добра — девством. Итак, вступившие в брак суть облака, и облака тяжелыя; я даже полагаю, что наименование брачующихся взято именно от облаков. И на самом деле, когда выходящие замуж получают покрывало, оно прикрываются им наподобие облаков. Поистине тяжелые облака — те, которые несут на себе бремя брачной жизни. Говорят, что действительно оно испытывают тяжесть во чреве, лишь только воспримут семена зачатия.

Итак, «дадите Левию истинных его». А что может быть более истинным, как не то непорочное девство, которое сохраняет печать целомудрия и дарованные природою затворы невинности? И вот, когда молодая девушка, вкусивши супружества, лишается цветка (своего девства), она уже теряет то, что составляет ее собственность, и к ней примешивается уже чуждый элемент. На самом же деле истинное состояние есть то, в котором мы рождаемся, а не то, в которое мы изменяемся; (истинно то), что мы получили от Творца, а не то, что мы восприняли от сожительства. Итак, «дадите» истинному «Левию», этому главе священства, истинному Аарону, истинному Мелхиседеку, «истинных его», тех истинных, каких он сам создал, а не тех, которых произвел обычай века сего; пусть он, таким образом, познает в вас деяние свое и ту неоскверненную и неразрушенную, дарованную вам природою, печать (девства)» [«Увещание к девству», гл. 6].

Черна есмь и добра (красива). Как черные тучи, напоенные влагою, устремляются вниз к земле, так и плоть, утучненная страстями и похотями и куплями житейскими. Но добра и красива, коль украшена девством, и, как облако легкое и светлое, плывет по небу. А истинному Левию — Христу-Первосвященнику и Перводевственнику дайте истинных Его дев, прекрасных и добрых девством своим, истинных, каковых сотворил Творец, а не черных в утрате первожданной чистоты девства и плотской порочности.

Именуя себя черной и красивой, девственная душа уже исповедует и искушения и страсти, которым она подвергается через плоть свою, и божественную доброту и красоту, которою облекает ее Небесный Жених.

Искание Христа

Скажи мне, ты, которого любит душа моя:
где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень?
к чему мне быть скиталицею
возле стад товарищей твоих? (1.6)

Душа, возлюбившая Христа паче всяческих, не желает **быть скиталицею возле стад товарищей**. Она не желает земных женихов, не желает всего того, что предлагает ей мир сей. Но где Тот, Которого любит девственная душа? Где обрести Его? Это бывает так непросто. Вот прп. Антоний Великий. Он услышал в церкви евангельский призыв Господа оставить все и следовать за Ним. И душа его возгорелась любовью и желанием обрести Христа. Он тут же буквально все исполнил. Раздав имущество, последовал в пустыню. Но где Тот, за Которым он пошел? Как томилась его душа, претерпевшая многие искушения и труды, не имея Его Самого? И когда наконец ему явился Свет, сей истинный *Полдень*, то он воскликнул: где же был Ты, Христе? Я так долго искал Тебя!

Так где же пасеши? где почитаеши в полудне? — В девственном целомудрии, в иноческом послушании, в постническом воздержании. В Христовом смирении. «Лествица», «Добролюбие» и прочие творения отцов-пустынников — вот руководства для «ориентировки» в этой пустыне, для нахождения сего Истинного Пастыря и стада Его. **В полдень** и зной искушений Он **отдыхает** в сердце сокрушенном и смиренном.

Кто-то скажет: а возможно ли и как войти в **полдень** девства, очиститься от плотской страсти и обрести там Доброго Пастыря и Жениха? И возможно, и нужно! Об этом так пишет прп. Никита Стифат: «Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того, как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною, и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огонь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; — и душа опять соделывается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, низшедше во свете и радовании неизреченном, и как на престоле славы возседши на высоте ума ея, дает мир сущим в ней силам, так говоря: «мир вам от борющихся вас страстей; мир Мой даю вам для естественного»

го вам действования, мир Мой оставляю вам для достижения преестественного совершенства». Исцелив таким образом тройственностью дарования мира троичность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Бог девственною, всю доброю, всю прекрасною, намастив ее благоуханием мира чистоты, и говорит ей: *востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя*, в деятельном любомудрии. *Яко се зима страстей прейде, дождь сластолюбивых помыслов отгиде, отгиде себе, цветы добродетелей с благоуханием помышлений явишася на земли сердца твоего. Востани, прииди ко Мне в разумном ведении естества, прииди ты, голубице Моя* сама о себе, в покров и мрак таинственного Богословия и веры, сего твердого во Мне Боге камня» (2,10-14) [25, т. V, стр. 126-127].

«Где посеши, Женише? На злачных пажитях Божественного Слова. Св. Амвросий: «Награда — в Царствии, и во Христе заключается власть ея раздаяния. Ищите этой (власти) в божественных Писаниях, где обретается Христос, и говорите так же, как говорила та (невеста): *возвести ми, егоже возлюби душа моя* (1,6)... Ты, дева, коль скоро начнешь искать Его, Он уже с тобой; и, действительно, не может быть, чтобы Он не откликнулся на зов ищущих Его, — Он, Который явился тем, которые не звали (св. Амвросий имеет здесь в виду язычников. — Г.Ф.). В то время, как ты беседуешь и размышляешь, Он уже тут — с тобой. Когда же Он придет, то сумей спросить Его, где Он пасет, где почивает, как говорила и та (невеста): *где посеши? почиваеши в полудне* (1,6). Где же пребывает Христос? Конечно, там, где блистает полдень справедливости. Это доказывается даже свидетельством Священного Писания, которое говорит: «в солнце положи селение свое» (Пс. 18,5). Посему тот же пророк говорит и в другом месте: «во Свете Твоем узрим свет» (Пс. 35,10). Свет есть Сын, Свет есть и Отец, Который является в Сыне, ибо Сын есть сияние славы Отца... и образ ипостаси Его (Евр. 1,3). Но и в своем свете ты, дева, ищи Христа, (ищи Его) в добрых размышлениях, которые да просветятся пред Отцем твоим, — Который находится на небесах» [«Увещание к девству», гл. 9].

Ответ ищущей Христа душе о том, где нет Христа и где Он есть

Та душа девственна, которая ищет не блага мира сего, а Самого Христа, Которого возлюбила. Но где же искать Его? Где Он

обретается, а где и нет Его. Об этом в чудных образах говорит нам Песнь Песней, об этом размышляет св. Амвросий Медиоланский в гл. 8 и 9 книги «О девстве».

Иисус обретается днем, ночью Его нет.

«Во свете Твоем узрим свет» (Пс. 35,10). Об этом так говорит Сам Иисус: «Не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним» (Ин. 11,9-10). А в другой раз Он говорит: «Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9,4). После этих слов Иисус исцелил слепого. В греховной тьме этого мира Господа нет. Это изображено в безуспешном ночном искании Жениха Невестой в Песни Песней.

Св. Амвросий: «Будем же следовать за Ним днем. В Церкви есть день, который видел Авраам и возрадовался (Ин. 8,56). Итак, последуем за Христом во время дня; ведь в ночное время Его не найти. **На ложе моем, сказано, ночью искала я того, кого возлюбила душа моя: искала Его, и не нашла Его; звала Его и не услышал меня** (3,1).

На площадях и на улицах Христос не обретается. По крайней мере, ни на площадях, ни на улицах не могла найти Его та, которая сказала: **Встану я, пойду по городу, по площадям и улицам, и буду искать того, которого возлюбила душа моя. Искала я его, и не нашла его; звала его, и не услышал меня** (3,2). Итак, ни в каком случае не будем искать Христа там, где Его нельзя найти. Христос — не на площади. Христос есть мир, а на площади ссоры; Христос — правда, а на площади — несправедливость; Христос — труженик, а на площади — суетная праздность; Христос — любовь, а на площади — недоброжелательство, Христос — верность, а на площади — обман и вероломство; Христос в Церкви, а на площади идола. Итак, будем избегать площади и улиц» [«О девстве», гл. 8]. Так св. Амвросий несколько неожиданно дает даже буквальное значение этого текста. На площадях и улицах этого мира Христа нет. Не надо Его там и искать. И особенно целомудренной деве, заключившей себя в спасительных стенах монастыря. Как известно, инок, кроме исключительных случаев (и то по благословению игумена) не должен выходить из монастыря.

Далее св. Амвросий говорит о том, что не только бесполезно, но даже вредно искать Христа на площадях и улицах этого мира: «В большинстве случаев бывает вредно искать (Его) там, где не

следует — искать в домах мужей, которые ложно присваивают себе имя учителей, искать притом с безстыдством и без соблюдения скромности. Итак, по примеру Церкви, будем осторожны, чтобы нам не встретить той стражи, которая обходит город. **Встретили, говорит, меня стражи, обходящие город; избили и изранили меня, сняли с меня покрывало стерегущие стены (5,7).** Не сама, дочери, не сама, говорю, Церковь получает рану, а в лице нас... Итак, будем осторожны, чтобы наше падение не сделалось раной для Церкви, и чтобы кто-нибудь не совлек с нас покрывало, то есть одежду благоразумия и символ терпения, — (то покрывало), которым отвергается пристрастие к более мягкому одеянию» [«О девстве», гл. 8]

Девственная душа сильна в Боге и во свете благочестия всегда находит Его. Оставив же свою естественную среду, оказавшись в миру, окунувшись в его злобу и суету, непременно духовно ранится и теряет покрывало своей непорочности и чистоты.

Вот и определились ночь, и площади, и улицы, где Христа нет.

Так где же тогда искать Его? Где обрешь, душа, возлюбленного своего? А смеем заметить, что душа каждого человека, настоящему может любить только Христа, ведь всякая душа по природе христианка (Тертуллиан). Ко всему же остальному призывают страсти. Так где же Возлюбленный?

Святая Песнь Песней Соломона указывает нам, где Жених. Это: горы бальзамические, расцветшая пустыня, таинственный лес и дом вина. Туда спешите, девственная душа! Он — там.

На горах бальзамических

На горах бальзамических — это значит, в тех, кто живою верою вдыхают аромат и благоухание Воскресения Христова. **На горах бальзамических** — это значит там, где Святой Дух Божий, где высота добродетелей.

Св. Амвросий: «Итак, дочери, будем искать Христа там, где Его ищет Церковь: на тех благовонных горах, которые, ради величия заслуг (своих), распространяют с высоты славных дел (своих) приятный аромат жизни. Он ведь избегает улиц, избегает площадной толпы и шума согласно тому, что написано: **Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических (8,14).** Ненавидя ползающих гадов, избегая псов и относясь неприязненно к пресмыкающимся по земле змеям (уничтожаемым оленем. — Г.Ф.), Он желает обитать толь-

ко на высоте добродетелей, желает пребывать только в таких дщерях Церкви, которые могут сказать: ведь мы — Христово благоухание Богу (2 Кор. 2,15); а для некоторых Он — запах смерти на смерть, — это по отношению к тем, которые погибают; и только для некоторых Он — запах жизни для жизни, — это для тех, конечно, которые благоухание Воскресения Господня вдыхают живую верою» [«О девстве», гл. 9].

В пустыне расцветшей

Не на площадях, не на улицах — в пустыне ищи, девственная душа, свой Цветок. Он там расцвел. Спеши туда, к пустынным...

Какое дорогое сердцу слово — «пустынь»! Оптина, Глинская... Там Цвет Христов, там, вдали от мира, в пустыне, уневешивается Христу душа.

Св. Амвросий: «А так как здесь идет речь о пустыне, то где (именно) в ней должно искать (Христа)? На место Сам Христос указывает, когда говорит: *Аз цвет полный и крин удольный. Якоже крин в тернии* (2.1). Вот то иное место, в котором обыкновенно пребывает Господь; и таковых мест даже не одно, а много. *Аз, говорит, цвет полный*; ибо Он часто посещает откровенную чистоту непорочной мысли. *И крин удольный*; и действительно, Христос — это цвет смирения: не роскоши, не удовольствий, не разнузданности, но цвет простоты, цвет смирения. *Якоже крин в тернии*. И в самом деле, разве не среди тягостных трудов и душевных печалей вырастает благоухающий цветок, так как только сокрушенное сердце умиливляет Бога? Вот, дочери, та пустыня, которая ведет в царство; эта пустыня даже цветет, как лилия, по словам Писания: «Радуйся, пустыня, и веселись, необитаемая страна, и да цветет, как крин» (Ис. 25,1)» [«О девстве», гл. 9].

В таинственном лесу

В раю Божиим плодоносило Древо Жизни. Но человек простер руки к древу иному... Не устояла дева и устыдилась своей наготы (Быт. 2-3). И стал сад* диким лесом. Но в этом диком лесу произросла Божественная Яблоня. О, девственные души, не стирайте руки к древу смертоносному. Выбирайтесь из чащи дикого леса, не ищите покоя под дикими деревьями чуждых Богу иде-

* «Рай» = сад (перс.)

алов, найдите Истинную Яблоню — Христа, и вместо «яблока преслушания» вкусите «яблоко послушания» Христова. В тени этой яблони обретете Того, Которого любит душа ваша.

Св. Амвросий утверждает: «В этой пустыне, дочери, находится то прекрасное, плодоносное дерево, которое приносит добрые плоды (Мф. 7,17) и которое начинает расширять ветви дел своих и поднимать (свою) божественную вершину. Рядом с ним деревья нашего леса кажутся кустарником; ибо *яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов* (2,3). При виде этого Церковь пусть возрадуется и возвеселится, говоря так: под сень Его восхотех и седох и плод Его сладок в гортани моей» [«О девстве», гл. 9].

В доме вина

Где Жених девственной души? В истинной Кане, в *доме вина*. Там истинный Галилеянин брачается с целомудренной Невестой. Там *дом вина* Крови Нового Завета. Там пресная вода суетных удовольствий и печалей этого мира обращена в божественное веселье любви Христовой. Шесть каменных водоносов (Ин. 2,1-11) пресной воды на пире в Кане Галилейской — суета, радости и печали мира сего, в шесть дней созданного. А Небесный Жених в *доме пира* и *доме вина* предлагает Чашу вина Своей Крови, напоая Невесту — деву Своей любовью и вечным весельем. Евхаристия и Христова любовь, вот он *дом вина*.

Св. Амвросий: «Пусть скажет Церковь: *Введите мя в дом вина, вчините ко мне любовь* (2,4). Любовь не может быть без веры; в самом деле, существуют как бы три поручителя Церкви: надежда, вера, любовь. Если надежда будет предшествовать, то явится (вместе с этим) основание для веры, положится начало любви, и Церковь укрепится» [«О девстве», гл. 9].

Туда, в Дом Божественного вина, на таинственный пир спешите, девственная душа. Там Возлюбленный твой!

Узнав о том, где обретается Жених, узнай, о, девственная душа, образ взыскания Его

В третьей и пятой главах Песни Песней, а также в некоторых текстах других глав описано ночное искание Невестой своего Жениха. В этих образах дано представление об искании девственной душой Христа, Который по немощи и греховности нашей так часто исчезает. Душа остается одна и ищет Его...

На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: «не видели ли вы того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его» (3,1-3).

Но и Жених ищет и зовет ее:

Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! 4,8

Ищут оба друг друга:

Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повея на сад мой, — и польются ароматы его! — Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладких плодов его.

Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими...

Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою». Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне марать их? Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне. Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены. Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви» (4,16-5,8).

На ложе моем в нощех исках, егоже возлюби душа моя (3,1).

Азъ сплю, а сердце мое бдит (5,2).

Ложе замужней отдано мужу, ночи девственницы посвящены Христу. «Незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу» (1 Кор. 7,34). В ночных бдениях, и даже в самом телесном сне, сердце девственницы воссылает молитвы своему Небесному Жениху. Замужняя умашает тело свое ароматами, ожидая на ложе своего мужа; девственница в молитве

каждую ночь омывает ложе свое, слезами своими омочает постель свою (Пс. 6,7).

Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего возлюбленного, который стучится: отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! (5,2)

Пастырски обращается св. Амвросий к девственной душе: «Ищи (Его) ночью, ищи на ложе твоём, ибо и ночью приходит Он и стучит в дверь твою. Ведь Он желает, чтобы ты бодрствовала в каждое мгновение, желает, чтобы дверь мысли твоей была открыта. Есть и еще дверь, которую Он желает (видеть) открытою, именно — чтобы твои уста были открыты и возглашали хвалу Господу, красоту Жениха, исповедание креста, чтобы ты, повторяя символ, воспевала псалмы на ложе своем. Итак, когда Он придет, то пусть найдет тебя бодрствующей, готовой. Пусть спит плоть твоя, но бодрствует вера; пусть спят соблазны тела, но бодрствует благоразумие сердца; пусть члены твои источают благовоние креста Христова и благовоние погребения, и сон, таким образом, не распространяет в них никакой теплоты, не возбуждает в них никаких движений. Душа, которую не возмущают никакие телесные возбуждения, сама открывает себя Христу» [«Увещание к девству», гл. 9].

Не всегда скоро приходит Жених к Невесте Своей. «Если тебе кажется, что Он медлит, то встань. Тебе кажется, что Он медлит потому, что ты не молишься; тебе кажется, что Он медлит потому, что ты не поешь псалмов. Начатки бдений твоих обреки Христу... Итак, молись, чтобы Дух Святой осенил тебя, повеял над ложем твоим и умножил благоухания святой мысли и духовной благодати. И вот Он ответит тебе: *Аз сплю, а сердце мое бдит*».

Ветер северный и южный

Для обретения Небесного Жениха необходимо всегда призывать Святого Духа Божия, ощущать Его тонкое действие, и отгонять от себя воздействие всякого недоброго духа, охлаждающего любовь ко Христу. Слово *πνεύμα* (греч.) и *ruach* (евр.) означает одновременно и «дух», и «ветер», «дуновение». Дух Божий — животворящий и согревающий виноградник души, подобен южному ветру. Ветер с севера — холодный и пагубный для виноградаря — дух злой, хладом сковывающий душу, не дающий ей цвести и плодоносить.

Об этом так пишет св. Амвросий: «Призови Святого Духа, говоря: *Востани, севере, и гряди юже, и повея в вертограде*

моем и да потекут ароматы моя (4,16). Да снидет брат мой в вертоград свой, и да яст плод овощей своих (5,1). Вертоград Слова — это состояние обновленной души, а плод заключается в плодах добродетели» [«О девстве», гл. 10]. Девственная душа «усмиряет плотские порывы (прогоняет **ветер с севера**. — Г.Ф.) своею нежною любовью и умиротворяющим размышлением. Итак, мы должны молиться и просить Бога, чтобы Он, подобно **южному** ветру, возжелал осенить (нас). Пусть Он пошлет нам дуновение небесного Слова: оно не сламывает сильным ветром плодоносных деревьев, а обыкновенно колышет их своим легким веянием и мягким дуновением» [18, «О девстве», гл. 15].

Итак, для девственной души **ветер с севера** — это, в первую очередь, плотские похоти и мирские развлечения. Ветер **южный** — молитва и любовь ко Христу.

Ночное явление Христа-Жениха

«Се, Жених грядет в полунощи, блажен раб, егоже обрящет бдяща...»

«...Душе моя, побди вжигаючи свещу твою, елеем просвещаючи: не веси бо, когда приидет к тебе глас глаголющий: се, Жених! Блюди убо, душе моя, да не воздремлеши...» (из молитвословий Полуношницы).

В полуночный час является девственной душе ее Жених Христос. В полуночном молитвенном бдении. В полуношнице души, когда усыпают все страсти греховные (азъ сплю), а молитвенно перед Богом *сердце мое бдит*. В эту святую, Богом посещаемую ночь, погружаются душа и тело при иноческом постриге, облачаясь в черные одеяния уневещивания Христу.*

Св. Амвросий: «Ты слышишь голос стучащего в дверь и говорящего: **Отвори мне, сестра моя; встань, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя** (5,2), — **возлюбленная** за сердечное расположение, **голубица** в виду кротости, **чистая** в виду добродетели, — ведь **голова моя вся покрыта росою**. — В самом деле, как небесная роса уничтожает ночную сухость, так точно роса Господа нашего Иисуса Христа источила влагу вечной жизни среди ночного и брэнного мрака. Эта-то голова, которая не могла высохнуть от жара

* Потому всякое снятие с себя этих одеяний уже выводит монаха из этой спасительной ночи, он как бы снова «вынырнул на белый свет» и нелегко ему будет вновь обрести утраченное единение со Христом.

мира сего; посему и говорится: «ибо если с зеленеющим (деревом) это делают, то что будет с сухим» (Лк. 23,31)... Теперь взгляни, и ты увидишь, какова эта роса; конечно, это не обыкновенная влага и кудри у Него из ночных росинок. Не носи, возлюбленная моя, кудрей из телесных волос (5,2); они — не украшение, а преступление.* Это внешняя прикраса, а не заповедь добродетели. У Назорея иные кудри, которых не касается железо, которых никто не обрезают; они не завиты щипцами и не расчесаны с искусством, а блистают благодаря тому, что унижены красотой множества сияющих добродетелей. Узнай из истории, что это за кудри Назорея: пока они не были острижены у Самсона, его никто не мог победить (Суд. 16,17). Но лишь только он их потерял, как лишился в то же время и награды за добродетель» [«О девстве», гл. 12].

Увлажненный ночною росой волос Жениха — орошенные живыми источниками Духа Святого добродетели. Влага образуется в прохладе ночи. Через ночную молитву Дух Божий «увлажняет» добродетели благочестивой души девственной. Убери ночь (=молитвенные ночные бдения) — исчезнет роса Духа Божия, «остриги власы» — перестань творить добродетель, и «зеленеющее древо засохнет», остриженный Самсон лишается силы, душа чахнет и погибает духовно. А потом и физически.

Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его?

Я вымыла ноги мои; как же мне марать их?

Девственная душа скинула хитон прежней греховной мирской жизни. Она уже не может и не хочет возвращаться к ней: **как же мне опять надевать его?** Только к такой душе и приходит в ночной тиши Христос. Такая душа приняла урок смирения, преподанный Христом ученикам своим, когда Он омыл их ноги. Смирившись, эта душа **вымыла ноги** свои. И в ином таинственном смысле **вымыла ноги** свои душа, оплакавшая все греховные стези, которыми ходила в мире, и омывшая **ноги**, то есть хождение души своей, во святом крещении. Она более не хочет **марать их**, ибо «блажен муж иже не идет на совет нечестивых и не стоит на пути грешных» (Пс. 1,1).

Св. Амвросий говорит, что Христос приходит «только к той душе, которая может сказать: ночью **я скинула хитон свой** (5,3). И в самом деле, в эту ночь века сего тебе прежде всего нужно

* Св. Амвросий определенно высказывается против завивки волос и косметики.

совлечь с себя одеяние телесной жизни, ибо Господь совлекается плоти своей, дабы ради тебя одержать победу над господствующими и сильными мира сего. **Как же мне (опять) надеть его?** Посмотри: что говорит душа, преданная Богу. Она настолько освободилась от плотских дел и земных обычаев, что (даже) не знает, как она может снова вернуться к ним, если бы даже и пожелала этого. **Как же мне (опять) надеть его?** то есть, с каким страхом, с каким стыдом, с каким, наконец, воспоминанием? В самом деле, навыв в добре уничтожил прежнюю привычку ко злу... Итак, раз ты **омыл ноги (свои)** струей вечного источника и очистил их святостию таинства, то берегись, чтобы она снова не запачкалась грязью телесных страстей и земными нечистотами преступных дел» [«О девстве», гл. 10].

О прикосновении Жениха (сквозь скважину)

5.4-5 Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка.

Возлюбленный протянул руку Свою сквозь скважину. Закрыта душа человеческая. **Запертый сад, запечатанный источник** — душа девственная. И вот легкое, тонкое, едва ощутимое ночное прикосновение Жениха. Оно — **сквозь скважину**, дверь не открывается. Невеста и не успевает это сделать. Она несколько помедлила, и Он уже ушел. Так бывает в духовной жизни. Душа еще не успела открыться Христу, а Он приходит к ней. Душа еще замкнута в себе, а первое, даже непонятно как происшедшее, прикосновение благодати Божией уже **взволновало внутренность**. Души, сочетавшиеся с земными женихами, не имеют этого обостренного восприятия. Отягощенные, сочетавшиеся земной суете, а то и порокам, они нуждаются в резкой встряске, даже в ударах. А у девственницы едва заметное прикосновение благодати, как бы некоего луча **сквозь скважину**, приводит ее внутренность в трепет и волнение. Блажен, кто ощутил это трепетное волнение первой любви ко Христу!

И с рук..., и с перстов мирра капала на ручки замка. От этого прикосновения Христа-Жениха девственная душа начинает духовно благоухать. **Руки** творят важные и тяжелые дела, а **персты** — малые и утонченные. С них обоих от прикосновения Жениха ка-

пает мирра, то есть и те, и другие дела начинают теперь соделываться в Духе Святом. **Капает на ручки замка** — через эти дела, в Духе Святом соделанные, благоуханием духовным исполняется клеть сердца и отверзаются **ручки замка** — душа совершенно открывается Христу, желая Его всего принять во внутренняя своя. Об этом в иной раз премудрый Соломон так говорил: «Храни заповеди... Навяжи их на персты твои, напиши их на скрижали сердца твоего» (Притч. 7,2-3).

Об этом прикосновении к девственной душе так размышляет св. Амвросий: «Хорошо, что в виду пришествия Господа волнуются внутренности. Если от пришествия ангела смутилась Мария (Лк. 1,29), то тем более мы должны смутиться от пришествия Христа! Это потому, что с пришествием Божественного плотское чувство удаляется, и навыки внешнего человека исчезают. И ты приди в трепет и поспеши...

С рук моих, говорит, капала мирра, и персты мои полные (мирры) на ручках замка (5,5). Какая же мирра капала с духовных рук, как не та, которую принес тот праведный Никодим, учитель во Израиле (Ин. 3,1), ...который принес около ста фунтов смеси мирра с алоем и вылил (ее) на тело Христа (Ин. 19,39): принес, во всяком случае, совершенный аромат веры?

Этим ароматом благоухает душа, начавшая открываться Христу, чтобы воспринять сначала аромат Господнего погребения и уверовать, что плоть Его не видела истления и не разложились, издавая зловоние смерти, но воскресла с благоухающим ароматом вечного и никогда не увядающего цветка...

Всегда было это мирро, но было у Отца, было в Отце. Оно благоухало только для ангелов и архангелов, только как бы внутри небесного сосуда. Раскрыв уста, Отец сказал: «Се дах ты в завет рода, во свет языкам, еже быти тебе во спасение даже до последних земли» (Ис. 49,6). (И вот) нисходит Сын, и все наполнилось новым благоуханием Слова. Сердце Отца изрыгнуло Слово благое (Пс. 44,2), возблагоухал Сын, повелея Святый Дух и наполнил сердца всех: ибо «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым» (Рим. 5,5)...

Ежедневно изливается это мирро, и никогда не бывает в нем недостатка. Возьми, дева, сосуд свой и приступи, чтобы можно было тебе наполниться этим мирром. Приими мирро, оцененное в триста динариев, но не купленное, а дарованное туне, так что все его получают даром. Умасти себя (им), девица, не печалься,

как Иуда (Ин. 12,5), о том, что это мирро изливается, но спогребись Христу. Закрой благоразумно сосуд твой, чтобы не вылилось мирро. Запри (его) ключом целомудрия, скромностию речи, воздержанием от тщеславия.

Имеющая это мирро приобретает Христа...» [«О девстве», гл. 11]

Под **скважиной**, или окном, можно разумать то духовное око и мысленное «окно» души, через которое в **нощи** полной отрешенности от мира является девственнице ее Жених-Христос. Девственная душа говорит устами св. Амвросия: «мы обрели Того (Христа. — Г.Ф.), Который протянул руку чрез окно твое. Что же это за окно у нас (5.4)? Это то, конечно, чрез которое мы видим дела Христовы, то есть: (наше) духовное око и наш мысленный взор. А посему, пусть войдет Христос чрез окно твое, дева, пусть Христос протянет чрез него руку Свою, пусть придет к тебе любовь Слова, а не плоти. Итак, если чрез окно твое протягивает руку Божественное Слово, то смотри: как ты должна уготовлять свои окна, смотри: как ты должна очищать (их) от всякой греховной пыли. Пусть окно девы не имеет ничего гнусного, ничего прелюбодейного. Пусть оно будет чуждо белил и прочих безделушек поддельной красоты, чуждо приманок прелюбодейной любви» [«О девстве», гл. 13].

Искание Невестой ушедшего Жениха в ночном городе.

Раны (язвы) любви

5.6-7 Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне. Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены...

Христос на время оставляет душу. Она должна искать Его. Она оставляет свой чертог, бежит в ночной город, и зовет, и ищет Его. Стражи этого города, обходящие его ночью, встретив ее, избивают ее.

Это искание в ночном городе и обретенные язвы можно понимать двояко: 1. или **город** — это мир, и тогда **стражи, обходящие** его, — это служители этого мира, которые преследуют христиан и девственниц (монахов) в особенности, нанося им раны. 2. или **город** — это Небесный град, и тогда **стражи, обходящие**

его, — это ангелы Божии, уязвляющие Христовою любовью девственную душу, ищущую Христа.

Св. Амвросий Медиоланский толкует этот текст в обоих значениях.

Первое значение. **Город** — мир, **стражи, обходящие город** — служители этого греховного мира. Св. Амвросий: «Далее, что говорит она? **Я искала Его и не находила Его; звала Его, и Он не отзывался мне.** На том основании, что Он так скоро ушел, не думай, что Ему не угодна ты, которая призывала Его, умоляла Его и принимала Его: Он часто подвергает нас искушению (имеется в виду испытание. — Г.Ф.). Вот что говорит Он в Евангелии на просьбу народа — не уходить от него. «И другим городам благовествовать я должен Слово Божие; ибо на то я послан» (Лк. 4,43). Но если даже и покажется тебе, что Он ушел, то выйди и снова ищи Его (5,7). Ты, уже посвященная Богу, не бойся этих страшных, стоящих на площади духовных стражей, не бойся тех, которые обходят город, не страшись ран, которые не могут принести вреда последователям Христовым. Даже если бы они отняли (у тебя) тело твое, то есть жизнь тела твоего, то и тогда Христос близ тебя: когда ты найдешь Его и будешь с Ним, то познай Его, чтобы Он не удалился от тебя; ибо Он скоро оставляет небрежущих (Им)... **Но едва я,** — говорит, — **отошла от них, как нашла Того, Кого возлюбила душа моя, ухватилась за Него и не отпустила Его** (3,4). Итак, чем же удерживается Христос? Не узами неправды и не петлей из веревок, а узами любви, цепями мысли и сердечным чувством связывается и удерживается Он. И ты, если желаешь удержать Христа, то ищи Его неустанно и не бойся обиды; ибо часто среди телесных мучений, и даже в самых руках гонителей, Христос обретается скорее. **Едва, говорит, я отошла от них:** и, действительно, чрез небольшой промежуток (времени), чрез несколько моментов после того, как ты освободишься от рук гонителей и не покоришься сильным мира, Христос выйдет к тебе навстречу и не попустит, чтобы ты долго искушалась» [«О девстве», гл. 12,13].

Раны и лишение имущества, которыми устрашают девственницу стражи этого мира, не удаляют от нее Христа, а, наоборот, приближают, ибо многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14,22).

Второе значение. Если сначала мы говорим о некоем внешнем искании Христа в миру и внешних, от мира получаемых, ранах, то второе значение говорит о сокровенном и внутреннем искании и язвах.

Город — Небесный Град, Небесный Иерусалим. Не в прелюбодейном мире, а во граде Божиим обретается Христос. **Стражи** — ангелы уязвляют любовью ко Христу ищущую девственную душу. Что же касается искания Христа в мире и телесного уязвления за Христа от стражей этого мира, то это значение не противоречит сему второму, а скорее является одним из его проявлений. Ибо события видимого мира отображают события невидимого мира. И когда нас бьют в этом мире, то бьющие — это вестники (ангелы) Божии, Им посланные к нам. А раны и язвы, от них обретенные, — разве это не раны и язвы любви ко Христу?

О духовном искании в Небесном Граде так размышляет св. Амвросий: «Теперь смотри, как Христос любит, когда стремится к Нему, и не любит праздных разговоров. Вот дева отперла двери свои для Слова Божия, но **Оно учило**, — говорит (Писание), — *и душа моя изыде в слово его* (5,6). *Изыде*: от мира, *изыде* от века, пребывает же во Христе. **Я искала** — говорит — **Его и не находила Его**; и Христос любит, когда Его непрестанно ищут.

Стережущие стены нашли ее. Может быть существуют еще и иные **стражи**, о которых мы больше должны ведать? Действительно, существует город, у которого ворота в стенах не заперты; о нем сказано: «Ворота его не будут запираются днем» (Откр. 21,25)... Это — город Иерусалим Небесный (Евр. 12,22); ...Но каким образом нам войти в него? В этом городе заключается жизнь и один (только) путь, который ведет к этой жизни: путь этот — Христос; посему, последуем за Христом. Но самый город — на небе... Итак, будем восходить духом, так как плоть не может войти в него. ...Узнай теперь о воротах, узнай о стражах. «Он (Город) имеет», сказано, «двенадцать ворот и на них двенадцать ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых» (Откр. 21,12). На воротах написаны имена патриархов, а на стене (имена) апостолов; ибо основание города — апостолы (там же, 14), а краеугольный камень — Христос, на Котором воздвигнуто все здание. Бог — вне, Бог — внутри, Бог — всюду; ибо говорится, город имеет славу Божию (там же, ст. 11).

Но каким образом ангелы являются теми стражами, которые снимают покрывало с чистой души (5,7)?

Итак, ищущий Христа на ложе (своем), (если только он ищет Его подобно тому, который сказал: «так я вспоминал о тебе на постели моей» (Пс. 62,7); если он ищет Его ночью, согласно сло-

вам Писания: «во время ночи воздвигните руки ваши ко святилищу» (Пс.133,2); если он ищет (Его) во граде, на площади и на улицах — во граде именно Бога нашего, вероятно, на той площади, где Он восседает как судия небесной правды, на (тех) улицах, где собрались пришедшие на трапезу Господа) — при таких условиях он и может встретить во время своего искания ангелов, охраняющих град Божий...

Но если приближаются к ангелам вследствие добрых дел, то почему же, спрашивается, получает раны тот, кто достигает (ангелов)? (Это потому что) и меч бывает благим, и раны такового меча бывают благом. Причиняет рану и Слово Божие, но Оно не приносит вреда. Бывают раны от доброго расположения, бывают раны от любви; почему и сказано (в Писании): **Я изнемогаю от ран любви** (2,5). Та, которая достигла совершенства, и изнемогает именно от ран любви...

Итак, **стражи** нашли и **изранили** ее и **сняли с нея покрывало**, то есть совлекли с нее оболочку плотских дел, чтобы она, таким образом, с открытым непорочным сердцем могла обрести Христа (конечно, никто не может увидеть Христа в одежде философа, и по вине философии она уже не может сделаться предметом чьей-либо добычи (Кол. 2,8). Хорошо, что у нее, приближающейся ко Христу, отнимается покрывало, и она, вошедши, может узреть Бога чистым сердцем: ибо «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф. 5,7)». И вот, очистив сердце, она нашла Слово, увидела Бога» [«О девстве», гл. 13-14].

**Невеста — голубица, шестьдесят цариц,
восемьдесят наложниц и девиц без числа
вокруг царя-Соломона**

6.7-8 Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа: но единственная она, голубка моя, чистая моя, единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей. Увидели ее дочери, и превознесли ее, царицы и наложницы и восхвалили ее.

Невеста-голубица, единственная и чистая у Христа (Истинного Соломона) — это святые девственницы Христовой Церкви, уневестившиеся Небесному Жениху.

Шестьдесят цариц — это древние праведники от шестидневного творения и до всемирного потопа жившие и Богу подвизавшиеся.

Восемьдесят наложниц — это пророки, жившие после потопа и ожидавшие «день осьмой» грядущего Мессии.

Девы без числа — это «малые сии», жившие духовно под руководством тех древних праведников-праотцев и пророков.

Но все они — и царицы, и наложницы, и девы увидели единственную чистую Невесту-Голубицу и превознесли и восхвалили ее. Всякая праведность и святость взирает на девство, как на высшую ступень богоугождения, как на предельное состояние благочестия и святости, за которым уже является беспредельная святость Божия.

Много святых у Господа: и «цариц», и «наложниц», и «девы», но единственная у Него голубка и подлинно чистая — это душа девственная, с которою без всякого препятствия и великим желанием духовно сочетается Он.

Об этом так рассуждает дева Прокилла на пире десяти дев, у св. Мефодия Патарского:

«Хотя много есть дочерей Церкви, но только одна есть избранный и возлюбленный в очах Ея больше всех; это — сонм девственников».

...Что такое царицы и девы, то мы скажем, что они могут относиться к тем, которые от начала в течение веков отличались праведностью, как-то: жившие прежде потопа, жившие после потопа и жившие со времени Христа. Так Невеста есть Церковь, а **царицы** — те царственные, угодившие Богу души, которые жили прежде потопа, то есть времен Авеля и Сифа и Эноха; **сожительницы** же — души живших после потопа пророков, с которыми Господь, вступая в общение как с сожительницами, прежде нежели Церковь соединилась с Ним, сеял в них истинные глаголы нетленного и чистого любомудрия, чтобы оне, зачавшу веру, родили «дух спасения» (Ис. 26,18)».

Далее дева Прокилла рассуждает о наименованиях и числах. Почему одна — **единственная и голубица**, иные **царицы** и их **шестьдесят**, далее **наложницы** и их **восемьдесят**, а потом и **девы без числа**.

1. **Шестьдесят цариц** — «те, которые от первозданного до Ноя преемственно угождали Богу, потому что они не имели нужды в предписаниях и законах для спасения, так как для них было еще недавним устройство мира в шесть дней. Они помнили, как Бог сотворил мир в шесть дней и что произошло в раю... Посему (Писание) символически и назвало шестидесятью царицами эти души, ко-

торые вскоре по сотворении мира преемственно питали любовь к Богу и были, если можно так выразиться, почти порождениями первого века и близкими к шестидневному творению... Ибо они пользовались великою честью, беседуя с ангелами и часто созерцая Бога на яву, а не во сне. Посмотрите, какое дерзновение имел пред Богом Сиф, какое Авель, какое Енос, какое Энох, какое Мафусал, какое Ной — первые любители правды и первые из «первенцев, написанных на небесах» (Евр. 12,23), наследовавшие царство».

Итак, **царицы** — как наиболее высоко и близко стоящие к Богу и числом своим (**шестьдесят**) указавшие на близость свою к шести дням творения.

2. После потопа человечество уже не стояло так высоко перед Богом. Грех и болезни умножились, время жизни весьма сократилось, общение людей с Богом перестало быть столь непосредственным. Господь говорил через избранных пророков, которые и означены как **восемьдесят наложниц**.

О них так говорит дева Прокилла: «Еще надобно сказать о сожительницах. У тех, которые жили после потопа, познание Бога было более отдаленное, и они имели нужду в другом учении, которое послужило бы им врачевством и помощью при распространявшемся идолопоклонстве. Поэтому, чтобы род человеческий не был омрачен забвением добра, Бог поручил Сыну Своему внушить пророкам будующее пришествие Свое в жизнь во плоти, во время которого возвестится радость духовного восьмого дня и ведение, доставляющее отпущение грехов и воскресение; ибо чрез него отсекаются человеческие страсти и тление (имеется в виду крещение. — Г.Ф.). Поэтому ряд пророков со времен Авраама, по важности обрезания, в котором заключается восьмеричное число и от которого зависит и закон, назван восьмидесятью сожительницами, так прежде обручения Церкви с Словом, они первые, восприявши божественныя семена, предвозвестили духовное обрезание в восьмой день».

Пророки названы «сожительницами» Христу, ибо с ними сожительствоvalo уже в те времена превечное Слово и зачинало в них пророческое ведение. Вкусив сладость Слова, они ожидали Его воплощения.

3. Далее дева Прокилла говорит и о прочих **девицах**: «Затем девицами, которым нет числа, называется множество тех, которые жили праведно под руководством высших и юношески и усердно боролись со грехом». Эти люди жили под руководством **цариц-праотцев** до потопа и **наложниц-пророков** после потопа.

4. Однако никто из них не достиг славы девственников Нового Завета, славы Церкви Христовой. Об этом так говорит Прокилла: «Но из них ни царицы, ни сожительницы, ни девицы не сравниваются с Церковью. Ибо она, совершенная и избранная преимущественно пред всеми ими, состоящая и соединенная из всех апостолов, есть невеста, превосходящая всех красотой цветущей юности и девства. Посему она и ублажается и восхваляется другими, так как она обильно видела и слышала то, чего те желали хотя бы на короткое время видеть, но не видели, и слышать, но не слышали. «Блаженны, сказал Господь ученикам, очи ваши, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали (Мф. 13,16-17). (Сравни: Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и наложницы, и — восхвалили её: Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами? — Г.Ф.). Потому пророки и ублажают Церковь и удивляются ей, что, чего они сами не сподобились слышать и видеть, того она удостоилась и сделалась причастницей. **Ибо шестьдесят цариц, и восемьдесят наложниц, и девиц без числа: но единственная она, голубка моя, чистая моя**» [41].

Ореховый сад

6.11 Тамо дам сосца моя Тебе

6.11 Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?

В райском саду были первые люди — Адам и Ева. И в нетленной, еще не оскверненной чистоте добродетели их душ были подобны чудным растениям этого сада. Но, преступившие заповедь Божию, утратившие целомудрие прародители были изгнаны из сада.

И сад опустел.

А потом его на земле и не стало.

Но Господь насадил новый сад — не земных плодов, а духовных. «Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14,17). **Зеленью** праведности покрыты его долины, то есть все дольные дела, касающиеся земного бытия. В нем **распустилась виноградная лоза**, веселящая сердце таковой души новым вином Духа Святого. **Расцвели и гранатовые яблоки** мира и взаимной любви христиан.

Так где же? В каком саду эта **зелень** праведности покрывает долины, и **распустилась** эта **виноградная лоза** духовного веселья и радости сердечной, и **цветут**, как **гранатовые яблоки**, души в любви, мире и единении?!

Всё это — в **ореховом саду** девства, насажденном Божественным Садовником (Ин. 20,15) Христом-Перводевственником. Это, кстати, единственное место в Библии, где говорится об орехах. Так и девство — единственная в своем роде, не сравнимая с другими, добродетель. Воистину, девство — **ореховый сад**. Жесткая скорлупа — прекрасен плод. Жестки, тяжки и трудны подвиги, в сердцевине которых обретается утраченное целомудрие и чистота девства. Не расколовшие этой скорлупы никогда не вкусят и этого плода. Прп. Никита Стифат пишет: «Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною, и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огонь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; — и душа опять соделывается палатою чистоты и девства» [25, т. V, стр. 126].

Но и само девство подобно **ореху**. Как жесткая, непроницаемая скорлупа ореха сокрывает в себе прекрасный и питательный плод, так и в девстве целомудренно сокрыта от мира всякая добродетель. И душа, и тело не повреждены миром, замкнуты и сокрыты. «Вся слава дочери Царя внутри» (Пс. 44,14). **Запертый сад, заключенный колодезь, запечатанный источник**, и, наконец, — **ореховый сад** — таково девство!

Св. Амвросий: «Дабы мы не ослабели совершенно, Слово Божие призывается в **ореховый сад** (6,10), где находятся плоды пророческой проповеди и благодать священства, горькая во время искушений, твердая в трудах и плодоносная в духовных подвигах. Здесь именно расцвел и ореховый жезл Ааронов, не силою своих природных свойств, но по сокровенному действию (Божества). Итак, пусть Оно (Слово. — Г.Ф.) сойдет в сад свой, чтобы собрать плоды веры, насладиться ароматами, обрести небесную пищу и вкусить сладости нашего меда, говоря так: **набрал я мирры моей с ароматами, поел хлеба моего с медом моим** (5,1)» [«О девстве», гл. 16].

Итак, в сей **ореховый сад** девства сходят и Перводевственник-Христос, и искупленные Им девственные души. И девственница, отрешаясь всякой земной любви, там, в саду девства, дерзновенно говорит Возлюбленному Жениху души своей: *Тамо дам сосца*

моя Тебе; тамо, Христе, насладишься любовью моею, тамо обоняешь ароматы благоухания моей любви. Такое происходит *тамо* — в **ореховом саду** детства.

Колесница Аминадава

6.11 Положи мя на колеснице Аминадави.

Детство ныне никому не дается просто так. Ибо подобна необузданному дикому лошаку плоть человеческая. Люто беснуется она страстями и похотями. Детство — это обуздание плоти. Св. Амвросий: «Вот почему и написано: *Положи мя на колеснице Аминадави* (6,11); ведь душа наша, пока она соединена с телом, как бы некая колесница с разъяренными конями, требует для себя управителя; а Аминадав был отцом Наасона, который, как мы читаем в книге Числ (1,7), был начальником иудейского народа. Он служит прообразом Христа, Который, как истинный начальник народа, подобно восшедшему на колесницу вознице, управляет душой праведника при помощи вожжей Слова, дабы разгоряченные кони не увлекли ее в пропасть. В самом деле, (душе) присущи четыре страсти, — это как бы четыре коня: гнев, любострастие, похоть и страх. Когда они, разъярившись, начинают увлекать её, то она совершенно не сознает сама себя: брренное тело обременяет душу и, подобно колеснице с разъяренными конями, увлекает ее против воли, яростно бросая навстречу несущимся скорбям до тех пор, пока упомянутые плотские страсти не умолкнут от воздействия Слова. ...И вот тогда-то терпеливо сносившие иго Слова, как бы за свои заслуги, приводятся, наконец, к яслям Господним, в которых пищей служит не сено, а хлеб, сходящий с небес.

У этой **колесницы** есть колеса, о которых сказал пророк: «И дух жизни был в колесах» (Иез. 1,20); это значит, что духовная колесница катится плавно и легко, без каких-либо препятствий» («О девстве», гл. 15). Имеющий Духа Божия легко преодолевает все препятствия на пути к Царствию Небесному. А такой Дух, такие «колеса» в первую очередь даются девственникам.

Стена и башня

8.9-10 Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра...

Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

Песнь Песней показывает нам путь и высоту восхождения девства. Рабская и далекая от совершенства скиталица, ищущая своего пастыря и жениха, предстает перед нами в конце Песни как **достигшая полноты** и совершенства, как **стена и башня**. В начале Песни она еще только ищет Его, в конце же входит в полноту обладания Им. Сначала она **сестра, которая еще мала, и сосцов нет у неё**, — и подруги в переживании — **что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за неё?** В конце же она величественна и в полноте красоты: **Я — стена, и сосцы у меня, как башни, потому я буду в глазах его, как достигшая полноты** (8,8.10).

Св. Амвросий: «Начав с поцелуя, (песнь) доходит до (упоминания) о *ложнице*... Та, которая забавлялась поцелуями, уже воздвигает башни; дабы огражденная драгоценными подвигами святых, как башнями, она (могла) не только сделать тщетными вражеские нападения, но и устроить безопасное место убежища для добрых заслуг» [«О девственницах», кн. II, гл. 6].

Это путь духовного совершенствования девственной души. От первого желания прикосновения ко Христу до совершенного возрастания и обладания Им. Таковые становятся **башнями** или *столпами* в Церкви Христовой. Их нетленная красота, обретенная во Христе, есть краса Церкви. Ими красуется, ликует и радуется Новый Иерусалим, Царя Христа узрев из гроба, яко Жениха, происходяща (2-я стихира Пасхи)!

3. Эпилог к духовно-аскетическому прочтению книги Песнь Песней Соломона

Песнь Песней — гимн девству, брачная песнь души, сочетающейся Христу. На земных браках воспевают песни. А девственно сочетающаяся Христу душа — воспекает Песнь Песней.

Девство — жизнь будущего века

«Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы Божии на небесах» (Мф. 22,30).

Потому девственники «земные ангелы» и «небесные человеки», что уже здесь живут жизнью будущего века, презрев век сей преходящий. Монашество — ангельский чин.

Св. Амвросий: «И к чему мне продолжать восхваление девства? Ведь непорочность (девственная) произвела даже ангелов. В самом деле, кто сохранил её, тот — ангел; кто погубил, тот — диавол.

От нея получила свое имя даже религия. Дева есть та, которая сочетается с Богом; блудница же — та, которая произвела богов. И что мне сказать о воскресении, награждение которым вы уже имеете? «В воскресении бо», говорит (Писание), «ни женятся, ни посягают, но яко ангелы на небеси суть» (Мф. 22,30). Что нам ещё только обещается, у вас, следовательно, уже имеется; нашими обетованиями вы уже наслаждаетесь. Вы от мира сего и в то же время вы пребываете вне сего мира. Мир удостоился вас иметь, но не смог (вас) удержать» [«О девственницах», кн. I, гл. 8].

Возводя на самые вершины добродетели, прп. Иоанн Лествичник на двадцать девятой ступени лестницы, прежде вхождения в состояние совершенного обожения, говорит о девственном безстрастии как о воскресении прежде всеобщего воскресения:

«Великолепие тверди суть звезды, а украшение безстрастия — добродетели; ибо безстрастие, как я думаю, не иное что есть, как сердечное небо ума, которое все коварство бесов считает за детские игрушки.

Итак, истинно безстрастным называется и есть тот, кто тело свое сделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари, все же чувства покорил уму, а душу свою представил лицу Господню, всегда простираясь к Нему, даже и выше сил своих.

Некоторые говорят ещё, что безстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела; а другие, что есть совершенное познание Бога, какое мы можем иметь после ангелов...

И чистоту называют безстрастием, да и справедливо: ибо чистота есть начало общего воскресения и нетление тленных» [36, слово 29].

Итак, девство есть жизнь будущего века, к которой ведет безстрастие. Борьба с плотской страстью ведет к полному лишению общения иноков с другим полом. Это оговаривается многими правилами иноческого жития. Например: «Монах аще идет с женою поприще едино, да отлучится дний седмь», или «Монах аще лобжет жену, или отроча, имать запрещение, дний 40 да не причастится: ибо ни на святое воскресение Господне достоин монаху лобызати, ниже свою мать» [Номоканон в Большом Требнике, прав. 100 и 101]. Даже молитва о тех, к кому была юношеская привязанность, возбранялась новоначальным инокам. На святую гору Афонскую вообще не ступает женская нога. А правило 17-е Никифора Цареградского даже повелевает монаху покинуть монастырь «аще есть путь женам» в него. Но венчается аскетический подвиг не исчезновением пола, а его совершенным освящением. Девственники — не бесполое скопцы, а освя-

щенные мужи и жены. После двадцать девятой ступени бесстрастия у прп. Иоанна Лествичника следует тридцатая — вера, надежда и любовь, а любовь — большая из них. Безстрастие есть та **долина**, на которой процвела **лилия** чистой, божественной, девственной любви (2,1). Любовь Христова в девственной душе делает её способной любить и всякую тварь. И мы встречаемся с удивительным явлением, когда святые старцы в бесстрастии своем проявляли дивную Христову любовь к девам Христовым. Так, священник Павел Флоренский обращает внимание на то, что многие духовные старцы на вершине своего подвига и умерщвления страстей строят женские монастыри. Достаточно назвать хотя бы имена прп. Серафима Саровского, старцев Амвросия Оптинского и Варнавы Гефсиманского. Что касается прп. Серафима, то непогрешительно будет даже сказать, что Саровской пустыни принадлежат его подвиги по умерщвлению плоти, а в духовной своей славе он принадлежит Дивеевской женской обители, с которой связаны многие его пророчиания, которую он любил своей чистой девственной душой и в которой мощами своими ныне пребывает.

Отец Павел Флоренский проводит также интересное сопоставление писем св. Иоанна Златоуста к праведной диакониссе Олимпиаде и к другим духовным лицам. Взяв 17 писем к Олимпиаде и сопоставив их с семнадцатью письмами к другим лицам, он находит, что, письмо к Олимпиаде, в среднем, в 8 раз длиннее письма к иным лицам. Обвинения противников Златоуста в его нечистой привязанности к Олимпиаде нелепы, но это число восемь подтверждает свидетельство жития св. Иоанна Златоуста, где говорится, что он «любил Олимпиаду духовною любовью, как некогда св. апостол Павел Персиду, о которой пишет: «Целуйте Персиду, возлюбленную, которая много трудилась о Господе». Олимпиада же святая сотворила не менее Персиды. Когда же Иоанн был изгоняем неповинный со своего престола, блаженная Олимпиада с прочими честными диакониссами плакала о том много» [87, стр. 750-751].

Эта чистая, святая, девственная любовь святых воистину являет сему миру жизнь будущего века.

Девство побеждает злобу и нечистоту этого мира

Всё в этом мире поражается тлением. Никому не подвластные тираны и владыки подвластны тлению. Но в этом мире процвел

Нарцисс Саронский — Христос-Перводевственник. И между терниями явилась чистая лилия (2,1-2) девства. Нетленное среди тленного. И злобные силы, не знавшие преград, оказались поражены. Что беззащитнее хрупкого цветка?... Но благоухание цветка усмирило ярость хищных.

В первохристианских катакомбах находятся взятые из античной мифологии изображения Орфея, игрой на лире чарующего окружающих его диких зверей и птиц. Этот символ встречается и в писаниях древних авторов, начиная с Климента Александрийского. Как Орфей укрощал своей лирой диких зверей, очаровывал горы и деревья, так Христос-Перводевственник привлекает людей через свое божественное Слово и даже покоряет стихии. Такова сила девства, побеждающая зло.

Вот пример из жизни св. первомученицы Феклы, ученицы св. апостола Павла, того, как девство победило львов.

«Фекла, которая, уклоняясь от брачных уз, после того как по злобе жениха была осуждена на смерть, достопочтенностью девства изменила даже природу зверей. Именно она, уже готовая идти на растерзание зверей, всё еще уклонялась от взоров мужчин и в то же время предоставила самые жизненные части тела свирепому льву, — и этим произвела то, что даже смотревшие на нее наглыми взорами, со стыдом отвернулись.

Нужно видеть, как зверь лежал на земле и лизал ноги девы, безмолвно свидетельствуя о том, что он не может причинить вреда ее непорочному телу. Даже зверь преклонился перед своей жертвой и, забыв свою природу, облекся в ту природу, которую потеряли люди! Смотри: в то время как люди как бы через некую перемену природы сделались зверями, звери властвуют над своею свирепостью, — и этот зверь, целующий ноги девы, учит нас тому, что должны (делать) люди. Столь обаятельна девственность, что даже львы удивляются ей! При всем чувстве голода — их, однако, не прельстила пища, несмотря на возбуждения — ими не овладела ярость... Преклоняясь пред мученицей, они учили вере, они учили даже целомудрию, так как лобызали у девы не что иное, как только подошвы ног, потупивши при этом глаза в землю, как бы стыдясь, чтобы какой-либо самец, хотя и зверь, не увидел обнаженной девы» [18, кн. 2, гл. 3].

Иной, потрясающий пример того, как девство победило зло и даже превратило его в величайшее добро, приводит св. Амвросий Медиоланский. Текст приводим в некотором сокращении.

«Была недавно в Антиохии одна девица, проводившая уединенную жизнь. Но чем более она скрывалась от глаз мужчин, тем более воспламеняла их... В виду этого непорочная дева, чтобы страсти более не питались надеждою овладеть ею, дала обет ненарушимого девства...

Вот начинается гонение. Девица, чуждая мысли о бегстве, и, конечно, под влиянием опасения, что она не может остановить замыслы посягающих на ее невинность, приготовила свою душу к подвигу. Наступил день (получения) венца. Велико всеобщее ожидание. Выводится девица, давшая обет двойного подвига — и целомудрия, и веры. Но когда увидели твердость ее исповедания, страх за девство, готовность на пытки, стыдливый румянец от (посторонних) взглядов, то начали придумывать, нельзя ли как воспользоваться невинностью ея, чтобы заставить ее отречься от веры. Они присуждают: или принести деву в жертву богам, или выставить ее на продажу в публичном доме... *

И тут девица не поколебалась в вере, но, страшась позора, сама с собой (говорила): «Гораздо лучше, если дева сохранит душу, чем тело. Конечно, хорошо сохранить то и другое, если бы это было возможно; если же нельзя, то, по крайней мере, будем чистыми если не перед людьми, то перед Богом. И Юдифь украсила себя для того, чтобы понравиться прелюбодею (Юд. гл. 9); но так как она сделала это из религиозных побуждений, а не по любви, то никто и не считал ее блудницей. Итак, подкрепившись подобными примерами и вместе с тем держа в мыслях слова Господа, где говорится: «иже погубит душу (=жизнь) свою Мене ради, обрящет ю» (Мф. 10,39), она плакала, (потом) смолкла, чтобы прелюбодей не мог слышать хоть слов ея: она не примирилась с мыслью о позоре, но не хотела отречься и от Христа.

...Божья дева ведется в публичный дом. При воротах (непотребного дома) происходит огромное стечение развратных людей. Запирается голубка внутри (дома), а хищные птицы шумят снаружи: каждый спорит, кому первому напасть на добычу. А она, простерши руки к небу, — как будто бы пришла в молитвенный дом, а не в дом сладострастия, — (молясь), говорила так: «Христос, укротивший свирепых львов пред девственным Даниилом (Дан. 14,39), Ты можешь также укротить и свирепыя души людей... Отсохла десница, которая осквернила дары Твоего храма

* Бесовская уловка — ей предлагается или сохранить веру и потерять девство, или сохранить девство, но потерять веру.

(3 Цар. 13,4); ныне же посягают на самый Твой храм; не попусти святотатственного блудодеяния Ты, Который не потерпел воровства! Да будет благословенно имя Твое и ныне! Пусть я, пришедшая сюда на прелюбодеяние, выйду девой». (Вот он, Орфей, играющий на лире перед хищными львами! — Г.Ф.)

Едва окончила она молитву, как ворвался страшный на вид муж-воин. Можно себе представить, как дева затрепетала перед ним, перед которым со страхом уступал народ? Однако она не оставила своих молений:

«И Даниил, продолжала она, пришел с намерением посмотреть на казнь Сусанны; и вот он один оправдал ту, которую осудил целый народ (Дан. 13,45 и далее). Овца может скрыться и в этом обиталище волка. Имеет Своих воинов и Христос, Который имеет их даже легионы (Мф. 26,53). Или, может быть, это вошел убийца? Но, не страшись, душа: таковой обычно производит мучеников. О, дева, вера твоя спасла тебя!»

Ей (отвечает) воин:

«Не бойся, сестра, прошу тебя. Я пришел сюда, как брат, спасти душу, а не погубить (ее). Спаси же меня, чтобы и тебе самой спастись. Как прелюбодей, я вошел сюда, и, если желаешь, то выйду мучеником. Переменимся одеждами; мне подходят твои, а тебе мои, но и те и другие — для Христа. Твое платье сделает меня истинным воином, а мое тебя — девой. Возьми одежду, которая скроет в тебе женщину, (а мне) предай (свое платье), которое посвятит меня в мученики. Когда выйдешь невредимо, то не оглядывайся: помни жену Лота, которая утратила свою природу, так как посмотрела назад на нечестивых, хотя и невинными глазами (Быт. 19,26).

Вот теперь овца и волк не только пасутся вместе (Ис. 65,25), но даже (вместе) приносятся в жертву. Чего же больше? Изменивши свой наружный вид, вылетает дева из силка — уже не на своих крыльях, но подобно той, которая была носима на (крыльях) духовных, и, — чего еще ни один век никогда не видел, — выходит из публичного дома девой, но девой Христовой.

А те, которые смотрели глазами, и не видели, рыкали, как хищники на агницу, как волки на добычу. И вот один, более нескромный, вошел. Но когда увидел, в чем дело, то сказал: «Что же это значит? Вошла дева, а оказывается мужчина. А я ведь слышал и не верил тому, что Христос претворил воду в вино (Ин. 2,9); теперь же Он начал изменять и пол. Поспешу отсюда обратно, пока я остаюсь ещё таким, каков я есть...»

Когда дело выяснилось, то был осужден вместо девы тот, кто был схвачен вместо нее, ибо таковое именно воздаяние и нужно было победителю. Таким образом, из дома разврата выходит — не только дева, но и мученик.

Говорят, что девица прибежала на место казни, и оба начали спорить друг с другом относительно казни; но тот говорил: «Меня приказали убить; тебя же приговор оправдал, коль скоро меня арестовали». Но она начала кричать: «Я тебя не избирала поручителем за свою смерть, но я желала только поручителя своей невинности. Я отвергла позор, но не мученичество. Я уступила тебе одежду, но не изменила своего исповедничества. Если же ты отнимаешь у меня смерть, то ты, тогда, не выкупил меня, а обманул».

Что же думаете? Состязались двое — и оба они остались победителями: (мученический) венок не был разделен, но к одному был прибавлен еще другой» [18, «О девственницах», кн. II, гл. 4].

Так воистину «лира Орфея» обращает волков в агнцев, и оба вместе приносятся в чистую жертву Богу. Девство укрощает прелюбодея и соделывает его мучеником, а само сохраняется для того лишь, чтобы тут же и быть принесенным в жертвенный дар Небесному Жениху Христу.

Смерть побеждается девством

8.6-7 Ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее.

Когда святая дева была перед выбором сохранения веры или девства, она избрала первое, а Господь даровал ей и второе.

Но ситуация может быть и иной. Деве Христовой может угрожать насилие, которого она никак избежать не может. Претерпев насилие от человека, утрачивает ли она свою честь и девство перед Богом? Не оказывается ли она беспомощной и невольной в соблюдении своих обетов? Неужели есть такие «воды», которые могут «потушить любовь» Христову и залить ее?.. Нет! **Крепка, как смерть, любовь и большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют её!** Насильник — это «убивающий тело, души же не могущий убить» (Мф. 20,28). Повреждая девственное тело, он не повреждает девственной души, но соделывает её еще и мученицей-страстотерпицей. Осквернение не от тела, а от страсти, «ибо из сердца исходят злые помыслы,... прелюбодеяния, любодеяния» (Мф. 15,19), а не от тела.

Вот пример из описания страданий святого мученика Юлиана (пострадал при Диоклетиане в начале IV века, память 12 сентября). Правитель Галатийской области Антонин, тщетно пытаясь склонить святого Юлиана к идольскому жертвоприношению, прибегает к коварному способу. «Антонин приказал привести его мать и, гневно взглянув на нее, сказал ей: — «Уговори своего злого сына принести фимиам богине; если же ты не сделаешь того, я предам твое тело на поругание». Доблестная мать святого мученика ответила на это игемону: «Если против воли моей осквернят мне тело, то не только не сочтется мне, но будет для меня залогом вечной славы и блаженного воздаяния». Игемон, посрамленный сими словами старицы, велел отпустить ее...» [26].

Во дни гонений на Церковь после революции в России под Красноярском большевики убили священника отца Михаила Каргаполова и решили поиздеваться над его малой дочерью. Тогда матушка, заслонив ее собой, воскликнула: «Делайте со мною, что хотите, только оставьте ее!..»

Но были случаи и противоположно другие. В этом «парадокс» святости. Во времена суровых посещений Божиих, во времена, когда все силы адовы восстают против Создателя и против благочестия, тогда иные святые девы и жены, спасая девство свое и честь, избирали смерть, и даже (кто может сие вместить!) смерть не насильственную, а вольную. Не погрешали ли они грехом самоубийства? Не послужат ли этим ко смущению и соблазнительному примеру? Воистину, есть в деяниях и учении святых «нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращают» (2 Пет. 3,16), — как говорил апостол Петр об апостоле Павле. Есть в их житиях нечто, чему прп. Иоанн Лествичник даже возбраняет подражать. Есть у них нечто, что не служит «правилом веры», а порою «правилом веры» даже возбраняется, у тех святых это было нечто выходящее из пределов обычного. Это и есть огненный порыв любви ко Христу, любви, которая **крепка, как смерть; люта, как преисподняя, стрелы которой — стрелы огненные**. Эту их любовь **большие воды не могут потушить, и реки не зальют её**. Ради этой любви они «безумствовали» в глазах сего мира и совершали нечто, переступая, возможно, и грани дозволенного... Эти их деяния не проповедуются в Церкви ради подражания им, но хранятся ею в сокровищнице своей.

Вот два примера, один — святой девы, другой — святой жены.

Святая мученица дева Пелагия из Антиохии, сестры и мать ее († 303 г., память совершается 8 октября).

Мы предлагаем изложение ее истории по св. Амвросию Медиоланскому в некотором сокращении:

«Как же нужно думать о поступках тех (дев), которые, чтобы не попасть в руки преследователей, бросались со скалы, или кидались в воду; между тем как Божественное Писание запрещает христианке причинять себе насилие. Но именно по отношению к девственницам мы находим в постановлениях ясный и утвердительный ответ в приложении к случаям (крайней) необходимости самоохраны. Существует и пример (подобного) мученичества.

В Антиохии была некогда святая Пелагия,* в возрасте около пятнадцати лет, сестра девственников и сама девственница. В первый момент гонения она оставалась запертой дома, и, когда увидела, что её окружили расхитители веры и невинности, и что, благодаря отсутствию матери и сестер, она лишена (всякой) помощи, — она, преисполненная любви к Богу, сказала: «что делать мне, пленнице девства, если только Ты не призиришь на меня? Вот, с одной стороны, — обет девства, а с другой — опасность умереть, потому что ведь смерти не избудешь, и она будет принята мною). Я умру, если будет угодно (гонителям); даже если они не пожелают подвергнуть меня смерти, — все равно я умру. Ведь Бог средством (смерти) не гнушается, а вера ослабляет преступление. В самом деле, бросившись стремглав, я могу разрушить святотатственные жертвенники и погасить кровью курящиеся алтари.

Говорят, что Пелагия украсила голову, надела брачную одежду: и (можно было сказать), что она идет не на смерть, но к жениху».**

«Но вот, когда гнусные гонители увидели, что целомудренная жертва скрылась от них, они начали разыскивать мать и сестер ее. А оне духовным полетом (своим) уже стяжали было себе поле целомудрия, как вдруг здесь, благодаря угрозам со стороны преследователей, а там, вследствие препятствий со стороны бушующего потока, были лишены возможности спастись бегством: оне оказались пойманными для мученического венца. «Чего же мы боимся?» говорят тогда оне: «Вот вода: кто же нам препятствует

* Св. Пелагия была ученицей священномученика Лукиана, пресвитера Антиохийского.

** Как кратко отмечает свт. Димитрий Ростовский, она «бросилась с верху дома и предала дух свой Богу».

креститься (Деян. 8,36)? И это есть то крещение, чрез которое нам прощаются грехи и приобретается царство. Это есть то крещение, после которого уже никто не согрешает. Пусть нас возьмет вода, которая обыкновенно возрождает; пусть нас возьмет вода, которая соделывает девственниц. Пусть нас возьмет вода, которая открывает небо, укрепляет слабых, избавляет от смерти и соделывает мучеников. Мы молим Тебя, Боже, Создатель мира, чтобы бездушные тела не разъединяла даже волна, чтобы смерть не разделила трупов тех, которые при жизни соединяла любовь; но пусть будет одна жизнь, одна смерть и даже одно погребение».

Так сказали оне; и приподняв немного концы платья и опоясавшись, чтобы тем прикрыть невинность и устранить препятствие во время ходьбы, схватившись затем друг другу за руки, как бы играя хороводом, оне устремляются на средину реки. Оне направляются туда, где волны особенно стремительны, где глубина недосыгаема. Ни одна (из них) не отступила ни на шаг, ни одна не замедлила движение, ни одна не задумывалась, куда ей направиться; оне были печальны, когда встречали твердую почву, негодовали на мелкие места и радовались глубине. И вот как благочестивая мать, скрестивши руки, радовалась за детей и боялась, как бы течение не вынесло к ней ее дочерей. «Тебе, Христос, говорила она, я приношу в жертву этих жриц целомудрия, путеводителей и последователей страданий»!

...крепка как смерть любовь... Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее.

«Но кто же будет удивляться такой твердости их во время жизни, когда даже после смерти оне сохранили неизменным положение своих тел? Волна не обнажила трупов, и быстрое течение реки не перевернуло их. А что касается святой матери, то хотя она и была лишена чувств, но однако еще сохраняла благочестивые объятия: она даже мертвая не переменила того благоговейного положения рук, какое она придала им. Таким образом, исполнивши долг веры, она умерла наследницей благочестивой любви. Ибо она до самой могилы не изменила тем, которых приготовила к мученическому венцу» [«О девственницах», кн. II, гл. 7].

Вот так святые девы и благочестивая мать их сочетались Христу.

А вот пример праведной жены-княгини и её благочестивого семейства. Это уже пример из нашей отечественной истории времен нашествия на Русь монголо-татар. Не будучи канонизирован-

ной в лике святых Церковью, она, однако, пользуется местным почитанием на рязанской земле, да и вообще в России, как праведница, целомудренная и честная любовь которой была крепка, как смерть.

**Праведная Евпраксия, княгиня Рязанская, сын ее Иоанн,
и муж — благоверный князь Феодор Юрьевич**

Вот повествование древней летописи «Повести о разорении Рязани Батыем».

«В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке Воронеже близ земли Рязанской. ...И послал (великий князь Юрий Ингваревич Рязанский. — Г.Ф.) сына своего князя Феодора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Феодор Юрьевич на реку Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился — грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Феодора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Феодору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены своей». Благоверный же князь Феодор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Феодора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Феодора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, ... И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Феодора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Феодоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти».

Так не отдал князь своей княгини на поругание.

Так не отдалась княгиня на поругание поганым.

Ибо крепка, как смерть, любовь... Большие воды нечестивых полчищ сластолюбцев Батыевых не могут потушить любви, и реки крови, пролитой захватчиками, не зальют ее. Нечестивые агаряне, не овладев рязанскими женами и дочерьями, пронеслись как смерч над городом. После битвы никто никого не хоронил. Ибо в Рязани мертвы были все.

Прошло время.

«И принесли тело блаженного князя Феодора Юрьевича в область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и положили его, и его благоверную княгиню Евпраксию-царевну, и сына их Ивана Феодоровича, в едином месте, и поставили над ними кресты каменные. И зовется с тех пор великий чудотворец Никола Заразский по той причине, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном князем Иваном сама себя заразила (расшиблась до смерти)» [67].

Произошло это в городе Красном, что недалеко от Рязани. Только с тех пор он стал называться Зарайск, ибо в нем молодая княгиня разбилась, («заразилась») насмерть.

В Зарайске-городе в старинные года
Смерть приняла ты на покрове снежном,
Под башнею была погребена тогда
С супругом Федором, с Иваном, сыном нежным.

Зимой морозною ворвалась орда,
И пламя деревень взвилось столбом мятежным.
Как черная пурга, нагрянула беда.
И разоренный край простором стал безбрежным.

На похоть и позор жестокому монголу
Тогда не отдалась ты, верная жена,
С узорной лестницы низринулася долу
И памятью веков теперь окружена.

Три каменных креста я помню над могилой,
И в сердце я ношу твой горький образ милый.

Павел Радимов,
«Княгиня Евпраксия»

Эти три креста свидетельствуют в веках о высокой любви, чести и верности. Таковы уневещенные Христу души! Ведь и брак освящается во образ Христа и Церкви (Еф. 5,22.25.32). — «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу». И верность мужу есть верность Самому Господу. Любовь и верность. Любовь, которая **крепка, как смерть**, и верность, и святая ревность, которая **люта, как преисподняя!**

Песнь дев Христовых Жениху

Песнь Песней — это Песнь, которую воспевают девственные души Жениху своему небесному — Христу.

И мы, благоговейный читатель, постарались от изречений святых отцов сложить святую песнь девству. Девство — это святая святых христианской Церкви и души христианской. Только девственная, Христа возлюбившая душа и может воспеть Песнь Песней своему Господу. Много есть христианских добродетелей, и каждая из них звучит как Песнь. Но только одна из них — святое девство Христово как лучший дар Богу воспекает не Песнь, а — Песней Песнь!

Св. Мефодий Патарский, завершив описание пира десяти дев, в котором каждая по-своему воспела девство, под конец рисует чудную картину их совместной Песни Христу-Жениху.

«Сказав это, Арета (=добродетель. — Г.Ф.) приказала всем встать, и вместе под агносом (растение «целомудренник», «агнец непорочный». — Г.Ф.) благоговейно воспеть Господу благодарственную песнь, а начинать и предшествовать — Фекле (как превосшедшей других в своей хвале девству. — Г.Ф.). Итак, когда все встали, то Фекла, ставши посреди дев и по правую сторону Ареты, начала стройно петь; а прочия, ставши кругом, как бы в виде хора, подпевали ей.

Припев (Υπαχοή)*

Для тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я (Мф.25,7).

Песнь (Ψαλμός)

* Предлагаемая песнь, состоящая из 24 строф с отдельным припевом, имеет алфавитный акростих из 24 букв греческого алфавита.

Свыше, девы, раздался звук голоса, воскрешающий мертвых, призывающий всех встретить Жениха в белых одеждах и со светильниками на востоке. — Встаньте, пока Царь не вошел внутрь за двери.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Удалившись от многоплачевного счастья смертных, удовольствий приятной жизни и любви, я желаю укрыться в Твоих живоносных объятиях и непрестанно созерцать Твою красоту, Блаженный.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Оставив смертное брачное ложе и дорогой дом, к Тебе, Царь, я пришла в чистых одеждах, чтобы и мне вместе с Тобою войти внутрь всеблаженного чертога.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Избежав безчисленных обольстительных козней змия, так же пламени огня и смертоносных нападений других зверей, Тебя, Блаженный, я ожидаю с небес.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Забыла я отечество (Пс. 44,11), ища Твоей благодати, забыла хоры сверстниц-дев, и гордости матери и родных: ибо Ты Сам, Христе, всё для меня.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Ты — Податель жизни, Христе; радуйся, Свет незаходимый; прими сей возглас: хор дев взывает к Тебе, совершенный Цвет, Любовь, Радость, Разум, Премудрость, Слово.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Отверстыми дверями прими и меня в чертог, светоносная Царица, непорочная, прекрасная, Невеста, дышащая красотой; и мы предстанем Христу, прославляя брак твой, всеблаженная Отроковица.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Горько плачут теперь жалкия девы вне дверей и горестно зывают, что, погасив свет светильников, не успели войти в сокровищницу радостей (Мф. 25,11).

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Уклонившись от священного пути, оне несчастныя не позаботились приобрести больше елєя для путей жизни, но, неся не горевший светлым пламенем светильники, стенают во глубине души.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Чаши, наполненные сладким нектаром, предложены; будем пить, девы; это небесное питье, которое Жених предложил достойно призванным на брак.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Авель, ясно прообразуя смерть Твою, Блаженный (Быт. 4,10), окровавленный сказал, взирая на небо: умоляю, безжалостно убитого рукою брата прими меня Ты, Слово.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Величайшую награду за девственность получил мужественный отрок Твой, Слово, Иосиф (Быт. 39,12); ибо жена, пламеневшая похотию, насильно влекла его на преступное ложе; а он, несколько не смутившись, убежал нагим, зывая:

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Новую жертву Богу принес Иеффай — не познавшую мужа дочь (Суд. 11,38), подобно агнице; она же мужественно представляя образ плоти Твоея, Блаженный, громко зывала:

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Смелая Иудифь удачною хитростию обезглавила иноземного вождя народов, прельстив его красивым видом и не потерпев осквернения в членах своего тела (Иудифь 13,8), и победоносно зывала:

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Увидев благовидную красоту Сусанны, два судьи воспламенились к ней страстною любовью (Дан. 13,19) и сказали: любезная жена, мы пришли, желая тайно разделить с тобою брачное ложе; она же дрожащим голосом сказала:

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Гораздо лучше мне умереть, нежели, предав ложе вам, развратники, терпеть вечное осуждение Божие на огненные мучения (Дан. 13,23). Спаси меня, Христе, от этого и ныне.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Предтеча Твой, омывавший очистительными потоками людей, злым человеком беззаконно был отведен на смерть за девственность; оросив же землю пролитой своею кровию, восклицал к Тебе, Блаженный:

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

И Твоя Родительница, благодатная, непорочная, нетленная Дева, нося в чистом чреве Тебя, безсеменно зачатого, подверглась подозрению, как бы предавшая ложе (Мф. 1,18); но имея внутри плод, восклицала (к Тебе), Блаженный:

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Желающие видеть брачный день Твой, Блаженный (Мф. 11,1), приходят, сколько Ты Сам свыше призвал их, Царь ангелов, принося величайшие дары Тебе, Слово, в чистых одеждах.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Песнями ныне мы, служительницы чертога Твоего, величаем Тебя, блаженная Богоневеста, чистая Дева-Церковь, белая как снег, темноволосая, целомудренная, непорочная, возлюбленная.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Миновалось тление и трудные плачевные болезни; разрушена смерть; погребено всякое безумие; умерла душепагубная скорбь, и внезапно опять возсияла смертным радость Христа Бога.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

Рай уже не остается пустым без смертных; ибо опять по Божественному повелению, как прежде, обитает в нем человек, избежавший разных козней змия, нетленным, безстрашным, Блаженный.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

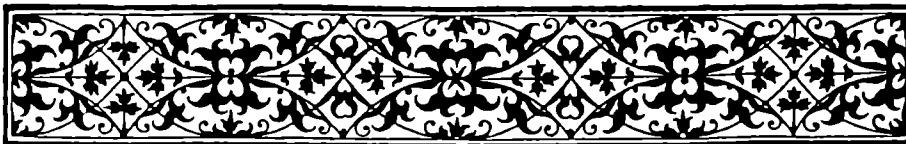
Воспевая ныне новую песнь, хор дев превозносит до небес Тебя, Царица, весь светло увенчанный белыми цветами лилий и держащий в руках горящие светильники.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я.

О Блаженный, живущий в пречистых обителях небесных, содержащий всё вечною властью (своею)! Приими и нас предстоящих, Отче, вместе с Сыном Твоим, внутрь за двери жизни.

Для Тебя, Жених, я девствую, и держа горящие светильники, Тебя встречаю я (Мф. 25,7)».

VI. СВЯТОЙ КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Прочтение шестое — мариологическое (богородичное)

Во Святом Святых самое святое — ковчег (кивот) Завета, а среди святых дев святейшая — непорочная Приснодева Мария, кивот одушевленный. Ковчег — прообраз Матери Господа. Как ковчег заключал в себе скрижали с начертанными на камне словами Завета, так заключила в Себе Приснодева Слово Завета воплощенное. В ковчег не проникал никто — запечатана для мира и тления Приснодева. Не раскрывавшись приняла Она в Себя Божественную Скрижаль — Христа, превечное Слово воплощенное.

Соломон и Суламифь Песни Песней — это Господь и Невеста Невестная, Мария Приснодева.

Так прочел Песнь Песней св. Амвросий Медиоланский* и так воспринимается она во многих богослужебных молитвословиях.

1. Жизнь Пречистой Девы, Невесты Христовой

Логос и Дева ищут друг друга

...Голубица, выпущенная Ноем, искала где бы опуститься на сухую землю. Искала зеленеющую ветвь.

Земля, поглощенная губительными потоками вод всемирного потопа, томилась, ждала и искала освобождения, воздуха и солнца. Она рада была принять на себя Ноев ковчег и с ним новое начало жизни.

Все пробуждалось и тянулось друг ко другу.

* Св. Амвросий Медиоланский, «О воспитании девы и Приснодевстве святой Марии к Евсевию» [18].

Превечный Логос витал над землею, погубленной губительными потоками греха, ища «сухую землю» — Жену непорочную, и «зеленеющую ветвь» — Деву, процветшую добродетелями, дабы от нее воплотиться, с Нею сочетаться, миру спасение возвестить, «сокрушить головы змиев в воде» (Пс. 73,13; Быт. 3,15).

Пречистая Дева в Назарете благоговейно размышляет о служанке Той Девы, от Которой явится Господь. Чистая душа ее желает лобзания небесного.

Слово, Которым сотворены были небо и земля, Слово, для Которого сотворены были небо и земля, превечный Логос искал Свою Невесту, избранную Голубицу, Деву чистую.

Голос возлюбленного моего (Слово Превечное)! Вот, он идет (грядут мессианские времена), скачет по горам, прыгает по холмам (Слово касается праотцев и пророков, но не может останавливаться на них, ищет Избранницу Свою). Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку. Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!.. Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лицо твое приятно (2,8-10.14). Так искал, так звал Господь Невесту Свою Невестную. А когда увидел Деву из Назарета, то и узнал Ее и воскликнул: Пленила ты сердце мое, сестра моя невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей (4,9).

И Дева, воспитанная в храме явлением ангелов, искала небесного Своего Жениха, искала прикосновения Его.

На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя (3,1). В ночных молениях, в пророческих Писаниях, искала Пречистая Дева Того, которого любит душа ее. Она не могла предаться беспечному греховному сну этого мира. Она бдит в ночи. Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза..? (6,11). Она сошла в ореховый сад, в сад древних пророчеств. Каждое из них — как орех, не просто расколоть его и дойти до плода, не просто раскрыть «скорлупу» приточного иносказания и уразуметь плод — пророчествованного Мессию. Она сошла в ореховый сад пророчеств, чтобы обрести истинную виноградную Лозу (Ин. 15,1) — Христа и поглядеть, распустилась ли она? приблизилось ли время осуществления возвещенного?

Ищет и ждет Дева Жениха Своего. Ищет и зовет (см. 7,12): **Прииди, возлюбленный мой Христе, выйдем в поле**, которое есть этот мир (Мф. 13,38) и **побудем в селах** и «обитай с нами» (Ин. 1,14), поселись среди нас. Пусть совершится сказанное у пророка: «После того Он явился на земле и обращался между людьми» (Вар. 3,38).

Рождество Пречистой Девы

Благодатно и по молитвам праведных родителей Иоакима и Анны было рождение Пречистой Девы. После многих огорчений и унижений из-за бесплодия как утешение старости пришла Она к родительнице Своей. **Единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей** (ср. 9). **Единственная** не только потому, что одна была дочь у праведной Анны, но **единственная**, потому что не было Ей равных. Дочь праведной Анны «благословенна между женами» (Лк. 1,28), **отличенная** особой благодатью Божией у **родительницы своей**; **отличенная** особой радостью у **родительницы своей**; **отличенная** обетом **родительницы своей**, ибо еще до рождения дочери, обещала праведная Анна посвятить Богу чадо свое, если Он дарует ей его.

Введение Пречистой Девы во храм

Своими праведными родителями Пречистая Дева была посвящена Богу и возрастать должна была не в родительском доме, а в чертогах Отца и Царя Небесного — во святом Иерусалимском храме. В трехлетнем возрасте отроковицей в окружении дев-подруг, в сопровождении священных песнопений и горящих свечей была Она ведома ко святому Храму. Туда божественной силой влеклась и ее душа. Рукою первосвященника Захарии, введшего Ее во Святая Святых, ввел Ее к Себе Небесный Царь и Жених.

Священное шествие приближается ко Христу. Девы ведут Богоотроковицу. **Увидели ее девицы, и — превознесли ее, царицы и наложницы, и — восхвалили ее** (6,9).

Влеки меня, мы побежим за тобою (1,3) — восклицала душа Отроковицы с сопровождающими Ее подругами; **Царь ввел меня в чертоги свои** — когда первосвященник ввел Ее во Святая Святых. И там, во святом храме, проводя все отрочество свое, **будем восхищаться и радоваться тобою**, Господи, в молитвах своих, и **превозносить ласки твои**, Твои благодатные посещения, **больше, нежели вино, нежели все радости**, которые может предложить

этот мир. **Достоинно любят тебя**, Господи, все живущие и воспитывающиеся при храме! (см. 1,3).

Благовещение. Дева сочетается Слову

Часто размышляла Дева о Мессии, Которого любила душа Ее, и Которого пришествия Она так ждала. Часто размышляла Она о той преблагословенной Деве, через Которую должно произойти рождение Сына Божия, мысленно ублажала служанку Её и смиренно желала таковою быть, не дерзая и думать о том, что Сама будет сею Девкою.

Душа Ее искала Божественного воплощения.

Ориген: **«Да лобзает он меня лобзанием уст своих!»** (1,1). Смысл этих слов такой: доколе жених мой будет посылать мне лобзания чрез Моисея, доколе он будет давать мне лобзания чрез пророков? Я уже желаю коснуться его собственных уст; пусть он сам придет, пусть сам снидет ко мне» [30].

В тот великий день* Дева Мария, по Преданию, читала книгу пророка Исаии. Ей раскрылись слова: «Се, Дева во чреве примет...» В увлечении божественной любви и пламенного нетерпения скорее узреть обетованного Мессию, Она стала молитвенно взывать к Его милосердию: «Когда же настанет то вожделенное время, и Создатель Мой благоволит сойти с небес и принять плоть человеческую?» [82]. Она жаждет Его воплощения: **О, если бы ты был мне брат** (через воплощение), **сосавший груди матери моей!** (так именует Она Деву, служанкою Которой жаждала быть) **тогда я, встретив тебя на улице** (живущим среди нас), **целовала бы тебя** (ибо душа Моя любит Тебя) **и меня не осуждали бы никакие грехи** (8,1). Между нами не было бы никакого средостения.

И в тот великий День к святой Деве слетел с небесных высот архангел Гавриил. Небо склонилось к земле. Устами архангела божественный Жених говорил имеющей стать Богоневестю: **Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя**, радуйся, благодатная! благословенна Ты между женами. **Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал** — кончились времена ожидания и греховного холода. **Цветы показались на земле; время пения настало** — скоро ангельские хоры возвестят о рождении от Тебя Сына Божия. **И голос горлицы слышен в стране нашей** — ибо Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя, с горних высот эта божественная Голубица осенит Тебя, посему и рождаемое Святое наре-

* Благовещения и Боговоплощения.

чется Сыном Божиим. **Смоковницы распустили свои почки** — ибо кончилось бесплодие Закона (смоковницею означаетс^я Ветхий Завет), начинает плодоносить благодать. **И виноградные лозы, расцветая, издают благовоние.** Христос, истинная виноградная Лоза расцветает от Тебя, Дева, и начинает источаться благовоние Духа Святого. **Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!** — зовет Слово Деву, дабы от Нее воплотиться (2,10-13).

Благовещение архангела Гавриила Пречистой Деве таинственно описывается и в ночном явлении Жениха Суламифи в 5,2-5.

Устами архангела Слово призывает Деву, желая воплотиться и вступить в Новый Завет со Своим творением:

Голос моего возлюбленного, который стучится: Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! Стучится Слово, желая воплощения. Но как невозможно Сыну Божию воплотиться без воли Отца Небесного, так невозможно это и без согласия Матери земной. Слово не может явиться людям, если люди не отворят Ему. Через Еву двери райские затворились, отвориться могут только через Деву. Слово нашло Голубицу Свою, чистую Свою и вот стучится к Ней.

Но отвечает Она: **«Я скинула хитон мой — Я дала обет безбрачия, обет всегдашнего девства. Как же мне опять надевать его? Как будет это, когда Я мужа не знаю?» Я вымыла ноги мои; как же мне мара^{ть} их?** Не может Дева утратить целомудрие!

Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину — Слово воплощается, не нарушая девства Приснодевы, входит «дверем затворенным». О том Ей архангел сказал: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк. 1,35). Дух Святой, осенивший Деву — Рука Возлюбленного. **И внутренность моя взволновалась от него.** Трепет, благоговение, страх и радость посетили Деву, без исления принявшую во чреве Своем превечное Слово воплощенным.

Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему — «Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1,38) — отвечает Дева архангелу и соглашается принять Слово превечное, соглашается стать Матерью Господа, **встает, чтобы отпереть Возлюбленному Своему Господу. Встает, чтобы отпереть дверь, затворенную преслушанием Евы.** В долгой греховной ночи стоявший за дверью и стучавший Возлюбленный наконец-то может войти. Изгнанный человечеством Господь через Деву вновь возвращается к людям.

Дева готова отпереть Ему и зовет Его: **Поднимись**, унесись ветер с **севера** (от хлада и мрака греховного) и **принесись с юга**, повеяй на сад мой, — и **полюбятся ароматы его!** — Пусть придет **Возлюбленный в сад свой** и **вкушает сладкие плоды его** (4,16).

Пронесись, ветер Духа Святого, с юга — от Господа, и повеяй на сад мой. Дева — сад Господень. И когда осенил Ее Дух, то полились ароматы сада сего. Стала Дева благоухать всеми дарами Духа Божия. А Она зовет Его, Божьего Сына, воплотиться в Ней: Пусть придет **Возлюбленный в сад свой**. Смущение от архангельского благовестия прошло, Она готова теперь принять **Возлюбленного** Своего Господа. Пусть придет и **вкушает сладкие плоды** сада Своего. А Сад Его — Дева Пречистая. И воплощенное Слово вкусило, воплотившись от Девы, все сладкие плоды Ее благоговения, благочестия и святости.

Лилия между тернами

«Радуйся, благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами» (Лк. 1,28), приветствует святой архангел Гавриил Деву. В руках у него райская ветвь лилии.

Что лилия между тернами, то **возлюбленная моя между девицами** (2,2). За то, что Адам послушал голоса жены своей, произрастила земля тернии (Быт. 3,17-18). И вот между жен, **терниям** уподобившимся, произросла **лилия**, чистая Дева, благословенная в женах. Она — райский цветок, чистая лилия, долина Саронская, в которой процветет божественный **Нарцисс**, превечное Слово воплощенное (2,1). Пречистая Дева, Ты — «яко шипок, яко чистейший крин, яко благоуханное обоняние от красных удолий мирских. Творец избрав Тя, Отроковице, вселив в утробу Твою и родився, благоухания всяческая исполнил есть».

Непорочное зачатие и девственное рождение

«Без исления Бога Слово рождшую сущую Богородицу Тя величаем», — воспевают св. Церковь непорочно принявшую во чреве и девственно рождшую Деву Богородицу.

Три восьмиконечные звездочки на челе, на правом и левом плече Пречистой Девы, изображаемые на святых иконах, означают девство Ее до рождества, в рождестве и по рождестве. Посему и именуется не Девою только, но и Приснодевою.

Об этом таинственно говорится в словах Суламифи своему Возлюбленному: **О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любе-**

зен! и ложе у нас — зелень; кровли домов наших — кедры, толки наши — кипарисы (1,15-16).

Первая звездочка — о непорочном зачатии. **И ложе у нас — зелень.** Зеленью украшаются православные храмы в день святой Пятидесятницы, в день сошествия Духа Божия животворящего. Весенняя зелень, начало жизни, веяние и осенение Духа. Этот животворящий Дух, эта Божественная **Зелень** — и есть брачное ложе Пречистой Девы, ибо приняла Она во чреве Своем, непорочно зачала воплощенное Слово от Святого Духа Божия.

Вторая звездочка — это девственность в рождестве. **Кровли домов наших — кедры.** «Премудрость построила себе дом» (Прит. 9,1). Богоматерь Дева — непорочный Дом божественной Софии — Христа Богомладенца. То, что Дом сей из **кедра** и означает непорочное рождение Христа Девою, ибо вечнозеленый, негниющий кедр есть символ нетления.

Третья звездочка — непорочность по рождестве. Матерь Божия — всегда Дева. На это указывает кипарисовая обшивка таинственного Дома. **Потолки наши — кипарисы**, или *дски наша кипарисныя*. Темные, вечнозеленые, негниющие, как и кедры, стройно уносящиеся к небу конусы кипарисов, источающие смолу, из которой изготовляют целебный бальзам и масла для бальзамирования трупов — символ смертной печали и вечной нетленной жизни. Вечно нетленна Пречистая Дева. Но это всегдашнее нетление, эта нестареющая жизнь, срастворены смертной печалью о божественном Сыне-Страдальце, Которого нетленно родила и Которого отдала на спасение тленного мира, материнской печалью о Котором преисполнилось и собственное Ее сердце.

Воистину непорочна была Матерь Господа. Взирая на Нее, восклицает Сам Господь: **Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!** (4,7). Она непорочна в девстве Своем, Она — «цвет неувядаемый» и «цвете нетления» (акафист Пресвятой Богородице, икос 7). Она — Купина Неопалимая, и, рождая, девствует! **сестра моя, невеста** (4,9) — именует Ее Господь. **Невеста** — ибо от Духа Святого Она приняла во чреве, сестра — ибо Он воплотился и стал первородным Братом среди многих братьев (Рим. 8,29), а Она — первую Его **сестрою**. Она — «Невеста Невестная» (акафист Пресвятой Богородице), ибо Она — Невеста Духу Святому, как принявшая от Него во чреве, и Она — «Невестная» Иосифу, земному мужу, как никогда не знавшая мужа.

Непорочное зачатие и девственное рождение указывается через чудный образ Девы-Матери, как Вертограда заключенна, Источника запечатленна.

Вертоград заключен сестра моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен (4,12).

Или по синодальному переводу:

Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник (4,12).

Она — *Вертоград заключен, запертый Сад*, только Садовник — Христос входит в Него и исходит, не отворяя дверей девства Ее.

Она — **заключенный Колодезь** и *Источник запечатлен*, ибо от Нее, не нарушая печати девства, истекает миру Живая вода, рождается Христос, наполняющий всех жаждущих истины, любви и Духа (Ин. 4,10; 7,37).

Так воспевается это во святой Церкви:

«Вертоград затворен Тя Дево Богородице, и запечатан источник Духом Божественным, премудрый в песнях поет: тем же яко сад жизни, воплощается Христос» (Октоих, глас 8, нед., повечерие, канон, песнь 9).

«Тя запечатленный источник и заключенную дверь воистину именова лик пророческий, девства твоего, Всепетая, явственне знамения нам пишуще, еже сохранила еси и по рождении» (Октоих, глас 1, нед. утренняя, канон воскр., песнь 7).

Св. Амвросий Медиоланский так говорил об этом: «Итак, девство — это заключенные врата; девство — это запертый сад; девство — это запечатанный источник (Песн. 4,12)... Ты — запертый сад, дева, храни плоды свои. Не должны возрасть в тебе терния, и пусть красуются в тебе (только) гроздьи. Ты, дочь — сад запертый: никто не должен нарушать ограды твоего целомудрия; ибо написано: «и разоряющего ограду угрызнет змей (Ек. 10,8)... Ты — запечатанный источник, дева; никто не должен осквернять вод твоих» [«О воспитании девы», гл. 9]. И сей дар девства в совершенстве был осуществлен в Приснодеве и в изумительной тайне явлен в непорочном Ее зачатии и девственном рождении.

Ева, Дева и райский сад

За грех и преслушание Евы утратил падший с нею Адам райский сад.

Через непорочность и послушание Девы Последний Адам, прийдя, вновь возвращает изгнанных в райский сад.

Вкусившая от запрещенной яблони, Ева лишилась пребывания среди цветов райских долин. Произросли тернии.

Дева, эта Белая Лилия, процветшая посреди терний юдоли земной, произрастила божественную Яблонь (Христа-Жизнодавца), питающую плодом вечной жизни алчущих райской пищи.

В прохладе дня пришел Господь Бог в райский сад — но он был пуст, спрятались согрешившие (Быт. 3,8-9).

И день обратился в ночь.

В ночь греха, неведения и богоотчужденности.

Ночью явился Жених в сад, где дремала Суламифь, и он не был пуст, Он обрел там Деву (5,1-2)!

Ева скрылась от лица Божия, устыдившись в страсти своей. Дева, уцеломудрившись, «на ложе своем ночью искала Того, Которого любила душа Ея» (3,1).

Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста (воплотилось Слово в саду чрева Пречистой); **набрал мирры моей с ароматами моими** (через Тебя, Мати, приобщился горечи страданий земных), **поел сотов с медом моим** (вкусил от сладости добродетелей Твоих, о, Мати!), **напился вина моего с молоком моим** (Ты упоеваешь Меня радостью сердца Своего, созерцающего тайны, и молоком Слова, Мати Моя!) 5,1.

Бог вновь явился в Сад, и он уже не пуст. Там — Дева. И туда введет Он всех от рода Ее.

Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами (2,1). Среди терниев Евы, произрасла Лилия Девы.

Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей (2,3). От плода запретной яблони юноши — сей род Адамов — подпали под проклятие. Вкусившие запретной яблони, теперь в поте лица своего должны были добывать хлеб свой. От жен, в болях рождающих, явились мужи, в трудах и поте ядущие хлеб свой. От **терниев долин** (женский род) дерева лесные (род мужской).

Но, вот — **Лилия!**, и от Нее — **Яблоня**.

Ева родила Каина-убийцу, Дева — Христа-Жизнодавца.

Ева в преслушании протянула руку к яблоне, и появились тернии. Дева, чистая **лилия**, в послушании Своем произрастила Яблоню-Христа. **И в тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей**. Не смертоносны они, а даруют жизнь, и жизнь вечную!

«Цвете неувядаемый, радуйся, едина прозябшая яблоко благовонное. Радуйся, рождающая благоухание единого царя. Радуйся, неискусобрачная, миру спасение» (Триодь постная, суббота акафиста, утреня, канон, песн. 1).

Под яблоней родились грех и смерть. Под яблонью же — святость и жизнь. **Под яблоней разбудила я тебя** (под яблоней усыпила Ева бдительность Адама, и все уснули смертью; под яблоней «разбудила» Дева Второго Адама, родивши Его, и все проснулись к жизни); **там родила тебя мать Твоя, там родила тебя родительница твоя** (8,5).

Так об этом размышляет св. Амвросий Медиоланский: «Гряди, Ева, теперь уже трезвенная; гряди, Ева, некогда оказавшаяся невоздержанной, но теперь уже постящаяся в лице своего потомства... Гряди, Ева, теперь уже не из рая изгоняемая. Гряди, Ева, теперь ставшая уже Саррой, рождающей детей не в печали, а в радости, не со скорбью, а со смехом. От тебя родится Исаак с многочисленным потомством. Снова взываю — гряди, Ева, теперь ставшая уже Саррой, о которой сказано было мужу: «Выслушай Сарру, жену твою» (Быт. 21,12). Хотя ты и подчинена мужу, так как подчинение благопристойно тебе; однако, ты скоро расторгла приговор (о тебе), так что муж получает повеление слушаться тебя. Если же она рождением прообраза Христова заслуживает того, чтобы муж ее слушался, то насколько более преуспевает (женский) пол, который, сохранив свое девство, породил Христа? Итак, гряди, Ева, теперь уже ставшая Марией, которая даровала нам не только основание девства, но и принесла (нам) Бога» [«О воспитании девы», гл. 5].

Богоматерь с Младенцем. Млекопитательница

Образ Пречистой Девы-Матери с Божественным Младенцем — излюбленный и распространеннейший в христианской иконографии. В нем — догмат боговоплощения и святое материнство Девы. Воспет этот образ и в Песни Песней Соломона.

Дева Суламифь восклицает:

Вязание стакти брат мой мне, посреди сосцу моею водворится: Грезн кипров брат мой мне в виноградех Енгаддовых.

Мировый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает. Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгадских (1,12-13).

На основании этих слов накануне праздника Рождества в неделю святых отцов святая Церковь обращается к Деве, идущей в Вифлеем родить Сына:

«Лоза Божественная, нетленный грозд узревливши, ближищися, идет родити веселия вино точащаго, и напояющего нас, Ему вопиющих: отцев наших Боже, благословен еси.

Божественная Мироположница, благовонное Мирю внутрь носящи, в вертепе Вифлеемли истощити сие грядет, благовония таинственного исполняющее покаяния: отцев Боже благословен еси» (неделя свв. отцов пред Рождеством, канон, песнь 7).

Дева родила Сына, и у **грудей** Ее пребывает Младенец, **Мировый Пучок, Возлюбленный** Сын Ее. Он — благоухание Ее, любовь Ее и украшение. Он — аромат груди Ее.

Левая рука его у меня под головою, а **правая обнимает меня** (2,6). Именно так и изобразил святой евангелист Лука Младенца, умильно прильнувшего к Матери, на образе, получившем в России название Владимирской иконы Божией Матери (тип иконы «Умиление»). **Левая** рука Младенца — под головою Матери, а **правая обнимает** Ее. Припали друг к другу в умиленной любви Мать и Сын. Всемогуший Творец младенчеству, а творение Его Ему же материнствует! О, тайна неизреченная!

Питающая всякую тварь, от творения Своего питается. Пречистая Матерь Его — Млекопитательница.

Говорит Пречистая: **Я сошла в ореховый сад** девства **посмотреть на зелень долины**, поглядеть, **распустились ли истинная виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?** Я пришла в Вифлеем родити Сына и *тамо дам сосца моя тебе* (6,11). Идущая в Вифлеем, зовет Слово родиться от Нее. Носящая во чреве желает уже видеть Его, прижать к груди Своей, зовет Его: **Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле** (мира сего), **побудем в селах** (Вифлеема, Назарета); **поутру** (после рождественской ночи) **пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, распустились ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои** (материнские) **тебе. Там дам тебе сосца моя** (7,12-13). Там напитаю Тебя, Питателя твари, молоком Моим. «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» (Лк. 11,27).

И стал Сын Божий Сыном Человеческим, Сыном Девы.

И стала дочь человеческая Матерью Божией, Богоматерью.

А икона Млекопитательницы стоит и ныне перед многими — многими матерями, питающими молоком чад своих. К Ней, к Млекопитательнице, обращены их взоры и мольбы. Под сенью Млекопитательницы вырастают христианские дети.

Симеоново пронаречение

Когда святые праведные Иосиф и Мария принесли Младенца своего в Иерусалимский храм, то «благословил их Симеон и сказал Марии, матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу...» (Лк. 2,34-35).

На многие скорби Себе родила Его Пречистая Дева. Он стал Ей Сыном скорбей и «женихом крови» (Исх. 4,26). Семь мечей, семь стрел прошли через Ее материнскую душу.

Кто это, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника? (3,6).

Это — Мария, Мать и Дева.

Она, **окуриваемая фимиамом**, ибо к Ней мольбы и молитвы христиан. Но Она и **окуриваемая миррою** скорбей и страданий о Сыне Своем, **всякими порошками мироварника** — кто исчислит все самые различные страдания Ее о Сыне, которые претерпела Она!

Всякие порошки мироварника — это всякие добродетели, которые стяжала Дева-Мать через претерпение страданий и скорбей. Ароматные порошки были изготовлены через варение мира. Истинны и духовно благоухают те добродетели, которые «сварены» на страданиях. Те же добродетели, которые от тщеславия и избытков земных благ, те неблагоуханны перед Богом.

Встретили меня стражи, обходящие город, избili меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены (5,7).

Стражи, обходящие город... стерегущие стены — это и Иосиф, смутившийся, увидев Ее непраздною, и этим смущением уязвивший душу Ее; это и воины Ирода, искавшие убить Ее младенца; это и фарисеи и старейшины народа, гнавшие Ее Сына и осудившие Его на распятие; это и Пилат, и воины, вбивавшие гвозди... Ах, сколько их, изранивших Ее материнское сердце и душу?!

Слова старца Симеона сбылись. Смерть Сына Ее оружием прошла через душу Ее. Она вся, **окуриваемая миррою** скорбей, сделалась для всех скорбящих Радостью. Потому стенания и вопли скорбящих **окуривают** Ее **фимиамом** своих молитв.

Бегство в Египет

Устами пророка говорит Господь: «Из Египта вызвал Я сына Моего» (Ос. 11,1). Это и совершилось, когда святое семейство,

Пречистая Дева с Младенцем бежали от Ирода через пустыню в Египет, а оттуда явлением ангела Иосифу призваны были к возвращению во Святую Землю.

Существует такой обычай, что новосочетавшиеся супруги совершают путешествие на лоно природы, в прекрасные живописные места. Пречистая Дева, через боговоплощение сочетавшаяся с превечным Словом, бежит в безжизненную пустыню. Оттуда, из египетских пустынь, призван будет Сын Божий и Его Пречистая Мать.

На украшенных колесницах возят новосочетавшихся царя с царицею. Царь и товарищи его восхищаются царицею. Небесный Царь восхищается Царицей — Девой Своей: **Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя. Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях!** (1,8-9). Христос на руках Пречистой, грядущий из Египта в Святую Землю спасти Свое наследие, подобен величественной колеснице фараоновой, влекомой прекрасною кобылицею.

Слово сочеталось с Девой. Египет (мир) призывается во Святую Землю (небесный Ханаан). Кобылица с колесницею фараоновой исходит из пустыни этого мира. Победоносно объезжает землю. На земле водворяется новое Царство. Мир с удивлением, вопрошая, восклицает: **Кто эта, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварника?** (3,6).

Это Пречистая с Младенцем, грядущая от египетских пустынь во Святую Землю.

Так об этом поет святая Церковь: «Тебе яко сущую в женах красну и пречестну, яко из пустыни восходящу, и Отрасль Христа на руку носящу, Мати Божия, проображаше мироначальник вопия: слава силе Твоей Господи» (Октоих, гл. 1, суб. повечерие, канон Богородице, песнь 4).

Кто это восходит от пустыни, опираясь на своего возлюбленного? (8,5). Казалось, что Младенец опирается на руки Пречистой Матери Своей, спасающей Его в пустыне от воинов Ирода. Но, то Он спасал Пречистую и все семейство Ее — людей от воителей мысленного Ирода, дьявола. В Нем Она и весь род Ее обрели опору. Она **восходит от пустыни** египетской, возвращая Младенца в отечество Его. А Он изводит Ее и весь род Ее из пустыни греха, из мирского Египта, возвращая их в небесное Отечество.

Искание двенадцатилетнего Отрока

Казалось бы малозначимы события, как бегство святого семейства в Египет, или искание Девой Марией и Иосифом двенадцатилетнего Отрока Иисуса при путешествии в Иерусалим, но наполнены они великим и священным смыслом. Потому и включены в Евангелие.

Дева должна была согласиться стать Матерью. Но едва согласившись и едва обрета Сына, Она должна потерять Его. Она станет Матерью, но Сын будет принадлежать не Ей, а Небесному Отцу. Едва обрета радость мирного очага в назаретском доме, Она должна услышать, что Ему надлежит быть в Доме Отца Небесного. Назарет должен уступить Иерусалиму.

Непросто давалось это Деве-Матери.

Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему... Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел.

Души во мне не стало... Я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне... 5,5-6.

Ангел возвещает Деве радость, что Ей надлежит стать Матерью (Благовещение): «Ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына». Однако, «рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лк. 1,30-31.35). Ты родишь, — но Он будет не Твой, а Божий. Не будет Он Твоим земным потомком, а будет Отроком Божиим. Не продолжит Он род Давида, а спасет самого Давида. И Дева-Матерь скажет: **Возлюбленный мой бел и румян (5,10). Он — румян**, ибо во плоти, и по плоти от Нее родился. Но Он — бел, ибо Божий Сын, и Ее Господь. Он был **румян**, ибо был Сын Ее, и Она ласкала Его, как Мать. Но Ей предстояло прозреть **белизну** Его Божества, и Ей надлежало «потерять» Его как Сына и обрести, как Господа.

После трехдневного искания, едва обрета Его, говорит Мать Сыну: «Чадо! что Ты сделал с нами? Вот отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя» (Лк.2, 48). **Искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его.** «Пройдя же дневной путь (Иосиф и Мария), стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его». **Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи (родственники и знакомые, обитатели Иерусалима), обходящие город: не видали ли вы того, которого любит душа моя? (3,1-2).** Но нет — там Его не найти. Нельзя видеть в

Нем, пусть хотя и великого, но простого человека. Не среди родственников и знакомых наших Он, не среди жителей города. Не среди философов и мудрецов, и даже не среди пророков. Но земное мудрование не может подняться выше этого, потому и не находит Сына Божия. **Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень?** (Иосиф и Мария потеряли Его, пройдя дневной путь) **к чему мне быть скиталицей возле стад товарищей твоих (1,6)?** Но нет Его и среди товарищей.

«Чрез три дня нашли Его в храме... Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов» (Лк. 2,46.49-50). Земное еще не давало вполне разуместь небесного. И говорит Небесный Жених, которого искали как земного сына: **Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец...** (1,7). «И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них». Еще продолжалась жизнь земли...

Но едва я отошла от них (градских стражей), как нашла того, которого любит душа моя, ухватила за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей (3,4). Пречистая Дева, найдя Отрока Своего в храме, удалилась с Ним в родной дом в Назарете. Но здесь и духовный смысл. Если изначально Она не поняла слов, сказанных Ей Отроком (Лк. 2,50), но все-таки Она «сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. 2,51). И когда отошла от них, от всяких земных представлений, от стражей, обходящих город, стерегущих, чтобы град земной не уразумел Царя своего Небесного, то сразу нашла **Того, которого любила душа Её, ухватила за Него, и никогда уже не отпустила Его.** Вполне постигнув Его Божество, уже никогда не теряла Его как Сына и Бога Своего.

И земное должно было уйти.

Но уходило не сразу.

И не всегда легко.

Вот еще случай. «И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне (дома), послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне (дома), спрашивают Тебя. И отвечал им: кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мк. 3,31-35).

Пришли Мать и братья Его и звали Его, но не вышел Он к ним. Взывает Дева-Мать: **Я искала Его и не находила Его; звала Его, и Он не отзывался Мне** (5,6). Он не отзывался на зов крови и земного родства. Они должны были смениться родством Духа. И Сама Пречистая должна была усвоить, что Сын Ее пришел исполнить волю Отца, а земные Ее «права» на Него должны были совсем отойти, что Он не Ей принадлежит как земной матери, а Небесному Отцу.

Об этом так размышляет св. Иоанн Златоуст: «Это говорит Он (Иисус) не потому, чтобы стыдился Матери Своей, или отвергал родившую Его (если бы Он стыдился, то и не прошел бы сквозь утробу ея); но желал этим показать, что от того нет ей никакой пользы, если не исполнит всего должного. В самом деле, поступок ея происходил от излишней ревности к правам своим... Он (Иисус) не хотел оскорбить их (Мать свою и братьев. — Г.Ф.), но... мало-помалу привести их к правильному о Себе понятию и убедить, что Он не Сын только Матери Своей, но и Господь... Говоря это, Он имел в виду еще нечто другое. Что же именно? То, что ни они, и никто другой не должны полагаться на родство и оставлять добродетель... Есть одно только благородство — исполнение воли Божией, и это благородство лучше и превосходнее того (плотского) родства» [34, стр. 462-463].

Кана Галилейская и Голгофа

Введите мя в дом вина, вчините ко мне любовь.

Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь (2,4).

«На третий день был брак в Кане Галилейской, и Мать Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как недоставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них...» (Ин. 2,1-3).

Была угроза, что радость брачного чертога обратится в печаль. Недоставало вина в доме брачного пира, а ведь именно вино веселит сердце человека (Пс. 103,15). Так всегда в этом мире. Недолгие радости обрываются. Порой и внезапно. У этого мира недостает вина, не хватает. Мир не может находиться всегда в радости, ибо это — состояние Царствия Божия (Рим. 14,17). И вот, после вина — вода, и тоска, и скука бесконечная.

Но в мир этот приходит Небесный Жених. *Введите мя в дом вина* — вопиет Пречистая, вопиет Невеста Его Невестная. Она жалуется Ему и просит: «вина нет у них...» И по Ее просьбе совер-

шается первое чудо Христово — вода превращается в вино. Радость брачного чертога не прекратится! **Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь!** Преснота «водной» печали этого мира, обращена в радость вина брачного чертога Небесного Жениха. Шесть каменных водоносов стоявших по обычаю (Ин.2,6) и означают сей, в шесть дней сотворенный мир, и печаль, и скуку его. Но совершается, по ходатайству Пречистой, первое чудо — и печаль мира сего предлагается на радость Царствия Небесного. В брачном чертоге святой Церкви, в *Доме вина*, пирует Небесный Жених. Удивляется распорядитель пира жениху, что вопреки обычаю, тот не сначала подал лучшее вино, а потом худшее, но, наоборот, хорошее вино сберег напоследок (Ин. 2,10). И было последнее вино лучше первого, ибо радость Христова и чад Его выше радости, которую имел Адам в раю. Радость Христова, происшедшая от чуда Божьего, выше радостей, происходящих от естества тварного мира.

...На Голгофе у креста стояла Пречистая.

Теперь уже не вода превращалась в вино, а вино — в кровь.

Было первое чудо на браке в Кане Галилейской, было и последнее в Горнице Тайной Вечери в Иерусалиме. Опять Галилея сменилась на Иерусалим, как тогда, когда научал Свою Матерь еще двенадцатилетний Отрок...

Некогда Сепфора, жена Моисея, после долгого противления обрезала сына своего. И сделала это только тогда, когда Господь на ночлеге хотел умертвить Моисея. Совершив обрезание, она бросила каменный нож к ногам мужа и сказала: «Ты жених крови у меня, жених крови по обрезанию» (Исх. 4,24-26).

Введите мя в дом вина...

И снова появляется Жених крови.

Была тьма на Голгофе. «На ночлеге» умерщвлялся Христос. От ребра Его истекала кровь и вода.

Вода крещения — нового, нерукотворного обрезания (Кол. 2,11).

Кровь евхаристии — вина истинной виноградной Лозы во Царствии Божиим (Лк. 22,18).

«Новая Сепфора» обрезывала сыновей своих. Рождался новый род христианский, а Она — Матерь его. Но дорого это досталось. Ценою того, что стал Сын чрева Ее — Женихом крови, Женихом крови по кресту Голгофскому, сему новому обрезанию.

...На Голгофе у Креста стояла Пречистая.

Она стояла безмолвно, но сердце, через которое оружие прошло, взывало к Жениху крови: *Введи мя в Дом вина!..*

Изнемогает от любви невеста в брачном чертоге, в доме пира и доме вина.

Изнемогала на Голгофе Невеста Невенестная. Она хотела, чтобы Жених ввел Ее в Дом вина, и введенная, предстоящая кресту Голгофскому, сочетающаяся Жениху крови, взывает в сердце своем: **Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви!** (2,5).

Созерцавшая язвы Сына Своего и Жениха изнемогала от любви к Нему. И только **подкрепленная** и **освеженная** особым действием благодати Божией, осталась живою Сама.

Когда-то, в Кане Галилейской, Она слышала от Него: «Что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой» (Ин. 2,4).

Теперь пришел.

Вода превращается в вино.

А вино — в кровь.

И зная Его Креста надо мною — любовью!

Теперь узнают, что значит: *Ядите, ближнии, и пейте и упийтесь, братия* (5,1)!

Скорбный путь на Голгофу

Кана Галилейская и Голгофа.

Дом вина и Дом вина.

Первый и последний.

А между ними — скорбный путь. Долгий, тяжкий, узкий. Терниями и волчцами усталый.

Влеки меня, мы побежим за Тобою (1,3) — взывает Пречистая Дева Сыну Своему и Богу. Дева бежит за Сыном скорбным путем. Скорбным путем Ее Сына и скорбным путем собственным.

Сын шел на Голгофу. А Она вместе с дочерьми Иерусалимскими бежала за Ним (Лк. 23,27).

Идя на Голгофу, Сын ронял капли пота и крови.

Устремляясь за Ним, влекомые Им, Дева и прочие дочери Иерусалимские роняли слезы.

«Не плачь обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк. 23,28-31) — так сказал Иисус, обратившись к женам, идущим за Ним скорбным путем и рыдающим.

Преданности и верности нет пределов. Ты только позови, **влеки меня** — взывает Дева — и не только Я, но мы все, любящие Тебя, **побежим за Тобою!** И неодолимая сила небесного Жениха и Жениха крови влекла за Собой. И они **побежали** за Ним.

Когда разбежались в страхе ученики, когда отрекся Петр, когда предал Иуда, когда безумствовала и смеялась толпа, даже тогда они бежали за Ним. Пречистая Дева-Матерь встретила Сына Своего на скорбном пути. По Преданию, подала платок для отирания пота Вероника. И все они, рыдая и плача, шли и бежали за Ним.

Влеки меня, мы побежим за Тобою скорбным путем, — так взывала Дева. И **Царь ввел меня в чертоги свои**, — **будем восхищаться и радоваться тобою...** **достойно любят тебя!** Страждущий, распинаемый **Царь Иудейский ввел меня**, Деву и Матерь Свою, **в чертоги Свои**, **в чертоги божественных страданий Своих**. Она была введена в **чертог Голгофы**, в **Дом вина**, в дом страшного пира. И **знамя Креста Его** было над Нею — **любовь** (2,4).

Влеки меня, мы побежим за Тобою.

Скорбным путем, вводящим в дом пира.

Они плакали, когда бежали за Ним скорбным путем. Он не велел им плакать о Себе. И вот, они уже восклицают Ему: **будем восхищаться и радоваться Тобою** неземною радостью. И та радость будет светиться в наших слезах, слезах о себе и детях наших.

Пойдите и посмотрите, дочери Сионские, жены-мироносицы, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его (3,11).

Царь Соломон, значит, «мирный». Царь мира — это Христос, ибо «Он есть мир наш» (Еф. 2,14). **Пойдите жены** — **взывает им Дева-Матерь** — **и посмотрите на Него в терновом венце, которым увенчала Его Дева-Мать Его в день бракосочетания. Увенчала, когда родила Его на страдания, увенчала, когда проводила Его в скорбный путь, увенчала** — **когда, влекомая Им, Сама бежала за Ним этим путем, увенчала** — **когда безмолвно стояла у Креста, видела Его на древе висящим, терновым венцом увенчанным. То был день бракосочетания Его, тогда Он венчался с Церковью, то был день радостный для пронзенного сердца Его** — **ибо мир был искуплен. И восхищались и радовались Им в горних помышлениях и чувствах Дева-Матерь и дочери Сионские** (то были жены-мироносицы, но не они только, а все праведные души — **дщери вышнего Сиона, который Матерь всем нам** (Гал. 4,24).

К сим размышлениям о Скорбном пути, завершившемся в Брачном Чертоге Голгофских Страданий, приложим свидетельство о том святой Церкви.

3.11 Пойдите посмотрите, дщери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его.

Мать Царя — Богоматерь и Дева, а **Сын Ее Царь в день бракосочетания Его** отождествляется с самим **венцом**. Об этом так воспевают святая Церковь в субботу акафиста: «Тя исплетшую мирови нерукоплетенный венец песнословим, радуйся, Тебе Дево зовущее: хранилище всех и ограждение, и утверждение, и священное прибежище» (Триодь постная, суббота акафиста, утренняя, канон, песнь 4).

Так об этом пишет св. Амвросий Медиоланский: «Посему и вы, дочери Иерусалима, поступайте так же, как увещевает вас Божественное Писание в (книге) Песнь Песней: **пойдите посмотрите на Царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день радостный для сердца его; так как он приобрел себе любовь от дочерей Иерусалимских (3.11.10)**. Это значит: удалитесь от этой тесноты и скорби телесной, удалитесь от этой плотской прелести, освободитесь от плоти, дабы вам иметь возможность быть с Господом, ибо пребывающие во плоти не могут угодить своему Господу (Рим. 8,8). Посему и говорится, что вы — не во плоти, но в духе, если стали стяжать у этого истинного миротворца Соломона такую же любовь, какую Он приобрел себе Сам, и за которую был увенчан своей матерью.

Блаженна мать Иерусалима, блаженна и утроба Марии, увенчавшая столь великого Господа. Она увенчала Его, когда зачала; увенчала Его, когда родила; ведь хотя она зачала Его и без всякого своего участия — ибо Дух Святый сошел на Деву, почему Он сам и говорит: «не соделанное мое видесте очи Твои» (Пс. 138,16), — однако тем самым, что она зачала и родила Его для общего спасения, она возложила на главу Его венец вечной любви, дабы по вере верующим (в Него) Христос стал главою всякого мужа» [св. Амвросий, «О воспитании девы и приснодевстве святой Марии», гл. 16].

Воскресение

Умер распятый, во гроб положен, и нет Его. И одна осталась Пречистая. Нет с Ней Сына, ушел Жених.

Одна осталась в скорби **голубица** Христова, верная и чистая.

Бывшие с Ней жены-мироносицы состраждут Ей, готовы помочь Той, что была наречена благословенной среди жен, и вопрошают Ее: **Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою** (6,1). В тот горький час они были с Ней, они разделяют горечь Ее утраты и готовы искать Его.

И отвечает Пречистая: **Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии** (6,2).

Христос, испустивший дух Свой на кресте, **возлюбленный** Пречистой Девы, **пошел в сад свой, в цветники ароматные** — был положен в саду во гроб Иосифа, богатого человека из Аримафеи. Живому достались тернии, над бездыханным благоухали **цветы**. Тело Его было положено во Гроб, **чтобы пасти в садах**, а душой Он сошел во ад, чтобы и там **собирать лилии** — найти души праведные и чистые, найти древнего прекрасного Иосифа (Быт. 39,6), найти Девору, божественную пчелу, судившую под пальмою, найти Сусанну, ту целомудренную белую лилию (Дан. 13 гл.), и прочих всех праведников, **собрать** их там в преисподних местах и вывести оттуда, воскресив с Собой.

А Пречистая, **Голубица**, Дева-Матерь и Богоотроковица ворковала над гробом и ждала Его там наверху. В тот ранний час первого дня недели искала Его в саду у Гроба, куда ушел Он **пасти**, бездыханный. Искали Его с Ней и мироносицы, несшие ароматы, а обрела первую Та, Которая Сама в Себе, как в сосуде некоем, содержала **ароматы** совершеннейших даров Духа Божия и **прекраснейших** добродетелей. Ей, как верует святая Церковь, первой явился воскресший Христос-Жених и, увидев Ее первую, воскликнул: **Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца** (благоволение Мое), **любезна, как Иерусалим**, который отверг Меня, извел вне стана своего, а теперь возвращен Мне во образе Твоем, Пречистая. Теперь светися, Мати Моя, как Новый Иерусалим! Теперь Ты **грозна, как полки со знаменами** (6,4), ведь Ты теперь «взбранная Воевода», Которой восписуют вси «победительная», под Твоими **знаменами** полки верных Моих отныне будут вести брани Мои, и не будет уже более поражений. Ты, Мати Моя, первая встретила Меня из гроба и ада исшедшего, Тебе восписуем вси: «Радуйся, Невеста Моя Невестная!» — ибо навеки воскрес Христос!

На гору Елеонскую

Воскрес Христос, и обрела Пречистая Своего Жениха и Сына. Но еще не навсегда. Ей предстоит еще странствование на земле, а Ему надлежит уже взойти в небесную славу. Видели очи Ее Воскресшего, облобызала душа Ее благовониями помазанного. И теперь душа Ее отпускает Его: **Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!** (8,14). На восток от Иерусалима — гора Елеонская, **гора бальзамическая**, гора, покрытая маслинами, источающая елей, всех недугующих исцеляющий. И вопиет Богородица: **Беги, Возлюбленный Мой; Сыне и Женише Мой, беги, возносись на Небо и будь подобен серне и молодому оленю на горах бальзамических!** Пасись на горних высотах одесную Отца Твоего, ибо Тебе надлежит быть в том, что принадлежит Отцу Твоему (Лк. 2,49), отсюда будем ожидать **бальзам** и *аромат* Духа Твоего Святого!

Успение Пречистой Девы.

Восхождение в небесную славу

Иудейская злоба, распявшая Христа, обратилась и на Его Пречистую Матерь. И, когда святые апостолы совершали погребение Матери Господа и звучали их торжественные песнопения, первосвященники и книжники иудейские, пылая злобою ко всему, что напоминало Христа, послали слуг своих, чтобы те разогнали шествие, а самое тело Пречистой сожгли. **Сыновья матери моей разгневались на меня** (1,5). Иудеи именуются **сыновьями матери** Пречистой, ибо и они, и Она были детьми ветхозаветного храма и синагоги, детьми одного народа. Но не возлюбили они Ее, **разгневались** на Нее. А некий священник Афония попытался даже опрокинуть Ее погребальный одр.

Однако не попустил Небесный Жених сего надругательства и не только сохранил Ее тело от злобствующих иудеев, но **Царь ввел меня в чертоги свои** (1,3). Небесный **Царь** и возлюбленный Жених исхитил Ее от злобствующих иудеев, от тлена земного мира и, не душою только, но и телом, **ввел** в Небесные **чертоги Свои**. Она вошла в небесную славу Жениха и Сына Своего.

Предстательница перед Богом.

Живоносный Источник благодати

Ушла в небесную славу Пречистая. Но и «во успении мира не оставила еси, Богородице». Ушла Пречистая в Небесный Чертог

Сына и божественного Жениха Своего, а верные люди вопиют Ей: **Оглянись, оглянись, Суламита! оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя! (7,1). Оглянись, и мы посмотрим на Тебя — «лицу Твоему помолятся богатии людстии» (Пс. 44,13).**

Оглянулась с небесных высот уходящая к Жениху Своему Пречистая, ибо отовсюду взывают к Ней жители земли. И вот, **восходит Она от пустыни сей земли, как бы столбы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом (3,6)** молитв, призывающих имя Ее. Она слышит призывающих Ее и отвечает им. **Жительница садов райских кушей! товарищи Мои, — говорит Христос-Жених Деве-Невесте Своей, — внимают голосу твоему, дай и мне послушать его (8,13).**

Желают видеть лик Пречистой, обращаются к Ней живущие на земле. С их молитвами предстает Она перед Сыном и Женихом Своим, и желает Он услышать Ее. Так и предстоит и ходатайствует Она перед Господом за призывающих Ее, за всех скорбящих и надеющихся на Нее.

Сподобившаяся небесной славы, Пресвятая Дева ныне — источник воды живой, напояющей всякую жаждущую душу. Она — *Источник вертограда, и кладязь воды живы и истекающая от Ливана (4,15)*, или: **Садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана**. Если сад — это святая Церковь, то **источник и колодезь** благодатных **живых вод** в нем — Пресвятая Дева. Откуда же в этом *кладязе* появляются *воды живые*? Они суть *истекающие от Ливана*, то есть от Божеского естества. Сама Дева лишь *кладязь*, наполняемый Божеским естеством воплотившегося во утробе Ее Сына Божия. И, как Сын Божий не просто Сам стал человеком и пришел на землю (в сад Свой), но воплотился через Деву, так и ныне в саду святой Церкви благодать Его исходит через Пречистую Деву Богородицу. Она — Живоносный **Источник живых вод** Божией благодати.

Каждый год на светлой Пасхальной седмице в пятницу святая Церковь празднует день иконы Божией Матери «Живоносный Источник» и совершает пасхальное освящение воды. Рассказывают, что некий благочестивый человек по имени Лев вел одного слепца. Тот, возжаждав, попросил пить. Лев вошел в лес, но не мог найти никакого источника. Тогда он услышал голос: «О, Лев! Не унывай, ибо вода, которую ты ищешь, близ тебя есть, обратись и обретишь ее».

Но, обратившись, он не нашел ее. Тогда слышит он вторично тот же голос: «Царь Лев, войди во внутреннюю часть чаши лесной и возьми своими руками от сей мутной воды, и утоли жажду слепого, а также помажь помраченные его очи: и тотчас узнаешь,

кто Я есть и уже много времени живу на сем месте». То был голос Богородицы. И все исполнилось. Слепец утолил жажду и прозрел, а Лев стал царем (царь Константинопольский Лев Великий). На том месте был воздвигнут храм Живоносного Источника Божией Матери. От той воды обильно источалась благодать Божия и исцеления. А на Светлую Пятницу пасхальной седмицы этот Живоносный Источник наполяет благодатью Божией всякого жаждущего жизни вечной во всем православном мире.

В сей день восклицает святая Церковь:

«Вода источника, спасительная есть всем немощствующим: приступим верою, благодать почерпем.

Кладязь животоchnый источника безсмертнаго, приступающим любовию, исцелений подает излияние неисчерпаемое.

Укрепляет души вода Девы: иже в сквернах страстей, притецем ко Отроковице, и сия измьем».

(Стихиры на хвалитех, утренья, пяток светлой седмицы, о источнике Пресвятыя Богородицы.)

И еще: «О неистощимыя Ты, Источниче богоблагодатный, подавши ми, точащи воды Твоя благодати, приснотекущий паче слова: яко бо Слово рождающая паче смысла, молю ти ся, ороси мя благодатию, да зову Ти: радуйся, водо спасательная» (кондак того же праздника).

Таким образом, святая Песнь Песней Соломона явила нам в таинственных образах и изречениях всю жизнь Богоматери, Пречистой Девы Марии. Как художник, собирая и складывая разноцветные камушки, создает чудный образ, так и мы постарались, собрав чудную россыпь различных изречений от разных мест святой Песни, создать единую картину жития Пречистой Девы и Ее любви к небесному Жениху.

А теперь, соединив два описания таинственной Невесты Соломоновой — Суламифи (4,1-5 и 7,2-10), узрим чудный образ Невесты Невестной Приснодевы Марии.

2. Образ Пречистой Девы, Невесты Христовой

— Оглянись, оглянись, Суламита!

Оглянись, оглянись, — и мы посмотрим на тебя.

— О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!

Голова твоя на тебе, как Кармил,

И волосы на голове твоей, как пурпур; Царь увлечен (твоими) кудрями. Волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской.

Глаза твои голубиные под кудрями твоими. Глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима.

Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; и запах от ноздрей твоих, как от яблоков.

Как лента алая губы твои, и уста твои любезны. Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, улаживает уста утомленных.

Зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними.

Как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими.

Шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных; шея твоя — как столп из слоновой кости.

Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда. Два сосца твоих — как два козленка, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Живот твой — круглая чаша, (в которой) не истощается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника.

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях!

Этот стан твой похож на пальму... Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

Оглянись, оглянись, Суламита — и мы посмотрим на тебя. Так желает христианская душа узреть Невесту Невестную божественного Соломона Христа, узреть красоту Ее неземную. А сам Господь восхищается Ею: О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!

1. Голова твоя на тебе, как Кармил.

По наименованию Кармил означает «гора сада». Гора Кармил вечно зеленая, на ней не бывает снега, как на Ливане, она воистину «гора сада» с цветущей зеленью, виноградом, оливками и дубами. Такова Пречистая Дева, не ведающая духовного холода, цветущая и плодоносящая добродетелями, «Гора сада» духовных дарований. Глава Пречистой — гора высокая, Она всегда о горнем помышляет, а не о земном (Кол. 3,2).

2. И волосы на голове твоей, как пурпур; Царь увлечен (твоими) кудрями. Волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской.

Св. Григорий Нисский: «Посему под волосами на голове, которые «растит» жена, мудростию Павловою разумеются стыдливость и целомудрие» [22, Толк. на Песн. Гл. 4, ст. 1]. **Волосы на голове Пречистой — совершенство Ее непорочности, целомудрия. Целомудрия особого — приснодевственного. Пурпур**, которому уподобен Ее волос, указывает на то, что Ее Жених — «Жених крови» (Исх. 4,26). А также *багряный* цвет означает плотское начало и царское. Она рождает по плоти Царя славы. **Царь Неба и ангелов увлечен и даже увязан Ее кудрями.** Он оставил Небо и увлечен, *увязан* людьми, воплотившись от Девы и став Человеком. Царь Небесного Престола стал через Деву распятым Царем Иудейским.

Волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской. По наименованию горы Галаад означает «холм, свидетель», а **волос** — знак и покрывало целомудрия, нечувственность (волос ничего не чувствует) к суете и страстям мира сего. Так отрешенность и нечувствие к суете мира, приснодевство Пречистой Девы — это «холм свидетельства» в этом мире о жизни иной, которая как, **стадо коз**, через Деву входит в эту жизнь.

3. Глаза твои голубиные под кудрями твоими. Глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима.

Глаза твои, Пречистая, голубиные, или точнее — *голуби*. Это потому, что голубица Духа Святого, по извещению архангела, осенила Ее (Лк. 1,35), осветила, уцеломудрила (голубь — птица целомудрия, ибо живет только парно) и Саму соделала Голубицей Христовой. **Голубям уподоблены глаза Ее** — ибо чисто и целомудренно взирает Она, как на тайны Неба, так и на тленность и скоропреходящую суету мира земного.

Глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима. Есевон — город высоко в горах. **У ворот Батраббима** («дщерей многих») этого города были высеченные в скалах цистерны, **озерки Есевонские** — рыбные пруды, отражавшие в чистых водах своих горнее небо. А название города **Есевон** означает «размышление». Духовные очи Пречистой всегда взирали на Небо, созерцали в богомыслии и размышлении тайны Царствия Небесного. Пречистая Дева, как горнее озеро, отражает чисто, неискаженно всю красоту Неба. Сие озер-

ко было рыбным прудом, ибо от Девы явилась миру эта «божественная Рыба» — ΙΧΘΥΣ (=Иисус Христос Божий Сын Спаситель). Первые буквы этих слов на греческом языке дают слово «рыба». Рыба как знак Христа была символом первых христиан. И сие озерко — у ворот Батраббима («дщерей многих»). От Девы, озерка, в утробе Своей девственно имевшей сию Рыбу-Христа и девственно даровавшей Ее миру, теперь — «дщери многие», великий и славный сонм девственников Христовых.

4. Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; и запах от ноздрей твоих, как от яблоков.

Ливан, воскуряемый Богу ладан, означает Божественное начало. Нос Пречистой Девы — башня Ливанская. Это означает, что Она, родившая миру Сына Божия, есть истинная Богородица, есть благоухание Христово (2 Кор. 2,15). Сама, обоняя благоухание Духа Божия, Она и Сама источает его в этот мир. Башня означает также мощь и силу. Молитвы Богородицы и благоуханны, и непобедимо сильны. Эта башня обращена к Дамаску. Дамаск символизирует языческое идолопоклонческое начало. Родив Сына Божия, Богородица разрушает всякое идолопоклонство.

И запах от ноздрей твоих, Дева, как от яблоков гранатовых. Ноздри имеют свойство обонять запахи, но здесь они как бы источают их, как и очи не только принимают свет, видят, но и впеоряются в то, на что смотрят. Пречистая ноздрями таинственно вдыхала аромат Духа Божия, и Дева стала Матерью Божией. Восприяв аромат Духа, Она источила благоухание Христа Сына Божия. И запах от ноздрей твоих, как от яблоков. Ева обоняла аромат смертоносный запрещенного яблока, а Дева дала миру живоносный аромат Христа, Божественной Яблони (2,3). Яблоко вместо яблока. Жизнь вместо смерти.

5. Как лента алая губы твои, и уста твои любезны. Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

Лента алая — губы Невесты Невестной, ибо лобызала Она окровавленного бездыханного Сына Своего, Жениха крови, с креста на Голгофе снятого.

Уста твои, Пречистая, любезны — ибо источают сладкозвучные речи о божественном Сыне Своем.

Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему. Желала Святая Дева лобзаний уст Его, ибо ласка Его

лучше вина (1,1). И Он пришел и воплотился в Ней — то было лобзание уст Его. Божество коснулось человеческой плоти. Но и Ее уста были любезны Ему. От них истекало отличное вино Ее материнской любви. Оно течет прямо к Другу Моему. Отличное вино Ее материнской любви упоевало Богомладенца, уста Которого не рабами, а друзьями нарекли людей, учеников Своих (Ин. 15,15).

От Нее, Пречистой Девы, произрастала истинная виноградная Лоза в вертограде мира сего. О том в Субботу Похвалы Божией Матери воспевают святая Церковь Приснодеве: «Лозо истинная, грозд зрелый возделавшая, вино источающий, души веселящее верою тя славящих» (Триодь пост., суб. акаф., утренья, канон, песнь 7).

Чудное отличное вино любви Богородицы не только течет к Другу Её, ко Христу, но и услаждает уста утомленных. К кому, как не к Ней взывают, надеясь на помощь и усладу, уста утомленных суетою, горестями и злобою этого мира!

6. Зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними.

Зубами пережевывается пища для лучшего усвоения ее желудком. Так и Богородица, приемля духовно зубами Своими совершеннейшие глаголы Божии, предлагает их в легко усвояемом виде чадам церковным, стаду словесных овец Христовых, выходящих из купальни крещения, из которых у каждой пара ягнят, имущих сугубую благодать умопознания и доброделания, и бесплодной нет между ними, ибо, произведшая Плод истинный — Христа, предстательствует о них и питает матерински.

7. Как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими.

Ланиты и являемый на них стыдливый румянец означают стыдливость и целомудрие Невесты. Об этом так пишет св. Григорий Нисский: «Ибо Слово... под видом румянца, цветущаго на ланитах, приличным образом хвалит целомудрие» [22, толкование на 4,3]. Совершенной в целомудрии, а потому и сподобившейся стать Матерью Господа, была Пречистая Дева Мария.

Можно особо указать на муки, которые претерпела целомудренная и стыдливая Девица из-за смущения праведного Иосифа Обручника, увидевшего Ее, как ему показалось, бракоокраденной, обещенной. Вот сказание об этом церковное:

«В то же время и Пресвятая Мария не могла не наблюдать за св. Иосифом; и чем чаще, чем внимательнее Она смотрела на него, тем яснее открывалось Ей внутреннее состояние его. Ей известна была доброта св. старца; но Она не решалась объяснить ему тайны Благовещения без особенной на это воли Божией. Как стыдилось этих подозрений непорочная голубица; как краснело невинное лицо Ея; как сжималось непорочное сердце! И все же Она не дерзала нарушить тайны Божией! «Дева молчала (говорит Златоуст), ибо думала, что не уверит обручника, сказавши о необыкновенном деле, а скорее огорчит его, подав мысль, что Она прикрывает сделанное преступление. Ежели сама Она, слыша о даруемой Ей толикой благодати, судила по человечески и говорила: «как будет это, когда я мужа не знаю?», то гораздо более усомнился бы Иосиф, услышав о сем от подозреваемой. Посему Дева вовсе не говорит Иосифу. ...И так-как Ей теперь не к кому было обратиться за советом или успокоением, кроме Бога, за дело Которого и Она и Иосиф страдали; то, возложив всю надежду свою на Господа, Она была в твердой уверенности, что Он, в неистощимой бездне премудрости Своей, найдет лучший способ вывести Ее из такого трудного положения. Молчание — по мере молчания о Ней Самого Господа — представлялось Ей необходимостью, и Она молчала» [82, стр. 98].

8. Шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных; шея твоя — как столп из слоновой кости.

Шея, как столп... для оружий указывает на красоту, грацию, мощь. **Слоновая кость** — на необычайную крепость.

Богородица — столп и утверждение христиан. Она — их ограждение и щит. **Тысяча щитов висит на этом столпе — все щиты сильных. Сильные** — суть святые апостолы и праведники, **щиты веры** (Еф. 6.16) которых утверждались Богородицей. Цвет **слоновой кости** указывает на святость и чистоту Пречистой. Святая Дева — **столп Давидов**, ибо родила Сына Давидова. О Сыне возвестил Ей святой архангел, что «даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1,32-33).

9. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда. Два сосца твоих — как два козленка, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Сколько нежной любви в сих словах Жениха-Христа к Невесте Своей Невестной! Сколь прекрасна Она, сколь достойна высокой любви Своего божественного Сына! Проходили века и тысячелетия — и не было той, от которой бы мог Он воплотиться. И вот, наконец, узрел Он в Назарете Свою Суламиту, Деву простую и чистую. И говорит Он: **Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее**, то есть возжелал воплотиться от нее, возжелал младенческими руками объять Ее и **ухватиться за Нее, ухватиться за добродетели и непорочную чистоту Ее. Подумал он и решил — вот Та, с Которой надлежит сочетаться без истления девства Её; вот Та, ухватившись за Которую, можно прийти спасти мир.**

Пречистая Дева — Млекопитательница Богомладенца. **Два сосца Твои — как два козленка, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.** Архангел Гавриил принес Деве райскую ветвь лилии — и вот проросла эта божественная **Лилия** от Нее, и святой Младенец на пречистых руках припадает к груди Ее и напояется молоком Её. И **два сосца**, питавшие Младенца, — как два козленка, как двойни молодой серны, пасущиеся там, где процвел **Нарцисс Саронский** и проросла божественная **Лилия долин** (2,1). И превечное Слово в Младенце изрекает Деве-Матери: **влез бы я (Логос) на пальму (Деву Пречистую), ухватился бы за ветви ее (добродетелей); и груди твои (Пречистая) были бы вместо кистей винограда.** Напояя Младенца телесным молоком, Она же и напояет рожденного от Нее крепостью и сладостью кистей винограда духовного совершенства Своего.

Пречистая сама изумляется таинству: «Носящи Еммануила на руку Твоею, Чистая, якоже Младенца, Богообрадованная, вопияла еси: Чадо Мое сладчайшее, како подам Тебе сосец, питающему всяческая? Какое повию Тебе пеленами, мглою повивающего море?» (служба в честь иконы «Млекопитательница», 12 января, утренняя, канон, песнь 1). «Величаем Тя, Богородице Дево, ... благостию Творца, всельшагося в Тя плотию, иже питаешься от сосец Твоих яко младенец, сый предвечный Бог, спасаяй присно Тя величающая» (та же служба, стихира на «Господи воззвах»).

10. Живот твой — круглая чаша, (в которой) не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Во все века архангельски убаживают Богородицу: «Благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего!» Об этом чреве и божественном его Плоде воспевают Соломон: **Живот твой — круглая**

чаша, (в которой) не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Во чреве Пречистой от девственных кровей восприял Свою спасительную кровь, сие **неистощимое ароматное вино**, Богочеловек Христос. И соделал Он тем самым живот Ее — **круглой чашей, в которой неистощимое ароматное вино** нашего спасения. Святой потир евхаристии, святая чаша с евхаристическою Кровью — образ чрева Пречистой, от него же **неистощимое ароматное вино**.

Воплотился Бог — и чрево Пречистой явило ворох пшеницы, обставленный лилиями, ибо во чреве Ее восприяло плоть Свою пречечное Слово и произросла Божественная Пшеница, Небесный Хлеб плоти Христовой.

Воплотился Бог — и чрево Пречистой стало долиной. произрастившей Небесную **Лилию**, Человека, прекраснейшего из сынов человеческих (Пс. 44,3).

Восторгается Жених: **Живот твой — круглая чаша...** Но и вся тварь восторгается вместе с Ним: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельский собор и человеческий род... девственная похвало, из Неяже Бог воплотился и младенец бысть... и чрево Твое пространнее небес содела» (Из литургии св. Василия Великого). Стало чрево Ее круглою чашею, пространнейшею небес, вместившею Невместимого. «Бысть чрево Твое святая трапеза, имущая небесного хлеба, Христа Бога нашего, от Негоже всяк ядый не умирает, якоже рече всех, Богородительнице, Питатель» (молитва после вечерней трапезы). Воистину — **чрево твое — ворох пшеницы, питающий алчущего жизни вечной.**

Так об этом рассуждает св. Амвросий Медиоланский: «**Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями...**

Да и на самом деле чрево этой Марии — круглая чаша, в которой Премудрость растворила вино свое, споспешествуя полнотою Божества своего неоскудевающей благодати божественного ведения.

В этом девственном чреве вместе с тем был и ворох пшеницы, а равно произрастал и прекрасный цвет лилии, и действительно, (Мария) родила зерно пшеницы и лилию. Зерно пшеницы — как о том написано: «аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшеничное пад на землю не умрет, то едино пребывает» (Ин. 12,24). А что из одного пшеничного зерна образовался ворох, — в этом отношении исполнилось следующее пророчество: «и удолия умножат пшеницу»

(Пс. 64,14); и действительно, это умершее зерно принесло весьма обильный плод. Это зерно, таким образом, насытило всех людей вечной пищей небесных даров, и в этом случае исполнилось то изречение пророческих уст, которое сказано тем же Давидом: «напита их от тука пшенична, и от камене меда насыти их (Пс. 80,17).

По свидетельству божественных изречений, в этом зерне находится также и лилия; ибо написано: *Азъ цвет польный и крин удольный. Якоже крин в тернии* (2,1). Христос был именно лилией между тернами, когда находился среди иудеев» [18, «О воспитании девы», гл. 14, 89-92].

11. Округление бедр твоих как ожерелье, дело рук искусного художника.

Бедра указывают на девственное лоно Пречистой, от негоже явился в мир сей Христос. А то, что **округление бедр Её, как ожерелье**, «Это значит, что происхождение Христово от Девы, простирающееся на всех, облегчило наше ярмо и увенчало шеи верных знаками добродетелей наподобие того, как победители на мирских сражениях обыкновенно украшают шеи деятельных мужей пожалованными (им) ожерельями» [св. Амвросий, 18, «О воспитании девы», гл. 14, 89]. Происшедший от девственного лона Христос освободил верных своих от ярма греховного и украсил **ожерельем добродетелей и даров Духа**.

Или иначе: **Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника**. Христос явился в этот мир от девственного лона Пречистой, как через некие врата, обрамленные **ожерельем** (чистотою Ее девства и непорочности). И сие **ожерелье** (девственная чистота и непорочность) — **дело рук искусного художника** — Духа Святого, осенившего девическое лоно и освятившего его. «Величаем Тя, Богородице Дево, яко одушевленный кивот Божества и манноприемную стамну, позлащенную Духом Святым, ложесна бо Твоя престол Себе сотвори...» (служба в честь иконы «Млекопитательница», 12 января, стихира на «Господи воззвах»).

12. О, как прекрасны ноги твои в сандалиях!

Подобно восклицает святой пророк Исаия: «как прекрасны на горах ноги благовестника!» (Ис. 52,7). А святой Павел призывает: «Итак, станьте,... обув ноги в готовность благовествовать мир» (Еф. 6,15).

Архангел принес благую весть Деве Марии, а Она, родив Сына, обула **ноги Свои в сандалии** готовности благовествовать миру. Взяв Младенца на руки, Она понесла Его в мир, неся бла-

го и радость. «Рождество Твое Богородице Дева, радость возвести всей вселенной: из Тебе бо возсия Солнце правды Христос Бог наш...» (тропарь на Рождество Богородицы). Дева, несущая в мир Христа, прекрасно изображена художником Васнецовым в алтарном своде Свято-Владимирского собора в Киеве.

Св. Амвросий Медиоланский: «Подражайте, дочери, той, к которой всецело приложимо предсказание пророка о Церкви: *украшишася стопы твои в обуви твоих, дщи Аминада* (7,1); это (сказано) потому, что Церковь прекрасно шествует вперед с проповедью Евангелия. Прекрасно шествует и та душа, которая пользуется телом, как обувью, и без всякого препятствия может обращать свои стопы, куда хочет.

В этом-то обуви прекрасно шествовала Мария: она без какого-либо обычного плотского смешения пребывая девою, родила виновника спасения. Вот почему Иоанн превосходно сказал: «Я недостоин развязать ремень у обуви Его» (Ин. 1,27), то есть не достоин обнять тайну воплощения человеческою ограничею мыслию и выразить ее при посредстве убогой и бедной (человеческой) речи. Вот почему так же Исаия говорит: «род же Его кто исповесть» (Ис. 63,8)? Итак, прекрасны стопы, как Марии, так и Церкви, ибо прекрасны ноги благовествующих» [18, «О воспитании девы», гл. 14, 87-88].

Таков чудный образ Марии Богоневесты, представший радостному взору Жениха-Христа. В этих двенадцати членах тела Невесты воспета вся тайна боговоплощения через Деву Богородицу.

А, взирая на Нее на всю сразу, Жених восторженно восклицает: **Этот стан твой похож на пальму... Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!**

Святая Дева — Пальма Христова! Ведь «праведник цветет, как пальма» (Пс. 91,13), а от Девы процвел Тот, о Котором сказано: «Истинно человек этот был Праведник» (Лк. 23,47 — сотник Лонгин у креста).

Этот стан твой похож на пальму, ибо Дева вся пребывает в правде и праведности Божией. А потому, увидев Ее с небесных высот, Жених и говорит: **Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее. И влез!** — ибо воплотился и был носим Ею на руках Ее; и ухватился за ветви ее, ибо младенчески держался за Нее. **Ухватился за ветви добродетелей и непорочности** Ее, а если не ухватился бы, то упустил бы единственную возмож-

ность (единственный шанс!) спасти мир, ведь другой такой Девы, от которой Он мог бы воплотиться, не было до Нее и нет после. Она одна **вся прекрасна и пятна нет на Ней!** Она одна и единственна, через Которую Он мог обрести Себе Невесту и **Возлюбленную** в мире сем. Как един Христос, так и едина Богородица! И неправильно думали бы сказавшие, что если не от Девы Марии, то от некоей иной Он мог бы родиться. Ведь священная история знает праведных дев, но ни одна из них не достигала праведности Марии. Одна только **Пальма** Христова!

А о том, что Она **вся прекрасна и пятна нет на ней**, так пишет прп. старец Силуан Афонский: «Однажды в церкви я слушал чтение пророчеств Исаии, и при словах: «Измыйтесь, и чисти будете» (Ис. 1,16), подумал: «Быть может, Божия Матерь согрешила когда-нибудь хотя бы мыслью». И дивно, в моем сердце вместе с молитвою голос ясно проговорил: «Божия Матерь никогда не согрешала даже мыслью». Так Дух Святой в сердце моем свидетельствовал чистоту Ее» [44, стр. 352]. Далее старец не отрицает, что при земной жизни были у Нее «безгрешные ошибки несовершенства».

Приведем еще таинственное видение пророка Иезекииля. Ему было показано в видении украшение храма: «От верха дверей как внутри храма, так и снаружи, и по всей стене кругом, внутри и снаружи, были резные украшения, сделаны были херувимы и пальмы: пальма между двумя херувимами, и у каждого херувима два лица. С одной стороны к пальме обращено лицо человеческого, а с другой стороны к пальме — лицо львиное; так сделано во всем храме кругом. От пола до верха дверей сделаны были херувимы и пальмы, также и по стенам храма» (Иез. 41,17-20). Оказавшийся в этом таинственном храме оказывался окруженным резными настенными изображениями пальм с взиравшими на них двуликими херувимами (другие два лика — тельца и орла — не могли быть изображены на плоскости). Это вводило в некий райский пальмовый сад с населявшими его херувимами.

Пальма — образ Девы Богородицы, а двуликий херувим — образ Христа, Сына Человеческого и Льва-Царя, Царя Иудейского. Царь и Человек, божественный Соломон, таинственный Жених пришел в «запертый сад» (Песн. 4,12), который суть Пречистая Матерь Его. Там взирает Он на Пальму свою, Возлюбленную Невесту, Деву Пречистую.

Что еще говорит святая Песнь Песней о Деве Богоотроковице, Христовой Богоневесте?

Дщерь именитая

Дева Богородица есть **Дщерь именитая** (7.2). О том поет святая Церковь: «Многоименитая Отроковице, радуйся, из Нея же Бог Слово родися» (Окт. гл.3, втор., утр., кан. ко Госп., п. 4). И кто может изчести имена Пречистой?

Вот имена Её:

Мария	Троеручица
Дева	Одигитрия (Путеводительница)
Приснодева	Блаженное чрево
Пречистая	В родах Помощница
Пресвятая	Млекопитательница
Пренепорочная	Взыскание погибших
Отроковица	Всех скорбящих радость
Богоотроковица	Нечаянная радость
Невеста Невестная	Умиление
Богоневеста	Умягчение злых сердец
Богородица	Споручница грешных
Богоматерь	Спорительница хлебов
Божия Матерь	Тучная Гора
Владычица	Неопалимая Купина
Царица Небесная	Благодатное небо
Предстательница	Нерушимая Стена
Ходатаица	Экономисса
Скоропослушница	Живоносный Источник
Избавительница	Благая Вратарница
Целительница	Неувядаемый Цвет

И сколько еще?..

Образ стены и двери

8.8-10 Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцев нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то обложили бы ее кедровыми досками. Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

Сестра, которая еще мала — Дева Отроковица, Она еще мала и слаба. Ее еще не знали, еще пребывала Она в человеческой немощи. Здесь указывается на отроческие годы, проведенные в тиши Иерусалимского храма.

Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты. Достигла совершенства, стала Богоматерью и даже Царицей Небесною.

И сосцы у меня, как башни — «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» (Лк. 11,27) — ублажается Она теперь из народа. Она в **глазах его** — Христа-Бога — **как достигшая полноты**, и увенчана как Царица Небесная.

Некогда немощная, некогда «не стена» — теперь Она величественно говорит: **Я — стена**, и теперь воистину возможно построить на Ней **палаты из серебра**.

«Радуйся, стена верных. Радуйся, неискособрачная...» — вопиет Ей Церковь (Окт., гл.1, нед., утр., канон воск., п. 7). Теперь Она — **стена верных**, к которой притекает всякий нуждающийся в опоре и укрытии. Она — **Стена** в Церкви святой, сей **Палате из серебра**.

«Стена еси верным, Богородице Дево, и всем к Тебе прибегающим» (акаф. Пресв. Богородице, икос 10). Приснодева — Она **Стена** всем девам. В Ней утверждаются все совершающие подвиг девства. Она — **Стена** в иноческом житии, в монастыре — сей воистину **Палате из серебра**.

Она теперь и **Дверь**, Которую обложили кедровыми досками. Она — непроходимая **Дверь**, Которую Христос вошел в мир сей. Эта **Дверь обложена кедровыми досками**. Кедр — негниющее дерево, символ нетления. Это значит, что нетленна осталась Дева, когда Ею вошел в мир Господь. Она — «без истления Бога Слово рождающая». Она — та таинственная **Дверь**, которую видел пророк Иезекииль: «И привел он (явившийся в видении муж. — Г.Ф.) меня обратно ко внешним воротам святилища, обращенным лицом на восток, и они были затворены. И сказал мне Господь: ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены» (Иез. 44,1-2). Она — Благая Вратарница, Еюже входят ко Господу во Царствие Его ищущие Его. Она — Благая Вратарница на Афоне. Образ Ее «Вратарница» уже многие века пребывает над монастырскими вратами, охраняя святую Афонскую Обитель, и осеняет всякого входящего в него.

Завершим образ Пречистой Девы, Невесты Христовой восклицанием и вопросом Песни Песней (6,10):

**Кто эта, блистающая, как заря,
прекрасная, как луна,**

**светлая, как солнце,
грозная, как полки со знаменами?**

Кто сия? — Сия есть Матерь Господа нашего, сия есть Невеста — Царица Небесного Царя! Ею, как луною, освещается ночь этой жизни. Она — **Заря** нового дня вечности. Она — **солнце** будущего века. Она — «взбранная воеводо» и для всякой боговраждебной силы **грозная, как полки со знаменами**.

Ей поет святая Церковь: «Из Тебе бо возсия Солнце правды Христос Бог наш» (тропарь Рождества Богородицы). Она — «Утро светлейшее, — носящая Солнце Христа, — света жилище, — тьму разрушившая и мрачные бесы отгнавшая». Она — «Звезда, являющая Солнце» (акаф. Пресв. Богородице, икос 1), Она — «Заря таинственного дне» (акаф. Пресв. Богородице, икос 5). Ей воспевает: «Утро светлейшее, радуйся, едина солнца носящая Христа света жилище. Радуйся, тьму разрушившая, и мрачные бесы отнюд отгнавшая» (Тр. пост., суб. акаф., утр., канон, п. 3).

Кто сия?.. грозная как полки со знаменами?

Грядет Взбранная Воеводо навстречу Христу-Жениху, водворяется Царство Его.

Вот пример из российской истории. Когда великий завоеватель средневековья Тамерлан угрожал не знавшими пощады смертоносными войсками под Москвою самому существованию Руси, русские люди, уповая лишь на помощь Божию и ограждение Дома Пречистой Богородицы (так именовали они Русь Святую) Ею Самою, встретив на Кучковом поле икону Владимирской Божией Матери, призывали Ее на помощь. В тот самый час Тамерлан дремал в ставке своей в шатре. Вдруг он увидел во сне великую гору, с вершины которой к нему шли святители с золотыми жезлами, а над ними в лучезарном сиянии явилась величавая Жена со множеством воинов. Она повелела ему оставить пределы Руси. Проснувшись в трепете, Тамерлан спросил о значении видения: «Кто Сия?» Знающие ответили, что сияющая Жена есть Матерь Божия, великая защитница христиан. Тамерлан и все воинство его в страхе, ужасе и панике бежали обратно, давя друг друга. Агарянам казалось, что многие полки русских воинов преследуют их. Из руин восставала Русь Святая, Дом Пречистой Богородицы.

ВИ. СКРИЖАЛИ ЗАВЕТА

Прочтение седьмое — христологическое

Во святом ковчеге — скрижали Завета, а за ними — более уже ничего, они сердце и суть всего. С одной стороны — камень, но на нем — Слово превечного Бога. С одной стороны — плоть Сына Человеческого, но в ней вся полнота Божества телесно, божественный Логос, превечное Слово во плоти.

«И Слово стало плотию» (Ин. 1,14).

Соломон и Суламифь, царь и царица — это Слово и плоть. Песнь Песней — тайна их сочетания.

Прочтение седьмое — это раскрытие евангельских слов «И Слово стало плотию» (Ин.1,14), это размышления о «великой благочестия тайне: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3,16).

Так читали Песнь Песней св. Мефодий Патарский и св. Афанасий Великий.

А после этого прочтения более нет никакого.

Святые отцы о браке Слова и плоти

Св. Мефодий Патарский. В «Пире десяти дев» дева Прокилла, размышляя о Песни Песней Соломона, говорит: «Иначе можно разуместь под невестою пречистую плоть Господа, для (восприятия) которой Он оставил Отца, снизошел сюда, соединился с нею и вместился в ней вочеловечившись. Образно она названа *голубкой* потому, что это животное ручное, домашнее, и охотно живущее вместе с людьми. Ибо она одна, так сказать, оказалась чистою и непорочною и превосходящею всех добротою и красотою праведности, так что никто даже из высоко угодивших Богу

не может стать подле нея по сравнительному достоинству добродетели. Посему она и удостоилась быть соучастницею царства Единородного, сочетавшись с Ним. И описанная в сорок четвертом псалме царица, из многих ставшая одесную Бога, облаченная в золотое украшение добродетели, которой красоты возжелал Царь, есть, как я (дева Прокилла. — Г.Ф.) сказала, та пречистая и блаженная плоть, которую само Слово, вознесши на небеса, посадило одесную Отца» [41, Речь VII, гл. 8].

Далее, размышляя о подругах Царицы (Пс. 44), дева Прокилла у св. Мефодия говорит: «Здесь, кажется весьма ясно Дух восхваляет девство и обещает, что за невестою Господа (плотию Христа. — Г.Ф.), как мы изложили, вторыми приступят к Всемогущему с радостью и веселием девы, окруженные и сопровождаемые ангелами. Так по истине достолюбезна и вожеленна красота девства, что вслед за Царицею (Своей пречистой плотью. — Г.Ф.), которую Господь вознес и представил безгрешному Отцу, приводится сонм ликующих дев, удостоенный второго места после невесты» [41, Речь VII, гл. 9].

Великий из отцов Церкви св. Афанасий Великий в своем обозрении Священного Писания пишет: «Посему Песнь Песней воспевает как бы брачную песнь на бракосочетание Слова с плотию. И другия Писания хотя говорят также о Спасителе, но между прочим возвещают и нечто другое; а сия книга воспевает один союз Слова с плотию...

Вот слова, коими древний народ просит Слово низойти и соединиться с плотию: *да лобжет мя от лобзаний уст своих, яко блага сосца твоя паче вина* (1,1); и плоть возбуждает в Нем желание следующими словами: *плоды новыя до ветхих, брате мой, соблюдох ти* (7,13); и вообще прошение всех к Слову, чтобы Оно восприяло наше тело, таково: *кто даст тя, брате мой, ссуща сосцы матери моея? обретши тя вне, целую тя, и ктому не уничижат мене. Пойму тя, введу тя в дом матери моея, и в ложницу зачещения мя* (8,1). Они просили, чтобы Он принял плоть не отынуду, но из той самой утробы, из которой мы родились, хотя и не так, то есть от мужа и жены. Ибо Он, как Творец, восприял себе плоть от одной Девы, впрочем от человека; ибо Богородица Мария есть человек.

Вот что к просившим говорит Слово, уже восприявшее плоть от Девы: *внидох в вертоград мой, сестро моя невесто: обыхмах смирену мою с ароматами моими, ядох хлеб мой*

с медом моим, пих вино мое с молоком моим (5,1). Ибо, вшедши в собственный сад, то есть в творение, Он воспринял для себя плоть от Девы, и стал человеком. Тело было смертно, но оно соединилось с благоуханием всесвятого Слова. И хотя Он, как человек, позволял телу своему вкушать молоко, но сообщал ему и вино своего совершенства. Ибо Он, как телом своим вкушал молоко, так в теле же творил дела Божества...

Изыдите, и видите в царе Соломоне, в венце, имже венча его мати его в день обручения его и в день веселия сердца его (3,11). Кто выйдет из зла, тот увидит непреложное соединение Слова с телом. Ибо когда совершилось обручение Слова с нами, через соединение тела, тогда оно и сотворило над смертью победу, по причине коей все наполнилось веселием. — Таковы разговоры в Песни Песней» [20].

А заканчивает св. Афанасий Великий свое обозрение Песни Песней словами: «Таковы разговоры в Песни Песней. Приспосаблиясь к ним, может каждый, рассматривая самую книгу, сочетать по смыслу сходные между собою происшествия» [20]. Это нами и проделано в «Седьмом прочтении» Песни Песней. Святые Мефодий и Афанасий указали на саму возможность такого ее прочтения. Толкования же соответственного они не дали. Приведенные нами тексты и есть все, что эти святые отцы написали в отношении Песни Песней как брачной Песни Слова и плоти. Другие отцы и толковники этой темы вообще не касались. Разве лишь св. Кирилл Иерусалимский, видя в Песни Песней изображение конкретных евангельских событий, толкует иногда христологически. Но говорит не столь о браке Слова и плоти, сколь о связанных со Христом евангельских событиях. Уповав на милость Божию и молитвенное предстательство святых Мефодия Патарского и Афанасия Великого, мы приступаем к попытке христологического истолкования Песни Песней, как брачной песни превечного Слова и пречистой плоти Христа Богочеловека. Это — Песнь Песней, после которой нет иной песни, и это — тайна тайн, после которой нет иной тайны, это такое прочтение книги Песнь Песней — после которого нет иного прочтения...

Учение святой Церкви о боговоплощении

Прежде, нежели прикоснемся к сей тайне боговоплощения; прежде, нежели умом войдем во Свята Святых и прикоснемся к таинственной Божественной Скрижали воплощенного Слова, со-

кровенной в ковчеге Завета; прежде, нежели услышим разговор Слова и плоти — сию Песнь Песней — приведем определенное об этом святою Церковью на Четвертом Вселенском Соборе в Халкидоне (451 г.) учение о двух естествах во едином лице Господа нашего Иисуса Христа: «Последующе божественным отцем, все единогласно поучаем исповедывати единого и тогожде Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенна в Божестве и совершенна в человечестве: истинно Бога и истинно человека, тогожде из души и тела: единосущна Отцу по Божеству, и единосущна тогожде нам по человечеству: по всему нам подобна, кроме греха: рожденна прежде век от Отца по Божеству, в последние же дни тогожде, ради нас и ради нашего спасения, от Марии Девы Богородицы, по человечеству: единого и тогожде Христа, Сына, Господа Единородного, во двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, (никакоже различию двух естеств потребляемому соединением, паче же сохраняемому свойству коегождо естества, во едино лице и во едину ипостась совокупляемого) не на два лица разсекаемого или разделяемого, но единого и тогожде Сына, и единородного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, якоже древле пророцы о Нем, и якоже Сам Господь Иисус Христос научи нас, и якоже предаде нам символ отец наших».

Учение IV Вселенского собора о двух естествах во единой Ипостаси восполняется еще определением VI Вселенского собора (681 г.) о двух волях и действиях в Господе нашем Иисусе Христе. «И две естественныя воли или хотения в Нем, и два естественныя действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно, по учению святых отец наших, такоже проповедуем: два же естественныя хотения не противныя, да не будет, якоже нечестивии еретицы рекоша, но Его человеческое хотение, последующее, и не противостоящее, или противоборствующее, паче же и подчиняющееся Его божественному и всемогущему хотению». [Догматические определения приведены по «Книге правил», М., Синодальная типография, 1901 г.]

В толковании Песни Песней как брачной песни Слова и Плоти должно исходить из сего учения святой Церкви. Все приводимые «диалоги» Слова и Плоти ни в коем случае не должно разумевать несториански, разделяя Христа на две ипостаси. Во Христе одна ипостась Богочеловека. Приводимые же «диалоги» суть таинственное раскрытие Халкидонского догмата.

Нами не будет истолковываться каждое отдельное слово и образ книги, чтобы избежать неизбежные повторы с толкованием о Христе и Церкви (где была истолкована вся книга), а также, чтобы избежать некоторых искусственных построений, которые в таком случае могут возникнуть. Еще св. Иоанн Златоуст писал, что не всякий штрих притчи бывает всегда истолковываем, но излагается основная мысль, а детали бывают для связности речи и цельности образа.

ГЛАВА 1

1.1 Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага сосца твоя паче вина.

1.1 Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина.

Плоть Христова, будучи уничижена во образ раба, ибо Он «уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеку и по виду став как человек» (Фил. 2,7), будучи причастна человеческой немощи и болезням, неся на себе людской грех, ибо «Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни,... наказание мира нашего было на Нем» (Ис. 53,4.5), эта плоть Христова взывает: *Да лобжет мя от лобзаний уст своих*. Ибо желает преображения своего, через прикосновения и лобзания, божественной природою преевечного Слова.

Странствуя по земле, плоть Христова желала преображения своего на Фаворе. Когда на Фаворе зазвучал голос Отца о возлюбленном Сыне, о благоволении к Нему, когда Его осенило Светлое Облако, когда слава преевечного Логоса возсияла, как солнце, на лице Его — тогда свершилось это божественное *Лобзание*, которого так желала плоть Его в уничижении. Но сие было однажды. А во дни земного странствования томился Он, не имея где и главы приклонить.

Когда уста предателя целовали лик Христа в ночи Гефсиманского сада, как томилась тогда плоть Христова ища *лобызания уст* Божества, вместо сего, Иудина.

Когда тело Христово бездыханным лежало во гробе, когда без жизни, ожидало жизни и воскресения, тогда взывало оно: *Да лобжет мя Жизнь и Воскресение* (Ин. 11,25) *от лобзаний уст своих!*

Яко блага сосца твоя паче вина.

Ибо ласки твои лучше вина.

Сын Человеческий пил вино от земных виноградников (Мф. 11,19), но жаждал ласки и питья от Божественного *сосца*, которые *паче вина* земного. На тайной вечери Он сказал: «Ска-

зываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое (вино) в Царствии Отца Моего» (Мф. 26,29). Вино веселит сердце человека (Пс. 103,15), а Сын Человеческий желал Божественного веселия во Царствии Божиим.

1.2 Миров излиянное имя твое.

1.2 Имя твое — как разлитое миро.

Когда в Вифлееме родился Младенец, то наречено было имя Ему «Иисус». Во Израиле известно было имя сие, и многие им нарекались. Но вот, по указанию ангела, наречено это имя Тому, в Ком воплотился Божий Сын, Тому — в Ком совершилась «великая благочестия тайна — Бог явился во плоти» (1 Тим. 3,16). И стало имя сие — **как разлитое миро**, стало *мироизлиянное имя твое*, Господи, «ибо нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4,12). Человеческое имя преисполнилось силы Божией. Им низводится **разлитое** теперь на всякую плоть **миро** Духа Святого (Деян. 2,17), Им спасается всякая тварь и человеческий род.

1.3 В след Тебе в воню мира Твоего течем.

1.3 Влеку меня, мы побежим за тобою.

Плоть первого Адама была увлечена древним змием. Шипя, змий уползал из райского сада, полз по земле, исчезал в преисподнюю. Увлекаемая им, бежала плоть человеческая падшая, греховная — из райского сада, по земле, в преисподнюю. Но вот не змию, а превечному Слову, взывает плоть Второго Адама: **влеки меня, мы побежим за Тобою!** Никогда эта плоть не была увлекаема грехом и страстями, никогда не бежала за миражами этого мира. Плоть Христова, увлекаемая превечным Словом, божественным Логосом «бежит» за Ним.

«Иисус... поведен был Духом в пустыню» Иорданскую (Лк. 4,1). Туда «увлечена» была, туда «побежала» плоть Его. Для того, чтобы исправить испорченное Адамом. Первый Адам, увлекаемый змием, пал в искушении. Второй Адам, ведомый Духом, устоял в искушении. Первый Адам превратил сад в пустыню.* Второй Адам превращает пустыню в сад.

* Даже географически — на месте некогда цветущего райского сада ныне вечный лед и нет жизни (нагорье Арарат).

«После этого сказал (Иисус) ученикам: пойдём опять в Иудею. Ученики сказали Ему: Равви! давно ли иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идёшь туда?» (Ин. 11,7-8). Не убегала от смерти, не уходила от камней, а влекомая божественной любовью к согрешившим, плоть Сына Человеческого «бежала» к месту града Своих страданий.

На скорбном пути, неся крест, трижды изнуренно падая под тяжестью его, плоть Сына Человеческого вопияла: **Влеки меня, мы побежим за тобою.** *В след Тебе в воню мира Твоего течем.* На скорбном пути оставались кровавые следы, орошенные слезами *дщерей Иерусалимских.* Миров божественной любовью влекло святого Страдальца, Он вновь и вновь вставал, нес крест... Влекомая божественным Словом, устремлялась к своему распятию плоть Человеческая.

Бездыханная во гробе, вновь вопияла плоть Человеческая божественному Слову: **Влеки меня, мы побежим за тобою.** Разбуди меня — я воскресну, позови — я выйду из гроба и всем воскресение дарую, ибо всяк ядущий меня не умрет, но будет иметь жизнь вечную (Ин. 6,50-51).

На вершине Елеонской горы, под вечным небом взывала плоть Сына Человеческого: **Влеки меня, мы побежим за тобою.** «И облако взяло Его из вида» бывших с Ним (Деян. 1,9). **Царь ввел меня в чертоги свои** (1,3). Сын Человеческий и Божий Сын «вознеся на небо и воссел одесную Бога» (Мк. 16,19). **Будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино** (1,3). *Возрадуемся и возвеселимся о тебе, возлюбим сосца твоего паче вина* (1,3). «Величаем Тя, Живодавче Христе, и почитаем еже на небеса, с пречистою Твоею плотию, божественное вознесение» — радуется, веселится и величает Церковь плоть вознесшегося в чертог Царя.

Сидение Господа Иисуса Христа одесную Бога означает взятие человеческой природы в божественную славу. Плоть человеческая, желавшая лобзания Слова, *вводится в ложницу Царя* (1,3), в Его небесные чертоги. Желавшая прикосновения любви, получает гораздо более — введенная в ложницу Царя, она навеки соединена с Ним.

Введе мя царь в ложницу свою — Бог восприимчив в лоно Свое человеческую природу, тем самым обожив ее, соделав причастной Божеского естества (2 Пет. 1,4).

Возрадуемся и возвеселимся о Тебе — радость твари, соединившейся во Христе с Творцом; радость плоти, соединившейся с Логосом, превечным Словом.

1.4-5 Черна есмь азъ и добра... Не зрите мене, яко азъ есмь очернена, яко опали мя солнце...

1.4-5 Черна я, но красива... Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня...

Черна я, но красива — восклицает плоть, человеческая природа Христова.

Черна, ибо немощна; **черна**, ибо измучена, истерзана, оплевана, изранена. **Черна**, ...**ибо солнце** невзгод и страданий, зной людских грехов опалили меня.

Черна природа Сына Человеческого, ибо Он «как отпрыск и как росток из сухой земли (и **солнце опалило** его. — Песн. 1.5); нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое (а плоть Принявшего образ раба просила: **Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня** — но мы именно на это смотрели, смотрели на уничтожение Его плоти и «отвращали от Него лице свое». — Г.Ф.); Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Ис. 53,2-3). Сам Он говорил о Себе: «Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8,20).

Но, несмотря на все это уничтожение, на эту **черноту**, прекрасен Сын Человеческий. **Черна я, но красива и добра** — восклицает о себе плоть Сына Человеческого. Господь по человеческой природе «красен добротою паче сынов человеческих» (Пс. 44,2). Он красив, ибо истинная божественная красота отражена и обитает в теле Его. «Само сияние и величие скрытого Божества при первом виде Его могли привлекать к себе смотрящих на Него» (бл. Иероним, Толкование на Мф. 9,9).

И еще.

Черна я, но красива — говорит плоть Сына Человеческого.

Черна я, будучи в Страшную Пятницу измучена, истерзана, оплевана, изранена, умерщвлена. Ибо «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши» (Ис. 53,5). В полдень на кресте солнце опалило Его.

Но красива, воскреснув из мертвых, преобразившись на Фаворе и всегда светясь божественною красотою, отражая славу Отца Небесного.

Интересная иллюстрация — Туринская плащаница. На самой плащанице отпечатлен лик умерщвленного Христа, **черный** в своих страданиях и муках, застывших на лице Его в момент смерти. Ученые, пользуясь современной компьютерной техникой, восстановили по лику на плащанице, каков должен был быть Его лик при жизни. И перед нами воссияла неземная идеальная красота Сына Человеческого. Воистину, — «Се, Человек!» (Ин. 19,5).

1.5 Сынове матери моя сваряхуся о мне.

1.5 Сыновья матери моей разгневались на меня.

Это о тех распрях, ссорах и гнев, которые случились среди иудеев по поводу Христа и особенно Его Богочеловечества. Богочеловечество Христа стало для иудеев, да и для всего мира, камнем преткновения и «предметом пререканий» (Лк. 2,34). Иные считали Его за воскресшего Иоанна Крестителя, иные за Илию, иные за Иеремию, иные за обманщика, иные за одержимого. И эти распри привели ко гневу и положили в совете своем убить Его.

Но не сразу иудеи положили убить Его. Сначала:

Положиша мя стража в виноградех.

Поставили меня стеречь виноградники.

Дважды иудеи хотели поставить Христа *стражем стеречь виноградник* свой, то есть воцарить Его в Иудее: после насыщения пятью хлебами пяти тысяч народа и при входе Его в Иерусалим. А главное, ложно понимая мессианские пророчества, забыв о небе и рае и прилепившись к земле и себе, иудеи давно уже *положиша* в сознании и веровании своем Христа *стража в винограде* Иудеи земной для народа своего. Они хотели, чтобы Мессия стерег их виноградник земной.

Но Царство Христа не от мира сего (Ин. 18,36), а потому сей «Царь Иудейский» говорит:

Винограда моего не сохраних.

Моего собственного виноградника я не стерегла.

Он не сохранил Иудею и не стерег ее, даже предрек ей гибель. Но не только Иудею — Он и Себя не стерег и не сохранил. Очернило Его, опалило солнце гонений. Не сберег Себя для мира сего.

Вопиет Суламифь:

1.6 Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши, где почиваеши в полудне: да не когда буду яко облагающаяся над стады другов твоих.

1.6 Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?

Это вопиет на Голгофе плоть распятого Сына Человеческого, томящаяся и ищущая Бога: «Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил» (Мф. 27,46).

Богооставленный на кресте, вопиет распятый Сын Человеческий: *Возвести ми, Егоже возлюби душа моя, вонми Ми: Где пасеши, Боже Мой, Боже Мой! Где почиваеши в полудне?* Ибо в полдень, в шестой час был распят Христос, и скрыло лучи свои солнце и наступила страшная тьма даже до часа девятого. И сокрыло Божественное Солнце лучи Свои, и одиноко страдал Христос: «Боже мой! я вопию днем, — и Ты не внемлешь мне, ночью, — и нет мне успокоения... Избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою!» (Пс. 21,3.21).

К чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих? Скиталась я — вопиет плоть Сына Человеческого — **возле стад товарищей твоих**, обходя грады и веси иудейские, и не имела где главы приклонить. И ублажила я птиц, имеющих гнезда, и лисиц, имеющих норы, сама же, еще рождаясь в мир сей, не обрела места в гостинице, но волы и ослы встретили Меня у яслей своих. *Где же пасеши, где почиваеши Ты, Егоже возлюбила душа моя?*

Так стонала, так вопила, так томилась плоть Распятого.

А солнце сокрыло лучи.

А небо молчало.

И посреди дня тьма была по всей земле.

Обратимся к догматически точному значению этих слов Христовых на кресте. Как разуместь богооставленность Христа на кресте Голгофском?

а) Если разуместь богословски (теологически), что Отец оставил Сына ипостасно, то разрывается Троица нераздельная — и впадаем в ересь трибожничества.

б) Если разуместь христологически, что Божество оставило человеческую природу, то разрываются два естества, нераздельно соединенные во Христе, и нарушается халкидонский догмат

о нераздельном и неразлучном соединении двух природ во Христе.

Подобное сопоставляется с подобным. Либо Оставленный и Оставивший есть Ипостась и Ипостась, либо Естество и Естество. Но в первом случае, как мы видели, разделяется Троица нераздельная, а во втором разлучается неразлучно соединенная природа Божества и человечества. Итак, рассуждение это упирается в тупик.

Выходом может представиться несторианское разделение Ипостасей Логоса, Сына Божия и Иисуса Назорея, Сына Человеческого. Но оно недопустимо, ибо еретично.

Так как же уразуметь тайну голгофского вопля Христова? Она раскрывается, если рассуждать не теологически, не христологически, не об ипостасях и естествах, а сотериологически — о спасении, о жертве, о правде Божией и о грехе.

Так размышляет об этом св. Иоанн Дамаскин: «Слова же: «Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?» Он сказал, так как имел наше лице Своим собственным. Ибо ни Бог — Отец Его не был бы поставляем вместе с нами, если бы именно, при помощи тонких представлений ума, не было разделено видимое от того, что воспринимается умом, ни Он, с другой стороны, никогда не был оставлен Своим божеством, но мы были покинутые и пренебреженные; так что Он молился об этом, усвая Себе наше лице.

Должно же знать, что есть два усвоения: одно — естественное и существенное и другое — личное и относительное. Естественное и существенное, конечно, то, соответственно которому Господь, по человеколюбию, воспринял как естество наше, так и все естественное, по естеству и по истине сделавшись человеком и испытал то, что относится к нашему естеству; личное же и относительное бывает тогда, когда кто-либо принимает на себя лице другого по причине какого-либо отношения, то есть сострадания или любви, и вместо него произносит направленные в его защиту речи, самого нисколько не касающиеся. Соответственно этому Господь усвоил Себе и проклятие, и оставление наше, и подобное, что не есть естественно, усвоил, Сам не будучи этим или не сделавшись, но принимая наше лице и поставляя Себя наряду с нами. Вот такого рода смысл имеет и изречение: «быв по нас клятва» [32, кн. III, гл. 24-25].

Подобно суждение бл. Феофилакта Болгарского: «Почто мя оставил еси?» — говорит Он (Иисус. — Г.Ф.) от лица человеческого

естества как бы так: почто Ты, Боже, оставил меня — человека, чтобы я имел нужду в распятии за меня Бога? Ибо оставлены были мы, люди, а Он никогда не был оставляем Отцем. Послушай, что Сам Он говорит: «несмы един, яко Отец со Мною есмь» (Ин. 16,32). Или же говорит это и за евреев, так как и Сам был по плоти еврей: почто Ты оставил Меня, то есть, Еврейский народ, чтоб он распял Сына Твоего? Как мы обыкновенно говорим: Бог облекся в меня, вместо — в человеческое естество: так и здесь выражение: «оставил Мя еси» — надобно разуметь вместо — Мое человеческое естество, или Мой иудейский народ» [46, Толкование на Мк. 15,34].

Итак, Господь Иисус, будучи Агнцем Божиим, взяв на Себя грех мира, будучи «к злодеям причтен» (Ис. 53,12), был, как некогда козел отпущения, на главу которого был исповедан грех народа, отторгнут от храма и изгнан в пустыню к Азazelo. Так Бог «отделил свет от тьмы», солнце скрыло лучи свои, Бог оставил Того, Кто стал клятвою и грехом за нас. Свет истинный сокрыл лучи Свои от Того, в Ком сгустилась тогда вся вселенская тьма. Одинок страдал оставленный Сын Человеческий, изведенный за стан, вне врат (Евр. 13,12-13). Звал Бога, но Бог не откликался. За нас отверженный ушел с грехом нашим в пустыню гроба, во ад к Азazelo. Такова цена нашего искупления!

Как Христос взял на Себя наш грех, оставаясь по естеству Своему (как Божескому, так и человеческому) безгрешным, так и был оставлен Богом за нас, не разлучаясь с Ним ни по Естеству, ни по Ипостаси.

Это — тайны веры, превосходящие всякий разум — и ангельский, и человеческий. Это не то, чего мы еще не знаем, а то, что по сути своей непостижимо никаким тварным умом, и усвоится только верою.

1.7 Аще не увеси самую тебе, добрая в женах, изыди ты в пятах паств, и паси козлища твоя у кущей пастырских.

1.7 Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

Сын Человеческий, с плотью Которого, как с **прекраснейшей из женщин**, сочеталось превечное Слово, будучи оставлен на кресте без ответа и без утешения (о чем свидетельствуют слова: **Если ты не знаешь этого**), становится посему Пастырем роду людскому. Не став «отверженным Агнцем», Он не смог бы стать Пастырем заблудших овец, возвращающим их во двор овчий.

Теперь же сказано Ему: **Иди себе по следам овец...** Пастырь добрый, иди, ищи заблудших **овец**, ищи их **по следам их**. Души заблудились, ушли от Бога, но остались еще **следы** добрых дел их, **следы** веры и благочестия, по которым их можно найти и вернуть Отцу.

И паси козлят твоих подле шатров пастушеских. Козлятами означаются противящиеся Богу, которые будут поставлены по левую сторону Судии и повержены в муку вечную (Мф. 25,33.4). Эти так и остаются на чужбине **подле шатров пастушеских**, не возвращаясь домой. Но добрый Пастырь, ищущий поставляемых одесную **овец**, имеет промыслительное попечение и о противящихся **козлятах**. Он и их **пасет**, хотя они не ведают или не приемлют Его промыслительного о себе попечения.

Сын Человеческий посылается к овцам и козлятам — об этом сказано, что Бог «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5,45).

1.8 Конем моим в колесницах фараоновых уподобил ты, ближняя моя.

1.8 Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя.

Под образом **фараона** изображено Божеское начало во Христе, а под образом **кобылицы** — плоть Его. Царственно-величественно Божество Его, нежна, грациозна, прекрасна — плоть Его. Она — **возлюбленная** Его. Творец любит Свое творение, превечное Слово любит Свою пречистую плоть, она — прекрасна!

Стремительность и воинственность **колесницы фараоновой** изображает, как через плоть Свою превечное Слово оглашает вселенную, приводя ее к Царствию Божию. Подобно иезекииловой колеснице (Иез. гл. 1), и эта **колесница** означает Четвероевангелие, через которое благая весть о воплотившемся (**кобылице**) Боге (**фараон**) проносится по вселенной.

1.9 Что украшены ланиты твоя яко горлицы, вяя твоя яко монисты?

1.9 Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях...

Это — о неземной, божественной красоте Сына Человеческого.

Образ Царя и возлюбленной Его

1.11-16 Доколе царь был за столом своим, нард мой издавал благовоние свое. Мирровый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает. Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгедских. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные. О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас — зелень; кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы.

Так беседуют превечное Слово и пречистая плоть, в любви сочетавшиеся, таковы их «брачные песни».

Плоть: Доколе царь был за столом своим, нард мой издавал благовоние свое. Царь мой, полнота Божества — во Мне, потому, будучи плотью, источаю Я благоухание божественное.

Мирровый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает. Еще когда Я был Младенцем, с востока принесли Мне смирену, ибо надлежало Мне страдать. И Мария возликала благоуханное мирро на Меня, помазуя на страдания. И смирной с алоэ помазал Меня, бездыханную, праведный Никодим.

Возлюбленный мой, Логос Пребожественный, у меня в виноградниках Енгедских, ибо через Него и Я стала истинною виноградною Лозою. Когда Я родилась зимою в Вифлееме — в Енгедском оазисе Иудейской пустыни на берегу Мертвого моря внезапно расцвели виноградники.

Слово: О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Ты прекрасна, плоть Моя, еюже в мир сей Я вошел. Ты прекрасна, когда, как Младенец, была повита пеленами; когда, как Муж совершенный, странствовала по сей земле; когда преображалась на Фаворе, воскресала от гроба, возносились на Елеоне!

Глаза твои голубиные. О, плоть Моя, будучи пречистой, ты омывалась в струях Иорданских. На тебя сходила голубица Духа Святого — и через тебя Духом и огнем крестится тварь. *Очи твои голубине* и зришь Ты сокровенное человеков, не имеешь нужду, чтобы Тебе кто говорил о нем, ибо видишь, что в нем (Ин. 2,25).

Плоть: О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! О, Логос превечный! Я была в этом мире, но нет ничего в нем, подобного Тебе — Ты один прекрасен, Ты — Возлюбленный мой! Я видела этот мир, но любезен Мне — Ты, с Тобою единым сочета-

юсь я. **И ложе у нас зелень, одр с осенением!** Одром же именуется единение естества человеческого с Божеством.* Я — плоть, а сочетаюсь с Тобою, Божество неопишное, **и ложе у нас брачное** — Дева Пречистая, ибо в Ней навсегда соединились Мы — Божество и плоть. **И ложе у нас — зелень**, ибо зелень Духом Святым животворится, а когда Дух осенил Деву, то и процвел *одр с осенением!* **Кровли домов наших — кедры**, ибо кедры с Ливана, а слава Ливана есть Божия слава. Ливан Богу подобает. Так, Тобою, Слово, обожилась плоть и вошла в Божию славу. Величественно возвышаются кедры на Ливане, так возвысилась Тобою, Слово, и я на земле. **Потолки наши — кипарисы**. Кипарисы — символ смертной печали и вечной нетленной жизни. Умираю я, печаль смертная покрывает землю. Но смерть не имеет силы надомною, и во гробе я нетленна, ибо соединена с Тобою, Слово Пребожественное. И будет день, когда печаль в радость преложится!..

Так беседуют превечное Слово и пречистая плоть, таковы, и несравненно еще совершеннее, их «брачные песни», их Песнь Песней!

* См. толкование св. Григория Нисского на этот текст.

ГЛАВА 2

Слово:

2.1 Азъ цвет польный, и крин удольный.

2.1 Я нарцисс Саронский, лилия долин.

На *поле Саронском*, на поле, процветшем праотцами, про-роками, древними праведниками, посреде закона и обетова-ния, процвел божественный Логос, нетленный и прекрасный *Цветок* жизни и воскресения, царственный **Нарцисс** — Вла-дыка ангелов. Несравненная, все превосходящая Роза неот-мирной красоты расцвела в мире сем.

Я лилия долин, ибо Божество Мое приклонилась к земле, к дольному миру скорбей и страданий. Посреде них прозябла Я, Небесная Сусанна, Белая Лилия. Божественная чистота Непороч-ной Лилии — превечного Логоса произросла в долинах земных.

Таков Я, Логос превечный, «сияние славы и образ ипостаси» Отца (Евр. 1,3). Но когда Отец Мой, начало и причина всего су-щего, вводил Меня во вселенную, то тело уготовал мне (Евр. 1,6; 10,5) «Из всего круга земного избрал Себе одну пещеру, и из всех цветов во вселенной Ты избрал Себе одну лилию» (3 Езд. 5,24), и увидел Я — **что лилия между тернами, то возлюбленная** плоть Моя, тело, Тобою Мне уготованное, **между девицами** (2,2). Как прекрасные *девицы*, были многие праведники, но когда сравнил Я их с непричастною первородному греху плотью Моею, то уви-дел Я, что подобны они **тернам** перед непорочною *Лилией*.

Плоть:

2.3 Яко Яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень его восхотех и седох, и плод его сладок в гортани моем.

2.3 Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей.

О, Логос Божественный, Слово превечное, Ты уподобил меня лилии между тернами, — взывала плоть Сына Человеческого из среды челове-

ков, — Сам же Ты посреди ангелов, **что Яблоня между лесными деревьями**. Таков Ты, превечный Логос, **возлюбленный мой между юношами-ангелами**! Возвышаются древа лесные — выше всего земного премирные силы небесные. На земле — **терния**, там (на небесах) — **древя лесные**. Но и посреди них, Ты — **что благоуханная и плодоносная яблоня между дикими лесными деревьями**. «Вот Он и слугам Своим не доверяет и в ангелах Своих усматривает недостатки (нечто стропотное — слав. перевод): тем более — в обитающих в храминах из брения, которых основание прах» (Иов. 4,18-19). «Обитающие в храминах из брения» — то терния полевые, но и слуги, обитающие в небесных чертогах, всего лишь дикие деревья лесные, ибо и в них усматриваются недостатки, только лишь Ты, Слово превечное, **Яблоня** плодоносная!

В тени ее люблю я сидеть — ибо плоть Христова всегда под тенью Божества. Плоть Христова вкушала и благоуханный мед и другие прекрасные плоды земли. Она вкушала плоды любви верных учеников Своих, вкушала и горькие травы непослушания и зла. Но всегда уединялся Сын Человеческий в ночной тиши на молитву, дабы в **тени** божественной Яблони вкушать Ее божественные плоды, только плоды превечного Слова воистину **сладки в гортани** Проповедника из Назарета.

Приведем к этому размышления Оригена: «Преуспения всегда таковы, что в начале всякий желает находиться по крайней мере в **тени** добродетелей. Я думаю поэтому, что и рождение Иисуса началось от **тени**, но окончилось не в **тени**, а в истине. «Дух Святый», сказал ангел, «найдет на тя и сила Вышнего осенит тя» (Лк. 1,35). Рождение Христа получило начало от **тени**... Видишь, что она (Невеста. — Г.Ф.) не навсегда стала в **тени**, но оттуда перейдет к лучшему, говоря: *и плод его сладок в гортани моей*. Я, говорит она, пожелала опочить в **тени** его, но после того как он покрыл меня своею тенью, я насытилась и плодом его, и говорю: *и плод его сладок для гортани моей*» [42, стр. 164].

И вновь взывает плоть Христова:

2.4-5 Введите мя в дом вина, вчините ко мне любовь: Утвердите мя в мирех, положите мя в яблоцах: яко уязвлена (есмъ) любовию азъ.

2.4-5 Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви.

Введите мя в дом вина — вопияла плоть Христова, введите меня на страшную Голгофу, сей **Дом пира** Моего, **Дом вина**.

Пусть там прольется кровь Моя. Там подкрепите Меня вином крови Моей. «Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел» (Ин. 12,27).

И час сей настал.

И взметнулось знамя креста Его надо мною, и знамя сие Голгофское — любовь, любовь крестная.

Страждет на кресте плоть Сына Человеческого, страждет и вопиет: Жажду (Ин. 19,28)! Подкрепите меня вином! И некий воин, напоив губку кислым вином (уксусом), омочил жаждущие уста Его. Жажду испить вино страданий, но освежите же Меня яблоками! Боже мой, Боже мой! для чего Ты Меня оставил! Освежи Меня, Яблоко Божества! Плоды божественной Яблони сладки для гортани Моей! Но где же Ты, Боже? Я изнываю — и никто уже не освежит Меня...

Уязвлена есмь любовью азъ, плоть Твоя. О, Логос божественный, Жених возлюбленный! Плоть Твоя, Невеста, уязвлена любовью есть. Пять язв, пять страшных ран открыты, от них струится кровь, от них струится любовь. Я изнемогаю от любви — вопиет на Кресте уязвленная любовью плоть Христова.

Плоть Христова:

2.6 Шуйца Его под главою моею, и десница Его обимет мя.

2.6 Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Слово превечное! Шуйца Твоя под главою Моею. Скорби посещают Меня. Скорби и страдания. Я странствую по земле, но Мне негде главы Моей приклонить. Под главою моею шуйца Твоя. Левая рука Твоя часто посещает Меня. Она под главою Моею, когда увенчал Ты ее терновым венцом.

Слово превечное! Но ведь и десница Твоя обимет Мя! Как часто правая рука Твоя обнимает Меня многочисленными благодеяниями, утешает и укрепляет Меня!

Шуйца Твоя привела на крест Меня, она под главою Моею — и бездыханно склонилась глава Моя...

Но десница Твоя воскресила Меня, Божество жизнью обимет Мя, и воскресла плоть распятая!

Плоть Твоя, Слове, в объятиях вечной любви Твоей!

Закливание святой Песни Песней

2.7 Заключ Вас дочери Иерусалимские в силах и крепостях села: аще возставите, и возбудите любовь, дондеже восхощет (согласно текста LXX).

2.7 Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно (согласно масоретского текста).

Закливание совершается во имя небесных сил бесплотных, ангелов Божиих (*сил и крепостей* или *серн и ланей*).

Согласно греческого текста, плоть Христова должна *воздвигаться и возбуждаться* к совершенству любви. Человеческая природа должна во Христе проснуться и навывнуть любви, *дондеже восхощет*, то есть доколе любовь эта возбуждётся свободно и самопроизвольно, по внутреннему хотению и желанию. Согласно учению святых отцов VI Вселенского Собора, человеческая воля во Христе не противостоит и не противоборствует, наипаче же подчиняется Его божественному и всемогущему хотению. Однако, это не изначальная заданность Его человеческой природы и воли, а процесс, как и Адам, все получив, должен был усовершенствоваться в любви. Но в Адаме человеческая природа пала, а любовь — уснула. Во втором же Адаме она должна проснуться и достичь состояния, когда она действует по совершенному и свободному хотению.

Об этом возрастании и совершенствовании любви в Его человеческой природе говорит Священное Писание:

«Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2,52).

«Он (Иисус. — Г.Ф.), во дни плоти Своей... хотя Он и Сын (Божий. — Г.Ф.), однако страданиями навыв послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (Евр. 5,7-9).

В Гефсиманском борении Господь в прилежной молитве до пота, подобного каплям крови, понудил человеческую волю, страшившуюся страшной чаши, принять ее. «Впрочем не Моя (в человеческой немощи. — Г.Ф.) воля, но Твоя (божественная. — Г.Ф.) да будет» (Лк. 22,42). Не ранее кончилось борение Гефсиманское, пока не восхотел страшную чашу любви Божией, крепкой, как смерть. Вкусив эту чашу, плоть умерла.

Присоединим учение святых отцов по этому предмету. Они учили, что, будучи безгрешным, человеческое естество Христа

само по себе обладало и естественными беспорочными страстями, и незнанием, и немощами.* Все уничижительное в Евангелии, сказанное о Христе, и относится к этому естеству. Однако, будучи ипостасно соединено с Божеским естеством, имело всю полноту совершенств. И не путем учения преуспевал Христос в премудрости и прочем, а путем постепенного раскрытия изначально сущей в Нем Премудрости и полноты Божества.

Св. Иоанн Дамаскин: «Должно знать, что Христос воспринял естество, не обладавшее ведением и рабское; ибо человеческое естество является рабским по отношению к сотворившему его Богу, и не обладает знанием будущего. Поэтому, если ты, согласно с мнением Григория Богослова, отделишь видимое от того, что воспринимается умом, то тогда плоть и называется рабскою, и не обладающею ведением, но по причине тождества Ипостаси и по причине неразрывного соединения душа Господа весьма обогатилась знанием будущего, подобно тому, как и остальными божественными знамениями» [32, гл. XXI].

Бл. Леонтий Византийский: «Большинство отцов, почти все, действительно говорили, что Он обладал неведением; ибо, так как Он был той же самой сущности, какой и мы, то ясно, что Он обладал неведением» [32, стр. 431].

Св. Афанасий Великий, св. Григорий Богослов, св. Кирилл Александрийский, св. Максим Исповедник говорили, что Господь преуспевал не путем обучения, так что мудрость в Нем росла все больше и больше, но так, что Божественное совершенство в Нем мало-помалу открывалось и обнаруживалось [31, стр. 431]. В этом значении и мы говорим о просыпании, а ниже — о вхождении в полноту.

Согласно еврейского текста, значение заклинания по форме противоположно: **Не будите и не тревожьте любви возлюбленной, доколе ей угодно.**

Народ иудейский (дщери Иерусалимские) призывается и заклиняется **не будить и не тревожить искусственно (любви) возлюбленной (сынов человеческих) доколе ей угодно самой проснуться.** То есть не «будите» Мессию в пророках и праведниках и вождах. В них божественный Логос «спит». Среди них нет

* Например, когда Христос «восскорбел духом и возмутился» (Ин. 11,33), когда воскликнул: «доколе буду терпеть вас?» (Мф. 17,17), когда «начал ужасаться и тосковать» (Мк. 14,33), когда о дне второго пришествия говорит: «никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Мк. 13,32).

Мессии. А коль **«возбудите»**, то получите антихриста. Любви Божией самой было **угодно** проснуться в Сыне Девы, воплотившись в Нем. В свое время, в «полноту времен» Бог послал Сына своего (единородного), который родился от жены (Гал. 4,4) и явил любовь Божию.

И еще, в качестве благочестивого размышления:

Немощствует плоть Сына Человеческого, «спит» в ней Божественная слава. Но не будите божественную славу во плоти Его, пока Он странствует по земле, не зная где главы приклонить, пока, изнемогая, борется в ночном молении в Гефсиманском саду, пока, униженный и распятый, висит на кресте. Слава Божия проснется в Нем, когда преобразится на Фаворе, когда воскреснет от гроба, когда вознесется на Елеоне. Проснется, когда ей будет **угодно!** Потому, дочери Иерусалимские, не смущайтесь, когда Он спит в унижении, не торопитесь будить Его, Он Сам восстанет во славе, когда это будет **угодно** Ему.

И снова беседуют Человеческое естество и Божественная природа (2,8-16).

Долго ждала человеческая природа, когда низойдет к ней Божественное Слово:

2.8-9 Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам. Друг мой похож на серну или на молодого оленя (на горах Вефильских — слав. пер.). Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку.

Изгнан человек из рая, пал. А на земле текут тысячелетия. Но, внемли! — вот **голос Возлюбленного моего**. Еще только **голос**, говорит, а самого нет. «Спит» естество человеческое, еще не время пробудиться ему. *Глас* пророческого Слова **скачет по горам** — звучит в пророках, высоко возвышающихся над современниками своими; **прыгает по холмам** — слышим и в праведниках. Внемли, человек, **вот, Он идет**, Мессия приближается.

Друг мой, ибо не враждует Творец с творением Своим, **похож на серну**, божественно прозревая творение Свое, **или на молодого оленя**, ибо истребляет змей греха. Он спешит, как серна, как молодой олень к творению Своему. Спешит *с гор Вефильских*. «Вефиль» означает «Дом Божий». Во плоти, от Девы взятой, устрояет Слово, устрояет Бог дом Себе и является миру. «Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (1 Тим. 3,16).

Вот Он, божественный Логос, стоит у нас за стеною греха, отделяющею Его от человеков. **Заглядывает в окно** — Пречистую Деву Богородицу. **Мелькает сквозь решетку** — в день благовещения «**божественный Луч**» проник «**сквозь решетку**», и Слово воплотилось!

Отвечает и Слово плоти Своей.

2.10-14 Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовония. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди! Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лице твое приятно.

Возлюбленный Мой, Логос превечный, начал говорить мне, плоти Своей:

Встань, плоть, вместив в себя полноту Божества (Кол. 2,9); Божество готово истощиться во образ раба (Фил. 2,7) и прийти к тебе.

Возлюбленная плоть Моя, прекрасная Моя, ибо нет в Тебе ни пятна, ни порока, не унаследовала Ты грех Адамов, обожена, со Мною соединившись.

Возлюбленная моя, прекрасная плоть Моя, выйди! родись в Вифлееме, **выйди**, и миру явись!

Вот, зима ветхозаветных времен уже прошла; дождь божественного гнева миновал, перестал. Уже является радуга, милость Божия в мир возвращается...

Голубица моя, «плоть Господа, для (восприятия) которой Он оставил Отца, снизошел сюда, соединился с нею и вместился в ней вочеловечившись. Образно она названа голубкой» (св. Мефодий Патарский). **Голубица Моя в ущелье скалы под кровом утеса!** В скальной Вифлеемской пещере **покажи мне лице твое**, родись от Пречистой Девы и **покажи Мне лице Твое**, в немже отражен образ Бога невидимого. И **дай мне услышать голос твой** — превечное Слово, превечный Глас желает слышать глас воплощенный Сына Человеческого. **Голос твой**, плоть Моя, сладок Мне, ибо через него звучит превечное Слово, и **лице твое приятно**, ибо отпечатано на нем во плоти лице вечно Незримого. «Бога не ви-

дел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1,18), воплотившись, «и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1,14). «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его...» (Евр. 1,3).

Слава Отца сияет в Сыне, и Он же — образ Ипостаси Отчей. Это все — «в недре Отчем». А теперь явилось во плоти, в Младенце Вифлеемской пещеры. Сын являет Отца. Плоть являет Сына. Сын равен Богу Отцу. Во плоти божественный Сын, полнота Божества. А Божество Сына есть Божество всей Троицы, ибо едино Божество, и нет другого. Так свершилась великая благочестия тайна: Бог явился во плоти!

И отвечает плоть Слову:

2.16 Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему: он пасет между лилиями.

Возлюбленный Мой, Божий Сын, **принадлежит Мне** — плоти Человеческой, **а Я**, плоть Его — Ему, превечному Божеству. Нераздельно и неразлучно, навечно соединены мы, два Естества в единой Ипостаси — вот сочетание наше, и брачная Песнь!

Он пасет между лилиями. Лилии между тернами уподобил Он Меня, плоть Свою. В ней Он и пасет. Не мог Он воплотиться «в терние», в грехом омраченную плоть. Но Сам будучи **Лилией** (2,1), и **пасет**, воплотился, **между лилиями**. Всесвятое Слово воплотилось в пречистой Плоти — **Лилия между лилиями**.

Ночное искание Возлюбленного. Богоискание

3.1-4 На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: «не видели ли вы того, которого любит душа моя?» Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

5.2-3 Я сплю, а сердце мое бодрствует; (вот), голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою». Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вы-

мыла ноги мои; как же мне марасть их? Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его и он не отзывался мне. Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены.

6.1-3 «Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою». Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии. Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне; он пасет между лилиями.

В этих текстах, может быть, с предельной остротой и напряженностью, изображено отношение между Божеством и человечеством, Творцом и тварию. Взаимное искание и безуспешность поисков. Разделяющая ночь, скорби искания и радость встречи.

Бог явился во плоти (1 Тим. 3,16). Плоть приняла в себя всю полноту Божества (Кол. 2,9), а Божество с плотью приняло и ее немощи, болезни, смерть (Ис. 53,4-9; Ин. 1,29 и др). Будучи непричастно всему этому по природе, Божество ипостасно соединилось с плотью, причастной всему этому. А во плоти Сын Человеческий стал и Агнцем, взявшим на Себя грех мира, и закланным за него.

Происходящее между Богом и человеком неизреченно и таинственно произошло в Богочеловеке, что и воспето в Песни Песней. Нашему же человеческому естеству свойственнее петь Песнь Песней, нежели разуметь ее тайны. Но, сколь это нам возможно, «якоже можаху», скажем и об этом.

Тексты 3,1-4 и 5,2-8 несколько различны, хотя в общем говорят об одном. Текст 3,1-4 говорит о первом искании Бога человеком, когда Он ему еще был неведом. Текст 5,2-8 говорит о искании человека Богом, о некоей утрате человеком Бога, уже знавшим Его. А далее — о повторном искании Бога человеком.

Основные этапы в богоискании 3,1-4:

- Человек ищет Бога ночью в тиши (себе) на одре (ст. 1)
- Человек исходит искать Бога в мире (ст. 2-3)

— Не найдя Его там, отходит от мира, и тут же находит Бога (ст. 4)

— Соединение человека с Богом (ст. 4).

Основные этапы в богоискании 5,2-8:

— Двойственное состояние человека (спит и бодрствует, ст. 2)

— Бог ищет человека (ст. 2)

— Человек не откликается сразу (ст. 3)

— Бог касается человека. Человек встрепенулся навстречу Богу, но Бог ушел (ст. 4-6)

— Человек ищет Бога. Скорби и раны поиска (ст. 6-8)

Текст 6.1-3. Человек знает, где найти Бога. Блаженное воссоединение.

Все это было воспринято Богочеловеком Иисусом Христом. Если, однако, те этапы Богоискания, в которых говорится в указанных текстах, попытаться теперь последовательно отыскать в жизни Христа, то невозможно будет избежать искусственно-надуманных построений. Поэтому мы и не будем этого делать. Указанные тексты Песни Песней не повествуют последовательно о событиях, происшедших со Христом, а раскрывают внутренние состояния сочетания Слова и Плоти. Хотя, конечно, эти внутренние состояния раскрывались в определенных событиях.

Текст 3,1-4

На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его.

Как часто ложем для Сына Человеческого была гора, на которую уединялся Он на ночь для молитвы (Мк. 6,46; Лк. 21,37; Ин. 6,15). Там Человек искал Бога.

В ночной тиши Гефсиманского сада скорбела душа Сына Человеческого смертельно, источала плоть Его пот, как капли крови. Искала плоть Его — да минует чаша сия, да будет Бог со Мною, **искала... и не нашла**. И не миновала чаша.

И стал крест ложем Его. И стал день **ночью** на Голгофе. И **искала** плоть Его **Того, которого любила** душа Его, **искала** и вопияла: Боже мой, Боже мой! для чего Ты меня оставил? **Искала Его и не нашла Его**. Ответа не было. Была тьма и ночь.*

* Здесь невольно вспомнишь святого Всероссийского Патриарха Тихона. В лютую для святой Церкви годину он восприимчиво патриаршество со словами: «Весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: плач, и стон, и горе». Душа его искала Бога и мирного благоденствия и возрастания для Церкви. Искала, но мира для Церкви не находила. Прошло Благовещение, наступала ночь. Умирая, он сказал келейнику, который помог ему умыться: «Теперь я усну... крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная, темная...».

Встану же Я — говорит Сын Человеческий — от Гефсиманского борения. **Пойду по городу** Иерусалиму, чад которого, как птица под крыло, хотел Я собрать, но он не восхотел. **Пойду... по улицам**, когда поведут Меня на Голгофу. **Пойду... по площадям**, где у претории Пилата на площади осудят Меня. **Пойду... и буду искать того, которого любит душа Моя**; искала **Я** его: для чего и Ты оставил Меня? **Искала Я Его** и не нашла Его. Не нашла помощи плоть Сына Человеческого.

Зато **встретили меня стражи, обходящие город**. Встретили в ночи в Гефсиманском саду воины и служители с мечами и кольями; встретили воины Пилата и повлекли по площадям и улицам из города.

Но едва Я, плоть Сына Божия, отошла от них — пригвожденная взметнулась на крест, как нашла **Того, Которого любит душа Моя**, когда в руки Его испустила дух свой.

Ухватилась за Него, и не отпустила Его, ибо, по учению святого Иоанна Дамаскина, в крестной смерти Христа душа Его отделилась от плоти Его по человеческой природе. Божественный же Логос и Божественная природа Его не оставляла ни тела, ни души Бездыханного.

В воплощении и в воскресении плоть **ухватилась за него**, за Божество, и не отпустила его, доколе не привела его в **дом Матери моей Богородицы и во внутренние комнаты**, во чрево, ум и сердце **родительницы моей Девы Марии**. В Богородице воплотился при благовещении и Ей первой, по верованию Церкви, явился по воскресении. **Дом Матери**, в который плоть, соединившись со Словом, ввела Бога — суть род человеческий и народ еврейский.

Текст 5,2-8; 6,1-3

В этих текстах раскрыты тайны Пасхи Христовой:

5.2-5 Тайны Гефсиманской ночи.

5.6-8 Тайны Страшной Пятницы.

6.1-3 Тайны Светлого Воскресения.

Тайны Гефсиманской ночи (5,2-5)

Я сплю, а сердце мое бодрствует «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26,41).

Спали ученики в Гефсиманском саду. Спал город Иерусалим. Немощствовала плоть Сына Человеческого, ужасалась, тосковала, страшилась страшной чаши.

Немощствует тело, Божество же **бодрствует**. «Не дремлет и не спит хранящий Израиля» (Пс. 120,4). Превечный Логос не подвержен страданию и немощи.

Перед очами и немощью человеческого естества Христова чаша страданий: приими меня, испей меня! То **голос возлюбленного, который стучится: отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!**

Чистая, безгрешная плоть Христова — Невеста Божия. Возлюбленный приходит к Ней с брачной чашей, стучится. Страшный брак совершается. **Голова Его вся покрыта росой, а кудри Его — ночью влагою.** Та роса и ночная влага — от чаши страданий, от чаши гнева Божия о падшем во грехи творении.

Гефсиманский сад. Ночь. Сын Человеческий и чаша.

И покрылась глава Христова **росой** и влагою **ночной**. И капал пот, как капли крови.

Трепещет Невеста, плоть Сына Человеческого, трепещет такого брака с превечным Словом, Богом возлюбленным. Она видит Чашу, слышит стук Жениха. Но все в Ней борется, не сразу выходит навстречу, сначала — Если можно, да мимо идет чаша сия... Пройди мимо меня, «Жених крови» (Исх. 4,26; Мф. 26,39; Лк. 22,42). **Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его,** чтобы выйти к Тебе? **Я,** плоть Человека, **скинула хитон худых и злых дел,** в который облекся некогда праотец Адам. **Я скинула его, как же мне теперь опять надевать его,** как братъ на Себя злые дела всех, кто совершал их, ведь я не совершила ни одного из них?... **Я вымыла ноги мои,** еще задолго до Иордана, ибо никогда не было на Мне никакого пятна, ни порока. **Ноги мои,** которыми ступала по земле, **омыты,** чисты, даже лжесвидетели ни на что указать не смогут. **Омыты ноги Мои, как же Мне марать их?** Как грех людской на Себя брать? Как к злодеям причисляться (Лк. 22,37)?..

Но не пронесена мимо чаша. **Возлюбленный** мимо не прошел. **Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него.**

Бог не пронес мимо чашу, но **протянул руку Свою с чашею сквозь скважину милосердия, любви и сострадания,** которыми преисполнена была плоть Сына Человеческого. **И внутренность Сына Человеческого взволновалась от Него, «Жениха крови».** **Взволновалась** о падшем творении, **взволновалась** в любви к Нему, Богу, с Которым сочетана была навеки.

Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка.

Я встала — зов Божий испить чашу Сыном Человеческим принят. «Встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня», — говорит Иисус (Мф. 26,46).

Встала с колен плоть Сына Человеческого, чтобы отпереть Возлюбленному, чтобы пострадать добровольно. И с рук моих капала мирра, капали, как кровь, капли гефсиманского пота. Капли страданий к смерти, ведь мирра символизирует страдания, горька, и ею умащаются покойники.

С перстов моих мирра капала на ручки замка. Капли пота и крови, капли мирра великих страданий, с перстов Христовых капали на ручки замка, когда от рук Его святым апостолам даны были ключи замка от Царствия Божия (Мф. 16,19; Ин. 20,22). Теперь ими и их преемниками открывается этот замок. Дорогою ценою обречено спасение!

Тайны Страшной Пятницы (5,6-8)

Отперла я возлюбленному моему — Сын Человеческий вышел на страдания, ниспосланные Ему Божественным определением. **А возлюбленный мой повернулся и ушел** — это та непостижимая богооставленность, которую претерпел Христос при своих искупительных страданиях.

Души во мне не стало — говорит Богооставленный. Это когда душа Его скорбела смертельно в Гефсиманском саду, когда томилась на несправедном суде, когда с телом своим страдала на кресте.

Стонет распятая плоть: **Я искала Его и не находила Его.** Вопияла: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты меня оставил?» — звала Его, и Он не отзывался Мне...

Встретили Меня стражи, обходящие город, ночью в Гефсиманском саду и взяли Меня. Избили Меня воины Пилата, когда был судим, и изранили Меня, когда пригвоздили ко кресту. **Сняли с Меня покрывало стерегущие стены, разделили ризы Мои себе и об одежде Моей метали жребий.**

...Мрак Голгофы и молчание Небес.

Всеми оставленный страждет один: **Если вы встретите Возлюбленного Моего, что скажете вы Ему? Что Я, Сын Человеческий, во плоти изнемогаю на кресте от язв любви.**

Тайны Светлого Воскресения (6,1-3)

Куда пошел Возлюбленный Твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился Возлюбленный Твой? мы поищем Его с Тобою.

Сына Человеческого, прекраснейшего из сынов человеческих (Пс. 44,3), вопрошают: Где божественный Логос, где Божество? Готовы даже искать Его вместе с Ним.

Ах, слепы дочери Иерусалимские (ибо им принадлежит сей вопрос), слеп народ иудейский и вожди его. Они кричали: «Если Ты Сын Божий, сойди с креста». Они говорили: «Постойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его» (Мк. 15,36). Они — как Пилат, который стоял перед Истиной, и спрашивал: что есть истина? Но ведь предупреждал Он, возвещая о страданиях Своих, чтобы не смутились, не соблазнились, чтобы не сказали: где же Возлюбленный Твой, где Божество Твое? Ведь говорил, что не только пострадает, но и воскреснет (Мф. 16,21; 11,6).

Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии.

Воскрес Христос! Камень отвален. Гроб пуст.

Мой возлюбленный, божественный Логос, в воскресшей плоти пошел в сад Свой, где гроб Его был расположен, в цветники ароматные. Он, божественный Садовник, явился Марии Магдалине и прочим женам-мироносицам, чтобы пасти в садах и собирать лилии.

Ночь, площади и улицы города, стражи, стерегущие стены, сменились на сад, цветники ароматные и белые лилии.

Я, Сын Человеческий, принадлежу превечному Слову, Возлюбленному Моему, а Возлюбленный Мой, божественный Логос, — Мне, пречистой плоти Своей; Он, Божественная Лилия, Нарцисс Саронский, пасет между лилиями плоти Своей.

Нами уже отмечалось святоотеческое учение о том, что Божественная природа во Христе никогда не оставляла человеческую. Богооставленность же разумеется сотериологически, как жертвоприношение Агнца, а Христос как человек говорил на кресте от лица богооставленного человечества. Воскреснув же, Христос представляет теперь искупленное, боговоспринятое и богопрославленное человечество, и не от Себя только, но и от лица людей воскликает пасхально: **Я принадлежу Возлюбленному моему, а возлюбленный мой — Мне; Он пасет между лилиями.**

Сад — виноградник Соломона.

Боговоплощение

В Песни Песней неоднократно употреблен образ сада или виноградника Соломонова: 2,16; 4,12-5,1; 6,1-3; 7,12-14; 8,11-14. Вхождением Жениха в сад, согласно св. Афанасию Великому, изображается боговоплощение. Так он пишет:

«Внидох в вертоград мой, сестро моя невесто: обыхах смирну мою с ароматами моими, ядох хлеб мой с медом моим, пих вино мое с млекомоим (5,1). Ибо вшедши (Слово. — Г.Ф.) в собственный сад, то есть в творение, Он воспринял для Себя плоть от Девы и стал человеком. Тело было смертно, но оно соединилось с благоуханием всесвятости Слова» [20].

4.12-5.1 Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник: рассадники твои — сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана. Поднимись (ветер) с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, — и польются ароматы его! — Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его. Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

Плоть Христова — запертый сад, заключенный колодезь, запечатанный источник. Ничто греховное от мира сего не проникло в плоть Христову. Она явилась не от хотения плоти и не от хотения мужа, но от непорочного зачатия, она непричастна даже первородному прародительскому греху.

Сестра моя, невеста — через воплощение плоть (человеческое естество) породнилась, стала **сестрою** Божеству и **невестою**, сочетавшись с Ним. Св. Мефодий Патарский: «Можно разуметь под **невестою** пречистую плоть Господа, для (восприятия) которой Он оставил Отца, снизошел сюда, соединился с нею и вместился в ней вочеловечившись» [41]. Сравните: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть» (Быт. 2,24).

Рассадники твои — различными плодами и благовониями означены добродетели и совершенства Сына Человеческого.

Гранатовые яблоки, изображавшиеся на ефодe первосвященника, указывают на архиерейское достоинство Сына Человеческого. Принявший плоть, будучи Человек, ходатайствует перед Богом за всякую плоть. «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус» (1 Тим. 2,5).

Превосходные плоды указывают на то, что в Сыне Человеческом все добродетели достигли своего превосходства и совершенства.

Далее перечисляются различные благовония: **кипер, нард, шафран, аир, корица, мирра, алоэ**, которые своими ароматическими качествами, целебными свойствами, красотой различных окрасок (бело-желтые, пурпурно-красные, фиолетовые, красно-желтые, зеленые, коричневые), вхождением в состав священного мирра указывают на все многообразие совершенств Сына Человеческого. Ими восхищается божественное Слово, сочетаясь со Своей плотью!

Плоть Христова — **садовый источник — колодезь живых вод и потоки с Ливана**. Сын Человеческий говорил: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7,37)! Самарянке Он предложил питье «воды живой», пьющий ее не возжаждет вовек (Ин. 4,10.14). Вместо колодца Иакова самарянка обрела истинный **садовый Источник — заключенный колодезь живых вод**. Живые воды — **потоки Духа Святого** от плоти Христовой истекающие и орошающие всякую плоть (Деян. 2,17). А что эти **потоки — с Ливана**, то это означает, что плоть Христова — **колодезь**, а наполняющие Его потоки — **с Ливана**, от Божественной Его природы, от Божеского естества, ибо белый Ливан, из смолы которого изготавливается ладан, воскуряемый Богу, означает Его Божество.

Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его. Ах, какую горечь вкусил Создатель от падшего творения Своего! И вот, наконец, входит Слово в собственный **сад свой** — не в чужой плоти отражает образ Свой, но входит в собственную плоть Свою. Входит и **вкушает**, наконец, не горечь, а **сладкие плоды его** — сладкие плоды безгрешной, совершенствами, как ароматами, благоухающей плоти Своей.

За Божественной литургией возносятся святые дары, и возглашается: «Твоя от твоих Тебе приносяще о всех и за вся!» «Твоя — Тебе». Ему принадлежащее Ему и приносят, а Он входит и Свое приемлет.

Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста — Логос воплотился, Слово пришло в сад плоти Своей. И что? — **набрал мирры моей с ароматами моими**. Только воплотился, а уже принесли с далекого

востока Младенцу мирры, скляницу страданий Его во плоти. «Хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию» (Евр. 5,8). А потом эту скляницу разбили. Мария разбила, помазала Его на страдания, комната благоуханием мирра нардового исполнилась. Скляницу разбили, тело ко кресту пригвоздили, плоть Его преломили. Вселенная ароматом спасения исполнилась.

Но не только **набрал Он мирры** страданий и смерти во плоти, но и **поел сотов моих с медом моим**. Это, когда воскресши во плоти Своей, явился ученикам и ел сотового меда перед ними (Лк. 24,42-43), вкусил сладость воскресения.

В саду плоти Своей — говорит божественный Логос — **Я напился вина моего с молоком моим**. Это так толкует св. Афанасий Великий: «Тело было смертно, но оно соединилось с благоуханием всесвятаго Слова. И хотя Он, как человек, позволял телу своему вкушать млеко, но сообщал ему и вино Своего совершенства. Ибо Он, как телом Своим вкушал млеко, так в теле же творил дела Божества» [20]. В плоти Своей превечное Слово пило **молоко** человеческой немощи и **вино** божественных совершенств.

Таков Жених, пришедший в сад свой — таково превечное Слово, пришедшее в пречистую плоть Свою. Таково боговоплощение.

7.12-14 Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селах; поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе. Мандрагоры уже пустили благовоние, и у дверей наших всякие превосходные плоды, новые и старые: (это) сберегла я для тебя, мой возлюбленный!

Приди, — взывает плоть человеческая — **Возлюбленный мой**, Логос божественный, Слово превечное, **выйдем в поле** этого мира, **побудем в селах** и городах, где живут люди. **Поутру**, ибо кончается ветхозаветная ночь, новый день начинается, **пойдем**, Слово превечное, **в виноградники** пречистой плоти Твоей. **Посмотрим**, **распустилась ли истинная виноградная Лоза** (Ин. 15,1), **раскрылись ли почки** Ее нового евангельского учения, **расцвели ли гранатовые яблоки** дел любви. **Там, я — плоть Твоя, окажу ласки Мои Тебе**, Слово превечное, **и дам Тебе сосца Моя**. Во плоти Своей усладился любовью твари Своей Творец — о, тайна непостижимая! «Ибо вшедши (Слово. — Г.Ф.) в собственный сад, то

есть в творение, Он воспринял для Себя плоть от Девы и стал человеком. Тело было смертно, но оно соединилось с благоуханием всесвятого Слова» (св. Афанасий Великий).

Мандрагоры уже пустили благовоние. Мандрагоры — плоды растения, рано цветущего, дающего плоды уже в мае, возбуждающие плотскую любовь и дающие разрешение от бесплодия. Плоть зовет Слово на брак. Уже наступает Новый Завет. Пришло время осуществиться великой благочестия тайне — Богу надлежит явиться во плоти. Пречистая плоть Сына Человеческого возбуждает любовь пречечного Слова и, сочетаясь с Ним, не остается бесплодной, но порождает всякую добродетель и совершенство.

Пустили благовоние — расцвели цветы учения, и у дверей наших всякие превосходные плоды дел любви.

Плоды новые и старые — новозаветные и старозаветные: **(это) сберегла я (плоть) для тебя, Логос и Бог мой возлюбленный!** Ибо все плоды, и ветхозаветных и новозаветных праведников, принесены через воплощенное Слово и веру в Него. Человеческое естество **сберегло** все эти добродетели, осуществленные в Сыне Человеческом, для Бога, в Нем явившегося.

8.11-14 Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне; он отдал этот виноградник сторожам; каждый должен был доставлять за плоды его тысячу сребреников.

А мой виноградник у меня при себе. Тысячу пусть тебе, Соломон, а двести — стерегущим плоды его.

Жительница садов! Товарищи внимают голосу твоему, дай и мне послушать его.

Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!

Виноградник, Церковь — тело Христово, **был у Соломона, у Господа в Ваал-Гамоне** (означает «Господь множества»). Множество верных наполняет Церковь Господню. **Он, Господь, отдал этот виноградник (Церковь) сторожам (пастырям).** Каждый из пастырей и руководителей народа Божия должен был доставлять за плоды его тысячу сребреников. То есть каждый пастырь и делатель в винограднике должен принести Господину Виноградника, божественному Соломону, «прибыль» в **тысячу сребреников** — совершенное число добрых дел, спасенных душ и всякого духовного обретения.

Но происходящее в Церкви отражает в совершенстве происходящее в Самом Христе. Отражает, и тем «питается».

А мой виноградник у меня при себе — это о Самом теле Христовом, в Котором пребывало Его Божество. В Его теле воистину совершенно число всяческой добродетели. **Тысяча** (совершенство добродетелей и плода) пусть **Тебе, Соломон** — говорит пречистая плоть превечному Слову. И если **сторожа** только **должны доставлять... тысячу сребреников**, то Суламифь-Невеста их действительно доставляет. К чему праведники стремятся, то в Сыне Человеческом в совершенстве осуществлено.

Но не только Соломону тысячу (полноту совершенства и плодов божественному началу), но и **двести** — **стерегушим плоды его** праведникам доставляет плоть Сына Человеческого. Человек не может воспринять **тысячу** — всю полноту плодов Сына Человеческого, это воспринимает только превечное Слово, но некую толику этой благодати, **двести сребреников**, сообщает Сын Человеческий и **стражам** церковным, бдящим и трезвящимся.

Божеское Естество взывает к пречистой плоти Христовой: **Жительница садов! плоть Моя пречистая! товарищи, праведники, во плоти сущие, внимают голосу твоему** — слышат Сына Человеческого, внемлют Евангелию святому, **дай и Мне, Божественному Естеству Твоему, послушать голос Твой.**

И отвечает плоть: **Беги, поспешай, Логос божественный, Возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических и внемли Мне! Насладись голосом Моим. А горы бальзамические** — это горы, от которых Сын Человеческий возвышал голос Свой к Богу вечному, когда был на земле.

Еще о боговоплощении (8,1-2)

О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! Тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих.

Род человеческий томился в отдалении от Бога. Естество человеческое желало родства с Божественным. Св. Афанасий Великий: «И вообще прошение всех к Слову, чтобы оно восприяло наше тело — таково: *Кто даст тя, брате мой, ссуща сосцы матери моея? обретши тя вне, целую тя, и ктому не уничижат*

мене. *Пойму тя, введу тя в дом матери моея, и в ложницу зачещения мя.* Они просили, чтобы Он принял плоть не отынуду, но из той самой утробы, из которой мы родились, хотя и не так, как мы, то есть от мужа и жены. Ибо Он, как Творец, воспринял Себе плоть от одной Девы, впрочем от человека; ибо Богородица Мария есть человек» [20].

Человеческая природа людей стонала: **О, если бы ты был мне брат!**.. Как хотел человек целования, любви и близкого родства с Богом. Невеста еще не была обручена жениху и потому позавидовала сестре Его, имевшей возможность без осуждения целовать брата своего и ввести его в общий родительский дом. Но, что в древние времена далеко было от человека и несбыточно, то осуществилось в Богочеловеке. В Нем божественный Логос стал **брат** плоти человеческой, **сосавшей груди Пречистой Матери** Своей Богородицы, как это бывает у людей. И ублажила некая жена «чрево, носившее Его и сосцы, питавшие Его» (Лк. 11,27). Его безгрешная пречистая плоть впервые **целовала**, касалась в любви и единении, с божественной Сущностью и Естеством, и никакой грех, и никакая сила **не осуждала** Ее. Падшая же человеческая природа была осуждаема и не могла «лобызать» Бога.

Совершается «братание» Бога и плоти. **Повела бы я**, плоть пречистая, **Тебя**, Логос божественный, **привела бы Тебя в дом матери моей** Марии, в род человеческий, в народ еврейский, именуемые **домом Матери** пресвятой. *Введу Тя... и в ложницу зачещения мя* — Слово вводится во чрево *Заченшей* пречистую плоть.

Ты учил бы меня — во Христе Божество обучает плоть, и Та вполне обучается быть истинно Человеком, каким он должен быть. Но и плоть человеческая взаимодействует: **А я поила бы тебя... ароматным вином богосозерцания и богомыслия**, веселилась бы духовно перед Тобою. **Поила бы Тебя... соком гранатовых яблоков** моих, дел любви моей.

И еще таинственнее: божественный Логос, воплотившись, Ты — Брат Мне! Ты учишь Меня, Человека, быть таковым, каковым он должен быть перед Создателем своим. А я, распятая на кресте плоть Твоя, **поила бы Тебя**, превечное Слово, со Мною породнившееся, **ароматным вином крови Моей**, дабы потом напоиться и **соком гранатовых яблоков** в саду воскресения Моего.

Об этом же таинственно говорит Слово плоти Своей и в ином месте: **Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных (7,10).** Вот, оно — святое

и страшное лобзание! От уст распятой плоти отличное вино — кровь ее течет прямо к Другу Моему, Божественному Естеству, приемлющему жертву искупления. И это отличное вино крови Сына Человеческого услаждает уста утомленных грехом сынов человеческих.

Сестра Моя, Невеста (8,8-10)

Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками. Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты.

Малая сестра, еще не способная стать невестою, возрастает и достигает полноты совершенства. У еще не имевшей сосцов они возрастают, как башни. Не бывшая стеною — становится стена. Бывшая малою достигает полноты.

О возрастании и усовершеннии любви и премудрости в человеческой природе Бога Слова нами было довольно сказано при изъяснении «заклинания» (2,7). Присоединим еще размышление о словах: как достигшая полноты.

Плоть Христова изначально, от зачатия во чреве Пречистой Девы, вместила в себя всю полноту Божества. «Ибо в Нем обитала вся полнота Божества телесно» (Кол. 2,9).

Что же означает достижение полноты?

Древние гностики разумели возвращение падших эонов (людей и всей прочей твари) через высшего Эона (Христа) в плирому (полноту). Церковью такое учение отвергнуто, как некая басня (Кол. 2,8.9.23; 1 Тим. 1,4).

Монофизиты видят поглощение человеческой природы Божественною, как каплю, которая растворяется в океане. И это учение отвергнуто святой Церковью.

Мы же исповедуем плоть Христову непреложно и неизменно, неразлучно и нераздельно соединенной с Божеством. Но, имея в Себе полноту Божества, она и сама восходит до полноты, от рождественских пелен в Вифлеемской пещере до седения одесную Бога, оставаясь при том истинною плотью. Подобное происходит в христианах. Причащаясь, христианин принимает в себя всю полноту Божества — Бог в человеке и человек в Боге. Но сам он как человек при этом не только не совершен, но даже еще и гре-

шен. Силою же Божией очищается, освящается, пока не входит в полноту меры возраста Христова (Еф. 4,13).

Во Христе не было греха и порока. Но, приняв плоть в немощи, Он сделал ее совершенной и возвратил Богу во славе. Приняв образ раба, вернул образ царя. Вот что означает возрастание **малой сестры** отроковицы в полноту совершенства Невесты.

День бракосочетания (3,7-11)

Вот одр его — Соломона: шестьдесят сильных вокруг него, из сильных Израилевых. Все они держат по мечу, опытные в бою; у каждого меч при бедре его ради страха ночного. Носильный одр сделал себе царь Соломон из деревьев Ливанских; столпцы его сделал из серебра, локотники его из золота, седалище его из пурпуровой ткани; внутренность его убрана с любовью дочерьми Иерусалимскими. Пойдите и посмотрите, дочери Сионские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его.

Этот текст о дне бракосочетания Соломона может истолковываться как относительно голгофских страданий Спасителя, так и боговоплощения. На то и другое значение указывает св. Афанасий Великий: *«Изыдите, и видите в царе Соломоне, в венце, имже венча его мати его в день обручения его и в день веселия сердца его (3,11). Кто выйдет из зла, тот увидит непреложное соединение Слова с телом. Ибо когда совершилось обручение Слова с нами, чрез соединение тела, тогда оно и сотворило над смертию победу, по причине коей все наполнилось веселием»* [20].

В словах о бракосочетании Соломона и венчании его матерью усматривает указание на тайну боговоплощения и св. Амвросий Медиоланский: **«Пойдите и посмотрите на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать его в день бракосочетания его, в день, радостный для сердца его... Блаженна мати Иерусалима, блаженна и утроба Марии, увенчавшая столь великого Господа. Она увенчала Его, когда зачала; увенчала Его, когда родила... однако тем самым, что она зачала и родила Его для общего спасения, она возложила на главу Его венец вечной любви»** [18, гл. 16].

Итак, **день бракосочетания**, или *день обручения*, есть день воплощения Бога Слова. Соломон — превечное Слово Божие. **Мать** Его — Пречистая Богородица. Плоть же Его изображается в виде носильного одра Его как носившая в себе Бога, так и в виде венца, которым увенчала его мать его. Ветхозаветный на-

род слышал Слово, через уста пророков, и, наконец, увенчал Его плотью через Матерь Его Богородицу.

Носильный одр сделан из **дерев Ливанских** — негниющего кедра, ибо плоть Христова нетленна.

К тому же **деревы Ливанские** указывают на ладан, **столпцы из серебра** и **локотники из золота** — на злато, а **седалище из пурпуровой ткани (багряница)** — на смиру (символы крови и страданий), которыми почтили волхвы Богомладенца, как Бога, Царя и Человека, имевшего пострадать.

Вокруг одра — **шестьдесят сильных Израилевых** — ветхозаветные праведники, чаявшие воплощения Божия. А **дщери Сионские**, званные **пойти и посмотреть на царя Соломона в венце** (Слово во Плоти), суть чада Нового Завета (так, Нафанаилу было сказано: пойд и посмотри — Ин. 1,46).

Сей день бракосочетания, день воплощения Слова есть **день, радостный для сердца его**. Слово радуется, приходя в этот мир. «Оно выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще» (Пс. 18,6)!

О Дне же тернового венца, как дне страданий воплощенного Слова, о Дне воскресения, как дне радостном для сердца Его, уже ранее было сказано довольно.

Святая Песнь Песней дает чудный образ Жениха, Бога-Слова и Невесты — пречистой плоти Его.

**Жених — божественный Логос,
Слово превечное (5,10-16)**

Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других: голова его — чистое золото; кудри его волнистые, черные, как ворон; глаза его — голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве; щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его — лилии, источают текучую мирру; руки его — золотые кругляки, усаженные топазами; живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами; голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях; вид его подобен Ливану, величествен, как кедр; уста его — сладость, и весь он — любезность.

Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дщери Иерусалимские!

Так воспевают плоть, соединившаяся с божественным Логосом, Его божественное совершенство и красоту.

1. Возлюбленный мой бел и румян (чермен).

Превечный Логос бел, ибо божественен по Естеству и Сущности. Он — Свет от Света, сияние славы Отчей (Евр. 1,3), Он — Свет истинный (Ин.1,9), Он — един свят, Он — Судия неподкупный.

Он же и *чермен* (румян) — как имеющий воплотиться, ибо красный цвет указывает на плоть (Адам=красноватый). Он не только имеет воплотиться, но имеет во плоти Своей пролить кровь.

И еще, красный цвет — цвет нетварной красоты. Белый и красный цвет — цвета пасхальных облачений.

Превечный Логос — Он **лучше десяти тысяч других, избран от тем.** Он — Бог богов (Пс. 94,3; 135,2).

2. Голова его — чистое золото.

Божественная слава и царственное достоинство превечного Слова. Совершенный отблеск сияния Отца, Небесный Царь и Царь Царей (Евр. 1,3; Ин. 18,36.37; Откр. 17,14). Он — Глава всего видимого и невидимого, ибо «все Им и для Него создано» (Кол. 1,16). Он — Глава Церкви (Кол. 1,18).

3. Кудри его волнистые, черные, как ворон.

Черный цвет волос, обрамляющий лик Жениха, указывает на Божественный Мрак и вечную непостижимость Божественного Логоса. Кроме того **черный** цвет и **кудри** волос означают вечную юность превечного Слова, то есть неизменяемость и непреложность. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13,8).

Ниспадающие *власы* означают благодать, источаемую превечным Словом. «И от полноты Его (Слова) все мы приняли и благодать на благодать» (Ин. 1,16).

4. Глаза его — голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве.

А в ином месте: «Очи Его, как пламень огненный» (Откр. 1,14). Превечный Логос, воплотившись, крестит Духом Святым (на что указывают **глаза его — как голуби**) и огнем (ибо очи Его, как пламень огненный). Милостью Духа Святого и огнем Суда взирает превечное Слово на Свое творение.

Голуби при потоках вод, ибо крещение Духом совершается через воду.

Как через воплощенное Слово Духом Святым крестится тварь, так через превечное Слово Дух Святой от Отца исходит. Об этом так учит св. Иоанн Дамаскин: «Но понимаем Его (Духа Святого. — Г.Ф.) как Силу самостоятельную, Которая Сама по Себе созер-

цается в особенной Ипостаси, и исходящую от Отца, и почивающую в Слове, и являющуюся выразительницей Его, и как такую, Которая не может быть отделена от Бога, в Котором Она есть, и от Слова, Которому Она сопутствует... Ибо никогда у Отца не недоставало Слова, ни у Слова — Духа» [32, кн. I, гл. VII].

Единое начало и Слову и Духу — Отец, но Дух исходит от Отца через Сына. Посему *Очи Слова яко голубины*.

Купающиеся в молоке — питающиеся начатками Слова, чистым словесным молоком, младенцы в вере (1 Пет. 2,2). **Сидящие в довольстве** — питающиеся совершенным Словом.

5. Щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений.

Цветник и гряды растений на щеках указывают на бороду. А она означает мужскую честь и достоинство, о чем говорилось в экклезиологическом толковании. Но борода означает и иерейское достоинство. Священники «не должны брить головы своей и подстригать края бороды своей» (Лев. 21,5). «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе? Яко миро на главе, сходящее на брану, брану Аарону, сходящее на ометы одежды его» (Пс. 132,1-2). А Аарон — первосвященник, родоначальник иерейского рода.

Слово, воплотившись, стало между Богом и творением, стало Архиереем вовек по чину Мелхиседекову. «Христос же пришед Архиерей грядущих благ... Новому Завету ходатай есть» (Евр. 9,11.15).

6. Губы его — лилии, источают текучую мирру.

Губы, или *уста* указывают на превечное Слово, как на источник всякого учения. Логос находится в основе всякой «логии» (теология, космология, сотериология, эсхатология, биология, психология, филология и т.д.). Божественное Слово произвело словесную тварь и всякое слово.

Уста (губы) Его **источают текучую мирру**. Слово порождает и источает мирру божественного учения.

Обычно уста бывают красные, и у Невесты они сравниваются с **алой лентой** (4,3), а у Жениха — с **белой лилией**. Белизна лилии означает божественную непорочность, бесстрастность, божественность, непричастность плоти и крови (означаемых красным цветом). *Уста* Логоса — белы, *уста* плоти — красны. Христос — Богочеловек, и уста Его как Бога означены белой лилией.

7. Руки его — золотые кругляки, усаженные топазами.

Это — о делах божественного Логоса. Они царственны, что означено **золотом**. Они весьма искусны, а Он — божественный ювелир, что означено **обточенными кругляками и усаженными топазами**. О делах Бога-Слова сказано: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1,3). «Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое» (Кол. 1,16). «Веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» (Евр. 12,3). «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5,17). А Символ веры учит о делах Бога Слова: «Имже вся быша».

8. **Живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами.**

Чрево Его сосуд слоновый на камени сапфировом.

Чрево Его из **слоновой кости** указывает на сокровенные тайны Божии. Внутренность чрева непроницаема для взора — непостижимость тайны Бога-Слова. Цвет **слоновой кости** указывает на божественность и святость этих тайн. А камни **сапфиры** небесно-голубого цвета указывают, что это тайны горнего мира, Царства Небесного.

9. **Голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях.**

Голени, или ноги Его, уподобленные **мраморным столбам**, указывают на твердость, незыблемость, постоянство божественного Логоса, Его «стояние» в этом мире. **Золотые подножия** указывают на царственное достоинство. **Злато** сопровождает Его от главы до ног — Он Царь царей. Две ноги, как два столпа, означают также два Завета, которыми стоит Слово в мире этом.

10. **Вид его подобен Ливану, величествен, как кедр.**

Этим означено божественное величие и вечность (кедр — дерево негниющее) Божественного Логоса, превечного Слова.

11. **Гортань его сладость.**

Уста его — сладость.

От зрительного и обонятельного восприятия описание переходит к вкусовому. *Гортань его сладость*. Божественно сладостно Слово. «Словеса твоя, паче меда устам моим» (Пс. 118,103), — восклицает псалмопевец. А апостол говорит: «К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6,68).

12. **И весь желание.**

И весь он — любезность.

Ибо Бог есть любовь. А Слово — сияние любви Отца. Святой Кирилл Философ, просветитель славян, сравнивал Святую Тро-

ицу с диском солнца, лучом света и теплом. Так превечный Логос есть Луч любви Отчей, от недр Отца рожденный. А для человеков — **весь он любезность**, ибо что любезнее Слова? И весь Он — желание, ибо сильно жаждет и желает соединения с Ним естество человеческое. И во дни земной жизни для плоти Сына Человеческого единение с Логосом было единым желанием.

Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские! — говорит сынам человеческим о превечном Слове, божественном Логосе пречистая плоть Христова.

**Образ Невесты — пречистой плоти
Христовой (4,1-5; 6,5-7; 7,2-10)**

Если к Жениху желание Невесты, то и Он с любовью взирает на Нее — превечное Слово на пречистую плоть во Христе.

Образ Невесты узрим, соединив описания в 4,1-5 и 7,2-10.

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Голова твоя на тебе, как Кармил, И волосы на голове твоей, как пурпур; Царь увлечен (твоими) кудрями. Волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской.

Глаза твои голубиные под кудрями твоими. Глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима.

Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; и запах от ноздрей твоих, как от яблоков.

Как лента алая губы твои, и уста твои любезны. Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

Зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними.

Как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими.

Шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных; шея твоя — как столп из слоновой кости.

Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда. Два сосца твоих — как два козленка, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Живот твой — круглая чаша, (в которой) не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника.

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях!

Этот стан твой похож на пальму... Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

Таков образ Невесты Слова — пречистой плоти Его, которую Он воспринял от святой Девы Марии Богородицы. Пусть не смущает, что тело или плоть Христа, «Мужа, засвидетельствованного... от Бога» (Деян. 2,22), описано под женственным образом Невесты. Образ Невесты в данном случае является обычным для библейского языка антропоморфизмом, употребляемым для описания Бога и тайн Царства Его, в котором «ни женятся, ни выходят замуж» (Мф. 22,30). Эти образы не могут быть в буквальном смысле приписываемы своему первообразу. К тому же все творение Божие является в некоем смысле Невестой Божией. Так же и человеческая плоть, воспринятая божественным Словом, уневещена Ему.

Отметим еще немалое сходство в описании образов Жениха и Невесты. Так, описываются кудри жениха и невесты, глаза и его и ее уподобляются голубям. Живот уподобляется сосуду из слоновой кости, или круглой чаше. Сладость уст жениха, и источающие отличное вино уста невесты. Это сходство образов отражает отмечаемое в догматическом богословии общение в Иисусе Христе свойств обоих Его естеств. Свойственное человеку усваивается Богу, свойственное Богу усваивается человеку. При этом оба естества остаются неслитны и неизменны. Одно естество не изменяется в другое, но одно участвует в другом — Слово воплощено, плоть обожена.*

Слово любит свою пречистую плоть Своей: **О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!** «Ты прекраснее сынов человеческих» (Пс. 44,3), ибо без греха. Известно древнее предание о том, как разбойник настиг святое семейство во время бегства в Египет и отказался совершить преступление, увидев неземную красоту Младенца. Вновь он увидел теперь уже духовно-нравственную красоту Богочеловека, когда был сораспят с Ним на Голгофе, и увидев, что Христос страдает невинно, покался в своем грехе. Ф. М. Достоевский писал, что «красота спасет мир». Воистину, красота плоти воплотившегося Слова спасла мир.

* См. об этом в «Православно-догматическом богословии» мит. Макария, С-Пб, 1857, т. II, #139.

1. Голова твоя на тебе, как Кармил.

Кармил по наименованию означает «гора сада». Она вечнозеленая в отличие от белоснежных вершин гор Ливанских. **Кармил** — «гора сада», ибо в саду телесно воскрес Христос. В том саду на Пасху плоть Его сложила всякую немощь и навсегда прославилась Божеством. Сын Человеческий теперь Гора в церковном саду сынов человеческих.

2. И волосы на голове твоей, как пурпур; Царь увлечен (твоими) кудрями. Волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы Галаадской.

Длинный волос — признак назорейства, неотмирности. Иисус Христос — истинный Назорей. Как назорей Самсон благодаря силе, данной ему через нестрижение волос, победил льва — так Христос Назорей через плоть Свою сокрушил дьявола, который «ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Пет. 5,8).

Ниспадающий волос, **как стадо коз, сходящих с горы Галаадской**, означает также исходящую от Сына Человеческого благодать Божию. У Жениха волос черный (Божественный Мрак, непостижимость Логоса), а у Невесты — **как пурпур** (*яко багряница*). Багряный цвет указывает на воплощение. А когда терновый венец возлег на чело святого Страдальца, тогда **волосы на главе** Его соделались, **как пурпур**. Капли крови в терновом венце вместо драгоценных камней украсили царственное чело Его.

Царь увлечен твоими кудрями — Божество увлечено обогрившейся кровью плотью.

3. Глаза твои голубиные под кудрями твоими. Глаза твои — озерки Есевонские, что у ворот Батраббима.

На Иордане голубица Духа Святого низошла на Сына Человеческого, и Сам Он — крестящий Духом Святым. Через Него Дух Святой ниспосылается на всякую плоть.

Есевон — это город высоко в горах. У городских **ворот Батраббима** («дщерей многих») были высеченные в скалах цистерны, рыбные пруды, **озерки Есевонские**, в чистых водах своих отражавшие небо и как бы взирающие на него. Через плоть Христову мир узрел Небо и Бога. Очи Его всегда обращены к небу и отражают божественную славу. «Дщери многие» рождаются у врат крещения и вчлняются в тело Христово.

А что **озерки Есевонские** были рыбными прудами — это соответствует раннехристианскому символу Христа — Рыбе — ΙΧΘΥΣ. Иисус Христос Божий Сын Спаситель — первые буквы

этого словосочетания на греческом языке составляют слово «рыба».

4. Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску; и запах от ноздрей твоих, как от яблоков.

Ливан, как воскуряемый Богу, означает божественное начало. Дамаск олицетворяет язычество и идолопоклонство. Нос твой — башня Ливанская, обращенная к Дамаску. Это означает, что Слово, воплотившись, сокрушило идолопоклонство и бесслужение, возвысив всех к богослужению. Что происходит это через нос твой и запах от ноздрей твоих, говорит о том, что «Христово благоухание... для одних запах смертоносный на смерть» (2 Кор. 2,15-16). Благоухание Духа Христова и учения Его умерщвляет бесслужение и саму смерть.

Башня Ливанская — верное убежище верных во Христе, возводящее их Богу.

5. Как лента алая губы твои, и уста твои любезны. Уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

Уста (*беседа*) Твои любезны — это новозаветное учение о любви воплотившегося Слова. Вино этого учения крепко (о любви к врагам, о благословении проклинающих) услаждает уста утомленных злобою этого мира людей. Сие отличное вино евангельского учения течет прямо к Другу Моему — к пречечному Слову от распятой плоти на Кресте. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13). Человек Иисус Христос явил эту любовь. Облобызал крестные муки, и обагрились уста Его. И стали, как лента алая губы Его. Теперь во Христе плоть лобызает Божество. И вот, отличное вино крови Его течет прямо к Другу Моему, ибо Он «со Своею кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное спасение». Он с кровью Своей вошел «в самое небо, чтобы предстать ныне за нас перед лице Божие» (Евр. 9,12.24). От Сына Человеческого к Богу течет примиряющее отличное вино крови Его. Оно же во святой евхаристии течет, услаждая уста утомленных христиан, ободряя их в нелегкой духовной брани.

6. Зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними.

Подобное о «зубах» Мессии видел святой праотец Иаков. Благословляя сына своего Иуду, он изрек пророчество о Христе, в

котором им были сказаны такие слова: «Блестящи очи его от вина, и белы зубы его от молока» (Быт. 49,12). Так толкует эти слова св. Иоанн Златоуст: «И белы зубы его паче млека», показывает праведность и славу Судии. Под образом зубов и молока нечто другое хотел означить, как то, что суд будет так же чист и светел, каково свойство молока и зубов» [Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, С-Пб, 1898 г., т. IV, стр. 719]. Таким образом, Сын Человеческий предстает здесь как Судия всех. Ибо дана «Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий» (Ин. 5,27). И «всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить (соответственно тому), что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5,10).

7. Как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими.

Ланиты Сына Человеческого, о чем свидетельствуете вы? — о великом поношении, которое претерпел Он в любви Своей. О том возвещал еще пророк Исаия: «Я (Господь) предал хребет биющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания» (Ис. 50,6). О том плакал Он устами Иеремии: «(Господь) подставляет ланиту свою биющему Его, пресыщается поношением» (Плач Иер. 3,30). О том возвещал пророк Михей: «Тростью будут бить по ланите судью Израилева» (Мих. 5,1). То и случилось, как это описывает евангелист Матфей: «Тогда плевали Ему (Иисусу) в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?» (Мф. 26,67-68).

8. Шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных; шея твоя — как столп из слоновой кости.

Сын Человеческий явился как потомок, как Сын Давидов (Мф. 1,1). Так Его часто и именовали. Но Сыном Давидовым был Он не только по родословию Своему. Давид вел «брани Господни», а тут — Сам Господь вышел на брань. Он — «Возбранный Воеводо и Господи, ада победителю» (акаф. Иисусу Сладчайшему, кондак 1). Это воинственная мощь Сына Давидова против дьявола и изображена как **столп Давидов**. То, что на нем висит **тысяча щитов, все щиты сильных**, означает, что все ратоборцы Христовы в Нем имеют свою опору и укрепление.

И еще **шея, как столп из слоновой кости**, означает, что Сын Человеческий есть незыблемая опора и основа этого мира. Это отражено на многих иконографических изображениях Спасителя

(как, кстати, и Божией Матери), когда шея изображена крепкая, могучая, воистину, как столп.

9. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда. Два сосца твоих — как два козленка, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Слова эти произносит божественный Логос, а пальма, на которую Он желает взойти, суть плоть Его. Слово желало воплотиться, взойти на пальму, и воплотилось. **И груди твои были бы вместо кистей винограда**, ибо Сын Человеческий — истинная виноградная Лоза (Ин. 15,1).

А то, что **сосцы — как два козленка, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями** — это образ Доброго пастыря, несущего на персях Своих чад словесного стада Своего. Так об этом говорит святой пророк Исаия: «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей, и водить дойных» (Ис. 40,11). Вспомним «юнца» стада апостольского Иоанна Богослова, возлежавшего («пасущегося») на персях Доброго пастыря на тайной вечери, питавшегося молоком Слова, лаком плоти и вином крови Христовой.

10. Живот твой — круглая чаша, (в которой) не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Воплощенное Слово предлагает круглую чашу евхаристии, в которой из века в век не истощается ароматное Духом Божиим вино крови Его. «Пийте от нея вси» — призывает Сын Человеческий. А в снедь предлагается божественный знак — **ворох пшеницы**, хлеб евхаристии, пречистая плоть Его. **Живот и чрево** указывают на питание, на пищу и питье жизни вечной.

Обставленный лилиями — непорочность и чистота, нетленная красота плоти Христовой, Сына Человеческого.

11. Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника.

И это таинственно указывает на воплотившегося Христа, на плоть — Невесту Слова.

Иаков-праотец всю ночь боролся с Богом. И коснулся Невидимый и Неведомый состава бедра его. И получил Иаков благословение, и новое имя, и мир с Исавом — братом своим, навстречу дню пошел, хромя (Быт. 32,24-32).

В Голгофской тьме, в ночи греха боролся Сын Человеческий с правосудием Божиим, вином ярости Божией. Пока не пораже-

но было «бедро» Его — изъязвлено тело язвами гвоздиными. И «получил» Сын Человеческий имя Спасителя, новое имя (Откр. 19,12), и примирены грешники, и благословение Божие почило. Но навстречу восьмому дню — Дню воскресения пошел Он, «хромая», **бедро** плоти Его поражено язвами, ставшими **ожерельем** тела Его.

Иначе раскрывает тайну **бедра** Христова святой псалмопевец: «Препояшь Себя по бедру мечом твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею, и в этом украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажет Тебе дивные дела» (Пс. 44,4-5). Здесь образ Сына Человеческого — Ратоборца, препоясанного по бедру мечом славы и красоты, мечом истины и кротости и правды. Сей меч и есть Его **ожерелье** — и оружие, и украшение. Эти слова из псалма произносятся, когда архиерей возлагает на бедро свое палицу — символ меча духовного. Христос — небесный Архиерей, препоясанный по бедру Своему мечом истины, кротости, правды и красоты.

А святой тайнозритель Иоанн Богослов видит Христа во образе всадника на белом коне. «Он (был) облечен в одежду, обогренную кровию. Имя Ему: «Слово Божие». И воинства небесные следовали за Ним на конях белых... На одежде и на бедре Его написано имя «Царь царей и Господь господствующих» (Откр. 19,11-16). И здесь то же значение, что у псалмопевца. Христос — небесный Воитель, препоясанный по бедру мечом. Божественное Имя на бедре соответствует **ожерелью** в Песни Песней — красотою и мечом Христовым. Поражено бедро Иакова, борющегося с Богом, и он обретает благословение и новое имя. Поражена плоть Христова, **бедро** Его, и Он обретает благословение вечное и новое имя на «бедре» Своем. Имя это никто не знает, кроме Его Самого (Откр. 19,12). Тайну страданий **бедра** Христова, язв, ставших мечом против всякой сопротивной силы, и украшением, **ожерельем** пасхальным — ведает только Он Сам.

12. О, как прекрасны ноги твои в сандалиях!

Странствующий Сын Человеческий, обходящий грады и веси сей земли — несущий ей благую весть спасения. «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: «воцарился Бог твой!» (Ис. 52,7).

Прекрасны ноги Его **в сандалиях**. Иоанн Креститель считал себя недостойным развязать ремень на обуви (сандалиях) Его.

Сандалии, которыми Христос касался земли, указывают на тайны Его воплощения и сошествия во ад. Эти тайны не мог раскрыть Иоанн Креститель. Бл. Феофилакт так пишет об этом: «Ему же несмы достоин сапоги понести...» Под сапогами разумеи и двоякое сошествие Его — одно с неба на землю, другое с земли в ад: ибо сапоги суть кожа плоти и умерщвление. Этих двух сошествий не мог понести Предтеча: ибо не понимал, как они совершились». [46, толкование на Мф. 3,11].

Этим завершается образ Сына Человеческого. Такова пальма божественного Логоса — пречистая плоть Его. Ей Он с любовью говорит: **Этот стан твой похож на пальму... Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!**

Так желало Слово воплощения, брака Своего с плотью.

«И Слово стало плотию».

Таков Жених — такова Невеста.

Они воспевают Песнь Песней. Песнь Любви

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она — пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

С этими словами божественный Логос обращается к пречистой плоти Своей.

Положи Меня, превечное Слово превечного Бога, **как печать**, печать Божества на плоти. Сию печать Божества возложи **на сердце твое** и тем обожии всякое человеческое чувствование и помышление, отверзи человеческому естеству окно богосозерцания. Сию печать Божества возложи **как перстень на руку твою** и тем обожии всякое человеческое делание.

И плоть услышала этот зов любви Слова.

Ударом копья была положена **печать** любви на **сердце** Его.

Ударом гвоздя был возложен **перстень** любви на **руку** Его.

Ибо крепка, как смерть, любовь. Любовь Сына Человеческого была **крепка, как смерть** крестная. Уязвленная ранами любви, умирает на кресте плоть Сына Человеческого. Так восхотел ее Возлюбленный. Услышав зов любви превечного Бога-Слова, Сын Человеческий в теле Слову уготованном тогда сказал: Вот

иду, (как) в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже. (Евр. 10,5.7) Умирает на кресте Невеста Слова, умирает, говоря: **Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви (5,8).**

Люта, как преисподняя, ревность. Любовь возвела плоть божественного Слова на крест, а ревность — низвела душу Его во ад, в **преисподнюю**. Во ад низошла чистая душа Христова, воистину — **люта и жестока** ревность! Стрелы ревности — стрелы огненные. В огнь преисподней низвела стрела ревности душу Христову.

Эта божественная любовь есть **пламень весьма сильный**, она — **пламень Божий и пламя Господне** (переводы архим. Макария Глухарева и Эфроса с масоретского текста). Так во Христе пламень Божий распалил человеческое естество. И расплавились, растаяли замерзшие. И ожили умершие.

Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее.

Большие воды всемирного потопа **не могли потушить любви** Божией — явилась радуга и сохранилось многоцветье жизни.

И реки Вавилонские не зальют ее. Там сидели и плакали, но не воспели песни Сионские на земле чуждой (Пс. 136).

Если никакие **воды и реки** не могли потушить любви Божией к падшей плоти (Быт. 6,3), а падших людей к Богу Сиона, то тем более никакие **воды и реки** никогда **не потушат и не зальют** любви превечного Слова и пречистой плоти. Вечна и превыше всякой силы небесной, земной и преисподней эта любовь!

Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением.

Нашелся и такой — дух пустыни, Азazelо, дьявол, который в мгновение ока представил перед Сыном Человеческим все царства мира сего и, как князь века сего, предложил Ему **все богатство дома своего**, с условием отказаться от любви к Богу и поклониться ему. Но **он (дьявол) был отвергнут** Сыном Человеческим с **презрением**.

Потом пятитысячная толпа в пустыне, потом народ в Иерусалиме предлагали Ему царство земное. Но уязвленный стрелой Божественной любви все это отвергал с презрением. Ничто не могло ни потушить, ни залить любви Божией.

Восходящая во славу

Трижды вопросительно восклицает Песнь Песней:
Кто сия?

*Кто сия, восходящая от пустыни как бы столбы дыма, оку-
риваемая миррою и фимиамом, всякими порошками мироварни-
ка? (3,6)*

*Кто сия, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, свет-
лая, как солнце, грозная, как полки со знаменами? (6,10)*

*Кто сия восходит (убелена) от пустыни, опираясь на своего
возлюбленного? (8,5)*

Это плоть Христова восходит в божественную славу. Невеста идет на брак. Божественный Логос приемлет восходящую к Нему пречистую плоть Свою.

Невеста восходит к Жениху.

Невеста от пустыни вводится в Дом Отца Жениха Своего.

Кто сия, восходящая от пустыни? Это плоть Человеческая, взятая от земли (*от пустыни*), ибо через грех земля в пустыню превратилась. Но *сия* плоть «не стелется» по земле, как иногда дым стелется, а **восходящая... как бы столбы дыма**, или *восхо-
дящая... яко стебло дыма*. Эта плоть, от пустыни земли взятая, восходит к горним чертогам, к Жениху, Богу-Слову. Восходит **окуриваемая миррою** страданий, ибо «страданиями навик послушанию» (Евр. 5,8). А также восходит **окуриваемая... фимиамом (Ливаном)** Божества, в Ней обитающего в полноте и преображающего ее фаворски. Эта плоть суть **окуриваемая... всякими порошками мироварника**, всякими дарами Духа Святого. На иконах изображают воплотившееся Слово, Богомладенца со свитком с надписанием: «Дух Господень на Мне, егоже ради помаза Мя...» (Ис. 61,1). Сие помазание — от **порошков Божественного мироварника**.

*Кто сия, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, свет-
лая, как солнце, грозная, как полки со знаменами? (6,10)*

Кто сия, блистающая, как заря...? Это плоть Сына Челове-
ческого, преобразившаяся на Фаворе нетварным светом, не толь-
ко Сама, но и одеянием Своим **блистающая, как заря**.

Прекрасная, как луна. Луна означает тварный мир. Луна не светится сама, но отражает в ночи солнечный свет. Плоть Хри-
стова — от дольних, тварная, сама бы не светилась. Но будучи
соединена со Словом, она отражает в ночи мира сего нетварный
свет божественного Логоса. И через то соделывается уже **светлая**,

как солнце, ибо несет в Себе всю полноту Божества, преображаясь им совершенно. Если на Моисея, видевшего только «задняя Божия», не могли смотреть люди, то каково просветление плоти, не видевшей только, но вместившей в Себя, и не «задняя», не отблеск, но всю полноту Божества?!

Грозная, как полки со знаменами. Плоть Христова восходит к Небу, к Слову — Жениху Своему. При этом она грозная для всякого супостата Божия, для всякой силы вражией.

Кто сия восходит убелена от пустыни, опираясь на своего Возлюбленного? (8,5)

Кто сия восходит убелена, а сначала была *черна*? Была плоть Христова *черна* немощию и грехом людским. Но ныне — *убелена* фаворским прославлением и искуплением всякого греха людского. Восходит **от пустыни** мира сего, **опираясь на возлюбленного**. Почему плоть Христова победила всякую немощь и всякий грех и искушение? Потому, что восходит, **опираясь на возлюбленного**, на превечное Слово, в Ней живущее. Божественная природа во Христе — опора Его человеческой природы. В Ней утверждается, в Ней восходит.

От **пустыни** искушения, от дьявольских вопросов, от сорокадневного поста *кто сия восходящая убелена*? Плоть искушенного Сына Человеческого **восходит**, ибо побеждает, *убеляет* человеческую природу, **опираясь** на Божественную, на **Возлюбленного** своего.

Был день. От Елеонской горы светлое облако восхитило Человека. Он был без греха и светел. Он был жив и восходил на Небо.

В движение пришли небесные силы и друг ко другу зывали: **Кто сия восходит от пустыни, опираясь на своего Возлюбленного?..**

Это восходила пречистая Плоть Сына Человеческого, опираясь на Своего Возлюбленного, на превечное Слово.

Провожала Его и земля.

Беги, Возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических! (8,14).

Конец седьмому толкованию

и

Богу слава!

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ
К ТОЛКОВАНИЮ КНИГИ
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ
СОЛОМОНА**

ГЛАВА 1

ПУТЕВОДИТЕЛЬ К СВЯТООТЕЧЕСКИМ ТОЛКОВАНИЯМ НА КНИГУ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА

Путеводитель к святоотеческим толкованиям на Песнь Песней Соломона указывает по каждому стиху книги, кто из святых отцов и в каком месте своих творений толкует этот стих. Всего авторов творений — 31. Предлагаемый путеводитель полностью соответствует приведенным во второй части книги святоотеческим цитатам.

Каждый закрашенный квадратик путеводителя указывает на главу и стих Песни Песней и каким святым отцом он толкуется. В квадратике приводится библиографический номер книги с толкованием и цитируемые страницы (например, [36] 250). Поскольку пятитомный сборник «Добротолюбие» в библиографии отмечен номером [25], то в путеводителе указывается буква «Д», номер тома и цитируемая страница (например, Д-5, 127).

В таблице «Песнь Песней в Добротолюбии» указаны главы и стихи из «Песнь Песней», которые толкуются святыми отцами в «Добротолюбии».

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		глава I
[30]																	Ориген
			[23] 177 178														Дионисий Александрий- ский
																	Мефодий Патарский
																	Киприан Карфагенский
																	Фирмилиан Кесарийский
	[20]		[20]		[20]	[20]											Афанасий Великий
										[39] 387 388							Кирилл Иерусалимский
														[40] 29			Макарий Египетский
																	Исаия Нитрийский
																	Василий Великий
	[22]																Григорий Нисский
[18] 194	[18] 6, 49, 128	[18] 168	[18] 220		[18] 205 230 235												Амвросий Медиоланский
[31] 154 240		[30]			[31] 85, 86			[31] 276									Иероним Стридонский
		[42] прев.															Руфин
	[27]																Епифаний Кипрский
[35] 318			[35] 316	[35] 316	[35] 319												Иоанн Златоуст
	[17] 138	[17] 277															Августин Иппонский
[45]																	Феодорит Кирский
		Д-2 25, 26													Д-2 64		Иоанн Кассиан Римлянин
																	Исихий Иерусалимский
																	Нил Синайский
		[36] 160			[36] 250												Иоанн Лествичник
																	Иоанн Дамаскин
																	Феодор Едесский
																	Филимон (Египет)
					Д-3 437												Илия Екдик
																	Феодор Студит
																	Симеон Новый Богослов
		Д-5 126			Д-5 126												Никита Стифат
	Д-5 197																Григорий Синаит
	Д-5 379																Каллист и Игнатий Ксанфопулы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	глава II
[30]								[43] 137	[43] 200 201								Ориген
																	Дионисий Александрийский
	[41] 56																Мефодий Патарский
																	Киприан Карфагенский
																	Фирмилиан Кесарийский
						[20]			[20]								Афанасий Великий
									[39] 230	[39] 230			[39] 230				Кирилл Иерусалимский
				[40] 49				[40] 29	[40] 28								Макарий Египетский
				[21] 328													Исаия Нитрийский Василий Великий
[22]																	Григорий Нисский
[18] 126 132	[18] 19, 133	[18] 124		[18] 124			[18] 217		[18] 167		[18] 209						Амвросий Медиоланский
				[31] 17				[31] 89, 90									Иероним Стридонский
																	Руфин
																	Епифаний Кипрский
				[35] 317													Иоанн Златоуст
			[17] 121	[17] 218													Августин Иппонский
[45]																	Феодорит Кирский
																	Иоанн Кассиан Римлянин
														Д-2 168			Исихий Иерусалимский
	Д-2 242																Нил Синайский
																	Иоанн Лествичник
																	Иоанн Дамаскин
																	Феодор Едесский
																	Филимон (Египет)
				Д-3 374													Илия Екдик
				Д-3 437													Феодор Студит
																	Симеон Новый Богослов
									Д-5 127								Никита Стифат
																	Григорий Синаит
				Д-5 379 402 427													Каллист и Игнатий Ксанфопулы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11							III глава
																	Ориген
																	Дионисий Александрийский
																	Мефодий Патарский
																	Киприан Карфагенский
																	Фирмилиан Кесарийский
										[20]							Афанасий Великий
[39] 232		[39] 232 233						[39] 386 388									Кирилл Иерусалимский
										[40] 42							Макарий Египетский
																	Исаия Нитрийский
[22]																	Василий Великий
																	Григорий Нисский
[18] 130			[18] 141						[18] 198								Амвросий Медиоланский
			[31] 168														Иероним Стридонский
																	Руфин
																	Епифаний Кипрский
																	Иоанн Златоуст
																	Августин Иппонский
[45]																	Феодорит Кирский
																	Иоанн Кассиан Римлянин
																	Исихий Иерусалимский
																	Нил Синайский
																	Иоанн Лествичник
																	Иоанн Дамаскин
																	Феодор Едесский
																	Филимон (Египет)
Д-3 438	Д-3 438																Илия Екдик
																	Феодор Студит
																	Симеон Новый Богослов
																	Никита Стифат
																	Григорий Синаит
																	Каллист и Игнатий Ксанфолулы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		глава IV
																	Ориген
																	Дионисий
																	Александрийский
								[41]	[41]								Мефодий
								56,	57								Патарский
											[38]	[38]		[38]			Киприан
											359	359		361			Карфагенский
														362			
								[38]									Фирмилиан
								382									Кесарийский
								[20]									Афанасий
																	Великий
											[39]		[39]				Кирилл
											227		231				Иерусалимский
																	Макарий
																	Египетский
															Д-1		Исаия
															435		Нитрийский
								[21]									Василий Великий
								257									
[22]																	Григорий
																	Нисский
[18]								[18]	[18]			[18]			[18]		Амвросий
167								18	48,			20,			133		Медиоланский
								132				127					
								217				143					
								202				217					
								[31]									Иероним
								140									Стридонский
																	Руфин
																	Епифаний
																	Кипрский
																	Иоанн Златоуст
																	Августин
												[17]					Иппонский
												321					Феодорит
[45]																	Кирский
																	Иоанн Кассиан
																	Римлянин
																	Исихий
																	Иерусалимский
																	Нил Синайский
																	Иоанн Лествичник
								[33]									Иоанн Дамаскин
								115									
																	Феодор Едесский
												Д-3					
											326						
																	Филимон (Египет)
										Д-3	Д-3						Илия Екдик
								429	429								
								Д-3									Феодор Студит
								568									
																	Симеон Новый
																	Богослов
																	Никита Стифат
																	Григорий Синаит
																	Каллист и
																	Игнатий
																	Ксанфопулы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		глава V
																	Ориген
																	Дионисий
																	Александрийский
																	Мефодий
																	Патарский
		[38]															Киприан
		222															Карфагенский
[38]																	Фирмилиан
382																	Кесарийский
[20]																	Афанасий
																	Великий
[39]		[39]		[39]													Кирилл
230		268		387													Иерусалимский
231																	
387																	
							[40]										Макарий
							28										Египетский
																	Исаия Нитрийский
		[21]															Василий Великий
		135															
		228															
[22]																	Григорий
																	Нисский
[18]	[18]	[18]	[18]	[18]	[18]	[18]	[18]	[18]				[18]					Амвросий
133	138	133	142	136	140	131	232					196					Медиоланский
150					144	140											
					231	146											
										[31]							Иероним
										290							Стридонский
										291							
																	Руфин
																	Епифаний
																	Кипрский
																	Иоанн Златоуст
																	Августин
																	Иппонский
[45]																	Феодорит
																	Кирский
																	Иоанн Кассиан
																	Римлянин
																	Исихий
																	Иерусалимский
																	Нил Синайский
		[36]															Иоанн
		219															Лествичник
		247															
																	Иоанн Дамаскин
																	Феодор Едесский
																	Филимон (Египет)
																	Илия Екдик
			Д-3				Д-3										
			437				437										
															Д-4		Феодор Студит
															421		
							[71]										Симеон Новый
							328										Богослов
																	Никита Стифат
																	Григорий Синаит
																	Каллист и
																	Игнатий
																	Ксанфопулы
		Д-5															
		369															

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12							глава VI
																		Ориген
																		Дионисий Александрийский
							[41] 58- 63											Мефодий Патарский
							[38] 179 361		[38] 240									Киприан Карфагенский
																		Фирмилиан Кесарийский
		[20]							[20]	[20]								Афанасий Великий
									[39] 227									Кирилл Иерусалимский
																		Макарий Египетский
																		Исаия Нитрийский
																		Василий Великий
[22]																		Григорий Нисский
[18] 197										[18] 148								Амвросий Медиоланский
																		Иероним Стридонский
																		Руфин
[27]																		Епифаний Кипрский
																		Иоанн Златоуст
																		Августин Иппонский
[45]																		Феодорит Кирский
																		Иоанн Кассиан Римлянин
																		Исихий Иерусалимский
																		Нил Синайский
																		Иоанн Лествичник
																		Иоанн Дамаскин
																		Феодор Едесский
																		Филимон (Египет)
																		Илия Екдик
																		Феодор Студит
																		Симеон Новый Богослов
																		Никита Стифат
																		Григорий Синаит
																		Каллист и Игнатий Ксанфопулы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14					глава VII
																		Ориген
																		Дионисий
																		Александрийский
																		Мефодий
																		Патарский
																		Киприан
																		Карфагенский
																		Фирмилиан
																		Кесарийский
[20]													[20]					Афанасий
																		Великий
																		Кирилл
																		Иерусалимский
																		Макарий
																		Египетский
																		Исаия Нитрийский
																		Василий Великий
																		Григорий Нисский
[18]										[18]								Амвросий
194										125								Медиоланский
														[31]				Иероним
														91				Стридонский
																		Руфин
																		Епифаний
																		Кипрский
																		Иоанн Златоуст
																		Августин
																		Иппонский
[45]																		Феодорит
																		Кирский
																		Иоанн Кассиан
																		Римлянин
																		Исихий
																		Иерусалимский
																		Нил Синайский
																		Иоанн Лествичник
																		Иоанн Дамаскин
																		Феодор Едесский
																		Филимон (Египет)
																		Илия Екдик
																		Феодор Студит
																		Симеон Новый
																		Богослов
																		Никита Стифат
																		Григорий Синаит
																		Каллист и
																		Игнатий
																		Ксанфопулы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14					глава VIII
																		Ориген
				[23] 177 178														Дионисий Александрийский
																		Мефодий Патарский
																		Киприан Карфагенский
																		Фирмилиан Кесарийский
[20]																		Афанасий Великий
	[39] 387					[39] 233												Кирилл Иерусалимский
																		Макарий Египетский
				Д-1 417														Исаия Нитрийский
																		Василий Великий
																		Григорий Нисский
[18] 168	[18] 128				[18] 204			[18] 49					[18] 131					Амвросий Медиоланский
																		Иероним Стридонский
																		Руфин
																		Епифаний Кипрский
																		Иоанн Златоуст
																		Августин Иппонский
[45]																		Феодорит Кирский
																		Иоанн Кассиан Римлянин
																		Исихий Иерусалимский.
																		Нил Синайский
																		Иоанн Лествичник
																		Иоанн Дамаскин
																		Феодор Едесский
																		Филимон (Египет)
																		Илия Екдик
																		Феодор Студит
																		Симеон Новый Богослов
																		Никита Стифат
																		Григорий Синаит
																		Каллист и Игнатий Ксанфопулы

Песнь Песней в Добротолюбии

Святые отцы	Том, страница	Глава и стих в книге Песнь Песней
Исаия Нитрийский	I, 417 I, 435	8, 5
Иоанн Кассиан Римлянин	II, 25 II, 26 II, 64	1, 3 1, 3 1, 16
Исихий Иерусалимский.	II, 168	2, 15
Нил Синайский	II, 242	2, 2
Феодор Едесский	III, 326	4, 12
Филимон (Египет)	III, 374	2, 5
Илия Екдик	III, 429 III, 437 III, 438	4, 10-11 2, 5; 5, 8; 5, 3; 1, 6 3, 1-2
Феодор Студит	IV, 421 IV, 568	5, 16 4, 7
Никита Стифат	V, 126 V, 127	1, 3, 6 2, 10-14
Григорий Синаит	V, 197	1, 2
Каллист и Игнатий Ксанфопулы	V, 369 V, 379 V, 402	5, 2 1, 2; 2, 5 2, 5
Каллист	V, 427	2, 5

ГЛАВА 2

РУССКИЙ ТЕКСТ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ ЕПИСКОПА ПОРФИРИЯ (УСПЕНСКОГО)

Образец перевода священных книг Ветхого Завета с греческого перевода 72 толковников

Песнь Песней, что Соломону

Указания собеседующих лиц, с разделением всей Песни на 4 части под буквами А.В.Г.Д., заимствован епископом Порфирием из знаменитой рукописной Библии синайской. Такой перечень, не означенный в греческом переводе Песни Песней 72 толковниками, сделан такими глубокими знатоками Писания, каковы были знаменитые учителя александрийской огласительной школы, именно Пантен, Климент, Ориген, Пиерий, св. Макарий Александрийский, как нельзя лучше уясняет буквальный смысл Песни Песней.

Глава 1

А

1 Песнь Песней, что Соломону

Невеста

2 Лобзай меня лобзаниями уст твоих. Ибо перси твои лучше вина.

3 И благоухание мастей твоих лучше всех благовоний. Имя тебе — миро излиянное. Посему девицы возлюбили тебя.

4 Влеки меня. Мы поспешим за тобою по благоуханию мастей твоих.

Невеста скажет девицам о женихе, чем он одарил ее

Ввел меня царь в чертог свой.

После сказания невесты девицам, оне проговорили:

Возрадуемся и возвеселимся о тебе.

Возлюбим груди твои паче вина.

Девицы жениху возглашают имя невесты

Правота возлюбила тебя.

Невеста

- 5 Я смугла, но красива, дочери Иерусалима, как кущи кидарския, как завесы Соломоновы.
- 6 Не смотрите на меня, что я почернела от того, что взглянуло на меня солнце. Сыны матери моей спорили о мне. Они поставили меня сторожихою в виноградниках. Но виноградника моего я не устерегла.

Жениху Христу

- 7 Возвести мне ты, которого возлюбила душа моя: где пасешь?.. где почиваешь в полдень? Дабы не очутиться мне захожею у стад сообщников твоих.
- 8 Если не знаешь сама ты, прекрасная в женах; то ходи ты по следам паств, и паси ягнят твоих подле кушей пастухов.
- 9 Подобно кобылице моей в колесницах фараоновых я рядил тебя, ближняя моя.

Девицы невесте

- 10 Как хороши были ланиты твои, при горлицах, и шея твоя в цепочках.
- 11 Узоры из золота мы сделаем тебе с насечками из серебра.

Невеста говорит себе самой и жениху

- 12 Пока царь возлежит за столом своим, нард мой издал благоухание свое.
- 13 Брат мой у меня — пук миртов: между грудями моими поместится.
- 14 Брат мой у меня, как кисть кипера в виноградниках энгадийских.

В

Жених невесте

- 15 Вот ты прекрасна, ближняя моя, вот ты прекрасна! Очи у тебя голубиные.

Невеста Жениху

- 16 И ты прекрасен, брат мой, и ты прекрасен. Ложе наше осенено.
- 17 Дома у нас из кедровых бревен, потолки у нас кипарисные.

Глава 2

Жених говорит себе самому

1 Я цветок полевой, лилия долин.

И невесте

2 Что лилия между тернами, то ближняя моя между дщерями.

Невеста жениху

3 Что яблонь между лесными деревьями, то брат мой между сынами. Под тень ея захотела я и села, и плод ея сладок гортани моей.

Невеста говорит девицам

4 Введите меня в дом вина. Означьте надо мною: Любовь.

5 Подкрепите меня пряниками, освежите меня яблоками. Ибо я уязвлена любовью.

Невеста жениху

6 Левая рука его — под голову мою, а его правая обнимает меня.

Невеста девицам

7 Заклинаю вас, дочери Иерусалима, силами и крепостями полевыми: не будите и не тревожьте Любовь, пока захочет встать

Почуяла невеста жениха

8 Голос брата моего! Вот он идет, скакая по горам, прыгая по холмам.

9 Брат мой подобен серне, или молодому оленю на горах вефильских.

Невеста девицам указывает жениха

Вот он стоит позади стены нашей, посматривает чрез окна, и высматривает чрез сеточные ставни.

10 Отвечает брат мой и говорит мне: «встань, прииди, ближняя моя, прекрасная моя, голубица моя.

11 Ибо, вот зима прошла, дождь миновал, пронесся.

12 На земле явились цветы; время пасынкования виноградника наступило; голос горлицы слышен на земле нашей.

13 Смоковница распустила почки свои; виноградники цветут, издают благоухание. Встань, прииди, ближняя моя, прекрасная моя, голубица моя.

14 Прииди же ты, голубица моя, под кров скалы, что близ передового укрепления. Покажи мне лице твое и дай мне услышать голос твой. Ибо голос твой приятен, и лице твое прекрасно».

Жених девицам

15 Переловите нам маленьких лисиц, губящих виноградники: а виноградники наши цветут.

Невеста

16 Мой брат мой, а я его! Он пасет среди лилий. Пока день дышит и лягут тени, возвратись, брат мой, подобно серне или молодому оленю, по извилистым горам.

Глава 3

1 На ложе моем по ночам я искала того, кого возлюбила душа моя; искала его, и не нашла его.

2 Так встану и кругом пойду по городу; на торжищах и улицах поищу того, кого возлюбила душа моя. Я искала его, и не нашла его.

3 Нашли меня стражи, обходящие по городу.

Невеста сказала стражам

Не видали ли вы того, кого возлюбила душа моя?

Нашедши жениха сказала

4 Как не много отошла я от них, так и нашла того, кого возлюбила душа моя. Удержала его и не отпустила его, доколе не ввела в дом матери моей и в чертог родительницы моей.

Невеста закликает девиц во второй раз

5 Заклинаю вас, дочери Иерусалима, силами и крепостями полевыми: не будите и не тревожьте Любовь, пока захочет встать.

Г

Жених невесте

6 Кто сия восходящая от пустыни, как столп дыма, благоухающий смирною и ливаном и всеми порошками мироварца?

7 Вот ложе Соломона. Вокруг его — 60 храбрых из храбрых Израиля.

- 8 Все носят меч, опытни в брани: у каждого мужа меч его при бедре его ради страха ночного.
- 9 Носило сделал себе царь Соломон из деревьев ливанских.
- 10 Ножки его устроил из серебра, а спинку из золота, сидение его из пурпуровой ткани, внутренность его из мусии, изготовленной любовью дочерей Иерусалима.
- 11 Выдьте и посмотрите, дочери Сиона, на царя Соломона в том венце, в котором венчала его мать его в день брака его и в день веселия сердца его.

Глава 4

- 1 Вот ты прекрасна, ближняя моя, вот ты прекрасна. Очи твои голубиные не закрыты молчальником твоим. Косицы твои, как стада козочек, кои видны на Галааде.
- 2 Зубы твои, как стада остриженных овец, восходящих от источника, кои все с двумя ягнятами, и нет между ними неплодной.
- 3 Губы твои, как красная лента, и уста твои красивы. Щеки твои, как кора гранатового яблока, у краев молчальника твоего.
- 4 Шея твоя, как башня Давида, построенная в Фалфиофе. Тысяча щитов висит на ней, всякия оружия храбрых.
- 5 Две груди твои, как два молоденькие близнеца серны, пасущиеся между лилиями.
- 6 Пока день дышит и лягут тени, пойду я один на гору, где смирна, и на холм, где ливан.
- 7 Вся ты прекрасна, ближняя моя, и нет недостатка в тебе.
- 8 Гряди с Ливана, невеста, гряди с Ливана. Иди и переходи с начального места веры — с вершины Санира и Аермона, от львиных логовищ, с барсовых гор.
- 9 Очаровала ты сердце наше, невеста, очаровала ты сердце наше одним глазом твоим, одним украшением ожерельев твоих.
- 10 Как похорошели груди твои, сестра моя невеста! Как похорошели груди твои! Лучше вина! и благоухание одежд твоих лучше всех благовоний.
- 11 Сот каплет из уст твоих, невеста: мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежд твоих, как благоухание ливана.
- 12 Сад запертый — сестра моя невеста, сад запертый, источник запечатанный.

- 13 Прогулки твои — в саду гранатовом, где деревья с плодами
в скорлупе, киперы с нардом,
14 Нард и шафран, сахарный тростник и корица со всеми
деревьями Ливана, смирна и алой со всеми первыми
благовониями,
15 Влага для садов — колодец с водою живою и текущею с
Ливана.
16 Унесись ветер северный, и принесись южный, повеи на сад
мой, и да струятся благовония мои.
Невеста просит отца о том, чтобы жених сошел в сад
Пусть сойдет брат мой в сад свой, и пусть вкушает плоды
его, что в скорлупе.

Жених невесте

Глава 5

- 1 Вошел я в сад мой, сестра моя невеста, собрал смирну мою
с благовониями моими, ел хлеб мой с медом моим, пил
вино мое и молоко мое.

Жених ближним его

Ешьте ближние и пейте, и упивайтесь, братия.

- 2 Я сплю, а сердце мое бодрствует.

Невеста чует жениха, стучащегося во дверь

Голос брата моего! Он стучится в дверь!

Жених невесте

Отвори мне, сестра моя, ближняя моя, голубица моя,
совершенная моя.

Ибо голова моя смочена росой, и кудри мои каплями
ночными.

Невеста

- 3 Я скинула с себя одежду мою: стану ли надевать ее? Я
вымыла ноги мои: стану ли марать их?
4 Брат мой простер руку свою сквозь скважину; и
внутренность моя вострепелась от него.
5 Я встала, чтобы отворить брату моему. С рук моих капала
смирна, с перстов моих смирна густая капала на ручки замка.
6 Отворила я брату моему. Но брат мой ушел. Душа моя
унеслась за ним. Я искала его и не нашла его; звала его, и
он не послушал меня.

- 7 Нашли меня стражи, обходящие город, били меня, изранили меня: сняли с меня покрывало мое стражи стен.
8 Заклинаю вас, дочери Иерусалима, силами и крепостями полевыми: если найдете брата моего, что скажете ему? Скажите, что я уязвлена любовью.

Дочери Иерусалима и стражи осведомляются у невесты о женихе

- 9 Чем отличается брат твой от брата, прекрасная между женами? Что брат твой пред братом, что так ты заклала нас?

Невеста описывает брата, каков он

- 10 Брат мой бел и румян, отличен от тьмы тем.
11 Голова его — золото кефазское, кудри его — еловые ветви, черны, как ворон.
12 Глаза его, как голуби у полных вод, вымытые в молоке, сидящие у полных вод.
13 Щеки его, как цветники ароматические, выращивающие благовония. Губы его — крины, с них каплет густая смирна.
14 Руки его — золотые круглячки, усаженные фарсисами. Живот его — овальный кружок из слоновой кости с сапфировыми камнями.
15 Ноги его — мраморные столпы, поставленные на золотых подножиях. Видом он подобен Ливану, величеством как кедр.
16 Уста его — сладость, и весь он — любованье! Таков брат мой, и таков ближний мой, дочери Иерусалима.

Дочери Иерусалима осведомляются у невесты, куда пошел брат ее

- 17 Куда пошел брат твой, прекрасная между женами? Куда обратил взоры свои брат твой? И мы поищем его с тобою.

Глава 6

Невеста отвечает

- 1 Брат мой сошел в сад свой, в цветники ароматические, чтобы попасть в садах и собрать лилии.
2 Я своя брату моему, а брат мой — мне, пасущий между лилиями.

Д

Жених невесте

- 3 Прекрасна ты, ближняя моя, как благоволение, красива, как Иерусалим, грозна, как строй полков.
- 4 Отклони очи твои от меня, ибо они восхитили меня. Косицы твои, как стада козочек, кои появились с Галаада.
- 5 Зубы твои, как стада остриженных овец, восходящих от источника, кои все с двумя ягнятами, и нет между ними неплодной. Губы твои, как красная лента, и уста твои красивы.
- 6 Щеки твои, как кора гранатового яблока, у краев молчальника твоего.
- 7 Есть 60 цариц и 80 наложниц, а девицам и числа нет;
- 8 Но одна у меня голубица, совершенная моя, одна у матери ея, избранная у родившей ее. Увидели ее девицы и ублажают ее, царицы и наложницы, и восхваляют ее.

Девицы и царицы увидели невесту и ублажили ее

- 9 Кто она, сияющая как утро, прекрасная, как луна, превосходная, как солнце, грозная, как строй полков?

Жених невесте

- 10 В сад ореховый сошла она посмотреть на леторасли при потоке, посмотреть, расцвел ли виноградник.

Невеста жениху

- 11 Тут я дам сосцы мои тебе. — Но, сверх чаяния души моей, увезли меня колесницы Аминадава.

Жених невесте

- 12 Возвратись, возвратись, Суламита. Возвратись. Возвратись. И мы посмотрим на тебя.

Жених царицам и девицам

Что вы видите в Суламите? Она идет, как хоровод паремволонский.

Глава 7

- 1 Как прекрасны стопы твои в обуви твоей, дочь Надава! Лядвей твои полнотою подобны зернам ожерелья, сделанного руками художников.

- 2 Пуп твой — круглая чаша, всегда полная патоки. Живот твой — ворох пшеницы, обложенный лилиями.
- 3 Две груди твои, как два молоденькие близнеца серны.
- 4 Шея твоя, как столп из слоновой кости. Очи твои, как водоемы в Есевоне, что у ворот Дочери многих. Нос твой, как столп ливанский, с которого открывается вид Дамаска.
- 5 Голова твоя на тебе, как на Кармиле, и плетение головы твоей, как порфира: царь ввязан в пряди.
- 6 Как прекрасна и как приятна ты, Любовь, в сладостях твоих!
- 7 Этот высокий стан твой подобен финиковой пальме, а груди твои — гроздам.
- 8 Я сказал: взберусь на пальму, ухвачусь за вершины ея; и будут груди твои, как грозды виноградные, и благоухание ноздрей твоих, как яблочное, и гортань твоя, как доброе вино.

Невеста

- 9 Текущее прямо к брату моему достаточно чрез уста мои и зубы.
- 10 Я своя брату моему, и ко мне обращение его!
- 11 Приходи, брат мой: выйдем на поле, поживем в усадьбах.
- 12 Утро проведем в виноградниках; посмотрим, расцвел ли виноград, расцвел ли кипер, расцвели ли гранаты. Там я дам тебе груди мои.
- 13 Мандрагоры издали благоухание, и у дверей наших — все новые плоды, что в скорлупе: вдобавок к старым я сберегла их для тебя, брат мой.

Глава 8

- 1 Кто дал бы мне тебя, брат мой, как брата, сосавшаго груди матери моей? Тогда я, нашедши тебя на улице, лобызала бы тебя, и меня не осмеяли бы.
- 2 Возьму тебя, введу тебя в дом матери моей и в чертог зачавшей меня. Напою тебя вином благовонным, соком гранатов моих.
- 3 Левая рука его — под голову мою, а правая его обнимает меня.
- 4 Заклинаю вас, дочери Иерусалима, силами и крепостями полевыми: не будите и не тревожьте Любовь, пока захочет встать.

Девиды и цариды и друиды жениха сказали

- 5 Кто сия, восходящая, словно белый цветок, опирающаяся на брата своего?

Жених невесте

Под яблонью я разбудил тебя. Тут родила тебя мать твоя: тут болезновала родившая тебя.

- 6 Положи меня, как печать, на сердце твоём, как перстень с печатью на руке твоей. Ибо любовь крепка, как смерть, а ревность свирепа, как ад.

Столпы ея вокруг — столпы огненные: это воспламенения ея.

- 7 Большая вода не может потушить любви, и реки не зальют ея. Если бы человек давал все имение свое за любовь; то отринули бы его с презрением.

- 8 Сестра наша мала, и грудей не имеет. Что же сделаем с сестрой нашею в тот день, в который пойдет речь о ней?

- 9 Если бы она была стена, мы построили бы на ней помещения из серебра.

А если бы она была дверь, то оторочили бы ее кедровыми досками.

Невеста является торжественно

- 10 Я стена, и груди мои — как башни. Я стала в очах его, как нашедшая покой.

- 11 Виноградник разросся у Соломона в Вееламоне. Он отдал виноградник свой наемщикам. Человек принесет за плоды его 1000 сребреников.

- 12 А мой виноградник — мой, предо мною. Соломону тысяча, и двести стерегущих плоды его.

Невеста

- 13 Житель садов! Сообщники твои внимали голосу твоему. Послушай и меня.

- 14 Носись, брат мой, подобно серне, или молодому оленю, по горам благовонным.

ГЛАВА 3

РУССКИЙ ТЕКСТ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ (ГЛУХАРЕВА)

Перевод с еврейского на русский.

Указания говорящих лиц даны переводчиком.

Глава 1

- 1 Песнь Песней, которая есть Соломонова —
Невеста
- 2 О если бы Он лобзал меня теперь лобзаниями уст Своих!
Так ласки любви Твоей лучше вина;
- 3 Масти Твои приятны для обоняния;
Миро разлитое — имя Твое:
Посему девы любят Тебя.
- 4 Влеки меня: мы побежим за Тобою.
Царь ввел меня во внутренние покои свои.
Тобою мы восхищаемся и радуемся.
Воспоминанием ласки любви Твоей, которая лучше вина.
По справедливости любят Тебя.
- 5 Дщери Иерусалима!
Я черна, но красива,
Как шатры Кидарския,
Как скинии Соломоновы.
- 6 Не смотрите на меня, что я черна,
Что взглянуло на меня солнце.
Сыны матери моей прогневались на меня;
Поставили меня стеречь виноградники.
Я не устерегла своего виноградника, какой был у меня.
- 7 О Ты, Которого любит душа моя, возвести мне,
Где Ты пасешь?
Где упокоишь овец Твоих в полдень?
К чему мне быть как бы покрытою

У стад друзей Твоих? —

Жених

- 8 Если неизвестно тебе, прекраснейшая из женщин;
То иди следами овец
И паси козлят своих подле дворов пастушеских.
9 Я, по убранству, сделаю тебя, подруга Моя, подобною
Кобылице впрягаемой в колесницы фараоновы.
10 Прекрасны будут ланиты твои, под подвесками:
И шея твоя в ожерелье.
11 Мы сделаем тебе золотые подвески, с серебряными блестками —

Невеста

- 12 Пока царь возлежит за столом своим
Нард мой будет издавать благовоние свое
13 Возлюбленный мой у меня как пучок смирны;
Среди сосцев моих будет покоиться.
14 Возлюбленный мой у меня, как кисть кипера
В садах Енгедских. —

Жених

- 15 О как ты прекрасна, подруга Моя, как ты прекрасна! очи
твои голубиные. —

Невеста

- 16 О как ты прекрасен, Возлюбленный мой, и приятен!
И ложе наше есть зелень;
17 Кровли домов наших суть кедры;
Потолки у нас кипарисы. —

Глава 2

- 1 Я Саронский нарцисс, полевая лилия. —

Жених

- 2 Что лилия между тернами,
То подруга Моя между девицами. —

Невеста

- 3 Что яблонь между лесными деревьями,
То Возлюбленный мой между юношами.
Люблю сидеть под тенью ея,
И сладки для вкуса моего плоды ея!
4 Он ввел меня в дом вина;
И развевается надо мною знамя Его: любовь!

- 5 Подкрепите меня пастилою; освежите меня яблоками;
Ибо я изнемогаю от любви.
6 Левая рука Его у меня под головою; а десница Его обнимает
меня. —

Жених

- 7 Заклинаю вас, дочери Иерусалима, сернами и полевыми
ланями:
Не будите и не тревожьте возлюбленную, доколе восхощет. —

Невеста

- 8 Голос Возлюбленного моего! вот Он идет,
Скачет по горам, прыгает по холмам.
9 Возлюбленный мой похож на серну или на молодого оленя.
Вот Он стоит за стеною нашею, выглядывает из-за окон,
Мелькает сквозь решетки.
10 Возлюбленный мой подает голос, и говорит мне:
Встань, подруга Моя, прекрасная Моя, и прииди.
11 Ибо, вот, зима прошла, дождь миновал, прошел.
12 На земле показались цветы; время пения наступило.
И голос горлицы слышен на нашей земле.
13 Смоковница наполнила соком свои ягоды;
И виноградные лозы, разцветая, издают благовоние.
Встань, подруга Моя, прекрасная Моя, и прииди.
14 Голубица Моя, сидящая в ущелиях скалы, под кровом утеса!
Дай Мне видеть лице твое, дай Мне услышать голос твой.
Ибо голос твой приятен, и лице твое прекрасно.
15 Ловите нам лисиц, небольших лисинят,
Которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете.
16 Возлюбленный мой мне принадлежит, и я Ему,
Пасущему между лилиями.
17 Пока еще день дышит прохладою,
И ложатся длинные тени,
Возвратись, Возлюбленный мой, подобно серне,
Или молодому оленю, по горам разделения.

Глава 3

- 1 На ложе моем, по ночам, я искала Того, Которого любит
душа моя;
искала Его, и не нашла Его.
2 Встану я, и пойду по городу; на улицах и площадях

поищу Того, Которого любит душа моя.

Я искала Его, и не нашла Его.

3 Нашли меня стражи, ходящие по городу.

Того, Которого любит душа моя, видели вы?

4 Немного отошла от них, как и нашла Того, Которого любит душа моя.

Ухватила за Него, и не отпустила Его, доколе не ввела в дом матери моей, и в покой родительницы моей. —

Жених

5 Заклинаю вас, дочери Иерусалима, сернами и полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленную, доколе восхощет. —

Хор подруг

6 Кто сия восходящая от пустыни, как столпы дыма, напоенная благовониями от смирны и Ливана, от всяких порошков продающего миро?

7 Вот одр Его, Соломонов; вокруг его 60 храбрых из храбрых Израилевых.

8 Все они держат по мечу, опытные в битве;

У каждого меч свой при бедре его, для охранения от ужаса по ночам.

9 Царь Соломон сделал себе носильный одр из древ Ливанских

10 Ножки его сделал из серебра, локотки его из золота,

Седалище его из пурпуровой ткани,

Внутренность его устлана возлюбленною из дочерей Иерусалима.

11 Дщери Сиона, подите и посмотрите на Царя Соломона в венке, которым венчала Его мать Его, в день бракосочетания Его, и в день веселия сердца Его. —

Глава 4

Жених

1 О, как ты прекрасна, подруга Моя, как ты прекрасна!

Очи твои голубиные выглядывают из-под покрывала твоего.

Волосы твои, как стадо коз, улегшихся на горе Галаадской.

2 Зубы твои, как стадо овец, ровно остриженных, восходящих из купели,

Из которых у каждой пара ягнят, и нет между ними бесплодной.

- 3 Губы твои, как алая нить, и уста твои прекрасны.
Виски твои как пласт гранатового яблока, из-под покрывала твоего проявляются.
- 4 Шея твоя, как столб Давидов, сооруженный для вешания
оружий.
1000 щитов висит на нем, всякия оружия храбрых.
- 5 Два сосца твоих, как два козленка,
Двойни серны, пасущиеся между лилиями.
- 6 Пока еще день дышит прохладою, и ложатся длинные тени,
Пойду я на гору, дышащую смирною, и на холм, благо-
ухающий Ливаном.
- 7 Вся ты прекрасна, подруга Моя, и нет пятна на тебе.
- 8 Со Мною с Ливана, невеста! Со Мной иди с Ливана!
Прямо шествуй с вершины Аманы, с вершины Шенира и
Ермона,
От львиных логовищ, от барсовых гор!
- 9 Пленила ты сердце Мое, сестра Моя, невеста!
Пленила ты сердце Мое, одним из глаз твоих,
Одним ожерельем, что на шее твоей.
- 10 О, как прекрасны ласки любви твоей, сестра Моя, невеста!
О, как ласки любви твоей превосходят вино,
И благовоние масел твоих лучше всех бальзамов!
- 11 Сотовый мед капает из уст твоих, невеста;
Под языком твоим мед и молоко,
И от одежды твоей благоухание подобно благоуханию Ливана.
- 12 Сестра Моя, невеста, — запертый сад,
Замкнутый колодезь, запечатанный источник.
- 13 Отрасли твои — увеселительный сад,
Где гранаты с превосходными плодами, киперы с нардами,
- 14 Нард и шафран,
Благовонная трость и корица,
Со всякими благоухающими деревьями,
Смирна и алое, со всякими отличными ароматами;
- 15 В саду источник, колодезь воды живой,
И потоки с Ливана. —
Невеста
- 16 Воспряни, ветер северный,
И принесишь, южный; повеи на сад мой,
И польются ароматы его.

Да придет Возлюбленный мой в сад Свой.
И да вкушает плоды его превосходные. —

Глава 5

Жених

- 1 Иду в сад Мой, сестра Моя, невеста;
Нарву смирны Моей с ароматами Моими;
Буду есть сот Мой с медом Моим; напьюсь вина Моего с
молоком Моим.
Ядите, други, пейте до упоения, возлюбленные! —

Невеста

- 2 Я спала, но сердце мое бодрствовало...
Голос Возлюбленного моего... стучится...
...Отвори Мне, сестра Моя, Подруга Моя, голубица Моя,
чистая Моя:
Ибо голова Моя вся покрыта росой, кудри Мои каплями
ночи.
3 Я скинула с себя хитон мой;
Так неужели мне надевать его?
Я вымыла ноги мои; так неужели мне марать их?
4 Возлюбленный мой простер руку Свою сквозь скважину,
И вся внутренность моя взволновалась от Него.
5 Я встала, чтоб отворить Возлюбленному моему;
И с рук моих капала смирна,
И с перстов моих смирна самотечная, на ручки замка.
6 Отворила я Возлюбленному моему; но Возлюбленный мой
ускользнул, ушел.
Душа у меня вышла, когда он заговорил.
Я искала Его, и не находила Его;
Звала Его, и Он не отвечал мне.
7 Нашли меня стражи, ходящие по городу;
Били меня, изранили меня,
Сняли с меня верхнюю одежду мою стерегущие стены.
8 Заклинаю вас, дочери Иерусалима:
Если найдете Возлюбленного моего... что же вы скажете Ему?..
...Что я от любви изнемогаю. —

Подруги

- 9 Чем Возлюбленный твой отличнее всякого возлюбленного,
Прекраснейшая из женщин?

Чем Возлюбленный твой отличное всякого возлюбленного,
Что ты так заклинаешь нас? —

Невеста

- 10 Друг мой бел и румян, Отличен от тьмы других;
- 11 Голова на Нем — чистое золото;
Кудри Его развесисты, черны, как ворон;
- 12 Глаза Его, как голуби при потоках вод,
Омытые молоком, сидящие у полноты.
- 13 Щеки Его, как цветник ароматический,
Гряды благовонных растений,
Губы Его — лилии, источают смирну самотечную;
- 14 Руки Его — золотые круглики, усаженные топазами;
Живот Его выточен из слоновой кости,
Обложенный сапфирами;
- 15 Ноги Его — мраморные столбы,
Поставленные на золотых подножиях.
Видом Он подобен Ливану; величествен, как кедр.
- 16 Уста Его сладость, и весь Он красота.
Вот Кто Возлюбленный Мой, и вот Кто Друг мой,
Дщери Иерусалима! —

Глава 6

Подруги

- 1 Куда пошел Возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин?
Куда Возлюбленный твой устремил взоры?
И мы поищем Его с тобою. —

Невеста

- 2 Возлюбленный мой сошел в сад Свой, к цветникам
бальзамическим.
Чтоб попастьись в садах и собрать лилии.
- 3 Я принадлежу Возлюбленному моему и Возлюбленный мой
мне, Он,
Пасущий между лилиями. —

Жених

- 4 Прекрасна ты, подруга Моя, как Фирса,
Величественна, как Иерусалим,
Грозна, как полки со знаменами.
- 5 Отклони от Меня очи твои, ибо они поборают Меня.

- Волоса твои, как стадо коз, улегшихся на Галааде.
6 Зубы твои, как стадо овец, восходящих из купели,
Из которой у каждой пара ягнят,
И нет между ними бесплодной.
7 Виски твои, как пласт гранатового яблока,
Из-под покрывала твоего проявляются.
8 Есть шестьдесят цариц,
И 80 наложниц, и девиц безчисленное множество.
9 Но голубица Моя, чистая Моя, есть единственная,
Единственная у матери своей,
Избранная она у родительницы своей.
Видят ее девицы и ублажают;
Царицы и наложницы, и восхваляют ее:
10 Кто эта блестящая, как заря, прекрасная, как луна, светлая,
как солнце, грозная, как полки со знаменами? —
Невеста
11 Сошла я в ореховый сад
Посмотреть на зелень при потоке,
Поглядеть, расцветает ли виноградная лоза,
Цветут ли гранатовые яблоки.
12 И, чего не ожидала, душе моей представились
Колесницы знаменитых в народе моем. —

Глава 7

Подруги

- 1 Оглянись, оглянись, Суламита!
Оглянись, оглянись; дай нам посмотреть на тебя! —

Жених

- Что вам смотреть на Суламиту,
Как будто на хоровод Маанаимский?
2 О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь высокородная!
В твоих лядвеях такая полнота, как в зернах ожерелья,
Сделанного руками художника.
3 Живот твой круглая чаша,
В которой не истощается ароматическое вино.
Живот твой ворох пшеницы, обставленный лилиями.
4 Два сосца твоих, как два козленка, двойни серны.
5 Шея твоя, как столб из слоновой кости.
Глаза твои похожи на озера Есвонския,

- Что у ворот Бат-раббима.
Нос твой, как Ливанский столб, стоящий лицом к Дамаску.
- 6 Голова твоя на тебе, как Кармил;
И волоса на голове твоей, как пурпур:
Царь связан сими низпадающими водопроводами.
- 7 Как ты прекрасна, и как привлекательна, возлюбленная в
приятностях!
- 8 Этим станом своим ты похожа на пальму;
И сосцы твои, как виноградные кисти.
- 9 Я подумал: взошел бы я на пальму, —
Ухватился бы за ветви ея;
И пусть бы сосцы твои были для Меня вместо кисти
виноградной лозы,
И от ноздрей твоих благоухало бы яблоками,
- 10 И из уст твоих лилось бы, словно вино отличное. —
- Невеста
- Нет, оно потечет прямо к Возлюбленному моему;
Будет тихо вливаться в уста спящих.
- 11 Я принадлежу Возлюбленному моему,
И ко мне желание Его.
- 12 Прииди, Возлюбленный мой, выйдем на поле, переночуем на
киперах.
- 13 Поутру, вставши, пойдем к виноградникам;
Посмотрим, распускается ли виноградная лоза,
Раскрывается ли цвет ея, цветут ли гранатовые яблоки.
Там я изъявлю Тебе ласки любви моей.
- 14 Мандрагоры издают благовоние;
У дверей наших всякие плоды превосходные;
Новые и старые, Возлюбленный мой, я сберегла для Тебя.

Глава 8

- 1 О, если бы Ты был мне брат,
Сосавший груди матери моей!
Тогда я и на улице, нашедши Тебя, лобзала бы Тебя,
И меня не осуждали бы.
- 2 Поведу Тебя, введу Тебя
В дом матери моей. Ты будешь меня учить;
А я Тебя буду поить ароматным вином,
Соком гранатовых яблок моих.
- 3 Левая рука Его у меня под голову,

А правая рука Его обнимает меня. —

Жених

- 4 Заклинаю вас, дочери Иерусалима,
Не будите и не тревожьте возлюбленную, доколе хочет. —

Писатель

- 5 Кто сия восходящая от пустыни,
Опирающаяся на Возлюбленного своего? —

Невеста

- Я под этой яблонью разбудила Тебя;
Там родила Тебя мать Твоя,
Там болезновала родительница Твоя.
6 Положи меня, как печать, к сердцу Своему,
Как перстень на руку Свою.
Ибо любовь люта, как смерть;
Жар ея свиреп, как преисподняя;
Стрелы ея, стрелы огненные; она пламень Божий.
7 Большие воды не могут потушить любви,
И реки не зальют ея. Если бы кто давал
Все богатство дому своего за любовь,
Его отвергли бы с презрением. —

Братья невесты

- 8 Сестра у нас мала, и сосцев еще нет у ней.
Что нам будет делать с сестрою нашею
В тот день, когда пойдет о ней речь?
9 Если бы она была стена,
Мы построили бы на ней башню из серебра;
А если бы она была дверь,
Мы обложили бы ее доскою кедровою. —

Невеста

- 10 Я стена, и сосцы мои, как башни.
Таким образом я стала в очах Его, как нашедшая мир.
11 Виноградник есть у Соломона в Баал-Гамоне.
Он вверил сей виноградник стражам;
Каждый должен за плоды Его доставлять 1000 сребреников.
12 Виноградник мой, какой есть у меня, предо мною.
Тебе, Соломон, тысяча,
И двести стрегущим плоды Его! —

Жених

13 Жительница садов!

Сотоварищи внимают гласу твоему:

Позволь и Мне послушать. —

Невеста

14 Скорее, Возлюбленный мой!

Несись подобно серне,

Или оленю юному,

По горам благовоний!

ГЛАВА 4

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ДРЕВНИМ ТЕКСТАМ И РАЗЛИЧНЫМ ПЕРЕВОДАМ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ*

Глава 1

Название книги в славянском, синодальном переводах дается без точного соответствия греческому тексту («Книга Песнь Песней царя Соломона» — слав., «Книга Песни Песней Соломона» — син.). Греческое название, Ἀίσμα ᾠσμάτων, ὃ ἐστὶν τῷ Σαλωμων означает «Песнь Песней, что Соломону» (так по Порфирию). Кроме этого названия, составляющего в LXX первый стих, в ватиканском кодексе надпись: ΑΣΜΑ, а в александрийском Ἀσμα ᾠσμάτων.

Славянский и синодальный переводы выносят первый стих в название, поэтому в 1-й главе там 16 стихов вместо 17, как во всех других списках. Порфирий и Юнгеров дают нумерацию стихов, соответствующую греческой. Дальше у нас нумерация по LXX-Порфирию.

1.4

LXX: εὐθύτης ἠγαπήσέν σε — правота (правда) возлюбила тебя
мак.: по справедливости любят Тебя
син.: достойно любят Тебя

1.9

LXX: τῇ ἵπλῳ — коннице
пор.: кобылице
слав.: конем (моим)
мак.: кобылице

* Глава написана на основании текстологических работ епископа Порфирия (Успенского), профессора П. Юнгера, архимандрита Макария (Глухарева) и А. Эфроса и не является самостоятельным изысканием автора книги.

В главе употреблены сокращения: евр. — еврейский масоретский текст, LXX — Септуагинта, Vul. — Вульгата, слав. — славянский текст книги, син. — синодальный перевод, мак. — Макария (Глухарева) перевод, пор. — Порфирия (Успенского) перевод, юнг. — П. Юнгера перевод, эфр. — А. Эфроса перевод.

син.: кобылице. См. 3 Цар. 10,28-29

1.10

Прекрасны ланиты твои — яко горлицы (слав.), под подвесками (син.), евр. — **בַּתְרִים** (батторим) — подвески. LXX читали «каторим» и перевели ὡς τρυγνόες — яко горлицы.

1.11

LXX: **στιγμάτων τοῦ ἀργυρίου**

пор.: насечками из серебра

мак.: серебряными блестками

син.: серебряными блестками

юнг.: серебряной резьбой

1.14

LXX: **ἀδελφιδός**

пор.: брат

мак.: возлюбленный

син.: возлюбленный

юнг.: маленький брат, питаемый сосцами (6,1; 7,12)

Ориген: племянник

Феодорит: сестричищ

эфр.: друг

1.15

LXX: **περιστεραί** — голубиные или точнее «голубица» (так у эфр.)

Глава 2

2.1

LXX: **Ἐγὼ ἄνθος τοῦ πεδίου, κρίνον τῶν κοιλάδων** — Я цветок полевой лилия долин

Евр.: **הַנָּרְצִיס הַשָּׂרֹן** (хабаццелет га Шарон) — Я нарцисс Саронский, лилия долин

Хабаццелет (встречается еще в Ис. 35,1), переданное в син. «нарцисс», имеет значение скорее общее, как в LXX ἄνθος τοῦ πεδίου, Vul. — flos campī, чем конкретное. Поэтому все попытки точно определить название цветка нетверды: Таргум — наркос, син. — нарцисс, Ботхер — роза, Вайгингер — тюльпан.

2.3

LXX: **ἐπεθύμησα καὶ ἐκάθισα**

пор.: захотела я и села

мак.: люблю сидеть
син.: люблю сидеть
слав.: восхотех и седох

2.4

LXX: οἴκου τοῦ οἴνου

пор.: дом вина

слав.: дом вина

син.: дом пира — это произвольно, ради более ясного смысла

евр.: אֶל־בֵּית הַיַּיִן (ель-бейт га йайин) — дом вина

LXX: τάξατε ἐπ' ἐμὲ ἀγάπην

мак.: и развеается надо мною знамя Его: любовь!

син.: знамя его надо мною любовь

слав.: вчините ко мне любовь

пор.: означьте надо мною любовь

τάξατε — вчините, упорядочьте, устройте

2.7

В греческом (слав., пор., юнг.) и еврейском (мак., эфр., син.) заклинание различно.

греч.: ἐν ταῖς δυνάμεσιν καὶ ἐν ταῖς ἰσχύσεσιν τοῦ ἀγροῦ — силами и крепостями полевыми

евр.: צְבָאוֹת (цебаот) — сернами (газелями — эфр.) и אֵילֹט (еалот) полевыми ланями

Либо: близость звучания в словах сила — серна, крепость — лань на евр. языке.

«Цебаот» и «еалот» — созвучны с Господь Саваоф. В этом контексте, возможно, не хотели явно называть это имя и привели созвучное «серны и полевые лани».

Само заклинание: ἐὰν ἐγείρητε καὶ ἐξεγείρητε τὴν ἀγάπην...

слав.: аще возставите и возбудите любовь. То есть практически дается указание «возставить и возбудить».

пор., юнг., мак., эфр., син. дают, наоборот, запрет: не будите и не тревожьте.

По-разному переводится и слово, означающего того, кого не нужно (или нужно?) будить.

В LXX и соответственно слав., пор., юнг., указано слово «любовь» (ἀγάπην).

евр.: אֲהַבָּהּ (ет гоагаво), что переводится не как любовь, а как предмет любви и может быть отнесено к лицу мужского и

женского рода. Но обычно (мак., син.) относят к Суламифи и переводят «возлюбленная». Но так как обычно в книге Песнь Песней, если речь о предмете любви, то добавляется «мой» или «моя», а здесь местоимения нет, то Эфрос находит возможным переводить вместе с LXX «любовь».

2.8

LXX: φωνή — переведено везде как голос возлюбленного (брата), но означает точнее звук шагов, ибо он «идет, скачет».

2.9

LXX: Брат мой подобен ...молодому оленю на горах Вефильских (ἐπὶ τὰ ὄρη Βαιθηλ). «На горах Вефильских» в еврейском тексте отсутствует.

2.12

LXX: καιρὸς τῆς τομῆς ἔφθακεν — время обрезания приспе. Τομῆς — обрезание сухих ветвей.

пор.: время пасынкования. Пасынковать — обрезать лишние леторасли, как бы пасынков, и оставлять плодородные ветви.

евр. (мак., син.) — время пения настало

2.14

LXX: προτίχεισμα

слав.: предстение

пор.: передовое укрепление

Это слово означает лицевую сторону скалы, служащую ей как бы укреплением.

2.15

LXX: ἀλώπεκας μικροὺς — малые лисицы

евр.: שׁוּעָלִים קְטַנִּים (шуалим, шуалим ктаним) — лисиц, маленьких лисиц

В греч. нет повтора, имеющегося в евр.

Глава 3

3.6

«Мироварник» или «продающий миро» (мак.) означает странствующего торговца.

евр.: רוֹחֵל (рохэль от рохойл) — странствовать, торговать

3.9

LXX: φορεῖον — носильный одр для царей и вельмож, буквально носилки. Слово греческого происхождения, оказавшееся в тексте книги Песнь Песней.

евр.: אַפִּירְיוֹן (апирийон)

3.10

LXX: ἀνάκλιτον

юнг., слав.: восклонение

пор.: спинка

евр.: локотники

3.11

LXX: νυμφεύσεως

слав., Филон Карпафийский, Кирилл Ал.: обручение

пор., мак., син.: бракосочетание

Глава 4

4.1

«Очи твои голубиные» — точнее «голуби» (περιστερα).

Далее два перевода: «очи твои из под фаты» (эфр.), «из под кудрей твоих» (син.).

О чем речь идет — о покрывале или о кудрях, из-под которых видны очи?

евр.: מִבְּעַד לְצַמָּתָךְ (мибоад лецамотех). Слово цоман означает связывать, стягивать, закутывать. И образованное от него лецамотех можно перевести либо, как о сплетенных волосах, либо, как о покрывале. Еще в Библии это слово встречается только один раз в Исх. 47,2 и там явно речь идет о покрывале.

греч.: ἐκτὸς τῆς σιωπῆσεως — «кроме замолчания» (слав.) или «молчальнику» (пор.). Это покрывало, которым на востоке женщины покрывают свои уста. Глаза и щеки при этом открыты. Покрывало прикрепляется к металлическому цилиндрику, привязанному к голове.

4.4

евр.: מִגְדָּל (мигдол) и греч. πύργος — точнее, башня (пор., эфр.), нежели столп (слав., син., Мак.)

греч. ват. — Θαλπιῶθ, греч. алек. — Θαλθιῶθ

слав. Θαλπιоθ следует за греч. ват. Это имя собственное. Значение этого слова — укрепление, защита, крепость

евр.: תַּלְפִּיּוֹד (талпийод) — сноровление, обучение, упражнение.

син.: сооруженный для оружий.

В современном значении это слово означает военно-учебное заведение.

4.5

евр.: שְׁנֵי שָׁדַיִךְ (шней шодайх) переводят «две груди», или «два сосца». Вернее первое чтение, так как шад означает грудь, а сосец — дад.

4.8

LXX: ἀπὸ ἀρχῆς πίστεως — от начала веры

евр.: с вершины Аманы (имя собственное, название горы)

4.9

LXX: νὶ ἀπὸ ὀφθαλμῶν σου

евр.: בְּאַחַד מֵעֵינַיִךְ (б'ахад ме'ейнайих)

Дословно переводится «одним глазом твоим» (слав., пор., мак.). син. и эфр. переводят «единым взглядом очей твоих», произвольно подгоняя под более легко усваиваемый смысл. Речь идет все-таки не об одном взгляде очей, но именно об одном глазе.

4.16

LXX: βορρᾶ

слав.: «севере», но имеется в виду ветер северный

син.: ставит «ветер» курсивом

К северному ветру: ἐξεγέρθητι — воспрями, поднимись, унесись. То есть его «угоняют». К южному ветру ἔρχου — принесишь, его «призывают».

Глава 5

5.1

евр.: שְׁתוּ וּשְׁכְרוּ (шту вшихру)

слав.: пейте и упивайтесь.

мак.: пейти до упоения

В син. «пейте и насыщайтесь» переведено неверно. Видимо, у переводчиков проявилось желание прикрыть остроту выражения.

5.2

евр.: רְסִיסֵי לַיְלָה (рсисей лойло)

слав., пор., мак.: капля ночи, капли ночные

син.: ночную влагою

Рсисс от россасс — дробить (мелкая капля). Так что наиболее точно будет «мелкие капли ночи».

5.6

LXX: παρήλθεν — ушел

ефр. передает оттенок: ускользнул, исчез, внезапно скрылся.

евр.: נִפְשִׁי יָצָא בְּרִבְרוֹ (нафши йоцо бдабро) — дословно означает «моя душа вышла, когда он говорил»

син.: души во мне не стало, когда он говорил

слав. следуя буквально за LXX (ψυχή μου ἐξῆλθεν ἐν λόγῳ αὐτοῦ) переводит «душа моя изыде в слово его». Так и св. Григорий Нисский понимает, что душа «пошла за словом» его. Но пор. переводит «душа моя унеслась за ним», так как здесь выражение λόγῳ αὐτοῦ означает личность жениха, а не его слово. Греки поныне говорят вместо «ты» — τοῦ λόγου σου, вместо «его» — τοῦ λόγου του.

В евр. вообще нет того оттенка, что душа пошла за ним, или словом его. Там указывается, что от его слова душа пережила особое волнение.

5.10

евр.: צָה וְאֲדָמָה (цах в'одом) переводится «бел и румян». Так и в греческом. Но эфр. переводит «ясен и румян», отмечая в белизне не столь цвет, сколь свет, ясность. «Цах» он производит от цохойах, что означает — быть ясным.

רִבְבָּהּ (рвово) — 10 000 или тьма тем, означает не конкретное число, а несметное множество.

5.14

LXX: τορευτοῖ — гравированные, изваянные

слав.: обточены

син.: кругляки

Наполнены «фарсиса», с евр. переводят (син., мак.) «топазами».

Чрево его — πυξίον — сосуд (слав.) — овальный кружок (пор.), изваяние (син.).

Греч. πυξίον — буковая полированная дощечка, употребляемая для письма. Указывает на изящность.

Глава 6

6.4

LXX: θάμβος ὡς τεταγμένοι

слав.: ужас яко вчинены (имеются виды, «чины», войск)

пор.: грозна, как строй полков

син., мак.: грозна, как полки со знаменами

6.5

LXX: ἀνεπτέρωσάν

слав.: воскрилиша — восхищают, возбуждают, волнуют, поднимают (как на крыльях)

6.12

Самое темное место в Песни Песней. Дословный перевод не дает смысла.

евр.: **לֹא יָדַעְתִּי נַפְשִׁי שְׁמִתִּי מִכִּבֹּת עַמִּי יִרְבִּי** — я не знала моя душа меня поставила колесницы вельмож моего народа (или Аминадава). Такое точное (и непонятное) значение и звучание фразы. А дальше уже переводчики домысливают, чтобы придать фразе больше смысла.

син.: не знаю, как душа моя влекла меня к колесницам знатных народа моего

слав.: не разуме душа моя, положи мя на колеснице Аминадавли
Речь идет о княжеских колесницах, присланных царем, и увлекающих Суламифь в царские чертоги.

Глава 7

7.1

евр.: **כִּמְחֹלַת הַמָּחֲנִים** (кимхолат гамаханоим)

כִּמְחֹלַת (кимхолат) — пляска, танец, хоровод

הַמָּחֲנִים (гамаханоим):

1. Вставляют без перевода просто Манаимский (мак., син.). Пор. оставляет в том же значении, но греческом звучании: **παρεμβολῶν** (паремволонский). Манаим и Паремволон указывают на одну и ту же местность за Иорданом.

2. Это слово переводят как два ряда, два стана, два лагеря, лики полков (слав.). Тогда получается:

юнг.: она идет, как ряды войск

эфр.: словно на пляску в два стана

слав.: яко лики полков

7.2

LXX: θυγάτηρ Ναδαβ — дочь Надава (собственное имя)
евр.: дочь именитая или дочь князя (взято значение слова)
То есть различия в чтении определяются в основном тем, с
еврейского или греческого текстов сделан перевод.

7.3

евр.: פֶּרֶךְ (шоррех) — пупочная жила (пуп)
син.: живот. Вернее надо «пуп»
LXX: ὀμφαλός — означает «пуп», так и в слав., пор.
LXX: κρατήρ τορευτός — круглая чаша
юнг.: чеканная чаша
τορευτός — источена (слав.), изящна

7.5

евр., мак., син.: у ворот Бат-раббима
греч. дает значение еврейского собственного имени: ἐν πύλαις
θυγατρὸς πολλῶν — во вратах дочерей многих
У толкователей встречается понимание πολλῶν, как многолюд-
ный город.

7.6

греч. πλόκιον — буквально заплетение, может означать косы
Текст несколько темный.
LXX: βασιλεὺς δεδεμένος ἐν παραδρομαῖς
слав.: царь увязан в преристаниях
пор.: царь ввязан в пряди
мак.: царь связан сими низпадающими водопроводами
син.: царь увлечен твоими кудрями .
пор. дает пояснение: «под царями разумеи знак его, диадему,
или шифр. Сей знак ввязан в пряди волос, которые у женщин
бывают на востоке ниже подколенков»

Глава 8

8.2

LXX: ῥοῶν
слав.: яблочек
пор.: гранатов
Речь идет о гранатových яблоках (см. син.).
В LXX отсутствует добавка евр. текста «ты учил бы меня».

8.6

LXX: περίπτερα

слав.: крила, летающие как перья
пор.: столпы (непонятно почему)
мак. и син. переводят с евр.: стрелы
LXX: φλόγες αὐτῆς — пламень ея

Но с евр. שַׁלְגֵּהוּבָה (шалгевет йах) мак. и эфр. переводят «пламень Божий» или «пламя Господне». Единственное место в Песни Песней, где указывается на имя Божие. Син. теряет имя Божие, переводя «пламень весьма сильный». Это различие определено не различным способом перевода, а различным чтением в различных еврейских кодексах, связанных с различной огласовкой слова.

8.8

LXX: ἀδελφὴ ἡμῶν μικρὰ — сестра у нас мала (так слав., пор., юнг., мак.)

син.: есть у нас сестра, которая еще мала

Слово «есть» намекает будто бы на иную младшую сестру Суламифи. Этого намек нет в LXX и евр. и их переводах. «Сестра у нас мала» естественнее относить к начальному состоянию Суламифи.

8.10

Речь идет не об иной сестре, по сравнению с 8,8, а о той же, девице, но возросшей.

ГЛАВА 5

БОГОСЛУЖЕБНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КНИГИ ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Мы уже отмечали богослужебное употребление Песни Песней в богослужении иудейском и католической церкви. В Русской Православной Церкви за богослужением книга Песнь Песней не читается (в качестве паримий). Однако образы и выражения из этой книги широко используются в молитвословиях. Эти молитвословия можно распределить на три группы:

1. Молитвы с образами Христа и Церкви из Песни Песней. Таких молитв сравнительно мало.

2. Наименования Божией Матери и богородичные молитвословия. Таковых очень много.

3. В службах девам Христовым употребляются образы и выражения Песни Песней.

5.1. Молитвы с образами Христа и Церкви по Песни Песней

В антифоне 15 Великого Пятка «Днесь висит на древе...» Христос именуется «Жених церковный». Христос как Жених Церкви — это основной образ книги Песнь Песней.

«Аз цвет польный» и «миро изливанное имя Твое», — говорится о Христе в Песни Песней. Созвучно этому мы обращаемся ко Христу: «Иисусе, цвете благовонный, благоухай мя» (акаф. Иисусу Сладч., ик. 12). Христос есть «воня мира паче всех аромат».

Согласно со словами «изыдите и видите в цари Соломоне в венце, имже венча его мати его в день обручения его» (3,11) Церковь взывает: «Тебе терноносный еврейский сонм, любве благодетелю к тебе не сохрани матерния, Христе венча, родоначальника (то есть Адама) разрешающа терновое запрещение». Царь Соломон — Христос «Царь Иудейский». Мать царя — еврейское сонмище, не сохранившее материнской любви, которую имел древний Израиль, но утратил ко времени пришествия Христова и вен-

чал Его терновым венцом. Но через это Адам разрешился от терновой клятвы Божией за грех (Быт. 3,18).

5.2. Богородичные молитвы

Неустанно и с любовью воспевает Церковь на богослужениях Пречистую Деву. Многие наименования и обращения к Ней, столь частые и привычные, взяты из Песни Песней от прекрасного образа Суламифи. И произносятся эти молитвы и обращения, обычно уже и не думаешь о их происхождении из Песни Песней, а многие этого и не знают.

Богородичное употребление книги Песнь Песней — основное в православном богослужении.

1,11-12. Миров благоухающее Суламифи — это ее царь, она и сама источает это миро, то есть благоухание Христово. Пречистая Дева — «миро многоценное», Она — «сосуд, миро неистощимое на Нее изливанное приемший» (Тр. пост., суб. ак., утр., кан., п. 9).

1,12-13. «Вязание стакти (мировый пучок) брат мой мне, посреде сосцу моему водворится: Грезн кипров брат мой мне в виноградех Енгаддовых». Этими сравнениями обращается Церковь к Деве, грядущей в Вифлеем родить Сына:

«Лоза Божественная, нетленный грозд узреливши, ближающаяся, идет родити веселия вино точащаго, и напоющаго нас, Ему вопиющих: отцев наших Боже, благословен еси.

Божественная Мироположница, благовонное Миро внутрь носьящи, в вертепе Вифлеемли истощити сие грядет, благовония таинственного исполняющее поющая: отцев Боже благословен еси.» (нед. свв. отцов перед Рождеством, кан., п. 7).

2,2. «Якоже крин в тернии, тако искренняя моя посреде дочерей». Цветом (цветком) и крином (лилией) именуется в молитвах Пречистая Дева.

«Яко шипок, яко чистейший крин, яко благоуханное обоняние от красных удолий мирских, Творец избрав Тя, Отроковице, вселився во утробу Твою и родився, благоухания всяческая исполнил есть».

Приснодева — «сладкоуханный крин», так как «светится блистанием чистоты и светом девства». Она же — «цвет неувядаемый» и «цвете нетления» (акаф. Пресв. Богородице, ик. 7). Неувядаемый цветок — образ нетленного рождения Девой Божественного Сына.

«Радуйся, сладкоуханный крине Владычице, верных благоухай, кадило благовонное, и миро многоценное» (Тр. пост., суб. акаф., утр., кан., п. 1) — воспевают Церковь словами Песни Песней Пречистую.

Слова 2,1 «Аз цвет польный и крин удольный» в Ок. гл.1, вт. утр., кан. покаянен, п. 8 отнесены к Деве Марии. Христос-Царь говорит Ей: «Яко цвет во удолиих жития Тя обрет, в Тя вселися, иже всех садитель, вонями добродетелей и чистоты ныне благоухай нас, Богородительнице».

Жених-царь в 2,3 сравнивается с яблонью. И вот дивное сравнение, как Дева (цвет, крин) рождает Сына (яблоко). «Цвете неувядаемый, радуйся едина прозябшая яблоко благовонное. Радуйся, рождшая благоухание единого Царя. Радуйся неискусо-брачная, мирови спасение» (Тр. пост., суб. акаф., утр., кан., п. 1).

В 2,14 голубицею именуется Невеста. И Церковь взывает: «Голубице милостиваго рождшая, радуйся Приснодева...» (Тр. пост., суб. акаф., утр., кан., п. 9).

3,6. Царица-Невеста, восходящая от пустыни («Кто сия восходящая от пустыни?»), прообразует Деву-Мать, на руках Своих спасающую Сына бегством в Египет через пустыню. «Тебе яко сущую в женах красну и пречестну, яко из пустыни восходящу, и отрасль Христа на рукуносящу, Мати Божия, проображаше мироначальник вопия: слава силе Твоей, Господи.» (Окт., гл. 1, суб. повеч., кан. Богор., п. 4).

3,7.9. Пречистая Дева именуется «ложем Царя», ибо в Ней возлежал Христос-Бог. Это сравнение взято из 3,9 «Одр сотвори себе царь Соломон».

«Видяще Тя едину, яко вышшую небес, Божию зарю, нескверная, престол херувимский, и чертог, и одр свят, земнии восхваляюще...» (Окт., гл. 1, суб. повеч., кан. Богор., п. 9).

«Одр Тя древле Соломон написа и ложницу Небесного Царя, обступаему Серафимы (шестьдесят сильных окрест его... 3,7), еже о Тебе речеся Богородице...» (Покров, кан., п. 5).

«Соломон, провидя (Тебя) восприявшую Бога, называл Тебя ложем Царя».

На праздник Положения честного пояса Богоматери в Константинополе (31 августа) Церковь поет: «Се Божественный одр Соломонов, егоже сильнии окружают шестьдесят, речения Писаний, якоже на одре царсте в ковчезе честне днесь пояс полагает свой на воззвание всем верным и благочестивым в снабдении» (Минея, 31 авг., кан., п. 9).

Кроме уже указанного значения 3,11 о венчании царя Соломона матерью, когда под матерью разумеется еврейское сонмище, существует и богородичное толкование, где мать Царя — Бо-

гоматерь, а Сын Ее — Царь отождествляется в день Своего венчания с самим венцом: «Тя исплетшую мирови нерукоплетенный венец песнословим, радуйся, Тебе Дево зовуще: хранилище всех и ограждение, и утверждение, и священное прибежище» (Тр. пост., суб. акаф., утр., кан., п. 4).

4,7. Непорочность и неувядающая красота Суламифи — образ Пренепорочной Девы. «Вся добра еси, ближняя моя, и порока несть в тебе!» — восторгается Соломон (4,7). И сие о Деве: «Вся ближняя моя добра и непорочна бысть; Тя провиде, древле вопиаше Соломон в песнях». Дева Мария именуется «Пренепорочной», «Всепорочной», «Пречистой».

4,9. «Сестра моя невеста», именует Соломон свою Суламифь. «Невестой Невестной» — именует Церковь Пречистую Деву. Она — Невеста Духу Святому, как принявшая от Него во чреве, Она — сестра Невестная земному мужу. Она же — «Дева Богоневеста» и «Невеста Божия».

4,12. Дева Мария именуется «вертоградом заключенным», ибо, оставаясь «заключенной», сохраняя девство свое, рождает «истинную виноградную Лозу» (Ин. 15,1). Она — «заключенный колодец», «запечатанный источник», ибо, оставаясь заключенной, без нарушения девства, родила миру Христа — источник Воды Живой (Ин. 4,10). Об этом так поет Церковь:

«Вертоград затворен Тя, Дево Богородице, и запечатан источник Духом Божественным, Премудрый в Песнях поет: Тем же яко сад жизни воплощается Христос» (Окт., гл. 8, нед. повеч., кан., п. 9).

«Соломон, провидя (Тебя) восприявшую Бога, называл Тебя ложем Царя, живым запечатанным источником, из которого простекла чистая вода для нас».

Богоматерь — «источник живой и независтный». «Тя запечатанный источник и заключенную дверь воистину именова лик пророческий, девства твоего, Всепетая, явственне знамения нам пишуще, еже сохранила еси и по рождестве» (Окт., гл. 1, нед. - утр., кан. вос., п. 7).

6,9. Пречистая Дева именуется в церковных молитвах и утром, и луной, и солнцем, ибо через Нее воссиял миру Свет Истинный, «Из Тебе бо возсия Солнце правды Христос Бог наш» (троп. Рождества Богородицы). Эти образы взяты из слов Песни Песней: «Кто сия проникающая аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце» (6,9).

Пречистая Дева — Она «утро светлейшее, — носящая Солнце Христа, — света жилище, — тьму разрушившая и мрачныя бесы

отгнавшая». Она — «звездо, являющая Солнце» (акаф. Пресв. - Богородице., ик. 1). Она — «заря таинственного дне» (акаф. Пресв. Богородице., ик. 5). Ей воспевает: «Утро светлейшее, радуйся едина солнца носящая Христа, света жилище. Радуйся, тьму разрушившая, и мрачные бесы отнюд отгнавшая» (Тр. пост., суб. акаф., утр., кан., п. 3).

7,1. Суламифь — дочь именитая (дщи Надавля). За множество имен Богородицы и Церковь воспевает Ее: «Многоименитая Отроковице, радуйся, из Нея же Бог Слово родися» (Окт., гл. 3, втор., утр., кан. ко Госп., п. 4).

7,7-8. Созвучно с Песней: «Сие величество твое: уподобилася еси финику, и сосца твоя грезном. Рекох: възиду на финик, удержу высоту его: и будут сосцы твои яко грезнове винограда... и гортань твой яко вино, благоходящее брату моему...», где Суламифь сравнивается с виноградом, от уст ее вино течет прямо к возлюбленному (брату) ее, и Церковь подобно воспевает Пречистую Деву: «Лозо истинная, грозд зрелый возделавшая, вино источающий, души веселящее верою ты славящих» (Тр. пост., суб. акаф., утр., кан., п. 7).

8,10. «Аз стена», — величественно говорит о себе Суламифь. И Церковь часто и многообразно именует Матерь Божию стеной. «Радуйся, Царствия нерушимая стено», — поем в акафисте Пресвятой Богородице (ик.12). «Стену Тя неборимую ведый, привлечен мольбою, твой раб ныне к Тебе прибегаю...» (Окт., гл. 1, суб. повеч., кан. Богор., п. 4). «Яко неборимую стену и источник чудес стяжавши Тя раби Твои, Богородице Пречистая» (Тропарь празднику иконы Знамения). Здесь духовный образ ограждающей Стены-Богородицы ассоциируется со стеной Новгорода, которая, благодаря знамению от иконы Богоматери, защитила новгородцев от врагов.

«Стена еси девам, Богородице Дево, и всем к Тебе прибегающим» (акаф. Пресв. Богор., ик. 10). К сей Деве-Стене притекает, находит опору, защиту и убежище всякая дева Христова.

«Радуйся, стена верных. Радуйся неискусобрачная...», — поет Церковь в лице своих верных чад Деве (Окт., гл. 1, нед., утр., кан. Вос., п. 7).

5.3. Суламифь — дева Христова

В службах девам Христовым их устремление, искание и любовь ко Христу изображается образом искания и томления Суламифи по своему возлюбленному царю.

Вот пятая песнь канона преподобной деве Христовой Ксении (память 24 января ст. стиля):

«Яко юница, желаючи Пастыря Божественную доброту, взывала еси: где ныне пасеши, Женише? Где почиваеши, рцы ми? Желаю твое видети приизящное видение и распаляюся всюду.

Рачительныя доброты Моея, — вопиет Жених, — ищущи, честная, добродетельми облиставшись, в Небесех Мя смотри: тамо пасу Аз и Моя призываю всегда овцы.

Горлица краснейшая, ластовица светлейшая и мысленный словий, ловления притекши мысленных сетей, явилася еси, Ксение честная, и в пожеланней доброте Христове, досточудная».

Образы из Песни Песней употреблены в акафисте св. великомученице Варваре (память 4 декабря ст. стиля).

Святая Церковь воспевает Варвару как Деву Христову, уневестившуюся Небесному Жениху:

«Радуйся, рожденному от Девы Жениху Христу, деву ты чистую обручившую...

Радуйся, крине девства, посреде терния идольскаго прорастший доле...

Радуйся, цвете чистоты, в неувядаемой славе цветущей горе.

Радуйся, в небесном вертограде Христова благоухания наслаждающая». (Икос 1)

А вот чудное описание того, как св. Варвара бегством в горы спасалась от преследования отца своего Диоскора. Оказавшиеся там пастухи видели, как горы укрыли ее от гонителя.

«Видевше ты пастырие, верху горы овцы пасущии, в камени крыющуюся, дивляхуся, глаголюще: что сия словесная агница, коего волка бегают...

Радуйся, младому оленю на горах ароматных уподобившаяся...

Радуйся, горняя, паче дольних восхождения в сердце твоём полагаящи возлюбившая...

Радуйся, на гору троического поклонения востекшая» (Икос 5).

ГЛАВА 6

КНИГА ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА В ИКОНОГРАФИИ

Тень и тело

Православная икона стала возможной потому, что «Слово стало плотию» (Ин. 1,14). Она раскрывает и даже являет в Церкви догмат боговоплощения. Бог воплотился и явлен миру в Сыне Человеческом. Неописуемый, не имеющий образа по Божеству, теперь описуем в образе (иконе) Сына Человеческого. Ветхий же Завет еще не знал воплотившегося Бога, но имел священные символы. В этих символах раскрывалась тайна богочеловечества Христова. И как по тени познается предмет, так и по ветхозаветным символам — Христос. Об этом так пишет св. апостол Павел: «Это (ветхозаветное. — Г.Ф.) есть тень будущего, а тело — во Христе» (Кол. 2,17), и еще: «Закон, име(ет) тень будущих благ, а не самый образ вещей» (Евр. 10,1).

Христианин поклоняется Христу-Богочеловеку, а потому чтит Его образ (икону) и поклоняется ему «почтительным поклонением, не истинным, по вере нашей, богопоклонением, еже подобает единому Божескому естеству» (догмат 367 святых отцов Седьмого Вселенского Собора). Это «почтительное поклонение» подобает, по учению того же Собора, образам Господа Иисуса Христа, Богородицы, ангелов и святых угодников. Что же касается символов, как ветхозаветных — агнец, ковчег, жезл Аарона, так и новозаветных — добрый пастырь, виноградная лоза, или даже взятых из язычества — Орфей, играющий на лире, птица Феникс, то они тоже почитаются христианами, но имеют более напоминательно-познавательное значение, нежели богослужебно-молитвенное. В раннехристианском катакомбном искусстве упомянутые символы были весьма распространены. После прекращения гонений (IV в.) в иконографии явно начинает преобладать изображение не символов, а реального образа Христа, святых и различных священных событий,

хотя они были и в первых трех веках. Изображение символов по-прежнему еще оставалось. Однако христианское сознание стало четко воспринимать, что молитвенное поклонение подобает не символу Христа, а образу Самого Христа, не «тени» Его, а «телу» (Кол. 2,17). Это нашло свое четкое выражение в 82-м правиле Трулльского Собора в Константинополе (691 г.): «На некоторых честных иконах изображается, перстом Предтечи показуемый, агнец, который принят во образ благодати, чрез закон показуя нам истинного агнца, Христа Бога нашего. Почитая древние образы и сени, преданныя церкви, как знамения и предначертания истины, мы предпочитаем благодать и истину, приемлея оную, яко исполнение закона. Сего ради, дабы и искусством живописания очам всех представляемо было совершенное, повелеваем отныне образ агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представляти по человеческому естеству вместо ветхого агнца: да чрез то созерцая смирение Бога Слова, приводимся к воспоминанию жития Его во плоти, Его страдания и спасительныя смерти, и сим образом совершившагося искупления мира». [«Книга правил», М., Синодальная типография, 1901 г.]. С тех пор восточная иконография окончательно отходит от символических изображений. Запад не признал этот собор, и символическое изображение Агнца там сохранялось.

Образы Жениха и Невесты из Песни Песней являются символами Христа и Церкви, Бога и души. Невеста означает еще и Богородицу. В раннехристианских росписях встречается символическое изображение Христа как Жениха. Песнь Песней же так и не стала предметом православной иконографии по той причине, что поклонение подобает не символам, а реальному Христу. Канонический запрет Трулльского Собора явно относился не только к изображению Христа в виде агнца, но и к другим Его символическим изображениям. Так, апокалиптические символы тоже не стали предметом иконографии. И только в XVII в., когда начался отход от строгого иконописного канона и традиции, появляются изображения по мотивам Песни Песней. Но и по сей день эти изображения чрезвычайно редки: символ не стал предметом молитвенного поклонения.

Так можно или нет писать священные изображения на тему книги Песнь Песней?

Следуя раннехристианской традиции, ответим: можно. Но, не противореча правилу святого Трулльского Собора, ответим: для молитвенного поклонения не должно. Было бы неестественно молитвенно обращаться и поклоняться образам процветшего жезла Аарона, льва, птицы Феникс или рыбы. Так же не должно мо-

литься перед образами доброго Пастыря или небесного Жениха. Молиться должно перед истинным образом Христа, воплощенного Бога. Мы молимся не агнцу, не пастуху, не жениху, не виноградной лозе, а Тому, Кого они символизируют. Хотя обращаясь молитвенно ко Христу, мы можем прилагать к Нему все эти наименования. Например: «Христе, добрый Пастырю Своих овец», или «Христос, Агнче Божий». Но нельзя молиться, а значит, и молитвенно поклоняться, пастуху или агнцу.

Хотя, с другой стороны, символ всегда играл большую роль в религиозном восприятии человека. Символ напоминает, учит, иллюстрирует, возбуждает духовное созерцание. И в таком качестве символические изображения вполне могут быть, как они и были в раннем христианстве. В православных храмах (например, в Троице-Сергиевой Лавре) нередко вполне иконографические символические изображения, особенно ветхозаветных символов-прообразов. В таком символическом значении оправдана и иконография книги Песнь Песней.

Молитвенное поклонение и духовное созерцание где-то, в каких-то глубинах соединяются в единое состояние богообщения, но где-то и различаются, и не должны быть смешиваемы.

Исторический обзор иконографии книги Песнь Песней

Сравнительно часто встречаются иконы, изображающие притчу о десяти девах и брак в Кане Галилейской, которые содержат в себе догматы (учение), подобные сокрытым в Песни Песней, а именно: учение о Христе как небесном Женихе Церкви и душ, верных чад церковных.

Первое неполное изображение притчи о десяти девах находится на фресках катакомб св. Агнии (III в.). Нам думается, что это катакомбное изображение не случайно, ибо святая Агния, воистину, дева и невеста Христова. Так, в Католической церкви в службе св. Агнии 22 января* приводятся ее слова, когда она только что отвергла любовные предложения сына римского префекта:

«Отойди от меня, снесь смерти. Другой Возлюбленный опередил тебя. Он опоясал мою правую руку и шею драгоценными камнями, украсил мои уши бесценными жемчужинами. Он поставил знак на мое лицо: не будет у меня другой любви кроме Него.

* В православном месяцеслове память св. мученицы Агнии-девы 21 января. Пострадала около 304 года.

Он облек меня в золототканное платье. Уже Его тело соединилось с моим и Его кровь обагрила мои уста... Мой Жених, Господь ангелов, столь прекрасен, что затмевает луну и солнце.

Я люблю Христа. Я войду в Его брачный чертог, к Нему, Мать Которого — Дева, а Отец не знает подруги. И любя Его, я буду целомудренна, прикасаясь к Нему, я буду чиста, принимая Его, я останусь девой» [85, стр. 127-128].

Имя Агния означает «чистая», «непорочная».

И Агния встречает Христа в пасхальной тайне своего мученичества.

Вот этой деве-мученице, невесте Христовой, посвящено первое дошедшее до нас изображение Христа-Жениха, фреска о десяти девах, в полуночи встречающих Жениха.

Второе, более полное и ясное изображение притчи о десяти девах найдено в катакомбах Кириака (IV в.). Посередине изображен Иисус Христос с бородою, в нимбе. Справа от Него — пять мудрых дев в туниках с пылающими факелами в руках, слева — пять неразумных с погасшими и опущенными вниз факелами. Иисус Христос перстом правой руки приглашает мудрых дев. Этот памятник показывает, что в IV веке было уже вполне распространено толкование, что Жених притчи — Иисус Христос. Это понимание ярко отражено в церковном песнопении «Се, Жених грядет в полунощи...»

Сюжет Песни Песней отображен в мозаиках двух римских базилик: св. Марии Великой (432 г.) и св. Марии за Тибром (1135 г.). Это древнейшие изображения по книге Песнь Песней.

С некоторыми видоизменениями композиция притчи о десяти девах перешла из Рима сначала в византийскую, а потом и в русскую иконографию. Если сюжет притчи о десяти девах довольно-таки распространен, то изображения по книге Песни Песней в иконографии русской православной церкви встречаются, собственно, только в одном случае. Речь идет о своеобразной иконописной школе ярославско-коstromских изографов второй половины XVII — начала XVIII веков, расписавших ряд храмов в городах Верхневолжья.

Прежде чем описывать эти изображения (фрески), проследим их генезис (происхождение).

В рассматриваемый нами период (вторая половина XVII — начало XVIII веков) иконография в Русской Церкви переживает переломный период. Еще сохраняется древний, истинно иконописный стиль, но уже входят веяния Ренессанса с его заземленнос-

тью и чувственностью, стремлением к сложности и насыщенности композиции, к декоративной роскоши и изяществу. Порою земные детали увлекают изографа не менее основной мысли иконы. В икону начинает входить элемент светской живописи, чтобы в XVIII-XIX веках почти полностью ее собою вытеснить.

Изучаемая нами школа изографов еще сохраняет плоскостное изображение, условность, отсутствие светотени, цветовую гамму и символику иконы, но привносит излишнюю сложность в сюжеты, декоративную роскошь и некоторую напыщенность.

Рождается сложное чувство при посещении в Москве, Сергиевом Посаде, Ростове Великом, Ярославле, Романове-Борисоглебске, Костроме храмов того времени. Это поистине Соломонова эпоха. Московское царство и Православная Церковь после Смутного времени, залечив свои раны, переживают расцвет, торжество и мощь. Нарождается великая Российская империя. Величие, пышность, изящность и высочайшее искусство храмового строительства просто поражают. Фрески сотнями композиций покрывают всю поверхность стен. Нет ни одного квадратного метра без росписи. Православное Московское царство могло позволить тогда себе такую роскошь. Для этого было все: и финансы, и строительные материалы, и драгоценности, и множество иконописцев, резчиков, позолотчиков, ювелиров, достигших высочайшего мастерства. Храмы величественны и прекрасны снаружи, увенчаны множеством куполов, с золотыми крестами, возвышающимися подобно горящим свечам. Зачастую здания храмов двухэтажны. Высокие ступени паперти вводят в главный верхний храм. В восточной части храма несколько алтарей. С остальных трех сторон храм окружают большие галереи. И все стены от входа до алтаря, снизу и доверху полностью расписаны. Каждый храм изнутри производит удивительное впечатление Царства Божия, в которое попадает вошедший. Однако каждая отдельная композиция не воспринимается сразу. Чтобы вжиться в изображение, умом и сердцем воспринять его, необходимо долгое и внимательное ее рассмотрение. Композиции очень часто переходят одна в другую без всякого разделения. Необходимо и основательное знакомство как с сюжетами библейских и житийных повествований (а их множество сотен!), так и с догматическим учением Церкви, а кроме того, и с иконографической символикой. Нет уже в этих храмах той простоты, цельности и аскетичности, что была в первых веках христианской Святой Руси. Духовное содержание, увы,

нередко приносится в жертву изяществу и форме. Но это еще только начало упадка церковного искусства, который произойдет в XVIII-XIX веках. Кстати, именно во время расцвета Соломонова царства назревало будущее разделение и падение Израиля.

Вот на этом культурно-историческом и духовном фоне и явилась в России на храмовых фресках Верхневолжья Песнь Песней в своем видимом изображении.

Едва ли будет ошибкой признать, что именно увлечение внешним изяществом и чувственностью способствовало появлению фресок с изображением Песни Песней. Но нельзя не увидеть и ту духовную нетленную красоту и божественную тайну, которая нашла свое воплощение в этих фресках.

В первой половине XVII века был расписан Успенский патриарший собор в московском Кремле. В 1647-48 гг. по заказу патриарха Иосифа во Владимире в Успенском соборе Княгинина монастыря была исполнена фресковая роспись московскими «государевыми иконописцами» во главе с крупным мастером Марком Матвеевым, работавшим до того над росписью московского Успенского собора. Это один из ранних русских монументальных ансамблей, где с большой силой и яркостью появляются новые художественные вкусы XVII века с их любовью к жизнерадостной красочности, стремлением к многосложной повествовательности композиций, интересом к реальным бытовым деталям, заимствованным из окружающей жизни, к динамике сцен. Вместе с тем сложность росписи свидетельствует о знакомстве иконописцев с разнообразной богословской литературой. Так появляется в России этот своеобразный стиль иконографии. Важно отметить, что появляется и утверждается он не просто стихийно, но с благословения патриарха Иосифа.

В 1650 г. в Амстердаме была издана Библия с гравюрами Николая Иоанна Пискатора. Библия Пискатора содержала гравюры художника Мартэна де-Воса. Эта Библия вскоре попадает в Россию, и ее гравюры становятся образцами для ведущих русских иконописцев, работавших в рождающемся новом стиле. Однако русские мастера не воспроизводили в точности гравюры Библии Пискатора. На основе этих гравюр они создавали собственные композиции. Иконы русских мастеров превосходят гравюры Библии Пискатора своей одухотворенностью и некоторой легкостью. Вносится также колорит русской жизни и русского мироощущения. Гравюры Библии Пискатора материалистичны, более заземлены и более тяжелы. Они не возбуждают молитвенного духа и

рассчитаны скорее всего на внешнее восприятие, нет в них той неотмирности, которой веет с икон русских мастеров. Стилль гравюр Библии Пискатора был потом продолжен в библейских иллюстрациях художниками Гюставом Доре, Юлиусом Шнорр фон Карольсфельдом (1794-1872 гг.).

В Библии Пискатора имеется шесть гравюр на тему книги Песнь Песней. Кстати, сам Иоанн Пискатор является составителем толкования на книгу Песнь Песней (*Comentarius in Proverbia Salomonis itemque Canticum Canticozum*, Herborn, 1647).

Первым храмом, при росписи которого русские мастера пользовались в качестве образца Библией Пискатора, была церковь Троицы в Никитниках (Москва). Роспись ее стен осуществили в 1652-53 гг. мастера: Яков Казанец, Степан Рязанец, Осип Владимиров (до этого участвовал в росписи Успенского собора московского Кремля), Симон Ушаков, Гавриил Кондратьев, Дмитрий Плеханов. Выходец из Переславля-Залесского Дмитрий Григорьевич Плеханов, или, как он чаще именуется, Дмитрий Григорьев, станет впоследствии начинателем и главой ярославской артели изографов, впервые изобразивших Песнь Песней. Воспринял же он эти сюжеты и стиль здесь, в храме Троицы в Никитниках, будучи еще начинающим мастером.

Роспись церкви Троицы в Никитниках вызвала многочисленные подражания во второй половине XVII века и прежде всего в торговых городах Поволжья. Гравюры Библии Пискатора в России были редкими и дорогими, недоступными широким слоям русских изографов. Единственным способом популяризации росписи церкви в Никитниках были снятые на бумагу «образцы» и «прориси», которые развозились по разным городам. В результате фрески с одинаковым сюжетом, исходящим от одного источника, оказывались весьма различными. Часто распространителями этих образцов были купцы — строители и украсители храмов. Образцы стенописи Троицы в Никитниках распространились во второй половине XVII — начале XVIII вв. в Ярославле, Ростове, Костроме, Вологде, Новгороде и других городах.

Фресковые росписи церкви Троицы в Никитниках стали переломными в переходе от старой канонично-традиционной иконографии к новой, сочетавшей иконописную традиционность и начало жанрового реализма.

В церкви Троицы в Никитниках еще нет росписи по теме Песни Песней, но есть на нижнем ярусе западной стены над входной

аркой величественное изображение притчи о десяти девах. С правой от Жениха стороны — разумные девы со светильниками, входящие в рай, а слева — неразумные девы, перед которыми закрылись двери брачного чертога. А в третьем ярусе выше притчи о десяти девах изображен брак в Кане Галилейской. Потом эти композиции перейдут в церковь Иоанна Богослова в Ростове Великом (1683 г.), в Успенский собор Троице-Сергиевой Лавры (1684 г.) и другие церкви.

В 1652-1691 гг. в Ростове Великом святительствовал выдающийся иерарх XVII века митрополит Иона (Сысоевич). Выходец из крестьян, он был человеком высокой культуры и тонкого художественного вкуса. В 1664 г. он возвратился в Ростов после непродолжительного исполнения обязанностей местоблюстителя Патриаршего престола. При его святительстве шло активное строительство храмов, тогда и были созданы ярославско-костромскими изографами замечательные фрески во многих храмах. Так что и изображение на фресках сюжетов Песни Песней осуществлялось по его благословению. В ростовском Кремле Дмитрием Григорьевым со товарищи была расписана в 1675 г. церковь Спас-на-Сенях.

Несколько ранее, в 1667-1669 гг. Дмитрий Григорьев участвовал в росписи церкви св. Григория Неокесарийского в Москве.

Во второй половине XVII в. проявляется талант выдающегося костромского изографа Гурия Никитина. В 1660-80 гг. он участвует в росписи Патриарших соборов в московском Кремле, трудится при дворе митрополита Ионы в Ростове, работает вместе с Дмитрием Григорьевым в Ярославле. Гурий Никитин — яркий представитель этой ярославско-костромской школы иконописи. Он возглавляет артель изографов в Костроме. В 1660-е гг. Гурий Никитин и Сила Савин (также выдающийся изограф того времени) с другими костромскими мастерами расписывают Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском.

Итак, проследившая путь и деятельность поволжских мастеров, мы подошли к появлению первой росписи по теме Песни Песней — к фрескам в Воскресенской церкви Романова-Борисоглебска (ныне — Тутаев) близ Ярославля, построенной в 1652 году. Роспись была осуществлена в 1679-1680 гг., по-видимому, Иваном и Феодором Карповыми и начинающим иконописцем Феодором Игнатьевым. Имя Феодора Игнатьева впервые появляется в связи с росписью Воскресенской церкви Романова-Борисоглебска. И в этой церкви впервые появляются фрески по теме Песни Песней.

Кроме фресок в Костроме, видимо, все остальные росписи по сюжету Песни Песней написаны при его участии.

Феодор Игнатьев родился в 1649 г., проживал в Духовной сотне. В 1660-70 гг. он — ученик Дмитрия Григорьева. Новые веяния в иконописи, внесенные Дмитрием Григорьевым и Гурием Никитиным, очень сильно сказываются на творчестве молодого Феодора Игнатьева. Дмитрий Григорьев значительно сдержаннее своего ученика. В раннюю пору Феодор Игнатьев соединял черты стиля ярославской и костромской школ иконописи, отличаясь некой жесткостью письма. Позднее манера его значительно меняется. Он достигает замечательной гармонии, изящества, живописности. Удачно сочетает новые веяния с традицией. Едва ли кто может с ним сравниться в свободном обращении с самыми разными источниками. Роспись в Романове-Борисоглебске — первая большая работа Феодора Игнатьева.

Расположенная на живописном берегу Волги Воскресенская церковь — большой, двухэтажный храм в стиле ярославско-костромского зодчества XVII века. На северной галерее его имеются шесть композиций по теме Песни Песней, соответствующих шести гравюрам Библии Пискатора. Фрески хорошо сохранились и отреставрированы. Именно эти шесть композиций со сравнительно небольшими вариациями и будут встречаться во всех остальных храмах, где есть росписи по этой книге.

Следующая работа поволжских мастеров — роспись фресок Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры. Она осуществлена в удивительно короткий срок, с 20 мая по 30 августа 1684 г. Расписывали собор двенадцать троицких домовых мастеров и 23 ярославских мастера (в их числе Дмитрий Григорьев, Василий Григорьев, Феодор Игнатьев, Симон Игнатьев, Феодор Савин). Таким образом, духовный авторитет Троице-Сергиевой Лавры освятил новую иконографию поволжских мастеров. Впоследствии Лавра, увы, не противостояла и явно недобрым веяниям в иконописи. Троицкий, Успенский и Трапезный храмы Лавры представляют три эпохи в иконографии. Величайшее достижение христианского духа — иконы прп. Андрея Рублева (XV в.) в соборе Святой Троицы; начавший менять стиль фресок XVII века в Успенском соборе и вытеснившая икону живопись Сергиева трапезного храма.

В Костроме трудилась знаменитая артель Гурия Никитина и Силы Савина. Их росписи имеются и во многих других городах.

В 1685 г. ими были написаны фрески Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Эти фрески явились вершиной в творчестве Гурия Никитина и Силы Савина. За 72 года до этого именно в этом монастыре был призван к всероссийскому царствованию Дом Романовых.

В Троицком соборе Ипатьевского монастыря — те же композиции по теме Песни Песней, что и в Романове-Борисоглебске. Только их не шесть, а пять. Отсутствует фреска с восседающим на престоле Соломоном и предстоящими ему друзьями и стражами. По сравнению с другими храмами, где встречаются росписи на тему Песни Песней, здесь они занимают самое почетное место. Они расположены на северной стене непосредственно около иконостаса в нижнем ярусе главного придела храма. Композиции довольно большие по размерам, хорошо сохранились. Фрески передают глубокое духовное содержание книги, внешне же они весьма изящны.

В 1686-1688 гг. в Вологде впервые появляется стенная роспись в Софийском соборе (построен 1568-1570 гг.). Расписывала Софийский собор артель изографов из Ярославля в количестве тридцати мастеров во главе с Дмитрием Григорьевым.

Наконец пришло время и замечательных ярославских росписей.

Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле, или, как ее обычно именуют, церковь Иоанна Предтечи в Толчкове, построена в бывшей Толчковской слободе в 1671-1687 гг. и украшена на средства Родиона и Леонтия Ереминых, владельцев крупных кожевенных предприятий. Храм этот, без сомнения — памятник христианского искусства мирового значения как в отношении зодчества, так и иконописи. По величине поверхности, занятой фресками, и количеству сюжетов (их свыше тысячи!) Предтечинский храм стоит на первом месте в мире. В нем восемь, а на западной стене девять ярусов росписи. Так же, как и в других храмах того времени, основная часть окружена галереями. Храм был расписан в 1694-1695 гг. Возглавлял артель иконописцев Дмитрий Григорьев (первый знаменщик). Вторым знаменщиком был Феодор Игнатьев. Но сами росписи по своему стилю свидетельствуют, что фактически главную роль играл здесь именно Феодор Игнатьев. Во весь нижний ярус западной стены основного храма изображены шесть композиций Песни Песней, три слева и три справа от входных дверей. В основе сюжетов, как и всюду, гравюры Библии Пискато-

ра, но иконописцы не делали с них копий. Они перевели перспективно-пространственные самостоятельные композиции в одну общую, условно-плоскостную. Придали образам одухотворенность и напевность, хотя и присутствует некоторая чувственность и манерность. Композиции в церкви Предтечи доведены до совершенства, довольно многоплановы и сложны. В данное время фрески по сюжету Песни Песней реставрируются, как и вся церковь, и сделать их подробное описание практически невозможно. Храм недавно передан старообрядческой общине.

В 1715 г. Феодором Игнатьевым и Феодором Феодоровым со товарищи была расписана фресками церковь во имя Феодоровской иконы Божьей Матери в Ярославле (построена была в 1687 г.). В храме имеются также росписи Гурия Никитина. Как и в Предтечинской церкви в Толчкове, во весь нижний ярус западной стены основного храма вписаны шесть композиций по теме Песни Песней — три справа и три слева от входных дверей. Эта роспись принадлежит либо Феодору Игнатьеву, либо Феодору Феодорову. Композиции и по содержанию, и по стилю в основном такие же, как и в предыдущих храмах. Хотя есть и некоторые особенности в расположении фигур и их соотношении. Например, Небо и Христос в композиции, где Христос оmyвает кровью Суламифь, крупнее и ближе к Суламифи. Композиция получилась более компактной и цельнее. Три композиции справа ныне почти совсем стерты, слева сохранились несколько лучше, но тоже очень повреждены. У стен не предусмотрено никакого ограждения, и молящиеся спиной протирают древние фрески. Феодоровский храм в настоящее время является кафедральным собором.

В 1647-1650 гг. была построена в Ярославле купцами братьями Скрипиными церковь во имя Илии-пророка. Роспись храма была предпринята через 30 лет вдовой Иулитой Скрипиной. Для этого она пригласила из Костромы Гурия Никитина и Силу Савина с товарищами и четырех ярославских иконописцев. А Ризоположенский придел и галерея были расписаны в 1715-1716 гг. уже иным поколением изографов — Феодором Феодоровым и Феодором Игнатьевым с товарищами. На северной галерее есть роспись по теме Песни Песней, состоящая из шести композиций. В основном здесь все воспроизводится, как и в ранее описанных храмах, но со своими особенностями, не являющимися существенными ни по форме, ни по содержанию. В целом роспись церкви Илии-пророка попроще, чем в Толчковской церкви Иоанна Предтечи. Со-

хранность росписи хорошая, повреждение есть только в одной композиции, где отдельно изображены Христос и Суламифь.

Фрески по сюжету Песни Песней в виде тех же шести композиций, взятых из Библии Пискатора, имеются еще в Успенском соборе г. Тулы.

Еще одна роспись по теме Песни Песней находится в церкви Иоанна Предтечи в Рошенье близ Вологды. Роспись фресок завершена в 1717 г. Имена мастеров неизвестны, но, скорее всего, это ярославско-костромские. Возможно, что участвовал Феодор Игнатьев.

Интересно сравнить росписи Софийского собора в Вологде, расписанного в 1686-1688 гг., и Предтечинской церкви в Рошенье, расписанной в 1717 г. Росписи Дмитрия Григорьева в Софийском соборе при всех новаторских сдвигах сохранили монументальный характер, спокойный ритм и традиционную благостность образов. Рошенская же роспись приобрела новые черты, продиктованные новыми взглядами. Спокойный и величественный строй росписей Софийского собора сменился здесь значительно меньшими размерами самих картин, расположенных в семи горизонтальных ярусах. Во всех сценах больше живого рассказа о событиях, причем часто смена сюжетов не имеет четкого разграничения. Сцены переполнены фигурами людей и животных на фоне конкретных изображений царских палат, необыкновенных построек, пейзажных гор с загадочными лесами, деревьями и пышными цветами. Детали фона и обстановки привлекают не меньшее внимание, чем фигуры людей. Все изображаемое подчинено определенному ритму подвижности и оживления. Чувствуется Ренессанс. Начинает падать молитвенность и неотмирность изображений. Уже идет XVIII век. Скоро произойдет расцерковление жизни, на первый план выйдет светское искусство, а церковное — до предела обмирщает и утратит свою духовность.

Однако Церковь, всегда живущая Духом Святым, и эти новые формы, вошедшие в недра церковной жизни, одухотворяет и облагораживает. Так, икона XIX в. духовно выше и благороднее, чем в XVIII веке. А в XX в. вновь начнется возрождение подлинно иконописного стиля.

Названия храмов, в которых есть росписи по теме Песни Песней, в таблице 2 выделены жирным начертанием шрифта. Автор посетил Патриаршие соборы и церковь Троицы в Никитниках в Москве, храмы Ярославля, Романова-Борисоглебска, Костромы, Ростова Великого и Троице-Сергиевой Лавры.

Хронологическая таблица фресковых росписей приволжских мастеров втор. пол. XVII в. — нач. XVIII в.			Таблица 2
Даты	Храмы	Мастера	
1647-1648	Успенский собор Княгинина монастыря (Владимир)	Марк Матвеев и др.	
1650	Издание Библии Иоанна Пискатора (Амстердам)		
1652-1653	Церковь Троицы в Никитниках (Москва)	Яков Казанец, Осип Владимиров, Симон Ушаков, Гавриил Кондратьев, Дмитрий Григорьев	
1667-1669	Церковь Григория Неокесарийского (Москва)	Дмитрий Григорьев и др.	
1660-1680-е	Ростовский Кремль. Церковь Спас-на-Сенях (Ростов Великий)	Дмитрий Григорьев, Гурий Никитин и др.	
1660-1680-с	Патриаршие соборы (Москва)	Гурий Никитин и др.	
1660-е	Троицкий собор Данилова монастыря (Переславль-Залесский)	Гурий Никитин, Сила Савин и др.	
1679-1680	Церковь Воскресения (Романов-Борисоглебск, близ Ярославля, ныне Тутаев)	Иван и Феодор Карповы, Феодор Игнатьев и др.	
20 мая- 30 августа 1684	Успенский собор Троице-Сергиевой Лавры (Сергиев Посад)	Дмитрий Григорьев, Феодор Игнатьев, Феодор Савин и др.	
1685	Троицкий собор Ипатьевского монастыря (Кострома)	Гурий Никитин, Сила Савин и др.	
1686-1688	Софийский собор (Вологда)	Дмитрий Григорьев и др.	
1694-1695	Церковь Иоанна Предтечи на Толчково (Ярославль)	Дмитрий Григорьев, Феодор Игнатьев и др.	
1715	Собор Феодоровской Божией Матери (Ярославль)	Феодор Игнатьев, Феодор Федоров, Гурий Никитин	
1715-1716	Церковь Илии-пророка (Ярославль)	Гурий Никитин, Сила Савин, Феодор Игнатьев, Феодор Федоров и др.	
1717	Церковь Иоанна Предтечи (Рошенья, близ Вологды)	Феодор Игнатьев (?)	
?	Успенский собор (Тула)	?	

Описание и толкование сюжетов ярославско-костромских фресок по теме Песни Песней

Соответственно гравюрам Мартэна де-Воса, в Библии Писка-тора в ярославско-костромских храмах изображены шесть композиций на тему Песни Песней. Только в Троицком соборе Ипатьевского монастыря (Кострома) почему-то отсутствует одна из композиций (с изображением царя Соломона на престоле). Кроме церкви Илии-пророка в Ярославле, в остальных храмах порядок расположения композиций также соответствует последовательности гравюр в Библии Пискатора. Хотя каждая композиция отражает различные тексты книги, однако в целом они соответствуют последовательности первых шести глав Песни Песней.

Для удобства дальнейшего изложения введем следующие наименования и обозначения композиций:

1. «Царь Соломон».
2. «Цвет и яблонь» (2 глава).
3. «На ложи моем в нощех исках, Егоже возлюбил душа моя...», или сокращенно: «На ложи моем в нощех» (3 и 5 главы).
4. «Брат мой посла руку Свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от Него», или сокращенно: «Посла руку сквозе скважню» (5 глава).
5. «Едина есть голубица Моя», или «Христова голубица» (6 глава).
6. «Союз Христа и Церкви», или «На ложе» (4 и 7 главы).

В церкви Илии-пророка композиция «Союз Христа и Церкви» расположена последней в ряду, остальные композиции сохраняют ту же последовательность.

Смысловая последовательность, избранная в церкви Илии-пророка (Ярославль), нам кажется более удачной, и мы расположим наше описание тоже таким образом.

Каждую композицию мы будем описывать, соединяя в один образ фрески из разных храмов. Для удобства записи введем такие обозначения:

[Р] — фрески церкви Воскресения в Романове-Борисоглебске.

[К] — фрески Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме.

[Я-И] — фрески церкви Илии-пророка в Ярославле.

[Я-П] — фрески церкви Иоанна Предтечи на Толчкове в Ярославле.

[Я-Ф] — фрески церкви Феодоровской Божией Матери в Ярославле.

Репродукции композиций, приведенные в работе, выполнены с фресок церкви Воскресения, Романов-Борисоглебск [Р].

В начале описания к каждой композиции мы будем приводить стихотворный перевод латинских подписей к гравюрам в Библии Пискатора. Стихотворные надписи на фресках ярославско-костромских храмов составлены подражательно этим стихотворениям Библии Пискатора, хотя и не повторяют их. Ввиду поврежденности фресок надписи на них удалось восстановить только частично.

Рассмотрение храмовых фресок вводит нас в удивительный мир святой Песни Песней. Молитвами преподобных иконописцев наших да откроет Господь тайны этих изображений.

Композиция первая

Царь Соломон

Соломон царь сый зело богатейший,
Никтоже бо ин его бысть краснейший.
Мудростию же и многим державством,
И велик всяким бе благоприятством.
От Бога честным даром предпочтенный,
Имея престол злат преухищенный.
Многими в довольстве имущ человеки
Не будет же ин сицев и во веки.
Сей песни песней сладце воспевает,
Таинственны же зело составляет.
Христа Жениха Церкви описуя,
И друг к другу их любовь показуя.

Из Библии Пискатора

«Царь Соломон» — начальная композиция среди шести фресок, изображающих Песнь Песней, а также среди гравюр Библии Пискатора.

«Царь Соломон превосходит всех царей земли богатством и мудростью. И все цари на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его. И они подносили ему, каждый от себя, в дар...» (3 Цар. 10,23-25). Этим библейским словам соответствует надпись над Соломоновым дворцом на фреске в [Р]:

Песнь Песней. Глава 1.

Царь Соломон иже цари прехождаше
мудростию, богатством и всем сладнее быше.
Духовно супружество Песни прославляет
Христово со Церковию духом прорицает.

Эти слова дают ключ к уразумению таинственной книги Песни Песней как брачной песни Христа и Церкви. Фреска «Царь Соломон» — это некое введение к изображениям по теме Песни Песней, так как именно такого сюжета в книге нет.

В целом Песнь Песней на первый план ставит Невесту — Суламифь. А Соломон, ее Жених, то появляется, то исчезает. Он вроде где-то вдали, едва уловимый, но к Нему стремление ее. Его она ищет, порою, едва найдя, вновь теряет. Скорбит, не зная, где Он — когда Он оставляет ее. И опять радуется, блаженствуя, когда Он является ей. Так оно и в жизни бывает, когда смотреть на все снизу, с «нашей стороны». Душа ищет Христа-Бога и испытывает все, что случилось с Суламифью, а Бог остается сокровенным и ускользающим.

Но ведь есть и иная сторона — взгляд оттуда, сверху. Юный Царь ищет Себе царицу. Добрый Пастырь ищет Свою овцу. Авраам посылает слугу обрести невесту сыну своему Исааку. Бог Отец посылает в мир «слуг» — ангелов Своих, служебных духов (Евр.1,4), а также праведников и пророков (Евр. 1,1). «Слуга» (ангелы и ветхозаветные праведники) должен приуготовить Истинному Исааку Ревекку — Невесту-Церковь. Так, несколько неожиданно для нас, и начинают изюграфы раскрытие тайны Песни Песней «оттуда», сверху.

Суламифи еще нет. На великолепном, роскошном, золотом престоле восседает безбородый юный царь Соломон — образ имеющего быть распятым Мессии, образ Царя Иудейского. Он юн, ибо, явившись в сей мир, еще не стяжал Себе Невесту — Церковь. Еще не достигли возраста Христова, состояния мужа совершенна, имеющие скоро уневеститься ему души искупленных. Он еще юн не Сам в Себе, а в нас.

Далеко превзошел славою, богатством и в особенности мудростью царь Соломон всех остальных царей. Широко и славно раскинулось его царство. Имя его Шломо (евр.) говорит, что Он — царь мира. И имя невесты Суламифь произведено от имени Соломон, Мирная от Мирного. Христос Свой мир дал Церкви. Он

говорит ей: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14,27). Душа, откликнувшаяся на зов Христов, обретает покой душе своей (Мф. 11,29).

Премудрость Соломона — образ Превечной Софии, Ипостасной Премудрости Божией, воплотившейся в Сыне Человеческом. Слава и богатство Соломона указывают на божественную славу Христа и богатство Его духовных совершенств. И эту божественную славу и духовное богатство Он передает Своей Невесте-Церкви. Широкое распространение царства Соломонова — всемирная проповедь Евангелия Царствия.

Золотой царский венец указывает на терновый венец Спасителя. *Изыдите и видите в царе Соломоне, в венце имже венча его мати его, в день обручения его* (3,11). Терния и капли крови Спасителя обратились в золото и бриллианты царского венца. Признаки страдания и смерти стали знаками славы и жизни.

В правой руке Соломона «скипетр вельможный» — знак его царской власти. На фреске [Р] скипетр похож на дикий, состоит из двух соединяющихся кверху стержней. Скипетр-дикий указывает на два естества во Христе-Царе — Сына Божия и Сына Человеческого. Или же — как символ Его власти над небом и землею. Воскресший Христос говорит Своим ученикам (вельможам — великим мужам в Царстве Божиим): «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28,18).

Царские одежды украшены растительным орнаментом, то райский сад Царства Небесного. Царь Соломон облачен в багряницу (знак царского достоинства), пояс (означает бесстрастие) и поручи (напоминают узы Христа, а также всегдашнюю готовность к благим делам).

Соломон восседает на великолепном троне, престоле Давидовом. Архангел Гавриил возвещал Пречистой Деве, что Ее Сын: «будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1,32-33).

К трону ведут шесть ступеней, указывая на шестидневное творение мира и на воссоздание падшего человека Христом, Царем Иудейским, на Голгофе в шестой день и шестой час.

На ступенях перед престолом справа шесть львов и слева — пять. В Библии говорится о шести львах с обеих сторон. На фреске [Я-П] надпись гласит, что «двенадцать льва стоят». Эти двенадцать львов указание на двенадцать колен царства Соломоно-

ва, а также на двенадцать апостолов, проповедью и учением которых утвердилось в мире царство Христово, Нового Израиля.

Если только изображение двенадцатого льва не утрачено, то, естественно, возникает вопрос, а почему львов все-таки только одиннадцать, хотя и Священное Писание, и сама надпись говорят о двенадцати? Не потому ли, что двенадцатый лев — сам Соломон (!), как представитель одного из двенадцати колен — колена Иудина. С одной стороны, царь Соломон стоит над царством, а с другой — он и сам из этого царства. Лев как царь зверей является символом царя. И Христос — Царь Небесный, «лев от колена Иудина» (Откр. 5,5), как Бог, Он стоит над Своим царством, но как Человек, Он и Сам из этого царства.

Тайновидец Иоанн Богослов слышал ангела, вопрошающего о таинственной книге Божией: «Кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее?» И не нашлось никого ни на небе, ни на земле, ни под землею. И много плакал о том тайновидец. Тогда ему было указано: «Вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу» (Откр. 5 гл.). На фреске мы видим в левой руке Соломона, сына Давидова, Льва от колена Иудина, победителя, раскрытую книгу! Подобно тайнозрителю, и мы желаем прикинуться к этой книге, посмотреть и прочесть ее. Никто не был достоин этого, кроме самого Царя, Льва Иудина от корня Давидова, Божественного Соломона. Тайна этой книги есть, по св. Андрею Кесарийскому, «домостроительство испытующаго глубины Божественного Духа, разрешить которое никто из созданных существ не может». Тайны божественных судеб сосредоточиваются на тайне домостроительства нашего спасения через воплощение превечного Слова, через рождение от пречистого ребра Спасителя Его Невесты-Церкви. Сия есть тайна Христа и Церкви. А сокровеннейшее сей тайны и заключает в себе божественная Песнь Песней.

На фреске в [Я-И] в раскрытой в руке Соломона книге записаны начальные слова Песни Песней: *Да лобжет мя от лобызания уст своих, яко блага сосца твоя паче вина и воня мира твоего паче всех...* Как земля жаждет солнца и дождя, так жаждало и ждало падшее творение прикосновения любви Слова и Духа, жаждало и ждало пришествия Мессии, воплощения Слова и излияния Духа на всякую плоть, томилось о лобызании небесного Жениха и о благовонии Его Духа, ждало открытия Его царства.

И вот, Соломон на престоле — царство мира и славы водворяется. Книга открыта, тайны открываются...

А на фреске в [Р] в раскрытой книге царя Соломона — начальные слова второй главы Песни Песней, в которых содержится уже не чаяние раскрытия тайны, а само ее раскрытие: *Аз цвет полный, крин удольный, яко крин в тернии, тако искренняя моя посреде дочерей, яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой...* Соломон и Суламифь. Христос и Церковь. Расцветший на поле этого мира Цветок, Нарцисс Саронский — это воплотившийся Сын Божий, Христос. А Невеста Его, Церковь — лилия среди терниев. Как яблонь посреди диких деревьев, так Христос посреди вельмож (великих мужей) этого мира.

На изображении фрески все происходит в царском дворце. «Премудрость создала себе дом» (Прит. 9,1). Два передних столпа свидетельствуют о двух естествах во Христе-Царе, а три задних о том, что Он «един сый Святыя Троицы».

Перед царем Соломоном предстоят две группы людей — стражники и вельможи; ими означены ангелы и праведники, предстоящие Христу.

Изображено два стражника. Предводитель с копьем и лентой через грудь — архангел Михаил, архистратиг небесных воинств, непосредственно предстоит Христу-Богу, принимая распоряжения Его. Копье его вертикально, ибо он всегда готов к брани Господней, к служению Небесному Царю. Стражник внимательно смотрит на Соломона — архистратиг распознает тайны Божьего промысла. Второй стражник еще юн и обращен к праведникам. Его копье наклонено к ним. Это низшая ангельская служебная сила, получающая ведение от высшей и служащая непосредственно людям. Или же это архангел Гавриил — второй после архангела Михаила и являющийся вестником тайн Божиих людям.

Вторая группа стоящих перед царем Соломоном за стражниками — вельможи. Ими означены праведники. Праведникам предстоит первосвященник в своем облачении, состоящем из кидара, нарамника, ефода, пояса и хитона. Правой рукой и взором он указывает на царя Соломона. Ветхозаветный Закон в лице своего архиерея свидетельствует об исполнении его во Христе-Царе. За ним еще двое — один в чалме, другой во фригийском колпаке (?). Возможно, это священник и левит. Они также взирают на царя. «Очи всех на Тя, Господи, уповают...»

На фреске в [Я-И] предстоящие также делятся на две группы — стражников и вельмож в белых чалмах, только их множество. Все они приветствуют Соломона «в день обручения его».

Так в лице стражников и вельмож, предстоящих царю, изображен ангельский собор и человеческий род, предстоящий Мессии-Царю и введенный им в превечный Дом, который сотворила Себе Премудрость Божия.

Эта фреска, показывая нам царя Соломона, вводит нас во святую Песнь Песней, повествуя о таинственном обручении Небесного Царя.

Композиция вторая

Цвет и яблонь

Азъ есмь цвет польный, жених возглашает,
Невесту же крин чистейший взывает.
Его же яблонь в древах нарицает,
Под его же сень витати желает.
Невеста: плодом его сладящися,
И вином любви zde веселящися.

Из Библии Пискатора

Композиция «Цвет и Яблонь» раскрывает содержание текста Песн. 2,1-3.

Азъ цвет польный, и крин удольный.

Якоже крин в тернии, тако искренная моя посреде дщерей.

Якоже яблонь, посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень его восхотех и седох, и плод его сладок в гортани моем.

Фреска «Цвет и Яблонь» вводит нас в созерцание таинственного союза Христа и Церкви, Бога и человеческой души. А в варианте [К] Церковь представлена в лице Пресвятой Девы Марии.

На райском лугу неземного изумрудно-небесного цвета, украшенном, как ковер, причудливыми цветами и травами, сидит прекрасная Суламифь в золотой короне с нимбом (кроме [Я-И]), в голубом платье с золотистым воротником и поясом, с белыми рукавами и поручаи, в розовой (в иных храмах — красной) мантии, покрывающей ее колена и ноги. Роскошные волосы ниспадают на плечи и спину.

Золотая корона — знак царственности. Святая Церковь есть осуществление Царства Божия на земле. Благословенно Царство Святой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа! Ныне на земле совершается Божественная литургия — водворяется Царство Божие, Христос с людьми таинственно сочетается. Царство Божие входит внутрь человека (Лк. 17,21). А еще Суламифь, Пречистая

Дева — Небес Царица и земных Владычица! Вот что означает ее золотая корона!

Голубой цвет платья Суламифи — знак неба, красная мантия — земли и страданий. Не случайно мантия покрывает ноги, а платье видно сверху. Небо приклонилось к земле, сочеталось! А золотая отделка воротника, рукавов и пояса — знак царства Христова в помышлениях (корона), в сердце (полоса на груди), в делах (плечи и поручи) и телесных чувствованиях (пояс). Белые рукава означают чистые дела праведников.

На груди Невесты — ожерелье (монисто) с изображенным на драгоценном камне крестом. Христос — драгоценная Жемчужина (Мф. 13,46), крестом украшенная. Крест, бывший ранее знаком поношения, через Него стал украшением. И этим украшением украшена Невеста, коей было сказано в день ее сочетания: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16,24).

Мантия Суламифи, указывающая на земное странствование Церкви и ее человеческую, земную сторону, украшена цветочным орнаментом. Это — благословение Божие с небес, нисшедшее в юдоль страданий («и на земли мир, в человецех благоволение»). Одевание архангела Варахила, благословителя Божия, также покрыто орнаментом райских цветов.

Ниспадающие волосы — слава и честь Невесты, покрывшей и украсившей себя целомудрием (ср. 1 Тим. 2,9-10) и бесстрастием.

Суламифь-Невеста не одна. С ней рядом Христос-Жених, к Которому и обращена она ликом и руками своими. И Христос стоит пред нею, простираясь к ней руками ([P]). В [Я-И] и [K]. Он держит в них цветы, и ликом наклонился к ней. Правой рукой Он подает ей чудные полевые цветы, а в левой — сохраняет цветочный букет Себе. С *цветом полным* (цветком полей) и лилией *между терниями* сравнивает Христос Возлюбленную Свою. В этом мире греха произрос чудный Цветок, непорочная Лилия — Христова Невеста-Церковь, душа очищенная и Богу пламенеющая. Невеста простерла руку свою за цветами, приемля небесную красоту даров Духа Святого от руки Христа. От крещающего Духом Святым (белая лилия) и огнем (желтый нарцисс). Но Он и Сам *Цвет полный и Крин удольный*, Нарцисс Саронский и Лилия долин. Он — Божественный Цветок, насажденный в долине этого мира. Букет Суламифи полностью подобен букету Христа. Слова о нарциссе и лилии святые отцы оди-

наково относят и ко Христу, и к Церкви. Это подобие означает, что все, что имеет Невеста, — все от Жениха. И Он весь в ней. Христос-Жених говорил Небесному Отцу о Своей Невесте: «И славу (цветок), которую Ты дал Мне, Я дал им» (Ин. 17,22).

У главы Христа крестчатый нимб с надписью ОΩН, что значит «Сущий». Господь говорит Своей Невесте: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение» (Иер. 31,3).

Христос полуобнажен (по пояс), с прободенным ребром, в красной мантии. Таковым Его изображают, когда Он являлся по воскресении Своем. От ребра Адама взята Ева, жена его. От пронзенного ребра второго Адама взята Его Невеста, Суламифь прекрасная, Церковь чистая и непорочная. Искупленным Своим является воскресший Христос. А в варианте [К] здесь можно усмотреть первое явление Воскресшего Пречистой Деве и Матери. Вся фреска пронизана светлым пасхальным чувством. Пасха красная!

Христос и Суламифь под Яблонью. *Яко яблонь, посреде дровес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень его восхотех и седох.* Суламифь сидит под сенью Божественной Яблони, которая есть Христос.

На фреске в [Р] приведена надпись:

Невеста-Церковь — цвет есть преизбранный Богу,
Жених ей — яблонь, яблок и цвет дал красоту многу.
Десна — честь Бога, миру шуйца власть являет,
Жити с Женихом выну Невеста желает.

Церковь-Невеста явлена в виде насажденного Богом Цветка, а Христос-Жених — в виде Яблони, процветшей цветами и принесшей плоды (яблоки). Цветок радуется только красотой и благоуханием аромата, яблоко же, помимо того, еще и питает. Таковы духовно Церковь и Христос. Церковь только отражает славу Божию (красота и благоухание), а Христос питает ее благодатью, будучи Богом, по Своей природе. Церковь божественна, Христос — Бог.

Существует в народе мнение, что древо познания добра и зла, древо преслушания, от которого человек вкусил грех и смерть, было яблоней. Люди даже с удивлением узнают, что в Библии, оказывается, нигде не сказано, что запретный плод был яблоком. Но некое основание это мнение наверняка имеет. И вот явилась новая Яблоня — Христос. Явилось древо крестное, древо послушания, древо жизни, питающее в жизнь вечную. Плоды его пи-

тают лучшие и благочестивые порывы верующей души. Суламифь сидит под тенью Яблони, обретая покой души и духовное насыщение в евхаристической тайне.

Приглядевшись к яблоне на фреске [Р], можно обнаружить на ней виноградные гроздья. «Азъ есмь лоза, вы же родите» (Ин. 15,5) — говорит Христос. И Он же Невесте: *И будут сосцы твоя яко грезнове винограда, и воня ноздрей твоих яко яблока* (7,8). Яблоко указывает на плод древа крестного, ставшего деревом жизни, на плоть Христову, а грозди винограда — на кровь Христову, которою напоются от сосцов Невесты-Церкви жаждущие души.

А на фресках [К] невеликая, но сладостная и прекрасная яблоня обращается уже в стройный и величественный кедр с шишками. *Вид его яко Ливан, избран (величествен) яко кедрове* (5,15). Праведник-Христос возвышается в сем мире подобно кедру на Ливане (Пс. 91.13). Величие, крепость и нетление кедра — указание на божественность, крепость и бессмертие во Христе. Божественной Своей природой Он — Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный.

За кедром Ливанским на заднем фоне — изображение Ливанских гор. *Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана от начала веры (с вершины Аманы), с вершины Сенира и Аермона* (4,8) — от языческого идолослужения гор Ливанских, от ветхозаветных жертв Сенира и Аермона зовет к Себе Невесту Жених-Христос. *Глас Брата моего! Се, Той идет скача на горы и прескача на холмы. Подобен есть Брат мой серне, или младу еленю на горах Вефильских* (2,8-9). Белый молодой олень на заднем фоне фрески* скачет с гор Ливанских. Снова символ Христа. Младость (юность) означает пришествие по совершении времен Божественного Отрока. Белый цвет — знак Его непорочности и святости. Грация и красота — духовная красота Того, Кто «прекраснее сынов человеческих» (Пс. 44,3). Древние верили, что олени пожирают пресмыкающихся и гадов, даже змей, как траву, не терпевая от этого никакого вреда. Так и Христос попирает и сокрушает главу древнего змия и всякой силы вражией на идолопоклоннических горах Ливанских.

Но Христос и Суламифь не одни. Справа и слева от них две группы предстоящих им. На фреске [Р] слева от Христа стоит первосвященник в полном облачении: в кидаре, нарамнике (его почему-то нет на фреске [Р]), ефодѣ, поясе, поручах, хитоне. В

* Белый олень на этой фреске в [Р] почему-то отсутствует.

левой руке его сжимали с первой заповедью: «Азъ есмь Господь Бог твой изведый тя от земли египетския и от дома работы...» Первая заповедь о любви к Богу есть первая и высшая и составляет содержание Песни Песней. Очень важно, каким именно образом Господь дает эту заповедь. Сначала Законодатель именуется Себя, представляется, чтобы все знали, что эти заповеди дает Сам Бог. И дальше, прежде чем что-либо потребовать от людей, Он говорит сначала о том, что Он сделал для них. Я извел тебя от земли Египетской, от дома рабства. Не просто от рабства израильского народа фараону, но и от рабства народа Божия греху и миру сему. Возлюбив тебя, говорит Господь Невесте, Я освободил тебя. А что сделаешь ты? И только после этого следуют сами заповеди, возлагаемые на народ. Так должно быть и в нашей духовной жизни. Сначала возлюби сам, изведи человека из беды, сделай для него все, а потом будет десятикратное возвращение, но не требуй сразу, ничего еще не сделав сам! Песнь Песней — пасхальный гимн, евреи читали и читают ее на Пасху. Песнь Песней — это песнь освобождения от рабства греху, смерти и тлению, это песнь весны воскресшей души. Это песнь Невесты, сочетавшейся некогда с Богом на Синае, а потом на Голгофе. Это песнь Божественной любви!

У первосвященника в правой руке кадильница. Кадильный фимиам таинственно указывает на пророческие вдохновения и молитвы.

За первосвященником стоит простой священник в белой чалме на голове и в иерейском облачении (хитон, ефод(?), пояс). В руках у него белый жертвенный агнец.

Сжимали, кадильница и агнец указывают на тройственное ветхозаветное служение: закон, пророки и жертва, провозвещавшие тайну брака Мессии и народа Божия.

А высоко вверху, в левой части композиции, на холмистых полях, коленопреклоненный пастушок молитвенно сложил руки у каменного жертвенника с возложенными на него и горящими дровами. Жертвенный огонь восходит к небу, образуется облачный круг, с едва просматривающимся в нем солнцем.

Юноша-пастух — возможно, Авель, еще на заре человечества принесший Богу угодную жертву и первый проливший свою кровь. Он пас овец, хранил творение Божие, отторгнутое грехом от Творца. Это образ доброго Пастыря, которого так долго искала Суламифь: *Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши, где почиwaеши в полудне; да не когда буду яко облагающаяся над стады*

другов твоих (1,6)? Долго была Суламифь скиталицей у стад товарищей Возлюбленного своего (у пророков на попечении, у язычников в рабстве). Где пасешь Ты в полдень? В середине времен (от творения до конца этого мира), в полдень, под яблоней обрела она Возлюбленного своего и «жити выну с ним желает». От Авелевых времен пройдет еще много времени, пока придет иной Абель, и иудеями, как некогда Каином, будет пролита и Его кровь. Камни жертвенника указывают на то, что Христос есть камень краеугольный (Еф. 2,20). А жертвенные дрова — на древо крестное. Жертвенный огонь — огонь любви Христовой. Но это все будет, а пока — еще Ветхий Завет. Вдали — причудливое здание, означающее храм ветхозаветный. В облачном круге от жертвенного фимиама едва различимо солнце. Солнце правды — Христос Господь (Мал. 4,2), но Он еще смутно различим в пророческих видениях. Открыто Он явится в полдень. Когда не прикровенно, не в символах, а явно откроется прекраснейший из сынов человеческих. Под яблоней (крестом) явится Добрый Пастырь и в тени сей Божественной Яблони укроется от обжигающих лучей греха Церковь-Невеста и соединится с Ним.

Справа от Суламифи три стражника градских. Их предводитель опоясан лентой от правого плеча через грудь. Копьем и взором он указывает на Яблоню и как бы через ее листву на дом, состоящий из трех строений и находящийся в центре всей композиции.

Стражи градские — ангелы Божии. Предводитель их — архистратиг Михаил. Он копьем указывает на яблонь, на древо крестное. Здесь, здесь, Суламифь, отдыхает (почил) Жених твой в полдень, здесь найдешь Того, Которого возлюбила душа твоя. И не будешь более пасти козлят своих подле шатров пастушеских. Через это древо, через эту Божественную Яблонь, войдешь не в шатер пастушеский (разумей под ним храм ветхозаветный), а в Дом Святой Троицы (дом из трех строений в центре композиции). Кончились времена закона, пророков и жертв. *Се, зима прейде, дождь отиде, отиде себе. Цвети явишася на земли* (2,11). Нарцисс Саронский расцвел, и сама ты будешь лилией долин. *Время обрезания приспе*, ибо яблонь плоды приносят, грозди виноградные отяжелели.

Эту картину можно восполнить образами фрески [Я-И]. Здесь изображены справа двое стражей, два вельможи и посреди них юноша. У всех копья, а у юноши — секира.

Стражи — ангелы. Их предводитель — архистратиг Михаил — также указывает на древо. Вельможи, великие мужи перед Богом, — суть праведники, ожидавшие Христа.

Слева, высоко вверху, над фигурами первосвященника и священника, как и на фреске [Р] — дом (ветхозаветный храм) и круглый жертвенник с восходящим от него жертвенным огнем. Только юноша-пастушок (Авель?) не у жертвенника, а здесь — посреди стражей и вельмож (ангелов и праведников) и указывает на Христа и Суламифь, Яблонь и Цвет. И, как бы повинувшись его указанию, стражи-ангелы и вельможи-праведники пристально взирают на имеющую совершиться тайну Любви.

Копья всех, кроме предводителя-архистратига, направлены прямо вверх. Взгляни, куда они направлены, и ты увидишь небесный град — Новый Иерусалим. Его-то и охраняют стражи градские. Старый и Новый Иерусалим прямо напротив друг друга на вершинах гор — Синай и Голгофа, Сион старый и Сион новый. А между ними — ложбина и древо, древо крестное, Божественный Яблонь. Белая лань бежит от старого Сиона к новому, ее путь — через древо... Белая Лань — Христос, древо — крест. Здесь тайна домостроительства Божьего!

Фреска [К] также вносит свои оттенки. Здесь Христос и Суламифь под кедром Ливанским (тоже символ древа жизни и древа крестного). Слева высоко в горах — град. А белая лань (олень) убегает с гор.

От идолопоклонства *Ливана*, от язычества; *от Сенира и Аермона*, то есть от Ветхого Завета, от Израиля; *от Амана*, что значит «начала веры», когда и потомки Сифовы ниспали с высоты веры, бежит белый олень. И здесь его путь через древо, через божественный кедр. А далее за кедром прямо над Суламифью через причудливый розоватый растительный ковер-орнамент — башня. Христос-Жених говорит Суламифи: *Шея твоя — как столп Давидов... тысяща щитов висит на нем, вся стрелы сильных* (4,4). Ты зришь превыспренность тайны, Ты от горних. Ты — башня, ибо защищена от огненных стрел страстей и помыслов лукавых. И еще говорит Христос-Жених Суламифи-Невесте: *Нос твой яко столп Ливанский смотряй лице Дамаска* (7,4). Высоко вознесен, ибо обоняет благоухание горнего мира, благоухание Духа Святаго Божия. Он обращен к языческому Дамаску, дабы душа не восприняла его нечистые курения за благоухание небес, ведь и сатана является в виде ангела света. Эта башня и этот столп — надежное убежище и опора избежавшим соблазнов все воздвигаемой, всегда строимой и никогда не достраивающейся башни Вавилонской.

Во фреске [К] и сама Суламифь и башня — образ Пречистой Девы и Матери Господа. Она — «столп утверждения», Она и «столп девства», Она — «Церкве непоколебимый столпе» и «обуреваемых пристанище». Такими и иными многими словами воспевает Церковь Матерь Божию — сей *столп Давидов* всякому, к Ней притекающему.

Все ранее сказанное о Суламифи в еще более таинственном смысле относится к святой Приснодеве Марии.

Христос дарует ей цветы. Так ведь ветвь с райской лилией принес Ей архангел Гавриил при благовещении, и вот Она — уже и Сама как лилия долин между тернами, и скоро произрастет от Нее Нарцисс Саронский — Божественный Ее Сын. Белая лилия — знак Ее чистоты и приснодевства. Цветы на мантии Ее говорят, что воистину «благословенна Она в женах». А голубой и красный цвет Ее одеяний свидетельствуют, что в Ней произошло соединение неба и земли, мира горнего и мира дольного — боговоплощение. Она жаждущая ублажить служанку Девы, имеющей родить Божия Сына — Сама стала сей Девой преблагословенной. В этом и есть искание Суламифи, желание ее соединиться с Женихом и чудное обретение Его и соединение с Ним. Ее ожерелье, Ее радость и украшение — Христос. А на ожерелье — крест. Оружие прошло через Ее душу...

Композиция третья

На ложи моем в нощех исках, егоже возлюбил душа моя

На ложи моем исках тя любезне,
Невеста зовет жениха усердне:
Не обретши же всюду претекаю,
Тя любимче обрести желаю.
По улицам же и по стогнам града
Да души моей явится отрада.
Се одр Соломонь зело украшенный,
И избранных вой лики окруженный,
Столпы имея от злата чистейша
Печи бо на нем мудрость всечестнейша,
Правда, мужество и рассуждение
Одра же сего есть украшение.

Из Библии Пискатора

Третья композиция рассматриваемых фресок иллюстрирует текст 3,1-4; 5,7.

На ложи моем в нощех исках, егоже возлюбил душа моя, исках его, и не обретох его: воззвах его, и не послуша мене. Востану убо и обыду во граде и на торжищах и на стогнах, и пищу, егоже возлюбил душа моя. Поисках его, и не обретох его: звах его и не послуша мене. Обретоша мя стрегущии, обходяще во граде: видесте ли, егоже возлюбил душа моя; (стражие же) биша мя, язвиша мя: взяша верхнюю ризу от мене стражие стеннии. Яко мало егда преидох от них, дондеже обретох, егоже возлюбил душа моя.

Слова из стиха 3,3 соединяются изографами со словами из 5,7. В Песни Песней Суламифь дважды ищет ночью Христа-Жениха. Несмотря на некоторое различие между этими двумя описаниями, отмеченное в толковании, изографы соединяют его в одно, подчеркивая духовное сходство того и другого искания.

В основу наших размышлений об этой композиции берем фреску [Р], восполняя ее деталями, отраженными на других фресках.

Суламифь возлежит на богатой ложнице. Она не спит. *На ложи моем в нощех исках, егоже возлюбил душа моя.* Ее сердце ищет Возлюбленного Христа, ее мысли — о Нем. Это состояние скорби невесты, утратившей Жениха и искавшей Его в ночи, уязвление и утешение при обретении Его, последующее убаживание ее Женихом отражены в надписи на фреске, сохранившейся частично:

Вся скорбь, печаль прежняя невесты гонзает,

Егда жених возвращая, ону утешает.

Она мо...ты* азъ твоя рече.

Тем блажится от жениха

В красоте честным подобится.

На главе Невесты роскошная царская корона (венец). Церковь есть Царствие Божие на сей земле. «Предста царица одесную царя», — говорит о ней святой псалмопевец (Пс.44,10). Венец правды (2 Тим. 4,8), венец жизни (Откр. 2,10) и венец славы (1 Пет. 5,4) получает душа, возлюбившая Христа, Небесного Царя-Жениха. Вокруг головы Суламифи — нимб, венец святости, ибо Церковь Христова свята и непорочна (Еф. 5,26-27) и освящает во святом крещении каждую верующую душу. Апостол Па-

* Возможно, что здесь было написано слово: «молвит». Тогда получается: «Она молвит: азъ твоя рече...»

вел именует верных чад Церкви святыми (Фил. 1,1). Только на фресках [Я-И] Суламифь изображена без нимба.

Суламифь — в голубом платье и светло-розовой мантии, покрывающей ее от пояса и ниже. Мантия роскошно узорчата. Голубой цвет платья — цвет неба, означает небесную духовную природу Церкви. Царство Христово не от мира сего (Ин. 18,36), о горнем помышляет христианская душа (Кол. 3,2). Красный цвет мантии означает дольний мир, полный страданий и мук, в котором совершает свое шествие святая Церковь. Мантию Суламифь на ложе своем спустила с плеч — во внутреннем сокровенном человеке, ночью, в отрешенности от мира она отрешается от всего земного. Мантия не отброшена вовсе, ибо Церковь и верующая душа в мире этом не теряет своего земного начала совсем, но оно уже не обладает ею, а как бы только едва касается. Облачена же она в голубое платье, в помышления о горнем, а не земном. *«Ищите горнего»* (Кол. 3,1) — *на ложи моем в нощех исках, Егоже возлюбил душа моя.*

Она в некоторой растерянности — *ибо поисках Его, и не обретох Его: звах Его и не послуша мене.* Руки Суламифи передают эту растерянность, но они и указывают, где ей искать своего Возлюбленного. Правая указывает на сердце, а левая — ввысь, на фресках же [Я-И] и [К] — прямо на небо, в котором Христос. *«Горе имеем сердца»* — там Христос, там Тот, Которого возлюбила и ищет душа твоя.

Роскошное убранство Суламифи и ложа ее свидетельствуют об обилии даров Духа Святаго, коими украшена святая Церковь и на коих «почивает» праведная душа. Ложе Суламифи и мантия ее украшены цветочным орнаментом. Это — красота Церкви и благоухание святой души. *Что лилия между тернами, то возлюбленная Моя между девицами,* — говорит ей Господь.

На ложе добрых дел почивает благочестивая душа и ищет Бога в ночи Божественного Мрака Его непостижимости.

Роскошное изголовье ложа подобно стене. *Азъ — стена,* — говорит о себе Суламифь (8,10). *«Стена еси девам»,* — говорит Церковь о Пречистой Деве. На фресках [Я-И] и [К] изголовье яркое, густокрасное. А на фреске [К] на изголовье изображены декоративные ангелы. Ангелы Божии ограждают Суламифь в ее ночном искании.

Справа — други Жениха, праведники и пророки. Они не вошли в ложницу, но примкнули к ней. Один приложил ухо к ложнице, в руках его открытый свиток. Другие как бы вопрошают: что он там услышал? Пророки — други Жениха. *«Имеющий невесту*

есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась» (Ин. 3,29). Друг, стоящий непосредственно у ложницы и внемлющий — Иоанн Креститель. Он изображен юным, безбородым — ибо последний из пророков. Еще во чреве матери взыграл он, услышав приближение Жениха. На фреске [К] Суламифь — Богородица. Как сильно эта композиция напоминает о том — первом приближении Христа к Иоанну, когда встретила Пречистая Дева в горнем с Елизаветою, когда Спаситель был во чреве Матери Своей, а друг Жениха взыграл и возрадовался в утробе Елизаветиной.

На фресках [Я-И], [Я-П] и [К] друг изображен с бородою.

Пророк не входит в ложницу, он еще в Ветхом Завете. Он хотел бы увидеть то, что видит Невеста, но не видит. Христос сказал ученикам: «Многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лк. 10,24). Свиток в руках внемлющего означает пророческие Писания. Праведники с желанием и интересом внемлют словам пророка, возвещающим им то, что он услышал.

Фреска [Я-П] одного юношу-друга как бы раскрывает в трех образах (Предтечинские росписи во всем самые полные и развернутые). Здесь один — внемлет, другой — с полотенцем (сравни с 5,2 о ночной влаге), что может означать крещение, которое совершал «друг» Христов Иоанн Креститель и третий — знатный старец со свитком (древние пророки).

Сверху над друзьями Жениха изображен ночной град и Суламифь, ищущая Жениха-Христа (фрески [Я-И] и [Я-П]). На фреске [Р] изображено «небо заключенно», сокрывающее солнце, едва видимое в облаках.

Так изображаются ветхозаветные времена. Душа ищет Спасителя и не находит, ибо Он еще не пришел.

Таково состояние души, когда Христос сокрыт от нее. Томится душа, утратив благодать. *Восстану убо, и обыду во граде и торжищах, и на стогнах, и поищу, Егоже возлюбил душа моя: поисках Его, и не обретох Его: звах Его, и не послуша мене.*

На фреске [Я-И] ищущая и избиваемая ночью Суламифь изображена с указующе воздетой рукой. Она знает, что там, в горнем мире, должен быть ее Возлюбленный.

А на фреске [Я-П] ищущая ночью Суламифь коленопреклоненна. Это — ночное бдение, это — молитвенное искание Жениха, грядущего в полунощи.

Слева от ложницы Невесты изображены стражи градские — ангелы Божии, стерегущие небесный Иерусалим. Это ангелы-хранители церквей и людей, неотлучно бодрствующие над градом души. А на фресках [Я-П] и [Я-И] вверху изображена сцена избиения Суламифи стражами.

На фресках [Я-П] и [Я-И] среди стражей изображен в царском венце царь Давид. Левой рукою он держит пророческий Псалтирь, а правой указывает на Суламифь. Главенствующий среди стражи (архистратиг Михаил) и на фреске [К] взирает на Христа, указывая Суламифи, где ее Возлюбленный. Стражи внемлют происходящему и бодрствуют.

Душа, ищущая горнего, вопрошает ангелов: *Видесте ли, Егоже возлюби душа моя?* О преподобных говорится в величании им: «собеседники ангелов». Воистину, эти блаженные души беседуют с ангелами, ища Христа. Стражи изранили ищущую Жениха Суламифь. Ангелы Божии взыскивают и наказывают за пороки, из-за которых мы теряем Христа. Но, гораздо более, они уязвляют ищущую душу любовью ко Христу. И как только сердце уязвляется этой любовью, так скоро и находит оно Жениха своего Небесного. *Едва Суламифь отошла от них* (ангелов-стражей), *как нашла Того, Которого любит душа* ее. Он — там, наверху, на небе, изображенном легкими белыми облаками.

На фреске [Р] небо со Христом наверху, слева от ложницы, в противовес «небу заключенну» справа. Справа в облаках — неясное солнце. В неясных, прикровенных, пророческих символах скрывается Солнце Правды (Мал. 4,2). А слева — Сам Христос, Бог во плоти, Сын Человеческий, прекраснейший из сынов человеческих (Пс. 44,3). Смутно ощущаемый пророческий символ грядущего Солнца Правды расположен над пророками и праведниками Ветхого Завета. А над стражами — ангелами — Христос Сын Человеческий откровен и зрим, ибо Господь восседает на херувимах и престолах и Ему непосредственно служат все воинства небесные. Поясная фигура Христа, по пояс обнаженного, в плаще, такова, каковым Его изображают в явлениях по воскресении. Воскрес Христос! Кончился мрак Голгофы, гроба и ада. Жены-мироносицы «утру глубоку», в темноте до рассвета искавшие тело Учителя, уязвленные ангельской вестью о Его воскресении, наконец, обрели воскресшего Жениха души своей. И среди них — Пречистая Дева, Матерь Господа (на фреске [К] Суламифь — Матерь Божия). На фресках [Я-И], [Я-П] и [К] небо

не сбоку, как на фреске [Р], а прямо сверху входит в ложницу Суламифи. *Обретох Егоже возлюбил душа моя и не оставих Его, дондеже введох Его в дом матери моея, и в чертог зачещения мя.* Воскресший Христос приглашает на небо, на всех фресках Он обращен к Суламифи. Левой рукой Он зовет ее, а правой указывает на небо. *Шуйца Его под главою моею, а десница Его обимет мя* (2,6).

На фреске [Я-И] ложница утверждена на четырех столпах. Четыре — число этого мира (четыре стороны света, четыре стихии). А небо со Христом — сверху, но вошло в самую ложницу. На фреске [Я-П] небо еще снаружи, но уже начинает входить в ложницу. А на фреске [Р] оно еще сверху, снаружи. Таким образом оно как бы все приближается, и, наконец, входит. Небо, приклонившись, соединилось с землей. Это единение неба и земли, Христа и души и происходит в ложнице церковной — в таинствах святой Церкви.

На фреске [К] — особая тайна. Суламифь — Дева Пречистая. *На ложи своем в нощех исках, Егоже возлюбил душа Ея.* Во Святом Святых храма, где никогда не было света, от молодых лет размышляла Она о Мессии, умом пребывая в ночи загадочных пророческих изречений. Израненная любовью к Нему через частые посещения градских стражей (архангела Гавриила), Она готова быть служанкою у Той Преподобной Девы, Которая примет в ложницу чрева Своего пречестного Младенца. И вот полный небесный круг (только на фреске [К] небо изображено полным замкнутым облачным кругом) целиком вошел в ложницу. Христос в небесном круге — пречестный Младенец. Облак светлый, Дух Святой, осеняет Деву. *И едва отошла от них* (стражей), едва отлетел ангел от Нее на небо, как тут же и *нашла Того, Егоже возлюбил душа Ея, и не оставих Его, дондеже введох Его в дом матери Ея, и в чертог зачещения Ея*, то есть приняла в утробу Свою всю полноту Божества.

На фреске [К] у ложницы Суламифи шесть столпов. Четырмя придерживается сень ложницы, а двумя держится внешнее сооружение. Шесть столпов могут означать этот мир, сотворенный в шесть дней. А Христос в небесном круге, вошедший в ложницу, указывает на боговоплощение, на соединение Творца и твари, неба и земли. После шести дней творения Господь почил на седьмой день. Господь нисходит в шестистолпную ложницу Суламифи. В середине шестой тысячи лет Господь воплощается от Бого-

родицы. Открывается седьмой день — тысячелетнее Царство благодати Христовой. Господь почивает в праведных душах, во святых Своей Церкви.

На фресках [Я-И] и [К] у Суламифи ожерелье. По евангельской притче, Христос — Истинная Жемчужина у груди (сердца) Возлюбленной Своей.

На фресках [Я-П] и [Я-И] под изображением Суламифи в ложнице есть четырехугольная вставка — суд Соломона над двумя матерями, оспаривающими одного ребенка. На фреске [Р] этой сцены нет, но прямо под композицией «На ложе моем в ночех...» изображена композиция, где царь Соломон восседает на престоле, а перед ним стоит народ. В полночь пришел Жених, родился Христос в Вифлееме. В полночь Он вновь придет судить живых и мертвых. Вступает в силу Царство Мессии, Царство праведного суда и истины.

Композиция четвертая

Посла руку сквозе скважню

Брат мой посла руку Свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от Него (5,4).

Невесту Жених к обществу взывает,
И в виноград ю свой внити глашает.
Вкупе благих всех с ним наслаждаться,
И в свете его присно вселяться.
Она же зело сном бе преклоненна,
Сердцем слышащи: бысть же возбужденна.
Жених бо простре к ней руку в оконце,
И осия ю светом, яко солнце.
Внутрь сердце ея к себе распаляя,
Да дольняя в прах вменит ю пленяя.

Из Библии Пискатора

Четвертая композиция раскрывает текст Песн. 5,1-6.

Внидох в вертоград мой, сестро моя невесто: обимах смиру мою со ароматами моими, ядох хлеб мой с медом моим, пих вино мое с млеком моим. Ядите, ближнии, и пейте и упийтесь, братия. Азъ сплю, а сердце мое бдит: глас брата моего ударяет в двери: отверзи ми, сестро моя, ближняя моя, голубице моя, совершенная моя: яко глава моя исполнися росы, и власи мои капель noctных. Совекохся ризы моя, како облечуся в ню; умыш

нозе мои, како оскверню их? Брат мой посла руку свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от него. Востах азъ отверсти брату моему: руце мои искапаша смиру, персты мои смирычны полны на рукахъ заключения. Отверзохъ азъ брату моему: брат мой прейде. Душа моя изыде в слово его: възскахъ его, и не обретохъ его: звахъ его, и не послуша мене.

На фреске [Р] на кровле храма, внутри которого и изображена вся композиция, есть надпись, которая гласит так:

Глава 5.

Царство невесты светло Богом украшено
Жертвы словом доброты всеми исполнено.
Христос со крестом наг — смиру испощает
Изо уст, терпение нищету пост знаменает —
Касается рукою, от сна побуждает,
Да отверзет дверь сердца невеста святая.

На фреске [Я-И] есть надпись: «Крест церкви моей посла руку от скважины и прочая что любо до конца».

Эта композиция изображает таинственное после ночи явление Христа Своей Невесте и прикосновение Его к сокровенному и внутреннему ее человеку.

На фреске [Р] композиция разделена на две неравные части. Основная часть — это помещение внутри храма. Суламифь сидит в короне, голубом платье и багряной мантии* на богатом сидище, похожем на трон. Справа и слева от ног ее — львы. Все свидетельствует о ее царственном достоинстве. Она — Царица, призванная к таинственному браку с Небесным Царем. Руки ее молитвенно воздеты к агнцу, сожигаемому на жертвеннике. Сожигаемый агнец — прообраз Агнца-Христа, имеющего быть принесенным в жертву за грех мира. Жертвенник расположен в верхней части композиции. К нему ведут шесть ступеней, указывая на воссоздание шестидневно сотворенного мира Божественным Агнцем в шестой день же и час. У Бога и день, как тысяча лет (2 Пет. 3,8). В середине шестой тысячи лет (5508 г.) от творения мира пришел в мир Агнец-Христос и был принесен в жертву. Жертвенник сложен из камней. Церковь основана на камне — Христе. На жертвеннике агнец и дрова. Агнец — Христос, дрова указывают на древо крестное. Огонь и дым жертвы восходят к

* Значение голубого и красного цветов, отражающих небесную и земную природу Церкви, ранее уже отмечалось.

небу, символизируемому полусферической сенью над жертвенником, как приятный фимиам и приношение Богу.

Слева от жертвенника коленопреклоненный царь в короне, на фреске [Р] с бородою, на остальных — безбородый. Он в синем далматике и красном плаще с оплечьем. Его руки и взор молитвенно обращены к небу. Это либо царь Давид (с бородою), либо Соломон (безбородый). Тот или другой означают ветхозаветное царство вообще. Справа от жертвенника стоит в полном облачении с кадильницей первосвященник. Так изображены ветхозаветные священные установления царства, жертвы и священства.

В левом верхнем углу, через колонну от сцены с жертвенником первосвященник поучает народ закону. Он стоит на амвоне, ограниченном каменными перилами. Внизу под ним народ внимательно слушает его поучение. Тут и старые, и молодые, и ученые (один из них держит в руках книгу), и женщина с ребенком, богатые и бедные (видно по различию одежд). Стоит с ними и вельможа в белой чалме, который тоже внимает первосвященнику, но обращен к народу, видимо, кто-то из старейшин народных. Все это люди, чающие утешения Израиля. Первосвященник указывает им правой рукой на скрижали Завета, а левой — на Суламифь и Христа. Этим он говорит народу, что весь Закон указывает на Новый Завет и ведет через Церковь ко Христу.

На скрижалях изображены начальные буквы слов первой (пасхальной!) заповеди Божией, данной через Моисея:

«Азъ есмь Господь Бог (твой) изведыи тя от земли египетския, от дому работы и не будут тебе Бози инии разве мене».

Первосвященник указывает путь истинной любви к Богу в таинственном сочетании с Мессией и на истинную Пасху, предугазанную ветхой. Первая заповедь — пасхальная, об исходе из Египта, предпосылается истинной Пасхе, восьмому дню, выводящему из рабства князя века сего, фараона мысленного.

Смысловой и зрительный центр левой части композиции — агнец на жертвеннике. Пасхальный агнец в центре Ветхого Завета. Однако Суламифь отворачивает голову от ветхозаветной церкви и оборачивается ко Христу, Который позвал ее, тронув за плечо рукою, протянутой через «скважину», на фреске изображенной в виде окна храма. Руки ее устремлены к ветхозаветному агнцу на жертвеннике, а взор ее уже устремлен к истинному Агнцу — Христу. Через нее таинственно связуется агнец прообразовательный и Агнец истинный. Скважина — суть тайна воплощения, ложесна

Пресвятой Девы, которыми Бог родился, Творец творения Своего коснулся, Ветхий Завет с Новым соединился.

Христос изображен в правой, меньшей части композиции. Он, как и на всех фресках, полуобнажен, в красной багрянице, с прободенным ребром и гвоздинными язвами на руках и ногах. В левой руке большой восьмиконечный крест, правую — касается плеча Суламифи. Это — воскресший Христос, Христос Пасхи.

В правой части композиции изображено царство благодати — причудливый сказочно-загадочный ковер зелени и трав на холмистой поверхности, уходящей в горы. *Глас Брата моего: се той идет, скача на горы и прескача на холмы (2,8)*. Райский сад — плоды благодати. Туда — в этот сад, в это царство благодати зовет Христос Суламифь, Свою Невесту, там вкусить сладких плодов. И туда обратила свой взор Суламифь-Церковь от обветшавшего Закона и прежней жизни. *Брат мой (Возлюбленный мой) послал руку свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от него*. Не через дверь, и даже не через окно, а через скважину протянул руку Свою Христос. Первое, едва заметное и осязаемое прикосновение новой благодати. Вострепетала, взволновалась внутренность Суламифи-Невесты. Исполнились Закон и пророки. Ветхое прошло. Каплет мирро. Ночная роса и прохлада освежили лик Невесты. Благодать животворящего Духа и дыхание новой жизни во Христе коснулись сердца обратившей лик свой ко Христу. Ночь, из которой пришел Жених, — это непостижимость Божества, из недр Которого пришел Мессия и зовет душу в Церковь, к Себе, во Свое духовное Царство.

Можно заметить, что вся композиция представляет единую церковь, поддерживаемую тремя столпами (исповедание Святой Троицы) и перекрытую единой кровлей (единство Святой Троицы, единство Ветхого и Нового Заветов). Средний столп, означающий вторую ипостась, разделяет композицию на две части, отделяет Ветхий Завет от Нового. В левой части композиции все вещественно и осязаемо, в правой — светлый райский сад, изумрудным узорчатым ковром застилающий пространство между средней и правой колоннами. Большая площадь левой части означает большую по времени священную историю Ветхого Завета и больший объем ветхозаветного Священного Писания.

На фреске [К] Суламифь — Пречистая Дева. Ею завершился Ветхий Завет. Она — чудный плод от древа ветхозаветных праведников. На Нее указывали Закон и пророки. Все это и раскрыто

Композиция 2 «Цвет и яблонь», фрагмент 1

· Композиция 2 «Цвет и яблонь», фрагмент 2

Композиция 5 «Христова голубица», фрагмент 2

Композиция 5 «Христова голубица», фрагмент 3

в левой части композиции. Там — и жертва, и священство, и царство, и закон, приводящие к Пречистой Деве, Которой коснулся уже Сам Христос *через скважину*. Входит Новый Завет. Прикосновение *через скважину* без открытия двери — непорочное зачатие и девственное рождение Бога Слова.

У жертвенника с сожигаемым агнцем — коленопреклоненные с воздетыми горе руками царь Соломон и первосвященник.

Всякая еврейская женщина думала о Той Преподобной Жене, от Которой родится Эммануил. Об этом свидетельствуют изображенные на фреске матери с детьми и девы Иерусалимские, ликами и руками обращенные к Суламифи.

Другая часть народа внемлет первосвященнику, указующему на Суламифь и коснувшегося Ее Христа, то есть на тайну, о которой вещал пророк Исаия: «Се, Дева примет во чреве и родит Сына...»

Композиция на фреске [Я-И] не отличается существенно от фрески [Р]. Только здесь царь у жертвенника — не Давид, а Соломон. В его лице ветхозаветные цари склонились перед агнцем, прообразующим Истинного Царя, а ветхозаветное царство — перед Царством Христовым. Царство Христа уже вне ветхозаветного храма, оно в правой части композиции. Там — райский зеленый луг, холмы, дерево, указующее на древо жизни. Но Царство Христа, *чрез скважину*, через воплощение Бога от иудейской девицы касается того, древнего Израильского царства. Господь *посла руку свою* — и вся ветхозаветная картина ожила и обрела свой смысл и назначение. Слушающие первосвященника образуют две группы — слева стоят, справа сидят. Среди стоящих слева двое в белых чалмах. Остальные с непокрытой головой. Один в чалме, стоящий в центре, указывает ликом и обоими руками на Суламифь. Мысли и дела праведных устремлены к явлению Мессии. Другой в чалме обращен к первому и весь во внимании. Праведники внемлют пророкам. Остальные из стоящих вслед за первым обратили свои взоры на Суламифь.

Среди сидящих — женщина с ребенком (иудейская женщина-мать, помышлявшая о рождении Мессии от грядущей Девы) и еще четыре фигуры. Все они внимают первосвященнику. Это род Иессеев, от которого надлежало явиться Преподобной Деве, а от Нее воплотиться Сыну Божию.

На улице еще темно. Из Божественного Мрака непостижимого Существа Божия, от недр Божиих приходит Слово, является

Христос. Души не стало, сердце взволновалось, тайна спасения совершается! Дом-Храм, в котором находится Суламифь, имеет два столпа, украшенных виноградными лозами с кистями винограда. То — *дом вина*, дом пира Божия.

Композиция пятая

Христова голубица

Любезный мой мне: невеста глашает,
И ся самую ему поручает.
Он же слово ей жизни подавает
И велию в ню благодать вливает.
Зело к ней любовь велику являя,
И паче многих девиц украшая.
Едину же ю чисту нарицает
И светлу яко солнце объявляет.

Из Библии Пискатора

Композиция «Христова Голубица» раскрывает текст шестой главы Песни Песней.

Добра еси, ближняя моя, яко благоволение (Фирца), красна яко Иерусалим, ужас яко вчинены. Отврати очи твои от мене, яко ти воскрилиша мя: власи твои, яко стада коз, яже възыдоша от Галаада: зубы твои яко стада остриженных, яже възыдоша от купели, вся близнята родящия, и безчадныя несть в них: яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна: яко оброщение шипка ланиты твоя, кроме замолчания твоего. Шестьдесят суть цариц, и осьмдесят наложниц, и юнот, имже несть числа: едина есть голубица моя, совершенная моя: едина есть матери своей, избранна есть родившей ю: видеши ю дщери и ублажиши ю, царицы и наложницы, и восхвалиши ю. Кто сия проницающая аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце, ужас яко вчинена? (6,3-9)

Основная мысль композиции «Христова Голубица» — изумление и восторг при виде неземной красоты Суламифи, Невесты Христа-Царя. Изумление красотой церковною, красотой Приснодевы. О этом восхищении гласит надпись на фреске [Я-И]: «Глава 6. Видеши дщери Сионския и благословиши Ю, царицы и наложницы восхвалиши Ю» (6,9).

В центре композиции — Суламифь-Невеста, а над нею в приклонившихся Небесах — Христос-Жених. Оба коленопреклонен-

ны и устремлены друг ко другу. Композиция раскрывает тайну Христа и Церкви. «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5,25-27).

Христос изображен наверху на небе, которое, однако, низко приклонилось к земле. Он в окружении восьми славословящих шестикрылых серафимов. Каждый из них ликом обращен ко Христу, точнее, к ребру Христову. Изумление и восторг перед тайной Христа и Церкви начинается там, в горнем мире ангелов Божиих. «...Домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе Нашем» (Еф. 3,9-11). От века тайна сия была сокрыта от чинов ангельских. И вот теперь они с изумлением и восторгом созерцают происходящее, зрят приклонение небес, зрят от ребра Нового Адама вспорхнувшую Голубицу, чистую и нетленную, зрят тайну Церкви, зрят Премудрость Божию многоразличную, дотоле от них скрытую и сокровенную, зрят неотмирную красоту Соломоновой Суламифи, Христовой Церкви. Зрят — и небеса оглашаются ангельским пением.

Что же зрите вы? Что открывается очам вашим, огненные серафимы? Зрят они прободенное ребро коленопреклоненного Христа-Царя. Царь Небесный, где венец Твой царский? Где скипетр? Где порфира царская? Все это было на Нем, когда Он восседал на престоле (композиция «Царь Соломон»). Да, все это было на Нем там, но там не было одного — Его Голубицы! Все это было на Нем, но Он был один. Еще не было никого, подобного Ему. «Небесный Человек» был один (ср. Быт. 2,20). И вот — сон, ребро и Ева. Двенадцатый Лев (композиция «Царь Соломон»), «молодой лев Иуда... преклонился он, лег, как лев...» (Быт. 49,9). Преклонился Христос, Сын Божий принял образ раба, дабы обрести Царицу, Голубицу Свою, единственную и возлюбленную. Десница преклонившегося Христа указывает на прободенное ребро «уснувшего Адама». Испустил дух на кресте Христос, почил Адам, преклонился Лев Иудин. А воин копьем пробил ребро. Истекла кровь и вода, а в них рождается и творится новая Ева, новая Дева, чистая, непорочная, прекрасная. Воскрес

Христос — проснулся Адам и воскликнул: «Вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей, она будет называться женою (иша — по-еврейски жена, Суламифь), ибо взята от мужа (иш — муж, Соломон)». Уснул Лев, а проснулся с Львицею.

А венец, и скипетр, и порфира царские теперь на ней. Славу, которую Он имел у Отца, Он передал ей (Ин. 17,22). Царской порфирой Своей Он облек теперь ее — Царицу Свою, Голубицу. Он без венца, ибо им увенчана теперь Царица Суламифь — прекрасная, как Фирца (обретшая благоволение Его), любезная, как Иерусалим, Вышний Град. И скипетр, с которым Он восседал на престоле (см. композицию «Царь Соломон»), теперь у нее. Царь Небесный стал Человеком, а среди людей теперь — Царство Небесное. И даже божественная власть вязать и решать теперь среди людей. Скипетр Небесного Царства у Суламифи. Скипетр подобен дикирию. Две соединяющиеся ветви — два соединившихся во Христе естества. А теперь и Суламифь имеет в себе эти два естества — человеческое, ибо Церковь состоит из людей, и божественное, ибо содержит в себе все Божественное.

Христос полуобнажен. Таковым изображают Его воскресшего. Десницей Он указывает на прободенное ребро Свое, а от него, как от ветви, произросшей от корня Иесеева (Ис. 11,1), вспорхнула Голубица Его — *единственная* Его, *чистая* Его, *единственная у матери своей, отличенная у родителейницы своей* (6,9). Светлая белая Голубица зрительно и по смыслу в центре композиции. С первого взгляда может показаться, что Голубица — образ Духа Святого. Но, нет! Как от ребра Христова «взята плоть Его» и стала таинственным телом Его — Церковью-Невестой — так и незримый Божественный Дух, голубеобразно сошедший некогда на тело крещаемого Христа, теперь обитает в видимой Голубице — святой Церкви Христовой, Невесте Его возлюбленной. Вокруг головы Голубицы — нимб, ибо свята и непорочна Церковь. На фреске [Я-И] от Голубицы исходит свет, ибо Церковь светозарна Фаворским светом. И восклицают вопрошающие: *Кто сия проницающая аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце?!* Свет от Голубицы замыкается в резко очерченном круге, ибо *вертоград* заключен, *сестра моя невеста*. Только находящиеся в Церкви просвещены ее светом.

Но откуда же сия неземная белизна, чистота и светозарность Голубицы? Ведь сама по себе она не бела, не светла и даже вещала о себе: *черна я...* Почему же все равно *красива*? Кто укра-

сил ее? Убелил? Просветил? От ребра Небесного Жениха, почившего Льва Иудина, истекает кровь. А в левой руке Его — раскрытая книга. Христос омыл Свою Невесту «посредством слова» (Еф. 5,26). Он говорит ей: «Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам» (Ин. 15,3). Струя крови Христовой от ребра падает на раскрытую книгу, а от книги на Голубицу, омывая ее. «Словеса Господня, словеса чиста» и очищают нечистых.

В раскрытой книге записано: «Просит невеста лобзания уст».

Невеста вопиет устами пророка Исаии: «Я человек с нечистыми устами» (Ис. 6,5), когда же коснешься их Ты, Чистый, и очистишь?!.. «Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6,6-7). Просит лобзания уст Невеста-Голубица. И коснулся ее уст сей «горящий уголь». Уголь — земная природа Жениха, а то, что раскаленный, значит, что вся полнота Божества телесно в Нем. Воплощенный Бог коснулся, облобызал и очистил кровью и словом дотоле нечистые уста. И очистилась Невеста, убелилась Христова Голубица.

На фресках [Р] и [Я-И] Голубица изображена на небе, где Христос. Церковь небесна по своей природе, она — Царство Небесное. А на фреске [К] Голубица ниже неба, в котором Христос. Но вокруг нее самой еще одно небо — свет в облачном окружении. Небо Голубицы примыкает к небу Христа, и тем образуется одно небо и одно Царство. Сия тайна Христа и Церкви велика (Еф. 5,32).

И то, что на небе изображено в образе небесного символа Голубицы, то на земле изображается в земном образе Невесты-Суламифи. Прекрасная, чистая, с ожерельем, с камнем в драгоценной оправе на груди, она коленопреклоненна, с молитвенно сложенными руками перед Небесным Женихом. К Нему обращен ее любящий молитвенный взор. Надпись на фреске [Р] гласит:

Невеста лобзания царя си желает,
В любезных персем его тепле воздыхает.
И с тех пища яко млеко точится духовна,
Паче сота ка(пель) благовонна.
Жених ю в чертог вводит,
Всех благ сподобляет,
Венчанных дары своя приношают.

Такими выражениями Песни Песней описаны слова любви Невесты-Церкви с Женихом-Христом. В них и упокоение у персей Христовых, и словесное молоко — пища духовная, и благовоение Невесты-Церкви слаще капель сота, и введение Невесты в чертог, и дары, и Божественное венчание.

Струя крови от ребра Христова, через книгу омывшая Голубицу, струится дальше, к сердцу Суламифи. Невеста-Суламифь на земле тождественна белой Голубице на небе — это Церковь Христова. Кровь Христова, идущая от Голубицы к Невесте, не означает различия между Голубицей и Невестой. Это только два различных символа — небесный (Голубица) и земной (Невеста). Христос Кровью Своей омывает Церковь.

Ожерелье с драгоценным камнем на груди Невесты — это Христос, Божественная Жемчужина, сокровище церковное.

Роскошные волосы Суламифи ниспадают с головы на плечи и спину. *Власи твои, яко стада коз, яже възидоша от Галаада* (6,6). Волосы Невесты — это ее нетленная красота перед Богом (волос не истлевает), это ее покрывало целомудрия. Волос не имеет в себе жизни и чувств, что по толкованию блаженного Феодорита, означает то неважное в жизни, без чего человек однако не может жить на земле и в чем он также должен проявлять благочестие.

Суламифь коленопреклоненна на райских холмах, покрытых сказочно-загадочным ковром трав и растений изумрудно-неземного цвета. Она на земле неземная, «не материальная», возвышенная, небесная. Холмы уходят все далее ввысь, указуя на предстоящее Невесте-Церкви восхождение.

Так явилась тайна Христа и Церкви. Явилась чудная Голубица Христова. Ликует небо и воинства его. Божественное радование у Самого Небесного Жениха. Но торжествует и человеческий род. Изумленным взорам сущих на земле предстала божественная Суламифь. *Видеши дщери Сионския и благословиши Ю, царицы и наложницы восхвалиши Ю.*

За райскими холмами на заднем фоне композиции изображен причудливо-сказочный белый город. Это — Небесный Иерусалим, святой град. Ближе — дщери Иерусалимские, христиане. Среди них — царицы, наложницы и девицы. *Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа.*

Царицы следуют за Христом ради Царства и благ его.

Наложницы живут с Соломоном из-за страха, ибо взяты недобровольно. Многие и за Христом идут не добровольно, а по страху и по нужде.

А девицы без числа в царстве Соломона и вовсе не живут с ним. Это те, которые не отверглись веры, но живут не для Бога, а своей жизнью и интересами. Их много.

И только Суламифь, только Невеста единственная и возлюбленная, идет за Христом по одной любви. Ей нужен только Он, и ради Него она готова лишиться всего, даже всякого блага. Это — праведники и угодники Божии. И, увидев их, изумились и возликовали царицы, наложницы и девицы. Они в изумлении перед Суламифью — видят ее и благословляют. Слабейшие и малые сии ублажают святых. Церковь увидела их и благословила, и восхвалила, причисляя к лику святых. Народ Божий ублажает их, празднует и чтит.

На фресках у всех дочерей Иерусалимских на главах венцы (короны). Но короны двух типов. У одних только венцы. У других в венце царственная шапка с крестом. У самой Суламифи корона особенно роскошна, высока и тоже увенчана крестом. Под имеющими венец с шапкой можно разуместь цариц, а под украшенными только венцом — прочих наложниц и девиц.

На фреске [Р] три группы дочерей Иерусалимских.

Группа слева от Суламифи состоит из трех стоящих и двух преклоненных дочерей Иерусалимских. Это — царицы, главы их увенчаны коронами. Одна из стоящих и одна из преклоненных указывают руками на Суламифь. Взоры всех обращены к ней. Все созерцают ее красоту, созерцают тайну омовения ее кровью Христовой, тайну единения ее со Христом. У одной из стоящих в руках светильник. Одна из коленопреклоненных держит сосуд для елей. Елей и светильник означают добрые дела, в Духе Святом содеянные, которыми светятся христиане перед людьми (Мф. 5,16). Царицы и сами прекрасны видом и одеянием, но и они в изумлении перед Суламифью.

Группа справа от Суламифи состоит из четырех дочерей Иерусалимских. Одна поближе в простом венце без шапки. Держит в руках дрова для жертвоприношения. Несколько далее стоят вместе остальные три. Две из них в венцах с шапкой, одна — без шапки. Это — царицы и наложницы. Царицы держат в руках дрова для жертвоприношения. Все, кроме одной, смотрят на Суламифь. Одна обратилась к рядом стоящей царице, обсуждая увиденное.

Дрова для жертвоприношения указывают на древо крестное, на котором Христос от пречистого ребра обрел и омыл истекшею кровью Свою Голубицу-Суламифь.

Слева на заднем плане еще одна группа дочерей Иерусалимских. Все они за градом Иерусалимом, отвернуты от Суламифи, но в венцах. Некий юноша в полуобороте к ним увлекает их из града в противоположную сторону к открытому чертогу. Одной рукой юноша указывает на чертог, другой взял за руку одну из дев. Одна из дев правой рукой указывает на Христа, а левой тянется к юноше. Лица дев выражает некоторый испуг и любопытность и обращены к юноше: ну, что дальше будет? Позы их всех немного отшатнувшиеся от юноши.

Этого фрагмента нет на других фресках. Сюжет его едва ли можно соотнести с каким-либо текстом Песни Песней, и точное значение его неясно. Предположительно выскажем такие суждения: либо эти девы означают неутвержденные души, увлекаемые в сторону от Христа. Их ведут в чужой чертог. В таком случае юноша — некая враждебная искусовая сила. Либо это чертог Соломонов. В него ведут девиц без числа. Но внимание Царя (Христа) уже отвращено от этого чертога, оно — всецело с Суламифью, возлюбленной, чистой, верной.

На фреске [Я-И] группа Иерусалимских дочерей справа состоит из тех же четырех фигур. Ближняя к Суламифи в венце без шапки держит дрова для жертвоприношения. Остальные же держат не дрова, но одна — корзину (для хлеба?), а другая — кувшин (для вина?). Это соответствует описанию Суламифи в седьмой главе: **Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.** Этими образами предуказана евхаристия (небесный хлеб и вино), истинная жертва. Справа и слева — горы. Слева — лес, кедры Ливанские. Справа — белый град, Горний Иерусалим. А посередине меж гор — двухэтажный дом, по три окна на каждом этаже. Это образ Церкви земной воинствующей и небесной торжествующей. Земля и небо прославляют Святую Троицу.

Великолепны фрески [Я-П]. Общее содержание — то же самое. Только Небесный Град, Горний Иерусалим, как и на фреске [К] изображен более роскошно. Многоплановые белокаменные постройки его свидетельствуют о жизни будущего века. Небесный Град разбивается на две части роскошными деревьями. Этим указывается на Древо жизни посреди улицы Небесного Иерусалима (Откр. 22,1).

Небо и земля благословили и восхвалили Церковь-Суламифь и восторженно-изумленно созерцают ее таинственное единение со Христом.

На фреске [К] Суламифь, как всегда, символизирует Пречистую Деву. В Ее лице представлена тайна рождающейся от ребра Христова и омываемой Его словом и кровью Церкви. В образе ангелов, цариц и наложниц воспевают честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим Деву Пречистую Богородицу ангельский собор и человеческий род. Дочери Иерусалимские — души христианские, и в особенности девственные души — изумленно превозносят и благословляют, восхваляют Пречистую, Единственную и нетленную Голубицу Христову.

Композиция шестая

Союз Христа и Церкви,
или
Христос и Суламифь,
или
На ложе

Христос и Суламифь одни на чудном райском лугу.

Се краснейшая моя, нарицает
Невесту Жених: ю же ублажает
Чудне: и ея красоте дивятся,
Да к любви его тая восперится.
От Ливана ю по себе взывает,
И зело теплу любовь к ней являет,
От гор Ермона и Амана так глашает
И благовонен сад ю нарицает.
Смирны аллоа и кассии полный,
И в нем же есть всяк различен цвет польный.
Она же духа любве на ся просит,
И ему плоды своя вся приносит.

Из Библии Пискатора

Эта удивительно цельная и прекрасная композиция иллюстрирует различные тексты Песни Песней:

— *Брат мой мне, и азъ ему, пасый в кринах, дондеже дхнет день, и двинутся сени. Обратися, уподобися ты, брате мой, серне или младу еленю на горах юдолий.*

На ложе моем в нощех исках, егоже возлюби душа моя...

— *Се, еси добра, ближняя моя, се еси добра: очи твои голубине, кроме замолчания твоего: власи твои яко стадо козиц, яже открывшася от Галаада...*

— *Вся добра еси, ближняя моя, и порока несть в тебе. Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана!*

— *Азь брату моему, и ко мне обращение его. Прииди, брате мой, и взыдем на село, водворимся в селех: ураним в виноград, увидим, аще процвете виноград, процветоша ли овощи, процветоша ли яблока? тамо дам тебе сосца моя...*

— *Бежи, брате мой, и уподобися серне или юнцу еленей, на горы ароматов (2,16-17; 3,1; 4,1; 7,10-12; 8,14).*

Шестая композиция изображает сокровеннейшее единение Христа и Суламифи на райском ложе. Это — брак Агнца, это — союз и единение Христа и Церкви. Это — вечная и не вечерняя Пасха, воссиявшая от ночи искания и слез. Это — рай и блаженство. Это — Суламифь Прекрасная. Это — Белый Олень, скачущий в горы бальзамические...

Особенно прекрасна и одухотворена фреска [Р].

На райском лугу изображены устремившиеся друг ко другу Христос и Суламифь. Надпись на фреске гласит:

Егда скипетром богатством своим удивися,
Тогда жених с нея ничтоже удалися.
Ищет с плачем, стражей града вопрошает
Бог тогда Церковь хранит, правит, украшает.

А в открытой книге в руках у Суламифи на фреске [К] записаны слова: *На ложе моем в ночи исках егоже возлюби душа моя. В ночи неведения, в ночи богооставленности искала Суламифь Того, Которого возлюбила душа ее. И вот, долгие искания, вопрошания, столкновения со стражами града — все позади. Она, наконец, не одна. Она нашла, Егоже возлюбила. Она на ложе с Возлюбленным души своей. Он пришел к ней — ее Молодой Белый Олень. Вот, Он идет, скачет по горам, прыгает по холмам, спешит с высоких гор к Своей Возлюбленной.*

В центре композиции — Христос и Суламифь-Церковь.

Христос изображен полусидя с нимбом. На нем надпись: — Сущий. Он — полуобнажен, в багрянице — образ воскресшего. В левой руке — большой восьмиконечный крест — орудие, которым Он обрел Свою Невесту. На ребре, на руках и ногах — язвы гвоздиные, которыми Он Ее исцелил. Высоко поднятой правой рукой Христос указывает на Голубя, в небесном светлом облаке сходящего на Невесту. Это — Дух Святой, Которым Господь крестил и освятил Себе Церковь.

На фреске [Я-И] Голубь — Дух Святой в тройном кольце троичного незримого света. Резкое очертание кругов свидетельствует о незримости Божественного Света.

Багряница означает, что Он — царь ее, воплотился, принял плоть и кровь ради нее, омыл ее Своей кровью. А из левого угла, как бы повторяя образ устремленного к Невесте Христа, скачет к ней молодой белый олень. Он поедает всяких ядовитых гадов, сам от того не терпя никакого вреда. Так Господь сокрушил главу древнего, грехом ядовитого, змия, — Сам же от того не потерпел никакого вреда, ибо ни в чем не согрешил. И теперь Он скачет к ней с холмов. Он зовет ее с Собой на горы ароматов, на горы бальзамические, туда, где благоухание даров Святого Духа. Туда, где райские цветы нетленной красоты, где райские плоды добродетелей, где горний воздух молитв и веяние Духа.

Рядом с Христом-Женихом сидит на райском лугу Суламифь-Невеста. Вокруг ее главы, как и вокруг главы Жениха, нимб — святость Жениха отразилась в ней. В Нем и она стала свята, непорочна и непогрешима. На голове ее прекрасная царская корона — венец и шапка преукрашены. Господь увенчал ее венцом жизни, правды и славы. На ней голубое платье и светло-розовая мантия. Она — небесна и божественна (голубое платье), хотя и от плоти и крови (розовая мантия). Правая рука ее у сердца, где горит огонь божественной любви к своему Небесному Жениху-Христу. Ею же она и указывает на закрытую книгу — Божественное пророческое слово, уже давно возвещавшее о ее Женихе. Книгу Суламифь держит в левой руке. На фреске [К] книга у Суламифи раскрыта, и в ней записаны слова: *На ложе моем в ночи исках егоже возлюбил душа моя*. В ночи древних времен Ветхого Завета искали пророки Того, Которого возлюбила душа их. Он был тогда еще далеко, мерцал далекою звездой в ночи. «Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова...» (пророк Валаам, Чис. 24,17). И вот Он здесь! Горная Серна, Молодой Белый Олень — Он с нею на ложе. Превечное Слово сочеталось с плотью. Он — здесь, и зовет Невесту с Собой туда, где аромат гор бальзамических.

Мантия Суламифи не багряная, а светло-розовая. Она от земли — из плоти и крови (Адам=красноватый=земля), но уже просветлена. Багряное стало светло-розовым. Плоть и человечество одухотворены, обожены, легки, небесны.

Желание Христа обращено к Его Возлюбленной Невесте-Церкви. Надпись на фреске [Я-И] передает слова Его любви и восхи-

щения: «Се еси добра, ближняя моя, се еси добра: очи твои голубине, кроме замолчания твоего: власи твои яко стада козиц, яже открывшася от Галаада» и прочая. Духовною красотою прекрасна возлюбленная Христом Суламифь-Церковь. Очи ее голубины, ибо она просвещена Духом Святым и зрит тайны Царствия Божия. Роскошные волосы Суламифи ниспадают на плечи и спину, как покрывало целомудрия праведных душ.

В неизреченной любви сочетается душа со Христом. Навеки сливается и говорит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2,20). Душа всецело отдала себя Христу. Эту самоотдачу, когда уже не себе принадлежишь, а Ему, когда Он входит во внутренние, самые сокровенные тайники сердца, изограф дерзнул изобразить приуготовлением Суламифи себя к ложу. Платье ее на груди расшнуровано, сердце ее трепещет в ожидании Небесного Жениха, божественного ложа. *Тамо дам Тебе сосца моя* (7,12). Что сие духовно значит, знают стяжавшие дар сердечной Иисусовой молитвы, чье сердце воспламенено благодатным огнем любви Христовой.

**И ложе у нас — зелень,
кровли домов наших — кедры,
потолки наши — кипарисы (1,15-16).**

Причудливый райский ковер зелени, трав и цветов — ложе Христа и Суламифи. Оно светло-изумрудное, неземное, небесное, здесь нет ничего чувственного, страстного. Виноград, орехи, пальма с виноградными гроздьями, яблоня покрывают Божественное ложе. Это все знаки духовных даров и реалий небесных. Виноград то веселье вечное очищенного сердца (Пс. 103,15), и источник бессмертия таинственной евхаристии. Орехи — сокровенные плоды Духа, в жесткой скорлупе подвига. Пальма — символ победы над грехом мира сего. Гранатовые яблоки, плотно объединяющие в скорлупе своей зерна, означают единение верных в любви. На этих добродетелях, в этих божественных дарованиях находит покой и блаженство во Христе любящая Его душа. Вот — ложе святое!

Невеста: **Я сошла в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки. Тамо дам сосца моя тебе** (6,11).

Жених: Подумал **Я: влез бы Я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и сосцы твои были бы вместо кистей винограда, и запахи от ноздрей твоих, как от яблоков** (7,9)

На пальме и яблоне не только их плоды, но и принадлежащие другим деревьям. В этом — единение и нераздельность всех добродетелей.

На заднем плане вдали белый город — Горний Иерусалим. Он изображен в двух ярусах на двух грядках гор. Это — Церковь земная и небесная. Только в истинной Церкви душа может упокоиться и навеки соединиться со Христом. Только в ней можно услышать сладостное Христово: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6,56).

Белый Олень бежит ко Христу и Суламифи. А если мысленно продолжить направление его бега, то он устремлен к Небесному Граду — святому Иерусалиму. Там, в вышнем Граде — край и предел желаний и устремлений христианской души... Там — вечный дом для души, не желающей более быть скиталицей возле стад и шатров товарищей в мире сем. На фресках [К] и [Я-И] изображен не град, а два домика, между которыми дерево. Там будут обитать Христос и Суламифь, там их покой и отдохновение... Там — древо жизни, там нет печали и расставания.

Душа, подлинно любившая Христа, томится и печалится на земле от расставания с Ним. Так апостол Павел восклицал: «Мы... желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2 Кор. 5,6). Когда после долгих искушений и богооставленности Господь явился прп. Антонию Великому, он воскликнул: «Где был Ты, милосердный Иисусе? — где был Ты, и почему с самого начала не явился исцелить мне раны?» А как слезно скучала о Господе душа прп. старца Силуана Афонского! О! Эти святые души там навеки упокоются со Христом на божественном ложе райского блаженства!

На фресках [К] и [Я-И] белый олень не спереди устремляется ко Христу и Суламифи, а на заднем плане бежит мимо них. Это еще более создает ощущение нематериальности и неотмирности всего изображенного. Здесь, вблизи, Христос и Церковь (Суламифь) в образах земных, человеческих, вещественных. А там, вдали, — белый олень, райский луг и горные обитатели. Все говорит о мире ином, неземном. Там совершаются невидимые тайны, имеющие свое видимое отражение здесь...

На фреске [К] Христос под деревом, несущем на себе различные плоды, а Суламифь под кедром. Два дерева осенили райское ложе Христа и Суламифи. Дерево над Христом означает различными плодами своими, что в Нем полнота благодати и всех да-

рований. А Суламифь — под кедром, ибо оттуда, от вершин Амана, с гор Ливанских, от начала веры призвал Христос Свою Невесту. От начала веры, ибо «без веры угодить Богу невозможно» (Ев. 11,6).

На фреске [Я-И]* одно большое дерево, над которым облако, и в нем Голубь — Дух Святой. Все это осеняет ложе Христа и Суламифи. Вдали, еще дальше скачущего оленя — ряд деревьев поменьше. «Праведник цветет, как пальма, возвышается подобно кедру на Ливане» (Пс. 92,13). Это — правда Царствия Божия и возвышенность ее над миром сим (кедр над малыми деревцами).

Эта композиция изображает Христа и Суламифь одних. Нет дочерей Иерусалимских, нет друзей Жениха, нет стражников городских. Ибо единственная она, чистая, избранная Невеста Христова. И Он один, к Нему сердце ее. Никто не может постичь тайны их божественного ложа. Много людей на брачном торжестве, но на брачном ложе жених и невеста одни.

Интересен рассказ священника, как ему открылась тайна, что Христос и Невеста — одни. Совершалась проскомидия Божественной литургии на праздник св. архистратига Михаила и всех небесных сил бесплотных. Вынут Агнец, частицы Божией Матери, девяти чинов святых, о здравии и упокоении верных. На дискосе — вся картина Церкви Небесной и земной вокруг Агнца.

Всегда вынимаются частицы и поминаемых в тот день святых. А тут — великий праздник, а частиц нет. Бесплотен дух ангельский и может только сослужить и сославословить в литургии, но не может в ней участвовать. Частиц за ангелов на дискосе нет, и причаститься они не могут. Плоть Христову может принять только

* Дополнение по фреске [Я-И]. На этой фреске, в отличие от остальных в этой композиции, на заднем фоне все-таки изображена и группа людей. Их пятеро. Они в белых чалмах. Один стоит, разведя руки. Другой указывает на Христа и Суламифь. Остальные смотрят на них. Один сидит на корточках. Кто это? Это не стражники, так как они изображены без оружия и не в воинской одежде. Да и стражники встретили Суламифь в городе, а здесь все происходит вне города. Вероятнее предположить, что это осуждающие Суламифь за ее любовь к Жениху. Суламифь смущалась их и готова была иметь царя своим братом, лишь бы ее не осуждали за лобзания [8,1-2]. В этом мире все самое сокровенное и тайное в духовном супружестве души со Христом имеет своих завистников и недоброжелателей, насмешников. И это не среди внешних — им все чуждо, а среди друзей Жениха. Таким верующим любящие Христа кажутся иной раз больными, «святошами», что-то из себя строящими. Они посмеиваются над таковыми и осуждают их, называют их фанатиками. В вере такой есть некий цинизм. Видя брачное ложе души и Христа, они — кто руками разведет, а кто, пальцем покрутив у виска, присвистнет... Они есть, но духовно не присутствуют, когда Господь с душой сочетается. Они никогда не поймут тайну Песни Песней. Ее знают только Он — Жених, Царь Небесный. И только она — верная душа, Невеста Его. Единственная.

плоть. Так остались вне Брачного чертога «стражи градские». Вне его и все товарищи и дочери Иерусалимские. Нет частиц о некрещеных, неверных, еретиках: оглашенные, изыдите!

Вне Брачного чертога остались все, кроме Христа и Сулами-фи.

Они остались одни.

Сначала, на первой композиции, был один Соломон, окруженный множеством народа и стражников, а Суламифи еще не было.

...А теперь нет их всех.

А есть только она.

Одна.

И Он.

ГЛАВА 7

КНИГА ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА В МУЗЫКАЛЬНОМ ЗВУЧАНИИ

Книга Песнь Песней в ветхозаветном богослужении читалась на праздник Пасхи. Чтение совершалось с музыкальной акцентуацией. Если Пятикнижие читалось мягко и низко, пророки — высоко и грозно, то Песнь Песней — оживленно и радостно.*

* См. М. Скабалланович. Толковый типикон, выпуск 1. Киев, 1910 г. Стр. 14.

Для записи и чтения песнопений евреи издавна и поныне употребляют особые знаки, подобно невмам западных народов или старинным крюкам православного церковного пения. Эти знаки не передают точно мелодии, а дают лишь более или менее определенное понятие о ходе ее певчому, знающему мелодию с голоса. Предлагаем приблизительный перевод на современное нотное письмо старинного канонического напева Песни Песней, приведенного в книге А. Эфроса [8].

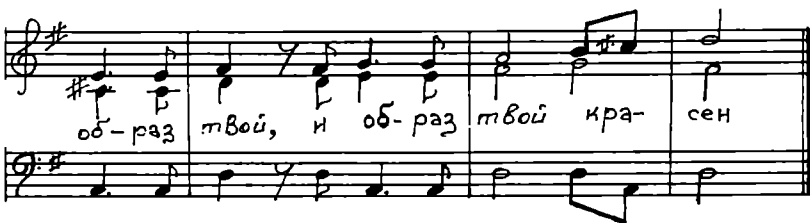
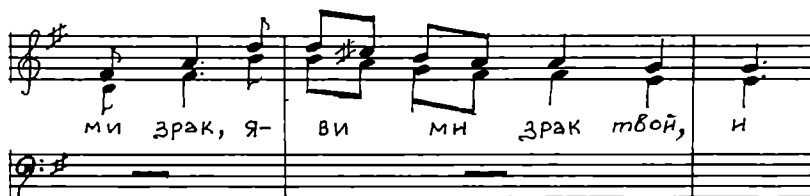
В православной Церкви существует такой обычай. Когда перед венчанием жених первый входит в храм, ожидая там невесту, хор начинает петь от лица жениха песнопение: «Гряди, гряди от Ливана, невесто...», составленное из слов Песни Песней Соломона. При этом подружки вводят невесту в храм. Начинается святое венчание.

Гря- ди, гря-ди от Ли- ва- на, не-вес-то

гря- ди, гря-ди от Ли- ва- на, не-вес-то.

При-и-ди, при-и-ди, ближ-ня-я мо-я,

при-и-ди, при-и-ди, доб-ра-я мо-я,

ГЛАВА 8

КНИГА ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Красота книги Песнь Песней Соломона всегда привлекала к себе русских поэтов и прозаиков. В прозе и поэзии перелагали эту священную книгу многие авторы. Приведем в хронологическом порядке некоторых из них.

Г. Державин, «Соломон и Суламита», 1807 г.

А. Пушкин, «Вертоград моей сестры», «В крови горит огонь желанья» (в первой публикации объединенные общим заголовком «Подражания»), 1825 г.

А. Фет, «Из подражания восточному», 1850 г.

Л. Мей, «Еврейская песня», 1861 г.

С. Фруг, «Песня Песней», 1881-89 гг.

К. Фофанов, «Из книги Песни Песен», 1886 г.

Д. Бутурлин, «Суламита», 1887 г.

А. Зорин, «Из Песни Песней», 1894 г.

Л. Яффе, «Песня Суламиты», 1897 г.

П. Гейзе (перевод Н. Минковского), «Суламита», 1897 г.

В. Брюсов, «Tertia Vigilia», 1897-1900 гг.

Г. Чулков, «Песня Песней», 1902-03 гг.

Я. Гитин, «Из Песни Песней», 1906 г.

С. Соловьев, «Саул и Давид», 1906 г.

А. Куприн, «Суламифь», 1908 г.

В. Розанов, «Не преидет и иота ...» — предисловие к книге

А. Эфроса «Песнь Песней Соломона» [8], 1909 г.

На протяжении многих веков литература питалась чудными образами священной Песни Песней. И одновременно все далее отходила от живого Предания Церкви, и пропасть эта становилась все глубже и глубже. Оно и неудивительно: светские поэты, писатели, мыслители, которые не живут церковно, не питаются благодатью Духа Святого, скорее подобны языческим витиям, временами прорывающимся к горным высотам Духа, а потом вновь ниспадающим

в круговертъ земного бытия, в переменчивое море страстей и чувственности. Образы языческой мифологии и ценности мира сего так часто заслоняют сокровища Царства Небесного.

Все поэтическое толкование Песни Песней в русской литературе сводится только к воспеванию земной любви, нет ни религиозного вдохновения, ни обращенности к небесам. Поэтическая трактовка нисходит порой до откровенной чувственности и страстности, переходя за грани приличного. Создается впечатление, что поэты даже и не подозревали о том глубоком духовном смысле, которым преисполнена эта святая книга. Беда не в том, что поэты писали только о земной любви, а в том, что они приступали к Священному Писанию неподготовленными, не имея благоговения и страха Божия. С Библией они обращались все равно что с каким-нибудь сборником древней восточной поэзии.

Наиболее возвышенным произведением из всех перечисленных можно назвать, пожалуй, «Соломона и Суламиту» Гавриила Державина. Приведем его текст и остальные.

Г. Державин, «Соломон и Суламита»

I

Соломон (один)
Зима уж миновала
Ни дождь, ни снег нейдёт;
Земля зеленой стала
Синь воздух, луг цветёт,
Все взгляд веселый ищет,
Жизнь новую все пьёт;
Ливан по кедром блещет,
На листьях липы мед.
Птиц нежных воздыханье
Несется сквозь листов;
Любовь их, лобызанье
Вьет гнезда для птенцов.
Шиповый запах с луга
Дыхает ночь и день:
Приди ко мне, подруга,
Под благовонну тень.
Приди плениться пенем
Небес, лесов, полей,

Да слухом и виденьем
Вкушу красы твоей.
О! коль мне твой приятный
Любезен тихий вид,
А паче, ароматный
Как вздох ко мне летит.

II

Их переклик
Суламита

Скажи, о друг души моей!
Под коей миртой ты витаешь?
Какой забавит соловей?
Где кедр, под коим почиваешь?

Соломон

Когда не знаешь ты сего,
Пастушка милая, — овечек
Гони ты стада твоего
На двор, что в роще между речек.

Суламита

Скажи какой из всех цветов
Тебе прекрасней, благовонней,
Чтоб не искать меж пастухов
Тебя, — и ты-б был мной довольней.

Соломон

Как в дом войдешь, во всех восторг
Вдохнешь ты там своей красою;
Введет царь деву в свой чертог,
Украсит ризой золотою.

Суламита

Мне всякий дом без друга пуст.
Мой друг прекрасен, млад, умилен:
Как на грудях он розы куст;
Как виноград, он крепок, силен.

Соломон

Моей младой подруги вид
Всех возвышенней жён, прекрасней.

Суламита

Как горлик на меня он зрит, —
В самой невинности всех страстней.

Соломон

Она мила — тенистый верх
И кедр на брачный одр к нам клонит.

Суламита

Он мил — и нам любовь готовит
В траве душистой тьму утех.

III

Суламита (одна)

Сколь милый мой прекрасен!

Там, там вон ходит он:

Лицом — как месяц ясен;

Челом — в зарях Сион.

С главы его струятся

Волн жёлтые волосы;

С венца, как с солнца, зрятся

Блещающи красы.

Сколь милый мой прекрасен!

Взор тих, как голубин;

Как арфы доброгласен;

Как огонь уста; как крин,

Цветут в ланитах розы;

Приятности в чертах,

Как май, прогнав морозы,

Смеются на холмах.

Сколь милый мой прекрасен!

Тимпана звучный гром

Как с гусями согласен,

Так он со мной во всём.

Но где мой друг любезный?

Где сердца моего

Супруг? Вняв глас мой слезный,

Сыщите мне его.

Сколь милый мой прекрасен!

Пошел он в сад цветов.

И вечер уж настаен,

Рвет розы, зная, с кустов.
Ах! нет со мной, — ищите,
Все кличьте вы его,
Мне душу возвратите;
Умру я без него.

IV

Соломон и Суламита (вместе)
Положим на души печать
В сердцах союзом утвердимся;
Друг друга будем обожать;
В любви своей не пременимся.

Хор дев

Любовь сердцам,
Как мед сладка,
Любовь душам
Как смерть крепка.

Соломон и Суламита (вместе)
Лишь ревность нам страшна, ужасна
Как пламя яро ада мрачна.

Хор

Любовь сердцам,
Как мед сладка,
Любовь душам
Как смерть крепка.

Соломон и Суламита (вместе)
Вода не может угасить
Взаимно пламени любви;
Имением нельзя купить
Волненья сладостного крови.

Хор

Любовь сердцам,
Как мед сладка,
Любовь душам
Как смерть крепка.

Соломон и Суламита (вместе)
Лишь ревность нам страшна, ужасна
Как пламя яро ада мрачна.

Хор
Любовь сердцам,
Как мед сладка,
Любовь душам
Как смерть крепка.

А. Пушкин

Вертоград твоей сестры
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые,
Нард, алой, и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закапят ароматы.

В крови горит огонь желанья,
Душа тобою уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

А. Фет, «Из подражания восточному»

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами!
Оглянись: сошла вода,
Зимний дождь не хлещет боле;
На горах опять стада,

И оратай вышел в поле.
Розой ты меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален.
Целый мир пахнул весной,
Тайный жар владеет девой;
Я прильну к твоей десной;
Ты меня обнимешь левой.
Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись — и опочий
У меня между грудями.

Л. Мей, «Еврейские песни»

— Поцелуй же меня, выпей душу до дна...
Сладки перси твои и хмельнее вина;
Запах черных кудрей чище мирры стократ,
Скажут имя твое — пролитой аромат!
Оттого — отроковица
Полюбила я тебя
Царь мой, где твоя ложница?
Я сгорела, любя...
Милый мой, возлюбленный, желанный.
Где, скажи, твой одр благоуханный.

Г. Чулков, «Песнь Песней»

V

Лобзай меня лобзаньем уст твоих,
Не отрывайся жадными губами;
Хочу забвения на миг,
Хочу упиться пьяными плодами.

VI

Я забыла мой сон и покой...
Дайте сладость любовных ночей!
Где возлюбленный мой?
Отвечайте скорей!
Я шаги его слышу во тьме
Я дрожу. Я в огне.

Чу! Стучится он в дверь
Не боюсь отворить я теперь...
— О голубка моя, я пришел!
Отвори, отвори поскорей...
В сердце жадное трепет вошел:
Я хочу твоих ласк и кудрей.

К. Фофанов, «Из книги Песни Песен»

...И лепечет мне кротко любовную речь,
И дрожит как больной в лихорадке.
Он лепечет: «Приди на свиданье ко мне!»

А. Зорин, «Из Песни Песней»

Разметавшись на ложе горячем своем,
Утомившись, забылась я сном.
Ночь в окно ко мне страстно дышала,
И во сне я чего-то все ждала.
От чего-то кружилась моя голова,
С губ слетали призыва слова,
Сердце страстно чего-то хотело
В дрожь бросало горячее тело...

Из всех поэтов, пожалуй, наиболее чист и благочестив Державин. Но и в его стихотворении нет духовного восприятия Соломона и Суламиты. Стихи Пушкина, хотя он и не делает ссылок на Песнь Песней и даже отказался от первоначального объединяющего заголовка «Подражания», восходят все-таки к книге Священного Писания. Явно просматривается связь с двумя первыми стихами Песни Песней и с главой 4 (ст. 12,16). Но в обоих стихотворениях поэта явно чувствуется страстность земной любви. Жаром земной любви веет от стихотворных строк Фета. Тут не до мыслей о Боге. Ну а дальше — больше. В «Еврейских песнях» Мея уже откровенные страсти. Поэты колеблются от прилично-душевного уровня до страстного и неприлично-страстного, как например Чулков. Всех их объединяет полное отсутствие понимания, что это за произведение. Поэтому ни один из них не поднялся выше чувственного, земного толкования священной книги.

Повесть А.И. Куприна «Суламифь»

В этой повести ярко проявился замечательный талант Куприна. В задачу богословского труда не входит давать оценку художественных и литературных достоинств повести. Они велики.

Прочитав последнюю страницу, читатель ощущает себя вернувшимся со Святой Земли, перед его взором все еще стоит царственный Иерусалим, он еще дышит ароматом виноградника, он все еще слышит запах мирра и прочих восточных благовоний и перебирает своими руками сапфиры, смарагды, рубины — все чудные драгоценные камни, подаренные Соломоном своей возлюбленной Суламифи. Читатель долго остается под впечатлением их яркой, прекрасно-возвышенной любви, он внемлет тайнам мироздания, открываемым устами мудрого Соломона, он поражен неотразимой силой, пронизательностью и глубинной правдой суда Соломона и с ужасом содрогается от соучастия в языческой оргии. Все это будто пережито им... А самое главное — душа и сердце познали высокую, прекрасную, как легкий южный ветер в винограднике, единственную на свете любовь. Сердце взволновано этим прекрасным чувством и вместе с одиноко оставшимся в зале суда Соломоном еще нескоро придет в себя...

Но это и все. Больше «Суламифь» Куприна не предложит ничего. Небесного, духовного мира там нет. На единожды заданный Суламифью вопрос, верит ли ее возлюбленный царь вместе с ассирийцами, что души по смерти отлетают на таинственную звезду Сопдит, Соломон не ответил. Не отвечает на этот вопрос и более не задает вопросов о вечном эта повесть. Нет, она мыслит о вечном, но без Бога, без святой Библии... Воспев высоту человеческого чувства, высоту любви мужчины и женщины, выше Александр Куприн не поднялся. Мир Царства Божьего, мир надчувственный, духовный ему не ведом, как и поэтам, которые подступались к Песни Песней. Не увидели русские писатели в Соломоне и Суламифи того, что открылось святым отцам — этим таинникам Божьей премудрости и благодати.

В. Розанов: «Не прейдет и иота...»

В предисловии В. Розанова к книге А. Эфроса «Песнь Песней Соломона» ярко проявляется его поэтическая, тонко чувствующая душа. К святоотеческим толкованиям он не обращается. Вопрос об отношениях мужчины и женщины, проходящий практически через все его творчество, отражается и в этом его комментарии к эфросовской книге.

Чувственную любовь Розанов переносит и на отношения между Богом и человеком: «Таким образом Соломон и Суламифь в дремотных ласках, сливаясь в представлении евреев с мистерией жертвоприношения в храме: но без пролития крови, без боли, в одной сладости жертвоприношения, как некоторая «бескровная жертва» (термин христиан)».

Розанов объясняет талмудическое «осквернение рук» при прикосновении к священным книгам по аналогии с браком. Как после сочетания с женой должно омыться, так иудей после сочетания с Иеговой (супругом Израиля) через священные книги тоже должен омыться. Поэтому о священных книгах иудеи (талмудисты) говорили, что они «оскверняют руки», что они «пахучи», «маслянисты», чего нет у других книг (сравните живые цветы и искусственные).

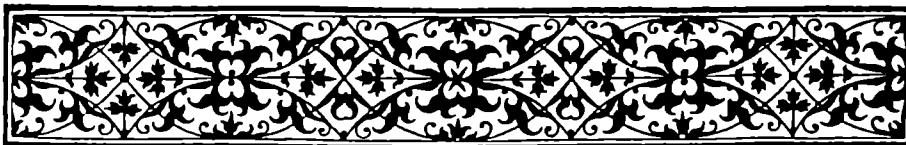
Розанов справедливо отмечает особую роль в книге Песнь Песней ароматов. «Если бывает преимущественно музыкальное, образное, вкусовое восприятие, то здесь в первую очередь обонятельное.

Песнь Песней так и начинается с ароматичности — и никакое другое слово не повторяется в ней так часто, в стольких изгибах, оттенках, разнообразии, как это слово, название, ощущение...

Если бы возможно было произведения человеческого гения или воображения распределить по категориям пяти чувств, сообразно тому, которое из них было господствующим, творящим в данной поэме или рассказе, то Песню Песней без всякого колебания все отнесли бы к редкой, исключительной, немногочисленной группе произведений обонятельных ли, ароматичных ли, — как угодно».

Это «ароматическое свойство» книги Розанов подметил очень точно. Тайнственно-духовное содержание книги он не раскрывает.

ГЛАВА 9

МОЛЕБНЫЙ КАНОН ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Песнь 1*

Ирмос: **Кобылице в колеснице фараоновой** / уподобил Господь Церковь Свою и народ, / ибо в ней погубляет всякую силу вражью, / во святых же прославляется.

Припев: Христе Иисусе, Небесный Жених души моей, прииди и спаси мя.**

Доколе Жених мой будет посылать мне целования чрез Моисея, доколе будет давать мне утешения чрез пророков? **Да лобзает Он меня лобзанием уст Своих.***** Я уже желаю коснуться Его собственных уст; да приидет, да снидет Сам ко мне.

Влеки меня, Иисусе, мы побежим за Тобою — вопиет душа моя, Женише мой возлюбленный! **Миро изливанное имя Твое** и жажду, Иисусе, обонять благоухание его. Как некогда от Марии стекляницу мирра народного принял, прими и слезы моего умиления.

Царь ввел меня в чертоги свои, введи меня в разумение сокровенных тайн Царствия Твоего; будем восхищаться и радоваться Тобою, Царь наш и Бог, ласки любви Твоей больше, нежели вино сладости мира сего.

* Канон составлен протоиереем Геннадием Фастом. Чтение канона может быть рекомендовано перед святым причащением и после него.

** Припев читается перед каждым тропарем песни, кроме начинающихся со слов — «Слава:», «И ныне:»

*** Выделенные слова и выражения являются цитатами из книги Песнь Песней Соломона.

Черна душа моя, ибо во грехах родила меня мать моя и **солнце** зноя греховного **опалило** меня во дни скитаний, когда не ведал я, где **пасешь Ты**, Пастырю мой добрый. Однако, хотя и **черна я, но красива**, ибо искуплена Тобою, Христе, и Твоею благодатию украшена — Ты **ввел** меня в **чертоги** любви Своей.

Слава: **Скажи мне, Ты, Которого любит душа моя: где пасешь Ты**, Пастырю добрый? Где **почиваешь в полдень**, в шестой час, когда на Голгофе солнце лучи свои скрывает, Ты же — грехи мои **омываешь**? **К чему мне быть скиталицею у шатров** суетного мира сего? — душа моя ищет Тебя!

И ныне: **Кобылице в колеснице фараоновой уподобил Тебя**, Дево Пресвятая, Сын Твой и Бог, ибо Тобою погубил силу фараона мысленного и **провел нас** чрез моря греховного пучину ко Отечеству обетованному.

Песнь 3

Ирмос: **Возрадовалось сердце мое о Господе; / вознесся рог мой о Боге моем; / ибо процвел Христос, как Нарцисс Саронский / и прозяб, как лилия долин, / прекраснее сынов человеческих.**

Я Нарцисс Саронский и Лилия долин — восклицает Жених мой и Господь! Ты, Иисусе, воплотившись, **цветешь** посреди греховных **терниев** души моей. Твой терновый венец каплями крови украсился, украшайся и ты, душе моя, **любвию** к Жениху своему Небесному!

Дикими лесными деревьями страстей порос сад души, но посреди — процвел Ты, Иисусе, как **Яблоня**. **В тени ее люблю я сидеть**, где день дышит прохладою, где нет зноя греховного, где **являешься Ты, Создателю мой**. **Сладость плодов** Твоих исцеляет от горечи плода преслушания, некогда мною вкушенного.

На Голгофу грядущий, **взошел Ты**, Иисусе, в дом **пира** Божия, в дом **вина** излиянной крови Своей. Крестное **знамя любви Твоей** надо мною — им **введи** меня в брачный чертог вечери Твоей, **да подкрепишь** меня вином крови Своей и **освежишь яблоком** плоти — сим плодом послушания.

Левая рука Твоя, Господи, наказуя меня за грехи, под главою моею, **а десница** милости и щедрот Твоих **обнимает** меня; я же, **окаянный**, когда воспряну от злых дел моих и **возлюблю Тебя?**

Слава: Един от Святыя Троицы, **плоть приняв, стал Братом** нашим — ныне **уподобися** серне, ибо зришь тайное мое, **уподо-**

бися лани полевой, ибо попираешь змиев на поле души моей. Спеши к нам, **скача по горам и прыгая по холмам**, желая спасти нас.

И ныне: Воскликнул Тебе, Дево, **возлюбленный Жених Твой** устами архангела: **Встань, Возлюбленная Моя, прекрасная Моя, выйди!** Вот зима неведения уже прошла, цветы познания истинного показали; **Голубице Моя**, под кровом утеса Вифлеемской пещеры покажи Мне **лице Твое!** Взываем же и мы: яви нам милость Твою, Богоотроковице чистая!

Седален: Вошел Садовник в сад души моей и возопил: **Ловите нам лисиц и лисинят**, грехи и прегрешенья наши, **которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете**, желая цвести Тебе, Садовниче наш! Не дай лукавому их погубить!

Песнь 4

Ирмос: О Господе возрадуюся, / возвеселюся о Боге, Спасе моем, / — **воззрите на царя Соломона в венце в день обручения, / день радостный для сердца его** / — так и Ты, Христе, венцом терновым Церкви обручился.

На ложе моем ночью искала я Того, Которого любит душа, искала Его и не нашла Его, ибо не ведала Его, во тьме греховной пребывая. Молитвою в ночи искала душа моя Могущего избавить от мглы греха и неверия.

На ложе моем ночью искала слезно в молитве душа моя Того, Которого возлюбила. Восстала от сна греховного и искала и вопрошала стражей Господних: Не видали ли вы Того, Которого любит душа моя?

Когда я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в ночные стражи, то познаю Тебя и на Тебя уповаю, ибо Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь; к Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня (Пс. 62,7-9).

Ночью ищет душа моя Господа и взывает к стражам: Страж! сколько ночи? Страж! сколько ночи? Страж отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если ты действительно спрашиваешь, то обратись и приходи, ибо не всегда будет мрак там, где теперь он огустел (Ис. 21,11-12; 8,22).

Слава: **Пойдите и посмотрите, дочери Сионские, воззрите, души наши, на царя Соломона, на Христа Господа нашего, в венце терновом, которым увенчало Его нечестивых распинателей собра-**

ние — в день обручения Его, когда от крови и воды ребра прободенного стяжал Себе Невесту чисту, Церковь Православную.

И ныне: **Кто сия, восходящая от пустыни, как бы столпы дыма, окуриваемая миррою и фимиамом?** Се Дева грядет от пустыни мира сего, вознося моления наши к Сыну Своему и Богу, предстательствуя за нас.

Песнь 5

Ирмос: Свет Твой воссиял, Господи, / не видимый телесными очами; / **очи** же праведных Твоих голубиные, / видят свет Твой незримый.

Доколе день дышит прохладою, ибо солнце в шестой час лучи сокрыло, и **убегают тени** духов нечистых Распатым изгоняемы, **пойду я на гору мировую**, где испил мирра страдания смертного Спас мой и Господь, и на **холме фимиама** принесу покаяние мое.

Воззрел Иисус на Невесту Свою, Церковь искуплену, и узрел красоту ее: **очи голубиные**, Духом тайны прозревающие; целомудренные **ланита** — как половинки **гранатового яблока**; **сосцы**, молоком Слова алчущих питающие. Но никогда ничего подобного, Иисусе, во мне Ты не узрел — увы мне, грешному!

Святые девы, целомудренно Христу уневестившиеся, **любезны ласки** чистых молений ваших Перводевственнику, они — **много лучше вина**, и **благовоние мастей** дарований ваших **лучше всех ароматов**. Но ничего такого не принесла душа моя — помилуй меня, Господи, осквернившегося.

Поднимись ветер с севера, охлаждающий забвением Бога душу мою, **поднимись!** Унесись! **И принеси с юга**, повеи на сад души моей теплотою Духа — да **полюбятся ароматы** добрых дел и даров благодати.

Слава: Взывали пророки: **Пусть придет Возлюбленный мой** — Превечное Слово — **в сад** пречистой плоти Своей и **вкушает сладкие плоды** Ее совершенства. Вновь отверст райский сад, в него входит разбойник, и слезно молит душа моя: **прииди, Жених**, посети вертоград души моей.

И ныне: **Запертый сад** — **Сестра Моя, Невеста** — вызывает к Тебе, Дево, Жених Твой и Сын. Ибо, не отворив двери, вошел в Тебя Возлюбленный и сотворил живоносный **садовый источник**, **колодезь живых вод**, напояющий жаждущих.

Песнь 6

Ирмос: Море поглотило Иону тридневно в пучине своей, / Ты же, Господи, сошел, как дождь, на руно, / как капли, орошающие землю. / **Глава Твоя вся покрыта росой, / волосы Твои — ночью влагою;** / так изливал Ты пот Свой в ночи Гефсиманской, / как капли крови, падающие на землю.

Явился ночью Жених мой и Бог — **глава Его вся покрыта росой благодати и кудри Его — ночью влагою,** ибо в ночи Божественного Мрака пребывает, так говорил блаженный Дионисий. Сущности Божией не видя, **росы и влаги благодати явлений Его** приобщаемся.

Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот глас моего Возлюбленного, который стучится. Плоть немощна, а дух бодр. Спит и немощствует в скорбях и грехах плоть моя, сердце же и дух — к Тебе, Господи, бодрствуя, о милости вопиют.

Когда стучался Ты, Господи, в сердце мое, не отворил я Тебе, греховно дремотствуя, и вот — **повернулся Ты и ушел,** пусто стало во мне. Слезно ищет Тебя ныне душа моя, ибо уязвлена любовью — где же, Господи, Ты?

Души во мне не стало, когда Он говорил мне. Но во грехах коснея, я искал Его и не находил Его; звал Его и Он не отзывался мне. Слезно ищет душа моя Того, Которого однажды возлюбила.

Слава: **Возлюбленный мой бел и румян.** Бел — как Бог и миру всему Судия. Румян — как плоть, и миру Спаситель кровию Своею обагрился. **Вот кто Возлюбленный мой, и вот кто Друг мой,** Бог и Человек, слава Тебе!

И ныне: Мати Господа, Невесто Невестная! Ты Сына искала, и **изранили** душу Твою стражи-воины, избивая Его осужденного. Оружие прошло душу Твою, когда на горе мирровой держала Ты Сына Своего бездыханного. **Он ушел, а Ты слезно искала Его, израненная; Ты звала Его, а Он не отзывался Тебе.**

Кондак

Стена еси, Дево Богородице, и блаженны сосцы Твои, питавшие Питателя твари — Сына Твоего и Бога нашего. Ты достигла **полноты** у Бога, как херувимов честнейшая, как серафимов славнейшая, как Дочь Отца Небесного, как Матерь Сына Божия, как Духа Святого Невеста Невестная!

Песнь 7

Ирмос: Не отреклись отроки от Бога своего, / не поклонились истуканам; / так и я ныне возопию: / **Я принадлежу Возлюбленному моему, / а Возлюбленный мой — мне, / не попусти мне отречься от Тебя.**

Мой Возлюбленный, Христос Господь, пошел в сад свой, где произросли праведные души, в цветники ароматные, духовно благоухающие, чтобы пасти в садах и собирать лилии непорочных помышлений о Боге своем.

Он пасет между лилиями, а душа моя произрастила терния. Но душа искала Его, и Он обрел ее. Я принадлежу Возлюбленному моему, а Возлюбленный мой — мне, ибо, родившись, Он принял плоть мою, а я, причастившись таинств, плоти Его вкусил.

Говорит душа моя: **Я сошла в ореховый сад, я видела девственные души. Плод их благочестия сокрыт от мира, как плод ореха — сей мир не познает их. И ублажил я сии блаженные души — не знаю, как душа моя влекла меня к колесницам знатных честию девства в народе моем.**

Девственная душа, Христова Невеста! — увидели ее девицы и превознесли ее, царицы и наложницы, и восхвалили ее. Ублажает сию голубицу девства Христова чистую и моя во грехах осквернившаяся душа.

Слава: В саду святых, среди лилий чистоты и орехов благочестия **распустилась истинная виноградная Лоза — Христос Божий Сын. Он — Яблоня животворящая, врачующая, древо жизни, исцеляющее вкусивших от древа преслушания.**

И ныне: **Кто сия, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами? Тобою, Дева-Заря, явился Христос, Правды Солнце. Ты воистину Луна, отражающая Свет Христов в ночи мира сего растленного. Ты, Дева — грозная, как полки со знаменами сопротивникам Сына Твоего и Бога.**

Песнь 8

Ирмос: Взывали к Тебе отроки в печи/ и Ты явился им, как человек подобный Сыну Божию;/ так **прииди, Возлюбленный мой, и побудем в селениях/,** которые в сердцах наших устроил.

Друзьями нарек Ты учеников Своих, Иисусе! Ибо желаешь уже не рабами нас видеть, но любовью соединиться с нами. Посему вопию Тебе, **Друже искренний: Я принадлежу Другу моему, и ко мне желание Его**, чтобы спасти меня.

Прииди, Возлюбленный мой Иисусе, выйдем в поле мира сего, побудем в селах, где обитают люди Твои, **поутру пойдем в виноградник Церкви Твоей и узрю Тебя в сердце моем расцветша**, там я **окажу ласки любви моей Тебе!**

Плоды новые благодати и старые закона сберегла Церковь для Тебя, мой Возлюбленный! Дай и мне, Иисусе, плодоносить во благодати Духа и в послушании заповедям Твоим благое творить.

Душа моя, воззри: **распустилась виноградная лоза, раскрылись почки, расцвели гранатовые яблоки, мандрагоры уже пустили благовоние**, а что принесла ты Жениху своему Господу Иисусу? почему стоишь, как смоковница, бесплодна?

Слава: **Прииди, Возлюбленный мой**, воплотися, Слово Превечное, сойди, Божий Сын — так зывали к Тебе праотцы и пророки. С ними же и Дух и Невеста говорят: **прииди!** Гряди вновь, Иисусе, во Царствии Твоем.

И ныне: **Дщерию именитой** наименовал Тебя Соломон премудрый, ибо бесчисленны имена Твои: Пречистая, Пренепорочная, Приснодева Мария, Богородица и Матерь Божия, Заступница благая, Одигитрия, злых сердец Умягчение, обидимых Утешительница, Царица Небесная, Невеста Невестная!

Песнь 9

Ирмос: **Стена есть девам, Дево Красная, / Ты, будучи мала, возрастала в благодати, / Сына родив и Бога всех, / Ты достигла полноты и совершенства, / херувимов честнейшая и серафимов славнейшая** нареклася.

О, если бы Ты был мне Брат, Иисусе, **взывает душа моя, тогда я, встретив Тебя, оказала бы любовь свою, привела бы Тебя в дом сердца моего**. Но трепещу, окаянный, во грехах моих и вижу Тебя, Судию своего, и страшуся.

Положи меня как печать на сердце Твое, копием прободенное, **как перстень на руку Твою**, ко древу Креста пригвожденную, не отвергни меня, но **введи меня в чертог любви Своей**, душа моя ищет Тебя.

Ибо крепка, как смерть, любовь Твоя, Иисусе, на кресте смерть вкушивший; люта, как преисподняя, ревность Твоя, ибо не потерпел видеть души во мрачных вертепах адовых, лукавым уловленные, но Сам сошел во ад и у похитителя похитил нас, из ада изведя.

Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатства дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением. Все царства мира сего предлагал Тебе, Иисусе, искуситель и был отвергнут Тобою с презрением — не дай и большим водам обольщений и богатств потушить любви моей к Тебе, Спасителю мой!

Слава: **Виноградник был у Соломона в Ваал-Гамоне, что значит «Господь множества». Ты же, Иисусе, воистину Господь множества возлюбивших Тебя и последовавших за Тобою, ныне вопиющих: Тысяча — дней полнота, и деяний, и слез — пусть будет тебе, Соломоне, Царю мира и Господу, и Богу!**

И ныне: **Пречистая Дево, взывает к Тебе ныне Сын Твой и Бог: Жительница садов! Друзья внимают голосу Твоему, дай и Мне послушать его. Тебя славят вся тварь, ангельский собор и человеческий род, и в глазах Моих Ты, как достигшая полноты — говори со Мной, дай услышать голос Твой!**

Христе Иисусе, Небесный Жених души моей, прииди и спаси меня.

Беги, Возлюбленный мой; будь подобен серне или младому оленю на горах бальзамических!

МОЛЕБНЫЙ КАНОН ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Церковнославянская редакция

Песнь 1*

Ирмос: *Конем в колесницах фараоновых / уподоби Господь Церковь Свою и люди, / в ней бо попирает силу вражю / во святых же прославляется.*

Припев: Христе Иисусе, Небесный Женише души моя, прииди и спаси мя.

Доколе Жених мой будет посылати ми целования чрез Моисея? Доколе будет утешати мя чрез пророки? *Да лобжет мя от лобзаний уст Своих.* Уже бо хочу приникнути устом Его, да приидет, да снидет Сам ко мне.

Влецы мя, Иисусе, вслед Тебе в воню мира Твоего течем, — вопиет душа моя, Женише возлюбленне! *Миро излиянное имя Твое* Иисусе, жажду выну обоняти благоухание его. Якоже от Марии алавастр мира нардного приемый, прими и слезы умиления моего.

Введе мя Царь в ложницу Свою, в разумение сокровенных тайн Царствия Своего; возрадуемся и возвеселимся о Тебе, Царю наш и Боже, ласки любви Твоя паче вина сладости мира сего.

Черна есть душа моя, во гресех бо роди мя мати, и *солнце* зноя греховнаго *опали* мя во дни скитаний моих не ведущу ми, *где пасеши*, Пастырю мой добрый. Обаче еще и *черна есмь аз и добра*, искуплена бо Тобою Христе и благодатию Твоею украшена есмь. Ты *введе мя в ложницу* любви Своея.

* Славянская редакция канона выполнена Алексеем Зыряновым (Енисейск).

Слава: *Возвести ми, Егоже возлюби душа моя, где пасеши Ты, Пастырю добрый? Где почиваеши в полудне в шестый час, егда на Голгофе солнце лучи свои скрывает, Ты же — греси моя икупляеши? Да не когда буду яко облагающаяся над стады другов Твоих, душа моя ищет Тя.*

И ныне: *Конем в колесницах фараоновых уподобих Тя, Дево Пресвятая, Сын Твой и Бог наш, яко Тобою попра силу фараона мысленного и проведе нас чрез моря греховного пучину ко Отечеству обетованному.*

Песнь 3

Ирмос: *Возрадовася сердце мое о Господе, / вознесся рог мой о Бозе моем; / процвете бо Христос, яко Цвет польный, / и прозябе якоже Крин удольный, / красен добротою паче сынов человеческих.*

Аз цвет польный и крин удольный — воклицает Жених мой и Господь! Ты, Иисусе, воплотившись цветеши посреди терния греховного души моя. Терновый венец Твой каплями крови украшен — украсися и ты, душе моя, любовью к Жениху твоему Небесному.

Дикими деревьями лесными поросте вертоград души моя, но посреде процвел еси, Иисусе, *яко Яблонь. Под сень его восхотех,* идеже дхнет день, идеже несть зноя греховного, идеже являешися Ты, Создателю мой. *Сладость плодов* Твоих исцеляет от горести плода преслушания, некогда мною вкушенного.

Грядый на Голгофу *вшел* еси Иисусе *в дом пира* Божия, *в дом вина* излианный крове Твоея. Крестное *знамя любви* Твоея *надо мною,* имже мя введи во брачную ложницу вечера Твоея, *да утвердиши мя вином* крове Своея и *освежиши яблоком* плоти — сим плодом послушания.

Шуйца Твоя, Господи, наказуя мя за грехи, *под главою моею,* а *десница* милости и щедрот Твоих — *обимет* мя, аз же окаянный, когда воспряну от злых дел моих и возлюблю Тя?

Слава: Един от Святыя Троицы, плоть прием, стал еси *Братом* нашим — ныне *уподобися серне,* яко зриши тайная моя, *уподобися лани польней,* яко попираеши змиев на поле души моя. Спеши к нам, *скача на горы и прескача на холмы,* желая спасти ны.

И ныне: Возопи Ти, Дево, *возлюбленный Жених* Твой устнами архангела: *Востани, прииди, ближняя Моя, добрая Моя. Се, зима*

неведения *прейде, цвети* познания истинного *явишася на земли; Голубице Моя, в покрове камене* вертепа Вифлеемского *яви ми зрак Твой!* Воззвахом же Ти и мы: яви нам милость Твою, Богоотроковице чистая!

Седален: Вшед Вертоградарь в вертоград души моя и возопи: *Имите нам лисы малыя* — греси и прегрешения наша — *губящия винограды, да винограды наши созревают*, желая цвести Тебе, Вертоградарю наш! Не даждь лукавому погубити я.

Песнь 4

Ирмос: О Господе возрадуюся, / возвеселюся о Бозе Спасе моем / — *видите в цари Соломоне в венце в день обручения, / в день веселия сердца его* / — такожде Христе венцем терновым Церкви обручился еси.

На ложи моем в ночех исках, Егоже возлюби душа моя, исках Его, и не обретох Его, яко не ведех Его, во мраце греховнем сущу ми. В ночех молитвою взыскаше душа моя Могуща избавити мглы греха и неверствия.

На ложи моем в ночех исках слезно в молитве *Егоже возлюби душа моя. Восстах* от дреманий греховных *и исках* и вопрошах *стражи* Господня: *Видесте ли, Егоже возлюби душа моя?*

Аще поминах Тя на постели моей, в ночех поучахся в Тя: яко был еси помощник мой, и в крове крилу Твоею возрадуюся. Прильпе душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя (Пс. 62,7-9).

В ночех ищет душа моя Господа и взывает к стрегущим: стражие, колико нощи? Стражие, колико нощи? Стреγουции рекут: Близ есть утро, еще же ночь. Аще ищещи ищи и у нас обитай, яко не всегда будет мрак, идеже ныне огусте (Ис. 21,11-12; 8,22)

Слава: *Дщери Сиони, изыдите и видите*, воззрите души наша на *царя Соломона, Христа Господа нашего, в венце терновом, имже венча Его мати Его* — злочестивых распинателей собрание — *в день обручения Его*, егда от крови и воды ребра прободенная стяжал есть Себе Невесту чисту, Церковь Православную.

И ныне: Кто Сия восходящая от пустыни, яко стебло дыма, кадящее смирну и ливан? Се Дева грядет от пустыни мира, возносяще моления наша Сыну Своему и Богу, предстательствуя за ны.

Песнь 5

Ирмос: Свет Твой возсия Господи / невидимый телесныма очима; / *очеса* же праведных Твоих *голубине* / видят свет твой незримый.

Дондеже дхнет день, зане солнце лучи своя скры, и подвигнутся сени духов нечистых, Пропятым изгнани, пойду себе к горе смирей, идеже вкуси мира страстей крестных Спас мой и Господь, *на холме ливанском* принесу покаяние мое.

Возре Иисус на Невесту Свою, Церковь искупленну, и увиде красоту ея: *очи голубине*, духом тайная прозревающая, девственные *ланиты, яко обращение шипка; сосца* млекою слова алчущих питающая. Обаче никогдаже сего, Иисусе, во мне не узре — увы ми грешному.

Святые девы, целомудренно Христу уневестившиися, *красна ласки* чистых молений ваших Перводевственнику, *оне паче вина, и воия риз* дарований ваших *паче всех аромат*. Сего ничесоже принесе душа моя — помилуй мя, Господи, осквернивагося.

Востани, севере, охлаждай душу забвением Бога, востани, отиди! *И гряди, юже, и повеи во вертограде* моем теплотою Духа — *и да потекут ароматы* благих деяний и даров благодати.

Слава: Взываху пророцы: *Да снисдет Возлюбленный мой* — Превечное Слово — в *вертоград* Пречистыя Плоти Своея *и да яст плод* совершенств Своих. Паки отверст Едем в негоже вниде злодей благоразумный, и слезно молит душа моя: Прииди, Женише, *посети вертоград души* моя.

И ныне: *Вертоград заключен сестра моя невеста* — вызывает Ти, Дево, Жених Твой и Сын. Се бо не отверзая двери вниде в Тя Возлюбленный и сотвори Живоносный *источник вертограда и кладязь воды живы*, напоаяй жаждущия.

Песнь 6

Ирмос: Море поглотит Иону тридневно в пучине своей, / Ты же, Господи, сшел яко дождь на руно, / яко капля, каплющая на землю. / *Яко главо Твоя наполнися росы / и власи Твои капель noctных.* / Тако изливаешся пот Твой в нощи Гефсиманийстей, / яко капли крови каплюще на землю.

Явился в нощех Жених мой и Бог — *глава Его наполнися росы благодати и власи Его капель noctных.* В нощи Божественного

Мрака пребывает, яко рече блаженный Дионисий. Сущности Его не видяще *росы и капель* благодати явлений Его приобщаемся.

Азъ сплю, а сердце мое бдит: глас Брата моего ударяет в двери: дух убо бодр, плоть же немощна. Дремлет и немощствует в скорбех и гресех плоть моя, внутренняя же и дух к тебе, Господи, о милости вопиют.

Егда ударял еси, Господи, в сердце мое — не отворих Ти, дремотствующе греховно — и се, *прейде* от мене и внутренняя моя опусте. Слезно ищет Тебя ныне душа моя, *уязвлена* бо любовию — где же Ты еси, Господи?

Душа моя изыде в слово Его, егда беседовах со мною. Обаче во гресех коснея *взысках Его, и не обретох Его, звах Его, и не послуша мене*. Слезно ищет душа моя Егоже возлюби.

Слава: *Брат мой бел и чермен. Бел* — яко Бог и миру всему Судия. *Чермен* — якоже Плоть и Спас мира, кровию Своею обагрися. *Сей Брат мой и сей ближний мой*, Бог и Человек, слава Тебе!

И ныне: Мати Господа, Невеста Невестная! Ты искаше Сына и *язвиша* Тя *стражие-воини*. Оружие пройде душу Твою, егда на *горе смирне* прияла еси Сына Своего бездыханна. Он *прейде*, а Ты слезно *взыска Его, уязвлена; Ты звала Его и не послуша Тебе*.

Кондак

Стена еси, Дево Богородице, и блаженны *сосца Твоя* яже ссал Питатель твари Сын Твой и Бог наш. Ты достиже *полноты* у Бога, яко честнейшая Херувим и славнейшая Серафим, яко Дщерь Отца Небеснаго, яко Мати Сына Божия, яко Духа Святаго Невеста Невестная.

Песнь 7

Ирмос: Не отрекошася отроцы Бога своего, / ни поклонишася истуканным; / и такожде возопию: / *аз Брату моему и Брат мой мне*, / не даждь рабу Твоему отрещися от Тебе.

Брат мой возлюбленный, Христос Господь, *сниде в вертоград Свой*, идеже прозябоша души праведных, *в места аромат* духовно благоухающих, *паствити в вертоградех и собирати кринь* непорочных помышлений о Бозе своем.

Брат мой пасый в кринех — душа же моя возрасти терния. Обаче взыска Его душа и Он обрете ю. *Аз Брату моему и Брат мой мне*, яко родися и восприял есть плоть мою, аз же Плоти Его вкусих, таин причастник быв.

Рече душа моя: *В вертоград орехов снидох видети* девственные души. Плоды их благочестия тайны есть миру, яко плоды ореха, и мир не позна я. И ублажих аз сии непорочнии души, *не разуме душа моя, како влече мя к колесницею знатных* честию девства *во языке моем*.

Девственная душа, Христова Невеста! — *видеша ю дщери и ублажиша ю, царицы и наложницы, и восхвалиша ю*. Ублажает сию совершенну голубицу девства Христова и моя душа во гресех осквернившаяся.

Слава: *В вертограде святых в кринех чистоты и орехах благочестия процвете истинный виноград* — Христос Божий Сын. Он — *Яблонь животворящий, врачующий, Древо Жизни, исцеляющее* вкусивших от древа преслушания.

И ныне: *Кто сия, проникающая аки утро, добра яко луна, избранныя, яко солнце, ужас яко вчинены*. Тобою, Дево-Утро, явися Христос, Правды Солнце, Ты еси воистину Луна, во нощи мира сего Свет Христов отражающая. Ты еси Дево — *ужас* противящимся Сыну Твоему и Богу.

Песнь 8

Ирмос: *Взываху к Тебе отроцы в пещи, / Ты же явися яко человек в подобии Сына Божия. / Такожде прииди, Брате мой, и водворимся в селех, / ихже в сердцах наших устроил еси.*

Други нарече ученики Своя Иисусе. Хощеши бо не раби видети ны, но любовию соединитися с нами. Посему вопию Ти, *Друже искренний: Аз Брату Моему и ко мне обращение Его*, во еже спасти мя.

Прииди, Брате мой, Иисусе, и възыдем на село мира, водворимся в селех, идеже обитают люди Твоя, *уралим в виноградник Церкви Твоея и узрю Тя в сердцы моем яко процветша, тамо дам Тебе любовь мою*.

Плоды новии благодати и ветхие закона соблюде Ти Церковь, Брате мой! Дажь же ми Иисусе плодоносити во благодати Духа и творити благая в послушании заповедем Твоим.

Воззри душе моя: *процвете виноград, процветоша, мандрагоры даша воню*, ты же что принесоша Жениху своему Господу Иисусу? Чесо ради стоиши яко смоковница неплодная?

Слава: *Прииди, Брате мой*, воплотися Слово превечное, сними Сыне Божий — взываху Ти праотцы и пророцы. С ними же и дух и невеста глаголют: Прииди! Гряди скоро, Иисусе, во Царствии си.

И ныне: *Дщерю именитой* нарече Тя Соломон премудрый, яко несть числа именам Твоим: Пречистая, Приснодево Марие, Богородице и Мати Божия, Заступнице благая, Одигитрие, обидимых Утешительнице, Царице Небесная, Невесто Невестная.

Песнь 9

Ирмос: *Стена* еси девам, Дево Красная, / *мала* сущи, возрасташе в благодати. / Сына родила еси и Бога всех, / *обрела* еси *полноту* и совершенство / — честнейшая Херувим и славнейшая Серафим наречеся.

Кто даст Тя, Брате мой, Иисусе, взывает душа моя, *обретши Тя вне* okazaх бо Ти любовь свою, *введох бо Тя в дом* сердца моего, но трепещу аз окаянный во гресех моих и вижду Тя, Судию, и страшуся.

Положи ми яко *печать на сердца* Твоем копием прободенном, *яко печать на мышце Твоей* ко древу пригвожденней, не отвержи мя, *но введи мя в ложницу* любве Своея, душа моя ищет Тебя.

Зане крепка яко *смерть любви* Твоя, Иисусе, смерти на кресте вкусивый; *жестока* яко *ад ревность* Твоя, яко не стерпе видети души во мрачных вертепех адовых, лукавым уловленные, но Сам сниде и похити ны у хищника, из ада изводя.

Вода многа не может *угасити* любве, и *реки* не *потопят* ея. *Аще даст муж* все *имение* свое за любовь, *уничижением* *уничжат* его. Всеми царствиями мира искушаше лукавый Тя, Иисусе. Ты же *уничижением* *уничжи* его — не даждь, Господи, *водам многих* обольщений и богатств угасити любовь мою к Тебе, Спасе мой!

Слава: *Виноград бысть Соломону во Вееламоне*, еже есть «Господь множества». Ты же еси, Иисусе, воистину Господь многих возлюбльших Тя и грядущих во след Тебе, ныне же вопиющих: *Тысяща* — дний *полнота* и *деяний* и *слез* — да будет *Соломону* — Царю мира, Господу и Богу.

И ныне: Пречистая дево, взывает ныне Сын Твой и Бог: *Седяй в вертоградех, и друзие внимлющи гласу Твоему: глас Твой внуши Мне.* Тя, Мати Моя, славит всякая тварь, ангельский собор и человеческий род, *во очию моею Ты еси аки обретающая мир — глас Твой внуши Мне!*

Христе Иисусе, Небесный Женише души моя, прииди и спаси мя.

Бежи, Брате мой, и уподобися серне или юнцу еленей на горы ароматов.

Песни канона по содержанию соответствуют восьми главам книги Песнь Песней. Первая песнь — первой главе, третья — второй главе, четвертая песнь — третьей главе, и так далее. Девятая песнь соответствует восьмой главе. Ирмосы по содержанию соответствуют как библейским песням, так и соответствующей главе из Песни Песней Соломона.

Цитируемые из Песни Песней слова и изречения выделены как из славянского перевода, так и синодального русского. Цитаты грамматически (падежи, спряжения и прочее) приведены в согласии с текстом канона. Иногда допускается некий перифраз.

Мне ведом Цветок чудесный
Меж тайных дебрей и скал,
но тот лишь его отыщет,
Кто хорошо искал...

Конец
и
Богу слава!

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Священное Писание

1. Biblia Hebraica, edidit Rud. Kittel professor Lipsiensis, Pars II, Stuttgart, Privileg. Wurttemberg. Bibelanstalt, 1925 (Еврейский текст).
2. Septuaginta. Id est vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Volumen II. Wurttembergische Bibelanstalt Stuttgart, 1935. Hergestellt 1965 in den Werkstätten der wurttembergischen Bibelanstalt (Греческий текст).
3. Biblia sacra Vulgata. Dritte, verbesserte Auflage, 1983. Verkleinerte Ausgabe. 1969 Deutsche Bibelgesellschaft. Gesamtherstellung Biblia-Druck Stuttgart (Латинский текст).
4. Библия сиречь Книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета. Тиснение второе. Синодальная типография, СПб, 1900 г.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Издание Московской Патриархии, М., 1976 г.
6. Макарий, архимандрит, бывший начальник Алтайской духовной миссии. «Песнь Песней, Эклезиаст и Притчи». Перевод. М., 1863 г.
7. Порфирий (Успенский), епископ. «Образцы перевода священных книг Ветхаго Завета с греческого языка». Киев, 1869 г.
8. Эфрос А. «Песнь Песней Соломона». Перевод с древнееврейского и примечания, предисловие В. Розанова, книгоизд-во «Пантеон», СПб, 1909 г.
9. Юнгеров П. «Книги Эклезиаст и Песнь Песней» в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. Казань, 1916 г.
10. Дьяконов И. Песнь Песней, перевод: «Поэзия и проза Древнего Востока». Изд. «Художественная литература», М., 1973 г.
11. Biblia, Das ist die ganze Heilige Schrift. Deutsch durch Dr. Martin Luther, Leipzig, 1847.
12. Die Heilige Schrift, Elberfelder Taschenbibel, aus dem grundtext ubersetzt, 1963, Evangelische Haupt-Bibelgesellschaft zu Berlin.
13. Die Bibel, Deutsche Ausgabe mit den Erläuterungen der Jerusalem Bibel, herausgegeben von Diego Arenhoevel, Alfons Dtlssler, Anton Vogtle. St. Benno-Verlag GMBN Leipzig.

II. Богослужбная литература

14. Октоих. Изд-во Московской Патриархии, М., 1981 г.
15. Миняя, сентябрь-август. Изд-во Московской Патриархии, М., 1978-1989 гг.
16. Триодъ Постная. Московская Патриархия, М., 1974 г.

III. Святоотеческая литература

(Творения святых отцов указаны в алфавитном порядке)

17. Августин блаженный, епископ Иппонийский. Творения. «О граде Божием», чч. 3,4,5,6, изд. второе, Киевская Духовная академия, 1905-1907, 1910 гг.

18. Амвросий, св., епископ Медиоланский. Творения, по вопросу о девстве и браке. Перев. с лат. А. Вознесенский, под ред. проф. Л. Писарева, Изд. Казанской Духовной Академии, Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1901 г.

19. Андрей, св., архиепископ Кесарии Каппадокийской. «Толкование на Апокалипсис». Издание четвертое, М., Типо-литография И. Ефимова, 1901 г.

20. Афанасий Александрийский, св. Краткое обозрение Священного Писания Ветхого и Нового Завета /Синописис/. Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской Духовной Академии на 1841 г., ч. 4, СПб, стр. 370-380.

21. Василий Великий, св., архиепископ Кесарии Капподокийския. Творения, ч. 1, М., 1845 г.

22. Григорий Нисский, св. Творения, ч. 3. «Точное изъяснение Песни Песней Соломона». М., Типография В. Готье, 1862 г.

23. Дионисий Александрийский, св. Творения, в русском переводе свящ. А. Дружинина. Толкование на книгу Песнь Песней 1,4-5 и 8,5. Издание Казанской Духовной Академии, под ред. проф. Л. Писарева, Казань, 1900 г., стр. 177-178.

24. Дионисий Ареопагит, св. «Послание к Тимофею». «Письмо Гаю монаху». «Письмо Дорофею диакону». «Божественные имена». — В книге «Мистическое богословие». Изд. христианской благотворительно-просветительской ассоциации «Путь к истине», Киев, 1991 г.

25. Добротолюбие, тт. 1-5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992 г.

26. Димитрий Ростовский, св. Жития святых, тт. 1-12. М., Синодальная типография, 1904 г.

27. Епифаний Кипрский, св. Творения, ч. 6. Изд. при МДА, М., 1884 г.

28. Ерм, свт. «Пастырь». «Антология. Ранние отцы церкви». Изд. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1988 г.

29. Игнатий Богоносец, св. «Послания», «Ранние отцы церкви». Брюссель. Изд. «Жизнь с Богом», 1988 г.

30. Иероним Стридонский, бл. Творения, ч. 6, «Перевод двух бесед Оригена на книгу Песнь Песней», стр. 137-174. Киев, 1880 г.

31. Иероним Стридонский, бл. Творения, чч. 8-9, «Восемнадцать книг толкований на пророка Исаию». Киев, 1910 и 1911 гг.

32. Иоанн Дамаскин, св. Творения, «Точное изложение православной веры». Изд. И. Л. Тузова, СПб, 1894 г.

33. Иоанн Дамаскин, св. Творения, т. 1, «Третье защитительное слово против отвергающих святыне иконы». Издание С.-Петербургской Духовной Академии, СПб, 1913 г.

34. Иоанн Златоуст, св. Творения, т. 7. Изд. С.-Пб. Духовной Академии, СПб, 1901 г.

35. Иоанн Златоуст, св. Творения, кн. 15, стр. 313-323, «Слово о горлице или о Церкви». Приложение к журн. «Русский паломник». Изд. П. П. Сойкин, 1915 г.

36. Иоанн Лествичник, прп., игумен Синайской горы. «Лествица». Сергиев Посад, 1908 г.

37. Иринеи Лионский, св. «Против ересей». «Ранние отцы церкви». Изд. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1988 г.

38. Киприан Карфагенский, св. Творения, чч. 1-2, 2-е изд. Киев, 1891 г.
39. Кирилл, архиепископ Иерусалимский, св. Творения святых отцев в рус. переводе. Изд. при МДА, т. 25.
40. Макарий Египетский, прп. «Новые духовные беседы», беседы 3-я и 7-я. М., «Интербук», 1990 г.
41. Мефодий Патарский, св., епископ и мученик. Полное собрание его творений, «Пир десяти дев, или о девстве». Изд. И. Л. Тузова, СПб., 1905 г.
42. Ориген. «О началах», Предисловие пресвитера Руфина к книгам пресвитера Оригена. Изд. Казанской Духовной Академии, Казань, 1899 г.
43. Ориген. «О молитве». «Увещание к мученичеству». Творения. Издание 2-е, книгопродавца И. Л. Тузова, СПб., 1897 г.
44. Силуан Афонский, старец. Жизнь и поучения. Православная община, изд. «Воскресение» и «Университетское», М., Ново-Казачье, Минск, 1991 г.
45. Феодорит, епископ Кирский, бл. Толкование на Песнь Песней. Изд. 3-е, Синодальная типография, М., 1855 г.
46. Феофилакт, архиепископ Болгарский, бл. «Благовестник или Толкование на святое Евангелие». Изд. П. П. Сойкина, СПб.

IV. Богословская и светская литература о книге Песнь Песней

47. Алексеев А. «Толкования раввинов на книгу Песнь Песней». Духовная беседа, т. 2, СПб, 1873 г.
48. Арапов Е. «Ростов Великий». Изд. «Советская Россия», М., 1971 г.
49. Баниге В., Перцев Н. «Вологда». Изд. «Искусство», М., 1970 г.
50. Бернард Клервосский. «Правила святой жизни», изложены аввою Бернардом в его беседах со своею сестрой монахиней. Изд. 2-е, книгопродавца И. Л. Тузова, СПб, 1894 г.
51. Бернард Клервосский. «Умилительная Песнь о сладчайшем имени Иисуса». М., 1784 г.
52. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с приложениями. Второе издание, изд. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1983 г.
53. Болховитинов. «Мнение о книге Песни Песней», в Чтен. в Общ. Люб. Дух. Просв., т. 1, 1878 г.
54. Брандт Б. «Священный роман» (о книге Коссовича, 1879). Статья в «Восходе», VII, 1866 г.
55. Брюсова В. Г. «Ипатьевский монастырь». Изд. «Искусство», М., 1982 г.
56. Брюсова В. Г. Фрески Ярославля (XVII - начало XVIII века). Изд. «Искусство», М., 1983 г.
57. Брюсова В. Г. «Русская живопись 17 века». Изд. «Искусство», М., 1984 г.
58. Бухарев А. «Печаль и радость по слову Божию», очерки свящ. книги «Плача Иеремии и Песни Песней». 1865 г.
59. Воейкова И. Н., Митрофанов В. П. «Ярославль». Изд. «Аврора», Ленинград, 1973 г.
60. Воронин Н. «Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский». Изд. «Искусство», 1974 г.

61. «Воскресное чтение», журнал изд. при Киевской Духовной Академии, год V, Киев, 1841 г., стр. 159-160.
62. «Воскресное чтение», журнал изд. при Киевской Духовной Академии, год VII, Киев, 1843 г., стр. 64.
63. Выголов В. П. «Ярославль». Изд. «Советская Россия», М., 1985 г.
64. «Град-Китеж», № 3. М., 1991 г.
65. Десятников В. «Переславль-Залесский». Изд. «Советская Россия», М., 1975 г.
66. «Еврейская энциклопедия». Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем, под общей редакцией д-ра Л. Каценельсона. Изд. Общества для Научных Еврейских Изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон, СПб.
67. «Изборник. Повести Древней Руси». «Художественная литература», М., 1987 г.
68. Куприн А. И. Сочинения в двух томах, т. 1, «Суламифь». М., «Художественная литература», 1980 г.
69. Лопухин А. «Библейская история при свете новейших исследований и открытий. Ветхий Завет», 1890 г.
70. Лопухин А. П. «Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета», издание преемников А. П. Лопухина, т. V, Петербург, 1908 г., Книга Песнь Песней Соломона, стр. 37-75, комментарий А. Глаголева. Петербург, 1908 г.
71. Мейендорф Иоанн, протоиерей. «Введение в свято-отеческое богословие», изд. второе. Изд. «Религиозные книги для России», Нью-Йорк, 1985 г.
72. Библейская энциклопедия, иллюстрированная полная популярная, в 4-х выпусках. Труд и издание архимандрита Никифора, М., 1891 г.
73. Овчинникова Е. С. «Церковь Троицы в Никитниках». Изд. «Искусство», М., 1970 г.
74. Олесницкий А. А. «Книга Песнь Песней и ее новейшие критики». Изд. «Труды Киевской Духовной Академии», Киев, 1881-1882 гг.
75. «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», четвертое издание. Сергиевское подворье, 1948 г.
76. Покровский Н. В., проф. «Очерки памятников христианского искусства и иконографии», третье пересмотренное издание. Синодальная типография, СПб., 1910 г.
77. Поселянин Е. «Русские подвижники 19-го и 20-го века», изд. 3-е. Изд. И. Л. Тузова, СПб., 1910 г.
78. Рижский М. И. «История переводов Библии в России». Изд. «Наука», Сибирское отделение, Новосибирск, 1978 г.
79. Сендерленд. «Священные книги Ветхаго и Новаго Завета; их происхождение, развитие и характер». 1907 г.
80. Сергиев Н. «Несколько слов о книге Песни Песней». Православное Обозрение, X, 1863 г.
81. Сиделин А. Курсовое сочинение «Историко-экзегетический анализ книги Песнь Песней». Троице-Сергиева Лавра, г. Загорск, 1974-1975 гг.
82. «Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы», изд. восьмое. Издание Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, М., 1904 г.

83. Талмуд, Мишна и Тосефта, критический перевод Н.Переферковича, т. VI, кн. 11-12. Изд. П. П. Сойкина, СПб., 1904 г.
84. Тереза Авильская. «Размышления о Песни Песней». Символ, декабрь 1985 г., № 14, стр. 129-168, Париж.
85. «Толкование на книгу Песнь Песней». Символ, декабрь 1985 г., № 14, стр. 121-128, Париж.
86. Феофан (Прокопович), архиепископ Великого Новгорода и Великих Лук. «Разсуждение о книзе Соломоновой нарицаемой Песнь Песней», 2-е изд., М., 1784 г.
87. Флоренский П. А., свящ. «Столп и утверждение истины». Изд. «Правда», М., 1990 г.
88. Христианское чтение, ч. III, 1821 г., «В каком смысле должно разуметь книгу Песнь Песней и что она в себе содержит».
89. «Учительный характер книги Песнь Песней», в Чтен. в Общ. Люб. Дух. Просв., т. 1, 1878 г.
90. «Энциклопедический словарь». Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (С.-Петербург), СПб.
91. Эразм Роттердамский. Философские произведения. «Послание к Деметриаде» Пелагия. Изд. «Наука», М., 1987 г.
92. Юнгеров П. Общее историко-критическое введение в свящ. ветхозаветные книги, 1902 г.
93. Якимов И. С. «О происхождении книги Песнь Песней». Христианское чтение, 1887 г., № 5-6, стр. 469-507, СПб.

V. Хронологический перечень экзегетической (в основном немецкой) литературы библейской критики по книге Песнь Песней Соломона (XIX век)

94. Anton. «Solomonis carmen melicum», 1800.
95. Hug. «Das hohe Lied in einer noer unversuchter Deutung», 1813.
96. Hug. «Schutzschrift fur meine Deutung des hohen Liedes», 1816.
97. Umbreit. «Lied der Liebe, das alteste aus dem Morgenlande», 1820.
98. Eichhorn. «Historisch-kritische Einleitung in das Alte Testament», 1824.
99. Kaiser. «Das Hohe Lied», 1825.
100. Ewald. «Das Hohe Lied Salomo's», 1826.
101. Hartmann. «Ueber Charakter u. Auslegung des Hohen Liedes», 1829.
102. Dorke. «Philologisch-kritisches Commentar zum hohen Lied Salomo's», 1829.
103. Cunitz. «Histoire critique de l'interpretation du Cantique des Cantiques», 1834.
104. Rebenstein. «Das Lied der Lieder», 1834.
105. Ewald. «Die Dichter des alten Bundes», 1839.
106. Hofmann Z. «Weissagung u. Erfullung», I, 1841-44.
107. Magnus. «Kritische Bearbeitung u. Erklarung des hohen Lied's Salomo's», 1842.
108. Boetcher. «Die altesten Buhnendichtungen», 1850.
109. Delitzsch. «Das Hohe Lied», 1851.
110. Lossner. «Salomo u. Sulamith», 1851.
111. Hahn. «Das hohe Lied Salomo», 1852.
112. Hengstenberg. «Das hohe Lied Salomonis», 1853.

113. Blaubach. «Das hohe Lied», 1855.
114. Fridrich. «Canticoruni Solomonis poetica forma», 1855.
115. Hitzig. «Exegetisch. Handbuch», XVI Lief., 1855.
116. Meier. «Geschichte der poet. national Literatur der Hebraer», 1856.
117. Mac Person. «Cantici Canticorum structura architectonica», 1857.
118. Reville. статья в «Revue de Theologie», mai 1857.
119. Bunsen. «Vollstandiges Bibelwerk fur Gemeinde», VI, 1858-70.
120. Waingige. «Der Prediger u. das Hohelied», 1858.
121. Weissbach. «Das Hohelied Salomo's», 1858.
122. Renan. «Le cantique des cantiques», 2-me ed. 1861.
123. Boetcher. «Aehrelese», III, Abth. 1865.
124. Zunz. «Literaturgeschichte der synogogalen Poesic», 1865-67.
125. Sanders. «Das Hohelied Salomonis», 1866.
126. Furst. «Geschicht der Bibl. Liter. und des judisch-hellenistischen Schrifttums, 1867-70.
127. Neldecke. «Die alttestam. Literatur», 1868.
128. Dr. Otto Zockler. «Das Hohe Lied u. der Prediger, theologisch-homiletisch bearbeitet», Bibelwerk. J.P. Lange, Bielefeld u. Leipzig, 1868.
129. Noack. «Das hohe Lied in seinem geschichtlichen u. Landschaftlichen Hintergrunde», 1869.
130. Gratz. «Schir ha Schirim, oder das Salomonische Hohelied», 1871.
131. Erstein. статья в «The Jsraelite» (критика Грецца), 1872.
132. Altschue. «Der Geist des hohen Liedes», 1874.
133. Keil u. Delitzsch. «Hohelied u. Koheleth», 1875.
134. Hufnagel. «Repertorium fur bibl. u. morgenland. Liter», XVII, 1875.
135. Pailus. «Repertorium fur bibl. u. morgenland. Liter», 1875.
136. Schefer. «Das hohe Lied», 1876.
137. Eichorn. «Repertorium fur bibl. u. morgenland. Liter.», 1877-86.
138. Veit. «Kohelet u. Hoheslied», 1878.
139. Kaempf. «Das Hohelied», 1879.
140. Kossowitsch (Коссович, изд. в СПб.). Canticum Canticorum, 1879.
141. Raabe. «Das Buch Ruth u. das hohe Lied im Urtext, nach neuster Kenntniss der Sprache behandelt», 1879.
142. Bruston. Статья в «Revue chretienne», кн. 8 и 9, 1880.
143. Некоторые новости немецк. экзегетич. литерат. (о книге Песнь Песней, соч. Kaempf'a, 1879) в «Чтениях в Общ. Люб. Духов. Просв.», IV, 1880.
144. Gessner. «Das hohe Lied Salomonis», 1881.
145. Карпелес Густав. «История еврейской литературы», перев. под ред. А. Гаркави, т. 1, 1896 г.

Сведения об авторе.

Протоиерей Геннадий Фаст. Родился в 1954 году в ссылке — в селе Чумаково Новосибирской области. Выпускник физического факультета Томского университета, выпускник Московской Духовной Академии, кандидат богословия, благочинный православных церквей Енисейского округа, настоятель Успенского храма г. Енисейска. Автор книг, выпущенных красноярским издательством «Енисейский благовест», «Ты воскресни, птица Феникс!», «Енисейск православный», «Свет и тени Голгофы», «Небесная лестница», «Семь дней на Святой Земле». Живет в Енисейске (Красноярский край).

Монография издана на средства, выделенные АО «Ново-енисейский лесохимический комплекс». Генеральный директор — Виктор Владимирович Шелепков.

Издательство «Енисейский благовест» благодарит художника Татьяну Белову (Красноярск) за консультации по художественному оформлению книги.

Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас!

Красноярское православное издательство
«ЕНИСЕЙСКИЙ БЛАГОВЕСТ»

**Протоиерей
Геннадий Фаст**

**ТОЛКОВАНИЕ НА КНИГУ
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА**

**Издательство «Енисейский благовест»
660099, Красноярск-99, абон. ящик 2435**

**Издательский совет:
Людмила Винская
Валентина Майстренко
Игорь Миндалёв**

**Подписано в печать 12. 09. 2000 г. Формат 70/90/16.
Усл.-печ. л. 80. 83. Тираж 1000 экз.
Заказ № 41.**

**Отпечатано на производственно-издательском комбинате «Офсет».
660049, г. Красноярск, ул. Республики, 51.
Тел. (3912) 23-36-81. E-mail: marketing@offset.krsn.ru**